

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МУЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

С. А. КРАВЧЕНКО

СОЦИОЛОГИЯ. КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

*Допущено Министерством образования Российской
Федерации в качестве учебника для студентов высших
учебных заведений, обучающихся по специальности
020300 «Социология»*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2014

УДК 316
ББК 60.5я7
С69

Автор:

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Рецензенты:

Гофман А. Б. — доктор социологических наук, профессор;

Зарубина Н. Н. — доктор философских наук, профессор.

Кравченко, С. А.

С69 Социология. Классические теории через призму социологического воображения : учебник / С. А. Кравченко. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 631 с. — Серия : Бакалавр. Углубленный курс.

ISBN 978-5-9916-3249-2

Автор в концентрированной форме излагает суть творчества ведущих представителей мировой социологической мысли, начиная от основания социологии О. Контом и заканчивая эпохой конца «больших» теории, ассоциируемой с именем Т. Парсонса. Особое внимание уделено тому, чтобы у читателя сложилось целостное представление о динамике социологической науки, обусловленной ускоряющимися, а главное усложняющимся развитием социума.

Изложение социологического знания осуществляется через призму сравнения не только теоретико-методологического инструментария, но и особенностей социологического мышления и социологического воображения рассматриваемых ученых, что апеллирует к активной позиции студента, предполагает развитие творчески-критического отношения к социальному знанию. Практическая польза от подобной подачи материала заключается в ориентации читателей на комплексное и одновременно избирательное использование различных теорий, их методологического инструментария, учит на этой основе принятию более гибких жизненных, политических и управленческих решений.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Учебник рассчитан на студентов, аспирантов и преподавателей, а также всех, кто интересуется проблемами развития социального знания, его валидности в контексте усложняющихся процессов социальной и культурной динамики.

УДК 316
ББК 60.5я73

© Кравченко С. А., 2013

© ООО «Издательство Юрайт», 2014

ISBN 978-5-9916-3249-2

Оглавление

Введение.....	9
Глава 1. Возникновение социологии как науки	13
1.1. Здравый смысл и социология	13
1.2. Исторические и научные предпосылки возникновения социологии	18
1.3. Место социологии среди других наук об обществе.....	24
<i>Основные термины и выражения.....</i>	<i>29</i>
<i>Семинар «Исторические и научные предпосылки возникновения социологии»</i>	<i>30</i>
<i>Литература.....</i>	<i>30</i>
Глава 2. Социологическая теория и социологическое воображение	32
2.1. Социология как наука, её структура.....	33
2.2. Социологические парадигмы	39
2.3. Ч. Р. Миллс: обоснование социологического воображения.....	52
2.4. Единство социологического мышления, теоретизирования и воображения.....	64
<i>Основные термины и выражения.....</i>	<i>75</i>
<i>Вопросы на развитие социологического воображения.....</i>	<i>76</i>
<i>Дискуссия «Всемирная культура инновационного мышления».....</i>	<i>77</i>
<i>Литература.....</i>	<i>77</i>
Глава 3. Зарождение позитивистской метапарадигмы	78
3.1. О. Конт: обоснование «объективных» законов общественного развития.....	78
3.2. Г. Спенсер: структурно-функциональная эволюция общества	87
3.3. Х. Мартино: «прародительница» социологии, феминистская социальная критика	105
<i>Основные термины и выражения.....</i>	<i>111</i>
<i>Вопросы на развитие социологического воображения.....</i>	<i>112</i>
<i>Семинар «Теоретико-методологический инструментарий позитивистской социологии»</i>	<i>113</i>
<i>Литература.....</i>	<i>113</i>

Глава 4. Первые российские социологи: поиски факторов общественного прогресса	115
4.1. Интеллектуальный контекст социологии в России XIX — начала XX веков.	115
4.2. Н. К. Михайловский: обоснование субъективной социологии	125
4.3. Л. И. Петражицкий: создание эмоциональной социологии	134
4.4. М. М. Ковалевский: многофакторный подход к анализу общества	142
4.5. П. А. Кропоткин: взаимная помощь как принцип организации общественной жизни	149
4.6. А. С. Звоницкая: исследование социальных связей	155
<i>Основные термины и выражения</i>	157
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	158
<i>Круглый стол «Общественный прогресс: его видение вчера и сегодня»</i>	159
<i>Литература</i>	160
Глава 5. Структурный функционализм Э. Дюркгейма ...	162
5.1. Институционализация социологии	164
5.2. Динамика ценностей и идеалов: взаимодействие идеального и реального	169
5.3. Влияние разделения труда на общественное развитие	172
5.4. Анормальное разделение труда	175
5.5. Применение принципов «социологизма» к исследованию права: кейс-стади	180
<i>Основные термины и выражения</i>	187
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	189
<i>Семинар «Социологизм Э. Дюркгейма»</i>	190
<i>Литература</i>	191
Глава 6. Диалектико-материалистическая социология К. Маркса и Ф. Энгельса	192
6.1. Концепция отчуждения	194
6.2. Диалектико-материалистическая социология, её предмет и методы	200
6.3. Противоречия и конфликты	213
6.4. Власть, обращенная к человеку: кейс-стади	218
<i>Основные термины и выражения</i>	221
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	223
<i>Семинар «Марксистская социология»</i>	223
<i>Литература</i>	223

Глава 7. Марксистская социология после К. Маркса (конец XIX — начало XX века)	225
7.1. Г. В. Плеханов: детерминированность субъективности материальными факторами	225
7.2. В. И. Ленин: применение марксистского подхода к анализу империализма	228
7.3. Д. Лукач: сознание, способствующее активному созиданию	236
7.4. А. Грамши: диалектика субъективного и объективного факторов	238
7.5. Ш. Гилман: феминистский подход к «сексо-экономическому порядку»	241
<i>Основные термины и выражения</i>	247
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	248
<i>Семинар «Постмарксистская социология (конец XIX — начало XX века)»</i>	249
<i>Литература</i>	249
Глава 8. «Понимающая» социология М. Вебера: зарождение интерпретивной метапарадигмы	251
8.1. Идеино-теоретические предпосылки становления веберовской интерпретивной парадигмы	255
8.2. Предмет и методы «понимающей» социологии	257
8.3. Рациональность и иррациональность	275
8.4. Перспективы рационализации власти в России: кейс-стади	289
<i>Основные термины и выражения</i>	293
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	295
<i>Семинар «М. Вебер — основоположник “понимающей” социологии»</i>	295
<i>Литература</i>	296
Глава 9. Формально-релятивистская социология Г. Зиммеля	298
9.1. Теоретико-методологические основания	299
9.2. Социальное взаимодействие	310
9.3. Социология культуры	323
<i>Основные термины и выражения</i>	327
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	329
<i>Дискуссия «Российское общество через призму инновационной социологии Г. Зиммеля»</i>	330
<i>Литература</i>	330
Глава 10. Социальный психоанализ З. Фрейда	332
10.1. Структура личности, её социальные действия	333

10.2. Масса: коллективное бессознательное	346
10.3. Роль культуры в человеческих отношениях	355
10.4. Инфантильное и интеллектуализированное поведение ...	359
10.5. Социальный психоанализ о роли бессознательного и деструктивных факторов в политике: кейс-стади.....	362
<i>Основные термины и выражения</i>	366
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	367
<i>Семинар «З. Фрейд: единство разума и страсти в деятельности людей»</i>	368
<i>Литература</i>	368
Глава 11. Символический интеракционизм	
Дж. Мида, Ч. Кули и Г. Блумера	370
11.1. Дж. Мид — основоположник парадигмы символического интеракционизма.....	370
11.2. Чарльз Кули: создание теории «зеркального Я»	387
11.3. Г. Блумер: символы и коллективное поведение	396
<i>Основные термины и выражения</i>	407
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	410
<i>Семинар «Теоретико-методологический инструментарий символического интеракционизма»</i>	410
<i>Литература</i>	411
Глава 12. А. Шютц — основоположник	
феноменологической социологии	413
12.1. Идеино-теоретические истоки	415
12.2. Феноменологическая парадигма: предмет и методы.....	416
12.3. Концепция дома.....	424
12.4. «Мы» и «Они» в российском обществе: кейс-стади	429
<i>Основные термины и выражения</i>	433
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	434
<i>Семинар «Феноменологическая социология А. Шютца»</i>	435
<i>Литература</i>	435
Глава 13. К. Маннгейм: институционализация	
социологии знания	438
13.1. Предмет и методы социологии знания.....	439
13.2. Идеология и утопия	448
13.3. Новые подходы к рациональности.....	450
13.4. Социальная технология	453
<i>Основные термины и выражения</i>	460
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	462
<i>Семинар «К. Маннгейм: социология знания»</i>	462
<i>Литература</i>	463

Глава 14. Теории социального обмена	464
14.1. Б. Скиннер: формирование теоретико- эмпирических оснований теории социального обмена.....	464
14.2. Дж. Хоманс: психологические подходы к социальному обмену	474
14.3. П. Блау: применение теории социального обмена к формальным организациям.....	479
<i>Основные термины и выражения</i>	485
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	487
<i>Семинар «Идеи об управлении поведением: теории социального обмена»</i>	488
<i>Литература</i>	488
Глава 15. Социология П. Сорокина: зарождение	
интегральной метапарадигмы	490
15.1. Человек как «удивительное интегральное существо»	492
15.2. Социокультурные суперсистемы и флуктуация обществ	501
15.3. Социальная стратификация и мобильность, теоремы флуктуации.....	505
15.4. Социология революции	512
Закон социального иллюзионизма.....	514
Факторы, определяющие характер власти	516
«Биологизирующая» роль революции.....	517
15.5. Природа кризисов человеческой цивилизации.....	519
15.6. Реформирование общества в условиях кризиса	524
<i>Основные термины и выражения</i>	526
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	528
<i>Круглый стол «Интегральная социология П. А. Сорокина и российская современность»</i>	529
<i>Литература</i>	529
Глава 16. Т. Парсонс: создание структурно- функциональной теории на основе интегрального	
подхода	531
16.1. Теория социального действия	533
16.2. Теория социальной системы	543
16.3. Общественный порядок и факторы, его обеспечивающие: кейс-стади	550
<i>Основные термины и выражения</i>	555
<i>Вопросы на развитие социологического воображения</i>	557
<i>Семинар «Структурно-функциональная теория Т. Парсонса»</i>	558
<i>Литература</i>	558

Учебно-тематический план курса «Классические социологические теории через призму социологического воображения»	561
Примерная тематика письменных работ	563
Литература	568
Энциклопедии, словари, информационно-справочная социологическая литература	585
Основные термины и выражения по курсу.....	595
Именной указатель.....	623

Введение

Выпуск каждого последующего издания учебника накладывает на его автора задачу, как оптимального учета положительного предшествующего отечественного и зарубежного опыта, так и внесение изменений в подачу собственного материала с целью оптимизации учебного процесса.

В чем же главное своеобразие настоящего учебника?

Во-первых, автор видит свою задачу в том, чтобы в концентрированной форме изложить суть творчества ведущих представителей мировой социологической мысли, начиная от становления социологии и заканчивая постмодерном (представлено пять поколений социологической теории), с тем, чтобы у читателя сложилось целостное представление о *динамике социологической науки, обусловленной ускоряющимся, а главное усложняющимся развитием социума.*

Во-вторых, изложение социологического знания осуществляется через призму *политеоретической интерпретации*, что апеллирует к активной позиции студента, предполагает развитие творчески-критического отношения к социологическим теориям, их методологическому инструментарию. Практическая польза от подобной подачи материала заключается в ориентации читателей на комплексное и одновременно избирательное использование различных теорий, их методологического инструментария, учит на этой основе принятию более гибких жизненных, политических и управленческих решений.

В-третьих, весьма важным является включение *феминистских теорий*, до сих пор незаслуженно умяляющихся в наших учебниках. Доказано, что у женщин иной взгляд на окружающий мир, зачастую отличный от мужского. Он обязательно должен быть представлен. Отрадно, что сейчас изменяется положение дел¹.

¹ Култыгин, В. П. Феминизм в современной социологической теории. М. : ИСПИ РАН, 2005.

В-четвертых, автор исходит из того, что социология — это наука не о конкретном обществе и не об обществе в целом, а об *обществах*, проживающих в них *социальных типах людей, характере их культуры, традициях, особенностях сознания и социальных действиях*. В связи с этим теоретический материал излагается, прежде всего, в контексте практического сравнительного анализа реалий современного российского и других обществ.

В-пятых, автор не мыслит теоретическую социологию без *социологического воображения*, в котором сливаются воедино наука и «искусство не доверять» обычному видению мира. Реальная полезность социологического воображения состоит в том, что оно развивает особую функцию разума — видеть *латентные* аспекты социальных явлений, проникать в сущность окружающих реалий, постигать их оборотную сторону и различные грани.

В-шестых, в настоящем издании показывается, по каким проблемам ведущие социологи *вели споры*, за что и с каких позиций *критиковали друг друга*, ради чего некоторые из них были готовы заниматься политической деятельностью. Такая картина *жизненной социологии* даст читателю более углубленное представление о многогранности и противоречивости творческого наследия прошлого, его влияния на развитие современной социологической мысли.

В-седьмых, учебник содержит *выдержки из произведений ученых*. Они помогут читателю прикинуть в стиль мышления авторов приведенных работ, позволят понять особенности их социологического воображения. При этом специальные вопросы, нацеленные на развитие социологического воображения, не только дают пищу для ума, творческих дискуссий, но и *стимулируют студентов к полному прочтению произведений* через поиск и нахождение конкретной авторской мысли. Заинтересованный читатель сможет сделать это достаточно легко: даются отсылки на все источники текстов социологов.

В-восьмых, учебник имеет *характер справочника*. В нем *систематизирована основная социологическая лексика*, что способствует восприятию социологии как строгой и точной науки. В конце каждой темы приводятся необходимые для усвоения термины и выражения. Если у читателя есть сомнения относительно знания конкретного термина, он может воспользоваться и иными справочными изданиями автора:

— *Кравченко С. А.* Словарь новейшей социологической лексики (с английскими эквивалентами). М. : МГИМО-Университет, 2011;

— *Кравченко С. А.* Социологический толковый англо-русский словарь. М. : МГИМО-Университет, 2012;

— *Кравченко С. А.* Большой толковый русско-английский социологический словарь. М. : МГИМО-Университет, 2013.

Среди ранее изданных словарей:

— *Кравченко С. А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. Более 10 000 словарных статей. М. : Астрель-АСТ-Транзиткнига, 2004;

— *Кравченко С. А.* Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей. М. : Руссо, 2002.

Справочный характер учебника проявляется и в наличии *предметно-тематического и именного указателей*.

В-девятых, автор знакомит студентов с *новейшим социологическим знанием* — наработками современных социологов, содержащихся в материалах международных и отечественных социологических конгрессов, симпозиумов и конференций. Некоторые источники впервые вводятся в научный и учебный оборот.

Наконец, в-десятых, автор, ратуя за видение социологии как науки и искусства, стремился проявить и *свое социологическое воображение* как в ходе раскрытия общепризнанных социологических теорий, так и предлагая основы новой парадигмы постмодернистского толка — *играизации общества*, над которой он работает в последнее время.

Учебник предполагает проведение занятий в форме лекций, семинаров и круглых столов. Автор считает, что сделанный акцент на развитии социологического воображения, позволяет провести экзамен по курсу в форме конференции, предполагающей индивидуальную презентацию студентом проекта-исследования, которое бы демонстрировало знания разных парадигм, возможности применения их теоретико-методологического инструментария в прикладном плане, а также умение мыслить социологически.

Учебник ориентирован на программу для бакалавров.

Её основными *целями* являются: усвоение студентами комплекса знаний по классическим и новейшим социологическим теориям, с акцентом на практическую полезность научных разработок зарубежных и отечественных ученых; овладение основными категориями социологической науки

и умением применять их для анализа усложняющейся динамики социальных, культурных и коммуникативных процессов.

Задачи курса:

- дать комплекс знаний по истории социологии, познакомиться с основными социологическими теориями и научными парадигмами;

- научить применять социологические теории и парадигмы для анализа реальных социальных процессов в контексте международных отношений;

- научить применять социологические теории и парадигмы для постановки проблем и выдвижения гипотез при проведении социологических исследований.

В результате изучения дисциплины студенты должны:

- *знать* основные классические и современные социологические теории и школы; тенденции протекания комплексных социальных процессов и механизмы функционирования социальных общностей; тенденции социальных процессов, основные подходы к их изучению, а также особенности их применения в России;

- *уметь* производить, отбирать, обрабатывать и анализировать данные о социальных процессах и социальных общностях; оценивать качество — валидность и надежность — социологической информации;

- *владеть* способностью использования фундаментальных социологических знаний на практике; навыками получения профессиональной информации из различных типов источников, включая Интернет и зарубежную литературу.

У автора есть планы по дальнейшей работе над учебником в контексте заявленного подхода — ориентация на усвоение знания через призму социологического воображения. Поэтому он будет признателен за критические замечания по данному учебнику и высказанные соображения и пожелания на будущее.

Обсудить все вопросы учебно-методического характера, а также высказать предложения можно по адресу: 119454, Москва, пр. Вернадского, дом 76, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет), кафедра социологии. Тел.: 434-94-26; E-mail: sociol7@yandex.ru

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

Мы все живем в обществе и убеждены, что его хорошо знаем. Многие полагают, что достаточно руководствоваться здравым смыслом, чтобы объяснить то или иное общественное явление, предвидеть возможный ход развития событий, мудро относиться к несовершенствам социальных реалий и жизненным коллизиям. Но можно ли полагаться только на здравый смысл, чтобы понять происходящие в обществе процессы, тем более при выборе стратегических жизненных ориентиров, непосредственно затрагивающих будущее миллионов людей? Как же соотносятся научные социологические представления со здравым смыслом?

1.1. Здравый смысл и социология

Старшее поколение россиян прекрасно помнит то время, когда так хотелось ликвидировать «железный занавес», открыть миру весьма закрытое советское общество, и, конечно, самим побывать в открытом обществе, которое мыслилось как «Эльдорадо». Для многих открытость общества казалась высшей человеческой ценностью, пределом мечтаний. Через призму того здравого смысла россияне оценивали высказывания и дела своих руководителей, разделяя их на «друзей» и «врагов» открытости, «демократов» и «консерваторов». Тому в определенной мере способствовала и книга известного австро-английского философа и социолога Карла Поппера «Открытое общество и его враги», вышедшая в свет в 1992 году.

С тех пор Россия превратилась в действительно открытое общество и уже независимо от нашего желания движется к еще большей открытости. Однако этот процесс уже вызывает не только восторг, но и порождает *социальные страхи*.

Их почти никто не предвидел. Подвел романтизм завышенных ожиданий, содержащихся в здравом смысле.

Социологи же знают, что современные социальные процессы, *сложные* по своей сути, *не* могут иметь однозначно позитивную направленность, нести людям только блага и удовольствия. Соответственно, они ориентируют политиков, принимающих судьбоносные решения, на учет *амбивалентностей*, возможных *ненамеренных* и *непредвиденных последствий* деятельности людей. Одним из первых социологическую интерпретацию непредвиденных последствий дал американский социолог Роберт Мертон¹.

Так, очевидная амбивалентность последствий движения к открытости — это возникший симбиоз *миксофилии* (стремления к увеличивающемуся многообразию ценностей и форм жизнедеятельности) и *миксофобии* (страх перед многообразием стилей жизни, новым знанием).

Для миксофилии есть веские и объективные, и субъективные основания. Это — новые возможности социальной мобильности, получения образования за рубежом, взаимные обогащения культур и экономик, преимущества совместного бизнеса с международными компаниями и т.д.

Однако для миксофобии есть не меньшие основания, вызванные как раз движением к большей открытости. В страну пришли невиданные ранее формы асоциальности и преступлений. Это, в частности, наркомания, работорговля, похищение детей с целью выкупа, торговля человеческими органами, игромания, нацизм и расизм, неконтролируемая миграция и новые формы терроризма.

Но, пожалуй, самая главная проблема — новые социальные страхи, порожденные *аномией*. На социологическом языке это понятие означает *болезнь общества*, проявляющаяся в ценностном вакууме, разрывах в преемственности социальных и культурных норм, отсутствии четких представлений об авторитетах, должном, «правильном» и желанном образе жизни, что в прямом смысле дегуманизирует социум, человеческие коммуникации и подрывает демократические и либеральные идеалы, которые совсем недавно казались универсальными. Всего лишь 20 лет назад мы знали, что это зло где-то очень-очень далеко и уж нас-то никогда не затронет. Не просто коснулось, а пришло практически в дом каж-

¹ Merton, R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, 1936. Vol.1

дого россиянина. Были востребованы сотни новых законов, которые прежде были просто не нужны.

Вместе с тем, в ином культурном контексте здравый смысл может существенно противодействовать открытости. Практически все религиозные деятели выступают против открытости своей веры. Некоторые избегают даже контактов с «иноверцами», выступают против браков с представителями иной религии. Очевидно, есть традициями выработанные защитные механизмы: начини процесс открытости и немедленно возникнут «чуждые», конкурирующие ценности, ставящие под вопрос и «незыблемые» идеи, и всю моральную систему.

Представления о сложных последствиях открытости стали входить и в здравый смысл жителей западных стран, столкнувшихся с непредвиденными последствиями открытости.

После серии демократических революций в России и Восточной Европе американский социальный теоретик Фрэнсис Фукуяма пишет книгу «Конец истории» (1992 г.), в которой провозглашается завершение прежнего идеологического противостояния и всемирная победа идеалов либерализма, основанных на принципах открытости границ для развития рынков, политического сотрудничества, реализации прав и свобод человека¹.

Однако почти мгновенно проявился парадокс: западное открытое общество не выдержало «взрыва» открытости, произошедшего в тоже время не только в Европе, но и в других регионах мира, которые принято именовать Востоком и Югом. Не торжество идеалов либерализма, а сложное взаимодействие культур и ценностей, включая их открытое столкновение, стало реальностью в современном мире.

Свой вклад в глобальную открытость привнес и Интернет, давший людям возможность для самокоммуникаций, практически независимых от государственных структур, места своего проживания и времени общения.

И вот уже авторитетный британский социолог Зигмунд Бауман в недавно опубликованной работе «Текущие времена» (2009 г.) пишет о том, что во всех странах мира стало утверждаться *принципиально иное* знание, способствующее образованию *культурных гибридов* и «текучих» ценностей, что повлекло смену идеалов в *глобальном масштабе*. Начался

¹ Фукуяма, Ф. Конец истории. М., 1992.

переход от социально-правового государства к «государству индивидуальной безопасности». Конкретные причины тому, считает социолог, в дисфункциональности современного государства в отношении обеспечения коллективной безопасности, защиты гражданского общества, наконец, в дисфункциональности и дерегуляции современных войн и вооруженных конфликтов: прежние институты социального контроля — мораль, традиции, авторитеты *уже* не функционируют, а новые *еще* не функционируют¹.

Если же руководствоваться общеизвестным канонам социологической науки, то подобное развитие событий можно было в значительной степени прогнозировать.

Еще в прошлом веке социологи аргументировано доказали, что *любая скачкообразная* смена политических, экономических или религиозных ценностей, независимо от их характера и содержания, неизбежно приводит к социальной дезорганизации, к разрушению механизма социального контроля и, соответственно, к деструктивным действиям в виде роста асоциальности, преступности, самоубийств и т.п.

Кроме того, людям кажется, что они *сознательно* преобразуют общество в желаемом направлении, но значительная часть творения на деле оказывается *неосознаваемой*, а последствия — *непредвиденными*. Социологическая наука давно пришла к выводу, что попытки реализации планов (революционных или радикально-реформистских), существенно нарушающих привычные модели мировосприятия людей, их поведения, разрушающих устоявшиеся связи между различными социальными группами, функции государственных и общественных структур, как правило, оборачиваются последствиями нежелательного толка для членов общества.

Приведем пример. Все мы знаем, каким экономическим и моральным бременем легли на российское общество проблемы мигрантов, в частности, россиян из бывших советских республик. Здравый смысл подсказывает, что достаточно накормить этих людей и дать им жильё, чтобы сделать их счастливыми или, по крайней мере, свести на нет их деструктивное поведение, вспышки социального и криминального насилия. Однако, очевидно, что это слишком узкий подход к проблемам. Нужно ещё создать рабочие места. Но и этого

¹ Bauman, Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge : Polity Press, 2009.

мало. Необходимо адаптировать этих людей к новым культурным реалиям.

Подобные примеры можно продолжать и продолжать. Очевидно, здравый смысл имеет свою специфику, а наука — свою. Попытки же подменить здравым смыслом науку приводили к тому, что вожди, идеологи, миссионеры, возможно, искренне хотели, как лучше, а получалось «как всегда».

Более того, россияне на своем опыте познали, что подчас здравый смысл есть не что иное, как *мир социальных иллюзий*, парадоксальное сочетание светлых и зловещих образов, которые подавляют свободную волю человека, превращая его в атом толпы. Мировосприятие нескольких поколений россиян основывалось на том, что *наш* строй, народ, *наши* вожди — «самые лучшие», а нищета и террор — это от многочисленных «врагов», как внешних, так и особенно внутренних.

Приведенные примеры свидетельствуют о сложных взаимоотношениях здравого смысла и научного социологического знания.

Вместе с тем, подчеркнем, социология *не противостоит* здравому смыслу. Социологии как науке весьма важно *учесть* характер знания здравого смысла: по Аристотелю — это знание, основанное на способности постигать свойство объектов с помощью чувств; существует особое направление (феноменологическая социология), изучающее знание повседневного мира, мнения и суждения, свойственные «простым» людям.

Не менее важен ещё один принципиальный момент. Социологи исходят из того, что здравый смысл *относителен во времени и пространстве*. Он в значительной степени *историчен*, на нем есть определенный налет *религиозных верований и идеологических воззрений*. Он также *культурно обусловлен*: отнюдь не все, что является здравым и рациональным, скажем, в Америке считается таковым в европейских странах, России или на Востоке.

Вместе с тем, сам дух современной социологической науки проявляется в самокритичности, в признании *ограниченности* любой социальной теории, которая «стареет», перестает отражать ускоряющуюся динамику социума.

Современные социологии решительно выступают против *социологического редукционизма* — попыток объяснения сущности всех общественных явлений посредством социологического знания через, соответственно, социологические

понятия и категории. В равной степени они против *вульгарного социологизма* — огрубленного, упрощенного и одностороннего истолкования общественных явлений, когда одна из функций явления абсолютизируется, представляется в качестве единственно значимой, а затем «универсализируется», предстает как «закон» общественного развития.

Кто не слышал: «Богатые богатеют, а бедные беднеют». Обычно это суждение относят к странам, нациям и к отдельным социальным группам. Были даже попытки обосновать «объективный закон углубляющейся экономической дифференциации» (К. Маркс), согласно которому богатство концентрируется все у меньшего числа людей, ибо составляющие большинство населения средние слои и особенно рабочий класс беднеют.

Однако исследования, проведенные выдающимся российско-американским социологом П. Сорокиным, показали, что данный «закон» отражал лишь *временную* тенденцию, к тому же *ограниченную* культурным своеобразием европейских стран. Уже с середины XIX в. в США начала увеличиваться реальная заработная плата рабочих и служащих. Подобная ситуация с конца XIX — начала XX в. стала проявляться и в странах Европы и Японии. Проанализировав же данные за более длительный период времени, П. Сорокин пришел к выводам, которые вообще опровергают вышеприведенный постулат: благосостояние существенно меняется от одной страны к другой, от одной группы к другой; в истории семьи, нации или любой другой группы не существует устойчивой тенденции ни к обогащению, ни к обнищанию.

Таким образом, чтобы проникать в глубинную суть социальных явлений, дать им возможно более полную интерпретацию, социологи используют комплексное знание. Они учитывают как повседневное знание здравого смысла, так и систематически работают над совершенствованием своего теоретико-методологического инструментария, предлагая все новые, более совершенные теории анализа социума.

1.2. Исторические и научные предпосылки возникновения социологии

Промышленная революция

Индустриальная революция основывалась на передовых достижениях в естественных науках, внедряла новые

машины и технологии. Но не только это. Вместе с техникой приходил и *новый социальный порядок*, радикально преобразовывавший все сферы общественной жизни. Его характерными особенностями стали: *фабричная система хозяйствования, урбанизация, невиданные ранее взаимодействия больших групп людей, вовлечение женщин в политику, экономику, общественную жизнь*.

Строительство предприятий и разрастание городов вызвало огромные по тем временам миграционные потоки. Множество крестьян покидали свои земельные наделы и отправлялись на фабрики, меняя при этом не только сферу сельскохозяйственной деятельности, но и *уклад жизни*, привычные образцы социального поведения. Расшатывается патриархальная семья, главой которой является старший мужчина. Возникает и быстро растет слой управленческой бюрократии, а с ним и рационализируются капиталистические производственные отношения. Но ещё в течение длительного периода времени это приводило к благополучию лишь небольшого числа собственников, в то время как подавляющее большинство людей подвергалось нещадной эксплуатации.

Великая Французская революция 1789 г.

Революция, провозгласив идеалы всеобщей свободы и равенства, братства и счастья, устранила от власти феодалов. Вместе с тем она разрушила средневековое сословно-монархическое устройство, социально значимые формы поведения, закрепленные в традициях. *Ненамеренными последствиями* тому стало утверждение невиданных ранее морально-этических норм — на смену ценностям Царства Божия приходили ценности благосостояния, жажды власти и славы, комфорта и удовольствий. В этих условиях поведение *масс людей* как богатых, так и бедных стало направляться иррациональными страстями и вожделениями. В беспрецедентном масштабе вспыхивают социальные катаклизмы, распространяются деструктивные действия и хаос.

Французская революция изначально подпитывалась теоретиками Просвещения (Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо и др.), их верой в силу *рационализма*, который-де, опираясь на естественнонаучные открытия, способен устроить жизнь всех людей к всеобщему благополучию. Они утверждали доминирующую роль разума, рациональность в мыслях и действиях, необходимость преодоления всех форм несвободы, исходили

из того, что человечество в принципе может стать совершенным, а несовершенство связывали с «отсталыми» формами знания. Представители рационализма стремились обосновать законы познания, природы и общества.

Классик социологии Эмиль Дюркгейм, творчество которого будет рассмотрено в главе 5, назвал Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо непосредственными «предшественниками социологии»¹.

Шарль Монтескье (1689–1755) — автор книги «О духе законов» (1748 г.)², в которой выражены идеи о необходимости рассмотрения общества по аналогии тому, как представители естествознания анализируют природу, открывая те или иные законы. Им обоснованы принципы стадийного развития общества, разделения властей, возможности трех видов правления — деспотии, аристократии и демократии. Кроме того, были сформулированы идеи, в последствии востребованные в географической школе социологии, среди которых: слияние факторов климата и ландшафта на общественное развитие и дух народа.

Жан-Жак Руссо (1712–1778) — швейцарско-французский социальный теоретик, считавший, что гражданское общество, основанное на общественном договоре, возникает для обеспечения мира и защиты граждан. Социологические воззрения ученого наиболее рельефно выражены в труде «Об общественном договоре» (1762 г.)³, в котором обосновывается легитимность политической власти. В нем утверждается, что власть обретает законную силу благодаря «первоначальному соглашению» народа относительно того, будет ли это наследственное единоначалие, власть представителей, основанная на народном контроле, или «правление мудрейших». При этом Ж.-Ж. Руссо ратовал за имущественное равенство людей.

Однако, как считают современные социологи Т. Адорно и М. Хоркхаймер, в реальной жизни процесс «рационализации» общественной и политической жизни оказался во многом мифом, ввиду того, что способствовал утвержде-

нию авторитарных тенденций¹. Радужные иллюзии идеалов Просвещения сменяются как скепсисом, так и осознанием необходимости новых подходов к анализу общества.

Организованный скептицизм

Как считает выдающийся социолог современности Р. Мертон, *организованный скептицизм* (его термин) в отношении законов общества, характера поведения больших групп людей просто не мог возникнуть, пока общество развивалось относительно спокойно, а поведение людей было в высшей степени предсказуемо. Испокон веков оно жестко регламентировалось определенными культурными традициями, устоявшимися коллективными представлениями, многочисленными ритуалами и табу, ценностями и нормами религии и семьи.

«Наука как будто бросает вызов “удобным властным допущениям”, просто подчиняя их беспристрастному анализу, — отмечал Р. Мертон. — Организованный скептицизм содержит в себе скрытое сомнение в некоторых основаниях установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы “сакрального” вообще... независимо от того, идет ли речь о сакральной сфере политических убеждений, религиозной веры или экономических прав, научный исследователь не ведет себя предписанным некритическим и ритуалистическим образом»².

Что же произошло с обществом, что заставило людей усомниться в незыблемости их бытия, пробудило поиски принципиально новых факторов общественного развития, новых интерпретаций поведения человека, которые в итоге привели к зарождению и становлению социологии как самостоятельной науки?

Это радикальные изменения в общественном сознании, обусловленные возрастающей дисфункциональностью традиционных религиозных ценностей. Первые социологи, многие из которых были выходцами из религиозных семей, полагали, что ими создаваемая новая наука могла бы выполнять функции новой религии, служить нравственным целям

¹ Durkheim, É. (ed.). Montesquieu and Rousseau: Forerunners of Sociology. Ann Arbor, Michigan : Michigan Press, 1960.

² Монтескье, Ш. О духе законов. М., 1999.

³ Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

¹ Адорно, Т., Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения: Филос. фрагменты. М. : Медиум, 1997.

² Мертон, Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. Т. II. Вып. 2. М., 2000. С. 165–166.

через утверждение в сознании людей четких жизненных ориентиров.

Принципиально новую роль в жизни общества стали играть науки. Они *институционализируются* посредством повсеместного создания университетов и колледжей. Возникает представление, что с помощью наук люди могут контролировать общественный мир и даже управлять им. Особую популярность приобретают естественные науки — физика, биология, химия. Благодаря открытиям ученых-естествоиспытателей расшатываются метафизические представления о мире. Отнюдь не случайно при своем зарождении социология строилась в противовес метафизики, по образу и подобию естественных наук.

Критическое мировосприятие становится не личностным качеством отдельных ученых, а образом мышления, характерным для многих. Лучшие мыслители того времени задались вопросами, почему приход идеалов всеобщей свободы и равенства был столь драматичен, почему прогресс науки и техники, зарождение просвещенного общества в противовес дикости и варварству сопровождаются столь грубыми межличностными раздорами?

Вопросы озадачили ученых и тем, что на фоне выдающихся успехов в естествознании выявилась очевидная неспособность познания собственно человеческого общества, у которого обнаружили невиданные ранее несовершенства. Никто не мог дать вразумительных, аргументированных объяснений тому, что ещё принесет развитие фабричной системы, начавшаяся борьба за передел власти, изменения в семье, образе жизни и поведении людей. Кроме того, впервые в общественном сознании утверждается право на религиозное и политическое несогласие. Так возникла объективная потребность в обосновании принципиально новых подходов к изучению общества, его структур, социальных групп и его членов.

Практически все мыслители того времени критиковали нарождавшийся строй, предпринимали попытки как-то объяснить катаклизмы и на этой основе предвосхитить характер будущего общества. Но они принципиально разошлись в предлагаемых методах постижения истины и средствах движения к справедливому, гуманному общественному устройству.

По существу, в то время в общественном научном сознании выделились *три* подхода.

Первый, наиболее ранний, представляли философские подходы исследования общества. Английский мыслитель Томас Гоббс (1588—1679) в известной работе «Левиафан» (1651 г.) обосновал дуализм гражданского общества и государства. Он определил государство, как продукт человеческой деятельности, который является эффективным средством избавления самого человека от пороков, а также сформулировал «естественный закон», согласно которому разум требует от человека поиска мира и следованию ему¹.

По оценке известного американского социолога Т. Парсонса, современная социология стремится ответить на вопрос, поставленный Т. Гоббсом, — как возможен социальный порядок².

Другой английский социальный мыслитель Джон Локк (1632—1704) в произведении «Два трактата о правлении» обосновал концепции гражданского общества и «естественной свободы» каждого индивида, которые оказали влияние на последующие социологические теории политики³.

Второй подход составили разнообразные *социалистические воззрения и теории*.

Анри Сен-Симон (1760—1825) — представитель утопического социализма, социальный теоретик, оказавший существенное влияние на собственно основоположника социологии Огюста Конта своим видением науки и техники как решающих факторов решения общественных проблем, что нашло отражение в работах «О реорганизации европейского общества» и «Промышленность» (в соавторстве с О. Контом)⁴. Абсолютная вера А. Сен-Симона в научный прогресс, по существу, приобрела форму «нового христианства».

Шарль Фурье (1772—1837) — социалист-утопист, идеалы которого связаны с созданием общинных производственных ассоциаций, названных «фалангами». По его мнению, фаланги могут распределять общественное богатство более справедливо, чем это делают капиталисты. Кооперативные поселения по их образцу возникли во Франции и США.

Роберт Оуэн (1771—1858) — представитель утопического социализма, идеалы которого пытался внедрить на своих

¹ Гоббс, Т. Сочинения : в 2-х тт. М., 1990—1991.

² Парсонс, Т. О структуре социального действия. М., 2002.

³ Локк, Дж. Сочинения : В 3-х тт. М., 1988.

⁴ Сен-Симон, А. Избранные произведения: В 2-х тт. М. — Л., 1948.

хлопкопрядильных фабриках в Нью-Ланарке: строил жилье для рабочих, школы для детей. Утопические сообщества — «оуэниты» — возникли в Великобритании и США.

Идеи о реформировании общества на социалистических принципах оказали влияние на К. Маркса, считающегося классиком социологии. По В. И. Ленину — воззрения Сен-Симона, Фурье, Оуэна явились одним из теоретических источников марксизма¹.

Третий подход образовал собственно основоположник социологии — Огюст Конт (его творчество специально рассматривается в главе 3).

Ученый сделал ставку на создании принципиально новой теории, основанной не на утопиях, а *эмпирических* исследованиях *реального* общественного бытия, пытаясь обосновать законы его развития, найти как причины возникновения деструктивных сил, раздоров и несправедливости, так и факторы порядка и прогресса, зарождения идеалов свободы и справедливости.

1.3. Место социологии среди других наук об обществе

Термин «Социология» происходит от латинского *societas* — общество и греческого *logos* — учение.

Буквально означает наука об обществе. Но сказать это для определения *специфики* познавательных возможностей социологии как самостоятельной науки, отличной от других социальных наук (психологии, экономики, политологии, социальной антропологии), явно недостаточно, ибо все они *отражают объективные реалии рукотворного мира*, т.е. изучают человеческую деятельность.

Социологи, конечно же используют данные других наук и прежде всего *родственных* социальных наук. Очевидно, развитие социальных наук неизбежно ведет к их относительной интеграции. И все же социология имеет свою *качественную определенность*, которая выражается в особых подходах к тому, *что* из социально-культурного мира и особенно *как* исследуется.

¹ Ленин, В. И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23.

Принято различать *объект* познания и *предмет* науки.

Объект — это *объективная реальность, на которую направлена исследовательская деятельность ученых*. Понятно, что представители конкретной социальной науки могут изучать лишь *часть* объективной реальности, лишь те её стороны, которые определяются *спецификой* данной науки. Для социологии это, прежде всего, *взаимодействия индивидов и социальных общностей в социально-культурном контексте общества*.

Причем, что особенно важно подчеркнуть, не просто в *обществе*, а в *обществах*. Речь идет не только о странах, но и об общностях, отличающихся друг от друга *социально-культурным* содержанием.

Например, для социологов, изучающих деструктивное поведение важно сравнить его проявления с особенностями, скажем, в Америке, странах Европы или Востока или других регионов мира. У себя же в стране — с тем, насколько оно характерно для мужчин и женщин, людей разных возрастных категорий, принадлежащих к различным социальным и этническим группам, исповедующих разные верования и т.д. В каждом из этих случаев исследователи будут иметь дело с качественным и количественным своеобразием деструктивности в конкретном *культурном контексте* большого общества или относительно малой общности людей.

Вместе с тем, определение науки только по объекту исследования также недостаточно, ибо отмеченные социальные реалии могут изучаться и другими социальными науками, хотя и в иных срезам и аспектах. Каждая наука отличается от других тем, что у нее есть присущий только ей *предмет*, т.е. *специфическое воспроизведение реальности на абстрактно-теоретическом уровне* посредством постановки своеобразных вопросов с целью выявления наиболее *существенных* с научной точки зрения связей и отношений данной реальности.

Рассмотрим это на конкретном, обыденном примере из нашей повседневной действительности — юная леди покупает свадебный наряд.

Экономист к этому событию может подойти с позиции ассортимента товара, материальных возможностей покупателя, вероятного дохода от занятия бизнесом по торговле свадебными принадлежностями и т.д. Вообще представители экономической науки изучают человеческое поведение через

призму производства, обмена, распределения и потребления материальных благ.

Психолог может заинтересоваться этим событием с позиции исследования эмоционального состояния юной особы. Психология — одна из старейших наук и изучает поведение человека главным образом на *индивидуально-психическом* уровне.

Социального антрополога это событие может привлечь задействованными в нем верованиями и правилами поведения, получившими общее распространение в обществе. Предметом социальной антропологии является прежде всего *описание* культур различных обществ через призму систем человеческого действия.

У *социолога* же будут другие вопросы и, соответственно, им будут выявляться другие связи и отношения этой реальности, прежде всего в контексте значимости материальных и социальных факторов, характера взаимодействия индивида, его ценностных ориентаций, специфики ментальности.

К примеру, какие материальные, социальные, культурные или иные условия побуждают девушку покупать столь непрактичный для повседневного пользования наряд? Какие духовные факторы (традиции, религиозные представления) стимулировали эту деятельность? Какие конкретные социальные институты задали ей своего рода канву, заранее установленный порядок, с которого начинается организация брачно-семейных отношений? Рационально ли это действие или оно вызвано определенными ценностными установками? Что знают об этом наряде разные группы населения и как они к нему относятся на рациональном и эмоциональном уровнях?

Очевидно, девушка, покупающая свадебное платье, следует некому сложившемуся социальному образцу взаимодействия индивидов, определенной *традиции*, посредством которой осознанно или нет воспроизводится стабильный порядок, предсказуемость общественных отношений. При этом социологов, как правило, интересует не отдельно взятый факт, а *типичность* подобных фактов для *конкретной культуры* — прошлых и современных обществ, для людей, принадлежащих к разным социальным общностям, соответственно, имеющих различные ценностно-нормативные ориентации и своеобразные видения жизненного мира.

Поэтому наверняка у них возникнет и вопрос, а есть ли *функциональные альтернативы* данному социальному

образцу поведения? Какова степень распространенности «отклонения»?

Выясняется, что в обществе есть люди, которые в силу разных причин выбирают несанкционированные обществом сексуальные контакты. В этом случае социологи также задают вопросы, почему определенного типа люди игнорируют брачный наряд как определенный символ «нормального» поведения и традиционно сложившиеся социальные образцы поведения.

Однако и в случае с «нормальным», и в случае с «отклоняющимся» поведением социологи ставят вопросы о роли самих индивидов, о характере их действий, которые могут иметь, как явный, осознанный компонент, так и скрытый, едва ли осознанный смысл.

Кроме того, социологов интересуют и возможные переходы «отклонений» в «норму» и наоборот.

Данный конкретный пример и возможные социологические вопросы позволяют в самых общих чертах определить предметную область социологии:

— с одной стороны, это изучение влияния общества на сознание, мотивацию поведения людей, определяя то *какие* эти люди и что они склонны *делать* в соответствии со *знанием* об обществе;

— с другой стороны, — понимание *деятельности, поведения индивидов*, обладающих свободой выбора, исходя из того, как они оценивают значения объектов социального мира в конкретных социальных и культурных условиях и как они, в конечном счете, сами творят социальные и культурные реалии (покупая свадебное платье, девушка, как правило, неосознанно и ненамеренно создает предпосылки тому, что подобная социальная практика в принципе будет повторяться).

Разумеется, этот пример не может дать исчерпывающего представления о предмете социологии. Но он, на наш взгляд, подтверждает метафорическое суждение известного социолога П. Бергера о том, что предметом социологии является как «общество в человеке», так и «человек в обществе»¹.

Практически с момента зарождения социологии возникли оживленные дебаты ученых о взаимосвязях и взаимодействиях «общества» и «человека», что затрудняло уяснение сути предмета социология как самостоятельной науки. Как

¹ Бергер, П. Л. Приглашение в социологию. М. : Аспект Пресс, 1996.

это не парадоксально, но до сих пор среди ученых ведутся споры и сохраняется неопределенность относительно предмета социологического знания.

На наш взгляд, главная причина тому — противоречивое развитие социокультурных реалий — к примеру, в последнее время значительно возросла роль собственно человеческого фактора в воздействии на характер общества, — а также постоянный поиск все новых и новых, как правило, более совершенных *методов* анализа как социально-культурных общностей, так и поведения людей.

Методы науки — это совокупность основных познавательных приемов, процедур, инструментария, с помощью которых осуществляется научное исследование, систематизируются полученные знания.

Каждая наука использует как *свои* методы, так и общенаучные приемы, характерные для ряда наук. Естественно, что с развитием науки создаются принципиально новые методы.

Методы социологии также постоянно уточняются, появляются и принципиально новые методы, что позволяет глубже проникать в исследуемые социальные явления и процессы. Но при этом они сохраняют свой *эмпирический* характер и эвристическую направленность. По этому качеству они в принципе отличались от *умозрительных* методов, *оценочных суждений*, характерных для философии, метафизики.

Изначально социология полагалась на методы естественных наук, прежде всего физики и биологии. Пройдет немного времени и социологами будут выработаны *свои собственные* методы, но их *эмпирическое содержание* неизменно сохраняется. Практически каждая новая теория, вошедшая в копилку мировой социологической мысли знаменовала появление новаторских принципов и приемов исследования социальных реалий.

Об их конкретном содержании мы поговорим позже, когда будут рассматриваться соответствующие теории. Сейчас же заметим, что с момента становления социологии как самостоятельной науки и ее предметная область, и её методический инструментарий весьма существенно изменились благодаря ряду обстоятельств.

Отметим главные:

— произошло осознание *качественного усложнения* процесса развития современных обществ, что повлекло, соответственно, возникновение ряда уровней социологического анализа общества;

— изменяется характер общественного сознания, которое становится все более дифференцированным, состоящем, по существу, из *разных систем знания*, что, естественно, называется на *деятельности* людей — она становится все более функционально разнообразной;

— увеличилось *число школ, направлений, теоретико-методологических подходов*;

— существенно обновилось само социологическое знание, *радикально изменились взгляды на законы развития человека и общества*, факторы, определяющие характер их взаимосвязей и взаимодействия;

— наконец, отметим общественную востребованность *полезного знания*, практически работающего на решение конкретных социальных проблем.

Быстрые изменения в современных обществах предполагают появление все новых теорий и методов, которые необходимы для адекватного отображения перемен. Поэтому появление каждой новой теории предполагает и определенные корректировки в трактовках предмета социологии, с чем Вы познакомитесь в следующей главе. Там же будет дано определение социологической науки.

Основные термины и выражения

Аномия — *anomie* — 1) по Э. Дюркгейму — болезненное состояние общества, характеризующееся ценностно-нормативным вакуумом, разрывом в преемственности социальных и культурных норм; 2) по Р. Мертону — дисфункциональность социальных структур, выражающаяся в рассогласовании культурных требований, предполагающих нацеленность на успех, и дифференцированных возможностей, что не позволяет индивиду достичь общественных целей институциональными средствами.

Здравый смысл — *common sense* — 1) по Аристотелю — способность постигать свойство объектов с помощью чувств; 2) в феноменологической социологии — смысл повседневного мира, который относителен во времени и пространстве, историчен, культурно обусловлен.

Институционализация — *institutionalization* — 1) образование социального института; 2) закрепление, как правило, правовое, сложившихся образцов поведения.

Непредвиденные последствия — *unanticipated consequences* — по Р. Мертону — последствия от латентных функций, от дисфункциональности институтов для определенной системы, а также нефункциональные последствия.

Организованный скептицизм — organized scepticism — по Р. Мертону — форма функционирования науки, предполагающая критическую проверку любой теории; один из важнейших факторов становления социологии как науки.

Рационализм — rationalism — 1) философско-мировоззренческая установка, согласно которой истинными основаниями поведения и познавательной деятельности людей является разум. С позиций классического рационализма, истина абсолютна и общезначима. Традиция идет от философии Сократа, Платона, Аристотеля; 2) направление в теории познания, представители которого (Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо) считали, что разум является источником познания, предопределяет характер поведения людей.

Семинар «Исторические и научные предпосылки возникновения социологии»

1. Теоретики Просвещения (Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо и др.).
2. Фактор организованного скептицизма.
3. Воззрения А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна.
4. Специфика социологического знания

Литература

1. *Бауман, З.* Мыслить социологически / З. Бауман. — М.: Аспект Пресс, 1996.
2. *Бергер, П. Л.* Приглашение в социологию / П. Л. Бергер. — М.: Аспект Пресс, 1996.
3. *Воронцов, А. В.* История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глотов. — М.: Юрайт, 2013.
4. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
5. *Гоббс, Т.* Левиафан / Т. Гоббс // Гоббс, Т. Сочинения : в 2-х тт. М., 1990—1991.
6. История социологии в Западной Европе и США : учебник для вузов / отв. редактор Г. В. Осипов. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М., 1999.
7. История теоретической социологии. Т. 1. От Платона до Канта (Предистория социологии и первые программы науки об обществе). — М.: Наука, 1995.
8. *Кукушкина, Е. И.* История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М.: ИНФРА-М, 2013.
9. *Локк, Дж.* Два трактата о правлении / Дж. Локк // Локк, Дж. Сочинения : в 3-х тт. — М., 1988.
10. *Монтескьё, Ш.* О духе законов / Ш. Монтескьё. — М., 1999.

11. *Мертон, Р.* Наука и социальный порядок / Р. Мертон // Личность. Культура. Общество. Т. II. Вып. 2. — М., 2000.

12. *Руссо, Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Начала политического права / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М., 1969.

13. Социология. Основы общей теории : учебник для вузов / под ред. Г. В. Осипова. — М.: Издательство НОРМА, 2003.

14. *Тоценко, Ж. Т.* Социология : учебник / Ж. Т. Тоценко. — М.: Юнити-Дана, 2012.

15. *Ritzer, G.* Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw-Hill Higher Education, 2000.

Глава 2

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Изначально социология возникла как наука об обществе, о характере деятельности населяющих его людей. Её главная цель была углубить *рационализм*, обосновать по аналогии с естественными науками *законы* общественного развития (зачастую они мыслились как единые для природы и общества), чтобы на основе разумного следования им свести к минимуму общественное зло.

Но когда, казалось, социологи приближались к открытию смысла природы общества, само общество подчас столь радикально менялось, что это приводило к периодически возникающим кризисам в социологии, завершавшиеся «старением» и «отмиранием», ранее созданных теорий.

Однако это не обескураживало ученых, стремившихся к созданию новых, все более совершенных подходов к анализу общества. Причем в то время как одни социологии стремились познать *макротенденции* общественного развития, другие, напротив, пытались исследовать общество на *микро*-уровне. Так естественно сложилось, что социологическая наука стала формироваться и развиваться через разработку относительно *разных, самостоятельных теорий*, имеющих свой *теоретико-методологический инструментарий*, отличающийся друг от друга даже языком — своеобразными понятиями и категориями.

Но социология представлена не только теориями. Её неотъемлемой чертой является *социологическое воображение*. Оно представляет не менее важный инструмент познания социального мира. Изначально сформировалось единство социологического теоретизирования, мышления и воображения, которое изменялось вместе с развитием социума.

Социологические теории многих социологов (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс и др.) были ориентированы прежде всего на исследование явлений и процессов в масштабе всего общества в целом, на анализ больших социальных общностей и их взаимодействий.

Так была основана *макросоциология*, у которой сразу появилось много приверженцев. Современные представители макросоциологии изучают глобальные процессы общественного развития, включая возникновение новых социальных институтов и адекватных им механизмов мотивации социальной активности.

Почти одновременно с макросоциологией возникла и *микросоциология*, изучающая общественное сознание и поведение людей, их повседневное знание и ценностные ориентации, межличностные взаимодействия и т.д. в сравнительно небольших социальных группах.

В последнее время все большую популярность стали приобретать *теории среднего уровня*, понятие и обоснование которых предложил американский социолог Р. Мертон. По его мнению, эти теории необходимы для социологического анализа конкретной группы фактов в отдельных областях знания. Примером тому может быть теория бюрократии, аномии или ролей индивидов в том или ином социальном институте.

Различия между социологическими теориями разных уровней условно — все они находятся в тесном взаимодействии и даже взаимно проникают друг в друга, ибо нельзя жестко разграничивать часть и целое в общественных реалиях.

И все же в принципе они имеют *различную предметную* область и раскрывают разные по масштабности связи.

Поэтому в социологии с необходимостью существуют как теории становления и развития социально-культурных общностей, их структур и функций, так и *специальные теории* (социологии политики, экономики, права и т.д.). Последние раскрывают характер взаимодействия между обществом в целом и его конкретной сферой, а также присущие этой сфере взаимодействия людей.

Естественно, что представители макросоциологии, в отличие от, скажем, микросоциологов, по-своему, специфическим языком отражают объективную реальность, ибо

имеют дело с иными проявлениями развития и функционирования изучаемого объекта, что, в конечном счете, сказывается и на предмете конкретной социологической теории.

Кроме того, в социологии всегда присутствовало два направления в получении и накоплении знаний. Одно изначально ориентировалось на методы наблюдения и эксперименты, обосновав *эмпирическое направление*. Другое направление — *теоретическое*, нацеленное на концептуальное осмысление реалий социальной жизни.

В контексте этих направлений в развитии социологии всегда существенную роль играли *школы*.

По определению известного американского социолога Э. А. Тирикьяна — это значительная группа ученых, объединенных общей идентификацией с конкретной теоретической ориентацией, большинство из которых имеют мало или даже не имеют личных контактов¹.

Отметим некоторые наиболее известные школы.

Айовская школа — направление в социологии, основанное М. Куном, представители которого акцентируют внимание на изучении поведения людей на микроуровне и зачастую используют инструментарий социальной психологии².

Антропологическая школа — направление в европейской этнологии второй половины XIX в., представители которого (Э. Б. Тайлор, Дж. Фрейзер и др.) пытались обосновать исторические законы развития от первобытных культур к цивилизации³.

Географическая школа — направление в социологии, представители которого (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер; в России — Л. И. Мечников и др. (творчество российских социологов, представителей различных школ рассматривается в главе 4)) признавали географическую среду — климат, почву, территорию, ландшафт, реки — решающим фактором общественного развития.

¹ *Tiryakian, E. A.* The Significance of Schools in the Development of Sociology // *Cotemporary Issues in Theory and Research*. Snizek, W., Fuhrman E., Miller, M.K. (eds). Westport, CT : Greenwood Press, 1979.

² *Kuhn, M.* Major Trends in Symbolic Interaction Theory in the Past Twenty-Five Years // *Sociological Quarterly*, 1964. № 5.

³ *Клакхон, К. К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998; *Malinowski, B.* Anthropology // *Encyclopaedia Britannica* : First Supplementary Volume, 1936.

Ш. Монтескье обосновал принцип *географического детерминизма*, предполагающий интерпретацию явлений общественной жизни (форм государственного устройства) через призму географических факторов, в первую очередь климата¹. У данного принципа оказалось много последователей. Английский историк и социолог Генри Бокль (1821—1862) связывал характер сознания индивидов непосредственно с условиями географической среды². Немецкий этнолог и социолог, основатель антропогеографии Фридрих Ратцель (1844—1904) ратовал за признание влияния географической среды на развитие народа и государства³. Немецкий социолог Карл Хаусхофер (1869—1946) стал основоположником геополитики⁴.

Историческая школа — направление в этнологии, представители которого (Ф. Боас; в России — В. О. Ключевский, С. М. Соловьев и др.) изучали исторические взаимоотношения между народами через призму постулата об уникальности каждой культуры.

Немецко-американский социолог и антрополог Франц Боас (1858—1942) внес особый вклад в создание современной культурной антропологии, в разработку этнографических методов исследования⁵.

Криминологическая школа (Ч. Ломброзо и др.) — направление в социальных науках и криминологии, возникшее в Европе XVIII в., основные положения которого сводились к тому, что преступники действуют осознанно и что наказание должно быть ограничено до степени, сдерживающей криминальное поведение.

Итальянский криминолог Чезаре Ломброзо (1836—1909) исходил из того, что некоторые индивиды от рождения

¹ *Монтескье, Ш.* О духе законов. М., 1999.

² *Бокль, Г.* История цивилизации в Англии: В 2-х тт. СПб., 1906.

³ *Ратцель, Ф.* Земля и жизнь: сравнительное землеведение: В 2-х тт. СПб., 1903—1906; Он же. Народоведение: В 2-х тт. СПб., 1903; Он же. Политическая география. СПб., 1897.

⁴ *Haushofer, K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans, B., 1924; *Haushofer, K.* Erdkunde, Geopolitik und Wehrwissenschaft, Münch., 1934; *Haushofer, K.* Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung, Hdlb., 1939.

⁵ *Боас, Ф.* Ум первобытного человека. М. — Л., 1926; Он же. Границы сравнительного метода в антропологии; История и наука в антропологии: ответ; Некоторые проблемы методологии общественных наук; Эволюция или диффузия? // Антология исследований культуры. СПб. : Университетская книга, 1997.

предрасположены к совершению преступлений. Он автор концепции криминальный человек, виведший причину всех преступлений в «ошибке эволюции»¹.

Математическая школа — социологи (Дж. Коулман, Т. Фараро и др.), сделавшие акцент на использовании математических моделей для исследования социальных структур и процессов. С 1971 г. издается «Журнал математической социологии» (*Journal of Mathematical Sociology*)².

Органическая (биологическая) школа — ее представители А. Шеффле, Р. Вормс, П. Ф. Лилиенфельд и др. использовали биологические аналогии для интерпретации социальных реалий.

С позиций этой методологии немецко-австрийский социолог и экономист Альберт Эберхард Шеффле (1831—1903) исследовал коллективное сознание и дух народа³. Французский социолог Рене Вормс (1869—1926) исследовал влияния биологического и психологического факторов на развитие общества⁴.

Расово-антропологическая школа — разновидность биолого-натуралистического направления в социальной мысли конца XIX — начала XX в., представители которого (Ж. Гобино, Ж. Лапуж, Х. Чемберлен и др.) рассматривали социальную жизнь через призму расово-антропологических факторов и, в частности, постулатов о неравенстве интеллектуальных и физических способностей разных рас, о вредности расовых смешений для культурного развития, о детерминированности поведения человека биологической и психологической наследственностью расового толка.

Французский философ, антрополог и социолог Жозеф Артюр Гобино (1816—1882), по существу, стал одним из основателей идеологии расизма⁵. Его последователем стал соотечественник Жорж Лапуж (1854—1936), предста-

витель теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма¹. С расовых позиций выступал и англо-немецкий социолог Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927)². Российский социолог А. Б. Гофман показал научную несостоятельность и нравственную ущербность этих воззрений³.

Франкфуртская школа — неомарксистское направление в социологии, сложившееся в Институте социальных исследований при университете во Франкфурте-на-Майне. Ее представителями были М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм и другие, которые разработали антипозитивистский теоретико-методологический инструментарий в виде критической теории. Она предполагала следующее:

- освобождение марксизма от сверхдетерминизма, естественноисторических воззрений на общество;

- отказ от видения общественного развития через призму объективных законов;

- критику версии марксизма, основанной на возвеличивании экономического фактора; неприятие классового редукционизма.

В силу особого влияние представителей этой школы на мировую социологическую мысль их творчество рассматривается специально во II томе учебника.

Чикагская школа — её представители (Дж. Дьюи, А. Смолл, Р. Парк, Э. Берджесс, Э. Шилз, и др., творчество некоторых из которых будет рассмотрено особо) занимались, по их определению, «наукой о коллективном поведении». Известность ей принесли исследования процессов урбанизации, адаптации мигрантом, что они осуществляли через призму практического применения положений символического интеракционизма.

Именно представители этой школы разработали общепризнанные и по сей день используемые методы сбора и обработки эмпирических данных, которые имеют прежде всего *прагматическую направленность* — обоснование

¹ Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство. М., Харьков, 1998; Lombroso, C. Criminal Man. Milan : Hoepli, 1876.

² Coleman, J. Introduction to Mathematical Sociology. Glencoe, IL : Free Press, 1964; Coleman, J. The Mathematics of Collective Action. London : Heinemann Educational Books, 1973; Fararo, T. J. Mathematical Sociology. N.Y. : Wiley, 1973.

³ Шеффле, А. Э. Капитализм и социализм. Ч. I. СПб., 1871.

⁴ Вормс, Р. Индуктивный метод в социологии. Казань, 1899; Он же. Биологические принципы в социальной эволюции. Казань, 1913.

⁵ Гобино, Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.

¹ Lapouge, G. Race et milieu social. P., 1909.

² Chamberlain, H. S. Recherches sur La Seve Ascendante, Neuchâtel, 1897; Chamberlain, H. S. The Life of Wagner. Munich, 1897; Чемберлен, Х. С. Основания девятнадцатого столетия : в 2-х тт. СПб. : Русский мир, 2012.

³ Гофман, А. Б. Элитизм и расизм: критика философско-исторических воззрений А. Де Гобино // Расы и народы : ежегодник. М., 1977.

«социальных технологий», пригодных для совершенствования конкретных социальных структур и функций.

В частности, Джон Дьюи (1859–1952), один из основоположников *прагматизма*, предложил трактовку познания как эффективное решение проблем¹. Албион Вудбери Смолл (1854–1926), основатель социологического факультета в Чикагском университете, был активным сторонником практического использования достижений социологии при совершенствовании социальных институтов². Роберт Эзра Парк (1864–1944), автор концепции влияния естественного окружения на социальную жизнь людей, их коллективного поведения, своеобразного подхода к определению маргинальности. Он один из основателей урбанистской социологии³. Эрнст Берджесс (1886–1966) занимался эмпирическим исследованием города, семейно-брачных отношений. Выдвинул гипотезу «концентрических зон» для описания формирования социально неоднородных районов в процессе роста города⁴. Эдвард Альберт Шилз (1910–1995) внес значимый вклад в изучение социального порядка, социологии образования и академической этики⁵.

После Второй мировой войны влияние Чикагской школы стало падать на фоне социологических достижений Гарварда, однако новый импульс ее развитию придали исследования Э. Гоффмана и Г. С. Беккера. Весьма значимо, что по инициативе А. Смолла с 1895 года стал выходить в свет «Американский журнал социологии» (*The American Journal of Sociology*).

¹ Dewey, J. Problems of Men. N.Y., 1946.

² Small, A. W. Between Eras: From Capitalism to Democracy. N.Y., 1913; Small, A. W. Origins of Sociology. Chicago : University of Chicago Press, 1924.

³ Park, R. E. Life History // American Journal of Sociology, 1973. № 79; Park, R. E. Human Ecology // American Journal of Sociology, 1936. № 42 (1); Park, R. E. Human Communities: the City and Human Ecology. Glencoe, IL : Free Press, 1952.

⁴ Burgess, E. The Growth of the City: on Introduction to a Research Project. Chicago, 1925; Burgess, E. The City. Chicago, 1926 (with Park, R. E., McKenzie, R. D.).

⁵ Parsons, T., Shils, E. Toward a General Theory of Action. Cambridge : Harvard University Press, 1951; Shils, E. Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory. N.Y. : Free Press, 1961; Shils, E. The Intellectuals and the Power. Chicago : University of Chicago Press, 1972; Shils, E. The Academic Ethos. Minerva, 13 (1), 1975.

2.2. Социологические парадигмы

Как было отмечено выше, одним из факторов развития науки и расширения её предметной области было возникновение ряда относительно самостоятельных школ, каждая из которых предложила и обосновала *свои* теоретические и, соответственно, *свои* методические подходы.

Чем одна школа в принципе отличается от другой?

Прежде всего *парадигмами*.

Данный весьма многозначный термин был предложен Томасом Куном (1922–1996), американским социальным теоретиком, специалистом по динамике научного знания¹ и использовался им в более чем двадцати значениях, совокупный смысл которых — обозначить характер науки в конкретный временной период.

Парадигма определяет, что и как должны изучать ученые, какими средствами и приемами им следует руководствоваться. Смена одной парадигмы другой происходит, как считает Кун, вследствие *внетеоретических детерминант развития науки* — того, что сторонники последней обладают *большими силами, ресурсами*, имеют *большой экономический* и даже *политический потенциал*, а не потому, что данная парадигма в принципе лучше прежней или других конкурирующих парадигм. Всякая парадигма *относительна* в плане научных достоинств. Её влияние может колебаться — как повышаться, так и понижаться.

Таким образом, *парадигма* — совокупность основных положений и принципов, лежащих в основе той или иной теории, обладающая специфическим категориальным аппаратом и признанная группой ученых. Парадигма предполагает определенный консенсус внутри науки и отличает одно сообщество ученых от другого (других).

Кроме того, все науки основываются на разных системах, характеризующихся степенью «открытости», т.е. способностью

¹ Кун, Т. Структура научных революций. М., 1975; Кун, Т. Объективные, ценностные суждения и выбор теории // Социальная философия науки: Знаки, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996; Kuhn, T. S. The Copernican Revolution. Cambridge : Harvard University Press, 1957; Kuhn, T. S. The Structure of Scientific Revolution. Chicago : University of Chicago Press, 1962; Kuhn, T. S. Black-Body Theory and Quantum Discontinuity, 1894–1912). Chicago : University of Chicago Press, 1987; Kuhn, T. S. The Road Since Structure: Philosophical Essays, 1970–1993. Chicago : University of Chicago Press, 2000.

включать в себя две или несколько общепризнанных парадигм.

Так, представители естественных наук (химия, физика, биология и др.), как правило, руководствуются одной общепризнанной парадигмой, которая достаточно очевидно прослеживает взаимосвязи изучаемых явлений. Хотя в истории этих наук неоднократно происходила естественная замена одной теории на другую, все же какая-то одна теория в определенный исторический момент являлась доминирующей для большинства ученых. Другая же теория может использоваться для интерпретации связей на относительно локальном уровне. Так, теория относительности и физика Эйнштейна имеет свою сферу применения, а физика Ньютона — свою.

Что же касается социологии и ряда других социальных наук, то они всегда включали в себя несколько теорий и их разновидностей, очевидно потому, что социальное имеет гораздо большее многообразное проявление и взаимосвязь изучаемых ими предметов и явлений не носит столь жесткого характера. Кроме того, существуют разные отправные подходы анализа общественных явлений, что проявляется в своеобразии методики и техники исследования.

Словом, каждая социологическая парадигма достаточно *избирательна в плане оценки факторов общественного развития*. Именно поэтому ни одна из парадигм не дает всеобъемлющий анализ общества, хотя и вносит свой конкретный, частичный вклад в его понимание.

Каждая парадигма также характеризуется *приоритетностью* рассмотрения тех или иных сторон социокультурных реалий, *своеобразием анализа* поведения людей.

Все социологические парадигмы по характеру принципиальных методологических подходов к анализу общества, способов его осмысления можно разделить на *пять* больших групп — это своего рода *метапарадигмы*, включающие в себя *относительно однородные* парадигмы (здесь мы их только обозначим для общего представления, а конкретно рассмотрим в соответствующих главах).

Критерием их различия, а также классификации является то, насколько их теоретико-методологический инструментарий нацелен и способен анализировать *усложняющуюся социокультурную динамику общества*, исходя из постулата *стрелы времени*, обоснованного лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным, о саморазвитии материи и, соот-

ветственно, *ускоряющемся развитии человеческих сообществ*. «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени, эволюционных ритмов возрастает», — пишут И. Пригожин и И. Стенгерс¹. Через разработку новых и новых парадигм социологии стремятся поспеть за «ускользающим миром» (Э. Гидденс).

Итак, по данному критерию — способностью теоретико-методологического инструментария анализировать ускоряющуюся социокультурную динамику — нами были выделены пять поколений социологической теории в виде, соответственно, пяти метапарадигм².

Первое поколение — позитивистская метапарадигма — социологические теории, рассматривающие общественное развитие как эволюционно-линейное, исходя из того, что развитие природы и общества может быть в принципе интерпретировано одним и тем же теоретико-методологическим инструментарием.

Первые социологии — О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс — пытались обосновать *объективно-исторические законы*, которые, по существу, применялись для интерпретации как общества, так и неживой материи. Для позитивистского типа социологического мышления характерно признание «объективности» социальных реалий, их «материалистическая» трактовка, стремление к строгому определению границ научных категорий и понятий, к точности и строгости инструментария социального познания, убеждение в том, что социальный мир и природа развивается по единым «законам».

Это мышление также основано на постулатах евроцентризма научного знания, всемогущества человеческого разума, обратимости общественного развития и в целом линейного развития. Ему свойственно представление о безграничности научно-технического прогресса, вера в возможность создания «справедливого» социального порядка, а также убеждение в обратимости общественного развития — все народы в своем развитии в принципе повторяют «высшие,

¹ Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 265.

² Кравченко, С. А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социс. 2007. № 3.

более прогрессивные» формы. Оно основано на постулатах презумпции внешней причины, принудительной каузальности, логоцентризма и евроцентризма научного знания, обосновывает «универсальный» детерминизм разума и морали, характерный-де для всей человеческой цивилизации¹.

Второе поколение — интерпретивная метапарадигма — социологические теории, толкующие причинность как вероятность совершения событий, из чего следует, что человеческое общество не есть нечто «исторически неизбежное», а результат «множества возможностей», ибо «мы имеем дело только с непонятной (или не вполне понятной) статистической вероятностью», как отмечал ее представитель, классик социологии М. Вебер.

Данная метапарадигма нацелена на изучение альтернативного социума. Возникли практически в один исторический период самые разные по формам интерпретивные теории: «понимающая» социология М. Вебера, символический интеракционизм Дж. Мида, Ч. Кули и Г. Блумера, феноменологическая социология А. Шютца, социология знания К. Маннгейма и др. Всех их объединяет утверждение релятивности социального знания, критическое отношение к позитивистской метапарадигме².

Второе поколение социологических теорий способствовало утверждению *антипозитивистского типа* социологического мышления. Для него характерна *возрастающая динамика мыслительных операций*: признание не только объективности, но и субъективности социальных реалий — субъективно сконструированных миров, утверждение множества возможностей развития. Оно основывается на постулатах о том, что каждая социальная общность имеет неповторимый ценностный мир, что обстоятельства всегда субъективны, что исследователь тоже не абсолютно беспристрастен, а потому не может быть единого, универсального объяснения социальных реалий.

Третье поколение — интегральная метапарадигма — социологические теории, основанные на одном из трех типов

интегрального исследования социума, что предполагает особый теоретико-методологический инструментарий, позволяющий одновременно и комплексно изучать макро-микрореалии, агентно-структурные взаимодействия или использовать теоретический синтез ряда научных подходов.

Третье поколение социологических теорий способствовало зарождению *динамического типа* социологического мышления. Именно с этого мышления, по нашему мнению, начался активный процесс *плюрализации* не только парадигм, но и типов социологического мышления.

В рамках теории социальной и культурной динамики общества П. А. Сорокиным была предложена концепция *динамично-интегрального типа* социологического мышления. Ученый показал, что возникающему новому типу социологического мышления присущи следующие качества:

— переход от материалистического к более *идеалистическому* мышлению;

— стали *иначе интерпретироваться* причинность, время, пространство, число; линейное мышление вытесняется *нелинейным*: «Нет никакой непрерывной линейной тенденции... — пишет он. — В этом смысле и история в целом никогда не повторяется, и совокупный исторический процесс имеет уникальный исторический аспект в каждом своем моменте, аспект, насчет которого можно предсказать только то, что он непредсказуем...»¹;

— происходит *отказ от евроцентризма*: «Время изолированных друг от друга государств прошло, — писал социолог, — и человечество теперь уже представляет собой взаимодействующее сообщество»²;

— признание перехода к *многополюсному творчеству*: «перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку... И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать — помимо Европы,

¹ Ritzer, G. Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization. London, Thousand Oaks, New Delhi : Sage Publications, 2001.

² Вебер, М. Избранные произведения. М., 1990; Ritzer, G. Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization. London, Thousand Oaks, New Delhi : Sage Publications, 2001.

¹ Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : ЗХГИ, 2000. С. 92, 93.

² Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М. : ИСПИ РАН, 2009. С. 330.

Америк и России — возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира»¹.

Вклад в динамичный тип социологического мышления внесли и другие социологи.

Например, Р. Мертон ратовал за *мышление в терминах социологической амбивалентности*, предполагающее, что некая социальная форма обладает *усложняющейся функциональной динамикой* — способна выполнять как позитивные функции, так может также играть дисфункциональную роль в этой же системе. Более того, сложная динамика социума приводит к тому, что отныне объектом мысли социолога становятся *ненамеренные последствия* характерных моделей поведения².

Т. Парсонс отстаивал *мышление в терминах подвижного равновесия социума* и т.д.³.

Четвертое поколение — метапарадигма рефлексивного модерна (собственно современного общества в отличие от общества, именуемого индустриальным модерном) — интегральные социологические теории, анализирующие усложняющуюся социокультурную динамику социума, его внутреннюю активность, проявляющуюся как в институциональной, так и индивидуальной рефлексивности современного общества. Ее представителями являются: П. Бурдьё (структуралистский конструктивизм), Э. Гидденса (теория структурирования), М. Арчер (теория морфогенеза, культуры и деятельности), Н. Луман (теория аутопоэзиса), У. Бек (теория «Общества риска») и др.⁴.

Четвертое поколение социологических теорий способствовало зарождению *рефлексивного типа* социологического

мышления. Его конкретным проявлением является *мышление в терминах риска* (У. Бек, Э. Гидденс).

В целом рефлексивный тип социологического мышления основан на постулатах о крайнем динамизме современного мира, глобальности пространства, размывании культурно-территориальной идентичности, естественности смены самоидентификаций. Оно предполагает возможность использования понятий без рельефно очерченных границ. Соответственно, оно вообще не нацелено на получение строгих данностей в условиях резкого уменьшения масштабов долгоживущего социума, но, тем не менее, позволяет прояснить *общую* картину перемен, выявить потенциал неравновесности, случайностей, исключений, диффузных процессов.

Наконец, *пятое поколение — нелинейная метапарадигма постмодерна* — как социологические, так и *другие социальные теории*, изучающие нелинейную социокультурную динамику, процессы самоорганизации социума, обеспечивающие возникновение порядка из хаоса, интерпретирующие природу новых неопределенностей и рисков, ризомные процессы, разрывы и синтезы, парадоксы глоболокального социума, возможности превращения стихийного развития в направляемое. Сюда же относятся теории, анализирующие возникающий при этом десоциализирующий социум, знаменующий «конец социального».

По своей сути они становятся все более пластичными и открытыми, что касается и концепций, и категорий, и даже отдельных понятий в виде метафор, результатом чего является утрата жесткости их границ (некоторые социологи — Дж. Ритцер, Ж. Бодрийяр — даже отказываются считать данные теории социологическими, называя их *социальными*)¹. По нашему же мнению, большинство из этих теорий сохраняет собственно социологический стержень и в силу этого их можно считать социологическими².

Пятое поколение теорий представлено *постмодернистским типом* социологического мышления.

¹ Ritzer, G. Postmodern Social Theory. The McGraw-Hill Companies, 1997; Ritzer, G. Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization. London, Thousand Oaks, New Delhi : Sage Publications, 2001.

² Кравченко, С. А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М. : МГИМО-Университет, 2010.

¹ Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997. С. 11, 14.

² Merton, R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, vol. 1, 1936.

³ Парсонс, Т. О социальных системах. М., 2002.

⁴ Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структурирования. М. : Академический проект, 2003; Bourdieu, P. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago : University Press of Chicago, 1992 (with Loïc Wacquant); Луман, Н. Общество как социальная система. М., 2004; Archer, M. C. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1995; Beck, U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The Risk Society and Beyond / B. Adam, U. Beck, J. van Loon (ed.). L. : Sage Publication, 2007.

Его наиболее характерная черта, отличающая данный тип мышления от всех других, является способность к *научному синтезу парадоксального*, казалось бы, несочетаемого, что предполагает интегральное использование социологического инструментария разных парадигм, других социальных и гуманитарных наук, а также наук естественных, у которых заимствуются и отдельные термины, и даже концепции, которые в дальнейшем наполняются собственно социологическим содержанием. Подчеркнем, речь идет не об эклектике в позитивистском смысле, а о востребованности качественного нового инструментария, позволяющего исследовать усложняющийся, самоорганизующийся социум

Постмодернистский тип социологического мышления включает в себя парадоксальное единство порядка и хаоса, глобального и локального, линейной эволюции и нелинейного саморазвития социума, принципы детерминизма и недетерминизма, мужское и женское видение социума, представления о стержневом и ризомном развитии. Ризома — «скрытый стебель», обладающий способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, «некорневую» конфигурацию, — метафорическое обозначение, предложенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари, внеструктурного и нелинейного способа организации целостности¹. На смену относительно «долгоживущих» понятий и категорий приходят понятия, имеющие «краткосрочное, диффузное содержание».

Нельзя не видеть, что с переходом к каждому новому поколению социологических теорий и, соответственно, новому типу социологического мышления их *взаимовлияние усложняется*: корреляции между социологическим теоретизированием и социологическим мышлением все более обретают *нелинейный* характер.

Таким образом, само возникновение социологической теории стало возможным лишь тогда, когда общество достигает *определенного уровня динамической сложности, что выражается в появлении критического взгляда людей* (у ученых — организованного скептицизма) на характер изменений социальных институтов и самих себя.

В *широком смысле слова* все пять поколений социологической теории *современны*, ибо и сегодня выполняют функции

¹ Ризома // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 656–660.

теории — позволяют осуществлять систематизацию знания, объяснять социальную жизнь через выдвижение гипотез применительно к *конкретному* социуму, его базовых характеристик (открытости — закрытости, временных масштабов динамики, соотношению компонентов глобального и локального, роли деятельных социальных субъектов и т.д.).

В *узком, собственном смысле слова* современны лишь четвертое и пятое поколение теорий — теории, ориентированные на исследования самоорганизации, рефлексии и нелинейности социума, факторов бифуркаций, увеличивающейся динамической сложности.

Каждое новое поколение социологической теории возникло лишь тогда, когда *общество преодолевало очередной порог динамической сложности* и, по существу, новый теоретико-методологический инструментарий создавался для анализа изменений. Границы между поколениями теорий *релятивны*: из того, что создано мировой социологической мыслью на разных исторических этапах, можно и нужно извлекать все ценное для понимания современных социальных процессов.

Каждая теория имеет свою методологию исследования социума. *Методология* — система общих принципов науки, а также совокупность её исследовательских приемов.

Полипарадигмальный характер социологического знания предопределяет использование разных принципов и приемов исследования общества представителями различных парадигм. Методология направляет ученого на исследование *специальной области* социальных реалий, отбор фактов, характеризующих *каузальные зависимости именно в этих сферах*, ориентирует на использование *специфического инструментария* сбора и систематизации данных.

Предмет социологии

Из сказанного следует, что практически каждая парадигма имеет не только свой концептуальный и методологический аппарат, но и свой *предмет* исследования.

Поэтому *представляются схоластическими сами попытки дать универсальное, всеобъемлющее определение социологической науки*. Уже более ста лет идут ожесточенные споры социологов, но до сих пор нет ни одного определения социологии, которое бы в концентрированной форме представляло *все* социологическое знание. На наш взгляд, такого

определения *в принципе невозможно выработать*, ибо нельзя объять необъятное.

Аналогично для сравнения: практически невозможно дать *универсальное* определение медицины, если одновременно иметь в виду практическое существование *множества совершенно разных медийн*: нашей традиционной медицины; медицины восточной, предполагающей *иное* видение болезни человека и их лечение; шаманской медицины — как лекари, так и пациенты, как правило, искренне верят в её целительные возможности и т.д.

Учитывая, что ныне социология в целом представляет собой разветвленную систему знания, состоящую из большого количества общепризнанных парадигм, которые избирательны в смысле приоритетности рассмотрения тех или иных проблем, оценки факторов развития человека и общества, автор настоящего учебника сделает акцент не на определении социологии вообще, а на определении предмета, методов и методологии *конкретных социологических парадигм*. Сущностное их определение и характеристика будут содержаться в соответствующих главах.

Более того, существуют *отраслевые социологии*, которые, как правило, с позиций теорий среднего уровня изучают конкретные сферы жизнедеятельности людей (см. табл. 1).

Таблица 1

Исследовательские социологические комитеты в России и США

Исследовательские комитеты Американской социологической ассоциации	Исследовательские комитеты при Российском обществе социологов
Аграрная социология	Социальное прогнозирование
Биосоциология	Теория социальных систем
Визуальная социология	Этническая социология
Демографическая социология	Социология риска и катастроф
Инвайронменталистская социология	Проблемы армии и военно-социологические исследования
Индустриальная социология	Экосоциология
История социологии / социальная мысль	Социальная политика и социальная сфера

Продолжение табл. 1

Исследовательские комитеты Американской социологической ассоциации	Исследовательские комитеты при Российском обществе социологов
Коллективное поведение / социальные движения	Изучение использования времени
Криминология / правонарушения	Социология семьи
Методология: качественный и количественный подходы	Социология политики и социальной сферы
Политическая социология	Социальная коммуникация, Социальное участие и интерактивные массмедиа
Прикладная социология	Социология образования
Социальная психология	Гендерная социология
Социологическая практика / социальная политика	Социология молодежи
социология потребления алкоголя и наркотиков	Теория и история социологии
Социология брака и семьи	Логика и методология в социологии
Социология возраста / социальная геронтология	Математическое моделирование и статистические методы в социологических исследованиях
Социология девиантного поведения / социальная дезорганизация	Биография и общество
Социология досуга, спорта, рекреации	Социология труда
Социология занятости и профессий	Социология конфликта
Социология знания и науки	Социология религии
Социология искусства и литературы	Экономическая социология
Социология криминогенности и коррекции поведения	Социология медицины и здоровья
Социология культуры	Социология социального управления

Продолжение табл. 1

Исследовательские комитеты Американской социологической ассоциации	Исследовательские комитеты при Российском обществе соци- ологов
Социология малых групп	Социология социальной работы
Социология массовой коммуникации и общественного мнения	Социология политики
Социология медицины	Социология социальных групп и профессий
Социология ментального здо- ровья	Ассоциация «ЭкоСоциология»
Социология миграции и иммиграции	Проблемы экологической без- опасности
Социология образования	
Социология права	
Социология рас, этносов, меньшинств	
Социология религии	
Социология рынков	
Социология секса и гендера	
Социология социализации	
Социология социального взаимодействия	
Социология социального кон- троля	
Социология социальной организации	
Социология социальных изменений	
Социология стратификации и мобильности	
Социология труда	
Социология урбанизации	
Социология экономики	
Социология языка / социальная лингвистика	

Окончание табл. 1

Исследовательские комитеты Американской социологической ассоциации	Исследовательские комитеты при Российском обществе соци- ологов
Сравнительно-историческая социология	
Теоретическая социология	
Экологическая социология	

С учетом всего вышесказанного предлагается *рабочее определение* социологии, которое, подчеркнем, дает лишь *самое общее представление об этой науке: социология* — полипарадигмальная наука, которая, опираясь на эмпирически подтвержденные данные, теоретически изучает деятельность людей в конкретном социальном и культурном контексте функционирования общества, его институтов и организаций, противоречивого развития общественного сознания, осознанных и неосознанных мотивов поведения.

Как следует из определения — полипарадигмальной сущности науки — по существу, речь идет о *многих социологиях*, а сам термин «социология» выступает как их объединяющий.

Среди ряда из них выделяют имеющую сложную структуру *метасоциологию*. Ее представляют ученые, которые прежде всего занимаются изучением *собственно* социологических теорий.

В связи с этим американский социолог Поль Фурфей и предложил термин метасоциология, обозначающий *самостоятельную* науку, предметом которой является изучение самой социологии. По его мнению, задачами метасоциологии являются:

- разработка критериев, позволяющих отличать научное социологическое знание от других видов знания;
- изучение явлений, как имеющих, так и не имеющих отношение к сфере социологии;
- исследование и разработка практических процедурных правил применения социологических данных.

Американские социологи Джонатан Турней и Джордж Ритцер рассматривают метасоциологию как *интегральную часть* социологической науки. По их мнению, метасоциология позволяет глубже понять ту или иную социологическую парадигму, может способствовать её развитию и совершенствованию. Более того, метатеоретизирование вообще

и метасоциология в особенности могут стать источником интегральных парадигм.

В русле метатеоретизирования американский социолог Алвин Гоулднер ввел понятие *социология социологии* или более конкретно — *рефлексивная социология*, которая, по существу, отслеживает то, чем социологи намериваются заниматься и что они фактически исследуют.

Французский социолог Пьер Бурдьё также широко использует эти понятия для изучения социальных практик социологов, их предрасположенностей к различным видам деятельности, в частности, научных и политических притязаний, взаимоотношений с социальными силами, употребления своеобразного жаргона и т.д. В этом контексте метасоциология предполагает не только теоретизирование относительно социологических теорий, но и их эмпирическое исследование, а также изучение самих социологов.

Более конкретное представление о социологии, её теориях читатель получит в процессе усвоения самого курса, когда познакомится с тем, как определяли предмет социологии выдающиеся представители мировой социологической мысли.

2.3. Ч. Р. Миллс: обоснование социологического воображения

Создателем теории социологического воображения стал американский социолог Чарльз Райт Миллс.

Он родился 28 августа 1916 г. в штате Техас в семье страхового брокера. Там же — в Техасе — окончил университет, получив степени бакалавра и затем магистра. Расцвет интеллектуального мастерства социолога состоялся весьма рано. Еще в студенческие годы он начал публиковать статьи в профессиональных социологических журналах. Вскоре появились книги. Среди известных работ ученого: «Белые воротнички: средние классы в Америке» (1951 г.), «Властвующая элита» (1956 г.), «Причины третьей мировой войны» (1958 г.), «Социологическое воображение» (1959 г.), «Марксисты» (1962 г.), «Социология и прагматизм» (опубликована посмертно в 1964 г.). Миллс также проявил интерес к исследованию кубинской революции и написал книгу: «Слушайте, янки: революция на Кубе» (1960 г.).

Умер Ч. Р. Миллс от очередного сердечного приступа 20 марта 1962 года.

Против научной схоластики и бюрократического этоса

В конце 1950-х гг. Ч. Р. Миллс выдвинул шокирующую идею для многих представителей как академической, так и практической социологии — во имя оригинального интеллектуального мастерства необходимо принципиально отказаться как от «Высокой теории» Т. Парсонса, так и эмпирической методологии П. Лазерсфельда, которые, по его мнению, заорганизовывают социологическую науку, умаляя значимость *творческого мышления*.

Для того времени, авторитет Т. Парсонса и его теории был непререкаем. Это был социолог № 1 в мире. Авторитет П. Лазерсфельда в эмпирической социологии был не менее значим. По существу, им были созданы каноны методологии социологических исследований, по которым учились все студенты-социологи ведущих университетов. По ним проводились исследования, признанные образцом социологического профессионализма не только в Америке, но и во всем мире.

На фоне стабилизации и универсализации «индикаторов научности» вдруг прозвучал набат социологического воображения со своими радикальными рекомендациями. В противовес «абстрактного эмпиризма» П. Лазерсфельда: «избегайте установления жестких процедур. Избегайте фетишизации метода и методики»¹. Суть «абстрактного эмпиризма» Ч. Р. Миллсу видится в «методологическом самоограничении». Модель научного исследования абстрактных эмпириков «являет собой по преимуществу эпистемологическую конструкцию, наиболее очевидным следствием которой в социальных науках стало методологическое самоограничение. Я хочу сказать, что круг доступных рассмотрению проблем и сама их постановка весьма жестко ограничиваются “Научным методом”. Короче говоря, методология определяет проблематику исследования»².

Еще более резок Ч. Р. Миллс в отношении «Высокой теории» Т. Парсонса, в которой, по его мнению, «понятия по существу заменяют действительность», проявляется

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 253.

² Там же. С. 72.

«уход в формализм»: «Избегайте витиеватой игры с понятиями и манерности в изложении. Требуйте от себя и других простых и ясных определений»¹.

Обобщая суть своих критических претензий, Ч. Р. Миллс пишет: «Оба эти направления, или школы, — “Высокая теория” и абстрактный эмпиризм живут и процветают в рамках того времени, которое должно представлять собой паузы в исследовательском процессе обществоведения. Но то, что должно быть паузой, если можно так сказать, стало путем в никуда. В интеллектуальном плане эти школы являют собой примеры отречения от классической социальной науки. Движущий мотив этого отречения заключается в чрезмерном увлечении “методом” и “теорией”, а его основная причина связана с отсутствием прочной связи с реальными проблемами»².

Таким образом, Ч. Р. Миллс, по существу, предлагал иную концепцию общественной науки. «Моя позиция, — писал он, — противостоит взгляду на общественную науку как на набор бюрократических процедур, которые опутали социальное познание своими “методологическими” претензиями, переполняют его схоластическими конструкциями и опошляют мелкотемьем, не имеющим отношения к общественно значимым проблемам»³.

По Ч. Р. Миллсу, чтобы понять те или иные социокультурные реалии, отношение к ним людей и их поведение, социологу недостаточно знать постулаты теории, уяснить её методологические принципы, овладеть техникой социологического исследования. Необходимо ещё проявить *динамичное, критическое мышление*, способное вырабатывать *собственный, уникальный теоретико-методологический инструментарий*, отражающий адекватно *ускоряющуюся динамику* ценностей и общественных преобразований. И тогда привычное может приобрести совершенно иной смысл. Обыденные вещи могут предстать не тем, чем они всем кажутся.

Оригинальная методология

Квинэссенция социологического воображения — выработка социологов *своей оригинальной* методологии. «Спо-

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 253.

² Там же. С. 91–92.

³ Там же. С. 30.

собствуйте реабилитации и непретенциозного интеллектуального мастерства и старайтесь сами стать таким мастером, — писал Ч. Р. Миллс. — Пусть каждый будет сам себе методолог и сам себе теоретик. Отстаивайте приоритет индивидуального исследователя»¹.

Почему необходима своя оригинальная методология?

По мнению социолога, любая теория *ограничена в пространстве*. Она может быть применима лишь для осмысления *определенных* проблем. «Согласно классическому направлению в общественных науках ни метод, ни теория не образуют автономной сферы. Методы суть методы для изучения определенного круга проблем; теории суть теории, объясняющие определенную область явлений. Они — как язык страны, в которой ты живешь: нечего хвастать тем, что умеешь говорить на нем, но предосудительно и неудобно не владеть этим языком»².

Кроме того, любая теория *ограничена во времени*. Это особенно видно, когда социум переходит в новое качество во время смены исторических эпох. Применение прежнего теоретико-методологического инструментария для интерпретации новой эпохи оказывает не продуктивным.

Более того, в такие рубежные периоды испытанию подвергаются даже идеологические системы. Некоторые из них не выдерживают испытание временем, требуется их замена. Ч. Р. Миллс отмечает: «Ощущая на себе смену эпох, мы изо всех сил стараемся разглядеть очертания новой эпохи... Свои объяснения, касающиеся смены эпох, мы обычно выводим из имеющих громадное историческое значение событий... Но когда мы пытаемся распространить эти объяснения на современную ситуацию, они оказываются громоздкими, неуместными и неубедительными. Еще я хочу сказать, что главные наши ориентиры — либерализм и социализм, — фактически исчерпали свои возможности давать адекватные объяснения окружающего мира и нас самих»³.

В силу этого социолог ратует за замену «универсальных» методов *своей оригинальной* методологией, свидетельствующей об интеллектуальном мастерстве ученого.

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 253.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 190.

Способность удивляться

Ч. Р. Миллс был одним из первых, кто обратил внимание на ненамеренные, латентные последствия увеличения информации, накопления человечеством знания о мире.

На первый взгляд, знание — *сила* и, соответственно, *благо* для людей. Однако не все так просто.

Само обилие информации может доставлять *немыслимые ранее проблемы*. Пройдя определенный порог накопления информации, люди оказались перед тем фактом, что «они не успевают ее усваивать»¹. Отсюда возникла проблема «здорового мышления», необходимость формирования навыков теоретической рациональности, но «усилия, затрачиваемые на их приобретения, нередко истощают и без того скудные духовные силы»².

Иными словами, ненамеренным последствием роста информации становятся *вызовы духовности общества*. Ответ на эти вызовы социолог усматривает в формировании «особого качества ума, которое поможет достичь ясного понимания того, что происходит как в мире, так и нами самими»³. Важным качеством такого ума является «*способность удивляться*», благодаря чему люди «обретают новый способ мышления, производят переоценку ценностей»⁴ и, соответственно, более или менее безболезненно адаптируются к новым реалиям.

Качество всех интеллектуалов

По Ч. Р. Миллсу, социологическое воображение — «это особое качество мышления и интеллекта, которое, вероятно, обеспечивает наиболее наглядное представление о самых сокровенных областях нашего бытия в их связи с более широкой социальной действительностью»⁵.

В таком — широком — понимании социологическое воображение адресовано не только представителям социологии и социальных наук, но *всем интеллектуалам*. При этом ученый отмечает *неравномерное распространение* социологического воображения во времени и пространстве, что

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 13.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 24.

показывается им на примере развития этого качества мышления и интеллекта в социальных и гуманитарных науках, в литературе и искусстве. «В Англии, например, — пишет он, — социология как учебная дисциплина по сей день занимает несколько маргинальное положение, в то время как в английской журналистике, художественной литературе и прежде всего в исторической науке социологическое воображение получило мощное развитие»¹.

Методологический интегрализм

До Ч. Р. Миллса социологии, как правило, придерживались какого-то одного методологического подхода. Социолог же, показав *усложняющиеся* взаимоотношения человека и общества, предложил своеобразный *методологический интегрализм*.

С одной стороны, индивид «самим фактом своего существования вносит собственный, хотя и ничтожно малый, вклад в формирование общества», а с другой стороны, — «он сам является продуктом общества и конкретно-исторических общественных сил. Социологическое воображение дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества... Социологическое воображение позволяет перейти от исследования независимых от воли отдельного индивида общих исторических изменений к самым сокровенным свойствам человеческой личности, а также видеть связь между ними. Использовать эту возможность нас побуждает постоянное стремление понять социально-историческое значение человека в таком конкретном обществе, которое обеспечивает ему проявление своих человеческих качеств и самое существование»².

С тех пор социологическое воображение предполагает *определенное сочетание* подходов к анализу общества. На это ориентируют современные социологи, в частности, З. Бауман³, П. Бергер⁴ и другие.

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 29.

² Там же. С. 13, 16.

³ Бауман, З. Мыслить социологически. М. : Аспект Пресс, 1996.

⁴ Бергер, П. Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М. : Аспект Пресс, 1996.

Диалектика индивидуальной биографии и институтов общества

Социологическое воображение дает возможность понять реально складывающиеся взаимоотношения между *личными трудностями* и *общественными проблемами*.

По Ч. Р. Миллсу, личные трудности — частные проблемы, затрагивающие судьбы отдельных индивидов, носителей конкретной биографии. В принципе, они поддаются контролю со стороны *этих* индивидов. «*Личные трудности*, — пишет он, — определяются характером индивида и его непосредственными отношениями с другими; они касаются его “я” и тех ограниченных областей жизни общества, с которыми он лично знаком. Соответственно, осознание и преодоление этих трудностей, строго говоря, не выходит за рамки компетенции индивида как носителя конкретной биографии, а также за рамки непосредственной сферы его жизнедеятельности, то есть того социального окружения, которое определяется его личным опытом и до некоторой степени доступно его сознательному действию»¹.

А вот «*общественные проблемы* обычно касаются отношений, которые выходят за пределы непосредственного окружения индивида и его внутренней жизни... В действительности общественные проблемы часто связаны с кризисом институционального порядка»².

Для иллюстрации различий между личными трудностями и институциональными проблемами общества социолог приводит ряд примеров. Приведем один из них.

«Во время войны личные проблемы связаны с тем, что каждый решает, как выжить или героически погибнуть, или сделать на ней деньги, или занять тепленькое и безопасное местечко в аппарате военного управления или содействовать завершению войны... Но для решения структурных проблем войны требуется выявление ее причин, изучение того, как и какого рода люди выдвигаются на командные посты, каково ее влияние на экономические, политические, семейные и религиозные институты, а также на исследова-

ние международных отношений, в которых царят неорганизованность и безответственность»¹.

Насколько же сегодня актуальные следующие слова социолога: «чтобы понять изменения, происходящие в отдельных индивидуальных “ячейках”, необходимо выйти за их пределы. Тем более что количество и разнообразие структурных изменений растет, поскольку институты, внутри которых мы живем, все шире распространяют свое влияние и связь между ними становится все более тесной. Осознать идею социальной структуры и научиться адекватно применять ее — значит получить возможность проследить связи величайшего многообразия индивидуальных сред жизнедеятельности. Уметь это делать — значит овладеть социологическим воображением»².

Понять природу социального счастья и тревог

Социологическое воображение позволяет понять проблемы самочувствия людей, их *социального счастья* или *тревог*. В связи с этим, социолог показал глубинную связь социального благополучия или, напротив, социальных невзгод с *состоянием ценностей, разделяемых обществом*.

Когда ценности эффективно воспроизводятся и поддерживаются, люди находятся в состоянии благополучия. Ситуация резко меняется с рассогласованием ценностного консенсуса. Ч. Р. Миллс пишет: «Когда люди разделяют определенные ценности, но *чувствуют*, что им угрожает опасность, они переживают кризис: либо как личные затруднения, либо как общественную проблему. А если им кажется, что все ценности, которым они привержены, находятся под угрозой, их может охватить паника. Но представим себе людей, которые не имеют ни одной общей ценности и не чувствуют никакой угрозы. Это состояние *индифферентности*, которое, распространившись на все ценности, влечет за собой апатию. Представим, наконец, ситуацию, характеризующуюся отсутствием общих ценностей при остром осознании угрозы. Это состояние тревоги, беспо-

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 17.

² Там же. С. 17.

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 18.

² Там же. С. 19–20.

койства, которое, достигнув определенного порога, превращается в нераспознанную смертельную болезнь»¹.

Ч. Р. Миллс настаивал на том, перед властями и обществоведами стоят общие задачи — «прояснить элементарные основания сегодняшних тревог людей и безразличия общества... Думаю, что эти задачи делают социальные науки общим знаменателем нашей культурной эпохи, а социологическое воображение — самым необходимым сегодня качеством интеллекта»².

Полагаем, невнимание к проблемам социального самочувствия людей, глубинным ее корням, подчас, латентным, является главной причиной того, что пока в России нет эффективной социальной политики, которая в принципе должна работать на социальное счастье людей.

Учсть амбивалентную функциональность науки

Социологическое воображение предполагает иной, *более сложный взгляд на науку*, ее возможности.

В эпоху Просвещение утвердилось суждение о всесиилии науки. Как известно, основоположник социологии О. Конт, по существу, отождествлял научно-технический прогресс с прогрессом социальным. Многие ученые разделяли его позицию.

Пожалуй, Ч. Р. Миллс был одним из первых, кто отметил *амбивалентную функциональность науки*, ее взаимосвязь с другими сферами жизнедеятельности людей.

Если из науки выхолащивается *культурная, гуманитарная* составляющая, то ее результаты могут обернуться моральными и социальными проблемами. Так, социолог прямо отмечает неоднозначность достижений современной науки: «Развитие физики в последние десятилетия, высшим технологическим достижением которой стало создание водородной бомбы и средств ее доставки в любую точку планеты, едва ли воспринимается как решение проблем, над которыми ломали головы поколения интеллектуалов и деятелей культуры... Они не только не решили имеющихся глобальных проблем, но поставили еще больше новых, как интеллек-

туальных, так и моральных, почти целиком относящихся к социальной сфере, а не к естествознанию»¹.

По мнению социолога, целью предлагаемого им социологического воображения должна стать наука о мире, основанная на принципах *морали, разума и справедливости*. Поэтому ученый ратует за переоценку роли науки, предлагая рассматривать перспективы ее развития в *социокультурном* контексте.

Принять во внимание человеческое многообразие

Социологическое воображение нацелено на изучение *человеческого многообразия* с позиций *культурного релятивизма*.

Человеческое многообразие включает «все социальные миры, в которых жил, живет и мог бы жить человек. В эти миры входят и первобытные сообщества, которые, насколько мы знаем, мало изменились за тысячу лет, и могущественные державы»².

Ч. Р. Миллс особо подчеркивает недопустимость *евро- и этноцентризма*. «Если мы, — пишет он, — ограничиваемся примером одного какого-либо государства современного (обычно западного) общества, то у нас нет оснований надеяться, что сможем уловить многие подлинно фундаментальные различия между человеческими типами и общественными институтами... Нельзя понять и объяснить основные фазы, через которые прошла или проходит та или иная западная страна, и современные ее очертания только в терминах своей собственной национальной истории»³.

Особый акцент им делается на изучении разнообразия человеческих типов и индивидов. Ибо, как считает социолог, между странами идет борьба «за тот тип личности, который будет преобладать на Ближнем Востоке, в Индии, Китае, Соединенных Штатах. Вот почему сегодня культура и политика так тесно связаны между собой. И именно поэтому существует столь настоятельная необходимость в социологическом воображении»⁴.

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 25.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 169, 173.

⁴ Там же. С. 181.

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 20.

² Там же. С. 22–23.

Анализ глоболокального взаимодействия

Благодаря своему неординарному мышлению, Ч. Р. Миллс опередил время и, по существу, поднял проблематику того, что сегодня принято называть процессами *глоболокализации*.

«Одной из отличительных характеристик современной эпохи является то, что впервые в истории все разнообразные социальные миры находятся в тесном, быстром и очевидном взаимодействии. Исследователь должен заниматься сравнением этих миров и рассматривать взаимодействия между ними... Вот почему наилучшие социологические исследования сегодня — это работы глобального и регионального масштабов»¹.

В одних странах сохраняются так называемые «пережитки прошлого», а в других странах — нет. «Вместо того, чтобы “объяснять” какое-то явление как “пережиток прошлого”, мы должны поставить вопрос, почему оно сохранилось»². При ответе на этот и подобные вопросы, по мнению социолога, необходимо проследить «основные тренды этих изменений», а также учесть, что «существуют контртренды».

Динамика социального смысла

Ч. Р. Миллс обращает особое внимание на проблему осмысления реальных процессов в контексте того, что и процессы и их отражения посредством смыслов подвержены динамики.

Здесь особо остра проблема переосмысления истории. С одной стороны, она неизбежна в силу самого процесса изменения, но с другой стороны — переосмысления реальности может привести к абсурду, травмирующему коллективную идентичность людей. «Не нужно великолепных прозрений Джорджа Оруэлла, чтобы понять, как легко можно извратить историю в ходе ее беспрестанного переписывания. Оруэлловский “1984 год” показал это наглядно и, будем надеяться, основательно напугал некоторых наших коллег-историков»³.

Полагаем, сказанное весьма актуально для российских обществоведов: идеологические наслоения с нашей истории,

конечно, необходимо убрать, но не порождая при этом новые ценностные пристрастия.

Разум и свобода

Ч. Р. Миллс отмечает, что «в настоящее время ценности разума и свободы находятся в большой опасности»¹. При этом социолог выделяет ряд проблем.

Среди них, по мнению социолога, — абсолютизация научной рациональности и умалении творческого мышления.

«То, что научным методам и научной рациональности отводится в обществе центральное место, — пишет Ч. Р. Миллс, — вовсе не означает, что жизнь людей устроена разумно, без мифов, обмана и суеверий. Всеобщее образование приводит, скорее, к технологическому идиотизму и националистической ограниченности, чем к информированному и независимому мышлению... Бюрократическая рациональность, судя по всему, фактически ограничивает возможность индивида обвести волю и способность к самостоятельному мышлению. Рационально организованное общественные установления не обязательно служат средством увеличения свободы, как для личности, так и для общества. На самом деле эти установления зачастую являются средством тирании и манипуляции, средством, с помощью которого людей лишают самой возможности мыслить и способности действовать свободно»².

Другая проблема для свободы — необходимость «овладения разумом», что, по существу, предполагает неординарные сознательные усилия со стороны индивидов по развитию своего интеллекта.

Социолог подвергает критике упрощенные представления, согласно которым свобода является имманентной составляющей природы человека, и замечает: «Свобода — это не только возможность делать все, что нам вздумается, или делать выбор из заданных вариантов. Свобода — это, прежде всего, возможность определить варианты выбора, обсудить их и только потом принять решение. Вот почему не может быть свободы без повышения роли разума в человеческих делах... сегодня для нас стало очевидным, что *не все* люди от природы *хотят* быть свободными, что не все хотят

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 173.

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 167.

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 192.

² Там же. С. 193.

и не все могут по самым разным причинам, сделать над собой усилие для овладения разумом, столь необходимым для свободны»¹.

Эти принципы социологического воображения, которые, разумеется, развиваются являются органичным компонентом познания социума.

2.4. Единство социологического мышления, теоретизирования и воображения

Существовало ли социологическое воображение до Ч. Р. Миллса, не как термин и теория, а как *явление*, раньше?

Полагаем, на этот вопрос следует дать утвердительный ответ: социологическое теоретизирование, мышление и социологическое воображение *возникли вместе*, имеют свою *общую, имманентную логику развития*. При этом мы далеки от механистической трактовки их взаимодействия. Разумеется, в социологическом воображении гораздо больше и рельефнее, чем в социологическом мышлении, проявляются личностные качества социолога, его способности к самовыражению.

Напомним, Р. Мертон одной из интеллектуальных предпосылок возникновения социологии как науки считал *мышление в виде организованного скептицизма* в отношении законов общества, взглядов на природу поведения больших групп людей.

Полагаем, организованный скептицизм можно рассматривать как *первый тип социологического воображения*. Он практически характерен для всех социологов, представляющих первое поколение социологических теорий. Так, К. Маркс увидел в, казалось бы, «свободных» экономических отношениях проявление некой «чуждой воли» — появились своеобразные концепции отчуждения, товарного фетишизма, давшие импульс исследованиям в этом направлении на годы вперед.

Второй тип социологического воображения, сформированный на основе антипозитивистского мышления, был главным образом нацелен на выявление *внутренних, латентных, как*

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 199.

правило, неосознаваемых механизмов деятельности людей, формирующихся в контексте определенных ценностей.

Анализ «духа капитализма», который проделал М. Вебер, позволил раскрыть внутренний смысл современного капитализма, формирование принципиально новых типов рациональностей, солидарностей, экономических и политических организаций.

Теория *социологического воображения* Ч. Р. Миллса, по нашему мнению, знаменует собой его *третий, достаточно зрелый тип*, который адекватен динамическому типу мышления.

Как и К. Маркса Ч. Р. Миллса занимала проблематика свободы. Но движение к свободе трактуется им в контексте *более сложной динамики*, через призму утверждения культуры гуманистической рациональности, предполагающей активную роль человека. Особо примечательно то, что в социологическом воображении ученый видел своеобразную возможность личного *активного участия* исследователя в процессе изменения общества, политической и культурной жизни¹.

Спустя почти пятьдесят П. Штомпкой лет была выработана новая концепция социологического воображения, представляющая ее исторически *четвертый тип*.

Эта концепция, адекватная рефлексивной метапарадигме радикального модерна, делает акцент на восприятии общественной жизни в контексте «ускользающего мира» (Э. Гидденс), «текущей современности» (З. Бауман), на признании увеличивающегося разнообразия и вариантов форм проявления общественной жизни.

Ее основные постулаты следующие:

- рассматривать все социальные явления как результат деятельности социальных агентов и идентифицировать их;
- понимать скрытые за поверхностью явлений структурные и культурные ресурсы и ограничения, влияющие на социальную жизнь;
- изучение предшествующей традиции, живого наследия прошлого и его постоянного влияния на настоящее;
- воспринимать общественную жизнь в ее динамике;

¹ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 28

— признание огромного разнообразия и вариантов форм проявления общественной жизни¹.

Ныне формируется *пятый тип* социологического воображения, который, предполагается, должен быть адекватен нелинейной метапарадигме постмодерна.

Востребованность *новой* концепции социологического воображения уже осознается мировым социологическим сообществом. Об этом свидетельствует *целый ряд* попыток ее создания.

Одна из них, в частности, была предпринята британским социологом Стивом Фуллером в книге «Новое социологическое воображение», изданной в 2008 году.

По мнению ученого, потребность анализа усложняющегося социума, в частности, «овеществления спонтанности» «подорвала социальное научное воображение [предшествующих типов — авт.], чему способствовали противоположные стороны — как гуманитарные, так и естественные науки»². Новая концепция социологического воображения предполагает мышление в терминах расширяющегося теоретического синтеза, примером чему может служить «недавно появившиеся “прогрессивные” науки: социобиология, эволюционная психология, поведенческая генетика»³.

Вместе с тем, она ориентирует социологов на видение возможных ненамеренных последствий научных инноваций, исходя из того, что «остается и всегда останется сомнение относительно нашего контроля над последствиями»⁴. При этом предлагаемая концепция социологического воображения в целом основывается на биологическом неоредукционизме, акцентирует возрастающую роль инноваций, особенно ненамеренных последствий в сфере новейших нанотехнологий для жизнедеятельности человека.

Данная концепция, полагаем, хорошо работает в таких направлениях исследования, как риски здоровья, дискурс «старения» и «антистарения», новые подходы к пониманию человеческого тела.

Отметим лишь некоторую проблематику рабочей группы «Тело в социальных науках» I-го Форума социологии: гра-

ницы телесности, тело и природа, танцующие тела в киберпространстве, транссексуальные и трансгендерные тела, телесный фактор в социальных сетях и др¹. Воистину, чтобы заниматься этой проблематикой необходимо новое социологическое воображение, позволяющее видеть латентные стороны и функции человеческой телесности, многогранность которой стала раскрываться и осознаваться лишь сегодня.

На наш взгляд, у предлагаемой концепции есть ряд сильных сторон: предложение парадоксальных синтезов новейших подходов исследования поведения человека, акцент на амбивалентность последствий научных инноваций.

Но есть и слабые стороны. Для нас, например, неприемлем ее радикализм — умаление предшествующих типов социологического воображения, а также недооценка духовной составляющей в жизнедеятельности человека.

Еще одна постмодернистская концепция социологического воображения связана со становлением «постчеловека» — современного человека, чье социальное взаимодействие практически немыслимо без использования новейших технологий и «интеллектуальных машин»².

Сегодня эти машины, естественно, влияют на характер функционирования социального актора, придают ему новые властные возможности.

На наш взгляд, потребность в новой концепции социологического воображения бесспорна, что обусловлено усложняющейся, нелинейной социокультурной динамикой. Но в подходах, предлагаемых зарубежными социологами, на наш взгляд, недостает *гуманистической направленности*, что особенно было характерно для социологического воображения российских социологов, представителей всех поколений.

Именная такая концепция социологического воображения была предложена нами³, с позиций которой и будут рас-

¹ 1st Forum of Sociology. Barcelona, 2008, September 5–8. Barcelona, Spain.

² Gane, N. New Theoretical Movements: The Challenge of the 'Posthuman' // XVI World Congress of Sociology. Abstracts. ISA 2006 Congress. The Quality of Social Existence in a Globalizing World. Durban, South Africa, 2006. P. 86.

³ Кравченко, С. А. Динамика социологического мышления и воображения // Социс. 2009. № 8; Он же. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М. : Анкил, 2010.

¹ Штомпка, П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал, 2001, № 1. С. 148–149

² Fuller, S. The New Sociological Imagination. L. : Sage, 2008. P. 19.

³ Fuller, S. The New Sociological Imagination. L. : Sage, 2008. P. 29.

⁴ Fuller, S. The New Sociological Imagination. L. : Sage, 2008. P. 54.

смаатриваться социологические теории в последующих главах.

Из книги: Ч. Р. Миллс. Социологическое воображение¹

1. Что нам обещает социология

Скорость, с которой ныне история обретает новые формы, опережает способность человека ориентироваться в мире в соответствии с подлинными ценностями. Да и о каких ценностях можно говорить? Даже не впадая в панику, люди часто понимают, что старое мышление и мироощущение терпят крах, а новые веяния сомнительны в моральном отношении. Надо ли удивляться тому, что простые люди чувствуют себя беспомощными, столь неожиданно оказавшись перед необходимостью непосредственно иметь дело с более широкими социальными контекстами? Они не могут понять ни смысла современной исторической эпохи, ни того, какое влияние она оказывает на их собственную жизнь. Стремясь сохранить свою индивидуальность, они становятся морально бесчувственными и каждый пытается замкнуться в своей частной жизни. Надо ли удивляться тому, что ими овладевает чувство безысходности? Люди нуждаются не только в информации — ибо в «эпоху факта» информация настолько поглощает их внимание, что они не успевают ее усваивать. Люди нуждаются не только в навыках здравого мышления, несмотря на то, что усилия, затрачиваемые на их приобретение, нередко истощают и без того скудные духовные силы.

Они нуждаются и чувствуют это — в особом качестве ума, которое поможет пользоваться информацией и развивать мышление, чтобы достичь ясного понимания того, что происходит как в мире, так и с ними самими. Я намерен утверждать — надежды на развитие такого качества ума журналисты и гуманитарии, артисты и публики, ученые и издатели начинают возлагать на то, что можно назвать социологическим воображением...

Первым результатом социологического воображения и первым уроком основанной на нем социальной науки является понимание того, что человек может постигнуть приобретенный жизненный опыт и выверить собственную судьбу только тогда, когда определит свое место в контексте данного времени, что он может узнать о своих жизненных шансах только тогда, когда поймет, каковы они у тех, кто находится в одинаковых с ним условиях. С одной стороны, это жуткий урок, с другой — замечательный. Нам неизвестны пределы человеческих возможностей в стремлении к покорению высот и к добровольному падению, к страданию и ликованию, к упоению жестокостью и к наслаждению игрой разума. Но в настоящее время

¹ Сокращено по источнику: Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение // пер. с англ. О. А. Обрамко; под общ. ред. и с пред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.

мы узнали, что границы «человеческой природы» пугающе широки, что каждый индивид от поколения к поколению проживает свою биографию в определенном обществе, в соответствующем историческом контексте. Самим фактом своего существования он вносит собственный, хотя и ничтожно малый, вклад в формирование общества, выбор направления его исторического развития, несмотря на то, что он сам является продуктом общества и конкретно-исторических общественных сил.

Социологическое воображение дает возможность постигнуть историю и обстоятельства отдельной жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества...

Ни одно социальное исследование, если оно не обращается к проблемам человеческой жизни, истории и их взаимодействию в обществе, не может выполнить стоящие перед авторами задачи. Какие бы специальные вопросы ни затрагивали классики общественной мысли, сколь бы узкой или, напротив, широкой ни была картина изучаемой ими социальной реальности, всякий, кто ясно осознал перспективы своей работы, вновь и вновь ставит перед собой три группы вопросов.

1. Что представляет собой структура изучаемого общества в целом? Каковы ее основные элементы и взаимоотношения между ними? Чем структура изучаемого общества отличается от других типов социального порядка? Какую роль играют те или иные особенности данной структуры в процессе ее воспроизводства и изменения?

2. Какое место занимает данное общество в человеческой истории? Каковы механизмы его изменения? Каковы его место и роль в развитии всего человечества? Какое влияние оказывает тот или иной элемент структуры изучаемого общества на соответствующую историческую эпоху и что в этом элементе, в свою очередь, обусловлено исторически? В чем заключается сущность конкретной исторической эпохи? В чем ее отличие от других эпох? Каковы характерные для нее способы «делания» истории?

3. Какие социальные типы преобладают в данном обществе и какие будут преобладать? Какой отбор они проходят и как формируются, как обретают свободу или подвергаются угнетению, становятся восприимчивыми или безразличными? Какие типы «человеческой природы» раскрываются в социальном поведении и характере индивидов, живущих в определенном обществе в данную эпоху? И какое влияние оказывает на «человеческую природу» каждая конкретная особенность исследуемого общества?

... Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории общества. Самосознание современного человека, которому свойственно видеть себя по меньшей мере пришельцем, если не вечным странником,

во многом обусловлено отчетливым представлением о социальной относительности и трансформирующей силе истории.

Пожалуй, наиболее важно, что социологическое воображение дает возможность различить понятия «личные трудности, связанные с внешней средой» и «общественные проблемы, обусловленные социальной структурой». Такой подход служит важнейшим фактором социологического воображения и отличительной чертой всех классических работ в области социальных наук.

Личные трудности определяются характером индивида и его непосредственными отношениями с другими; они касаются его «я» и тех ограниченных областей жизни общества, с которыми он лично знаком. Соответственно, осознание и преодоление этих трудностей, строго говоря, не выходят за рамки компетенции индивида как носителя конкретной биографии, а также за рамки непосредственной сферы его жизнедеятельности, то есть того социального окружения, которое определяется его личным опытом и до некоторой степени доступного его сознательному воздействию. Трудности — это частное дело: они возникают, когда индивид чувствует, что ценности, которых он придерживается, находятся под угрозой.

Общественные проблемы обычно касаются отношений, которые выходят за пределы непосредственного окружения индивида и его внутренней жизни. Такой выход необходим на уровень институциональной организации множества индивидуальных сред жизнедеятельности, а далее на более широкую структуру социально- исторической общности, которая, как целое, складывается из многообразного переплетения и взаимопроникновения индивидуальных сред жизнедеятельности и общественно-исторической макроструктуры. Общественные проблемы — называются общественными потому, что при их возникновении под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества. Часто спорят о том, что же на самом деле представляют собой эти ценности и что именно им угрожает...

Рассмотрим войну. Во время войны личные проблемы связаны с тем, что каждый решает, как выжить или героически погибнуть, или сделать на ней деньги, или занять тепленькое и безопасное местечко в аппарате военного управления или содействовать завершению войны. Короче говоря, в соответствии со своей шкалой ценностей люди вписываются в особую конфигурацию индивидуальных сред обитания, чтобы там пережить войну или придать смысл своей смерти. Но для решения структурных проблем войны требуется выявление ее причин, изучение того, как и какого рода люди выдвигаются на командные посты, каково ее влияние на экономические, политические, семейные и религиозные институты, а также исследование международных отношений, в которых царят неорганизованность и безответственность...

Как отмечалось выше, то, что мы переживаем в своих индивидуальных средах деятельности, часто вызвано структурными изменениями в обществе. Поэтому, чтобы понять изменения, происходящие в отдельных индивидуальных «ячейках», необходимо выйти за их пределы. Тем более что количество и разнообразие структурных изменений растет, поскольку институты, внутри которых мы живем, все шире распространяют свое влияние и связь между ними становится все более тесной. Осознать идею социальной структуры и научиться адекватно применять ее — значит получить возможность проследить связи внутри величайшего многообразия индивидуальных сред жизнедеятельности. Уметь это делать — значит обладать социологическим воображением...

Каковы же главные проблемы нашего общества и какие основные трудности испытывают индивиды? Чтобы определить и те и другие, мы должны, исходя из характеристики основных тенденций современной эпохи, ответить на вопрос, какие ценности разделяются людьми, но находятся под угрозой, а какие сохраняются и поддерживаются. В обоих случаях необходимо выяснить, какие структурные противоречия могут скрываться за этими процессами.

Когда люди придерживаются неких ценностей и не чувствуют, что им что-либо угрожает, они находятся в состоянии *благополучия*. Когда люди разделяют определенные ценности, *но чувствуют*, что им угрожает опасность, они переживают кризис: либо как личные затруднения, либо как общественную проблему. А если людям кажется, что все ценности, которым они привержены, находятся под угрозой, их может охватить паника.

Но представим себе людей, которые не имеют ни одной общей ценности и не чувствуют никакой угрозы. Это состояние *индифферентности, которое, распространившись на все их ценности*, влечет за собой апатию. Представим, наконец, ситуацию, характеризующуюся отсутствием общих ценностей при остром осознании угрозы. Это состояние *тревоги*, беспокойства, которое, достигнув определенного порога, превращается в нераспознанную смертельную болезнь.

Мы как раз и переживаем время безразличия и тревоги, еще не оформившейся настолько, чтобы дать соответствующую работу разуму и свободу чувствам...

Человеческое многообразие

Если общественная наука пребывает в состоянии неопределенности, то нужно извлечь из этого пользу, а не оплакивать ее. Наука может быть больна, но признание этого факта следует понимать как требование поставить диагноз и даже как признак приближающегося выздоровления...

Обществовед пытается упорядочить факты и понять человеческое многообразие. Возникает вопрос, возможно ли упорядо-

чение и не является ли переживаемая общественными науками смута неизбежным отражением самого объекта, который пытаются изучать обществоведы? Мой ответ таков: возможно, многообразие не такое уж «беспорядочное», каким может показаться из простого перечисления малой его части; может быть, даже не такое беспорядочное, каким его часто представляют в ученых курсах колледжей и университетов. Порядок, так же как и беспорядок, зависит от «точки зрения»: для достижения упорядоченного понимания людей и обществ необходим целый комплекс критериев, которые были бы достаточно простыми, что понимание вообще было возможным, и достаточно разносторонними, чтобы охватить всю сферу человеческого многообразия. Вот такую точку зрения общественная наука непрестанно отстаивает.

Конечно, в обществоведении любая точка зрения базируется на определенных позициях. Непременным условием решения кардинальных проблем общественных наук, о которых я упоминал в первой главе, является изучение биографий, истории и их взаимопересечения внутри социальных структур. Чтобы исследовать проблемы и увидеть все человеческое многообразие, ученый должен постоянно находиться на уровне исторической реальности и учитывать, какими смыслами ее наделяют конкретные мужчины и женщины. Наша цель состоит именно в том, чтобы определить реальные процессы в обществе и раскрыть те смыслы, которые придают им конкретные люди. На основе этих смыслов формируется проблематика классической общественной науки, а, следовательно, в ней структурные проблемы общества перекрещиваются с трудностями повседневной жизни. Поэтому нам необходимо стремиться к исчерпывающему сравнительному анализу всех социальных структур в мировой истории, в прошлом и настоящем. Для этого необходимо отбирать сферы жизнедеятельности микроуровня и изучать их в терминах макросоциальных конкретно-исторических структур...

Разум и свобода

Еще я хочу сказать, что главные наши ориентиры — либерализм и социализм, — фактически исчерпали свои возможности давать адекватные объяснения окружающего мира и нас самих.

Обе эти идеологии вышли из эпохи Просвещения и имеют много общих исходных посылок и ценностей. В обеих возрастающие национальности считаются первейшим условием распространения свободы. Вера в освободительную силу прогресса на основе разума, значение науки как безусловного блага, требование общедоступного образования и признание его политического значения для демократии — все эти идеи Просвещения основываются на оптимистическом предположении о внутренней связи между разумом и свободой. Мыслители, оказавшие наибольшее влияние на наш образ мышления, исходили из этих предположений. Каждая мысль

и каждая подробность в наследии Фрейда основываются на них. Ведь, чтобы быть свободным, индивид должен более рационально осознавать себя, и назначение терапии — дать его разуму шанс мыслить свободно на протяжении всей жизни. На том же самом предположении основана и главная линия марксизма: люди, охваченные иррациональной анархией производства, должны оценить свое положение в обществе, обрести «классовое самосознание»...

Либерализм превыше всего ставил фактическую свободу и разумность индивида, марксизм превозносил роль человека в политическом сотворении истории. Либералы и левые радикалы Нового времени в целом верили в то, что свободный человек может сознательно творить историю и свою собственную биографию.

Но, я полагаю, то, что в последнее время происходит в мире, дает наглядное представление, почему идеи свободы и разума зачастую воспринимаются столь неоднозначно как в современных капиталистических, так и в коммунистических обществах. Марксизм часто превращается в мрачную риторику самозащиты и злоупотреблений бюрократии, а либерализм — в пошлое и никчемное затушевывание социальной реальности. Думаю, что ни либеральная, ни марксистская интерпретация политики и культуры не могут дать верного понимания главных тенденций развития нашего времени. Эти направления общественной мысли возникли, чтобы побудить исследовать такие типы обществ, которые более не существуют...

Идея о роли разума в делах человеческих и о свободной личности как вместилище разума являются самыми важными идеями, унаследованными обществоведами XX века от философов Просвещения. Если идеалам разума и свободы суждено оставаться ключевыми ценностями при фиксировании проблем личности и общества, то их самих следует возвести в ранг проблем. Требуется их переформулировать в более четкие операциональные термины по сравнению с понятиями, развивавшимися предшествующими мыслителями и исследователями. Ибо в настоящее время ценности разума и свободы находятся в большой опасности.

Доминирующие тенденции хорошо известны. Наблюдается рост крупных рационально организованных бюрократий, тогда как возможности индивидуального разума по сути остаются прежними. Ограниченные условиями повседневной жизни простые люди зачастую не могут осмыслить как рациональные, так и иррациональные, крупномасштабные структуры, в которых они занимают подчиненное место. Поэтому часто кажется, что они последовательно совершают рациональные действия, не имея ни малейшего пред связи с этим растет, что те, кто находится на вершине власти, подобно толстовским генералам, лишь делают вид, что имеют такое представление. С ростом бюрократических организаций по мере дальнейшего разделения труда появляются все новые и новые сферы жизни, досуга и труда, где появляются все новые и новые сферы

жизни, досуга и труда, где рациональное мышление затруднено или вообще невозможно. К примеру, солдат «аккуратно выполняет целый ряд функционально рациональных действий, не имея никакого понятия о конечной цели этих действий» и о функции каждого акта внутри целого действия. Даже люди с высочайшим уровнем развития интеллекта в области техники выполняли порученную им работу, не подозревая, что ее результатом окажется первая атомная бомба.

Наука, оказывается, не является вторым — технологическим — пришествием. То, что научным методам и научной национальности отводится в обществе центральное место, вовсе не означает, что жизнь людей устроена разумно, без мифов, обмана и суеверий. Всеобщее образование приводит, скорее, к технологическому идиотизму и националистической ограниченности, чем к информированному и независимому мышлению. Массовое распространение исторических знаний вместо того, чтобы поднять уровень восприимчивости к культуре, может лишь ополщить ее и стать серьезным препятствием на и творческой инновации. Высокий уровень бюрократической рациональности и технологии вовсе не означает высокого уровня развития мышления у индивидов и общества. Одно автоматически не следует из другого, поскольку социальная, технологическая и бюрократическая рациональность есть не просто сумма индивидуальных волей и способностей мыслить. Бюрократическая рациональность, судя по всему, фактически ограничивает саму возможность индивида обрести волю и способность к самостоятельному мышлению. Рационально организованные общественные установления не обязательно служат средством увеличения свободы как для личности, так и для общества. На самом деле эти установления зачастую являются средством тирании и манипуляции, средством, с помощью которого людей лишают самой возможности мыслить и способности действовать свободно...

С точки зрения индивида большинство окружающих его событий являются результатом манипулирования, расчета, случайного стечения обстоятельств. На ком или на чем лежит ответственность за события, зачастую неизвестно, а властям обычно не нужна известность. Это еще одна причина, почему простые люди, испытывая личные трудности или ощущая свою готовность встать на защиту интересов общества, не могут найти правильную мишень для своих мыслей и действий, ибо не в состоянии определить, кто именно несет угрозу ценностям, которые они неуверенно принимают за свои.

Находясь под господствующим воздействием рационализации, индивид делает все, что в его силах. Он применяет свои помыслы и свой труд в сложившейся ситуации, из которой не ищет выхода, да и не мог бы его найти, тем более, что человек просто приспособ-

ляется к обстоятельствам. Ту часть своей жизни, которая остается после работы, он тратит на игры, на потребление, на «удовольствия», хотя сфера потребления также подвергается рационализации. Отчужденный от производства и от труда, индивид оказывается еще отчужден и от потребления, и от настоящего досуга. Этот факт приспособления человека и его влияние на условия жизни и саму личность ведут к утрате возможности, а вместе с ней способности и желания не только мыслить, но и действовать как свободная личность. Однако ему, по-видимому, незнакомы ценность ни разума, ни свободы...

Основные термины и выражения

Макросоциология — *macrosociology* — социологические теории К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др., нацеленные на интерпретацию социума в целом, на исследование всего общества, широких социальных групп, общностей и их взаимодействий.

Метасоциология — *metasociology* — 1) по П. Х. Фурфею — теория, «отличная от социологии», однако имеющая предметом исследования саму социологию, выполняющая при этом три задачи: разрабатывает критерии различения научного от ненаучного социологического знания; определяет явления, относящиеся или нет к полю социологии; определяет практические процедуры для проведения собственно социологических исследований; 2) по Дж. Ритцеру — часть социологии как ее подполей, находящихся внутри социологии, которая может выступать в виде трех типов: средство более углубленного понимания теории; прелюдия к созданию новой социологической теории; источник образования «арочной теоретической парадигмы», которая «стоит над социологической теорией».

Методология — *methodology* — 1) система общих принципов науки; наука о методе; 2) теория конструирования методов науки.

Микросоциология — *microsociology* — социологическое исследование на уровне личностей и малых социальных групп и их взаимодействий.

Парадигма — *paradigm / perspective* — по Т. Куну — совокупность основных положений и принципов, лежащих в основе той или иной теории, обладающая специфическим категориальным аппаратом и признающаяся группой ученых в течение определенного исторического периода.

Социологическое воображение — *sociological imagination* — по Ч. Р. Миллсу — плодотворная форма самосознания интеллектуала, с помощью которого оживает способность удивляться, люди становятся разумными — начинают понимать, что теперь они сами способны к правильным обобщениям, непротиворечивым оценкам.

Социология социологии — sociology of sociology — 1) по А. Гоулднеру — «рефлексивная социология», изучающая социологию как особое социальное явление, её роль в различных обществах; 2) по Н. Луману — «социология социологии могла бы внести здесь понимание того, что при родовых отношениях следует обязательно разбираться в генеологиях»; представление о социологическом знании как о «самом себя толкующем».

Теория среднего уровня — middle-range theory — теория, основанная на методологическом инструментарии, разработанном Р. Мертоном, призвана осуществить гибкую связь между эмпирическим и теоретическим уровнями исследования отдельных областей общественной жизни.

Школа научная — scientific school — по Э. А. Тирикьяну — значительная группа ученых, объединенных общей идентификацией с конкретной теоретической ориентацией, большинство из которых имеют мало или даже не имеют личных контактов.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Чем обусловлено «старение» и «отмирание» социологических теорий? Каковы основные факторы обновления социологического знания?

2. Каковы материальные и интеллектуальные факторы возникновения собственно социологического знания? Как оно соотносится со знанием других социальных наук, а также религиозным знанием?

3. Каковы основания достоверности социологического знания? Как они изменяются в контексте развития социологии?

4. Ч. Р. Миллс отмечает, что в современном обществе часто встречаются ценностные конфликты. Вот один из них: «Многие немецкие социалисты позволили себе стать дисциплинированными солдатами и воевать под знаменами кайзера, несмотря на то, что субъективно они придерживались революционных марксистских ценностей». Тем не менее, подобного рода конфликты, как правило, не ведут к распаду социальной структуры. Почему?*

5. Как, по Ч. Р. Миллсу, соотносятся «власть судьбы» и возможности современных людей «управлять историческим процессом»? А что лично Вы думаете по этому поводу?*

* Здесь и далее звездочкой обозначены вопросы повышенной сложности. Чтобы правильно ответить на данный вопрос (во всяком случае, узнать, как на него отвечает сам Ч. Р. Миллс), Вам необходимо обратиться к первоисточнику — прочитать его рекомендуемую работу.

Дискуссия «Всемирная культура инновационного мышления»

1. Т. Кун: обоснование парадигмального структурирования научного знания. Как это сказалось на развитии социологического знания?

2. Каково место научных школ и парадигм в социологическом знании?

3. Основные принципы теории социологического воображения Ч. Р. Миллса: оригинальная методология, способность удивляться, амбивалентная функциональность науки, человеческое многообразие, динамика социального смысла, разум и свобода.

4. Динамика социологического воображения.

Литература

1. Бауман, З. Мыслить социологически / З. Бауман. — М., 1996.
2. Бергер, П. Л. Приглашение в социологию / П. Л. Бергер. — М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. История теоретической социологии. Т. 4. — СПб.: РХГИ, 2000.
5. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М.: Анкил, 2010.
6. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. — М., 1975.
7. Лапин, Н. И. Предмет и методология социологии / Н. И. Лапин // Социс. — 2002. — № 8.
8. Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение / Ч. Р. Миллс. — М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.
9. Монсон, Пер. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию / Пер. Монсон. — М., 1995.
10. Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / под ред. Г. В. Осипова. — М.: Аспект-Пресс, 1998.
11. Тезаурус социологии / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
12. Штомпка, П. Теоретическая социология и социологическое воображение / П. Штомпка // Социологический журнал. — 2001. — № 1.
13. Штомпка, П. Формирование социологического воображения. Значение теории / П. Штомпка // Социс. — 2005. — № 10.
14. Ядов, В. А. И все же умом Россию понять можно. Россия: трансформирующееся общество / В. А. Ядов. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
15. Ritzer, G. Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw-Hill Higher Education, 2000.

Глава 3

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЗИТИВИСТСКОЙ МЕТАПАРАДИГМЫ

Первые социологи — О. Конт и Г. Спенсер — стремились к тому, чтобы создать такую науку об обществе, которая, подобно физике или биологии, могла бы открывать и обосновывать «объективные» законы общественного развития. Такие законы, с их точки зрения, позволили бы гармонизировать общественные отношения. Ведь и руководители, и руководимые тогда могли бы знать, как надо поступать, чтобы в обществе утвердились благополучие и порядок.

3.1. О. Конт: обоснование «объективных» законов общественного развития

Основоположителем социологии, как самостоятельной науки, а также самого термина «социология» (1839 г.) считается французский социолог Огюст Конт (Comte), стремившийся к тому, чтобы создать доказательную, общепризнанную, «позитивную» социальную теорию.

О. Конт родился 19 января 1798 г. в семье служащего, занимавшегося сбором налогов. В 1817 г. он становится секретарем и «приемным сыном» известного философа, социалиста-утописта А. Сен-Симона, с которым сотрудничает в подготовке к изданию сочинений в течение семи лет. По оценкам современников, О. Конт отличался фотографической памятью. Основные сочинения — шеститомный «Курс позитивной философии» (1830—1842 гг.); «Система позитивной политики»; «Дух позитивной философии» — он написал, полагаясь исключительно на свою память. Среди других работ: «Общий обзор позитивизма», «Позитивистский катехизис», «Призыв к консерваторам», «Субъективный синтез».

О. Конт был весьма неординарным человеком и в науке, и в жизни. Ученый имел серьезные проблемы человеческого общения и восприятия окружающего мира в целом. По своей инициативе О. Конт порывает с А. Сен-Симоном, рассорившись с ним. Заявленная им серия из 72 публичных лекций о позитивизме, которая привлекла внимание многих обществоведов, была прервана после третьего выступления. У него не сложилась преподавательская карьера (с ним не был продлен контракт на преподавание).

Личная жизнь также не заладилась. Возможно, основной причиной тому было мнение ученого о себе, как о высшем социологе-проповеднике новой позитивистской религии, призванной утвердить в человеческих отношениях порядок и прогресс. Идеалы позитивизма рассматривались О. Контом как высшая и единственная самоценность: им был составлен список «позитивистского чтения», включавший порядка 100 произведений (предполагалось, что вся остальная литература вообще не имеет значение для судеб человечества).

Тем не менее, несмотря на социальную отчужденность, нетерпимость к другим научным теориям и мнениям, подчас граничащую с фанатизмом, позитивистские идеи О. Конта были подхвачены и получили развитие в трудах ученых-обществоведов не только во Франции, но и в России, Великобритании и других странах мира.

О. Конт умер 5 сентября 1857 г. После его смерти было опубликовано четырехтомное «Завещание Огюста Конта».

Ученый был первым социологом, кто скептически отнесся к самой методологии философов-метафизиков, которые все трактовали с позиций «абсолютного знания». Благодаря своему социологическому воображению, О. Конт прорицательно поднимал проблемы и сегодня находящиеся в фокусе социологической мысли, среди которых:

- валидность теории;
- гуманитарная составляющая развития наук;
- возможности социального планирования;
- социальное счастье и социальная патология;
- классовые, расовые и гендерные идентификации, их влияние на решение проблем социальной солидарности;
- роль политиков в обществе.

Чтобы понять, насколько революционными были мышление и социологическое воображение ученого, заметим, что *другого научного теоретизирования* об обществе, кроме метафизики, тогда просто не было. «В самом деле, — писал

О. Конт, — метафизика пытается, как и теология, объяснять внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей, основной способ образования всех явлений, но вместо того, чтобы прибегать к помощи сверхестественных факторов, она их все более и более заменяет *сущностями* (entites) или олицетворенными абстракциями»¹. По его мнению, позитивные знания — это «истинно доступные нашему уму и полезные для нас» знания, которые противостоят фантастическим представлениям, а также здравому смыслу ввиду его ограниченности и противоречивости.

Предмет и метод позитивной социологии

Как считал О. Конт, его наука базируется на пяти принципах, выражающих суть *позитивизма*:

- она должна быть «*точной, естественной наукой*», опираться на методы, которые бы позволили результаты одного исследователя перепроверить и подтвердить или опровергнуть другим исследователем;
- отличаться *реализмом* (в противоположность идеально-утопическим проектам и метафизике);
- быть *полезной*, в частности, способствовать «водворению мира», «укреплению общественного порядка», «улучшению положения низших классов»;
- обладать *определенностью*;
- наконец, быть *положительной*, т.е. нацеленной на открытие «неизменных законов».

По О. Конту, *позитивная* социальная теория должна использовать научные методы.

Какими могли быть в то время методы анализа общества? Только теми, которые использовались естественными науками. Других просто не было.

Поэтому не удивительно, что О. Конт при создании науки об обществе принял на вооружение *эмпирические* методы, характерные для естествознания:

- *метод наблюдения* — собирание, тщательное описание и объяснение фактов с целью выявления устойчивых, повторяющихся связей между явлениями. Ученый отмечал, что наблюдение, взятое само по себе, ничего не значит для позитивной социальной теории. Само наблюдение должно

¹ Конт, О. Дух позитивной философии // Западноевропейская социология XIX века : тексты. М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 13.

быть основано на принципах теории, его результаты должны быть проанализированы опять-таки с позиций определенной теории, что в итоге позволяет устанавливать устойчивые связи — законы;

— *метод эксперимента*, имея в виду косвенный, опосредованный эксперимент в виде исследования общественных аномалий (войн, революций), полагая, что по болезни общества можно судить и о его норме;

— *метод сравнения* «различных последовательных состояний человечества». По О. Конту, можно и нужно сравнивать общества и культуры в разных частях мира, разные стадии развития конкретного общества, общественное положение различных классов, а также исторические и культурные памятники, традиции и обычаи.

Контовский позитивизм, по существу, представляет *синтез* эмпирического исследования и его теоретического обобщения. Исследование и теоретизирование — два способа познания социального мира. При этом сам ученый особо подчеркивал, что эмпирическое исследование имеет *подчиненное значение* по отношению к теории.

Не удивительно, что на структуру его теории сильное влияние оказала одна из естественных наук — физика. «Социальная физика» — таково первое определение, которое ученый дает социологии как позитивной науке.

По аналогии с разделами физики О. Конт подразделил социологию на «*социальную статику*» и «*социальную динамику*».

Первая была сфокусирована на изучении того, как *части (структуры)* общества *функционируют*, взаимодействуют друг с другом по отношению к обществу в целом. Определяя *предмет* социальной статики, он писал, что статистическая исследовательская направленность социологии состоит в изучении «законов действия и реакции различных частей социальной системы»¹. Прежде всего, О. Конта интересовало то, как функционируют основные институты общества (семья, государство, религия), обеспечивая социальную интеграцию. В кооперации, основанной на разделении труда, он видел фактор утверждения «всеобщего согласия».

Эти идеи О. Конта в последствии будут развиты учеными, представляющими *структурный функционализм* в социоло-

¹ Конт, О. Курс позитивной философии. СПб., 1910.

гии и изучающими главным образом институты и организации общества.

Социальная динамика была посвящена осмыслению проблем социального развития и политики изменений. Ученый стремился создать, по своим собственным словам, «абстрактную историю» без имен и без отношения к конкретным народам. По О. Конту, каждая стадия в развитии человечества подготавливает следующие стадии. Поэтому настоящее органично связано как с прошлым, так и с будущим. Сегодня эти идеи, разумеется, на принципиально новом уровне разрабатывают социологи, чей интерес находится в сфере изучения *социальных изменений*.

Подобно тому, как физика занималась открытием законов движения материи, социология была призвана открывать *законы социальных перемен*. В открытии *объективных*, «истинных законов общества» первые социологи видели свое призвание. Сам О. Конт полагал, что ему удалось открыть ряд законов.

Законы, обоснованные О. Контом

О. Конт обосновал ряд «законов».

Первый среди них — *закон классификации наук*, определяющий иерархию позитивных наук. Согласно социологическому воображению ученого, в ней предметы наук распределены *по степени усложнения изучаемых реалий/материи*, что в итоге определяет последовательность достижения различными отраслями знаний *позитивного состояния*: математика — астрономия — физика — химия — биология — социология.

В работах последнего периода жизни к этому списку О. Конт добавляет ещё одну «позитивную науку» — мораль. Сфера морали, отмечал он, — более *специфична*, более *сложна* и более *благородна*, чем та, что есть у социологии. Включив мораль в позитивные науки, ученый вообще провозглашает позитивизм религией. «Позитивизм становится в истинном смысле этого слова религией; единственной религией, которая реальна и совершенна и потому её предназначение состоит в замене всех несовершенных и временных систем», — заключает он¹.

Заметим, что предложенная классификация основывается на структурных связях наук, а не генетических, что в целом

¹ Конт, О. Курс позитивной философии. СПб., 1910.

было характерно для метафизических взглядов на науки в первой трети XIX века.

Видение О. Контом социологии как науки, подчиняющей себе, по существу, все знание о человеке, получило название *социологического империализма*. Несомненно, роль социологии в системе знания трудно переоценить, но ее, тем не менее, нельзя абсолютизировать, умаляя значимость других наук.

Еще О. Контом был предложен *закон трех стадий*. С позиций социологического воображения он интересен тем, что обосновывает *взаимозависимость мышления людей и развития социокультурных реалий*: более высокий уровень общества соответствует и адекватному, более высокому интеллектуальному развитию, предполагающему три качественные стадии.

«Согласно моей основной доктрине, — писал О. Конт, — все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями — теологическая, метафизическая и научная»¹.

Им соответствуют три аналогичные стадии исторического развития человечества.

Первая, *теологическая или фиктивная стадия*, охватывающая древность и раннее средневековье, характеризуется господством религиозного мировоззрения.

Все явления природы и общества объясняются сначала через влияние находящихся в них потусторонних сил. Это — «фетишизм, заключающийся преимущественно в том, что всем внешним телам приписывается жизнь, существенно аналогичная нашей, но почти всегда более энергичная, вследствие их обыкновенно более сильного действия. Поклонение небесным светилам характеризует наиболее возвышенную ступень этой первой теологической стадии»². Затем следует поклонение множеству богов (политеизм). И, наконец, утверждается монотеизм (вера в одного бога), который является «началом неизбежного упадка первоначальной философии»³.

¹ Конт, О. Дух позитивной философии // Западноевропейская социология XIX века : тексты. М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 7—8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 9.

Вторая — *метафизическая или абстрактная стадия* — отмечается выдвижением в центр общественной жизни философов-метафизиков, которые все трактуют с позиций «абсолютного знания».

По мнению социолога, эту стадию следует рассматривать как «своего рода хроническую болезнь, естественно присущую эволюции нашей мысли», ибо это мышление по своей природе «само по себе способно лишь проявлять *критическую* или разрушительную деятельность даже в области теории и, в еще большей степени, в области социальных вопросов, не будучи никогда в состоянии создать что-либо положительное, исключительно свойственное ему»¹.

Третья — высшая стадия, начавшаяся в XIX в., утверждается на основе научного, позитивного сознания в обществе.

Наступает расцвет наук, на смену власти аристократии приходит социократия/педантократия (*pedantocracy*) — власть ученых-социологов, приверженцев *альтруизма* (по мнению ряда исследователей, именно О. Конт создал термин «альтруизм»²). Их предназначение которых состоит в поиске и обоснование *конкретных* и *абстрактных* законов. Первые вырабатываются индуктивно на основе эмпирических исследований, вторые (более важные!) — дедуктивно с помощью теоретических обобщений. Они позволяют разрешить кризис социальный с помощью научно обоснованной, позитивной политикой. Кризис в духовной жизни людей также разрешается путем замены старой, традиционной религии с Богом на «религию человечества».

Торжество позитивных наук, по О. Конту, *неизбежно предопределяет* эволюционный прогресс в направлении утверждения позитивного общества, как цели, которая желанна для *всех политиков*, овладевших законами социальных изменений.

Социолог также обосновал *закон двойной эволюции*, согласно которому существует прямая зависимость уровня социального прогресса от состояния развития позитивных наук. Иными словами, чем выше уровень развития наук, осо-

¹ Конт, О. Дух позитивной философии // Западноевропейская социология XIX века : тексты. М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 14.

² Pickering, M. August Comte // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 29.

бенно социологии и морали в обществе, тем оно, по О. Конту, находится на исторически более высокой стадии.

Здесь интересен еще один компонент социологического воображения О. Конта: *обоснование взаимозависимости интеллектуального и морального развития* (при этом ученый полагал, что естественный эгоизм рядовых членов общества никогда не исчезнет). Он считал, что главной причиной социальной дезорганизации является интеллектуальный и моральный разброд, и сама по себе *власть интеллекта относительна*. Мысль очень актуальна сегодня: самый высокий интеллект, обеспечивающий научные и технологические достижения, без моральной составляющей, без гуманизма, скорее, способен принести беды, а не блага обществу.

И еще об одной черте социологического воображения О. Конта: будучи сторонником использования методов естественных наук для наук социальных, ученый, тем не менее, выступал против «абсолютных, жестких» истин об обществе. Сообразно своему творческому мышлению, он был *по духу релятивистом*: «Нет ничего хорошего и нет ничего плохого, — писал он, — единственным абсолютom является относительность всего; все относительно, особенно это касается социальных институтов»¹.

В методологию он включал использование гипотез и научной фантастики, т.е. *неявного знания*, что также можно отнести к специфике социологического воображения ученого.

Порядок и прогресс

О. Конт в своих произведениях пытался показать, как «работают» обоснованные им законы в отношении движения индивидов к позитивному обществу, олицетворяющему собой систему порядка и прогресса одновременно.

Как считал ученый, человек сам по себе несовершенен. Его поведение детерминируется скорее «низшими» проявлениями эгоизма, чем «высшими» соображениями альтруизма. Природные инстинкты порождают *негативные импульсы*, эгоистические мотивы и соответствующие деструктивные действия в отношении общества. В конечном итоге, они создают предпосылки несвободы индивида, его социальной слабости и незащищенности перед лицом интеллектуальной анархии, морального и политического беспорядка.

¹ Pickering, M. August Comte // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 31.

Негативные импульсы не могут контролироваться *изнутри* самим индивидом, но на них можно воздействовать *извне* со стороны общества и его структур. Более того, последние (прежде всего семья и религия) *потенциально* могут вырабатывать альтруистические мотивы поведения. Но чтобы их потенциал был полностью реализован нужны еще *исторические основания* в виде позитивизма.

С точки зрения ученого, теологическая стадия способна обеспечить порядок, но не прогресс. Метафизическая наоборот — прогресс без порядка. Позитивизм же позволяет утвердить как порядок, так и прогресс, причем впервые с *рациональной свободой* индивида: «настоящая свобода ничто иное, как рациональное подчинение законам природы», — заявляет ученый.

Более того, позитивизм привносит ещё один фактор интеграции людей в систему порядка и прогресса — *разделение профессиональной занятости*, которое обеспечивает взаимозависимость индивидов на уровне позитивных эмоций, чувств и в конечном итоге любви друг к другу. «Девиз позитивизма — Любовь, Порядок, Прогресс», — утверждает О. Конт.

Обращаясь к последующим поколениям социологов, О. Конт поставил перед ними долговременную задачу: важно искать и обосновывать законы и закономерности. И социологи пытались найти причинно-следственные закономерности развития общества, экономических и политических реалий.

В России приверженцами «объективных» законов были М. М. Ковалевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин.

Идеология теорий, основанных на «объективных» законах, состоит в том, что, опираясь на прошлое и настоящее, можно верно, «научно» предвосхищать будущее. Коль скоро законы объективны, они с «железной неизбежностью» обеспечивают практическое воплощение «научного предвидения» в жизнь. Вожди, элиты, массы, будучи «вторичным, производным фактором», своими конкретными политическими действиями могут лишь ускорить или замедлить ход общественного развития, идущего-де в направлении универсальных образцов развития, единой цивилизации.

Однако *очевидные факты* свидетельствуют, что объективные законы исторического прогресса не подтверждались реальными социально-экономическими и социально-культурными процессами. Сохраняют свою специфику европей-

ская, североамериканская, латиноамериканская, афро-азиатская и другие цивилизации.

В чем тут дело?

Очевидно, необходимо сегодня признать, что социологические теории, основанные на жестких «объективных» законах, *имеют ограничения во времени и в пространстве*. Они не оказались столь универсальными, как это полагали их создатели и последователи, были опровергнуты социальными фактами, взятыми из другого социо-культурного контекста. Как отмечает известный российский социолог В. А. Ядов, «более существенно то обстоятельство, что *каждая страна, каждое общество включается в общемировой социальный процесс своим неповторимым путем*»¹.

3.2. Г. Спенсер: структурно-функциональная эволюция общества

Английский социолог-позитивист Герберт Спенсер (Spencer) *критически воспринял* позитивизм О. Конта, в противоположность которому сделал акцент не на использовании инструментария физики, но, прежде всего, биологии и психологии.

Г. Спенсер родился 27 апреля 1820 г. в Англии. Получив техническое образование, он почти десять лет проработал инженером на железной дороге. В свободное от работы время Г. Спенсер продолжил самообразование и начал публиковать научные работы. В 1848 г. он становится редактором журнала «Экономист», в котором публикует ряд своих работ. Так началась его карьера как ученого. Однако Г. Спенсер никогда не защищал диссертаций и не имел ученых степеней.

Особый интерес для Г. Спенсера представляло *сравнительно-историческое* изучение стадий развития различных обществ. Результатом чего стало многотомное исследование как древних, так и современных ему обществ. Среди других наиболее известных работ ученого: «*Социальная статика*», «*Синтетическая философия*», трехтомный труд «*Принципы социологии*», «*Изучение социологии*», «*Грехи законодателей*», «*Личность и государство*», «*Принципы этики*», «*Прогресс*,

¹ Ядов, В. А. И все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М. : Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 10.

его закон и причины», «Обычаи и приличия», «Происхождение и деятельность музыки».

Г. Спенсер подобно О. Конту был очень трудным человеком для окружающих. Ч. Дарвин упрекал его в нежелании читать труды других исследователей. Сам Г. Спенсер по этому поводу говорил: «Всю мою жизнь я был мыслителем, а не читателем». Это, несомненно, сказалось на характере ряда высказанных идей ученого. Некоторые из них столь радикальны, что не могут быть приемлемы современными социологами.

Умер Г. Спенсер 8 декабря 1903 г.

По мнению Г. Спенсера, основным двигателем социальной и культурной эволюции является *физико-нравственная* конституция индивида, постоянно воспроизводящая в его сознании потребность наибольшего счастья. При этом он исходил из того, что общество сводится к сумме составляющих его индивидов: каковы люди — таково и общество; изменяются люди — происходят перемены в структурах и функциях общества. Такая позиция получила название *социального номинализма*.

Как будут показано ниже, она обрела широкое распространение как в европейских странах, так и в России, Америке, хотя, разумеется, в различных формах.

Развитие социологии и её принципов

Социологическое воображение Г. Спенсера проявилось прежде всего в *оригинальной методологии*: он увидел структурно-функциональные связи между *всеми* институтами общества, которые, по его мнению, *совместно* эволюционируют.

С этих позиций ученый определяет предмет социологии: «Начиная с развития семьи, социология должна описать и объяснить возникновение и развитие политической организации, эволюцию церковных учреждений и отпавлений, контроль, заключенный в обрядовых формах, и отношения между регулятивными и производительными структурами каждого общества. Рассмотрев развитие этих элементов, мы должны перейти к рассмотрению других, ассоциированных с ними элементов, развитие которых помогает социальной эволюции и получает от нее помощь, к вопросу о развитии языка, знания, нравственности и эстетики. Наконец

мы должны рассмотреть взаимную зависимость строений, отпавлений и продуктов, взятых во всей их совокупности»¹.

По существу ученый предопределил основы структурно-функционалистской парадигмы, последователями которой стали Э. Дюркгейм, А. Р. Радклифф-Браун, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.

С позиций своего социологического воображения Г. Спенсер особо изучал пристрастия, которые могут проявляться при проведении эмпирических исследований. В частности, он отмечал, что пристрастие может быть вызвано следующими факторами: образованием, патриотизмом (или антипатриотизмом), социальным положением исследователя, политическими предпочтениями, религиозными взглядами.

В связи с этим он сформулировал и обосновал, по его мнению, основополагающий принцип социологии — «свободы от оценочных суждений», который предполагал разделение того, что *есть* в действительности, что подтверждается фактами и может быть эмпирически перепроверено другими исследователями, от того, что *желательно* с позиций социальных групп, политических движений или религиозных (идеологических) воззрений. Ученый ратовал за то, чтобы социология формировалась как *ценностно-нейтральная наука*.

Последователи Г. Спенсера исходили из того, что ученые-социологи должны быть беспристрастными исследователями, т.е. независимыми от каких-либо идеологических или моральных соображений. За этот принцип до сих пор ратует большинство социологов, видя в нем залог научной объективности, беспристрастного изучения социальных и культурных реалий.

Флуктуационная эволюция

Пожалуй, квинтэссенцией социологического воображения Г. Спенсера является сложная трактовка социальной эволюции в виде *флуктуационной эволюции*, которая противопоставляется им однолинейной эволюции, дарвинистскому отбору лучших, «выживанию сильнейших» — закону развития животного мира.

В самом концентрированном виде концепция *флуктуационной эволюции* сводится к следующему.

¹ Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев : Ника-Центр, 1997. С. 286.

Все элементы Вселенной — неорганические, органические и надорганические (социальные) *эволюционируют в единстве*, однако механизмы отмеченных эволюций *не тождественны* друг другу.

Процессы отбора сильнейших, действующие в надорганических системах, в принципе отличаются от естественного отбора в животном мире тем, что люди могут *думать, планировать и экспериментировать* с новыми социальными реалиями, т.е. имеют *потенциальную эластичность*, способность к *гибкому изменению для перехода в иное состояние* в процессе столкновения с новыми вызовами: «постоянно накапливающиеся и усложняющиеся над-органические продукты, вещественные и духовные, образуют новый класс факторов, которые становятся все более и более влиятельными причинами изменений»¹.

Далее, эволюция предполагает *прогрессивное изменение*, развивающееся по трем направлениям:

- менее связанные формы общественной жизни становятся более сцепленными, иными словами, происходит их *интеграция*;

- одновременно осуществляется движение от однородности к разнородности, т.е. увеличивается *дифференциация*, что касается и социальных ролей, и структур, а дифференциация структур, сопровождается увеличивающейся дифференциацией функций;

- предполагается движение от неупорядоченности к порядку, от неопределенности к *определенности*.

На основе этих трех критериев — степени интеграции, дифференциации и определенности — Г. Спенсер выделяет четыре типа обществ: «Общества могут быть распределены прежде всего по степени их сложности, — пишет он, — как простые, сложные, двойной сложности и тройной сложности»².

Для *простых* обществ характерна несвязность социальных реальностей (отношения между дикарями, которые по существу ничем не отличаются от отношений у животных).

¹ Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев : Ника-Центр, 1997. С. 253.

² Там же. С. 295.

Вторые — *сложные* общества, в которых присутствует иерархическая система управления, дифференцированная социальная структура, разделение труда.

Третьи — общества *двойной сложности*. Здесь в политической сфере можно наблюдать более развитые и стабильные правительства. Право отделяется от религии и традиций: «... возникает собрание законов несомненно человеческого происхождения; хотя эти законы и обретают авторитет, основанный на уважении к людям, издавшим их, и к поколениям, одобрявшим их, однако они не имеют священного характера законов божественного происхождения: закон человеческий дифференцируется от закона божьего»¹. Углубляется экономическое разделение труда, что находит проявление в росте сфер научного знаний, искусств и т.д.

Четвертые — общества *тройной сложности*. По Г. Спенсеру, это наиболее развитые современные страны мира, а также будущие общества, в которых функции государства сведены до «охраны членов общества от возможности нанесения вреда друг другу, причем здесь принимается во внимание не только непосредственный вред, но и вред отдаленный: всякое нарушение равенства»².

Причем, структурно-функциональное усложнение в принципе способствует эволюции *военных* обществ в *промышленные*. По мере возрастания структурной сложности общества, его военные характеристики уступают место промышленным.

В военном обществе армия и народ слиты воедино, для него характерен тотальный контроль над индивидами, жесткая социальная иерархия, принудительное участие граждан в общественном производстве, которые *должны* выполнять определенные функциональные обязанности.

В промышленном обществе структуры и функции более интегрированы, дифференцированы и упорядочены. Принципиально иная система социального контроля предполагает, что люди более свободны в исполнении социальных функций и лишь *не должны* делать *определенные* вещи. Управление более децентрализовано и демократично.

Однако не все так однозначно: здесь следует самое интересное — *возвратно-поступательный*, собственно флуктуационный компонент эволюции.

¹ Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев : Ника-Центр, 1997. С. 352.

² Там же. С. 362.

Как считает социолог, все политические системы закономерно флуктуируют взад и вперед между централизованной и менее централизованной формами политического регулирования, между, соответственно, военными режимами, в которых «воля гражданина во всех видах деятельности, как общественной, так и частной, руководится волею правительства»¹, чему способствуют войны и колониальная политика, и индустриальными режимами, ориентированными на рыночную экономику². В этом случае общественные отношения основываются на «добровольной кооперации, при котором взаимный обмен услугами не имеет принудительного характера и ни один индивид не подчиняется другому»³.

Особо отметим *инновационную мысль* Спенсера о *непредвиденных негативных последствиях, об амбивалентных функциях* политической организации:

— с одной стороны, она «прямо способствует благосостоянию, удаляя те препятствия для сотрудничества, которые возникают из-за антагонизма индивидов»;

— с другой стороны, — «организация предполагает известные ограничения индивидов, и эти ограничения могут достигнуть таких крайних пределов, что сделаются хуже анархии со всеми её бедствиями. Политический контроль косвенно сопряжен с невыгодами как для тех, в руках которых он находится, так и для тех, над кем он практикуется»⁴.

Законы, обоснованные Г. Спенсером

В рамках эволюционной теории Г. Спенсер обосновывает *закон детерминированности общества усредненным уровнем развития его членов*, согласно которому *основополагающие структурно-функциональные изменения* происходят в обществе лишь по мере того, как адекватные изменения происходят в *среднем уровне* всестороннего развития его членов.

Социолог прямо писал о том, что нельзя считать отдельные личности «ответственными за систему». В действитель-

ности общественные проблемы, их характер «есть результат среднего уровня человеческого развития в данное время». На этом основании делается вывод о том, что «несправедливость правительства может существовать при помощи народа, соответственно несправедливого в своих чувствах и действиях»¹.

Иными словами, люди в своей массе должны адекватно дорасти до желательных изменений в культурном, научном, интеллектуальном, демократическом отношениях. И особенно — в плане жизни в условиях большей интеграции и дифференциации социальных структур, большей упорядоченности общественных отношений посредством неукоснительного следования законам. Также адекватно должна измениться природа человека в направлении смягчения нравов.

Закон выживания сильнейших и лучших Г. Спенсер распространял не только на отдельных индивидов, но на общества в целом, их структуры и функции. Так, индустриальное общество как более совершенное приходит на смену военному. Социолог приводит многочисленные эмпирические свидетельства тому, что моногамная семья заменила полигамные формы брака именно благодаря утверждению более совершенных отношений между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми.

Власть, возможности её демократизации

Отправной принцип Г. Спенсера, касающийся *характера власти*, состоит в том, что её демократизм, исходящее от нее добро или зло, зависит в конечном счете от среднего уровня человеческого развития в данное время.

Идейная основа этих суждений — вера в принципы эволюционизма, социальную преемственность, *постепенное* изменение природы человека, преодоление её агрессивности через адаптацию людей к процессу образования и развития обществ: «свирепые свойства индивидов, вызванные самим процессом образования обществ, перестают быть необходимыми и исчезают, — писал он. — В то время как приобретенные выгоды сохраняются как неизменное достояние, соединенное с ними зло убывает и постепенно исчезает»².

¹ Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев : Ника-Центр, 1997. С. 296.

² Turner, J. H. Herbert Spencer // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 89—90.

³ Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев : Ника-Центр, 1997. С. 296.

⁴ Там же. С. 331, 332.

¹ Спенсер, Г. Грехи законодателей // Социс. 1992. № 2. С. 125.

² Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев: Ника-Центр, 1997. С. 331.

В этой связи социолог выступал *против политического ускорения* общественного прогресса, заявляя, что любые попытки искусственно подтолкнуть социальную эволюцию с помощью, например, политики регулирования спроса и предложения, или радикальных политических реформ без учета свойств членов, составляющих общество, должны обернуться катаклизмами и непредсказуемыми последствиями. Вмешательство в естественный порядок природы, отмечал Г. Спенсер, нередко оборачивается тем, что никто не может предсказать конечных результатов. «И если это замечание справедливо в царстве природы, то оно еще более справедливо по отношению к социальному организму, состоящему из человеческих существ, соединенных в единое целое»¹.

На этом основании социолог не принял идею *революционного* перехода ни к социализму, ни к либерализму, хотя сами идеалы свободы индивида от государства были для него высшей ценностью. «Социальному развитию, — писал он, — значительно больше способствовала индивидуальная активность людей и их добровольная кооперация, чем работа под контролем правительства»².

Если попытаться применить теорию Г. Спенсера к анализу современных российских реалий, то получается картина с перспективами увеличения социальной дисфункциональности.

Во-первых, для перехода страны к демократии, основанной на правопорядке («определенной и связной разнородности»), необходимо, по существу, ждать пока заработает и даст конкретные результаты объективный, причинно-следственный закон детерминированности общества усредненным уровнем развития его членов.

Однако не является ли это своеобразной идеологической абсолютизацией *фатальной формы* протекания исторического процесса? Так ли уж «объективен» этот закон?

Во-вторых, надо опять ждать изменений доставшейся нам по наследству самой природы «советского человека», выражающейся, в частности, в неприятии, негативном отношении к каким бы то ни было правовым законам.

Однако вспомним первых европейских переселенцев в Америку. Все ли они были в ладах с законом? Где те силы или факторы, которые изменили авантюристическую при-

роду этих людей? Что заставило их признать нужду в защите закона?

Могут ли россияне сегодня найти в себе силы, которые обеспечат добровольное, участливое соблюдение закона и, причем, *всеми*? Сегодня можно лишь констатировать, что законы плохо функционируют: им не подчиняются ни люди, сознательно нарушающие законы, ни коррумпированные чиновники, а подчас и собственно правоохранительные органы, призванные обеспечить правопорядок¹.

В-третьих, чтобы перейти к более демократическим структурам власти и более эффективному функционированию законов, нужно добиться не просто законопослушания, а утверждения *законов, адекватных уровню развития индивидуальной свободы человека*.

Плохие и неудачные законы лишь порождают функциональную деструктивность и зло: «некомпетентный законодатель, — замечает Г. Спенсер, — постоянно увеличивает человеческие страдания, пытаясь их уменьшить»².

Более того, законы, не адекватные общественному развитию, могут повлечь регрессивную эволюцию личности человека, что может проявиться не сразу, а как отдаленный результат. «Каждый закон, — пишет Г. Спенсер, — направленный на изменение человеческого поведения, принуждая, сдерживая или способствуя ему, постепенно воздействует таким образом, что происходит изменение самой природы человека. Кроме любого немедленного эффекта, законы дают и отдаленный результат, большинством игнорируемый, — изменение самой личности человека, желательное или нет»³.

Наконец, в-четвертых, следование духу спенсеровской эволюционной теории означает, что политическая борьба за власть и даже конкретные избирательные кампании *принципиального* смысла не имеют. Эволюция и, следовательно, прогресс в экономических и политических институтах, их функциях по большому счету станет возможен лишь тогда, когда качественно вырастет *средний уровень* человеческого потенциала российского общества.

Но разве история не знает фактов, когда благодаря политическому или интеллектуальному лидеру, опиравшемуся

¹ Чашин, А. Н. Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. М., 2009.

² Спенсер, Г. Грехи законодателей // Социс, 1992. № 2. С. 131.

³ Там же. С. 134.

¹ Спенсер, Г. Грехи законодателей // Социс. 1992. № 2. С. 135.

² Там же. С. 135.

на инициативу масс, осуществлялись скачки, буквально прыжки в общественном развитии?

Лишь некоторые поставленные вопросы и контраргументы свидетельствуют, что теорию Г. Спенсера *нельзя абсолютизировать*, и к выводам о *долговременном эволюционном* приобщении России к цивилизованным, свободным обществам следует отнестись критически.

И последнее замечание. Г. Спенсер считал, что в движении к демократической власти без политической организации обойтись никак нельзя. Но при этом важно, чтобы *мера* политического контроля не подавляла функциональность индивидов. «Политическая организация, постоянно распространяясь на все большие массы, прямо способствует благосостоянию, удаляя те препятствия для сотрудничества, которые возникают из антагонизма индивидов... — отмечал он. — Но политическая организация также имеет свои невыгоды, и вполне возможны случаи, когда эти невыгоды перевешивают выгоды... Организация предполагает известные ограничения индивидов, и эти ограничения могут достигнуть таких крайних пределов, что сделаются хуже анархии со всеми её бедствиями»¹.

Вместе с тем, трудно возразить против мысли о том, что цивилизованный характер взаимоотношений личности и государства может сложиться лишь в результате их эволюционного «созревания», что, пожалуй, крайне актуально для современной России. Мудрая и добрая власть может быть утверждена лишь народом, у которого в основе политической культуры лежат доброта, ум, рациональность, уважение к закону — эти качества легко декларировать, но требуется значительное время для их формирования, утверждения и функционирования.

Из книги: Г. Спенсер. Основания социологии²

Глава XIX. Наведения социологии

I. Что такое общество?

§ 212. Общество есть некоторая сущность (entity), ибо хотя оно и образовано из разъединенных единиц, однако на известную кон-

¹ Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев : Ника-Центр, 1997. С. 331—332.

² Спенсер, Г. Синтетическая философия. Киев : Ника-Центр, 1997.

кретность агрегата этих единиц указывает общая неизменность их группировки в занимаемой ими площади.

§ 213. Так как свойства общества сходны со свойствами живого тела, то нужно рассмотреть основания, позволяющие утверждать, что постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого тела.

II. Общество как организм

§ 214. Первая черта, позволяющая смотреть на общество как на организм, это — его непрерывный рост.

§ 215. По мере того как общество растет, его части становятся несходными между собою: оно обнаруживает усложнение строения.

§ 216. Это сходство будет понято еще лучше, когда мы заметим, что одновременно с прогрессивной дифференциацией социальных строений совершается и прогрессивная дифференциация социальных отправлений.

§ 217. Отправления являются не просто несходными, но так скомбинированными в своем несходстве, что делают друг друга возможными. Эта взаимная помощь приводит ко взаимной зависимости частей. И эти взаимозависимые части, живущие друг другом и друг для друга, образуют агрегат, устроенный на основании того же общего принципа, что и индивидуальный организм. Относительно «физиологического разделения труда» социальный организм и организм индивидуальный совершенно одинаковы.

§ 218. Когда мы узнаем, что жизнь каждого видимого организма образуется жизнью единиц, слишком мелких, чтобы быть видимыми простым глазом, тогда нам становится еще более ясным, каким образом комбинированные действия взаимозависимых частей образуют жизнь целого и каким образом отсюда вытекает параллелизм социальной жизни и жизни индивидуальной. После этого нам становится еще легче смотреть на общество, составленное из человеческих существ, как на организм.

§ 219. Отношение между жизнями единиц и жизнью агрегата имеет еще одну черту, общую для обоих рассматриваемых нами предметов. Вследствие какой-нибудь катастрофы жизнь агрегата может быть разрушена, без немедленного уничтожения жизни всех его составных единиц; с другой стороны, если никакая катастрофа не сокращает жизни агрегата, то эта жизнь бывает гораздо более продолжительной, чем жизнь составных единиц. Жизнь целого совершенно непохожа на жизнь единиц, хотя она и образуется ими.

§ 220. От этих сходств между социальным организмом и организмом индивидуальным мы должны перейти к крайним несходствам между ними. Части животного образуют конкретное целое, а части общества образуют целое, не обладающее конкретностью (дискретное). В то время как живые единицы, составляющие один

организм, тесно соединены между собой и соприкасаются друг с другом, живые единицы, образующие другой организм, свободны, не соприкасаются друг с другом и более или менее широко рассеяны

§ 221. Как же может существовать здесь какой-нибудь параллелизм Социальный агрегат, хоть и не конкретный, а дискретный, все-таки становится живым целым при помощи эмоционального и интеллектуального языка, при помощи этого агента и устанавливается та взаимная зависимость частей, которая образует организацию.

§ 222. Теперь мы пришли к основному различию между этими двумя родами организмов. В одном сознание сконцентрировано в небольшой части агрегата. В другом оно распространено по всему агрегату: все единицы этого агрегата обладают приблизительно равной способностью ощущать счастье и несчастье. Так как социального сенсориума ума не существует, то благосостояние агрегата, рассматриваемое отдельно от благосостояния единицы, не может сделаться такой целью, к которой следует стремиться.

III. Рост Общества

§ 224. Общества, подобно живым телам, начинаются в формах зародышей они берут начало из таких масс, величина которых совершенно ничтожна сравнительно с теми массами, до которых некоторые из них доходят.

§ 225. Величина, которой достигают агрегаты различных классов, бывает крайне разнообразна. В животном царстве мы замечаем это, рассматривая *Простейших и Позвоночных*, а среди обществ — наблюдая Лесных Веддахов, живущих иногда только парами, и те высшие общества, в состав которых входят миллионы людей.

§ 226. Затем в обоих случаях величина агрегата возрастает при помощи двух процессов, которые совершаются то вместе, то порознь. Возрастание происходит то путем простого размножения единиц, приводящего к расширению группы, то путем соединения групп в большие группы, а затем — соединения этих больших групп в еще большие группы. Общественный рост совершается путем слияний и вторичных слияний... Первобытная общественная группа, подобно той первоначальной группе живых молекул, с которой начинается органическая эволюция, никогда не достигает сколько-нибудь значительной величины путем простого возрастания. Образование более обширных обществ происходит только путем соединения более мелких обществ; мы можем наблюдать, как этот процесс совершается еще и теперь среди нецивилизованных рас, а прежде совершался у предков цивилизованных рас. Повторение подобного процесса на более высокой ступени приводит к соединению вторичных агрегатов и образованию третичных.

§ 227. Существует еще одна аналогия. Общественный рост обнаруживает основную черту эволюции с двух ее сторон: интеграция проявляется и образованием большей массы, и увеличением связности этой массы вследствие сближения частей.

IV. Социальные Строения

§ 228. У обществ, как и у живых существ, возрастание массы обыкновенно сопровождается возрастанием строения. По мере того как мы переходим от малых групп к большим группам, *от* простых групп к группам сложным, а от сложных групп к группам двойной сложности, несходство частей возрастает. Социальные агрегаты, однородные, пока они малы, обыкновенно приобретают разнообразность по мере возрастания величины: чтобы достигнуть большого размера, нужна большая сложность.

§ 229. Кроме несходства частей, вызванного развитием координирующих воздействий, вскоре возникает несходство и между координируемыми элементами: органами питания и т.п. в одном случае и промышленными учреждениями — в другом.

§ 230. Дифференциация в обоих случаях совершается от более общего к более частному. Сначала обнаруживаются широкие и простые различия частей; затем в каждой части, имеющей первичные отличия, возникают перемены, благодаря которым развивается несходство отдельных ее частей; затем в этих новых несходных частях возникают меньшие несходства и т.д. Превращение однородного в разнородное особенно характерно для эволюции индивидуальных и социальных организмов.

§ 231. Внутреннее устройство органов у животных и органов у обществ основано на одном и том же принципе. Всякий внутренний орган обладает аппаратами для доставки ему пищи, для *удаления* продуктов и для регулирования его деятельности. И группа граждан, образующая орган, который производит некоторую полезность для общественного пользования, обладает известными вспомогательными аппаратами, по существу сходными с аппаратами всякого другого органа, выполняющего всякую другую функцию.

§ 232. Нужно указать еще на одну аналогию в строении. У животных низших типов вовсе не существует органов в строгом смысле этого слова, но имеется просто известное число единиц, еще не соединенных в орган. Эта стадия аналогична той зачаточной форме промышленного строения в обществе, когда каждый работник занимается своим делом один и сам доставляет продукт потребителям. Переходя к индивидуальным органам второго рода, состоящим из тесно сплоченной группы клеточек, мы видим, что существуют общественные группы, представляющие большое сходство с ними, а именно те семьи, которые в прежнее время монопо-

лизировали каждый вид промышленности и образовывали группы, обыкновенно работавшие в одной и той же местности. На третьей стадии тому возрастанию железистого органа, которое вызывается более деятельными отправлениями более развитого животного, причем происходит и структурное изменение, следующее за возрастанием объема, соответствует постепенный переход от домашнего способа производства к фабричному способу.

§ 233. Наконец, в обоих случаях замечается контраст между первоначальным способом развития и замещающим его позднейшим способом. Стадии эволюции значительно сокращаются, и органы образуются путем сравнительно простых процессов. К тому же целые органы, которые при генезисе типа появились сравнительно поздно, появляются теперь как при эволюции индивида, так и при эволюции общества сравнительно рано.

V. Общественные отправления

§ 234. Мы переходим теперь к тем особенностям отправления, которые не вытекают явственно из особенностей строения.

§ 235. По мере прогресса эволюции consensus (взаимная связь) отправлений как у индивидуального, так и у социального организма становится теснее. Когда корненожка бывает разделена на несколько частей, каждая часть продолжает жить по-старому. Не имеющая главы бродячая группа первобытных людей тоже делится без всяких неудобств. Но у высокоорганизованных агрегатов дело обстоит совершенно иначе. Мы можем разрезать млекопитающее на две части, не вызывая этим немедленной смерти его. Но если бы Миддлсекс был отделен от остальной страны, то все его социальные процессы остановились бы через несколько дней, за недостатком материалов.

§ 236. Нужно указать еще на другой вывод. Пропорционально тому, как единицы, образующие какую-нибудь часть индивидуального организма, ограничиваются одним каким-нибудь видом деятельности, например поглощением, выделением, сокращением или проведением импульса, и приспособляются к выполнению ее, они теряют способность приспособляться к другим видам деятельности. И в социальном организме обучение, необходимое для удовлетворительного выполнения какой-нибудь специальной обязанности, вызывает неспособность к выполнению других, значительно несходных специальных обязанностей.

§ 237. Вспомним затем, что с прогрессом организации каждая часть, делаясь более ограниченной в своих обязанностях, выполняет их с большим совершенством и что при этом возрастает та общая сумма деятельности, которую мы зовем жизнью как индивидуальной, так и социальной...

VIII. Распределительная Система.

§ 244. Нам нужно рассмотреть параллелизм между индивидуальной и социальной распределительными системами в их последовательных стадиях развития.

§ 245. В обоих случаях, пока не существует вовсе или существует весьма незначительная дифференциация частей, до тех пор не существует вовсе или существует весьма незначительная потребность в путях сообщения между отдельными частями; нет также надобности в приспособлениях для передачи и тогда, когда несходные части находятся в тесном соприкосновении. Но когда разделение труда физиологического или социологического зашло так далеко, что части кооперируются на известном расстоянии друг от друга, тогда становятся необходимыми развитие путей сообщения (сосудистой системы у значительно развитых животных; дорог обыкновенных и железных у значительно развитых обществ) и возникновение агентов, занимающихся распределением. И, таким образом, развитие распределительной системы должно совершаться одновременно с развитием других факторов.

§ 246. Подобная же необходимость обуславливает и такой же параллелизм прогресса циркуляций в обоих случаях. Слабые деятельности, небольшие количества обмена и препятствия передвижению — все это приводит к тому, что сначала возможны только медленные и неправильные приливы и отливы то в том, то в другом месте. Но при общем возрастании жизни возрастает также потребность и в обильных распределениях по постоянным направлениям. Поэтому возникновение постоянных и сильных местных потребностей приводит к тому, что неправильные, медленные и слабые движения, совершаемые после значительных интервалов, заменяются правильными, быстрыми ритмами.

§ 247. С переходом агрегата, индивидуального или социального, к большей разнородности совершается и увеличение разнородности циркулирующих токов, которые первоначально содержат небольшое количество простых веществ, а под конец — много сложных веществ. У обоих агрегатов строения, которые вырабатывают вещества, требующиеся для поддержания жизни, одинаковым образом относятся к этим токам: берут из них сырые материалы, подлежащие обработке, и, прямо или косвенно, вливают в них свои продукты; затем в обоих случаях строения, соперничающие друг с другом относительно доли, достигающей каждому из общего запаса циркулирующего вещества, могут усваивать, восстанавливаться и возрастать пропорционально величине своих отправлений.

§ 248. Конечно, наряду с этими сходствами существуют и различия, обусловленные контрастом между конкретностью индивидуального организма и дискретностью организма социального. Эти различия только ограничивают существенные сходства. Истина, которую мы должны усвоить, заключается в том, что развитие рас-

пределительной системы обоих организмов определяется потребностями передвижения между взаимно зависимыми частями. Находясь между двумя первоначальными системами, она приобретает строение, приспособленное к выполнению посреднической деятельности между этими системами как целыми и между подразделениями каждой системы.

IX. Регулятивная Система

§ 249. Теперь нам нужно рассмотреть, насколько эволюция строений, выполняющих внешние действия, определяется окружающей средой. Как развились правящие и тратящие системы: нервно-двигательная в одном случае и правительственно-военная — в другом?

§ 250. Постепенные улучшения органов чувств и движения и заведующего ими внутреннего координирующего аппарата явились косвенными результатами антагонизма и соперничества организмов друг с другом. Повсюду также войны между обществами порождают правительственные строения и являются причинами всех тех улучшений в этих аппаратах, которые увеличивают силу совместного действия против окружающих обществ. Индуктивный вывод, который мы должны помнить, состоит в том, что, подобно тому как у индивидуального организма нервно-мускульный аппарат, деятельность которого проявляется в борьбе с окружающими организмами, зарождается с этой борьбой и развивается ею, так и правительственно-военная организация общества возникает и развивается вследствие войн между обществами. Или, говоря точнее, подобным образом развивается та часть правительственной организации общества, которая обуславливает успешность кооперации против других обществ.

§ 251. Подчинение местных правящих центров общему правящему центру возникает при кооперации составных частей сложного агрегата в его борьбе с другими подобными агрегатами. Пока это подчинение устанавливается путем внутренней борьбы частей друг с другом и поэтому предполагает антагонизм между ними, оно остается неустойчивым; но оно стремится сделаться все более устойчивым, по мере того как регулирующие деятели, большие и малые, приучаются соединять свою деятельность для борьбы с внешними врагами.

§ 252. Это образование сложной регулирующей системы, характеризующейся существованием господствующего центра и центров подчиненных, сопровождается как у индивидуального организма, так и у организма социального возрастанием величины и сложности господствующего центра. У обоих организмов эти высокие центры не являются ни непосредственными воспринимателями сведений, ни непосредственными раздавателями приказаний; они получают от низших деятелей те факты, которые руководят их решениями, и приводят эти решения в исполнение при помощи

других низших деятелей. Наконец, в течение эволюции высших регулятивных центров, индивидуальных и социальных, более старые части становятся сравнительно автоматическими.

§ 253. Для координирования деятельностей социального или индивидуального агрегата не только должен существовать правящий центр, но должны существовать еще и средства сообщения, при помощи которых этот центр мог бы влиять на части. Восходящие ступени животной организации ведут нас от типов, у которых это требование едва выполнено, к типам, у которых оно выполнено в совершенстве. Существование аналогичных ступеней социальной эволюции в достаточной мере очевидно. То, что на своей ранней ступени есть медленная передача импульсов от единицы к единице по всему обществу, становится, по мере того как мы подвигаемся вперед, более быстрой передачей вдоль по твердо установленным линиям, благодаря чему быстрые и определенно приспособленные комбинации становятся возможными. При помощи телеграфа социальный организм, будучи дискретным, приобрел быстроту координации, равную скорости координации конкретных организмов или даже превосходящую ее.

§ 254. У организмов обоих родов регулятивная система в течение эволюции делится на две системы, к которым под конец присоединяется третья, отчасти независимая система; в обоих случаях причины дифференциаций этих систем одинаковы. Легко видеть, что два рода координации, необходимые для индивидуального организма, весьма несходны: координация одного рода заведует внешней группой органов, которая имеет дело с окружающей средой, обуславливающей быстрые движения, внезапные изменения направлений и моментальные остановки; координация другого рода заведует внутренней группой органов, занятой питанием и поддержанием организма, причем не встречается надобности в быстрых, специальных и точных приспособлениях, а нужно только сохранение общей пропорции и некоторого порядка между действиями, которые не поддаются точному определению ни относительно своего начала, ни относительно своего конца, ни относительно своего количества. То же замечаем мы и в социальном организме. Успех в борьбе с другими обществами предполагает быстроту действия, соединенность усилий и специальную приспособленность к вечно меняющимся условиям, а для достижения этих целей нужен центральный агент, которому моментально повинуются. Совсем другое мы видим у строений, занятых поддержанием жизни. Различные роды пищи и одежды должны приспособляться к потреблению, которое изменяется только в весьма тесных пределах; быстрота, специализация и точность здесь не нужны. У обоих организмов возникает еще третья регулятивная система. Чтобы орган мог продолжать отвечать на возрастающий спрос, должен существовать усиленный приток материалов, потребляемых при его деятель-

ности: он должен получить вперед кредит на выполнение своей функций. Эта цель достигается в одном случае с помощью вазомоторной нервной системы, а в другом — с помощью системы банков и финансовых ассоциаций, занимающихся ссудой капиталов.

§ 255. Так как кооперация ни в одном случае невозможна без аппаратов, при помощи которых кооперирующие части приспособляют свои действия, то неизбежно и в политическом, и в живом типе возникает регулятивная система, которая дифференцируется, по мере того как группы органов развиваются.

Х. Общественные Типы и Конституции.

§ 256. Общества могут быть распределены прежде всего по степеням их сложения, как простые, сложные, двойной сложности и тройной сложности; затем, хотя и с меньшей определенностью, их можно распределить на такие, у которых первенствует военная деятельность, и такие, у которых первенствует деятельность промышленная.

§ 257. Классификация первого рода приводит нас к некоторым обобщениям. Мы видим, что действительно существуют общества всех этих различных степеней сложения, что общества, находящиеся на одной и той же ступени, представляют общее сходство строения и что они возникают в известном порядке. Стадии сложения и вторичного сложения должны быть последовательно пройдены. Выше простой группы первой степени стоит сложная группа незначительного объема. Взаимная зависимость частей, делающая из нее единое целое, не может существовать без некоторого развития линий соединения и приспособления для совместного действия, а это должно быть сначала выполнено в узких пределах и затем уже может быть распространено на широкую сферу. Когда сложное общество соединилось вследствие кооперации его составных групп на войне под главенством одного вождя, оно становится практически единым целым. Путем завоевания или военного союза с другими обществами того же порядка могут образоваться общества типа двойной сложности. А на более поздней ступени путем подобных же приемов возникают еще более обширные агрегаты, имеющие еще более сложные строения. В таком порядке шла социальная эволюция, и только подобным образом она, по-видимому, возможна.

§ 258. Переходим к классификации второго рода. Хотя почти все общества, подлежащие нашему изучению, имеют переходный характер, однако мы можем ясно отличить конституциональные черты тех противоположных типов, которые характеризуются господством внутренней или внешней регулятивной систем.

§ 259. При военном типе общества армия есть мобилизованный народ, а народ — отдыхающая армия; поэтому здесь армия и народ имеют одинаковое строение. Черта, повсюду характеризу-

ющая военное строение, состоит в том, что различные совместные действия единиц совершаются принудительно. Подобно тому как воля солдата настолько подавляется, что он во всех обстоятельствах является простым исполнителем воли своего офицера, так и воля гражданина во всех видах деятельности, как общественной, так и частной, руководится волей правительства. Кооперация, при помощи которой поддерживается жизнь военного общества, есть принудительная кооперация. Социальное строение, приспособленное к борьбе с окружающими враждебными обществами, руководится централизованной регулятивной системой, которой вполне подчинены все части, подобно тому как в индивидуальном организме внешние органы вполне подчинены главному нервному центру.

§ 260. Черты, посредством которых промышленный тип так сильно отличается от типа военного, возникают из отношений между индивидами, которые вытекают из промышленных деятельностей. Все промышленные сделки, будет ли это договор между хозяевами и рабочими, между покупателями и продавцами, между специалистами и теми, кто в них нуждается, — всегда совершаются путем свободного обмена. Это отношение добровольной кооперации, при которой взаимный обмен услугами не имеет принудительного характера и ни один индивид не подчиняется другому, становится господствующим типом отношений во всем обществе, по мере того как промышленные деятельности получают господство. Определяя ежедневно мысли и чувства, оно образует социальные единицы, умственная организация и привычки которых придают общественным устройствам соответствующие формы. Развитая система поддержания жизни, придающая социальному организму промышленный тип, подобно развитой поддерживающей системе животного, приобретает для себя регулирующий аппарат рассеянного, или нецентрализованного типа; мало того, она стремится также децентрализовать первичный регулятивный аппарат, принуждая его почерпнуть свою власть путем полномочий от более многочисленных классов...

3.3. Х. Мартино: «прародительница» социологии, феминистская социальная критика

Харриет Мартино (Martineau, Harriet) — английский профессиональный социолог, обосновавшая собственно женские подходы к изучению социальных реалий, родилась в 1802 году. Она *скептически отнеслась* к мужскому видению мира, как «универсальному», и мужской монополии в социальных науках и с позиций своего неординарного социологического

воображения предложила собственно *женские, социально-критические подходы* к изучению реалий общества, связанные с выявлением причин *дискриминации женщин в повседневной жизни*.

Х. Мартино много путешествовала, что дало ей обширный материал для эмпирического изучения социальных институтов в контексте различных культур, с учетом экономических и моральных факторов, и главное — для показа места и роли женщин в этих институтах, раскрытия характера их взаимоотношений с мужчинами. Она была лично знакома с О. Контом, перевела на английский язык его работу «Курс позитивной философии», что получило одобрение автора.

Известность ей принесла серия дидактических новел «*Иллюстрации к политической экономии*», написанная в 1832–1834 годах. Также автор работ: «*О женском образовании*», «*Как соблюдать мораль и манеры*», «*Общество в Америке*», «*Эссе об искусстве мыслить*», «*Как соблюдать мораль и манеры*», «*Восточная жизнь: настоящее и прошлое*».

Если О. Конт считается «отцом-основателем» социологии, то Х. Мартино — «прародительницей». Умерла Х. Мартино в 1876 году.

Материальная и моральная составляющая науки

Первые работы Х. Мартино были написаны еще до выхода в свет контовского «Курса позитивной философии». В то время для обозначения социальных наук использовался термин «политическая экономия». Не случайно первая серьезная работа социолога, состоящая из двадцати пяти дидактических новел, называлась «*Иллюстрации к политической экономии*».

Х. Мартино считала, что политическая экономия имеет две взаимосвязанные составляющие:

— *материальная*, — призванная с помощью объективного, прежде всего, математического инструментария, открывать «законы социального долга и социального счастья»;

— *моральная*, — делающая акцент на изучении природы морали. По ее мнению, политическая экономия через обоснование моральных принципов может создать условия для реформирования общества в направлении обеспечения социального равенства всех людей — и мужчин, и женщин.

Эти идеи нашли свое дальнейшее развитие в трехтомнике «*Общество в Америке*», в котором прямо используется сам термин «социология». В указанной работе автор рассматри-

вает проблемы социальной жизни через призму феминизма и борьбы женщин за равноправие. В частности, она анализирует состояние брачно-семейных отношений в США, отмечая подчиненную роль женщин — в их взаимоотношениях с мужчинами действует право сильного. При этом отмечается, что жизнь в любом обществе определяется некими «универсальными законами». В этом, как видно, Х. Мартино солидаризируется с О. Контом и Г. Спенсером.

Вместе с тем она в концентрированной форме обосновывает принципы феминизма. По ее мнению, самый важный закон социальной жизни выражается в движении к человеческому счастью, понимаемому как общественное состояние, в котором нет насилия, доминирования, навязывание воли другому.

В работе «*Как соблюдать мораль и манеры*» (1838 г.) социолог конкретизирует свое видение достижения человеческого счастья. Она считает, что мораль представляет суть коллективных идей, предписывающих поведение, а манеры — конкретные образцы действий и социального взаимодействия. И мораль, и манеры, выполняя функцию «закона природы», могут способствовать прогрессу общества в направлении движения к человеческому счастью, что можно осуществить не революционным, а реформистским путем.

Х. Мартино, в отличие от О. Конта, пытавшегося, как было показано выше, обосновать «законы» стадий общественного прогресса, более сосредоточилась на изучении собственно *социальной жизни в обществе*, образцов человеческого взаимодействия, взятых в разных культурно-исторических контекстах — Англии, США, странах Ближнего Востока. Так, она проделала кросскультурный анализ *дискурса* на кухнях и в детских комнатах, изучала социальные практики гостеприимства, воспитания детей, ведения домашнего хозяйства, сексуальности, включая отношения к проституции, полагая, что по *дискурсу можно осуществлять типизацию обществ*.

Через призму своего социологического воображения она определяет прогресс общества по следующим *совокупным* критериям:

- уровень общего экономического развития;
- моральное благополучие;
- степень автономности индивидов или их зависимости;
- условия жизни социально зависимых людей — женщин, расовых меньшинств, заключенных, больных;

— степень возможности самостоятельно осуществлять практические действия и моральные акты.

Полагаем, неординарное социологическое воображение было проявлено Х. Мартино в раскрытии *взаимосвязи самоубийств с характером социальных взаимодействий*, а также с социальными параметрами общества.

Задолго до Т. Масарика (его взгляды изложены в работе «Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации» (1881 г.)¹) и Э. Дюркгейма она обосновала следующую типологию самоубийств, выделяя:

- самоубийство, обусловленное стыдом;
- самоубийство во имя преданности другим;
- самоубийство ради чести;
- самоубийство из-за недолжного исполнения обязанностей, неоправдания ожиданий других. При этом она показала, что *причины самоубийств обусловлены характером социума*: более распространены среди мужчин, их уровень также зависит от образования, профессиональной деятельности, места проживания².

В работе «*Эссе об искусстве мыслить*» социолог формулирует принципы наблюдения, сбора информации, экспериментирования, учета ошибок и др. А в труде «*Как наблюдать мораль и манеры*» она поднимает проблемы репрезентативности выборки, социальных индикаторов, понимания действий, не несущих моральный смысл и потому не очевидных для каждого стороннего наблюдателя.

Социолог провела сравнительное изучение случаев по своим полевым исследованиям, осуществленным в Англии и странах Ближнего Востока. Много внимания социолог уделила изучению конкретных функций религии, преступления и наказания, лечебных практик.

Становление феминистской социологии

Социологическое воображение было востребовано и для обоснования *женского взгляда на общество*.

¹ Голенкова, З. Т., Нарбут, Н. П. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы. М.: Изд-во РУДН, 2003; Нарбут, Н. П. Проблема самоубийства: Т. Г. Масарик и Э. Дюркгейм // II Всероссийский социологический конгресс. Т. 1. М.: Альфа-М, 2003. С. 19–20.

² Hoecker-Drysdale, S. Harriet Martineau // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 58.

До Х. Мартино считалось, что мужчины и женщины видят мир одинаково. В действительности это не так. В трехтомнике «*Общество в Америке*» автор рассматривает проблемы социальной жизни через призму борьбы женщин за равноправие.

В частности, она анализирует состояние брачно-семейных отношений в США, отмечая подчиненную роль женщин — в их взаимоотношениях с мужчинами действует право сильного, показав при этом, что *мужское и женское видение свободы и демократии существенно отличаются*.

Аналогично, *мужское и женское видение социально счастья и социальных тревог различно*. По ее мнению, самый важный «закон» социальной жизни выражается в движении к человеческому счастью, понимаемому как общественное состояние, в котором нет социального насилия, доминирования, навязывание воли другому.

В работе «*Как наблюдать мораль и манеры*» социолог конкретизирует свое видение достижения человеческого счастья.

Она считает, что мораль представляет суть коллективных идей, предписывающих поведение, а манеры — конкретные образцы действий и социального взаимодействия¹. И мораль, и манеры, выполняя функцию «закона природы», могут способствовать прогрессу общества в направлении движения к человеческому счастью, что можно осуществить не революционным, а реформистским путем.

В этой же работе она дает обоснование принципов проведения социологического исследования, рассматривает проблемы *выборки*, идентификации *социальных индикаторов*, обосновывает метод *симпатического понимания* как стратегию выявления роли морального фактора в деятельности и привычках людей. Заметим, все это было сделано в 1838 г. — *впервые* в социологической науке. Однако многие ее достижения, по существу, оказались не замеченными социологами-мужчинами и не нашли должное отражение в научной и учебной литературе.

Какие же факторы способствовали зарождению феминизма в социологии?

В самых общих чертах они сводятся к следующему.

¹ Lengermann, P. M., Niebrugge-Brantley, J. Early Women Sociologists and Classical Sociological Theory: 1830–1930 // G. Ritzer. Classical Sociological Theory. McGraw Higher Education, 2000. P. 293–295.

Речь идет, во-первых, о *гендерной идентификации* женщин как социальных теоретиков. Под *гендером* обычно понимаются поведенческие тенденции мужчин и женщин, обусловленные их биологическими различиями, которые приобретают конкретные формы под влиянием определенного *социокультурного* контекста. Европейская и американская культура XIX в. *патриархальная* по духу легитимизировала подчиненное место женщин в обществе. Соответственно, в общественном сознании доминировали не только идеи и ценности правящего класса, но и собственно мужские ценности, предполагавшие, что *мужское видение* мира является «естественным, единственно правильным». Первые женщины социологи исходят из того, что, раз женщины думают и чувствуют иначе чем мужчины, что социально и культурно обусловлено патриархальностью, то их взгляд на социум имеет право на существование и должен быть представлен в социологической теории.

По оценкам Х. Мартино, ее гендер мешал ей в работе, особенно при проведении полевых исследований, сборе эмпирических данных.

Гендер сказался и на судьбе ее вклада в социологическую теорию. При жизни она имела не меньшее признание, чем О. Конт — ее вклад в создании социологической науки очевиден. Однако со временем этот вклад все реже и реже упоминался мужчинами социологами, ее работы, в свое время сопоставимые с тиражами произведений известных английских литераторов, перестали переиздаваться. И сегодня мало кто знает, что у социологии есть не только отец-основатель О. Конт, но и прародительница — Х. Мартино.

Во-вторых, женщины социологи сосредоточились на исследовании собственно *женских аспектов* тех или иных социальных проблем (образ жизни женщин, особенности взаимодействия с мужчинами на работе и дома, в процессе воспитания детей и т.д.). Сказанное не означает, что эти проблемы вовсе не оказывались в поле зрения мужчин социологов. Но женщины полагали, что их видение женской проблематики особое.

В-третьих, феминизм в социологической теории делает особый акцент на исследование конкретных социальных практик неравенства мужчин и женщин, полового разделения труда. При этом женщины социологи весьма критично выступали против патриархальных культурных ценностей и норм.

В-четвертых, женщины социологи были, пожалуй, первыми, кто применили культурные подходы к исследованию человеческой сексуальности. В поле их зрения оказались проблемы гетеро и гомосексуальных отношений, сексуального насилия, формирования *маскулинности* и *женственности* в разных культурах и в различные исторические периоды, а также гендерная социализация.

В-пятых, феминизм в социологической теории предполагает и специфические методы анализа, как правило, нацеленные на понимание гендерных идентичностей, специфики мужского и женского поведения.

Основные термины и выражения

Альтруизм — *altruism* — по О. Конту — этическая позиция, выражающаяся в большей значимости блага других по сравнению с собственными интересами. По его мнению, выразителями альтруизма являются интеллектуалы, широта взглядов которых, дает им основание выражать интересы общества в целом.

Гендер — *gender* — 1) совокупность социально приобретенных особенностей поведения мужчин и женщин; поведенческие тенденции мужчин и женщин, обусловленные их родовыми, биологическими, телесными различиями, которые развиваются, приобретают конкретные формы под влиянием определенного социокультурного контекста, особенно образования; 2) по О. Конту — его характер определяется «депрессивным режимом» мужчин, при этом женщины же могут предотвратить увеличивающуюся фрагментарность общества; 3) по Х. Мартинеу — специфическое видение мира мужчинами и женщинами в контексте доминировавшей в то время патриархальной культуры, легитимизировавшей подчиненное место женщин в обществе.

Закон социальный — *social law* — 1) в позитивистских парадигмах — сущностная связь между социальными явлениями, которая носит «объективный» характер; 2) по М. Веберу — социум представляется как совокупность событий, которые «не могут быть определены как «социологические факты» или закономерности».

Позитивизм — *positivism* — теории обществ (создатели: О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и др.), основанные на методологии естественных наук и представлении о существовании объективных социальных законов. Позитивизм рассматривает науку как панацею решения всех экономических, социальных и политических проблем. «Девиз позитивизма — Любовь, Порядок, Прогресс».

Свобода от оценки (ценностных суждений) — *value free* — идеологическая нейтральность, принцип проведения социологических исследований, исключающий личные пристрастия и оценки.

Социальная динамика — *social dynamics* — по О. Конту — теория общественного прогресса, представленная как один из разделов социологии, изучающий развитие общества в контексте увеличения социальной дифференциации, изменения факторов интеграции, таких как мораль, дух, взаимозависимость, централизация власти, координация функций.

Социальная статика — *social statics* — по О. Конту — изучение взаимоотношений социальных институтов общества через призму их функций и фактора социальной интеграции;

Социальный номинализм — *social nominalism* — социологическая концепция (Г. Спенсер и др.), заключающаяся в признании человека и его социальных действий исходной и единственной основой социального: каковы люди — таково и общество.

Социологический империализм — *sociological imperialism* — видение социологии О. Контом, как науки, подчиняющей себе все знание о человеке.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Сегодня очевидно, что синтез естествознания и обществоведения, задуманный О. Контом, так и не был реализован. Означает ли это, что социология вообще не может сотрудничать с естественными науками?

2. По Г. Спенсеру, характер власти, в конечном счете, детерминирован «средним уровнем человеческого развития в данное время». Насколько валидно это положение сегодня?

3. Сегодня и в печати, и в электронных СМИ власть часто подвергается весьма суровой критике. При этом раздаются требования радикального обновления властных структур. Какова, на ваш взгляд, вероятность того, что на смену некомпетентным чиновникам придут мудрые и совестливые люди?

4. Перефразируя эволюционистский постулат Г. Спенсера, можно утверждать следующее: чем меньше власть вмешивается в естественный ход общественного развития, тем это лучше для положения масс, для утверждения демократических принципов и порядка в обществе. Согласны ли вы с этим?

5. В интересах социальной защиты населения власти многих стран неоднократно устанавливали фиксированные цены на товары. По Г. Спенсеру, на деле это ведет не к помощи людям, а, напротив, к социальным катаклизмам и даже голоду. Чем социолог аргументирует свою позицию? А что вы думаете по этому поводу? Что социолог считает «из всех чудовищных заблуждений людей самым чудовищным»?*

* Вопросы повышенной сложности. Для ответа на них прочитайте работу Г. Спенсера «Грехи законодателей».

6. Сейчас во многих культурах мира широкое распространение получают рестораны типа Макдоналдс. Как практика быстрого обслуживания влияет на функциональность нашей повседневной жизни? Сказалась ли она как-то на функционировании вашего университета?

7. Действительно ли женский взгляд на общество отличается от мужского? Приведите свои аргументы. Каковы явные и латентные функции прихода феминистских идей в социологию и другие социальные науки?

Семинар «Теоретико-методологический инструментарий позитивистской социологии»

1. Социологическое мышление в категориях «объективных» законов.

2. Проблема коэволюции общества и ее структур (на примере власти).

3. Феминистские идеи в социологии и других социальных науках.

Литература

1. Батыгин, Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.

2. Воронцов, А. В. История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глотов. — М. : Юрайт, 2013.

3. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999.

4. Голосенко, И. А. Оглядываясь на Огюста Конта / И. А. Голосенко // Социс. — 1999. — № 1.

5. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа: НОРМА–ИНФРА · М, 1999.

6. Кон, И. С. Позитивизм в социологии / И. С. Кон. — Л., 1964.

7. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.

8. Кукушкина, Е. И. История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.

9. Култыгин, В. П. Феминизм в современной социологической теории / В. П. Култыгин. — М. : ИСПИ РАН, 2005.

10. Лапин Н. И. Когда и как Огюст Конт ввел термин «sociologie» / Н. И. Лапин // Социс. — 2003. — № 4.

11. Огюст Конт. К 200-летию со дня рождения / под ред. А. О. Бороноева и И. А. Голосенко. — СПб., 1998.

12. Осипова, Е. В. Огюст Конт и возникновение позитивистской социологии / Е. В. Осипова. — М., 1995.

13. Осипова, Е. В. Социология Герберта Спенсера / Е. В. Осипова. — М. : РИЦ ИСПИ, 1995.
14. Спенсер, Г. Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социс. — 1992. — № 2.
15. Спенсер, Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. — Киев: Ника-Центр, 1997.
16. Тощенко, Ж. Т. Социология : учебник / Ж. Т. Тощенко. — М. : Юнити-Дана, 2012.
17. Шпакова, Р. П. Вместе с Огюстом Контом и вопреки ему / Р. П. Шпакова // Социс. — 1999. — № 3.
18. Hill, M. R. Harriet Martineau / M. R. Hill // Deegan, M. J. (ed). Women in Sociology: A Bio-Bibliographical Sourcebook. — Westport, CT : Greenwood Press, 1991.
19. Hoecker-Drysdale, S. Harriet Martineau / S. Hoecker-Drysdale // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
20. Pickering, M. Auguste Comte / M. Pickering // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
21. Ritzer, G. Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw-Hill Higher Education, 2000.
22. Turner, J. H. Herbert Spenser / J. H. Turner // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
23. Turner, J. H. The Origins of Positivism: The Contributions of Auguste Comte and Herbert Spenser / J. H. Turner // Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.

Глава 4

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ СОЦИОЛОГИ: ПОИСКИ ФАКТОРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Социология в ее первоначальной позитивистской парадигме, возникшая на Западе, явилась тем фактором, который способствовал утверждению в интеллектуальной жизни России *нового критического мышления*, основанного на *духе организованного скептицизма*.

Взаимное обогащение идеями отечественных и зарубежных обществоведов тогда осуществлялось практически беспрепятственно. Причем это было движение в оба направления: идеи самых разных российских мыслителей, таких как Н. А. Бердяев, М. М. Ковалевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. А. Сорокин и др. находили благодатную почву в Европе и мире.

Поэтому, на наш взгляд, вряд ли правомерно говорить о том, кто у кого и что заимствовал.

Важнее подчеркнуть, что *социология становилась самостоятельной наукой, отвечающей потребностям всего человечества, благодаря усилиям представителей всех национальных и научных школ*. И по мере ее становления шло формирование *социологического мышления и социологического воображения* со своей российской спецификой.

4.1. Интеллектуальный контекст социологии в России XIX — начала XX веков.

Российские социологи XIX в. в целом придерживались позитивистских идей О. Конта и Г. Спенсера, хотя весьма критически относились к их конкретным положениям, а некоторые — В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков и др. — даже отвергли контовский «закон трех стадий».

Формированию антиконтовских идей способствовала и Баденская школа — направление, существовавшее в рамках

неокантианства, представители которого (В. Виндельбанд, Г. Риккерт)¹ особое внимание уделяли проблеме *ценностей и их значению для методологии наук*, что оказало существенное влияние на развитие антипозитивистских настроений в мире и России.

Так, с неокантианских теоретико-методологических позиций российский социолог Вениамин Михайлович Хвостов (1868—1920) изучал социальные процессы². Были и те социологи, в чьем творчестве присутствовали элементы и позитивизма, и неокантианства. Пример тому — работы Петра Лавровича Лаврова (1823—1900) — идеолога народничества, занимавшегося проблемами этики и нравственности, взаимосвязи социологии и истории³.

Свою задачу российские социологи видели в выявлении ценностных связей и отношений между явлениями, решая тем самым вопросы изучения институтов общества, социальных слоев и групп, их взаимодействия, так и в исследовании общих вопросов исторической преемственности и судеб мировой цивилизации, места России в ней. И главное — в противоположность западной идеи прогресса, основанного на рационализме, они пытались обосновать во многом свои, собственно российские факторы прогресса, среди которых — духовность, социальное счастье, взаимная помощь, гармоничное умственное и физическое развитие человека, сама возможность цивилизационного многообразия и т.д.

Все это обусловило достаточно широкий идейный спектр социологических направлений и школ⁴.

¹ Виндельбанд, В. Избранное: Дух и история. М., 1995; Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998; Он же. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998.

² Хвостов, В. М. Предмет и метод социологии // Вопросы философии и психологии. Кн. 99. 1909; Он же. Социальный организм // Вопросы философии и психологии. Кн. 100. 1909; Он же. Науки об общем и науки об индивидуальном // Вопросы философии и психологии. Кн. 103. 1910; Он же. Теория исторического процесса. М., 1910.

³ Лавров, П. Л. Современное учение о нравственности и её история. М., 1903—1904; Он же. Философия и социология. Избранные произведения. Т. 1—2. М., 1965.

⁴ Култыгин, В. П. Классическая социология. М.: Наука, 2000; Новикова, С. С. Социология: история, основы институционализации в России. Москва — Воронеж, 2000; Её же. История развития социологии в России: учеб. пособие. Москва — Воронеж, 1996; Медушевский, А. Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.

Прежде всего, отметим противоборство между представителями *западничества* — течение в русской общественно-политической мысли, выступавшее за преодоление исторической отсталости России в контексте развития западной цивилизации — и теми, кто придерживался социально-философских и социологических воззрений *славянофильства*, ратуя за самобытность пути исторического развития России.

Западничество, в частности, представлял Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856) — русский мыслитель, автор «Философских писем», изданных на французском языке, в которых рассматривал проблемы взаимоотношений России с другими странами мира, при этом выступая за развитие страны по западному образцу¹. Именно с этого произведения, по существу, началась идейная полемика и теоретизирование относительно судьбы России, расколовшая интеллектуальную элиту того времени на западников и славянофилов.

Александр Иванович Герцен (1812—1870) — российский социальный теоретик, основатель «народничества» в России, но долгое время живший в Европе, что, естественно, наложило отпечаток на его творчество, резко выступал за отмену крепостного права и замену его «правовым порядком» общинного землевладения².

Существенно иных, но западнических по духу позиций придерживался русский теоретик марксизма Г. В. Плеханов (специально его теоретические подходы будут рассмотрены в главе 7).

Одним из основоположником славянофильства является Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), русский социальный теоретик, изучавший специфику русского мирозерцания³.

Вклад в разработку идей славянофильства внес и Иван Васильевич Киреевский (1806—1856), автор статьи «Девятнадцатый век», пропагандировавшей идеи конституции, теоретических работ «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России», «О необходимости и возможности новых начал для философии» и др.⁴.

¹ Чаадаев, П. Я. Неизд. «Философические письма» // Литературное наследство. 1935. № 22—24.

² Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен, А. И. Собр. соч. Т. 7. М., 1956; Герцен, А. И. Былое и думы // Герцен, А. И. Собр. соч. Т. 9. М., 1956.

³ Хомяков, А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988.

⁴ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: в 2-х тт. М., 1911; Он же. Критика и эстетика. М., 1979.

Славянофилы считали «чуждыми» для России идеи бюрократического государства и формального права, противопоставляя им триаду: «Православие, Самодержавие, Народность», что, однако, не исключало их критическое отношение к самодержавию, как утратившему «единение» с народом, а также борьбу за отмену крепостного права.

Позднее (в 1920-х гг.) появилось *евразийство* — общественно-политическое течение, возникшее в среде русской эмиграции, которое акцентировало своеобразие российской культуры, вытекающее из её расположения на европейском и азиатском континентах и синтеза западных и восточных культурных традиций¹.

Назовем его создателей и основных представителей: социальный теоретик и социолингвист Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938)²; социолог Пётр Николаевич Савицкий (1895—1968)³; социальный теоретик и историк Лев Платонович Карсавин (1882—1952), резко выступавший против идеи о внешней детерминированности исторических процессов⁴; русский и американский социальный теоретик и историк, сын великого русского естествоиспытателя, автора теории ноосферы В. И. Вернадского, Георгий Владимирович Вернадский (1888—1973)⁵.

За сравнительно короткий период времени в стране сформировалось большое количество социологических направлений и школ, представители которых полагались не только на разные предметные сферы, но, по существу, и разное социологическое мышление. Рассмотрим некоторые из них, на наш взгляд, наиболее значимые.

Географическое направление. Афанасий Прокофьевич Щапов (1831—1876) — российский социальный теоретик, был одним из первых, кто выдвинул и обосновал идеи гео-

графического детерминизма, применительно к российской действительности¹.

Лев Ильич Мечников (1838—1888) — российский социолог, считавший, что такие факторы, как реки, выход к морю и т.д., являются весьма значимым условием общественного развития. Он пытался обосновать законы, объясняющие неравномерность общественного развития условиями водных ресурсов и путей сообщения, выделяя в человеческой истории три периода — речной, средиземноморский и океанический².

Весьма представительно и значимо *историческое направление*. Его основоположником считается Александр Иванович Стронин (1826—1889), по существу, обосновавший первые методологические подходы к анализу истории вообще и общественно-политических реалий в особенности³.

Николай Иванович Кареев (1850—1931) известность приобрел благодаря собственно социологическому обоснованию исторического процесса⁴, что по ряду позиций не утратило свою значимость и сегодня⁵. Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) изучал различные аспекты жизнедеятельности людей в России и за рубежом⁶.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919) — один из основоположников методологии исторической науки в России⁷.

Василий Осипович Ключевский (1841—1911) по праву считается основателем российской исторической социологии, обосновавшим историко-социологический методологи-

¹ Ерасов, Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002; Русский узел евразийства. М., 1997; Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993; Панарин, А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995; Основы евразийства. М., 2002.

² Трубецкой, Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. София, 1921.

³ Савицкий, П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

⁴ Карсавин, Л. П. Культура средних веков. СПб. — М., 1914; Он же. Введение в историю. Петроград, 1920.

⁵ Вернадский, Г. В. Русская история. М.: Аграф, 1997; Он же. Русская историография. М.: Аграф, 1998.

¹ Щапов, А. П. Русский раскол старообрядства. Казань, 1859.

² Мечников, Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб., 1898.

³ Стронин, А. И. История и метод. СПб., 1869; Он же. Политика как наука. СПб., 1872; Он же. История общественности. СПб., 1885.

⁴ Кареев, Н. И. Историко-философские и социологические труды. М., 1895; Он же. Историология. Теория исторического процесса. Пг., 1915; Он же. Основы русской социологии. СПб., 1996.

⁵ Сафронов, Б. Г. Н. И. Кареев о структуре исторического знания. М.: МГУ, 1995.

⁶ Соловьев, С. М. Писатели русской истории XVIII века. М., 1855; Он же. История падения Польши. М., 1863.

⁷ Лаппо-Данилевский, А. С. Скифские древности. СПб., 1887; Он же. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898; Он же. Петр Великий — основатель Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. СПб., 1914.

ческий подход¹. Он занимался изучением развития общества, его структур, пытался дать типологию социальных процессов, а также проявлял интерес к роли личности в истории.

В этом ряду особо выделяются Н. Я. Данилевский и Н. А. Бердяев.

Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885) — социолог, этнограф и историк, ученый, опередивший свое время благодаря теории *культурно-исторических типов* и *антиэволюционной теории общественного развития*, утверждавшей принцип *многообразия человеческой истории*, творчество которого высоко оценил П. А. Сорокин².

В труде «Россия и Европа» (1869 г.) Н. Я. Данилевский видит глубинные причины враждебности Запада к России в принадлежности к различным историко-культурным типам. По его мнению, отождествление европейской цивилизации с всемирной, равно как разделение истории на древнюю, среднюю и новую ошибочно, ибо в данном подходе одна цивилизация абсолютизируется и трактуется как «прогрессивная» в противоположность остальным. Ученый считает, что существует множество цивилизаций, выделяя десять «великих», считая, что каждая развивает свои собственные структурно-образующие ценности, а затем погибает вместе с ними.

Соответственно, им были сформулированы законы зарождения, развития и заката цивилизаций:

- любой народ, говорящий на одном языке и обладающий духовной способностью к историческому развитию, представляет собой культурно-исторический тип;

- для рождения и развития культуры необходима политическая независимость;

- *основные* принципы цивилизации одного народа не передаются другим народам (попытки распространения греческой или европейской цивилизации терпели крах, что не касается их *отдельных черт*);

- цивилизация достигает расцвета, если она политически независима и ее «этнографический материал» разнообразен;

¹ Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997.

² Сорокин, П. А. Социологические теории современности. М., 1992.

- цивилизация отмирает, когда исчерпаны ее творческие силы и начинается дезинтеграция, обусловленная внутренними противоречиями.

Любая цивилизация не обладает «универсальностью», а имеет непревзойденные достижения лишь в конкретных сферах человеческой деятельности: греческая цивилизация — в эстетике; семитская — в религии; римская — в праве и политике. Так, по Н. Я. Данилевскому — европейская цивилизация преуспела в политической и научной сферах, а русско-славянская — в религиозной, научной, политико-экономической и эстетической, что создает предпосылки для создания нового и справедливого социально-экономического порядка.

В силу этого цивилизационного многообразия прогресс человечества определяется не всеобщем движении в одном направлении, как это представляли западные социологи того времени, включая О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, а в том, «чтобы все поле, составляющее поприще исторической действительности исходить в разных направлениях»¹.

Николай Александрович Бердяев (1874—1948) — социальный теоретик, исследовавший проблемы истории культуры, по существу, обосновавший *нелинейную трактовку* исторического процесса, а также свое видение персоналистического социализма с позиций так называемой «антисоциологии».

Прежде всего, поясним смысл антисоциологии, характерной не только для Н. А. Бердяева, но и других социальных теоретиков *того* времени (в частности, К. Маркса). В его трактовке, антисоциология, проявляющаяся в скептицизме относительно предметного поля социологии, — не более чем выражение протеста против *конкретной* социологии О. Конта и особенно самого позитивистского мышления². По существу же дела, значимость *антипозитивистской социологии* Н. А. Бердяева в том, что в ней поставлены под вопрос все *линейные* теории прогресса, трактовавшие его как переход от «низших» к «высшим» формам развития, как торжество «нового» и «отмирание старого».

По мнению Н. А. Бердяева, суть исторического прогресса сложнее — зарождаются, расцветают и погибают отнюдь

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 1990.

² История теоретической социологии. Т. 1. Гл. 4. М.: Канон, 1998.

не все ценности, некоторые из них (римское право, греческое искусство и т.д.) переходят из культуры в культуру.

Более того, *не существует единственного пути развития культуры*. Так, западная культура стремится к *рационализму*, практической реализации своей силы. Но культура может выбрать и путь *религиозного преобразования* общественной жизни.

Не менее важна и *сила функциональности* самой культуры: «Традиции культуры всегда были слабы в России... — пишет он. — Здесь были сильны варварские силы»¹.

Также при интерпретации исторического прогресса необходимо учесть *характер народа*. Осмысливая суть амбивалентности «загадочной русской души», Н. А. Бердяев отмечает, что русский характер отличается антиномичностью при слабости «срединных» начал: «тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы»². Специфику прогресса в России ученый связывал с *персоналистическим социализмом* — общественным строем, основанным на примате личности над обществом и государством³.

Органическую (биологическую) школу в России представлял социолог и государственный деятель Павел Феодорович Лилиенфельд-Тоаль (1829—1903), считавший, что в человеческой жизни действуют те же законы, как и во всей органической природе. А его творчество родство с позитивизмом Г. Спенсера было очевидным.

Социологическая школа права отличалась разнородностью. Одним из её основоположников был Л. И. Петражицкий, создатель психологической теории права (его творчество специально рассматривается ниже).

Павел Иванович Новгородцев (1866—1924) — социальный теоретик, изучавший проблематику права через призму критического анализа зарубежного опыта. Он один из представителей либерализма в России, активно выступавших за *правовое государство*⁴.

¹ Бердяев, Н. А. Судьба России. М., 1990.

² Бердяев, Н. А. Судьба России. М., 1990.

³ Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989; Он же. О назначении человека. М., 1993; Он же. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁴ Новгородцев, П. И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания / РАН. Ин-т государства и права. М.: Наука, 1997; Он

Социолог Богдан (Фёдор) Александрович Кистяковский (1868—1920) изучал правовые и социально-этические проблемы через призму неокантианских подходов¹.

Субъективистская школа — Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965) — социальный теоретик, представитель интуитивизма и персонализма². В нее также входили Н. К. Михайловский (его творчество специально рассматривается ниже) и П. Л. Лавров, упоминавшийся выше.

Религиозные социальные теоретики очень разные, но их объединяет стремление к *духовному возрождению общества*.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — социальный теоретик, занимавшийся цивилизационными и этическими проблемами³.

Семён Людвигович Франк (1877—1950) — социальный теоретик, изучавший философские проблемы религии⁴.

Иван Александрович Ильин (1883—1954) — ученый с весьма широкими интересами: занимался от анализа философии Гегеля и Фихте до выявления сущности правосознания⁵.

Особо отметим творчество Сергея Николаевича Булгакова (1871—1944), занимавшегося проблемами хозяйства и науки, высказавшего идею о взаимозависимости экономических достижений и духовным возрождением. Свои взгляды он обосновывал в контексте критики, с одной стороны, О. Конта, а с другой — К. Маркса, ратуя за единство инструментария философии, социологии и теологии в интерпретации общества и видя в религии фактор достижения «универсального объединения людей»⁶. К творчеству

же. Об общественном идеале. М.: УРСС, 1991.

¹ Кистяковский, Б. А. Реальность объективного права // Логос, 1910; Он же. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991.

² Лосский, Н. О. Обоснование интуитивизма. Берлин, 1924; Он же. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Париж, 1938; Он же. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953.

³ Соловьев, В. С. Сочинения : в 2-х тт. М., 1989.

⁴ Франк, С. Л. Смысл жизни. Брюссель, 1976; Он же. Крушение кумиров. Берлин : YMCA-press, 1924.

⁵ Ильин, И. А.: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2004.

⁶ Булгаков, С. Н. Сочинения : в 2-х тт. М.: Наука, 1993.

С. Н. Булгакова приковано внимание современных исследователей, считающим его актуальным для определения судьбы России¹.

Наконец, отметим зарождение *неопозитивизма* — направления, ориентированного на решение методологических проблем, выявление отношения теоретического аппарата с эмпирическим базисом науки, на анализ роли знаково-символических средств научного мышления, математизации и формализации знания. В отличие от классического позитивизма, представители данного направления считают главной задачей не систематизацию специального научного знания, а разработку методов его анализа.

В Европе он появился в форме «логического позитивизма» Венского кружка (М. Шлик, Р. Карнап и др.), а также идей Л. Витгенштейна.

В России первые подходы к освоению новой методологии предпринял Евгений Валентинович Де Роберти (1843—1915) в статье «Наука и метафизика» (1875 г.), а также последующих работах, поставив вопрос о специфике социологической методологии в сравнении с методологией других наук, в частности, биологии и психологии².

Константин Михайлович Тахтарев (1871—1925) с «интуитивных» неопозитивистских позиций изучал рабочее движение в России³. Этим же методологическим инструментарием пользовались А. С. Звоницкая и П. А. Сорокин (об их трудах пойдет речь специально).

Рассмотрим более конкретно творчество наиболее выдающихся российских социологов того времени.

¹ Элоян, М. В. С. Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства). Ростов-на-Дону, 2004; История теоретической социологии. Т. 2. Гл. 1. М.: Канон, 1998.

² Де Роберти, Е. В. Наука и метафизика // Знание, 1875. № 5; Он же. Социология. Основная задача её и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией. СПб, 1880; Он же. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909; Он же. Понятия разума и законы вселенной, СПб, 1914.

³ Тахтарев, К. М. Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. СПб.: Новый мир, 1906 (под псевдонимом К. М. Тар); Он же. От представительства к народовластию. К изучению новейших стремлений политического развития современного общества. СПб.: Библиотека естествознания, 1907.

4.2. Н. К. Михайловский: обоснование субъективной социологии

Николай Константинович Михайловский, социолог, философ, историк, публицист, родился в 1842 году. По окончании гимназии в Костроме учился в Петербургском институте горных инженеров. За участие в студенческом антиправительственном движении был из него исключен.

Является одним из основоположником *субъективной социологии*, которая должна была преодолеть ограниченность теории О. Конта и Г. Спенсера, а именно: поставить во главу угла исследования человека, как мыслящую, чувствующую и желающую личность. С этих позиций социолог создает оригинальную *теорию общественного прогресса* и *теорию подражания*.

Его сочинениями были главным образом социально-политические эссе: «Что такое прогресс?», «Аналогический метод в общественных науках», «Орган, неделимое, общество», «Теория Дарвина и общественная наука», «Что такое счастье?», «Идеализм, идолопоклонничество и реализм», «Герои и толпа», «Снова о герое», «Снова о толпе», «Отклики», «Борьба за индивидуальность».

Н. К. Михайловский был лидером либерального народничества. В своих работах вел публичную полемику со своими идейными и политическими оппонентами, включая В. И. Ленина.

Умер Н. К. Михайловский в 1904 году.

Общественный прогресс: развитие личности

Н. К. Михайловский был уверен, что полагаться только на инструментарий естественных наук при исследовании общества нельзя, ибо эти науки не могут учесть особенности психики индивида и не приспособлены для исследования радости и горести человека, его непосредственных интересов. Соответственно, ученый подверг критике Г. Спенсера за то, что, «проводя параллель между прогрессом органическим и социальным, он отворачивается от счастья человечества... обходит страдание и наслаждение человека»¹.

¹ Михайловский, Н. К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 228.

Н. К. Михайловский исходил из того, что главным в обществе является личность, а не какие-либо социальные группы. Поэтому в качестве *основного критерия общественного прогресса* социолог выделяет личное счастье и гармоничное умственное и физическое развитие человека. Социолог распространял данный критерий на *всех* членов общества, подчеркивая, что это способствует не только здоровью людей, но и ликвидации социального неравенства, зависимого положения одних индивидов по отношению к другим.

Однако, примечательно, что данный тезис он обосновывает с позиций биологии, особой значимости «равновесного» функционирования всех органов человеческого организма. «Нарушение равновесия органов, развитие одного из них в ущерб другому или другим, — писал он, — болезненно отзывается на личности и отнимает у неё самое очевидное благо — здоровье. Кроме того, такое нарушение равновесия ставит одну личность или одну группу личностей в зависимость от другой, которой удалось развить в себе более выгодную физиологическую функцию...»¹

По мнению Н. К. Михайловского, любой образ жизни, любая общественная деятельность, которая предполагает развитие мускульной системы в ущерб нервной системе и наоборот, приводит к однородности людей, т.е. к их ущербному развитию. Соответственно, дифференцирование общества на управляющих и управляемых вредно сказывается на здоровье людей, ибо нарушается гармония между умственной и физической сторонами личности, как результат дисбаланса между физиологическими функциями органов человека.

В итоге Н. К. Михайловский приходит к оригинальному выводу: мерилom общественного прогресса является *разносторонность* отдельных личностей, обладающих гармонично развитыми психической и мускульной системами.

Он определяет прогресс как постепенное приближение «к *возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми*. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает

¹ Михайловский, Н. К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 230.

разнородность общества, усилия тем самым разнородность его отдельных членов»¹.

Отсюда следует, что предмет субъективной социологии состоит в том, чтобы анализировать *личность в контексте становления человеческой индивидуальности*, то, как на этот процесс влияет общество. На личность индивида, считал социолог, действуют разные общественные силы и факторы. Это и, как отмечалось выше, характер разделения труда, и интересы сословий, корпораций, и разнородность образа жизни и занятий социальных групп, и влияние местной географической среды, и сила традиций и привычек, нравов и обычаев.

Сравнивая позитивистскую социологию О. Конта и Г. Спенсера со своей субъективной социологией, Н. К. Михайловский отмечает, что первая позволила сделать «полдела» — установить законность человеческой точки зрения на явления природы, вторая же нацелена не на абсолютную истину, а на «*истину для человека*». Эта истина для человека получается в результате выработки понятий полезного, приятного, доброго, нравственного, справедливого, а также учета «всех сторон индивидуальности»².

Основной метод познания общества

Естественно, такое понимание сути предмета социологии потребовало и нового методологического инструментария. Н. К. Михайловский предложил свой особый подход изучения личности человека — *метод сопереживания*, суть которого состоит в том, что наблюдатель ставит себя в положение наблюдаемого.

Иными словами, социолог, мысленно перенося себя на место другого, должен дополнить свой личный жизненный опыт сопереживаемым опытом жизни исследуемых индивидов. Это подразумевает, что ученый добудет *истину для человека* лишь в том случае, если «вполне сольется с мыслимым объектом», войдет в его интересы, переживет его жизнь, переосмыслит его мысли и чувства.

¹ Михайловский, Н. К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 241.

² Михайловский, Н. К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 239.

Важно заметить, что Н. К. Михайловский не абсолютизировал свой метод как единственно верный, полагая, что в определенных взаимоотношениях он может сосуществовать с объективным методом. «Между прочим, — замечал Н. К. Михайловский, — следует не то, что объективный метод должен быть совершенно удален из этой области исследований, а только то, что высший контроль должен здесь принадлежать субъективному методу». И далее: «Наш принцип обнимает все области человеческой деятельности, все стороны жизни. Он выведен нами не из глубины собственного духа и не рекомендуется, как полученный супранатуральным путем. Он прочно коренится в объективной науке, потому что вытекает из точных исследований законов органического развития»¹.

Теория подражания: исследование героя, вождя, толпы

В рамках субъективной социологии Н. К. Михайловский создает *теорию подражания*, через призму которой исследует, как роль личности — героев и вождей — в истории, так и место массовых движений, особенно толпы в обществе.

Заметим, что Н. К. Михайловский почти на десятилетие опубликовал свои исследования раньше, чем это сделал французский социолог и криминолог Г. Тард в работе «*Законы подражания*», получившей всемирное признание. Данный факт свидетельствует о том, что *валидность* (признанная достоверность) социальной теории определяется не только качеством, новизной её методологического инструментария, но и культурным контекстом, коммуникативными средствами её распространения, включая язык публикации. Разумеется, в современных условиях роль данного фактора уменьшается, хотя не снимается вовсе.

Отправной постулат теории подражания Н. К. Михайловского состоял в том, что «одиноким человек и человек в толпе — это два совсем разных существа»². Разных до такой степени, что, даже прекрасно зная человека, нельзя на осно-

вании этого знания предсказать действия данного индивида, когда он окажется под влиянием энергетического примера толпы и когда может возникнуть непреодолимое стремление к подражанию.

В своих исследованиях Н. К. Михайловский приводит ряд примеров, свидетельствующих, что крайне жестокие и бесчеловечные поступки обладают высокой степенью заразительности. В частности, он пишет: «Вид смертной казни вызывает столь же непреодолимое желание подражать палачу, как непреодолимо стремление следить телодвижениями за канатным плясуном, проделывающим опасные штуки. Кроме того, почти всякое преступление, обратившее на себя усиленное внимание общества чудовищностью своих подробностей или самой своей сущностью, вызывает нередко целый ряд подражателей»¹.

По мнению Н. К. Михайловского, существуют самые разнообразные причины социального подражательства. Из них социолог выделяет три основных.

Во-первых, подражательность имеет место тогда, когда воля и сознания конкретного индивида оказываются подавленными. В этих условиях умственные и нравственные качества перестают проявлять себя, и тогда могут возникнуть или панический страх, или безумная коллективная храбрость.

Во-вторых, подражательности способствует скудная и однообразная жизнь, размеренная и замкнутая. Таковой является армейская служба солдат или монастырская жизнь, которые способствуют автоматическому повиновению, совершаемому помимо участия сознания. «Так бывает со всеми людьми, занятыми делом очень привычным и, следовательно, не нуждающимся в постоянном контроле высшей психической инстанции»², — заключает социолог.

Наконец, в-третьих, готовность, мотивация индивидов к автоматическому подражанию и повиновению, сформированные под влиянием скудности, постоянства и однообразия впечатлений. Эти слагаемые — суть необходимые условия

¹ Михайловский, Н. К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 240.

² Михайловский, Н. К. Герои и толпа // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 348.

¹ Михайловский, Н. К. Герои и толпа // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 354–355.

² Там же С. 370.

для образования того социума, который социолог называет *толпой*.

Но в обществе всегда есть отдельные личности, которые неординарно мыслят и совершают необыкновенные поступки. Иногда такие люди, у которых, как правило, находятся много подражателей и поклонников, становятся *героями* или *вождями*.

При этом социолог вкладывает разный смысл в личность героя и личность вождя. Подчас этот смысл может показаться весьма своеобразным в контексте современных представлений.

Так, по Н. К. Михайловскому, герой — личность, способная вызывать *автоматическое* подражание и поклонение у толпы, вести её за собой на «хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». Им может быть как «нормальная» личность, так и авантюрист, чудаки или даже больной человек. Герой не обязательно должен быть носителем высоких идей или обладать специфическими чертами лидера, или особыми умственными, нравственными, физическими качествами: «Стал человек ни с того, ни с сего плясать на улице — и он герой; пошел освобождать гроб Господень — герой; стал хлестать себя публично плетью по обнаженному телу — герой; пошел бить жидов — герой и т.д.»¹. Социолог подчеркивает: отношения между толпой и героями «самые элементарные». Такие общественные отношения были особенно характерны для традиционного общества.

А вот вождь, по Н. К. Михайловскому, — личность, умеющая не только учесть и выразить настроения масс, но и *сознательно* управляющая ими по заранее намеченному плану, что даже может привести к изменению направления развития общества. Вождь, в представлении социолога, может быть не только политик, но и интеллигент, осуществляющий миссионерскую деятельность.

Отсюда делался далеко идущий вывод о том, что благодаря вождям-интеллигентам Россия, опираясь на традиционный институт общины, могла выбрать свой, особый путь развития вплоть до того, что миновать капитализм вообще.

¹ Михайловский, Н. К. Герои и толпа // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 387.

По этому вопросу, как известно, Н. К. Михайловский и В. И. Ленин вели жесткую полемику.

Из книги: Н. К. Михайловский. Герои и толпа¹.

Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. *Толпой* будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокочеловеческим или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины «герой» и «толпа»... Без сомнения, великие люди не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания.

Что такое собственно великий человек? Полубог, с одной точки зрения, он может оказаться мизинцем левой ноги — с другой. Это и само собой понятно, ибо требования, которые могут быть предъявлены великому человеку мной, вами, пятым, десятым, чрезвычайно разнообразны. Это и в истории случалось, что великий человек для одних был полным ничтожеством в глазах других. Без сомнения, всякий мыслящий человек может и должен выработать себе точку зрения для оценки великих людей в смысле большего или меньшего количества блага, внесенного ими в сокровищницу человечества. Но, имея собственное свое мерило величия, вполне пригодное для тех или других целей, мы не можем им руководиться при изучении поставленного нами вопроса. Положим, что с точки зрения исследователя какой-нибудь, например, Будда — не великий человек, как о нем полагают буддисты, а совсем заурядная фигура. Если исследователь, руководствуясь этим своим мерилем величия, вычеркнет роль Будды из программы своей работы, то, понятное дело, сам себя лишит драгоценного материала, даваемого обаянием, которое Будда производил на современников. Исследователь должен в этом случае стать на точку зрения буддистов. Он может, конечно, отвергать и опровергать эту точку зрения ввиду различных, весьма даже важных целей и соображений. Но в данном случае все эти цели и соображения, как бы они ни были сами по себе ценны, представляют нечто постороннее. Задача состоит в изучении механики отношений между толпой и тем человеком, которого *она* признает великим, а не в изыскании мерил величия. Поэтому заведомый злодей, глупец, ничтожество, полоумный — для нас так же важны в пределах поставленной задачи, как и всемирный гений или ангел во плоти, если за ними шла толпа, если

¹ Михайловский, Н. К. Избранные труды по социологии : в 2-х тт. Т. 2. Герои и толпа. СПб. : Алетейя, 1998.

она им искренне, а не по внешним побуждениям, повиновалась, если она им подражала и молилась.

Этого мало. Бывает величие, озаряющее далекие исторические горизонты. Бывает так, что великий человек своей бессмертной стороной, своей мыслью живет века, и века влияют на толпу, увлекающая ее за собой. Но бывает и так, что великий человек мелькнет как падучая звезда, лишь на одно мгновение станет идиолом и идеалом толпы, и потом, когда пройдет минутное возбуждение, сам утонет в рядах темной массы. Бездомный ротный командир бросается в минуту возбуждения на неприятельскую батарею и увлекает своим примером оробевших солдат, а затем опять становится человеком, которому цена — грош...

Житейский опыт свидетельствует, что бывают такие обстоятельства, когда какая-то непреодолимая сила гонит людей к подражанию. Всякий знает, например, как иногда трудно бывает удержаться от зевоты при виде зевающего, от улыбки при виде смеющегося, от слез при виде плачущего. Всякому случалось испытывать странное и почти неудержимое стремление повторять жесты человека, находящегося в каком-нибудь чрезвычайном положении, например, акробата, идущего по канату. Всякий знает, наконец, хотя бы из своего школьного опыта, что одинокий человек и человек в толпе — это два совсем разных существа. До такой степени разных, что, зная человека, как свои пять пальцев, вы, на основании этого только знания, никаким образом не можете предсказать образ действия того же человека, когда он окажется под влиянием резкого, энергического примера...

В обыденной жизни, можно сказать, шагу ступить нельзя, не натолкнувшись на тот или другой факт бессознательного подражания. Не говорю о детях, склонность которых к «обезьянничанью» вошла в поговорку; не говорю о моде, во всеуравняющем распространении которой замешиваются посторонние элементы вроде тщеславного желания быть не хуже других, и т.д. Но обратите внимание хотя бы на такой, неизменно повторяющийся факт: люди, имеющие сношения, например, с человеком, оригинально и талантливо рассказывающим, бессознательно усваивают себе не только его манеру говорить, но даже его обычные жесты...

Значение примера и подражания не подлежит никакому сомнению. Это было известно уже древним. Так, у Плутарха сохранился рассказ о странной эпидемии самоубийства милетских девушек: несчастные налагали на себя руки одна за другой, без всякой видимой причины. Подражание в деле самоубийства доходит иногда до того, что акт повторяется именно при той самой обстановке, в том же месте, тем же орудием, как первое самоубийство. Солдат, повесившийся в 1772 году на воротах инвалидного дома в Париже, вызвал пятнадцать подражателей, и все они повесились на том же самом месте, даже на одном и том же крючке.

По словам Плутарха, ни слезы родителей, ни утешения друзей не могли удержать милетских девушек от самоубийств, которые, однако, тотчас же прекратились, как только издан был приказ выставлять самоубийц голыми на всеобщее позорище. В 1772 году самоубийства в парижском инвалидном доме прекратились, когда сняли крючок, обладавший таинственной притягательной силой, и проделали окно против стены, в которую он был вбит...

На человеческую душу влияют очень разнообразные мотивы, но в числе их, притом заглушая иногда все остальные, действует и склонность к подражанию и повиновению. А эта склонность воспитывается теми же условиями, которые определяют автоматическое подражание и повиновение гипнотизированного субъекта: скудостью, постоянством и однообразием впечатлений. Это, значит, и суть необходимые условия для образования того, что мы согласились называть «толпой».

Мы видели, что средние века особенно богаты нравственными эпидемиями и в количественном, и в качественном отношении. То есть и много их было, и были они необыкновенно разнообразны. Всегда были и есть отдельные личности, которым приходят в голову странные мысли и которые совершают странные поступки. Всегда были и есть авантюристы, люди психически больные, люди, желающие так или иначе высунуться вперед, и т.п. Такие люди иногда вызывают подражателей и поклонников, иногда нет, и в последнем случае они немедленно погружаются в море забвения. Но в средние века ни одна странность, как бы она ни была нелепа, ни один почин, как бы он ни был фантастичен, не оставались без более или менее значительного числа подражателей, так что история вынуждена была занести соответственные события на свои страницы. Авантюрист, чудаки, больной, выскочка тотчас становился героем. Около него тотчас же группировалась толпа и, глядя на него, плясала или молилась, убивала людей или самоубивалась, предавалась посту и всяческому воздержанию или, напротив, крайней разнузданности страстей. Мы видели образчики этих странных движений в формах заведомо патологических, а равно и в таких, которые трактуются историками как явления нормальные. Некоторые из наших образчиков легко подводят под то объяснение, которое мы пытаемся дать явлениям автоматического подражания вообще. Так, например, эпидемии кусающихся или мяукающих монахинь естественно вытекают из скудости и однообразия монастырской жизни...

Средневековая масса представляла, можно сказать, идеальную толпу. Лишенная всякой оригинальности и всякой устойчивости, до последней возможной степени подавленная однообразием впечатлений и скудостью личной жизни, она находилась как бы в хроническом состоянии ожидания героя. Чуть только мелькнет какой-нибудь особенный, выдающийся образ на постоянно сером, томительно ровном фоне ее жизни — и это уже герой, и толпа идет

за ним, готовая, однако, свернуть с половины дороги, чтобы идти за новым, бросившимся в глаза образом. Но именно вследствие этой необыкновенной податливости толпы средневековые герои весьма мало интересны, говоря вообще, чтобы сделаться в ту пору героем, не нужно было обладать какими-нибудь специфическими чертами вожака. Не нужно было, например, быть носителем той или другой идеи, которая концентрировала бы бродящие в толпе инстинкты или позывы; не нужно было обладать планом действия, надменной дерзостью повелителя или мягкостью искусного ловца умов и сердец. Стал человек ни с того ни с сего плясать на улице — и он герой; пошел освобождать гроб Господень — герой; стал хлестать себя публично плетью по обнаженному телу — герой; пошел бить жидов — герой и т.д. Словом, отношения между толпой и героями были самые элементарные, а потому мало поучительные. Поучительно здесь именно только то, что героем мог оказаться первый встречный. А из этого следует, что хотя секрет держания масс в повиновении очень прост, но представляет собой нечто очень скользкое и обоюдоострое. Мы уже видели это на примере солдат, которые, будучи, так сказать, гипнотизированы самой своей жизнью, дают образчики безусловного повиновения, но при известных условиях вся сила этого автоматизма направляется совсем не туда, куда было бы желательно ее направить власть имеющим. Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задавило все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений. И в том и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы. Но бывают обстоятельства, когда этот эффект достигается в известной степени личными усилиями героя, и бывают другие обстоятельства, когда нет никакой надобности в таких личных усилиях и соответственных им умственных, нравственных или физических качествах. Тогда героем может быть всякий.

4.3. Л. И. Петражицкий: создание эмоциональной социологии

Лев Иосифович Петражицкий, польско-русский социолог и правовед, родился в 1867 г., окончил юридический факультет Киевского университета, продолжил образование в Польше и Германии.

Преподавал в Петербургском университете (1898—1918 гг.), был членом ЦК партии кадетов, депутатом I Государственной думы. Революционные события в России 1917—1918 гг. вынудили ученого эмигрировать в Польшу, где он преподавал в Варшавском университете.

Явился создателем парадигмы, названной им *эмоциональной социологией*, а также основоположником *социолого-психологической школы права*. Идеи Л. И. Петражицкого по проблемам социологии права были востребованы в Европе и США, но не в Советской России. Среди работ социолога: *«Очерки философии права»*, *«О мотивах человеческих поступков»*, *«Основы эмоциональной психологии»*, *«Введение в изучение права и нравственности»*, *«Теория права и государства в связи с теорией нравственности»*, *«Университет и наука»*.

Л. И. Петражицкий покончил жизнь самоубийством в 1931 году.

Обоснование общественного развития характером средней равнодействующей эмоционально-интеллектуального общения

Л. И. Петражицкий критически отнесся к господствовавшим в его время теориям общественного развития. Таковых, по его мнению, было две: *«дарвинистская социология»* позитивистского толка и *теория исторического материализма*.

Первая рассматривала общественное развитие и его социальные продукты, которые особенно интересовали Л. И. Петражицкого — нравственность и право — как результат «естественного бессознательного приспособления к жизни»: менее приспособленные их образцы отмирают, а лучшие, напротив, сохраняются и наследуются. Но в таком случае, считает социолог, умаляется роль весьма значимого фактора, каким является «эмоционально-интеллектуальное социальное общение»¹.

Вторая теория — исторический материализм — пыталась объяснить право, нравственность, верования и их развитие как продукты и отражения базиса социальной жизни: «они — психические корреляты, отражения в психике соци-

¹ *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 510.

альной материи, и их содержание меняется в истории соотношения с изменениями социальной материи, как функции последней»¹. Получалось, что право, нравственность, верования — исключительно продукты *внешнего* воздействия, с чем социолог согласиться не мог.

По убеждению Л. И. Петражицкого, конкретные проявления общественного сознания — право, нравственность, верования, этические системы и т.д. — являются не столько результатом воздействия внешнего мира, *сколько результатом внутреннего психического мира людей, характера психического общения между членами социальных групп*.

«Психическое общение есть, так сказать, — замечает социолог, — психическое взаимозаражение и притом не интеллектуальное только, но и эмоциональное»². Эмоции, подчеркивал социолог, лежат в основе общественных норм и, соответственно, в этических и правовых системах. Сам же характер психического взаимодействия людей не является раз и навсегда данным, он развивается под воздействием «борьбы эмоций разного происхождения и направления».

Л. И. Петражицкий показывает ряд примеров такой борьбы эмоций, приводящей к прогрессивному развитию характера психического взаимодействия индивидов. «У субъектов прелюбодеяний, лжи, денежных обманов и т.д. могут на этой почве появляться и развиваться аттрактивные эмоции по адресу таких действий, а у более или менее многочисленных жертв этих действий развиваются более сильные эмоции (эмоциональные диспозиции) противоположного свойства, антипатии, негодование и т.д... Получаются процессы, аналогичные борьбе за существование и естественному подбору (хотя и принципиально отличные, производимые не косою смерти, а эмоциями), — вытеснение худшего лучшим, менее годного более годным»³.

В итоге в конкретный исторический период «эмоционально-интеллектуальное *социальное* общение и психическое заражение вырабатывает эмоциональные средние рав-

нодействующие, средние эмоциональные оценки»¹, которые в конечном счете определяют характер общественного развития в целом. Они же лежат и в основе верований, и в основе существующих нравственных норм. Те же из них, которые признаются государством, становятся правом.

Л. И. Петражицкий особо подчеркивает, что его «теория эмоционального подбора и развития, адекватна не праву специально, а несравненно более обширному классу явлений»². Но социолог теоретико-методологические возможности своей парадигмы особо демонстрирует на исследовании права.

Право как фактор и продукт социально-психической деятельности людей

В России в конце XIX — начале XX в. одной из центральных была проблема соотношения права и нравственности, которая трактовалась с самых различных идейных и научных позиций.

Л. И. Петражицкий анализирует их в работе «*Теория права и государства в связи с теорией нравственности*».

Так, был подход, согласно которому право рассматривалось как инструмент классового господства и принуждения: в определении права с точки зрения принуждения заключается указание на то, что действие права состоит в принуждении людей к известному поведению.

Многие известные общественные деятели того времени относились к нему крайне негативно. В частности, Л. Н. Толстой праву противопоставлял совесть, свои представления о справедливости. Примерно с аналогичных позиций относились к праву славянофилы, абсолютизовавшие христианские добродетели и потому отрицавшие право как нечто чуждое для России. По существу абстрактное Добро противопоставлялось правовым гарантиям.

Представитель либерализма, немецкий правовед Рудольф фон Иеринг (1818—1892), рассматривал право через призму защиты практических интересов и свобод индивидов. Учение Иеринга оказало влияние на формирование ряда право-

¹ Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 507.

² Там же. С. 510.

³ Там же. С. 510—511.

¹ Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 510.

² Там же. С. 511.

вых доктрин XX в. — «юриспруденцию интересов» в Германии, юридический прагматизм в США. Такой подход, как известно, оказал влияние на развитие правовых отношений в Европе и США.

У собственно социологов России того времени также отсутствовала единая позиция: Б. Н. Чечерин разделял право и нравственность, в то время как В. С. Соловьев ратовал за их единство.

Л. И. Петражицкий создает «*теорию причинного действия права как психических процессов*».

Социолог рассматривал *позитивное право* как стержень, вокруг которого строится вся социально-психическая жизнь. «Явления права состоят в двусторонней причинной связи с другими процессами социально-психической жизни, — писал он — с одной стороны, право является фактором социально-психической жизни и ее развития, вызывает известные дальнейшие процессы в области психики и поведения индивидов и масс и их развития. С другой стороны, право само есть продукт действия известных социально-психических процессов: оно создается и изменяется ими по законам причинной связи»¹.

Словом, право, по его мнению, создает в общественном сознании *психические основания* для гарантий в регуляции общественных процессов.

Из книги: Л. И. Петражицкий. Право как фактор и продукт социально-психической жизни².

Из существующих в области социологии многочисленных и разнообразных по содержанию теорий заслуживают здесь, в частности, особого упоминания: *дарвинистическая социология*, пытающаяся объяснить явления общественной человеческой жизни и их развитие, в том числе нравственность и право, как продукты естественного бессознательного приспособления к жизни путем скорейшего вымирания менее приспособленных и сохранения и наследственной передачи изменений к лучшему в направлении приспособления к жизни; затем теория так называемого *исторического материализма*, считающая базисом и основным фактором общественной жизни, разных ее явлений и элементов и их развития существующие в данное время орудия и формы производства материальных

благ, в частности, пытающаяся объяснить право, нравственность, верования и т.д. и их развитие как продукты и отражения подлежащей «социальной материи», орудий и форм производства материальных благ, изменяющиеся сообразно изменениям этого базиса социальной жизни.

И в области проблемы о происхождении и развитии права, как и в области проблемы о причинном действии права, следует подчеркнуть, что для построения соответственной научной, адекватной теории, прежде всего, необходимо выяснение, что такое право... Если исходить из того, что правовые явления суть веления сильных по адресу слабых и т.д., то такие учения, как учение Иеринга о происхождении и развитии права, представляются возможными и естественными. Если же иметь в виду, что правовые явления суть особого рода этические, императивно-атрибутивные переживания, то такие и т.п. теории падают сами собой, без особой критики, как явно несообразные, не соответствующие природе того, происхождение и развитие чего требуется объяснить. Получается совсем иная, психологическая проблема происхождения императивно-атрибутивных эмоций и эмоционально-интеллектуальных сочетаний или соответственных психических диспозиций, склонностей к подлежащим эмоциям и эмоционально-интеллектуальным переживаниям, и факторов и процессов, определяющих их развитие.

Что касается таких более общих социологических теорий, как дарвинистическая, теория исторического материализма и т.п., то между ними и природой права как особых этических переживаний нет такого несоответствия и взаимоисключения. Напротив, можно быть одновременно последователем дарвинизма или исторического материализма в социологии и теории права как императивно-атрибутивных переживаний. Мало того, для обеих социологических теорий — теория права как императивно-атрибутивных переживаний и соответственных диспозиций представляет, так сказать, некоторые особые удобства. Так, если право есть индивидуально-психическое переживание на почве соответственных диспозиций, то, с точки зрения дарвинистической теории, оно представляется аналогичным разным другим элементам и свойствам психофизического аппарата — организма, происхождение и развитие коих с успехом объясняется этой теорией. Что касается экономического материализма, то, с его точки зрения, по поводу сведения права к особым психическим явлениям есть, так сказать, готовый ответ относительно происхождения и развития подобных явлений: они — психические корреляты, отражения в психике социальной материи, и их содержание меняется в истории сообразно с изменениями социальной материи как функция последней. Тем не менее положение о необходимости выяснения природы права для построения адекватной теории происхождения и развития права остается правильным и по адресу этих и других общесоциологических уче-

¹ Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 501.

² Там же.

ний в том смысле, что ввиду специфической природы права для построения адекватной теории его происхождения и развития недостаточно еще общих положений об общественных процессах, а требуется еще построение с помощью этих общих положений, если и поскольку они правильны, соответственной частной и специальной теории, требуется приращение и приспособление общей теории к специфической природе права.

Кроме установления надлежащего понятия права, для построения научной теории его развития необходимы еще предварительные знания, предпосылки двоякого рода.

1. Теория причинного действия права, в частности его мотивационного и педагогического действия. Дело в том, что право, оказывая вместе с другими факторами социально-психической жизни, в том числе нравственностью, нормативной эстетикой и др., влияние на развитие человеческой психики, изменяя человеческий характер в направлении приспособления его к социальной жизни, само изменяется сообразно с этими психическими изменениями, приспосабливается к ним. И здесь заключается ключ для открытия тех законов развития права, тех исторических тенденций, о тщетных поисках которых было упомянуто выше. Общая, основная тенденция исторического процесса образования и изменения права заключается в таком приспособлении правовой мотивации и педагогики к данному состоянию народной психики, что путем психического воздействия соответственной правовой системы индивидуальное и массовое поведение и развитие народной психики направляется в сторону общего блага. По мере приспособления человеческой психики к социальной жизни соответственно изменяется (впрочем, с разными осложнениями, временными задержками и т.д.) и право.

Позднейшие правовые системы требуют и достигают от граждан большего в смысле социально разумного поведения, чем предшествующие приспособленные к более примитивной психике системы права, и достигают уже раньше требовавшегося поведения путем воздействия на более высокие стороны человеческого характера. Они утилизируют достигнутые результаты психической культуры и опираются на *такие* качества массового характера, на которые не могли опираться прежние системы правовой мотивации, приращенные к более грубой и социально менее годной психике...

Поскольку в праве дело идет о том же роде поведения и о применении однородной мотивации, например карательной или наградной, по мере улучшения человеческого характера для достижения подлежащего социально разумного поведения требуется все меньшее и меньшее мотивационное давление этого рода: кары и награды уменьшаются, коллективная ответственность целой группы за нарушения, усиливающая мотивационное давление,

сменяется индивидуальной, прежняя неумолимая ответственность за причиненное, хотя бы неумышленно, зло сменяется карательной системой, допускающей разные оправдания и смягчения ответственности, и т.д...

2. Для решения намеченной проблемы требуется образование и обоснование научной теории социально-психических процессов — научной социологии. Дарвинистическая теория, единственная теория, объясняющая бессознательно «гениальное» приспособление, не в состоянии объяснить *социально*-психического приспособления, независимого от вымирания индивидов и разрушения групп, и она упускает из виду те особые процессы, которые происходят на почве разговоров людей друг с другом и вообще психического общения между членами социальных групп.

Эмоционально-интеллектуальное *социальное* общение и психическое заражение вырабатывает эмоциональные средние равнодействующие, средние эмоциональные оценки, продукты бесчисленных фактов данной категории в жизни рядов сменяющихся поколений. По адресу таких явлений, как ложь, клевета и т.п., такие эмоциональные средние равнодействующие неизбежно получаются порицательно-отталкивающие, хотя для прибегающих к таким действиям могут получаться выгоды. Эти эмоциональные равнодействующие сообщаются путем эмоционально-интеллектуального общения и заражения индивидам уже в детском возрасте и дальше. На почве таких эмоционально-интеллектуальных ассоциаций неведомого для индивида происхождения получаются, в случаях действия каких-либо унаследованных или приобретенных в индивидуальной жизни эмоциональных влечений в пользу соответственных поступков, внутренние разлады, психические трения и коллизии, борьба эмоций разного происхождения и направления, процессы, о которых шла речь выше, при уяснении природы этических переживаний.

Представляя закономерные средние равнодействующие бесчисленных фактов в жизни умерших уже и живущих членов цепи эмоционально-интеллектуального общения и заражения, указанные эмоциональные оценки пропорциональны среднему в больших числах действию оцениваемых предметов, явлений, правил и способов поведения, например, технических, хозяйственных, гигиенических, воспитательных приемов, вообще всего того, что может существовать в представлении и о чем говорится, пишется в письмах и проч. Отсюда получаются процессы, аналогичные борьбе за существование и естественному подбору (хотя и принципиально отличные, производимые не косою смерти, а эмоциями), — вытеснение худшего лучшим, менее годного более годным.

4.4. М. М. Ковалевский: многофакторный подход к анализу общества

Максим Максимович Ковалевский, академик Российской академии наук, социолог, правовед, историк, родился в 1851 году.

В историю мировой социологической мысли он вошел как основатель *плюралистической социологии*, исходившей из полифакторного видения общественного развития, необходимости использования разных методов анализа общества — сравнительно-исторического, генетического, кросс-культурного. Внес особо значительный вклад в развитие социологии права, политики, а также в создание *генетической социологии*.

В общей сложности социологом опубликовано 677 работ, в том числе 43 изданы на иностранных языках. Среди его работ: «Социология», «Современные социологи», «Очерк развития социологических учений», «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму», «Происхождение современной демократии», «Демократия и политическая доктрина», «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», «Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения», «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии», «Две жизни: Маркс и Спенсер». Под его редакцией вышли крупнейшие работы энциклопедического плана: «Новые идеи в социологии» (в 4-х томах, 1913—1914 гг.), «Итоги в теории и практике» (12 томов, 1911—1915 гг.).

М. М. Ковалевский был признан мировым социологическим сообществом. Он встречался со всеми виднейшими социологами своего времени — Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, К. Марксом и многими другими. М. М. Ковалевский читал лекции во многих зарубежных университетах, в том числе Стокгольмском, Оксфордском, Чикагском, Сан-Франциском. Возглавлял первую в России кафедру социологии в Неврологическом институте Петрограда, был президентом Международного института социологии. М. М. Ковалевский принимал активное участие в общественной жизни России. Он избирался в I Государственную думу, был членом Государственного совета, лидером Партии

демократических реформ, которая выступала за утверждение конституционного строя.

Умер М. М. Ковалевский в 1916 году. Фактически им было подготовлено создание Российского общества социологов, которое образовалось сразу после смерти ученого и стало называться его именем.

Основание плюралистической социологии

В отличие от О. Конта и Г. Спенсера, а также своих российских коллег, М. М. Ковалевский решительно высказался против поиска одного, решающего фактора общественного развития, видя в этом тот или иной односторонний детерминизм, который не способен дать достаточно полную картину социальных реалий, их динамики. Как было показано выше, в то время для российской социологии бы характерны такие типы детерминизма, как географический и биологический детерминизмы, *механицизм* (сведение многообразия общественной жизни к законам механики). Он также не принял противопоставление объективных и субъективных факторов в жизни общества.

Впервые в мировой социологии М. М. Ковалевский выдвинул идею о том, что социологическая наука должна заниматься исследованием *одновременным воздействием и противодействием целого ряда факторов*.

Так, им была предложена *плюралистическая социология*. «Социология в значительной степени выиграет от того, — писал он, — если забота об отыскании фактора, да вдобавок еще первичного и главнейшего, постепенно будет исключена из её сферы», то есть «следует говорить не об одностороннем влиянии, а о взаимодействиях, взаимно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых складывается общественная жизнь, и не о руководящих факторах — экономическом, правовом, государственном, научном, художественном и т.д., а о состоящих в тесном общении фактах или явлениях общезития»¹.

Соответственно, М. М. Ковалевский предлагал комплексное использование различных методов анализа общества — *сравнительно-исторического, кросс-культурного, генетического*.

Сравнительно-исторический метод основан на выделении у разных народов по самым различным характеристикам

¹ Ковалевский, М. М. Социология : в 2-х тт. Т. 1. СПб., 1997. С. 15.

(экономическим, политическим, историческим и т.д.) сходных групп, что позволяло выявлять основные этапы развития обществ в целом.

Кросс-культурный метод предполагал, что социология не должна замыкаться реалиями конкретных культур. Ученый настаивал на том, чтобы социологи активнее занимались в то время мало изученной жизнью народов Востока, сравнивали их социальные практики с образами жизни народов, живущих на Западе. Социолог видел в этом более объективную фактологическую основу для обоснования общественных законов.

Генетический метод привел социолога к обоснованию *генетической социологии* как одна из отраслевых социологией. По М. М. Ковалевскому, это — научное направление, изучающее происхождение общественной жизни, общественных институтов у различных народов, осуществляющее их типологизацию.

Плюралистическая социология привела М. М. Ковалевского к мысли о необходимости *теоретического синтеза* разных, подчас противоположных социологий. Представляется, ученый был первым, кто в своей работе «*Две жизни: Маркс и Спенсер*» поставил вопрос о возможной интеграции рациональных элементов марксистской социологии и позитивистской социологии О. Конта.

Идея теоретического синтеза разных социологий широко используется современными социологами.

Закон общественного прогресса

Как и все социологи того времени, М. М. Ковалевский стремился к открытию общественных законов. Соответственно, им был обоснован *закон общественного прогресса*. Его суть вытекала из положений и духа плюралистической социологии.

Раз следует принять во внимание совокупность противоборствующих факторов, причем как объективных, так и субъективных, значит, не может быть *единой формы* прогресса для всех времен и народов. Культурное разнообразие жизни народов мира, многофакторная основа социального развития просто исключают саму возможность *общей формы* поступательного развития, что, однако, по его мнению не исключает исторических закономерностей развития человечества в целом.

Отсюда следовало, что, с одной стороны, не столько важна сама форма общественного развития, главное, чтобы она *была адекватна характеру народа*, отвечала его чаяниям, коллективным представлениям: «форма правления — не предмет свободного выбора; она должна отвечать порожденным историей верованиям и желаниям народных масс»¹.

С другой стороны — какая бы ни была форма правления, она должна, в конечном счете, способствовать развитию *прав человека*, обеспечить *свободы личности*. Так, М. М. Ковалевский отмечал «тот факт, что поступательный ход в развитии политических учреждений сводится не к замене одних форм другими, например, монархии республикой, или республики монархией, а в расширении, с одной стороны, основ самодержавия, а с другой — прав личности»².

Для России того исторического периода наиболее оптимальным, соответственно, прогрессивным государственным правлением М. М. Ковалевский считал *самодержавие* в сочетании с представительной демократией — *многообразием форм* местного самоуправления, что позволяло в максимальной степени учесть как *объективные исторические реалии* формирования нашего многонационального государства, так и *субъективные факторы*, отражающие волю населения во всем его культурном многообразии.

«Россия — страна, образовавшаяся путем частью насильственного, частью добровольного присоединения многих народностей, слагавшихся или уже сложившихся государств. Эти народности и государства не слились вполне с начальным ядром — Московией; они сохранили тяготение, если не к прежней независимости, то к возможно слабому вмешательству центральной власти в их местную жизнь»³.

При этом важно, чтобы развитие личной самостоятельности и самоуправления населения в контексте уменьшения централизованной государственной опеки шло в направлении от гражданского неравенства к *гражданскому равенству*: «в сфере общественных и политических учреждений, — отмечал социолог, — прогресс сказывается в двустороннем процессе — в замене гражданского неравенства равенством всех

¹ Ковалевский, М. М. Политическая программа союза народного благоденствия. СПб., 1906. С. 6.

² Ковалевский, М. М. Современные социологи. СПб., 1997. С. 151.

³ Ковалевский, М. М. Политическая программа союза народного благоденствия. СПб., 1906. С. 7.

перед законом, судом, налогом, государственной службой и т.д., а во-вторых, в процессе замены внешнего руководства, правительственной опеки — как личной самодетельностью, так и самодетельностью общественной»¹.

Прогресс, по М. М. Ковалевскому, это и сохранение, и развитие социального многообразия, что предполагает возможность для каждого класса осуществлять *свою* «социальную функцию», но полезную для общества в целом.

В связи с этим ученый видел перспективы развития человеческого самосознания разных социальных групп и этносов в направлении «*жизни для других*». Им была предложена своеобразная концепция общественной солидарности — «*социальной замиренности*», предполагавшая, что степень прогресса социума или этноса измеряется тем, насколько общественные отношения, свойственные им, исключают вражду, т.е., насколько в них утвердился мир и социальная гармония.

М. М. Ковалевский предлагал использовать критерий замиренности и для оценки развития человеческой цивилизации в целом. Иными словами, степень её развития определять по тому, насколько из межгосударственных отношений исключены силовые политики, особенно войны.

Характер социальных преобразований, по М. М. Ковалевскому, весьма важен для прогресса. Он должен исходить из исторически сложившихся условий жизни людей, их политических возможностей, равно как и их общественного сознания. По мнению социолога, важно, чтобы «под кровом традиционных форм, внесением в них нового содержания, обеспечить личную свободу, гражданское равенство, равноправие национальностей, свободу преследования обособленными этнографией и историей группами их культурных задач и создание такого политического уклада, при котором свободно выработанные представители этого народа могли бы проводить его волю в законодательство и администрацию»².

Естественно, что такой подход к толкованию прогрессивного общественного развития исключал как революции, социальные конфликты и войны, так и радикальный реформизм.

¹ Ковалевский, М. М. Социология : в 2-х тт. Т. 1. СПб., 1997. С. 58.

² Ковалевский, М. М. Политическая программа союза народного благоденствия. СПб., 1906. С. 6.

Из работы: Ковалевский М. М. Понятие генетической социологии и ее метод¹

Генетической социологией называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным.

В современном ее состоянии, генетическая социология располагает не более как эмпирическими законами или приблизительными обобщениями, — законами, притом постоянно оспариваемыми и нуждающимися поэтому в прочном фундаменте хорошо обследованных фактов. Материалом для ее построения служат, с одной стороны, данные этнографии о быте отсталых, недоразвившихся племен, обыкновенно обозначаемых эпитетами: дикие и варварские... Вопросы генетической социологии, науки о происхождении общественных институтов, имеют особый интерес для русских ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося в их руках и далеко еще не разработанного, несмотря на целые поколения исследователей...

Из сказанного ясно также, что всякому, занимающемуся генетической социологией, предстоит обращение одновременно к разным научным дисциплинам описательного характера и ко взаимной проверке выводов, добытых каждой из этих дисциплин в отдельности. Ему приходится одновременно быть знакомым и с историей религий, и с древнейшими правовыми институтами, и с народным литературным творчеством, и с пережитками, держащимися или державшимися в форме обычаев и обрядов не в одном современном быту, но и при тех порядках, которые отошли уже в область прошедшего. Но так как следы этого прошлого сохранились у одного народа в одной особенности, а у другого в другой, то социологу, занятому воссозданием в уме того отдаленного периода, когда зарождались общественные отношения и складывались те учреждения, какими в широком смысле можно назвать одинаково и сумму верований, и сумму обычаев того или другого народа, необходимо вносить в общую сокровищницу все эти разбросанные следы архаических порядков.

Много лет тому назад, картинно передавая отношения сравнительного историка права и учреждений к материалу его исследований, мой учитель Мэн говорил, что историк на весь мир должен смотреть не в увеличительное, а, наоборот, в уменьшительное

¹ Ковалевский, М. М. Понятие генетической социологии и её метод // Социология в России. XIX — начала XX веков. Вып. 2. М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997.

стекло. Такой метод, разумеется, не лишен опасностей; при нем немудрено свести к общей причине факторы местные и временные. Вот почему я рекомендовал бы всем, кто намерен заняться изучением генезиса верований, обычаев и учреждений, запастись достаточной дозой скептицизма и прежде, чем пускаться в какие-либо общие выводы на основании частного факта, искать объяснения ему в современной ему обстановке или в недавнем прошлом. Как часто мне самому приходилось впадать в ту же ошибку, от которой в настоящее время я готов предостеречь других...

Другим условием правильности выводов будет их согласованность между собой. Очевидно, что нам нельзя признать первичными такие порядки, какие стоят в прямом противоречии или с низким уровнем психической деятельности, необходимо составлявшей особенность первобытного человечества в той же мере, как и современных дикарей, или с материальными условиями его и их жизни. Нам нельзя будет, например, говорить о существовании страсти к накоплению и образованию запасов ранее изобретения способов добывать огонь, то есть способов препятствовать истреблению пищи влиянием времени; нельзя будет приписывать первобытному человечеству понятие о едином Боге, творце мира и людей, беспристрастном судье и карателе зла на земле, так как такое понятие для них слишком возвышенно. Роковой ошибкой было бы также всякое злоупотребление логикой, всякое допущение, что из одного факта наличности тех или других условий, экономических, религиозных, политических и т.д., необходимо вытекают и все остальные. Монизм, в данном случае, сводился бы на практике к тому, что французы называют «симплизмом», т.е. к наивному упрощению задачи, к сведению ее, по верному замечанию Фридриха Энгельса, к тому уравнению с одним неизвестным, о котором, по-видимому, мечтали марксистские культур-историки. Я надеюсь показать, что даже такое явление, очевидно, экономического характера, каким надо считать апроприацию предметов природы, из чего со временем развивается собственность, стоит в самой тесной связи с психическими воздействиями, со страхом магической силы, заключающейся будто бы в предметах, бывших или доселе состоящих в тесном отношении к данному лицу. Я познакомлю читателей в одной из дальнейших глав с той ролью, какую играют «табу» или религиозные запреты в сфере чисто экономических отношений. Игнорировать влияние, какое столкновения отдельных племен между собой, сопровождаемые завоеванием и подчинением, имеет на возникновение, например, сословий и классов, было бы не менее ошибочно, чем говорить об их возникновении вне всякой зависимости от разделения труда и накопления достатка. Все стороны общественной жизни тесно связаны между собой и воздействуют друг на друга. Раскрыть это взаимодействие в прошлом и объяснить зарождение верований и учреж-

дений и составляет ближайшую задачу всякого социолога, всего же более того, кто посвятил свой труд генетической социологии.

4.5. П. А. Кропоткин: взаимная помощь как принцип организации общественной жизни

Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921), социолог, философ, географ, представитель и теоретик анархизма, революционер.

Взгляды П. А. Кропоткина в значительной степени сформировались под влиянием позитивизма О. Конта и эволюционных идей Ч. Дарвина. Отсюда — его стремление соединить естественнонаучные и социальные исследования, итогом чего стал обоснованный им «закон взаимной помощи», распространявшийся как на животный мир, так и человеческое общество. В роде, общине, гильдии, рабочем союзе, местном самоуправлении социолог видел конкретные институты и социальные практики взаимопомощи, рассматривая их как главный фактор социального прогресса, что нашло отражение в его позитивной программе анархизма. В безгосударственном анархическом обществе, по его мнению, только и могут быть реализованы принципы свободы и равенства.

За свою жизнь Кропоткин написал много произведений, среди которых: *«Речи бунтовщика»*, *«Хлеб и воля»*, *«Современная наука и анархия»*, *«Анархия и её философия»*, *«Государство, его роль в истории»*, *«Взаимная помощь как фактор эволюции»*, *«Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса»*, *«Этика»* и другие.

Позитивный анархизм

П. А. Кропоткин широкую известность приобрел как крупнейший теоретик анархизма.

Он рассматривал государство как источник социального зла и бед, что ему виделось в насилии по отношению к обществу, в разрушении личности. Государственная бюрократия, по его мнению, препятствует развитию таких социальных ценностей, как солидарность, самоуправление, равенство и справедливость. А государственная экономика, равно как и частная собственность, с неизбежностью-де ведут к хозяйственной неэффективности. Поэтому он не принял ни индивидуалистические и рыночные ценности западной цивилизации, ни «демократизм» диктатуры пролетариата,

порожденной Октябрьской революцией 1917 г., и в своих письмах к В. И. Ленину предрекал неизбежность бюрократизации социальной жизни, подавление свобод граждан.

Вместе с тем в противоположность стихийному антиэтатизму П. А. Кропоткин обосновывает концепцию *позитивного анархизма*, предполагавшую утверждение общественного устройства в виде анархо-коммунистической федерации, основанной на функционировании свободных производственных коммун и различных автономных ассоциаций неполитического типа. Это общественное устройство как антипод государству, по его мнению, способно обеспечить социальный порядок, основанный на принципах индивидуальной инициативы, справедливости и свободы.

Идеалы позитивного анархизма тесно связаны с *законом взаимной помощи*.

Закон взаимной помощи

Согласно наблюдениям П. А. Кропоткина, которые проводились им в Сибири, не подтверждается положение дарвинистов о том, что борьба за жизнь является главным фактором эволюции. Распространение принципа борьбы за существование на человеческое общество тем более несправедливо, ибо, по его мнению, есть многочисленные факты развития форм человеческого общества, которые связаны с совершенно противоположным принципом — *законом взаимной помощи*.

Он, в частности, проявляется в симпатиях, любви, самопожертвовании, что свидетельствует о взаимной зависимости людей, которая способна реализовываться в конкретных формах человеческой солидарности. Примером тому являются формы взаимной поддержки людей, существовавшие в деревенских общинах, гильдиях, средневековых вольных городах, а также в религиозных объединениях — христианских и буддийских общинах.

Как считает П. А. Кропоткин, «исторической трагедией» стало разрушение этих человеческих общностей, замена их государственной формой организации общественной жизни. Соответственно функции народоправства взяла на себя бюрократия. Однако, полагает социолог, никто не доказал исключительность и универсальность функций государства. Действие закона взаимной помощи может привести к новым безгосударственным формам жизнедеятельности людей, основанным на самоуправлении народа.

Этический прогресс человечества также основывается на законе взаимной помощи. «Мы можем теперь представить историю человечества, — писал П. А. Кропоткин, — с точки зрения развития этического элемента, как развитие присущей человеку потребности организовать свою жизнь на началах взаимной поддержки... этическое мерило теперь выше, чем оно было раньше. А по мере того как средства удовлетворения потребностей всех жителей увеличиваются в образовательных обществах и таким образом расчищается путь для более высокого понятия о справедливости по отношению ко всем, этические требования необходимо становятся все более и более утонченными»¹.

П. А. Кропоткин делает вывод: закон взаимной помощи, хотя и не исключает «отступательные движения, совершавшиеся по временам у разных народов», тем не менее, играет огромную роль как фактор прогресса человеческих обществ.

Из книги: П. А. Кропоткин. Взаимная помощь как фактор эволюции².

Число и важность различных учреждений *Взаимной Помощи*, которые развились в человечестве благодаря созидательному гению диких и полудиких масс в течение самого раннего периода родового быта и еще более того впоследствии — в течение следующего периода деревенской общины, а также громадное влияние, которое эти ранние учреждения оказали на дальнейшее развитие человечества, вплоть до настоящего времени, побудили меня распространить область моих изысканий и на более поздние исторические времена; в особенности, я остановился на наиболее интересном периоде — периоде средневековых свободных городов-республик, повсеместность и влияние которых на современную нашу цивилизацию до сих пор еще недостаточно оценены. Наконец, я попытался также указать вкратце на громадную важность, которую привычки взаимной поддержки, унаследованные человечеством за чрезвычайно долгий период его развития, играют даже теперь, в нашем современном обществе, хотя о нем думают и говорят, что оно покоится на принципе: «Каждый для себя, и Государство для всех», —

¹ Кропоткин, П. А. Этика. Т. 1. Происхождение и развитие нравственности // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 456–457.

² Кропоткин, П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001.

принцип, которому человеческие общества никогда не следовали вполне и который никогда не будет приведен в осуществление...

Переходя затем к человеку, мы нашли его живущим родами и племенами уже на самой заре каменного века; мы видели обширный ряд общественных учреждений и привычек, развившихся уже на низшей ступени развития дикарей, в пределах рода. И мы нашли, что древнейшие родовые обычаи и навыки дали человечеству, в зародыше, все те институты, которые позднее послужили главнейшими импульсами дальнейшего прогресса. Из родового быта дикарей выросла варварская деревенская община; и новый, еще более обширный круг общительных обычаев, навыков и институций, часть которых дожила и до нашего времени, развился под сенью принципов общего владения данной землей и защиты ее общими силами, и под защитой судебных прав деревенского мирского схода и федерации деревень, принадлежавших, или предполагавших, что они принадлежат, к одному общему племени. И когда новые потребности побудили людей сделать новый шаг в их развитии, они образовали народоправства вольных городов, которые представляли двойную сеть: земельных единиц (деревенских общин) и гильдий, возникших из общих занятий данным искусством или ремеслом и для взаимной защиты и поддержки...

Хотя образование государств по образцу императорского Рима насильственно уничтожило все средневековые учреждения для взаимной поддержки, эта новая форма цивилизации не могла, однако, долго продержаться в таком виде, не уступив той же живой потребности людей в прямом объединении для целей взаимной поддержки. Государство, опирающееся на мало связанные между собой агрегаты единичных личностей и взявшее на себя задачу быть их единственным объединяющим началом, не ответило своей цели. В конце концов стремление людей ко *взаимной помощи* разрушило железные законы государства; оно проявилось снова и утвердилось в бесконечном разнообразии всевозможных сообществ, которые и стремятся теперь охватить все проявления жизни, овладеть всем, что потребно для человеческой жизни и для заполнения трат, обусловленных жизнью.

Вероятно, нам заметят, что *взаимная помощь*, хотя она и представляет собой один из факторов эволюции, все-таки является только одним из различных видов отношений людей между собой; что, наряду с этим течением, как бы оно ни было могущественно, существует и всегда существовало другое течение — самоутверждение индивидуума, проявляющееся не только в его усилиях достигнуть личного или кастового превосходства в экономическом, политическом или духовном отношении, но также и в его более важной, хотя и менее заметной функции — разрывания тех уз, всегда стремящихся к окристаллизации, окаменению, которые род, деревенская община, город или государство налагают на личность.

Другими словами, в человеческом обществе имеется также самоутверждение индивидуума, рассматриваемое как элемент прогресса.

Очевидно, что никакой обзор эволюции не может претендовать на полноту, если в нем не будут рассмотрены оба эти господствующие течения. Но дело в том, что самоутверждение индивидуума или групп индивидуумов, их борьба за превосходство и протекавшие из нее столкновения были уже с незапамятных времен разбираемы, описываемы и прославляемы. Действительно, вплоть до настоящего времени одно это течение и пользовалось вниманием эпических поэтов, историков, летописцев и социологов. История, как ее до сих пор писали, почти всецело является описанием тех путей и средств, при помощи которых церковная власть, военная власть, политическое единодержавие, а позднее богатые классы устанавливали и удерживали свое правление. Борьба между этими силами и составляет в действительности сущность истории. Мы можем поэтому считать, что значение индивидуального фактора в истории человечества вполне известно, хотя и в этой области остается еще немало поработать в только что указанном направлении. Между тем фактор *взаимной помощи* до сих пор оставался совершенно забытым; писатели настоящего и прошлых поколений просто отрицали его или подсмеивались над ним. Вследствие этого необходимо было, прежде всего, установить ту огромную роль, которую этот фактор играет в эволюции как животного мира, так и человеческих обществ. Лишь после того, как это значение будет вполне признано, возможно будет начать сравнение обоих факторов: общественного и индивидуального.

Произвести более или менее статистическим методом хотя бы грубую оценку их относительного значения, очевидно, невозможно. Одна какая-нибудь война — как все мы знаем — может непосредственно или своими последствиями принести больше зла, чем сотни лет беспрепятственного воздействия взаимной помощи могут произвести добра. Но когда мы видим, что в животном мире прогрессивное развитие и *взаимная помощь* идут рука об руку, а внутренняя борьба в пределах вида, напротив того, сопровождается ретрогрессивным развитием; когда мы замечаем, что у человека даже успех в борьбе и в войне пропорционален развитию взаимной помощи в каждой из двух борющихся сторон, будут ли то нации, города, племена или только партии, и что в процессе эволюции сама война (поскольку она может содействовать в этом направлении) подчиняется конечным целям прогресса взаимной помощи в пределах нации, города или племени, — сделавши эти наблюдения, мы уже получаем представление о преобладающем влиянии фактора *взаимной помощи* как элемента прогресса.

Но мы видим также, что практика взаимной помощи и ее последовательное развитие создали сами условия общественной жизни, благодаря которым человек смог развить свои ремесла и искусства,

свою науку и свой разум; и мы видим, что периоды, когда институции, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, были также периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности и науки. Действительно, изучение внутренней жизни средневековых городов и городов Древней Греции обнаруживает тот факт, что сочетание *взаимной помощи*, как она практиковалась в пределах гильдии, общины или греческого рода, — при широкой инициативе, предоставленной индивидууму и группе в силу применения федеративного начала, — дало человечеству два величайших периода его истории — период городов Древней Греции и период средневековых городов, тогда как разрушение институций взаимной помощи, совершавшееся в течение последовавших затем государственных периодов истории, соответствует в обоих случаях периодам быстрого упадка.

Что же касается до внезапного промышленного прогресса, который совершился в XIX веке и который обыкновенно приписывается торжеству принципов индивидуализма и конкуренции, этот прогресс, вне всякого сомнения, имеет несомненно более глубокое происхождение...

Приписывать промышленный прогресс XIX века войне каждого против всех — значит, рассуждать подобно тому, кто, не зная истинных причин дождя, приписывает его жертве, принесенной человеком глиняному идолу. Для промышленного прогресса, как и для всякого иного завоевания в области природы, *взаимная помощь* и тесные сношения несомненно являются и являлись более выгодными, чем взаимная борьба.

Великое значение начала *взаимной помощи* выясняется, однако, в особенности в области этики, или учения о нравственности. Что *взаимная помощь* лежит в основе всех наших этических понятий, достаточно очевидно. Но каких бы мнений мы ни держались относительно первоначального происхождения чувства или инстинкта взаимной помощи — будем ли мы приписывать его биологическим или сверхъестественным причинам, — мы должны признать, что обнаружить его существование возможно уже на низших ступенях животного мира, а от этих стадий мы можем проследить непрерывную его эволюцию через все классы животного мира и, несмотря на значительное количество противодействующих ему влияний, через все ступени человеческого развития, вплоть до настоящего времени. Даже новые религии, рождающиеся от времени до времени — всегда в эпохи, когда принцип *взаимопомощи* приходил в упадок, в теократиях и деспотических государствах Востока или при падении Римской империи, — даже новые религии всегда являлись только подтверждением того же самого начала. Они находили своих первых последователей среди смиренных, низших, попираемых слоев общества, где принцип *взаимной помощи* является необходимым основанием всей повседневной жизни; и новые формы

единения, которые были введены в древнейших буддийских и христианских общинах, в общинах моравских братьев и т.д., приняли характер возврата к лучшим видам *взаимной помощи*, практиковавшимся в древнем родовом периоде.

Каждый раз, однако, когда делалась попытка возвратиться к этому старому принципу, его основная идея расширялась. От рода она распространилась на племя, от федерации племен она расширилась до нации, и наконец, по крайней мере в идеале, до всего человечества. В то же самое время она постепенно принимала все более возвышенный характер. В первоначальном христианстве, в произведениях некоторых мусульманских вероучителей, в ранних движениях реформационного периода и в особенности в этических и философских движениях XVIII века и нашего времени все более и более настойчиво отмечается идея мести или «достоюльного воздаяния» — добром за добро и злом за зло. Высшее понимание: «Никакого мщения за обиду» и принцип: «Давай ближнему не считая — больше, чем ожидаешь от него получить» — провозглашаются как действительные принципы нравственности, как принципы, стоящие выше простой «равноценности», беспристрастия и холодной справедливости, — как принципы, скорее и вернее ведущие к счастью. И человека призывают руководиться в своих действиях не только любовью, которая всегда имеет личный или, в лучших случаях, родовой характер, но понятием о своем единстве со всяким человеческим существом.

В практике взаимной помощи, которую мы можем проследить до самых древнейших зачатков эволюции, мы, таким образом, находим положительное и несомненное происхождение наших этических представлений, и мы можем утверждать, что главную роль в этическом прогрессе человека играла *взаимная помощь*, а не взаимная борьба. В широком распространении принципа *взаимной помощи*, даже и в настоящее время, мы также видим лучший зачаток дальнейшей еще более возвышенной эволюции человеческого рода.

4.6. А. С. Звоницкая: исследование социальных связей

Агнеса Соломоновна Звоницкая, первая женщина-социолог в России, родилась в 1897 году.

Основной труд — «*Опыт теоретической социологии (Социальная связь)*» был издан в Киеве в 1914 году. Положительно отнеслась к советской власти, занималась преподавательской работой.

Умерла А. С. Звоницкая в 1942 году.

А. С. Звоницкая стояла у истоков создания неопозитивистской социологической школы. Критически отнеслась

к механистическим и эволюционистским теориям. Акцент сделала на изучении социального поведения людей, которое, по ее мнению, определяет характер существующих социальных структур.

Позитивисты и неопозитивисты руководствовались общим принципом *натурализма*, суть которого в том, что явления природы, социальной и культурной жизни подчиняются общим законам. Однако в отличие от позитивистов, для которых были характерны также такие принципы как *эволюционизм* и *механицизм*, неопозитивисты сосредоточились на исследовании субъективных аспектов человеческого поведения, полагая, что их суть можно установить с помощью эмпирических процедур и выразить через количественные показатели.

А. С. Звоницкая конкретно сосредоточилась на исследовании социальных связей, прибегая к бихевиористской методологии, рассматривавшей поведение человека в контексте формулы: стимул — реакция. Как правило, под стимулами понимались условия жизни людей, а под реакциями — поведение в виде определенных социальных связей.

Исходя из того, что условия жизни (стимулы) разных социальных групп различны, по мнению ученого, можно определить характерные групповые связи. Взятые в совокупности они представляют собой суть общества. «Задача исследователя состоит, прежде всего, в том, — писала она, — чтобы найти то отличие группировки, тот особый характер групповой связи, который составляет видовой признак понятия общества. Теоретическое учение о социальной связи составляет необходимый краеугольный камень всякой теоретической социологии»¹.

Как считает А. С. Звоницкая, социальная связь проявляется в передаче содержания одного индивидуального сознания в другое сознание в итоге ведет к образованию особых социальных групп: «Передача содержания одного сознания другому сознанию, — то..., что мы называли “общением” составляет таким образом центральный факт группировки индивидуумов»².

Иными словами, поведение конкретного человека всегда социально, оно отражает характеристики социальной

¹ Новикова, С. С. История развития социологии в России : учеб. пособие. М. — Воронеж, 1996. С. 89.

² Там же. С. 89.

группы, к которой принадлежит индивид. В этой связи, по ее мнению, развитие личности взаимно детерминировано развитием общества. От общества человек постоянно получает «социальное наследство». Со своей стороны, переработав это наследство, человек вступает в социальную связь, на основе которой уже формируются нормы, ценности, институты общества.

Как видно, творчество первых российских социологов и социальных теоретиков весьма многогранно, что проявилось в существенных различиях в предметной области исследования социокультурных реалий, методах их анализа, а также специфики социологического мышления и социологического воображения.

При этом нельзя не сказать и о том, что для российских социологов была характерна *идейная* и *политическая пристрастность*. Чтобы они не писали и говорили они о своей научной объективности, их критическая оппозиционность по отношению к существовавшему в России общественному строю была очевидной. Это выражалось сначала в принятии и выражении идей народничества, либерализма, христианства, а затем и революционного марксизма.

Вместе с тем, в противоположность идеям о неизбежности классовой борьбы, которые получали все большее распространение в Европе, российские социологи М. М. Ковалевский и П. А. Кропоткин отстаивали принципы *социальной замирренности* и *взаимопомощи*, рассматривая их как важнейшие факторы социального прогресса. По существу, ими были сформулированы подходы к изучению социальных практик *толерантности* во взаимодействии между людьми, принадлежащих к разным социальным и культурным общностям, что сегодня представляется весьма актуальным.

Основные термины и выражения

Вождь — *leader* — по Н. К. Михайловскому — личность, умеющая не только учесть и выразить настроения масс, но и сознательно управляющая ими по заранее намеченному плану, что может привести к изменению направления развития общества.

Герой — *hero* — по Н. К. Михайловскому — личность, способная вызывать автоматическое подражание и поклонение у толпы, вести её за собой на «хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело».

Евразийство — *Euraziystvo* — общественно-политическое течение, возникшее в 1920-х гг. в среде русской эмиграции, которое акценти-

ровало своеобразие российской культуры, вытекающее из её расположения на европейском и азиатском континентах, а также синтеза западных и восточных культурных традиций.

Западничество — Occidentophilism — 1) ориентация на западные ценности; 2) течение в русской общественно-политической мысли XIX в., представители которого ратовали за преодоление исторической отсталости России в контексте развития западной цивилизации.

Нелинейность — nonlinearity — методологический подход, у истоков которого стоял Н. А. Бердяев, предполагающий отказ от идей эволюционного прогресса, заменяя их прерывистым видением социального развития.

Неопозитивизм — neopositivism — направление социальной мысли, ориентированное на решение методологических проблем, выявление отношения теоретического аппарата с эмпирическим базисом науки, на анализ роли знаково-символических средств научного мышления, математизации и формализации знания.

Позитивное право — positive law — 1) право, установленное государственной властью; противоположно естественному праву; 2) по Л. И. Петражицкому — признаваемые государством господствующие в обществе нормы, связанные с представлениями об обязанностях, закрепленные в сознании индивида в виде непреложных императивов.

Позитивный анархизм — positive anarchism — концепция П. А. Кропоткина, предполагавшая утверждение общественного устройства в виде анархо-коммунистической федерации, основанной на функционировании свободных производственных коммун и различных автономных ассоциаций неполитического типа, как антипод государству.

Правовое государство — law-based state — государство, в котором наделенные властными полномочиями, могут использовать власть лишь для осуществления законных решений, но не для сохранения или воспроизводства самой власти или решения собственных каких-либо проблем.

Славянофильство — Slavophilia — течение в общественной и философской мысли России середины XIX в., обосновывающее самобытность пути исторического развития России в противоположность западноевропейскому развитию.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Н. К. Михайловский в качестве основного критерия общественного прогресса выделяет личное счастье человека, его гармоничное умственное и физическое развитие. Прокомментируйте этот тезис.

2. В современных условиях увеличивающейся дифференциации труда, не является ли данный критерий утопией? А может быть, этот критерий работает, но в контексте движения к новому образу жизни в целом?

3. С учетом основных постулатов теории подражания Н. К. Михайловского, как бы вы объяснили тот факт, что в общественном сознании россиян до сих пор присутствует тяга к поиску героев, спасителей Отечества?

4. Как, по Н. К. Михайловскому, динамика процесса разделения труда сказывается на характере подражания: развивается ли оно в направлении увеличения производства доброты и сочувствия или, напротив, ненависти и отчуждения?*

5. В истории человеческой цивилизации существовали весьма разные правовые системы. Да и сегодня правовые системы на Западе и на Востоке существенно разнятся. Не является ли это свидетельством того фактора, который Л. И. Петражицкий относил к внутреннему психическому миру людей, к «борьбе эмоций разного происхождения», или же это обусловлено прежде всего культурными различиями? А может быть, своеобразие правовой системы зависит как от различий культур, так и от своеобразия ментальности народов? Как вы полагаете, есть ли «эмоциональная составляющая» в современном международном праве?

6. Какой смысл вкладывал в общественный прогресс М. М. Ковалевский? С позиций сегодняшнего дня, насколько убедительными представляются его критерии прогресса? Обоснуйте вашу точку зрения применительно к России и мировому сообществу в целом.

7. П. А. Кропоткин отмечал, что в человеке неизбежно борются два начала: одно — потребность борьбы, стремление подчинить себе других людей; другое — потребность единения и взаимной помощи. Какой фактор, по его мнению, может осуществить их органичный синтез?*

Круглый стол

«Общественный прогресс: его видение вчера и сегодня»

1. Видение будущего России представителями славянофилов, западничества и евразийства.

2. Н. К. Михайловский: развитие личности как главный фактор прогресса.

3. Л. И. Петражицкий: роль права в общественном развитии.

4. М. М. Ковалевский: многофакторная интерпретация прогресса.

5. П. А. Кропоткин: роль фактора взаимной помощи.

* Чтобы ответить на этот вопрос, полностью прочитайте работу Н. К. Михайловского «Герои и толпа».

** Проверить правильность ответа Вы можете, обратившись к работе П. А. Кропоткина «Этика», разделу «Происхождение и развитие нравственности».

Литература

1. *Голосенко, А. И.* История русской социологии XIX–XX веков / А. И. Голосенко, В. В. Козловский. — М. : Онега, 1995.
2. *Докторов, Б. З.* Современная российская социология: историко-биографические поиски : в 3-х тт. / Б. З. Докторов. — М. : ЦСПиМ. 2012;
3. *Здравомыслов, А. Г.* О судьбах социологии в России / А. Г. Здравомыслов // Социс. — 2000. — № 3.
4. *Здравомыслов, А. Г.* Социология в России: прошлое и настоящее / А. Г. Здравомыслов // Российская социология: историко-социологические очерки / отв. ред. А. О. Бороноев, В. В. Козловский. — М. : Российский гуманитарный ун-т, 1997.
5. *Кареев, Н. И.* Основы русской социологии / Н. И. Кареев // Социс. — 1995. — № 8.
6. *Ковалевский, М. М.* Понятие генетической социологии и её метод / М. М. Ковалевский // Социология в России. XIX — начала XX веков. Вып. 2. — М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997.
7. *Ковалевский, М. М.* Социология : в 2-х тт. / М. М. Ковалевский. — СПб., 1997.
8. *Кравченко, С. А.* Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
9. *Кропоткин, П. А.* Взаимная помощь как фактор эволюции / П. А. Кропоткин // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. — М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001.
10. *Кропоткин, П. А.* Этика. Т. 1. Происхождение и развитие нравственности / П. А. Кропоткин // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. — М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001.
11. *Кропоткин, П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. — М., 1990.
12. *Култыгин, В. П.* Классическая социология / В. П. Култыгин. — М. : Наука, 2000.
13. М. М. Ковалевский: социолог, правовед, историк // Материалы научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 150-й годовщине со дня рождения М. М. Ковалевского. — М., 2002.
14. *Медушевский, А. Н.* История русской социологии / А. Н. Медушевский. — М. : Высшая школа, 1993.
15. *Михайловский, Н. К.* Герои и толпа / Н. К. Михайловский // Михайловский, Н. К. Избранные труды по социологии : в 2-х тт. Т. 2 / отв. ред. В. В. Козловский. — СПб. : Алетей, 1998.

16. *Михайловский, Н. К.* Что такое прогресс? / Н. К. Михайловский // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. — М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001.
17. *Новикова, С. С.* История развития социологии в России : учеб. пособие / С. С. Новикова. — М. — Воронеж, 1996.
18. *Новикова, С. С.* Особенности развития социологической мысли в России / С. С. Новикова. — М., 1996.
19. *Новикова, С. С.* Социология: история, основы институционализации в России / С. С. Новикова. — М. — Воронеж, 2000.
20. *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. — М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001.
21. *Сорокин, П. А.* Социологические теории современности / П. А. Сорокин. — М., 1992.
22. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. — М. : Издательство Института социологии РАН, 1998.
23. Социология в России XIX — начала XX веков. Тексты. — М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001.

Глава 5

СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ

Э. ДЮРКГЕЙМА

Структурный функционализм — направление социологической мысли, социологическая парадигма, сущность которой заключается в выделении элементов социального взаимодействия, определении их роли и места в большей социальной системе или обществе в целом, а также их социальных функций.

Как вы помните, определенные идеи такой возможности исследования общества были высказаны ещё О. Контом и Г. Спенсером (см. главу 3). Г. Спенсер, например, считал, что каждая система, чтобы нормально развиваться и функционировать, должна иметь свои конкретные функции и каждая часть структуры, выполняя свои, строго определенные функции, может существовать только в рамках целостности.

Однако именно Э. Дюркгейм впервые теоретически и методологически обосновал коренные постулаты структурного функционализма, высказал положение о том, что социология является структурирующей наукой, т.е. наукой, изучающей функционирование *целого* в контексте структур и функций *ее частей*.

Эмиль Дюркгейм (*Durkheim*) — французский социолог, родился 15 апреля 1858 г. в г. Эпинале (Франция) в семье потомственного раввина. Образование будущий ученый получил в различных учебных заведениях Франции и Германии. В 1887 г. он становится преподавателем Бордоского университета, где им были предложены курсы социальной науки и морали. С 1902 г. Э. Дюркгейм преподает в Сорбонне, где возглавляет социологическую кафедру.

Э. Дюркгейм считается классиком социологии. Его вклад в мировую социологическую мысль состоит развернутом обосновании теоретических, методических и методологических принципов структурно-функционалистской парадигмы,

в особым вкладе в *институализацию* социологии как науки, в превращению её в *учебную дисциплину* и *профессию*.

Ученый не избежал влияния социалистических идей, весьма популярных в то время. Однако, по его мнению, социализм имеет не столько экономическое, сколько моральное основание. В социализме он видел движение, нацеленное на моральное возрождение общества посредством *научной морали*.

Э. Дюркгейм был очень плодотворен. Среди его работ: «Метод социологии», «О разделении общественного труда», «Самоубийство. Социологический этюд», «Социология образования», «Ценностные и “реальные” суждения», «Материалистическое понимание истории», «Представления индивидуальные и коллективные», «Педагогика и социология», «Социология и социальные науки» и др.

Его произведения стали всемирно известными. Они издавались в России, европейских странах и Америке, но влияние их оказалось разным.

В нашей стране многие из его работ были изданы до советского времени¹. Теоретические конструкции целого ряда российских социологов того времени — Л. Мечникова, Л. И. Петражицкого, Н. К. Михайловского, М. М. Ковалевского и др. — строились на основных положениях социологии Э. Дюркгейма. Однако его своеобразные идеи социализма, либерализма, эволюционного развития, решающей роли общественного разделения труда в прогрессе общества в России не были востребованы.

В Америке, напротив, наряду с теорией и методологией структурного функционализма были востребованы и идеи либерализма. По существу на плечах Э. Дюркгейма стоит современный структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертонса. Практически все исследования современных социологов, посвященные проблемам социального согласия, порядка, основываются на дюркгеймовских традициях.

Дюркгейм умер 15 ноября 1917 года.

¹ Дюркгейм, Э. Метод социологии. Киев — Харьков, 1899; Он же. О разделении общественного труда. Одесса, 1900; Он же. Самоубийство. СПб., 1912; Он же. Социология и социальные науки. — Метод в науках. СПб., 1911; Он же. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. СПб., 1914. № 2; Он же. Кто хотел войны? Пб., 1915; Он же. Германия выше всего. М., 1917.

5.1. Институционализация социологии

Вычленение предмета социологии

Как известно, *термин* социология, определенные её основы были созданы ещё О. Контом. С тех пор появились ученые-энтузиасты, которые пытались развивать это направление.

Однако вплоть до конца XIX в. социология *не была институализирована* — не было социологических кафедр и факультетов, не велось её преподавание как дисциплины. Главная причина тому — оппозиция со стороны ведущих обществоведов, которые занимались философией и психологией. Многие из них полагали, что социология может быть соответствующими подразделами философии и психологии.

Чтобы институализировать социологию, нужно было для неё создать *свою, особую* предметную и методическую нишу.

Принципиальное отличие социологии от философии состояло в том, что новая наука была направлена на *эмпирический* сбор и систематизацию данных. Э. Дюркгейм не просто декларировал эмпиризм (как это делали О. Конт и Г. Спенсер), но провел конкретное эмпирическое исследование, посвященное исследованию самоубийств, и на этой основе сделал определенные теоретические выводы.

Труднее обстояло дело с определением самостоятельности социологии по отношению к психологии, которая, будучи тоже *эмпирической* наукой, через изучение психики человека в конечном счете выходила на интерпретацию его поведения. В этой связи Э. Дюркгейм пишет работу «Правила социологического метода» (в русском переводе — «Метод социологии»), в которой весьма рельефно показано, в чем же суть предмета социологии, её отличие от психологии.

Социологизм: основные методологические принципы познания общества

Социологическое воображение Э. Дюркгейма проявилось прежде всего в *критике социального номинализма* и обосновании принципиально иного взгляда на общество, его структуры и людей, который известен как *социальный реализм*.

Его суть заключается в том, что общество, хотя и возникает как результат взаимодействия индивидов, обретает *самостоятельную реальность*, которая:

— во-первых, *автономна* по отношению к другим видам реальности;

— во-вторых, развивается *по своим собственным законам*;

— в-третьих, имеет место *примат* структур и функций общества по отношению к индивиду и функциям его сознания и поведения, т.е. индивидуальная реальность считается *вторичной*.

В концентрированной форме свое методологическое кредо ученый изложил в знаменитой формуле: «*Социальные факты нужно рассматривать как вещи*».

По мысли Э. Дюркгейма, социальные факты в принципе отличаются от фактов психологических. Отличие это *двойное*.

Во-первых, социальные факты являются *внешними* по отношению к индивиду (психологические факты им мыслились как *внутренние*, главным образом относящиеся к психике индивида).

Во-вторых, социальные факты оказывают *принудительное воздействие* на индивида, который вынужден им подчиняться, что конкретно проявляется в *типизации* характера поведения людей и даже мышления и *чувствования*.

Социальные факты, отмечал Э. Дюркгейм, представляют собой «способы мышления и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются»¹.

По Э. Дюркгейму, социальные факты могут быть двух родов:

1) *материального характера*:

— само общество;

— его социальные структуры (государство, религия, право);

— морфологические компоненты общества (характер территории, собственности, объем и плотность населения, его жилищные условия, способы коммуникации и т.д.;

2) *нематериального, духовного характера*:

— мораль, ценности и нормы;

— коллективное сознание;

— коллективные представления, верования.

Таким образом, по Э. Дюркгейму, предметом социологии являются *социальные факты*, как материальные, так и нематериальные. «Наше определение будет, следовательно, полно, — отмечал он, если мы скажем: *социальным фактом*

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 413.

является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: *распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений*¹.

Как, какими методами исследовать социальные факты?

Методы

В принципе Э. Дюркгейм исходил из того, что в социологии должны применяться *объективные методы*, аналогичные методам естественных наук.

Задача социолога, по мнению ученого, сводится к тому, чтобы исследовать и находить *причинно-следственные связи* между социальными фактами в контексте взаимоотношений общества, его структур и индивидов, что позволяет обосновывать общественные законы и на этой основе формировать общие представления («норму») о социальных и политических реалиях, а также, анализируя отклонения от нормы, выявлять *социальную патологию*, как в развитии общества, его социальных структурах, так и поведении индивидов.

Использование объективных методов естественных наук для изучения *материальных* социальных фактов приемлемо и понятно. Например, можно путем наблюдения, измерения зафиксировать определенные параметры населения.

Но как измерить *нематериальные* социальные факты, например, коллективные представления, верования? Не впадем ли мы опять в философствование, если будет напрямую их оценивать?

Э. Дюркгейм считал принципиально невозможным для социолога непосредственно изучать *нематериальные* социальные факты.

Тогда, где же выход из создавшегося положения?

По Э. Дюркгейму, он состоит в том, чтобы *социальное объяснять социальным*: «Мы пришли, таким образом, к следующему правилу: *определяющую причину данного социального факта следует искать среди предшествующих социальных фактов, а не в состоянии индивидуального сознания*»².

Если материальные и нематериальные факты находятся во взаимной зависимости, являются причиной друг друга,

то чтобы научно, *эмпирически* изучить нематериальные социальные факты, социолог должен найти и исследовать материальные социальные факты, непосредственно влияющие на первые, отражающие их природу.

Скажем, определенная структура семьи (материальный факт) непосредственно способствует формированию, определенной брачной морали, коллективных представлений о должном в семейных отношениях. Так, эмпирически изучая структуру и функции семьи конкретного общества, социолог может получить данные о характере коллективного сознания членов этого общества.

Из работы: Э. Дюркгейм. Метод социологии¹

Что такое социальный факт?

Если я не подчинюсь условиям света, если я, одеваясь, не принимаю в расчет обычаев моей страны и моего сословия, то смех, мною вызываемый, и то отдаление, в котором меня держат, производит, хотя и в более слабой степени, то же действие, как и наказание в собственном смысле этого слова. В других случаях имеет место принуждение, хотя и косвенное, но не менее действительное. Я не обязан говорить по-французски с моими соотечественниками или употреблять установленную монету, но я не могу поступать иначе. Если бы я попытался ускользнуть от этой необходимости, моя попытка оказалась бы неудачной.

Такова, стало быть, категория фактов, отличающихся специфическими свойствами; ее составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его посредство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название *социальных*. Оно им вполне подходит, так как ясно, что не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другой субстрат, кроме общества, будь то политическое общество в его целом или какие-либо отдельные группы, в нем заключающиеся: религиозные группы, политические и литературные школы, профессиональные корпорации и т.д. С другой стороны, оно применимо только к ним, т.к. слово «социальный» имеет определенный смысл лишь тогда, когда обозначает исключительно явления, не входящие ни в одну из установленных

¹ Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. С. 39.

² Там же. С. 126.

¹ Дюркгейм, Э. Метод социологии // Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995.

и названных уже категорий фактов. Они составляют, следовательно, собственную область социологии...

... Если рассматривать факты такими, каковы они есть и всегда были, то нам бросится в глаза, что все воспитание заключается в постоянном усилии приучить ребенка видеть, чувствовать и действовать так, как он не привык бы к тому самостоятельно. С самых первых дней его жизни мы принуждаем его есть, пить и спать в определенные часы, мы принуждаем его к чистоте, к спокойствию и к послушанию; позднее мы принуждаем его принимать в расчет других, уважать обычаи, приличия, мы принуждаем его к работе и т.д. Если с течением времени это принуждение и перерастает в чувство, то только потому, что оно рождает привычки, внутренние склонности, которые делают его бесполезным, но которые заменяют его лишь вследствие того, что сами из него вытекают...

Таким образом, характерным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Какая-нибудь мысль, присущая сознанию всякого индивида, какое-нибудь движение, повторяемое всеми, не становятся от этого социальными фактами. Если этим признаком и довольствовались для их определения, то это потому, что их неправильно смешивали с тем, что может быть названо и индивидуальными воплощениями. К социальным фактам принадлежат: верования, наклонности, обычаи группы, взятой коллективно; что же касается тех форм, в которые облачаются коллективные состояния, передаваясь индивидам, то последние представляют собой явления иного порядка...

Так, существуют известные течения общественного мнения, вынуждающие нас с различной степенью интенсивности, смотря по времени и стране, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к более или менее сильной производительности и т.п. Это, очевидно, социальные факты. С первого взгляда они кажутся неотделимыми от форм, принимаемых ими в отдельных случаях. Но статистика дает нам средство изолировать их. Они, действительно, изображаются довольно точно цифрой рождаемости, браков и самоубийств, т.е. числом, получающимся от деления среднегодового итога браков, рождений, добровольных смертей на число лиц, по возрасту способных жениться, производить, убивать себя... Так как каждая из этих цифр охватывает без различия все отдельные случаи, то индивидуальные условия, способные сказываться на возникновении явления, взаимно нейтрализуются и вследствие этого не определяют этой цифры. Она выражает лишь известное состояние коллективной души...

Итак, мы точно определили область социологии. Она охватывает лишь известную группу феноменов. Социальный факт узнается лишь по той внешней принудительности власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами...

5.2. Динамика ценностей и идеалов: взаимодействие идеального и реального

Оригинальность социологического воображения Э. Дюркгейма особенно проявилась при изучении динамики ценностей и идеалов.

До него существовало убеждение в том, что ценности, какие они есть, такими были всегда, они «универсальны». Ученый подверг критике эту «истину», показав, как ценности и идеалы (духовные социальные факты) функционируют в «обычные», спокойные периоды общественного развития и как они *изменяются в восприятии* людей в «новаторские», революционные периоды.

Этой проблематике, в частности, посвящена его работа *«Ценностные и “реальные” суждения»*, которая представляет собой доклад ученого, сделанный на IV Международном философском конгрессе в 1911 году.

В данной работе социолог отметил то, что идеалы не только исторически изменяются, отличаются у разных социальных групп, но и определенным образом колеблются в отношении объективной реальности.

Периодически идеальное «приобретает свежесть и жизненную актуальность, оно вновь приближается к реальному, но вскоре опять отделяется от него»¹.

Так, в новаторские, революционные периоды возникают моменты коллективного эмоционального возбуждения, энтузиазма, что способствует созданию и воспроизводству великих идеалов. Социальное взаимодействие становится интенсивным. Люди забывают о себе, о своих собственных целях, повседневных заботах, целиком отдаваясь общим ценностям и идеалам. Их энергия проявляется «то в деструктивном и глупом насилии, то в героическом безрассудстве»². В такие моменты великих потрясений идеальное «стремится слиться в одно целое с реальным; вот почему у людей возникает впечатление, что совсем близки времена, когда идеальное станет самой реальностью и Царство Божие осуществится на этой земле»³.

¹ Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 299.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 299.

В самом деле, достаточно с позиций *экстраполятивной реконструкции* взглянуть на историю нашей страны, которая полна революционных преобразований, чтобы убедиться в правоте оригинального мышления Э. Дюркгейма.

Участники революций 1917 г. искренне верили в возможность материализации идеалов свободы, братства, равенства, счастья. Достаточно-де искоренить всех «врагов», героически трудиться во имя всенародного блага, ещё немного поднажать, и воплотится в жизнь многовековая мечта человечества — коммунистическое общество.

Победа в Великой Отечественной войне вновь реанимировала идеалы справедливости и благополучия. А уж когда развенчали преступления сталинизма, полная материализация коммунистических идеалов казалась делом 10—20 лет, что нашло соответствующее отражение в партийно-государственных документах.

И совсем недавние попытки соединить идеальное с объективно реальным: достаточно вспомнить известные заявления М. С. Горбачева о том, что перестройка не только покончит с бюрократизмом, утвердит самоуправление народа, но позволит к 2000 г. полностью решить самые насущные для советских людей продовольственную и жилищную проблемы.

Аналогично, какими близкими и реальными нам казались идеалы демократии, цивилизованного рынка, гражданского общества, правового государства в начале 1990-х годов. Если другим народам для их материализации потребовалось не одно столетие, то на гребне реформ и эйфории представители российской политической элиты заявляли, что всего этого можно достичь если не за 500 дней, то, по крайней мере, в самые ближайшие годы.

«Но иллюзия, — замечает Э. Дюркгейм, — никогда не бывает продолжительной, потому что сама эта экзальтация не может длиться долго: она слишком утомительна. Как только критический момент проходит, течение социальной жизни ослабевает, интеллектуальные и эмоциональные контакты становятся менее активными, индивиды вновь возвращаются к уровню своей обыденной жизни. Тогда все, что было сказано, сделано, продумано, прочувствовано в период плодотворной бури, сохраняется уже лишь в форме

воспоминания»¹. Идеальное уже не смешивается с объективной реальностью.

Однако идеалы, как правило, продолжают поддерживаться, и они периодически оживляются. «Вот для чего служат праздники, публичные церемонии, как религиозные, так и светские, всякого рода проповеди, как в церкви, так и в школе, драматические представления, художественно оформленные манифестации — словом, все, что помогает сблизить людей и совместно участвовать в единой интеллектуальной и нравственной жизни»².

Особенно идеалы возрождаются в периоды выборов в органы власти. Здесь каждый кандидат, всячески подогревая возбуждение избирателей, доказывает, что только он и представляемое им политическое движение сумеют материализовать самые великие идеалы. С завершением выборной кампании идеалы и реальность вновь отдаляются друг от друга.

Сказанное отнюдь не означает, что идеалы вовсе не могут воплотиться в жизнь. Период хрущевской «оттепели» ознаменовался вполне конкретными результатами в развитии промышленности, освоении космоса, жилищном строительстве. Перестройка и политика реформаторов, несомненно, привела к определенным достижениям в сфере демократических и рыночных преобразований. Но для их воплощения в жизнь потребовалось *значительное историческое* время. Да и эти достижения ныне видятся далеко неполными и незавершенными.

Заметим, что в исследовании взаимодействия идеального и реального Э. Дюркгейм не ставил перед собой цель показать иллюзорность или ограниченность тех или иных коллективных представлений.

Для него *любые* идеалы — суть не что иное, как система ценностей конкретного общества и, следовательно, это социальные факты, которые социология берет как данность, как объект изучения. Ведь «идеал нам дан в качестве вещи, хотя и иным образом; он также своего рода реальность»³, — подчеркивает социолог.

¹ Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 299.

² Там же. С. 299.

³ Там же. С. 302.

Для Э. Дюркгейма важнее другое — идеальное и материальное находятся в *сложном, подвижном взаимодействии*, которое не может уловить ни здравый смысл, ни взгляд простых наблюдателей-участников радикальных преобразований, подверженных эмоциональному возбуждению. Вот здесь-то как раз нужен специфический инструментарий социологической науки, включающий и социологическое мышление, и социологическое воображение, что позволяет *выявлять сложные корреляции между идеалами и реальностью*.

5.3. Влияние разделения труда на общественное развитие

Разделение труда как социальный закон

Инновационное мышление Э. Дюркгейма особенно проявилось при анализе влияния разделения труда на общественное развитие.

Ученый был первым, кто заявил, что разделение труда «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации»; это — закон, который управляет обществами «почти без их ведома»¹.

Изучив разделение общественного труда, социолог обретает возможность познать суть общества, функции его структур, сделать заключение, является ли конкретное общество в историческом смысле нормальным или патологическим, какова его мораль, в чем особенности коллективного сознания и коллективных представлений членов этого общества.

Разделение труда — это тот основополагающий фактор, который, в конечном счете, определяет характер причинно-следственных связей и закономерностей, существующих между социальными фактами общества и прежде всего — создает связи людей, которые воспроизводят и поддерживают *социальную солидарность*.

Типы социальной солидарности

По мысли Э. Дюркгейма, в истории человеческих обществ можно выделить два типа разделения труда и, соответ-

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 46.

ственно, два вида солидарности — механическую и органическую.

Для *механической солидарности* характерны следующие материальные социальные факты:

- низкий уровень разделения труда (индивиды практически могут заменять друг друга в выполнении производственных и общественных функций);

- социальные структуры слабо дифференцированы, их функции носят жесткий, рельефно выраженный характер.

Им соответствуют духовные социальные факты:

- наличие *общей для всех морали*, общих ценностей и норм, общей для всех религии или идеологии;

- одинаковость отношений индивидов к обществу, существующим структурам;

- их *сходство*, особенно по индивидуальному сознанию, которое полностью подчиняется сознанию коллективному, что создает ситуацию, когда люди связаны между собой подобно «социальным молекулам», не имеющим возможности для «собственных движений».

Поэтому-то социолог предложил назвать этот вид солидарности механическим. «Солидарность, вытекающая из сходств, — отмечает Э. Дюркгейм, — достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю»¹.

Органическая солидарность предполагает качественно иное разделение труда, связанное с выполнением каждым индивидом специфических профессиональных и общественных функций, которые в силу сложности и специфичности не могут быть выполнены всеми. Резко увеличивается количество структур и их функций.

Люди *отличаются* друг от друга, имеют свою собственную сферу деятельности, своеобразное индивидуальное сознание и, следовательно, являются личностями.

Влияние общества на индивида не утрачивается, но коллективное сознание оставляет открытым часть индивидуального сознания, которую оно не может регламентировать. «И чем обширнее эта область, тем сильнее связь, вытекающая из этой солидарности. Действительно, с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 138.

труд, а с другой — деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована... Здесь, стало быть, индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей; общество становится способнее двигаться согласованно, в то время как каждый из его элементов производит больше собственных движений»¹.

В обществах с механической солидарностью доминирует *репрессивное право* со всеми вытекающими последствиями для морали, коллективного сознания и коллективных представлений. Соответственно эти социальные факты в конечном счете определяют характер прав и свобод индивида — они практически отсутствуют.

В обществах с органической солидарностью действует *реститутивное право*, суть которого сводится к восстановлению порядка вещей. «В этом случае тому, кто нарушил закон или не знал его, не причиняется страдания, он просто приговаривается к подчинению ему. Если имеют место уже свершившиеся факты, то судья приводит их к нормальному состоянию. Он утверждает право, но не наказание. Возмещение убытков не имеет карательного характера»².

По Э. Дюркгейму, фактором, обеспечивающим переход общества от механической солидарности к обществу органической солидарности, является *динамичная плотность*, которая предполагает *радикальные* и *одновременные* изменения двух параметров общества (наличие одного из них недостаточно для этих перемен). Речь идет, во-первых, о резком увеличении численности населения и, во-вторых, столь же значительном увеличении взаимодействия между людьми.

Эти компоненты динамичной плотности, будучи взятыми вместе, приводят к утверждению *более эффективных* общественных отношений, позволяющих при сохранении дефицита ресурсов мирно сосуществовать все большему числу людей.

Современный английский социолог Э. Гидденс предложил различать коллективное сознание двух типов обществ — с механической и органической солидарностью — по следующим четырем критериям:

— *объем* — в обществе с механической солидарностью оно практически распространяется на всех членов общества;

— *интенсивность* — особенно проявляется в характере исполнения санкций;

— *жесткость* — количество табу, характер санкций, применяемый к нарушителям;

— *содержание*, его детерминированность религией или идеологическими воззрениями.

5.4. Анормальное разделение труда

Аномия

Социологическое воображение Э. Дюркгейма позволило ему проникнуть в *природу социальной патологии*.

Как мыслил Э. Дюркгейм, любое общество в зависимости от состояния функционирования своих структур может находиться в *нормальном* или *патологическом* состоянии. Основная причина патологии — анормальное разделение труда, которая, в свою очередь, ведет к *аномии* — рассогласованности ценностного мира, расшатыванию базовых ценностей, нравственных норм и идеалов, смещению законного и незаконного.

Аномия проявляет себя в функциональной рассогласованности элементов социальной структуры, в конфликтах между поколениями и социальными группами, в *девиантном поведении*, утрате воли к жизни, стремлении убежать от реальности. В политике аномия проявляет себя в смуте, политиканстве, диффузии власти, появлении множества «спасителей» Отечества. Э. Дюркгейм прямо указывает на прямую связь аномии и анархии.

Вместе с тем, рассматривая аномию как патологию, вызванную, прежде всего, анормальным разделением труда, Э. Дюркгейм полагал, что она в принципе поддается лечению. Очевидно, что в обществе с органической солидарностью уже нельзя восстановить единую мораль, религию, общие коллективные представления. Но их *функциональной альтернативой* может стать углубляющееся структурное разделение труда.

О самоубийстве

Одним из проявлений аномии является самоубийство.

Исходя из постулатов своей теории, Э. Дюркгейм считал, что самоубийство прежде всего зависит от *внешних причин* — определенных социальных фактов. Используя данные

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 139.

² Там же. С. 119.

официальной статистики, социолог выявил ряд тенденций: процент самоубийств среди мужчин выше, чем среди женщин; военные чаще совершают самоубийство в сравнении с людьми, имеющими сугубо гражданские профессии; одинокие или разведенные чаще, чем лица, находящиеся в браке; протестанты чаще, чем католики и т.д.

В связи с этим социолог продолжил исследование с акцентом на то, какие именно по *характеру* социальные переменные способствуют самоубийству. Он пришел к выводу о том, что эти социальные переменные напрямую связаны с *социальной изоляцией*: чем больше изоляция индивида от своей социальной группы, тем более он подвержен самоубийству. И наоборот: большая степень интеграции обратно пропорциональна числу самоубийств.

Дюркгейм выделил четыре типа самоубийств: *аномическое, эгоистическое, альтруистическое и фаталистическое*.

Аномический тип самоубийств получает распространение, когда в обществе возникает рассогласованность ценностного мира, которая, как правило, приводит к социальной дезинтеграции. Это неизбежно способствует социальной изоляции и как следствие — рост числа самоубийств.

Эгоистическое самоубийство обусловлено разрывом социальных связей в силу тех или иных причин (смерть близких, развод, коллективное бесчувствие), а также низким уровнем социальной интеграции. Социальная разобщенность в этих и подобных случаях порождает чувства никчемности, одиночества, бессмысленности существования.

Альтруистическое самоубийство, напротив, обусловлено сверхсильным поглощением индивида социальной группой. Примерами подобного типа может быть самоубийство жены после смерти мужа (обычай, существовавший в некоторых архаических обществах), самоубийство прислуги после смерти господина, добровольный отказ от спасения жизни капитана корабля, потерпевшего бедствие, и т.д.

Наконец, фаталистическое самоубийство возникает, когда со стороны группы исходит избыточный контроль, выражающийся в строгой регламентации личной жизни. Для некоторых индивидов это может стать невыносимым.

Подчеркнем, во всех случаях социолог мыслил социальные факты, способствующие самоубийству.

В последнее время исследователи аномии, в частности, самоубийства, сопоставляют идеи Э. Дюркгейма с работой известного европейского социолога и первого президента

Чехословакии Т. Масарика¹ «Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации» (1881 г.). Последняя не только предвосхитила исследование самоубийства Э. Дюркгеймом (на 15 лет), но и имеет акценты, значительно отличающие от дюркгеймовских в трактовке данной проблемы.

Т. Масарик выделяет следующие факторы самоубийства:

- особое влияние природы и социальных отношений;
- психические (психологические) и психиатрические причины;
- утрата веры в Бога, ведущая к нравственному индифферентизму;
- уровень цивилизации указывает на корреляцию между высоким уровнем самоубийств и, соответственно, высоким уровнем развития цивилизации².

Весьма интересно то, что Э. Дюркгейм *социальное счастье* общества предложил измерять таким объективным показателем, как уровень самоубийств.

Из работы: Э. Дюркгейм. О разделении общественного труда³

Разделение труда не только содержит в себе черту, по которой мы определяем нравственность; оно стремится все более и более стать существенным условием социальной солидарности. По мере продолжения в процессе эволюции ослабевают узы, связывающие индивида с его семьей, с родной землей, с завещанными прошлым традициями, с коллективными обычаями группы. Становясь более подвижным, он легче меняет среду, покидает родных, с тем чтобы жить в другом месте более автономной жизнью, более самостоятельно формирует свои идеи и чувства. Без сомнения, от этого не исчезает всякое общее сознание; всегда остается, по крайней мере, тот культ личности, индивидуального достоинства, о котором мы сейчас говорили и который теперь является единственным объединяющим центром стольких умов. Но как мало этого, особенно когда думаешь о все возрастающем объеме социальной жизни и вследствие этого — индивидуальных сознаний! Ибо так как они становятся объемистее, так как интеллект становится богаче, деятельность разнообразнее, то, чтобы нравственность стала постоянной, т.е. чтобы индивид остался прикре-

¹ Голенкова, З. Т., Нарбут, Н. П. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы. М.: Изд-во РУДН, 2003.

² Нарбут, Н. П. Проблема самоубийства: Т. Г. Масарик и Э. Дюркгейм // II Всероссийский социологический конгресс. Т. 1. М.: Альфа-М, 2003. С. 19–20.

³ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

пленным к группе с силой, хотя бы равной прежней, необходимо, чтобы связывающие его с ней узы стали сильнее и многочисленнее. Значит, если бы не образовалось других уз, помимо тех, которые происходят от сходств, то исчезновение сегментарного типа сопровождалось бы регулярным понижением уровня нравственности. Человек бы не испытывал достаточного умеряющего воздействия; он не чувствовал бы более вокруг себя и над собой того здорового давления общества, которое умеряет его эгоизм и делает из него нравственное существо. Вот что создает моральную ценность разделения труда. Благодаря ему индивид начинает сознавать свое состояние зависимости по отношению к обществу; именно от него происходят сдерживающие и ограничивающие его силы. Словом, так как разделение труда становится важным источником социальной солидарности, то оно вместе с тем становится основанием морального порядка.

Можно, стало быть, в буквальном смысле сказать, что в высших обществах обязанность состоит не в том, чтоб расширять нашу деятельность, но в том, чтобы концентрировать и специализировать ее. Мы должны ограничить свой горизонт, выбрать определенное занятие и отдаться ему целиком, вместо того чтобы делать из своего существа какое-то законченное, совершенное произведение искусства, которое извлекает всю свою ценность из самого себя, а не из оказываемых им услуг. Наконец, эта специализация должна быть продвинута тем далее, чем к более высокому виду принадлежит общество... Без сомнения, мы должны также работать для того, чтобы осуществить в себе коллективный тип, поскольку он существует. Есть общие чувства, идеи, без которых, как говорится, человек не человек. Правило, повелевающее нам специализироваться, остается ограниченным противоположным правилом. Наше заключение состоит не в том, что хорошо продвигать специализацию, насколько только это возможно, но насколько это необходимо. Что касается относительной доли каждой из этих противоположных обязанностей, то они определяются опытом и не могут быть вычислены *a priori*. Для нас было достаточно показать, что вторая не отличается по природе от первой, что она так же моральна и что, кроме того, эта обязанность становится все важнее и настоящей, потому что общие качества, о которых шла речь; все менее способны социализировать индивида.

Не без основания, значит, общественное мнение испытывает все более явную антипатию к дилетанту и даже к тем людям, которые, увлекаясь исключительно общим культурным развитием, не хотят отдаваться целиком какому-нибудь профессиональному занятию. Действительно, они слабо связаны с обществом, или, если угодно, общество мало привязывает их; они ускользают от него, и именно потому, что они не чувствуют его ни с должной живостью, ни с должным постоянством. Они не сознают всех обязанностей,

которые возлагает на них их положение социальных существ. Так как общий идеал, к которому они привязаны, по вышеизложенным основаниям носит формальный и неопределенный характер, то он не может далеко вывести их из них самих. Когда не имеешь определенной цели, не многим дорожишь и, следовательно, ненадолго можешь подняться над более или менее утонченным эгоизмом. Наоборот, тот, кто отдался определенному занятию, каждое мгновение слышит зов общей солидарности, исходящий от тысячи обязанностей профессиональной морали.

Но разве разделение труда, делая из каждого из нас неполное существо, не влечет за собою умаления индивидуальной личности? Вот упрек, часто ему адресуемый.

Заметим прежде всего, что трудно понять, почему сообразнее с логикой человеческой природы развиваться виришь, а не вглубь. Почему более обширная, но более разбросанная деятельность выше деятельности более концентрированной, но ограниченной? Почему достойнее быть полным и посредственным, чем жить более специальной, но более интенсивной жизнью, особенно если у нас есть возможность найти то, что мы таким образом теряем благодаря ассоциации с другими существами, обладающими тем, чего нам недостает, и дополняющими нас? У низших народов собственно человеческое действие — это походить на своих товарищей, осуществлять в себе все черты коллективного типа, который тогда еще более, чем теперь, смешивают с человеческим типом. Но в более развитых обществах его природа в значительной мере — это быть органом общества и его подлинное действие, следовательно, это играть свою роль органа.

Более того: индивидуальная личность не только не уменьшается благодаря прогрессу специализации, но развивается вместе с разделением труда.

Действительно, быть личностью — это значит быть самостоятельным источником действия. Человек приобретает это качество только постольку, поскольку в нем есть нечто, принадлежащее лично ему и индивидуализирующее его, поскольку он — более чем простое воплощение родового типа его расы и группы. Скажут, что во всяком случае он одарен свободной волей и что этого достаточно для основания его личности. Но, как бы дело ни обстояло с этой свободой, предметом столько споров, не этот метафизический, безличный, неизменный атрибут может служить единственной основой конкретной, эмпирической и изменчивой личности индивида. Последняя не может быть установлена абстрактной властью выбирать между двумя противоположностями; нужно еще, чтоб эта способность проявлялась в целях и мотивах, свойственных именно действующему лицу. Другими словами, необходимо, чтобы сами материалы сознания имели личностный характер. Но мы видели во второй книге этого сочинения, что такой результат происходит

прогрессивно, по мере того как прогрессирует само разделение труда. Исчезновение сегментарного типа, обуславливая большую специализацию, выделяет в то же время отчасти индивидуальное сознание из поддерживающей его органической среды и облекающей его социальной среды, и вследствие этого двойного освобождения индивид все более становится независимым фактором своего собственного поведения. Разделение труда само способствует этому освобождению, ибо индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и в силу этого отчасти избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний, которые могут действовать только на простые и общие вещи.

Только благодаря какой-то иллюзии можно было думать, что личность была более цельной до проникновения в нее разделения труда. Без сомнения, рассматривая с внешней стороны разнообразие охватываемых тогда индивидом занятий, можно подумать, что он развивается более свободным и полным образом. Но в действительности эта демонстрируемая им деятельность — не его деятельность. Это общество, раса, действующая в нем и через него; он только посредник, через которого они осуществляются. Его свобода только кажущаяся, а его личность заимствована. Так как жизнь этих обществ в некоторых отношениях менее регулярна, то думают, что оригинальные таланты могут проявляться там легче, что всякому легче следовать собственным вкусам, что более широкое место оставлено для свободной фантазии. Но это значит забывать, что личные чувства тогда весьма редки. Если движущие силы, управляющие поведением, не возвращаются с той же периодичностью, как теперь, то тем не менее они коллективны, следовательно, безличны, и то же самое с внушаемыми ими действиями. С другой стороны, мы выше показали, как деятельность становится богаче и интенсивнее, по мере того как она специализируется.

Таким образом, прогресс индивидуальной личности и прогресс разделения труда зависят от одной и той же причины. Невозможно хотеть одного, не желая другого. Но никто теперь не оспаривает повелительного характера правила, приказывающего нам быть — быть все более и более — личностью.

5.5. Применение принципов «социологизма» к исследованию права: кейс-стади

Право, по Э. Дюркгейму, является материальным социальным фактом, который представлен конкретными социальными структурами, их функциями и определенными образцами взаимодействия людей. Социолог показывает, как, анализируя характер права, можно тем самым изучить

мораль и коллективные представления людей, — духовные социальные факты.

Во-первых, в обществах с механической солидарностью количество деяний, относящихся к правонарушениям, *на порядок меньше*, что касается *предписаний, защищающих личность*, и *на порядок больше*, что связано с различного рода *табу*, которые *сами по себе не вредны для общества*.

Некоторые табу корнями уходят вообще в низшие общества, в которых господствовало религиозное право. Прежде всего, это относится к «нечистым» обрядам и предметам иной культуры, различным формам святотатства, неточным воспроизведениям идеологических и религиозных догм, игнорированием праздников, ритуалов, церемониалов¹.

В самом деле, какую социальную опасность мог представлять художник, исповедующий принципы абстракционизма, или обществовед, давший *свою* интерпретацию высказываниям К. Маркса, В. И. Ленина или И. В. Сталина, или крестьянин, решивший, что 1 мая как раз пришла пора пахать землю?

Но ко всем этим и им подобным людям, «идеологическим отступникам» от общих коллективных представлений, государство вплоть до недавнего времени, как к преступникам, применяло самые суровые меры с целью *уничтожения индивидуальности сознания, человеческой личности* и поддержания безусловного авторитета *общей морали*, сложившихся коллективных представлений.

Сегодня положение *только-только* начинает изменяться, хотя все происходит весьма противоречиво.

С одной стороны, уходят в прошлое ограничения прав по религиозно-идеологическим соображениям, но с другой — свободное выражение идей ограничено политической ангажированностью ряда средств массовой информации. Сохраняются и увеличиваются разнообразные формы давления на граждан во время избирательных кампаний, вплоть до увольнений с работы.

Отечество многие любят в традиционном, механистическом духе: борьба с экологическими загрязнениями среды, которые могут быть действительно губительными для общества, подчас оборачивается для её активных участников обвинениями в «измене, разглашении государственных

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 79.

тайн». При этом действия (или бездействия) чиновников по отношению к новым экологическим уязвимостям, которые могут быть действительно губительными для Отечества, не получают должной правовой оценки.

Иная ситуация складывается в обществах с органической солидарностью.

Там принципиально иное по характеру правовое поле, в котором господствует *реститутивное право*. Для него свойственна *количественно-качественная* развитость правовых структур. Их функциональность направлена на обеспечение социального контроля в условиях, когда отсутствуют обязательные для всех мораль, идеология, общие коллективные представления.

Общество с таким правом, по словам Э. Дюркгейма, «будет походить на громадное созвездие, в котором каждая звезда движется по своей орбите, не нарушая движения соседних звезд»¹. И действительно, индивиды в таких обществах имеют реальное право быть личностями, заниматься своим бизнесом, разумеется, в тех формах и пределах, которые не нарушают права друг друга.

Во-вторых, для репрессивного права, функционирующего на основе силы, характерна *карательная направленность*, что выражается в пренебрежении к личности человека, жестокости наказания.

Э. Дюркгейм замечает, что оно «указывает только на санкции, но ничего не говорит об обязанностях, к которым они относятся. Оно не повелевает уважать жизнь другого... Оно не говорит в самом начале, как это делает гражданское право: «Такова обязанность», но сразу же: «Таково наказание»»².

До сих пор практика исполнения законов в России имеет репрессивное основание — *страх* перед произволом чиновников.

Реститутивное же право, в отличие от репрессивного, основывается на защите интересов человека и, прежде всего, прав собственности, что предполагает принципиально иную функциональность чиновников.

Ученые Института социологии РАН провели сравнительное исследование российских бюрократов с их западными коллегами и чиновниками из недавнего советского

прошлого. «Мы, — отмечает руководитель проекта, академик М. К. Горшков, — выделили ряд качеств идеального чиновника и попросили людей оценить, сквозь призму этой характеристики, европейского, современного российского и советского чиновника... все 7 первых мест в характеристике европейского чиновника, с точки зрения рядового россиянина, занимают положительные качества. Ни одного отрицательного! Это и деловитость, и компетентность, и высокая культура, и образованность, и внимание к людям. Советский чиновник, с точки зрения гражданина РФ, тоже показал неплохие результаты. В его светлом образе доминирует патриотизм. В портфеле современного российского бюрократа преобладает сплошной негатив»¹.

В-третьих, характерной особенностью репрессивного права является его функциональная *диффузность*². Это проявляется в том, что закон дифференцированно применяется в отношении людей с разными социальными статусами.

В советское время партийная верхушка вообще жила, не ведая законов — в этом, по существу, корни внесудебных репрессий. Более того, существовало «телефонное право», позволявшее человеку от «самого Ивана Ивановича», вне правового поля решать свои проблемы.

Диффузность права выражалась и в том, что закон по разному подходил к одним и тем же преступлениям, к одному и тому же нанесенному ущербу — значительно более сурово наказывались деяния против государственной собственности, чем собственности граждан. Аналогично, правонарушения против общества карались строже, чем против личности.

Сегодня в России приняты законы, практически уравнивающие значимость всех форм собственности. Многие новые законы непосредственно касаются защиты прав и свобод граждан. Утратил силу ряд законов, сдерживающих экономическую инициативу граждан. И все это свидетельства того, что сделаны существенные шаги отхода от репрессивного права.

Однако возникли новые проявления диффузности: законы дифференцированно действуют в разных регионах страны, а кое-где не работают вовсе; законы применяются

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 125.

² Там же. С. 82–83.

¹ Горшков, М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М. : Новый хронограф, 2011. С. 585.

² Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 84.

лишь к социально слабым и почти не применяются к сильным (с той лишь разницей, что сила теперь измеряется не партийным, а экономическим фактором).

В обществах с органической солидарностью иная ситуация с функционированием права, хотя её не следует идеализировать.

Здесь действует принцип равной защиты законом прав и свобод личности, и это касается всех. Хотя, несомненно, у миллионера больше возможностей отстоять свои интересы, чем у рядового гражданина. Но сделать это можно по закону, через обращение к закону, к помощи адвокатов. Закон же определяет полномочия чиновников, преступить которые не дано никому.

По Э. Дюркгейму, диффузность карательного права проявляется и в том, что «все общество в той или иной мере принимает в нем участие»¹.

В СССР формально трудящиеся являлись *полноправным субъектом судопроизводства*, которые с позиций «пролетарской морали и идеологии» разбирали уголовные дела «врагов народа, агентов мирового империализма». «По требованию трудящихся» к высшей мере наказания приговаривались спекулянты-валютчики, сурово наказывались и те, кто просто проявлял любопытство или толерантность к иной (иностранной!) культуре. Иными словами, законы государства, по существу, дополнялись, а иногда и подменялись «законами» массы (к этому вопросу мы вернемся в ряде последующих глав, посвященных массовому поведению).

Ныне подобные практики ушли в прошлое. Однако сохранилось давление властных элит на ход и исход судебных разбирательств. 46,3% россиян считают, что исполнительная власть может оказывать давление на правосудие².

В-четвертых, репрессивное право основывается на *страсти и мщении*, которые органично входят в коллективное сознание.

Э. Дюркгейм отмечает, что народы, руководствующиеся этим правом, «наказывают ради наказания, заставляют виновного страдать исключительно с целью страдания..., забо-

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 84.

² Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004). Аналитический доклад. М. : АИРО-XX, 2005. С. 121.

тятся не о справедливом или полезном наказании, а о наказании как таковом». При этом «оно часто распространяется далеко не только на виновного и поражает невинных: его жену, детей, соседей и т.д.»¹ В этом тоже проявляется диффузная кара.

Кроме того, собственно наказание дополняется «общественной мстью», ритуалами позора, гневом коллективного характера и требует искупления.

Вот как социолог описывает типичное поведение людей, живущих в обществе с механической солидарностью: «Остатки навливаются на улицах, посещают друг друга, сходятся в условленных местах, чтобы говорить о происшествии и сообщать негодовать. Из всех этих обмениваемых, подобных друг другу впечатлений, из всех этих выражений гнева выделяется один гнев, более или менее определенный, смотря по обстоятельствам. Он является гневом всякого, не будучи ничьим в частности. Это — общественный гнев». Функция общественного гнева — «выразить единодушное отвращение, вызываемое преступлением, при помощи подлинного действия, которое может состоять только в страдании, причиняемом виновному»².

Для реститутивного права не характерны мщение, общественный позор и искупление, и это естественно для коллективного сознания. Здесь человек, совершивший преступление, подвергается наказанию, но одному, а не двум одновременно. Нет надобности говорить о том, что невинные родственники правонарушителя не несут ответственность за несовершенно совершенные преступления.

Наконец, в-пятых, отметим, что своеобразие правовых систем и коллективных представлений о должном благодаря специфике причинно-следственных связей приводит к установлению также *своеобразного порядка* в обществе.

В обществе с механической солидарностью социальный порядок основывается на страхе наказания.

Вот как Э. Дюркгейм определяет истинные и второстепенные функции наказания в обществе с механической солидарностью: «Оно не служит — или служит только второстепенным образом — исправлению виновного или устрашению его возможных подражателей... польза его по справедливо-

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 94.

² Там же. С. 111.

сти сомнительна и, во всяком случае, незначительна. Его истинная функция — сохранить целостность общественной связи, поддерживая всю её жизненность в общем сознании»¹.

Э. Дюркгейм особо подчеркивает, что в обществах такого типа преступники наказываются с особой жестокостью. Как это ни парадоксально, но в *функциональном плане* страдания виновного «не есть бесцельная жестокость», они, по существу, служат единению индивидуальных сознаний, укреплению и поддержанию сложившихся социальных связей. «Единственное средство» утвердить порядок, основанный на единомыслии, на общем сознании, — «это выразить единодушное отвращение, вызываемое преступлением, при помощи подлинного действия, которое может состоять только в страдании, причиняемом виновному. Таким образом, это страдание, будучи необходимым продуктом порождающих его причин, не есть бесцельная жестокость. Это знак свидетельствующий, что коллективные чувства все ещё коллективны, что единение умов в одной и той же вере сохраняется»².

В СССР социальный порядок репрессивного типа поддерживался *извне* тем, что основывался на страхе наказания, на общем коллективном сознании, которое поддерживалось страданиями «виновных» и «единодушным гневом» общестственности, массовыми ритуалами коллективного единения — марширующими колоннами, в которые сливались миллионы людей. Для многих такой социальный порядок был удобен и даже комфортен.

Изнутри он поддерживался тем, что люди отчуждали свои индивидуальные права и свободы, получая взамен патернализм коллектива и общего коллективного сознания. Действительно, многим нравился такой образ жизни, когда за них думают и решают — надо только беспрекословно и с самопожертвованием выполнять принятые решения.

Однако не все люди, включая вождей, могли понять, что обратной стороной «железного» порядка был *неизбежный беспорядок*. И никакого противоречия здесь нет: порядок, основанный на страхе, месте, искуплении, жертвенности, не мог не порождать *аффективное* коллективное сознание, эмоциональные порывы, иррациональные и деструктивные

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 116.

² Там же. С. 117.

действия. Беспорядок и хаос, беззаконие и ритуалы жертвенности — неизбежные спутники нашей прошлой действительности.

Принципиально иной тип порядка существует в обществе с органической солидарностью.

Здесь порядок *извне* поддерживается законом, а *изнутри* тем, что индивидуальное сознание имеет самостоятельную значимость в функционировании индивида, деятельность которого становится все более специализированной и личностнее¹.

Более того, подчеркивает Э. Дюркгейм, необходимо разделяемое всеми правосознание, которое позволяет на практике соизмерять свои права с правами других людей: «Для того, чтобы человек признал права другого не только в логике, но и в практике жизни, нужно было, чтобы он согласился ограничить свои права, и, следовательно, это взаимное согласие могло быть сделано только в духе взаимопонимания и согласия»².

Отсюда и социальный порядок, который основывается и поддерживается сознательными выборами альтернатив, рациональными действиями, правовым самосознанием. Стало быть, может существовать *демократический порядок* без страха репрессий, без ритуальных кар и общественного гнева.

К осознанию самой возможности таких реалий россиянам ещё предстоит двигаться и привыкать, чтобы они были действительно функциональны. При этом весьма важно учесть то обстоятельство, что строительство гражданских институтов в стране целесообразно вести на основе традиционной специфики российского общества³.

Основные термины и выражения

Социальный реализм — *social realism* — по Э. Дюркгейму — методологический подход, согласно которому истинными выразителями социальной реальности являются институты общества, а не индивиды.

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 139.

² Там же. С. 128.

³ Горшков, М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М. : Новый хронограф, 2011. С. 257.

Аномия — *anomie* — 1) по Э. Дюркгейму — болезненное состояние общества, характеризующееся ценностно-нормативным вакуумом, разрывом в преемственности социальных и культурных норм; 2) по Р. Мертону — дисфункциональность социальных структур, выражающаяся в рассогласовании культурных требований, предполагающих нацеленность на успех, и дифференцированных возможностей, что не позволяет индивиду достичь общественных целей институциональными средствами.

Девияция — *deviance* — 1) в позитивизме — социальное поведение в виде «объективно данного» отклонения от «нормального», приводящее к разрушению устоявшихся норм и встречающее осуждение со стороны большинства представителей общества или социальной группы; 2) по Э. Дюркгейму — аномальное разделение труда вызывает аномию, проявляющуюся в отклонениях от «нормального» поведения, что особенно выражается в утрате воли к жизни.

Индивидуальное сознание — *individual consciousness* — совокупность особых мотивов, целей и интересов, которыми обладает индивид, что определяет характер его взаимодействия с другими людьми.

Институционализация — *institutionalization* — 1) процесс закрепления сложившихся образцов поведения в качестве социальных институтов; 2) возникновение организационных структур, воспроизводящие социальные нормы и регулирующие поведение людей.

Коллективное сознание — *collective consciousness* — по Э. Дюркгейму — совокупность верований и представлений, разделяемых членами конкретного общества, оказывающих решающее воздействие на сознание индивидуальное.

Механическая солидарность — *mechanical solidarity* — по Э. Дюркгейму — тип социальной солидарности, основанный на однородности убеждений, ценностных ориентаций; тип солидарности доминировал в традиционном обществе, для которого характерно простейшее разделение труда и отсутствие индивидуализма.

Органическая солидарность — *organic solidarity* — по Э. Дюркгейму — высокая степень разделения труда, для которой характерно различие людей, имеющих индивидуальное сознание и потому являющихся личностями, а также реститутивное право, суть которого сводится к восстановлению порядка вещей, защите интересов индивида и, прежде всего, прав собственника.

Разделение труда — *division of labour* — 1) по А. Смит — процесс, увеличивающий производительность «геометрически»; 2) по Э. Дюркгейму — закон, который управляет обществами «почти без их ведома», тот основополагающий фактор, который в конечном счете определяет характер причинно-следственных связей и закономерностей, существующих между социальными фактами общества и прежде всего — создает связи людей, которые при нормальном функционировании воспроизводят порядок, гармонию и социальную солидарность; 3) по К. Марксу — фактор увеличения социальной ие-

рархии, эксплуатации, конкретно выражающийся в доминировании класса собственников.

Репрессивное право — *repressive law* — по Э. Дюркгейму — правовая система традиционного общества, для которой характерно: карательная направленность права, наличие огромного количества идейных табу, почти полное отсутствие законов, защищающих личность, диффузность правовых норм сообразно социальным статусам граждан, дополнение наказания общественной местью и ритуалами позора.

Реституционное право — *restitutive law* — по Э. Дюркгейму — правовая система современного общества, для которой характерны восстановительная направленность права, защита интересов индивида, его прав и свобод, особенно права собственности, единое применение правовых норм независимо от социальных статусов индивидов.

Социальная патология — 1) асоциальное поведение, считающееся вредным для общества (хулиганство, алкоголизм, наркомания и т.д.); 2) заболевание социальной системы, проявляющееся в нарушениях её функций и даже дисфункциональности.

Социальная солидарность — *social solidarity* — социальная сплоченность представителей социальной группы на основе определенного уровня разделения труда, а также общих ценностей.

Социальный факт — *social fact* — по Э. Дюркгейму — особая реальность, существующая объективно, независимо от индивида, которая оказывает на него принудительное воздействие.

Социологизм — *sociologism* — методологическая позиция Э. Дюркгейма, объяснявшая «социальное социальным»: одни социальные факты порождают другие социальные факты, которые существуют независимо от сознания людей.

Структурный функционализм — *structural functionalism* — социологическая парадигма, изучающая элементы социального взаимодействия в контексте ролей, значимости в функционировании системы в целом.

Табу — *taboo* — запрет на определенные деяния, налагаемый обществом (религиозные, сексуальные запреты).

Вопросы на развитие социологического воображения

1. В современных обществах у многих социальных структур (государство, право) отпадает функция поддержания морали. Как эти процессы сказываются на характере социального порядка? Есть ли альтернативные факторы его поддержания?

2. Как изменяется функциональность морали и права при переходе общества от механической к органической солидарности?

3. Э. Дюркгейм подвергает критике тезис о том, что прогресс — это следствие стремления людей разнообразить свои удовольствия.

Каковы его аргументы? Какие свои соображение социолог противопоставляет данному тезису?*

4. Россия, как считает большинство социологов, находится ныне в состоянии аномии. Какие шаги вы порекомендовали бы предпринять нашей политической элите в сложившихся условиях? Просто ждать, пока произойдет саморегуляция ценностно-нормативного социокультурного пространства? А может быть попытаться восстановить роль христианства в качестве регулятора базовых, нравственных ценностей? Или сформировать новую патриотическую идеологию национального толка, которая могла бы призвать под свои знамена миллионы россиян и вновь объединить их *общим* коллективным сознанием? Что ещё можно предложить, опираясь на методологию Э. Дюркгейма, его видение путей преодоления аномии?*

5. Все советские, а теперь и российские руководители всегда выступали и выступают за порядок. Однако важно, какого порядка мы хотим. Порядка, основанного на страхе репрессий, показательных судебных процессов с общественным гневом? Порядка с доминированием общего сознания и единением умов? Если следовать принципам социологизма Э. Дюркгейма, то возврат в какой бы то ни было форме к подобного рода порядку будет означать консервирование взаимодействия людей на уровне механической солидарности, функционально более низком типе общественных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями для судеб страны. Так, к какому же порядку нам стремиться? Готово ли коллективное сознание россиян к возможным вашим предложениям?

6. Вы учитесь в институте или университете. Его *явная функция* — давать студентам знания. Что вы думаете по поводу утверждения о том, что одна из его *латентных функций* — сокращение рождаемости. Какие ещё латентные функции есть у высших учебных заведений?

Семинар «Социологизм Э. Дюркгейма»

1. Концепция социальных фактов, её методологическое значение для интерпретации поведения индивида.
2. Работа Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда».
3. Аномия и девиантное поведение.
4. Роль идеалов и ценностей в эволюционный и революционный периоды развития общества.

* Для ответа на этот вопрос, необходимо полностью прочитать работу Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда».

Литература

1. *Батыгин, Г. С.* История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.
2. *Воронцов, А. В.* История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Готов. — М. : Юрайт, 2013.
3. *Горшков, М. К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. — М. : Новый хронограф, 2011.
4. *Гофман, А. Б.* Семь лекций по истории социологии / А. Б. Гофман. — М. : Книжный Дом «Университет», 2008.
5. *Гофман, А. Б.* Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли / А. Б. Гофман. — М. : ГУ ВШЭ, 2001.
6. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1996.
7. *Дюркгейм, Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1995.
8. *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1995.
9. *Здравомыслов, А. Г.* Социология конфликта / А. Г. Здравомыслов. — М. : Аспект Пресс, 1995.
10. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа: НОРМА-ИНФРА · М, 1999.
11. *Кравченко, С. А.* Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
12. *Кукушкина, Е. И.* История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.
13. *Осипова, Е. В.* Социология Эмиля Дюркгейма / Е. В. Осипова. — 2-е изд. — СПб. : Алетейя, 2001.
14. *Fournier, M.* Emile Durkheim: 1858—1917 / M. Fournier. — Paris : Fayard, 2007.
15. *Gane, M.* Durkheim's Project for a Sociological Science / M. Gane // Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.
16. *Jones, R. A.* Émile Durkheim / R. A. Jones // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
17. *Ritzer, G.* Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.

Глава 6

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Общепризнан вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в развитие социологической науки. Практически нет ни одной серьезной работы по теоретической социологии, в которой не упоминались бы эти имена (позитивно или критически). Все сколько-нибудь авторитетные учебники по социологии имеют специальный раздел, посвященный марксистской социальной теории, справедливо называют самого К. Маркса классиком социологии.

Мировая социологическая мысль оценивает творческое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса прежде всего в контексте социокультурных и научных ценностей *того* времени, когда они жили. Тем не менее, многие их идеи востребованы сегодня во многих социологических парадигмах. Некоторые социологи прямо считают себя их последователями, а свою теорию именуют «неомарксистской».

Отношение российских обществоведов к творчеству К. Маркса неоднозначно. Некоторые склонны отождествлять распад социалистической системы и крах Советского Союза с «кризисом марксизма», «крахом» самой теории, не замечая ныне растущий интерес мировой социологической мысли к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса. Другие пытаются, так или иначе, сохранить приверженность марксизму. Иногда верность марксизму парадоксальным образом сочетается с идеями соборности, возрождения христианства в современной России. В лучшем случае предлагается отделить К. Маркса — ученого от К. Маркса — политика.

Сказанное делает задачу интерпретации теории К. Маркса и Ф. Энгельса *в целостном виде* весьма сложной. Тем не менее, будем к этому стремиться.

К. Маркс (*Marx*) родился 5 мая 1818 г. в семье адвоката. Учился в Боннском и Берлинском университетах. В 1841 г.

получил докторскую степень на философском факультете Иенского университета, по окончании которого занимался публицистической деятельностью, практически существуя на гонорары за публикации. В 1843 г. Маркс женится на Женни фон Вестфален, которая была вынуждена разделить с ним все экономические и эмиграционные тяготы. Из-за его политического радикализма под давлением властей семья покидает Пруссию, затем Францию и Бельгию, найдя, наконец, в 1849 г. прибежище в Англии. Здесь К. Маркс жил и работал до самой смерти, наступившей 14 марта 1883 г.

К. Маркс социальный теоретик и социолог, *критически воспринял* существовавшие трактовки общества вообще и капиталистического общества, в особенности.

В противоположность им он предложил *диалектический, историко-материалистический подход*, применимый для анализа *любого* общества. Согласно данному подходу структуры общества, сознание и поведение живущих в нём людей анализируются через призму материальных условий их жизни, через противоречия и конфликты в существующем способе производства, ибо эти факторы, а не субъективные мотивы, желания, идеи людей, в конечном счете, определяют характер социальных реалий.

К К. Марксу, его научной и политической деятельности, как в мире, так и у нас, относятся по-разному.

Западные исследователи большое внимание уделяют проблемам отчуждения, затронутым в таких работах, как «*Экономико-философские рукописи 1844 года*», «*К Критике гегелевской философии права*», «*Немецкая идеология*» — последнюю, как и многие другие, К. Маркс написал в соавторстве со своим идейным единомышленником Ф. Энгельсом.

Советские обществоведы прежде всего рассматривали К. Маркса и Ф. Энгельса как создателей «науки о всеобщих законах развития природы, общества и мышления», имеющей универсальное значение, пригодной для всех времен и народов, а между тем канонизировали отдельные положения их работ, особенно относящиеся к анализу революционных процессов в Европе в конце 1840-х годов.

Практически не учитывалось то весьма важное обстоятельство, что с переходом европейских стран от революционного к эволюционному периоду развития воззрения

К. Маркса и Ф. Энгельса *становились другими*. После поражения европейской революции 1848 г. К. Маркс отставляет политическую деятельность и в течение пятнадцати лет (до создания «Интернационала» в 1864 г.) всецело занимается наукой. С позиций своего диалектико-материалистического метода он анализирует новые реалии развития капиталистического общества. Однако для читателя, воспитанного на трудах советского обществоведения, К. Маркс так и остался прежде всего автором «*Манифеста коммунистической партии*» (1848 г.). Такие его произведения, как «*Гражданская война во Франции*» (1871 г.), второй и особенно третий тома «*Капитала*» (1885 и 1894 гг.), произведения последних лет жизни, в которых сам К. Маркс дезавуирует многие положения своих ранних работ, отмечая в них и «наивные иллюзии», и «почти детский энтузиазм»¹, оказались не востребованными в полном объеме их новаций.

Фридрих Энгельс (*Engels*) родился 28 ноября 1820 года в семье промышленника и был одним из всесторонне образованных людей своего времени.

К. Маркс и Ф. Энгельс одними из первых стали применять эмпирические социологические исследования в своих теоретических трудах. Примеры использования конкретно-эмпирических данных можно найти в работах «*Положение рабочего класса в Англии*», «*К жилищному вопросу*» и др. Непреходящая значимость этих работ — обоснование принципов сбора социологической информации при изучении постоянно эволюционирующей реальности.

Другие работы Ф. Энгельса: «*Происхождение семьи, частной собственности и государства*», «*Диалектика природы*», «*Крестьянская война в Германии*» и др.

Вместе К. Маркс и Ф. Энгельс занимались и политической деятельностью: в 1847 г. создают «Союз коммунистов», а в 1864 г. — «Интернационал».

Умер Ф. Энгельс 5 августа 1895 года.

6.1. Концепция отчуждения

Проблема дегуманизации человека

В западной культуре особое внимание уделяется свободам индивида. Отнюдь не случайно первые работы К. Маркса —

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 30. С. 286.

«*К еврейскому вопросу*», «*К Критике гегелевской философии права*», «*Экономико-философские рукописи 1944 года*» — посвящены проблемам эмансипации, конкретных прав индивида, которые рассматриваются через призму популярной в то время концепции отчуждения (её, в частности, использовали Г. Гегель и Л. Фейербах).

Пожалуй, стержнем социологического воображения К. Маркса является проблема дегуманизации человека, которую ученый связывал с процессом *отчуждения* — формирования «чуждой воли» (*alien will*) у социальных субъектов в условиях экономических и социальных структур, характерных для классово-антагонистического общества. Подчеркнем, *не психологические*, а именно *социальные факты* мыслились им причиной отчуждения.

По мнению К. Маркса, изложенного им в работе «*Экономико-философские рукописи 1944 года*», отчуждение конкретно проявляется, прежде всего, в разрыве единства рабочего и предметов его производства.

Рабочие отчуждены от *продукта своего труда*. Результаты труда принадлежат не им, а собственникам: «Конечно, труд производит чудесные вещи для богачей, но он же производит обнищание рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих»¹.

Такое положение дел обусловлено принудительным характером труда. *Вынужденная* работа приводит к тому, что производственная деятельность не является для трудящихся *самоценностью*, доставляющей внутреннее удовлетворение. Они работают *исключительно за деньги*, необходимые для существования.

Принудительный труд выступает как некая *внешняя* сила, обрекающая рабочего на принесение себя в жертву, самоистязание: «он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не разворачивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет

¹ Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1944 года // Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 229.

свою физическую природу и разрушает свой дух»¹. Из-за отчуждения люди теряют свой собственно *человеческий потенциал*. Они превращаются в живые винтики гигантской производственной машины, приобретают одностороннее развитие, что *в принципе* не может приносить удовлетворение им самим. По существу, за деньги люди продают свои *потенциальные возможности* стать более образованными, более всесторонне развитыми.

Процесс отчуждения затрагивает *сами отношения между рабочими*. Утрачивается *кооперативный* характер работы, люди становятся *изолированными* друг от друга, разрушаются *дружеские связи* — все подчинено сохранению своего рабочего места в противоборстве со своими коллегами и зарабатыванию материальных средств.

Суммируя следствия отчуждения, К. Маркс выделяет четыре позиции. «Отчужденный труд человека»:

- отчуждает от него природу;
- отчуждает от него его самого, его жизнедеятельность;
- *«родовая сущность человека* — как природа, так и его

духовное родовое достояние — превращается в *чуждую* ему сущность, в средство для поддержания его индивидуального существования»;

— происходит *«отчуждение человека от человека*. Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит *другой человек*»².

Главным условием, при котором становится возможным отчужденный, самоотчужденный труд, является частная собственность. «Итак, — заключает К. Маркс, — посредством *отчужденного, самоотчужденного труда* рабочий порождает отношение к этому труду некоего человека, чуждого труду и стоящего вне труда. Отношение рабочего к труду порождает отношение к тому же труду капиталиста, или как бы там иначе ни называли, хозяина труда. Стало быть, *частная собственность* есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда*, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе»³.

¹ Там же. С. 230.

² Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1944 года // Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 232, 234.

³ Там же. С. 237.

Преодоление отчуждения молодой К. Маркс связывает с упразднением частной собственности и институтов, поддерживающих частнособственнические отношения. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону, — пишет он. — Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как присвоение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т.е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т.д. к своему *человеческому*, т.е. *общественному* бытию»¹.

Разделение труда

В «*Немецкой идеологии*», более поздней работе, написанной К. Марксом совместно с Ф. Энгельсом в 1847 г., проблема отчуждения уже видится иначе.

Во-первых, она напрямую связывается с *ликвидацией разделения труда вообще* (понятие «отчужденный труд» в ней не употребляется).

На основе анализа капиталистического общества К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что складывающееся при этом разделение труда не способствует тому, чтобы индивиды смогли развивать и реализовывать свои человеческие потенции. Существующее разделение труда искусственно отделяет трудящихся от сообщества, в котором они живут. Ради самосохранения себя и семьи люди осознанно или неосознанно зачастую игнорируют интересы сообщества. «Вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом»².

Более того, частная собственность, разделяя индивидов друг от друга, утверждает «чуждую для них связь», «расщепляет» капитал и труд, а также различные формы самой собственности: «Самый труд может существовать лишь при условии этого расщепления»³. В итоге межличностные

¹ Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1944 года // Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 259.

² Там же. С. 350.

³ Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 400.

отношения основываются на нетерпимости, противоречиях и конфликтах, господстве и эксплуатации.

Иными словами, возникает форма человеческого существования, при которой утверждается *не общение*, а *разобщение*: человеческие общности превращаются в «мнимые» и «ложные» коллективности.

Выход из создавшегося положения К. Маркс и Ф. Энгельс видят в решении проблемы *присвоения производительных сил* отдельными людьми. Соответственно, снятие отчуждения состоит в следующем: «масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивидам никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе»¹.

Во-вторых, преодоление отчуждения предполагает *всестороннее развитие человеческих способностей*.

По К. Марксу, существующая организация труда *разделяет функционально, а затем и социально* умственный и физический труд. Доступ к умственному труду ограничен для людей, находящихся на нижнем уровне социальной лестнице.

Далее, имеет место разделение материального и духовного труда, это — отделение города от деревни. Происходит также обособление торговли от промышленности и разделение труда между различными городами.

Кроме того, каждый рабочий вносит лишь весьма незначительный вклад в конечный продукт. Узкая специализация дегуманизирует жизнедеятельность человека. «Как только начинается разделение труда, у каждого появляется какой-нибудь определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни»². К. Маркс не предполагал, что возможно такое разделение труда, когда человек выполнял бы все функции в обществе, будучи и рабочим, и юристом, и врачом и т.д. Но он считал, что в принципе возможна организация труда, которая позволила бы каждому индивиду сполна развить свои собственно человеческие потенции.

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 402.

² Там же. С. 351.

Таким образом, под отчуждением К. Маркс и Ф. Энгельс понимают такие общественные отношения и такой способ восприятия мира, при которых человек становится как бы *отстраненным от самого себя*. Его воля не является «движителем» собственных действий: хотя индивид питает иллюзию, будто делает то, что он хочет, в действительности им движут силы, отделенные от его сознательного «Я».

Отчужденный человек, находящийся во власти иррациональных сил, создает себе идолов в виде денег, вещей, кумиров и т.д. Он не реализует *свой* собственно гуманистический потенциал, ибо созданные им идолы возвышаются и главенствуют над ним.

Осознанно или нет, он отчуждает свои свободы в пользу идолов, которым поклоняется. Возникает *товарный фетишизм*, обозначающий имманентно-иррациональную суть капиталистического общества, в котором люди становятся подвластными собственным творениям — товарам.

Кроме того, продукты человеческого труда наделяются сверхъестественными свойствами: таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей.

Процесс овещствления касается даже социальных институтов: государство, например, по К. Марксу, отделяется от реальных интересов индивидов и общества.

Заметим, последователи К. Маркса и современные социологи широко используют данную метафору, наполняя ее новым содержанием.

Тема *овещствления* как фактора отчуждения получила развитие в творчестве венгерского социолога Д. Лукача¹. Ее занимается и французский социолог Ж. Бодрийяр, который, в частности, отмечает, что современный фетишизм предмета связывается с предметом-знаком, лишенным своей субстанции и своей истории, сведенным к состоянию простой меты

¹ Lukács, G. History and Class Consciousness. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1968.

некоего различия и включенным по всю систему этих различий¹.

Кроме того, современные социологии, занимающиеся отчуждением, акцент делают на исследовании детерминирующего влияния *новых внешних сил*, которые могут создавать для индивида реальные проблемы в виде разрушения системы культурных ценностей, исключения его из социальных связей, ограничения свободы жизнедеятельности и творческого самовыражения.

Так, технические новации, превращаясь в самостоятельную центральную силу, негативно сказываются на природе человека. Рутинизация социального бытия препятствует развитию творческой индивидуальности. Потребительство притупляет критическое восприятие окружающего. Тотальная рационализация образа жизни деформирует межличностные отношения и т.д.

6.2. Диалектико-материалистическая социология, её предмет и методы

Благодаря своему социологическому воображению, заметим, особо отмеченному Ч. Р. Миллсом, К. Маркс создал *уникальную научную теорию* общества, имеющую сложный, *междисциплинарный характер*, основанную на принципиально *инновационном* для своего времени мышлении. Это *особое диалектическое мышление*, уходящее корнями в диалектическую логику Г. Гегеля, но примененное к анализу материального мира.

Многогранность материального мира, который К. Маркс пытался понять глубиной и широтой своей мысли, востребовало соединение воедино ряда гуманитарных и социальных наук: философии, экономики, культурологии, истории и собственно социологии.

У К. Маркса нет *специфически социологических работ*. Более того, ученый не употреблял сам термин «социология», ввиду того, что он напрямую ассоциировался с О. Контом, воззрения которого были для него категорически непри-

емлемыми. «Я занимаю решительно враждебную позицию по отношению к контизму»¹, — отмечал К. Маркс.

Тем не менее, социологи всего мира ценят К. Маркса и Ф. Энгельса за то, что они создали оригинальную теорию — *диалектико-материалистическую социологию*, позволяющую анализировать общество, его структуры, функции в контексте динамики сознания больших социальных групп, их взаимодействия и борьбы. Её методологический инструментарий весьма эффективен для интерпретации *общественных конфликтов и противоречий*, путей их разрешения. К ней до сих пор обращаются и потому, что она имеет *гуманистическую направленность*. Отметим также, что марксистская социология утверждает активный, деятельностный подход к миру, предполагающий как его *познание*, так и *преобразование*.

Природа

К. Маркс и Ф. Энгельс исследуют *природу* во взаимозависимости с *обществом и человеком*. До них этой проблематикой занимались многие мыслители. Но они рассматривали природу как *самостоятельную от человеческого бытия* субстанцию, как *средство* жизни человека, *фактор* развития общества, видели во *власти человека над природой* благо, источник прогресса и развития человеческой цивилизации.

К. Маркс и Ф. Энгельс были первыми, которые *диалектически* подошли к проблеме взаимоотношений природы, общества, человека. Так, они понимали человека как природно-общественное существо, для которого природа «является жизнью, а не средством к жизни».

Общество и люди через *конкретный способ производства* связаны многочисленными нитями с природой, которая *обратно* влияет на социальные отношения. «На каждом шагу, — замечал Ф. Энгельс в работе *«Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»*, — факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри её»².

Если производство в своей основе носит варварский характер по отношению к природе, то это может привести

¹ Бодрийяр, Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1995; Его же. К критике политической экономики знака. М. : Библион-Русская книга, 2003.

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 33. С. 189.

² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 20. С. 496.

к разрушению самого общества. Вот лишь один из примеров, приводимый Ф. Энгельсом: «Людам, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги»¹.

Из этих высказываний следует, что в предмет диалектико-материалистической социологии входит изучение природы в контексте общественных отношений, определяющих характер их влияния на природную среду и её обратное влияние на общество и человека. И более конкретно — для *каких* обществ, с *каким* способом производства характерно отношение к природе, основанное на её порабощении и эксплуатации, что, в конечном счете, *дегуманизирует* природно-социальное окружение человека.

Заметим, что современная *социальная экология*, как отраслевая социология, в значительной степени использует теоретические положения диалектико-материалистической социологии.

Суждения К. Маркса о человеке как природно-общественном существе также широко используются в *инвайронментальной социологии* — отраслевой социологии, изучающей взаимоотношения человека с окружающей средой в контексте различных обществ и культур².

Структуры и социальные агенты

Диалектический метод мышления, предложенный К. Марксом, *исключает* простую, одностороннюю, однофакторную интерпретацию такого сложного явления как общество, что было характерно для его предшественников.

Будучи диалектиком, ученый исходил из того, что *социальные реалии взаимозависимы и одновременно влияют друг на друга*. Это нашло выражение в историко-материалистической социологии, которая обосновывает *взаимовлияние как общественных структур на людей, так и людей на общество в историческом контексте*.

¹ Там же. С. 496.

² Баньковская, С. П. Инвайронментальная социология. Рига, 2001; Сосунова, И. А. Актуальные проблемы социальной экологии и экосоциологии. М.: НИИ-Природа, 2009; Yanitsky, O. N. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: Taus, 2010.

Идею исторического материализма в социологии при истолковании характера взаимодействия *общественных структур и социальных агентов* (классов, социальных групп, отдельных личностей) К. Маркс концентрированно изложил в работе «*К критике политической экономии (предисловие)*», опубликованной в 1859 г.

«Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, — писал он, — может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»¹. Этими словами К. Маркс подчеркивает *материалистическую составляющую* своего диалектического метода — характер общественных отношений следует изучать *по объективным реалиям, взятым в историческом развитии — динамике* производительных сил (их «определенной ступени»), научного и технического знания, а не по интерпретации способа мышления, не потому, что люди думают сами о себе, исходя из разного рода политических, идеологических или религиозных представлений.

Вместе с тем, будучи диалектическим мыслителем, К. Маркс особый акцент делает на *взаимосвязях* между структурами — экономическими, политическими, юридическими, показывая *характер взаимовлияния различных подсистем на общество в целом и на общественное сознание*, в особенности, соответственно, на поведение социальных агентов.

Он указывает: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания и поведения. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 13. С. 6.

² Там же. С. 6.

Иногда К. Маркса упрекают в акцентировании особой значимости экономически для жизнедеятельности общества — в экономическом и технологическом детерминизме.

Представляется, определенная абсолютизация технико-экономического фактора у К. Маркса имела место. Но это не означает, что он упрощенно сводил действие всех факторов общественной жизни к одному — экономическому. Более того, из сути метода К. Маркса следует, что эти факторы *диалектически* взаимодействуют, т.е. *взаимно* влияют друг на друга.

К. Маркс, как известно, всячески открещивался от пресловутого экономического детерминизма, заявляя, что нельзя так односторонне интерпретировать суть его метода. А Ф. Энгельс, возражая против трактовок диалектического материализма как экономического детерминизма, давал следующие пояснения: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что только оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете*, всегда прокладывающей себе путь»¹.

Профессор социологии Канзасского университета Р. Антонио, исследователь творчества К. Маркса, справедливо отмечает: «Хотя жесткие детерминистские пассажи существуют в текстах Маркса, он предложил гораздо более сложный, исторически обусловленный материализм, который неправомерно сводить к “технологическому детерминизму”»².

Переходя от общей идеи интерпретации материализма в социологии к конкретному анализу капитализма, К. Маркс отмечает: «Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржу-

азной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹.

Таким образом, на основе *экономической необходимости* складывается в конечном счете *сложная система взаимозависимых социальных, политических и духовных структур*, которая определяет характер общественного сознания, положение социальных субъектов, их видение мира, их интересы, побуждая к тем или иным действиям.

Отсюда вытекает, что социолог, использующий инструментарий диалектико-материалистической социологии, должен изучать сознание людей, их поведение с учетом характера общественных отношений.

Общественное сознание, сознание ложное, классовое сознание

Основа диалектического мышления К. Маркса посвящена анализу собственно человеческого потенциала людей — *общественного сознания*, которое делает их социальными существами, отличными от животного мира.

Для историко-материалистической социологии общественное сознание определяется прежде всего контекстом *противоречий жизни реальных людей*: «... сознание надо объяснять из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»².

Естественно, что противоречия материальной жизни порождают *различные, относительно самостоятельные формы сознания* у людей, занимающих особое положение в системе общественного производства. Одно дело духовная жизнь, воззрения представителей социальной группы, обладающих доминированием по отношению к средствам производства, имеющим реальный доступ к материальным и культурным благам, и другое дело духовная жизнь тех, кому приходится ежедневно думать о решении самых насущных проблем.

Поэтому для социологов этого направления особый интерес представляет изучение сознания различных классов, социальных и этнических групп, равно как и характера общественного сознания в целом (конфликтно ли оно или, напротив, толерантно).

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 39. С. 175.

² Antonio, R. J. Karl Marx // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 120.

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 13. С. 7–8.

² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 18. С. 7.

Но, ещё раз подчеркнем, будучи диалектиком, К. Маркса интересует *развитие* общественного сознания в *контексте изменений общественного бытия*.

Чтобы показать динамику общественного сознания, К. Маркс вводит понятия *ложного сознания* и *классового сознания*.

По его мнению, все структуры капиталистического общества функционируют таким образом, что они формируют как у буржуазии, так и у рабочего класса ложное сознание. Это проявляется в том, что и те и другие имеют *извращенное представление о своей роли в жизни общества*.

Так, буржуазия как класс не осведомлена о сущности противоречий капиталистического общества, о своем месте и роли по отношению этих противоречий, о возможностях своего влияния на ход общественного развития. У рабочего класса также есть иллюзии относительно своей роли в обществе, но есть и перспективы их преодоления, которые обусловлены особым местом класса в системе общественных отношений.

В этой связи К. Маркс делает различия между «*классом в себе*» (социальная группа, члены которой не осознают своих классовых интересов) и «*классом для себя*» — (члены группы осознают своё истинное социальное положение и потому стремятся к коллективным действиям в целях отстаивания своих интересов).

Идеология

По К. Марксу, идеология — ложное сознание, которое дает извращенное, искаженное представление об обществе. Это обусловлено следующими факторами.

1. Идеология основана на классовом пристрастии, ибо специфические интересы господствующего класса выдаются за интересы всего общества. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть вместе с тем и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого

мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»¹.

2. Соответственно, каждый господствующий класс производит свои, исторически обусловленные мысли и идеалы. Например, в период господства аристократии доминировали понятия «честь», «верность» и т.д., а в период господства буржуазии — понятия «свобода», «равенство» и т.д.

3. Идеология предполагает спекулятивное мышление. Ей противостоит наука. «Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей»².

Социальные факты и ценности

Для К. Маркса и Ф. Энгельса социальные факты имеют значимость *только в контексте ценностных суждений*.

Факты и ценности *диалектически связаны*, что они, в частности, показали на примере анализа класса буржуазии и пролетариата, встав открыто на позиции последнего.

Сегодня многие социологи подвергают критике марксистскую социологию именно за то, что ей не свойственен принцип свободы от ценностных суждений. Некоторые из них предлагают даже отделить учение К. Маркса от его партийных и идейных пристрастий (мол, личная нетерпимость к оппонентам «переросла в характерную черту его учения»), не задумываясь о научности подобной вивисекции.

А может ли вообще ученый-обществовед быть беспристрастным? Кто из великих социологов был приветлив к оппонентам? И вообще, не пристрастия ли способствуют теоретическому новаторству? Кто-нибудь может показать в качестве идеального типа идеологически беспристрастную социологическую теорию?

Такой теории *практически* не существует, хотя именно социологи выдвинули идею создания теории, свободной от ценностных суждений, классовых и политических при-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 367.

² Маркс, К., Энгельс, Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 339.

страстей. Однако, будучи в реальной жизни людьми, остро реагирующими на пороки и болезни общества, они, как правило, являлись сторонниками конкретных партийных или общественных движений, во всяком случае симпатизировали им и осознанно или нет *фактически* приносили идейные воззрения в свою теорию.

Другое дело, что К. Маркс и Ф. Энгельс *открыто* выражали свои идейные и политические пристрастия, считая, что в противном случае учение становится, по меньшей мере, дегуманизированным.

Социальные законы

К. Маркс и Ф. Энгельс свою задачу видели в открытии и обосновании социальных законов — «внутренней и необходимой связи» между явлениями общественной жизни, которые отражают *исторический прогресс*, поступательное развитие человеческой цивилизации. По их мнению, законы носят *объективный* характер.

В работах «Немецкая идеология», «К критике политической экономии», «Капитал» К. Маркс, как ему представлялось, обосновал *закон человеческой истории*, согласно которому история человеческой цивилизации виделась как последовательная прогрессивная смена низшей формации исторически более высокой формацией. При этом им было выделено пять основных стадий: доклассовое общество (первобытный коммунизм), рабовладельческое общество, феодализм, капитализм и бесклассовое общество (коммунизм).

К. Маркс также полагал, что открыл *закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил*. По его мнению, этот закон раскрывал суть механизма смены общественно-экономических формаций.

«На известной ступени своего развития, — пишет он, — материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»¹.

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 18. С. 7.

В этом пассаже обратим внимание на три принципиальных момента:

— движущей силой истории выступает проявляющееся в некоторые моменты развития противоречие между производственными силами и производственными отношениями;

— социальная революция — суть не политическая случайность, а проявление исторической необходимости, она обусловлена противоречиями материальной жизни;

— прошлое, настоящее и будущее социальных явлений находятся в диалектической взаимозависимости.

К. Марксом были также предприняты попытки обосновать *закон углубляющейся экономической дифференциации*, согласно которому богатство концентрируется все у меньшего числа людей, ибо составляющие большинство населения средние слои и особенно рабочий класс беднеют.

Вместе с тем, из диалектического мышления К. Маркса следует, что облик будущего не гарантирован «железными законами»: во имя счастливого будущего общества необходима адекватная деятельность людей по гуманизации настоящего, основанная на *разумном* учете взаимовлияния как объективных, так и субъективных реалий, особенно *характера, зрелости общественного сознания*.

Проблемы достижения социального счастья отнюдь не в том, чтобы просто разрушить материальные «устаревшие» структуры (ликвидировать же идеи, традиции и иные субъективные реалии *еще* труднее), и не в том, чтобы декларировать те или иные идеалы (социализм, социальное государство, цивилизованный рынок, демократия, общественная безопасность и т.д.) и даже не в структурно-функциональной материализации идеалов в виде соответствующих институтов. Проблема *значительно сложнее*. Она — в *головах людей*: необходимо *единство разума и гуманизма*, позволяющее сделать тот оптимальный стратегический выбор, который бы был не утопичен, а по силам материального развития общества, его экономического потенциала, по *характеру* сознания людей.

Обратим внимание на то, что положение об объективности социальных законов в догматических версиях марксизма трактовалось как *универсальность* социальных законов и *неизбежность* наступления отмеченных в них тенденций

(осуществление социалистической революции, торжество коммунизма).

Большинство современных социологов исходит из того, что социальные законы, какой бы степени общности они ни были, отражают *временные* тенденции, *ограниченные* культурным своеобразием конкретного региона. Активная деятельность человека, получение *нового знания* очень часто приводят к *непредвиденным последствиям*, которые вносят коррективы, подчас существенные, в, казалось бы, незыблемые, устойчивые связи между социальными явлениями.

Ненамеренные последствия

Диалектическое мышление К. Маркса проявляется и в видении взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, что предполагает изучение исторических корней общества.

Историю, по его мнению, творят люди, не как им вздумается, а в условиях, которые они не выбирают. Более того, ее создают не только современники, но и *социальные реалии прошлого*, причем на неё оказывают влияние отжившие институты, общественные традиции и поведенческие практики предыдущих поколений. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹, — писал он.

Все эти обстоятельства могут приводить к *непреднамеренным результатам* в деятельности нынешних политиков, природа которых может ими и не осознаваться. Поэтому диалектико-материалистическому социологу, чтобы понять современный мир с учетом возникающих в нем непреднамеренных последствий, необходимо изучать исторические корни социальных реалий, прослеживая их развитие.

Так, сам К. Маркс отмечал, что капитализм являл собой непредвиденные последствия многочисленных действий людей, совершенных ещё в феодальную эпоху. Никто из них специально не ставил перед собой цель создания принципиально иных экономических и политических структур. С возникновением капитализма политика буржуазии также несет в себе латентные, для неё самой непреднамеренные последствия — создаются общественные отношения, которые в конечном счете подрывают господство, основанное на политическом доминировании класса собственников.

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 10. С. 119.

Ф. Энгельс в работе «*Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека*» показал непреднамеренные последствия хищнической эксплуатации человеком природы, отмечая призрачность побед над ней. «За каждую такую победу она (природа — прим. ред.) нам мстит. Правда, каждая из этих побед имеет в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»¹.

Ненамеренными последствиями отчуждения является формирование *ущербного общественного сознания*.

Многие люди начинают чувствовать себя комфортно от исполнения примитивных функций винтиков машины и не выражают стремления к самосовершенствованию. Изменить подобную ситуацию, по мысли К. Маркса, можно через замену антагонистически-противоречивого процесса разделения труда, создание общественных структур с принципиально иными функциями, которые были бы направлены на развитие *всех*, на создание в человеке собственно человеческого потенциала.

Праксис

Составной частью социологического воображения К. Маркса является *праксис*. Он выступал как своеобразный инструмент *отрицания* существующего положения социальной жизни.

Однако важно подчеркнуть то, что для К. Маркса праксис это не абстрактная оппозиция существующему социальному порядку, а выражение борьбы, ведущейся за *социальное счастье*, справедливый социальный порядок, в котором нет места эксплуатации человека человеком.

Иными словами, праксис рассматривался как *созидательная активность, посредством которой люди познают, создают и преобразовывают мир*. Решающая роль в этой деятельности отводилась интеллектуальному творчеству, труду, т.е. она имела социальное основание.

Полагаем, важно отметить, что активный, деятельностный подход к миру, предполагающий как его *познание*, так и *преобразование*, получил развитие в творчестве его последователей Д. Лукача, А. Грамши, представителей Франкфуртской школы.

¹ Там же. С. 495—496.

Из работы: К. Маркс. К критике политической экономии¹

Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. К критике политической экономии // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 12.

лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества.

6.3. Противоречия и конфликты

Свою диалектико-материалистическую теорию К. Маркс и Ф. Энгельс использовали для понимания природы общественных конфликтов и противоречий, путей их *разрешения*, а также для анализа механизма социальных изменений. Для них противоречия и конфликты — *главный фактор социальных изменений*.

Заметим также, что их отношение к конфликтам как социальным фактом, не нейтральное, а ценностное — позитивное или негативное.

Классы и классовая борьба

В работах начального периода классовая борьба трактуется К. Марксом и Ф. Энгельсом не иначе как сердцевина исторического процесса.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, — говорится в *«Манифесте коммунистической партии»*. — Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу, *вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов*»¹.

Капиталистическое общество — общество антагонистическое, а класс буржуазии и пролетариат являются основ-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 4. С. 424.

ными силами, которые вступают в борьбу друг с другом. В этой же работе К. Маркс замечает, что, кроме вышеприведенных классов, есть множество промежуточных социальных групп — ремесленники, торговцы, крестьяне. Но он убежден, что по мере развития капитализма промежуточные слои не обладают самостоятельной исторической инициативной и потому будут примыкать в решающем конфликте либо к капиталистам, либо к рабочим.

В последующих работах — «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — К. Маркс более обстоятельно анализирует социальную структуру капиталистического общества, выделяя промышленную буржуазию, финансовую буржуазию, торговую буржуазию, мелкую буржуазию, крестьянство, пролетариат и люмпен-пролетариат.

При этом он вводит уточняющие *критерии класса*: отношение к средствам производства, общность деятельности, способов мышления и образа жизни — необходимые, но недостаточные условия образования общественного класса. Скажем, не являются классом парцельные крестьяне, хотя они «составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того, чтобы вызывать взаимные сношения между ними»¹.

По К. Марксу, для образования класса необходимы осознание единства, ощущение отличных интересов от интересов других групп, наличие воли к совместным действиям. При этом он подчеркивает, что различие классовых интересов проистекает не из классового сознания индивидов, а из их объективного положения в обществе и, прежде всего, в процессе производства. Люди могут не осознавать своих классовых интересов и, тем не менее, руководствоваться ими в своих действиях.

Следует отметить более поздние суждения К. Маркса о классах капиталистического общества, которые оказались не востребовавшими ортодоксальными формами марксизма.

Речь идет о способности классов к эволюции, что обусловлено изменениями в способе производства. В этой связи К. Маркс указывает, что сами правящие классы Англии и США приступили к «*радикальным изменениям*» отноше-

ний между «*капиталом и трудом*», «капиталом и отношений земельной собственности», попутно замечая, что общество Германии и Франции «не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения»¹.

Еще резче проблемы изменения классов обозначаются им в третьем томе «Капитала», в котором К. Маркс отмечает качественное и количественное развитие основных социальных общностей капиталистического общества, выделяя при этом не два, а три класса — рабочих, капиталистов, земельных собственников².

Гендерное неравенство

Напомним, под *гендером* обычно понимаются поведенческие тенденции мужчин и женщин, обусловленные их биологическими различиями, которые приобретают конкретные формы под влиянием определенного *социокультурного* контекста.

В некоторых культурах *социальное содержание* гендерного неравенства является весьма актуальной проблемой. Так, в европейской и американской культурах XIX в. утвердился *патриархат* — организация социальной жизни, которая фактически легитимизировала подчиненное место женщин в обществе. Как результат, в общественном сознании доминировали мужские ценности, предполагавшие зависимость женщин.

К. Маркс и Ф. Энгельс одними из первых подняли проблему гендерного неравенства и показали, что структуры капиталистического общества воспроизводят отношения патриархата, чему есть глубокие исторические причины.

Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной с использованием собранных К. Марксом материалов, опираясь на антропологические данные, отметил, что древние структуры родства предполагали равноправие мужчин и женщин — их экономической основой были охота и собирательство, что вело к общему распределению материальных благ.

Переход к оседлому образу жизни, земледелию и ремеслам стал тем экономическим фактором, который ознаменовал возникновение частной собственности, а с ней исто-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 8. С. 207.

¹ Там же. Т. 23. С. 10—11.

² Там же. Т. 25. Ч. I. С. 479—482; Ч. II. С. 458.

рическую победу патриархата. В этих новых социальных условиях мужчины, располагая большими ресурсами силы и мобильности, становились собственниками. Эти отношения распространялись и на их жен, которые начинали фактически выполнять роль прислуги. Дальнейший процесс разделения труда лишь структурно и функционально усложнял отношения зависимости женщин.

По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, капитализм, по существу, легитимизировал патриархат. Плата за мужской труд выше, чем за женский. Доминирующие мужские ценности предписывают женщинам ведение домашнего хозяйства, что, по существу, означает двойную эксплуатацию. Кроме того, в то время женщины не могли выбирать многие профессии и заниматься политикой.

Преодоление патриархата (естественно, его формы культурно различны в индустриальных и аграрных, развивающихся странах) К. Маркс и Ф. Энгельс связывали с ликвидацией частной собственности и достижением социального равноправия полов.

Социальная революция

К. Маркс допускал разные формы классовой борьбы. Он не отрицал значимость борьбы профсоюзной, но считал, что реформистская борьба, по крайней мере, в ранний период развития капитализма, не решает проблему преодоления отчуждения трудящихся от производственного процесса и политической власти.

Кардинальное решение проблемы он усматривал в *социальной революции*, которая *разрешает* социальные противоречия путем уничтожения доминирования конкретного класса в экономической и политической жизни, и постепенного *эволюционного отмирания пережитков* ранее существовавших общественных отношений.

Обратим внимание на два принципиальных момента.

Во-первых, диалектико-материалистическая теория предполагает как *революционное*, *контрреволюционное*, так и *эволюционное* развитие. Поэтому вполне *естественны* в истории каждого общества периоды *прогресса*, *регресса*, *застойного развития*.

Во-вторых, что более важно, диалектика предполагает *развитие самих противоречий и конфликтов*.

Поэтому вполне естественно, что К. Маркс развивает и уточняет свои взгляды на социальную революцию. Широко известны его слова: «революции — локомотивы истории»¹ и в свое время оказались не востребованы мысли о том, что революционную борьбу *трудно регулировать*, что ее *конечные результаты зачастую оказываются ненамеренными последствиями*, мало похожими на декларировавшиеся революционерами цели. А Ф. Энгельс прямо указывал, что «во всякой революции неизбежно делается множество глупостей»².

К. Маркс и Ф. Энгельс не абсолютизировали *средства разрешения* противоречий, что относится и к социальной революции. При изменении общественных реалий иным становится характер противоречий и, следовательно, возможные средства их разрешения.

Не удивительно, что в последние годы жизни они искали альтернативные варианты, имеющие самое прямое отношение к социологическому анализу возникающих новых реалий капиталистического строя.

Так, в третьем томе «Капитала» К. Маркс отмечает серьезные трансформации в частной собственности и в конечном счете самого капиталистического общества. Приведем некоторые, на наш взгляд, наиболее значимые выдержки: «Образование акционерных обществ. Благодаря этому: ... колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными. Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и рабочей силы, получает здесь непосредственную форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям.

Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства... Превращение действительно функционирующего капитали-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 7. С. 86.

² Там же. Т. 18. С. 516.

ста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами...»¹.

«Это, — говорится ниже, — упразднение капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое (прежде всего) представляется простым переходным пунктом к новой форме производства»².

Благодаря социологическому воображению К. Маркс диалектически оценил новые реалии капиталистического общества. Безусловно, социология марксизма 1870—1880-х годов *не сводится к революционному пролетарскому мессианизму*. Ее непреходящей ценностью является оригинальная методология с соответствующим диалектическим мышлением.

6.4. Власть, обращенная к человеку: кейс-стади

По К. Марксу, самый главный вопрос преобразования структур капиталистического общества — вопрос о власти.

Причем для него власть в форме диктатуры пролетариата *не самоцель, а переходный этап* (в СССР вопреки К. Марксу он был абсолютизирован). В конечном счете, по его мнению, нужна система *общественного самоуправления*, которая по своим функциям, способствовала бы преодолению отчуждения и развитию свобод *всех* членов общества. Только так может произойти эмансипация человека. Однако нам не известно ни одной монографической работы о *гражданском обществе*, написанной в советский период.

Даже в ранних работах К. Маркс и Ф. Энгельс жизнедеятельность гражданского общества характеризовали как «истинный очаг и арену всей истории»³. А в более зрелых работах они постоянно подчеркивали *диалектическое единство гражданского общества и государства*, причем прямо указывали, что первое выступает как содержание, а второе — как форма: «По крайней мере в новейшей истории, государство, политический строй, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, — решающим элементом. По старому взгляду на государство, разделявшемуся и Гегелем, оно считалось, наоборот,

определяющим, а гражданское общество — определяемым элементом»⁴.

Более того, они указывали, что государство никогда не дарит свободу, напротив, подлинная свобода возможна лишь там, где есть эмансипированное гражданское общество, способное диктовать свою волю государству: «Свобода состоит в том, — говорится в *«Критике Готской программы»*, — чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный»⁵. И еще: «Все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходили через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение... Государственная воля определяется в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества»⁶.

Широко известно, что в работах революционного периода — *«Классовая борьба во Франции»*, *«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»* — К. Маркс отстаивал идею «слома» буржуазного государства и, в частности, писал: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»⁴.

Однако в более поздних работах К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали «поворотный пункт», с которого возникает тенденция отделения государства от *одного конкретного класса* — экономически господствующего класса: буржуазия «теряет способность к исключительному политическому господству: она ищет себе союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его целиком»⁵. Такое государство уже не надо «ломать». Его нужно просто «переделать» (совсем *иное содержание* политических действий!): «Речь идет просто об указании на то, что победивший пролетариат должен заново переделать бюрократический, административно-централизованный аппарат, прежде чем сможет использовать его для своих целей»⁶.

Под этим лозунгом «отмирания» государства В. И. Ленин развернул борьбу с бюрократизмом, а, по существу, с про-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 25, Ч. I. С. 479.

² Там же. Т. 25, Ч. I. С. 481—482.

³ Там же. Т. 3. С. 35.

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2 изд. Т. 21. С. 310.

² Там же. Т. 19. С. 26.

³ Там же. Т. 21. С. 310.

⁴ Там же. Т. 3. С. 206.

⁵ Там же. Т. 16. С. 416.

⁶ Там же. Т. 36. С. 70.

фессиональным государственным управлением ради «высшего демократизма» — поголовного участия населения в работе государства. И. В. Сталин вообще выдвинул иезуитскую трактовку «отмирания» через «укрепление» государства. В годы «оттепели» исконные функции государства волевыми решениями переходили к профсоюзам и трудовым коллективам: существовала практика передачи правонарушителей «на поруки» в производственные и общественные организации во всеми вытекающими отсюда ненамеренными последствиями. «Перестройщики» крушили государственные структуры, не создавая им действительные *функциональные альтернативы* прежнему управлению.

Подчеркнем, у К. Маркса идея «отмирания» государства постоянно корректировалась и шлифовалась.

Так, на основе анализа опыта Парижской Коммуны К. Маркс осознал многие отрицательные стороны весьма короткой практики диктатуры пролетариата и в работе «*Гражданская война во Франции*» сделал выводы о том, что *насилие* одних групп людей над другими, в конечном счете, *оборачивается несвободной для всех*, в силу чего рабочему классу необходимо вести борьбу «наиболее рациональным и гуманным путем»¹, что после установления революционно-политических организаций рабочего класса они могут существовать *ограниченный исторический период* — их надо немедленно преобразовывать в направлении, которое мыслилось как «движение в своих собственных интересах и в интересах человечества»².

При этом для К. Маркса важно то, что государство *имеет сложную природу*: это не только инструмент, с помощью которого экономически господствующий класс становится также политически господствующим классом, но и механизм для выполнения *общих дел*, вытекающих из природы *всякого общества*³.

Очевидно, по К. Марксу, «отмирает» классовая природа государства, но должен сохраняться и совершенствоваться механизм для выполнения *общих дел*, в котором *право*, а не революционная целесообразность играет решающую роль. Ф. Энгельс прямо высказывал свое и марксово отношение к этому вопросу: «Для нас, наоборот, незыблемо, что соот-

ношения между правящими и управляемыми должны быть устроены на почве права раньше, чем они могут стать и оставаться сердечными. Сначала право, потом справедливость!»¹.

Таким образом, если посмотреть на марксову социологию из *разных временных координат*, то в ней можно найти и противоречия, и двусмысленности, и просто ошибки. Часть из них, как мы показали, исправил сам К. Маркс, что-то скорректировал после его смерти Ф. Энгельс. Примечательно, что, переиздавая работы молодого К. Маркса, он вносил в них изменения, которые объяснял следующим образом: «В сороковых годах Маркс еще не завершил своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятих годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.) в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые, с точки зрения позднейших работ, являются неудачными и даже неверными»².

Естественно, что-то в марксизме вообще не выдержало испытание временем. Но мировая социологическая мысль ценит К. Маркса прежде всего за то, что *он сделал* для анализа современного ему общества и особенно для обоснования определенной методологии как системы принципов исследования общества.

Диалектико-материалистический метод анализа общества оценивался Ф. Энгельсом превыше всего. «Все миропонимание Маркса, — писал он в последний год жизни, — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»³.

Говоря современным языком, ныне актуальны социологическое мышление и социологическое воображение К. Маркса и Ф. Энгельса.

Основные термины и выражения

Отчуждение — *alienation* — по К. Марксу — отделение людей от их праксиса: произведенных ими товаров, контроля за произ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 17. С. 553.

² Там же. С. 554.

³ Там же. Т. 25. Ч. I. С. 422.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 41. С. 125.

² Там же. Т. 22. С. 204.

³ Там же. Т. 39. С. 352.

водственным процессом, производственной активности, природы, институциональных структур, друг от друга, что проявляется в дегуманизации, разрыве естественных связей между людьми, в превращении результатов деятельности людей в нечто враждебное по отношению к ним самим.

Товарный фетишизм — *commodity fetishism* — по К. Марксу — овеществление отношений между людьми в капиталистическом обществе: индивиды оценивают друг друга как свойства товара, как естественные вещи.

Классовое сознание — *class consciousness* — по К. Марксу — осознание людьми общих классовых интересов, готовности к солидарным действиям, что происходит в процессе перехода «класса в себе» в «класс для себя».

Ложное сознание — *false consciousness* — по К. Марксу — форма классового сознания, которое не адекватно «объективному» положению социальной группы, что проявляется в неспособности социальной группы или индивида представлять свои объективные интересы в системе общественных отношений.

Идеология — *ideology* — по К. Марксу — ложное сознание, дающее извращенное представление об обществе в силу классового пристрастия.

Общественное сознание — *social consciousness* — реальное, практически функционирующее сознание, в котором в самых различных комбинациях, в самых причудливых сочетаниях органически переплетаются теоретическое (научное) и обыденное сознание; может быть активной, нейтральной или пассивной общественной силой.

Класс в себе — *class in-itself* — по К. Марксу — класс как группа людей, имеющих одинаковое положение по отношению к средствам производства, но не осознающих своих особых интересов.

Класс для себя — *class for-itself* — по К. Марксу — класс, осознающий свои особые интересы за счет формирования классового сознания и солидарности.

Практис — *praxis* — по К. Марксу — своеобразный инструмент отрицания существующего положения социальной жизни, как выражение классовой борьбы, ведущейся за справедливый социальный порядок, в котором нет места эксплуатации человека человеком.

Социальный класс — *social class* — по К. Марксу — существующая независимо от индивидов совокупность людей, имеющих возможности и ограничения, исходя из их общего положения в системе собственности, что также предполагает соответствующее место во властных отношениях.

Социальная революция — *social revolution* — по К. Марксу — продукт классовой борьбы, ведущий к установлению нового способа производства в жизни общества, соответственно, качественно меняющий социальную структуру, экономические и политические институты, их функции;

Социальное противоречие — *social contradiction* — по К. Марксу — взаимодействие между противоположными сторонами явлений,

находящихся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, между социальными группами (классами) с противоположными интересами, что служит источником диалектического развития мира и общества.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. К. Маркс отмечал конкретные проявления отчуждения, характерные для капиталистического общества его времени. Что изменилось с тех пор? Каковы современные проявления процесса отчуждения в России и других странах?

2. Может ли социолог быть искренне беспристрастным при изучении группы людей, к которой он испытывает явную антипатию (террористы, представители сатанинского культа)?

3. Одним из проявлений современного процесса глобализации является распространение на другие страны самых разных компонентов американской культуры. Какое влияние они оказывают на сознание людей, живущих в других культурах? Как сказывается это на структурах и функциях обществ? Выскажите ваше мнение с учетом сравнения положений и принципов структурно-функционалистской и марксистской парадигмы.

4. К. Маркс указывал, что для «положительного упразднения всякого отчуждения» недостаточно ликвидировать частную собственность. Что же ещё, по его мнению, необходимо сделать? А что вы сами думаете по этому поводу?

Семинар «Марксистская социология»

1. Социально-исторические и теоретические предпосылки возникновения марксистской социологии.

2. Концепция общественно-экономической формации. Взгляды на социальные законы исторического развития.

3. Классы и классовая борьба.

4. Концепция отчуждения. Ее значимость сегодня.

Литература

1. Алексеева, Т. А. Современные политические теории / Т. А. Алексеева. — М. : РОССПЭН, 2000.

* Для полного ответа на этот вопрос, необходимо обстоятельно прочитать книгу: Маркс К. Социология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

2. Батыгин, Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.
3. Воронцов, А. В. История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глотов. — М. : Юрайт, 2013.
4. Гофман, А. Б. Семь лекций по истории социологии / А. Б. Гофман. — М. : Книжный Дом «Университет», 2008.
5. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа: НОРМА–ИНФРА · М, 1999.
6. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
7. Кукушкина, Е. И. История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.
8. Култыгин, В. П. Классическая социология / В. П. Култыгин. — М. : Наука, 2000.
9. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 8. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1957
10. Маркс, К. Социология: сб. / К. Маркс. — М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
11. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 12. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1958.
12. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 19. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1961.
13. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс. — М., 1988.
14. Энгельс, Ф. О военном искусстве. О теории насилия / Ф. Энгельс. — М. : Эксмо, 2003.
15. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения. — М. : Политиздат, 1986.
16. Antonio, R. J. Karl Marx / R. J. Antonio // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
17. McLennan, G. Maintaining Marx / G. McLennan, // Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.
18. Ritzer, G. Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.

Глава 7

МАРКСИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОСЛЕ К. МАРКСА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ещё при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса возникли различные версии марксистской теории, т.е. фактически образовалось *множество* марксизмов, подчас весьма далеких от того, за что ратовали создатели. Естественно, неправомерно отождествлять аутентичную марксистскую теорию с ленинизмом, сталинизмом, троцкизмом, маоизмом и т.д., представители которых использовали авторитет и отдельно взятые положения работ К. Маркса и Ф. Энгельса как идейное средство легитимировать политические деяния самого разного толка и к тому же в совсем иных социокультурных реалиях.

Среди марксистских течений в конце XIX в. и вплоть до Первой мировой войны доминировало направление, основанное на *экономическом детерминизме*, которое в европейском рабочем движении представляли Э. Бернштейн и К. Каутский, а в России — Г. В. Плеханов.

В предыдущей главе было отмечено, что определенная абсолютизация экономического фактора у К. Маркса имела место. Но, подчеркнем еще раз, сам диалектический метод исключает сведение всех факторов общественной жизни к одному — экономическому. Тем не менее, в различных версиях марксизма получили распространения воззрения о том, что экономические структуры капиталистического общества практически всецело определяют характер мышления и действий людей.

7.1. Г. В. Плеханов: детерминированность субъективности материальными факторами

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) — русский теоретик марксизма, социолог, историк, специалист

в области экономики, эстетики, религии. Также известен как деятель российского и международного социалистического движения.

Образование получил в Петербургском горном институте. Автор многих работ: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Очерки по истории материализма», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «История русской общественной мысли», «Социализм и политическая борьба», «Русский рабочий в революционном движении» и др.

Г. В. Плеханов являлся также пропагандистом марксизма. Он перевел на русский язык ряд работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

В своих трудах Г. В. Плеханов всячески отстаивал идеи «объективных» закономерностей исторического процесса, подчеркивал главенствующую роль экономических условий капиталистического общества, которые, по его мнению, с неотвратимостью ведут к социалистической революции.

Особое внимание Г. В. Плеханов уделял роли народных масс и личности в истории, отстаивая тезис о том, что «народ, вся нация должны быть героем истории».

Что же касается роли личности в истории, то, как полагал Г. В. Плеханов, она может лишь незначительно влиять на ход общего направления событий в рамках, которые заданы объективными факторами. «Влиятельные личности, — писал он, — могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами»¹.

Сказанное Г. В. Плеханов распространяет даже на великих людей. Их гениальность и талантливость «зависит в последнем счете от хода общественного развития»: «Давно уже было замечено, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, появившийся в действительности, т.е. всякий талант, ставший общественной силой, есть плод общественных отношений. Но если это так, то понятно, почему талантливые люди

¹ Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 535.

могут, как мы сказали, изменить лишь индивидуальную физиономию, а не общее направление событий; они сами существуют только благодаря такому направлению; если бы не оно, то они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности»¹.

Общее видение факторов, их роли в историческом развитии Г. В. Плеханов определяет следующим образом: «В настоящее время нельзя уже считать человеческую природу последней и самой общей причиной исторического движения: если она постоянна, то она не может объяснить крайне изменчивый ход истории, а если она изменяется, то очевидно, что ее изменения сами обуславливаются историческим движением. В настоящее время последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которым обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т.е. та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, т.е. той же общей причиной.

Наконец, влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, т.е. личных особенностей общественных деятелей и других «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию. Единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми, к тому же, обуславливаются причин. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка»².

Заметим, что Г. В. Плеханов весьма решительно критиковал постмарксистское социологическое теоретизирование П. Б. Струве³, указавшего на наличие, утопических, ненаучных элементов в позитивистском марксизме.

¹ Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории. // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2001. С. 537.

² Там же. С. 540—541.

³ Плеханов, Г. В. Против философского ревизионизма. М., 1935.

7.2. В. И. Ленин: применение марксистского подхода к анализу империализма

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870—1924) — вошел в историю не только как основатель советского государства, но и как социолог, чьи работы были изданы в известных российских и зарубежных энциклопедических изданиях (Гранат, Брокгауз и др.).

В. И. Ленин учился в Петербургском и Казанском университетах. В своих работах, большинство из которых носят политический характер, он использовал марксистскую методологию в сочетании со статистическими методами.

Вклад В. И. Ленина в марксистскую социологию связан с попыткой анализа качественно нового этапа в развитии капитализма — империализма, а также особенностей классовой борьбы, характерных для новых исторических условий.

Широкую известность для своего времени приобрели его теории государства и революции. Как и К. Маркс, В. И. Ленин был крайне нетерпим к своим оппонентам.

Среди наиболее известных произведений В. И. Ленина социологического характера отметим следующие: *«Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов»*, *«Развитие капитализма в России»*, *«Материализм и эмпириокритицизм»*, *«Империализм как высшая стадия капитализма»*, *«Государство и революция»*, *«Статистика и социология»*, *«Вопросник»* и др.

Развитие предмета марксистской социологии

В. И. Ленин в целом разделял основные положения марксистской социологии и прежде всего тезис о том, что материальные общественные отношения имеют объективный характер, развиваются по историческим законам, независимым от сознания и воли людей. В одной из своих первых работ *«Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов»* он особо подчеркивает главенствующую роль производственных отношений, определяющих все остальные отношения.

По мнению В. И. Ленина, марксистская социология позволила обосновать «строгий научный анализ» общества благодаря использованию особого методологического подхода, позволяющего осуществить типологизацию всех исторически известных обществ, исходя из критерия характера экономических структур и соответствующих им политиче-

ских и духовных форм жизнедеятельности. Соответственно, *ни одна исторически более высокая формация не может проявиться ранее, пока не созреют объективные материально-экономические условия её существования в недрах старого общества.*

Вместе с тем, в своих работах В. И. Ленин широко использовал статистические данные, что, по существу, служило важным методологическим средством, которое не раз помогало ему как в борьбе со своими идейными оппонентами, злоупотреблявшими «выхватыванием отдельных фактиков», так и критически относиться к «универсальным» марксистским постулатам.

Так, в работе *«Статистика и социология»* В. И. Ленин указывал, что статистика должна быть основой социологии, а манипулирование фактами ведет к научному и политическому шарлатанству: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только “упрямая”, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем ещё похуже... Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех “общих” или “примерных” рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросам фактов, без *единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится “субъективная” стрепня»¹.

Тем самым *статистика была включена в диалектический метод*, что позволяло проверять общее направление социального развития, используя совокупный анализ фактов.

¹ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350—351.

Опираясь на отмеченные методологические принципы, В. И. Ленин развивал марксистскую социологию в борьбе со своими идейными оппонентами.

Особую нетерпимость он проявлял к субъективной социологии Н. К. Михайловского. При этом он всячески отставивал взгляд на общество как на *«естественно-исторический процесс»*, оставаясь на критических позитивистских позициях.

Теория империализма: новый взгляд на историческую необходимость

Возможно, именно детальное изучение фактов, взятых *«в их целом, в их связи»*, позволили В. И. Ленину констатировать, что современное ему общество уже *совсем не то общество*, которое рассматривал К. Маркс, и проделанный им анализ, по крайней мере, *не во всем работает*.

Первая мировая война, новые тенденции в развитии западных стран, подкрепленные статистическими данными, заставили В. И. Ленина усомниться в *универсальности* принципиального марксистского постулата об определяющей роли материально-экономического фактора в истории человеческой цивилизации. И данный постулат был подвергнут ревизии посредством концепции *«слабого звена»*.

Суть её состояла в том, что, *в принципе, в определенных условиях* возможен переход к более высокой стадии общественного развития (социализму) даже при наличии *минимальных* объективных факторов за счет возрастающей роли *субъективного фактора*. В. И. Ленин, опираясь на статистические данные, полагал, что в эпоху вступления капитализма в стадию империалистическую вполне вероятно образование *«слабого звена»* в отдельно взятой или некоторых капиталистических странах, что создает благоприятные условия для завоевания политической власти рабочим классом революционным путем. Это позволит ряду капиталистических стран стать странами социалистическими, т.е. *перейти*, по мысли В. И. Ленина, *к более высокому уровню исторического развития*, если, однако, там достаточно проявит себя *субъективный фактор*.

Как мы видим, вопреки мнению Г. В. Плеханова В. И. Ленин считал, что субъективный фактор, все же *может* радикально изменять *общее направление* исторического развития. Это предполагает, по существу, *иную трактовку диалектики* объективного и субъективного факторов в истори-

ческом развитии. А именно: *в новом историческом контексте роль субъективного фактора в истории неизмеримо возрастает*.

Уже будучи руководителем советского государства В. И. Ленин неоднократно говорил о приоритетности политических действий над экономическими реалиями, критиковал экономический детерминизм, оправдывая это борьбой с догматизацией марксизма.

Вместе с тем, В. И. Ленин изначально под субъективным фактором имел в виду прежде всего особую *«авангардную»* роль коммунистической партии, построенной на принципе так называемого демократического централизма. Данный принцип, по существу, умалял какую-либо инициативу со стороны рядовых членов партии, предполагал *«железную»* дисциплину, а по сути, безапелляционное подчинение низовых ячеек решениям центра и указаниям партийных вождей.

По существу, идеи К. Маркса о праксисе, превращении *«класса в себе»* в *«класс для себя»* им игнорировались.

Социология конфликта

Изначально В. И. Ленин категорически отверг взгляды М. М. Ковалевского о *«социальной замиренности»* и идеи П. А. Кропоткина о *«Закоме взаимной помощи»* как возможных гуманистических принципов организации общественной жизни, считая их идеалистическими и утопическими.

По его мнению, в социально дифференцированном обществе классовая борьба является не только неизбежностью, но и представляет собой *движущую силу исторического прогресса*. Источником классовой борьбы являются экономические, политические и идеологические противоречия интересов классов.

Соответственно, в условиях капиталистического общества рабочий класс ведет борьбу в трех формах — экономической, политической и идеологической. Причем высшей формой классовой борьбы В. И. Ленин считал борьбу политическую, нацеленную на завоевание власти.

Конкретное условие достижения этой цели он видел в *гегемонии пролетариата*. Эта ленинская идея отличалась политическим прагматизмом, бескомпромиссностью, делала акцент на насильственные методы: предполагался *«слом»* буржуазного государства, упразднение институтов буржуазной демократии как *«инструмента господства»* опреде-

ленного класса — буржуазии, исключение из политической жизни весьма широких социальных слоев, которые имели-де отношение к «эксплуататорам» и «врагам-империалистам». Гегемония пролетариата закрепляла за коммунистической партией роль «руководящей и направляющей силы», что, по сути, исключало деятельность социально и идейно оппозиционных партий и социально активных сил, по-своему ратовавших за духовное возрождение страны.

Гражданская война, наиболее острая и насильственная форма классовой борьбы, рассматривалась В. И. Лениным как необходимое условие разрешения классовых противоречий в обществе, достижения экономических и политических результатов.

Вместе с тем, разработка новой экономической политики, теоретическое осмысление проблем возрождение народного хозяйства, электрификации, становления системы образования, использование статистических методов анализа общества свидетельствовали, что в последние годы жизни В. И. Ленин пытался ввести элементы «искусства управления», заложить основы развития *кооперации*. По этим проблемам он пишет ряд работ: «О продовольственном налоге», «О придании законодательных функций Госплану», «О кооперации» и других, в которых ставятся вопросы об организации хозяйственно-экономической деятельности, о необходимости утверждения принципа материальной заинтересованности.

В области организации культуры В. И. Ленин отстаивал принцип классового, партийно-коммунистического подхода к литературе и искусству. Вместе с тем он не принял экстремистскую идею ряда своих соратников о создании самостоятельной «пролетарской» культуры и в своей речи «*Задачи союзов молодежи*» выступал за то, чтобы новое поколение людей овладевало всеми богатствами культуры, выработанными человечеством.

В сфере международных отношений идея мировой революции была отложена на неопределенное время. Ей на смену пришел лозунг о *мирном сосуществовании* социализма и капитализма, хотя и с оговоркой, что эти отношения рассматриваются как особая «форма классовой борьбы».

На мировоззренческие и социологические взгляды В. И. Ленина, естественно, наложило отпечаток военное и революционное время, порождавшее коллективное эмоциональное возбуждение, энтузиазм, утопические ценностные

идеалы, стремящиеся «приблизиться к реальному» (см. главу 5, Э. Дюркгейм). Ему и его соратникам казалось, что достаточно просто уничтожить «врагов» и идеалы сами по себе материализуются. Отсюда — политический экстремизм во имя «светлого будущего», который не принимал в расчет ни объективные культурные реалии страны, ни специфику образа жизни россиян того времени, говоря словами Э. Дюркгейма, характерного для условий *механической солидарности* и, соответственно, принципам *репрессивного права*.

И, пожалуй, самое главное — радикальные формы классового противоборства не могли не наложить отпечаток на характер общественного сознания. Оно стало *аномичным, расколотым*. На патриархально-монархические представления практически *вмиг* наложился невиданный ранее идеалы демократии, свободы, самоуправления народа, справедливости, которые простыми людьми понимались отнюдь *не рационалистически* и *не в контексте права*. Ни В. И. Ленин, никто другой в то время не представлял, насколько долог и труден путь к этим идеалам людей с традиционным мышлением, не осознавал, что *в принципе не может быть простых, быстрых решений сложных общественных проблем*.

Из работы: В. И. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма¹

Империализм, как особая стадия капитализма

Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу...

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области,

¹ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27.

к колониальной политике монопольного обладания территорий земли, поделенной до конца.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополии и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

Историческое место империализма

Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.

Во-первых, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития. Это — монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты. Мы видели, какую громадную роль они играют в современной хозяйственной жизни. К началу XX века они получили полное преобладание в передовых странах и если первые шаги по пути картеллирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с ее системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства.

Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной, и наиболее кар-

теллированной, промышленности капиталистического общества: каменноугольной и железнорудной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картеллированной и некартеллированной промышленностью.

В-третьих, монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три — пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банкового капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, — вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвертых, монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» — т.е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. — наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, например, своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 году, тогда колониальная политика могла развиваться немонополистически по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда девять десятых Африки оказались захваченными (к 1900 году), когда весь мир оказался поделенным, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира...

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государств-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет все более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравно-

мерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).

7.3. Д. Лукач: сознание, способствующее активному созиданию

Дьёрдь Лукач (*Lukács*) — венгерский социолог, являющийся представителем так называемого гегельянского марксизма, ориентированного на восстановление диалектического подхода к изучению субъективных и объективных факторов общественной жизни.

Д. Лукач родился в 1885 году. Работа «*История и классовое сознание*», в которой раскрываются проблемы субъективности, принесла ему всемирную известность. Среди других произведений: «*Молодой Гегель*», «*Георг Зиммель*», «*Исторический роман*», «*Значение современного реализма*», «*Об эстетике*», «*Солженицын*».

Свое изучение социальной жизни Д. Лукач совмещал с политической деятельностью, был народным комиссаром Венгерской Советской Республики в 1919 году. Многие годы прожил в эмиграции в Советском Союзе.

С течением времени его воззрения существенно менялись от левого радикализма, сторонника социалистической революции до поборника нравственных, гуманистических ценностей. Он внес существенный вклад в исследование проблем отчуждения, овеществления, особенно новых условий развития общественного сознания. Социолог способствовал тому, чтобы интегрировать марксизм с некоторыми идеями Г. Гегеля, а также другими социологическими подходами, в частности, с теоретическими положениями М. Вебера, Г. Зиммеля (о них речь пойдет в следующих главах).

Умер Д. Лукач в 1971 году.

Овеществление как фактор отчуждения

Д. Лукач центральной проблемой капиталистического общества считал *овеществление*, под которым понимал процесс превращение собственно человеческих отношений в своего рода *вещь*, обретающую благодаря капиталистическим рыночным отношениям *количественные параметры*, объективное существование.

Здесь социолог использует концепцию К. Маркса *товарного фетишизма* (см. главу 6), однако идет дальше.

Если К. Маркс относил товарный фетишизм к экономической сфере человеческой деятельности, то Д. Лукач полагал, что данный процесс затрагивает практически все общество, включая даже *политику и право*.

Так, политические структуры в буржуазном обществе существуют сами по себе, имеют объективный характер, не связаны с реальной жизнедеятельностью людей. Даже в тех случаях, когда с этими структурами взаимодействуют люди, они выступают как *объекты*, а не как *субъекты* событий. В итоге благодаря процессу овеществления человеческих отношений отчуждение приобретает *тотальный* характер. Сами человеческие отношения утрачивают свою уникальную гуманистическую ценность и превращаются в товары.

Ложное и классовое сознание

Социолог исходит из того, что *общественное сознание* не есть сумма индивидуальных сознаний. Более того, оно дифференцировано по социальным группам. При этом есть прямая связь между сознанием социальной группы и ее объективным экономическим положением.

В условиях капитализма не все социальные группы имеют четкие представления о своих истинных социальных интересах. Так, представители рабочего класса, не вовлеченные в собственное движение по отстаиванию своих прав, могут не осознавать в полной мере природу эксплуатации. В этом случае речь идет о *ложном сознании*. Как считает Д. Лукач, в истории человеческой цивилизации большинство социальных классов имели ложное сознание и так и не сумели перейти к *классовому сознанию*, т.е. осознанию своего объективного положения в обществе.

Социолог конкретно исследовал специфику сознания разных классов и социальных групп в условиях капитализма. Он также выявил ряд конкретных факторов, препятствующих становлению классового сознания. Среди них идеологическая деятельность государства, особые статусные позиции, отстраненность от экономики, наличие групп людей, стремящихся скрыть классовую природу общества. Поэтому в реальной жизни люди в своем большинстве *неосознанно* осведомлены о своем объективном положении в обществе.

Однако, пишет социолог, при капитализме «классовое сознание достигает точки, когда оно может стать осознанным»¹.

Как и К. Маркс, Д. Лукач считал, что рабочий класс в принципе может стать активным созидателем своей судьбы. Условием тому является формирование своего классового сознания и превращение «класса в себе» в «класс для себя». По Д. Лукачу, формирование классового сознания — условие того, что конкретная социальная группа сможет оказывать реальное влияние на формирование структур общества таким образом, что их функции будут более приобретать гуманистический характер в отношении человека.

Этот тезис получил развитие в трудах представителей Франкфуртской школы, творчество которых будет специально рассмотрено далее.

7.4. А. Грамши: диалектика субъективного и объективного факторов

Антонио Грамши (*Gramsci*) — итальянский социолог и философ родился в 1891 г., образование получил в Туринском университете. Он автор многих работ, среди которых: «Тюремные тетради», «Письма из тюрьмы».

Свое изучение социальной жизни А. Грамши стремился совмещать с политической деятельностью. Он явился одним из основателей Итальянской компартии.

Смысл своей деятельности видел в восстановлении гуманистической направленности марксизма на реализацию прав и свобод личности. А. Грамши благодаря неординарности мышления и социологического воображения явился создателем оригинальной теории, утверждающей новую диалектику субъективных и объективных факторов общественной жизни. Ученый отвел первостепенную роль *деятельности людей*, их культуре, идеологии, сознанию в преобразовании мира, а не материально-экономическим условиям и социальным структурам.

Умер А. Грамши в 1937 году.

Историческая смена моделей социального управления

Отправной постулат А. Грамши состоял в том, что марксистский подход к общественному развитию как диалектике

субъективного и объективного факторов сам *подвержен диалектико-историческому изменению*.

Если в досовременном обществе главным, определяющим фактором было материальное производство, организация экономической жизни, что, в конечном счете, определяло сознание людей, их образ жизни, характер поведения, то на определенном этапе развития человеческой истории — в начале XX в., особенно после Первой мировой войны — положение начинает радикально меняться.

Это находит свое выражение в *смене моделей социального управления*: зарождающиеся новые политические реалии знаменуют собой отказ от пассивных политических объектов, слепо исполняющих волю руководителей, и, напротив, оказываются востребованы *активные личности, способные сознательно участвовать* в преобразовании общества.

Иными словами, в современном обществе не производительные силы и соответствующие им социально-политические структуры являются главным фактором, формирующим направление общественного развития (хотя их влияние, несомненно, сохраняется). Ныне таким главным фактором становится *человеческая субъективность*.

Отсюда следует, что утверждающаяся новая модель социального управления требует от индивидов «выработать посредством сознательного и критического мышления собственное мировоззрение и таким образом выбрать в результате напряженной работы мозга собственную сферу деятельности, принимать деятельное участие в совершении мировой истории, быть руководителем самого себя, а не ждать пассивно и покорно, как окружающий мир сформирует твою личность»¹.

Духовно-политическая гегемония

Новые социально-политические реалии потребовали, соответственно, и новых отношений между управляющими и управляемыми, которые предполагают не их противостояние, а *взаимодействие* вплоть до «получения активного согласия со стороны управляемых».

Естественно, что в этой связи были востребованы новые методы и средства управления, основанные на иной культуре и другой идеологии, что, по мнению А. Грамши, могли

¹ Lukács, G. History and Class Consciousness. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1968. P. 57.

¹ Грамши, А. Тюремные тетради // Грамши А. Избранные произведения : в 3-х тт. Т. 3. М. : Издательство иностранной литературы, 1959. С. 12.

разработать только интеллектуалы. Отсюда возникла необходимость переосмыслить историческую роль социальных сил в обществе. Стало очевидным, что эти исторические требования не могли быть удовлетворены благодаря гегемонии рабочего класса, на чем, собственно, настаивал К. Маркс.

Сама история, новые социально-культурные реалии восстребовали духовно-политическую гегемонию для создания эффективной программы овладения властью, а главное, для обеспечения её функционирования во имя реализации прав и свобод людей.

Проблема заключалась в том, что предыдущая общественная мысль не работала над этой темой (заметим, исторически для этого не было условий). «Одна из наибольших слабостей всех имманентных философий вообще состоит как раз в том, — писал А. Грамши, — что они не сумели создать идеологического единства между низами и верхами, между “простыми людьми” и интеллигенцией»¹.

В связи с этим А. Грамши как раз и предложил свою концепцию гегемонии. В отличие от концепции пролетарской гегемонии К. Маркса она делала акцент не на государственное господство и экономико-социальное доминирование, а на духовно-политическое, интеллектуальное и морально-этическое *лидерство*, которое адекватно человеческой субъективности.

По А. Грамши, гегемония — *сложный общественный феномен*, предполагающий взаимодействие как политической борьбы и насилия, так и согласия, основанного на следовании общим духовным, идейным и этическим установкам, что в итоге не препятствует саморазвитию людей, их активному участию в гражданском обществе. Характерно его замечание: «Критическое постижение самого себя осуществляется, следовательно, через борьбу политических “гегемоний”, противостоящих направлений сначала в области этики, затем политики, чтобы вылиться, наконец, в высшую разработку собственной концепции действительности»².

Отсутствие в гегемонии духовного начала или человеческой субъективности, свободы деятельности и инициатив неизбежно ведет, как считал А. Грамши, к тому или иному типу диктатуры.

¹ Грамши, А. Тюремные тетради. // Грамши А. Избранные произведения : в 3-х тт. Т. 3. М. : Издательство иностранной литературы, 1959. С. 18.

² Там же. С. 23.

Это побудило его к представлению *духовно-политической гегемонии* в виде двух взаимосвязанных составляющих:

— политической вертикали власти: *господства*, как институционального насилия, осуществляемого государственным аппаратом;

— горизонтальной власти: *гражданского общества*, представляющего собой добровольное взаимодействие политических и общественных организаций, которое предполагает сочетание борьбы и согласия, принуждения и добровольности.

Причем *все* институты гегемонии: профсоюзы, средства массовой информации, образование, включая коммунистическую партию, — способствуют развитию человеческой субъективности. «Коммунистическая партия, — писал он, — является орудием и формой исторического процесса внутреннего освобождения, в результате которого рабочий превращается из *исполнителя* в *инициатора*, из *массы* в *вождя* и *руководителя*, из руки становится мозгом и волей»¹.

Для утверждения гегемонии духовно-политического типа не требуется революционная ломка существующих институтов. Скорее, им необходима морально-этическая и духовная реформация в направлении обеспечения человеческой субъективности. Эту историческую миссию, как считал А. Грамши, должны взять на себя прежде всего интеллектуалы.

7.5. Ш. Гилман: феминистский подход к «сексо-экономическому порядку»

Шарлотта Перкинс Гилман (*Gilman*) (1860–1935) — американская женщина-социолог, которая с марксистских позиций анализировала характер отношений между мужчинами и женщинами в капиталистическом обществе.

Она была знакома и с марксистской теорией, и практикой социалистического движения в Европе. Вместе с тем на ее воззрения наложил свой отпечаток американский прагматизм, поэтому в своих работах она, скорее, выступает не как революционер, а как социальный критик, ратующий за радикальные реформы, имеющие целью преобразование

¹ Грамши, А. Ордине нуово // Грамши А. Избранные произведения : в 3-х тт. Т. 1. М. : Издательство иностранной литературы, 1957. С. 207.

экономических основ буржуазной социальной жизни, прежде всего брачно-семейных отношений. Социолог твердо придерживалась социалистических ценностей.

Ш. П. Гилман являлась членом Американской социологической ассоциации с момента ее основания (1895 г.), публиковалась в академических журналах, включая «Американский социологический журнал». Она автор семи социологических работ. Известность ей принесла книга *«Женщины и экономика: изучение экономических отношений между мужчинами и женщинами как фактора в социальной эволюции»*, выдержавшая девять прижизненных изданий и переведенная на семь языков. Среди других трудов: *«Мир, созданный мужчиной, или наша андроцентричная культура»*, *«Его религия и Она»*, *«Ее земля»*, *«О детях»*, *«Дом: труд в нем и влияние»*, *«Человеческий труд»*. Она также автор четырех романов и ряда стихотворных произведений.

В своем творчестве социолог обосновала идею необходимости *социального воображения* для исследования общественных проблем, сделав это за 60 лет до того, как Ч. Р. Миллс ввел в научный оборот *социологическое воображение*. Ш. П. Гилман утверждала, что нельзя добиться прогресса, в особенности прогресса научного, без социального воображения, которое позволяет видеть латентные стороны жизни. Социальное воображение необходимо и для эмоционального привлечения общественного внимания к конкретным актуальным проблемам, которые социолог освещала в многочисленных эссе.

В 24 года Ш. П. Гилман вышла замуж за художника и через год родила дочь. Муж хорошо относился к ней. Однако его карьера всегда была на первом месте, а ее творчество, к которому отношение было уважительным, отодвигалось на задний план. Так возникла её «женская» болезнь, которая получила соответствующую интерпретацию в трудах исследовательницы.

Только инновационное мышление и неординарное социальное воображение позволило Ш. П. Гилман увидеть в свое время (конец XIX в.) латентные последствия для женщин того мира, который *создали мужчины*, обосновав, что в женских бедах и проблемах виноваты, однако, не мужчины, не их эгоизм и даже не культурные, моральные ценности, а определенный *экономический порядок*, воспроизводящий с неизбежностью андроцентричную культуру — ценности и нормы, легитимизирующие доминирование мужчин в обществе.

Заметим, что для обоснования этих идей в то время не было ни теоретической базы, ни даже соответствующего социологического языка, что будет показано ниже. Женщины страдают от проблемы, писала Ш. П. Гилман, у которой даже нет имени. Они страдают и болеют не от насилия конкретных мужчин в их жизни, а от *мира, созданного мужчиной*.

Ш. П. Гилман исходит из того, что экономика, будучи базовым основанием общества, является причиной общественных проблем. В частности, именно характер экономики капиталистического общества приводит к тому, что оно разделяется на два класса по половому принципу — мужчин, как доминирующий класс, и женщин, как подчиненный класс. Такой образец социальных отношений социолог, проводя параллели с марксистским видением природы эксплуатации и социальных конфликтов, называет *сексо-экономическим порядком*.

Заметим, термин гендер ею не использовался, хотя фактически подразумевался: секс она трактует широко, как поведение, регулируемое с помощью механизма социального и культурного контроля. Соответственно, в то время сексуальность различалась по принципу: секс в семье и *все* другие формы сексуальных отношений.

Ш. П. Гилман, вероятно, первая показала, что в андроцентричной культуре гетеросексуальность господствует и основывается на характере буржуазных семейно-брачных отношений, которые, однако, циничны, лживы, лишены эмоциональности, что латентно подталкивает женщин к гомосексуальным контактам, к образованию особой привязанности в виде *лесбийского континуума*, который может как предполагать сексуальную связь, так и нет.

Фактически Ш. П. Гилман, обосновывает положение о том, что андроцентричной культуре свойственна *принудительная гетеросексуальность* в качестве привилегированной формы сексуальной ориентации (сам термин был введен А. Рич только в 1980 г.). Как подобного рода гетеросексуальность, так и лесбийский континуум, по существу, являются проявлениями женской несвободы в условиях андроцентричной культуры.

По мнению Ш. П. Гилман, существующий сексо-экономический порядок создает барьеры для самореализации в жизни, особенно труде, структурные условия возникновения отчуждения, что касается как мужчин, так и женщин.

Именно этот порядок является главной причиной социальной патологии, выражающейся, в частности, в неравной оплате производственного и домашнего труда, антигуманных образовательных практиках, ущемляющих достоинство женщин, исходящих из их априорной социальной пассивности и невозможности оказывать ими сколько-нибудь существенное влияние на развитие общества, в деформированных, неравноправных сексуальных отношениях.

В работе «*Мир, созданный мужчиной, или наша андроцентричная культура*» Ш. П. Гилман показывает, что патриархальные ценности, доминирующие в обществе, в конечном счете определяют характер семьи, здоровья и красоты, этики и религии, игр и спорта, права и образования.

Особо Ш. П. Гилман отмечает три группы проблем:

- производство и воспроизводство социальной стратификации по половому признаку;
- влияние этой стратификации на характер общества в целом, на экономику и классовые отношения в особенности;
- возможные стратегии социальных изменений¹.

В книге «*Его религия и Она*» социолог с феминистских позиций анализирует религию как институт, вносящий свой вклад в андроцентричную культуру².

Андроцентричная культура в итоге формирует *Его* мир, предполагающий, что *Её* основными функциями являются забота о детях и ведение домашнего хозяйства. Взамен женщина получает почет считаться «хорошей женой», отвечающей существующим моральным императивам и социальным ожиданиям. Однако при этом она не получает прямой финансовой компенсации, проводя дни и часы в стенах дома. Муж же, напротив, наслаждается прелестями жизни, профессиональным творчеством, занимаясь производственным трудом.

В работе «*Женщины и экономика*» Ш. П. Гилман, показала, что женская сексуальность детерминирована экономическим порядком. «Экономический прогресс, — пишет она, — практически исключительно имеет мужской характер». Труд женщин — «собственность другого: они работают под влия-

нием другой воли; то, что они получают зависит не от их труда, а от власти и воли другого». И далее: «Труд женщин в доме, конечно, позволяет мужчинам производить больше благ, чем бы они иначе могли, и в этом случае женщины являются экономическими факторами в обществе. Но они подобны лошадям»¹.

Истинная природа отношений между полами может рассматриваться только через призму экономической структуры, объективно увеличивающей экономическую зависимость женщин, вплоть до ее материальной беспомощности.

Так возникает социальная стратификация по половому признаку. Соответственно, утверждается *андроцентричная культура*, в которой *маскулинность* (совокупность черт, характерных для представителя мужского пола), ассоциируется прежде всего с агрессивностью, конкуренцией, а *женственность* (ныне социологи обычно используют термин *феминность*) — со слабостью, мягкостью, зависимостью.

От рождения ребенка и до конца его жизни благодаря сложившимся системам социализации и образования этот сексо-экономический порядок воспроизводится: «Дом, — пишет она, — учит мальчика, что женщины созданы для услужения, домашней работы... и что его собственные конкретные вкусы и предпочтения беспрельдно важны»².

Естественно, формы маскулинности и феминности культурно различны в разных странах. Но сама андроцентричная культура в принципе предполагает, что женщины занимают маргинальные позиции в социальной жизни. В сфере труда женщина также зависима от экономического благополучия мужчины. Домашнее хозяйство не требует профессиональный, высоко квалифицированный труд. В собственном производственном труде женщины заняты выполнением вспомогательных, менее оплачиваемых работ.

Из этих социально-экономических условий, по мнению Ш. П. Гилман, и вытекает эгоизм, жадность и зависть, эксплуатация и депривация: «Домашняя жизнь с зависимой матерью и женой-служанкой не может производить гумани-

¹ Gilman, Ch. P. The Man-made World or, Our Androcentric Culture. N.Y. : Johnson Reprint Corporation, 1971.

² Gilman, Ch. P. His Religion and Hers: A Study of the Faith of Our Fathers and the Work of Our Mothers. N.Y. : Century, 1923.

¹ Lemert, C. Charlotte Perkins Gilman // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 291.

² Lemert, C. Charlotte Perkins Gilman // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 296.

зирующее влияние»¹. Социолог вообще ставит под вопрос высшую американскую ценность о приватности дома. По ее мнению, никто не имеет приватности, особенно мать.

Как полагает Ш. П. Гилман, преодолеть этот сексо-экономический порядок можно лишь через уничтожение социальной стратификации по половому признаку.

Для этого, во-первых, необходимо добиться экономической эмансипации женщин, что предполагает иную систему социализации и образования, переосмысление основ существующих социальных отношений между мужчинами и женщинами, упразднив те культурные нормы, которые ограничивают образовательные и трудовые возможности женщин.

Во-вторых, считает Ш. П. Гилман, следует реконструировать сам институт домашнего хозяйства, так чтобы женщины могли иметь реальную свободу для самореализации, осуществлять самостоятельный выбор трудовой деятельности.

В-третьих, следует осуществить трансформацию интимности, характерной для буржуазной семьи, — положить конец сексуальному насилию во всех формах: изнасилованиях, сексуального и домашнего диктата, контроля над рождаемостью (ни муж, ни законодатели, ни *Его* религия не могут диктовать женщине определенное репродуктивное поведение).

Ш. П. Гилман считает, что освобождение женщины повлечет за собой и свободу мужчинам, гуманизацию человеческих отношений вообще. «Самый большой и наиболее значимый эффект от установления женской экономической независимости, — пишет она, — будет выражаться в конечном счете в очищении и гармонизации человеческой души»².

Наиболее сложной для социолога явилась проблема *конкретной стратегии социального изменения*.

В работе «*Ее земля*» социолог, прибегая к особому социальному воображению, излагает идеи «*истинной экономической демократии*» в виде феминистской утопии социалистического толка, которые предстают в виде фарса *желаемого социума*.

¹ Lemert, C. Charlotte Perkins Gilman // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 293.

² Lemert, C. Charlotte Perkins Gilman // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 295.

Речь идет о затерявшемся поселении, в котором живут исключительно женщины, воспроизводящие себя без мужчин вообще. В *Ее земле* царит социальная гармония: там нет ни насилия, ни конкуренции, ни доминирования. Социальный контроль поддерживается изнутри силой воли. Любовь без секса основывается на уважении и привязанности. Идиллия разрушается, как только там появляются трое мужчин, принесших с собой сексуальное желание, конкуренцию, тщеславие.

Ее земля отнюдь не желание автора победить мужчин, изменить ситуацию на обратную, поставив их в положение зависимых. Скорее, утопия была призвана показать трагизм сексо-экономического порядка в буржуазном обществе, когда женщина, любящая мужчину, испытывает потребность убежать куда-нибудь от несправедливостей *мира, созданного мужчиной*.

Важно то, что Ш. П. Гилман сумела высветить многие латентные женские проблемы в капиталистическом обществе, некоторые из них актуальны и сегодня.

Основные термины и выражения

Андроцентричная культура — *androcentric culture* — культура, основанная на мужском господстве.

Гражданское общество — *civil society* — по А. Грамши — сфера культурной борьбы против буржуазного доминирования.

Духовно-политическая гегемония — *cultural and political hegemony* — по А. Грамши — сложный общественный феномен, предполагающий взаимодействие как политической борьбы и насилия, так и согласия, основанного на следовании общим культурным, духовным, идейным и этическим установкам, что в итоге не препятствует саморазвитию людей, их активному участию в гражданском обществе.

Империализм — *imperialism* — по В. И. Ленину — высшая и последняя стадия капитализма, характеризующаяся следующим: возникновение монополий; слияние банковского капитала с промышленным; образование международных союзов, стремящихся к переделу мира; закончен территориальный раздел мира между крупнейшими державами.

Ложное сознание — *false consciousness* — 1) по К. Марксу — форма классового сознания, которое не адекватно «объективному» положению социальной группы, что проявляется в неспособности социальной группы или индивида представлять свои объективные интересы в системе общественных отношений; 2) по Д. Лукачу — извращенное восприятие действительности проявляется в том, что

отношения между людьми приобретают фантастическую форму отношения между вещами. Разрыв между объективными классовыми интересами рабочих и их осведомленностью об этом.

Овеществление — objectification — 1) по К. Марксу — объективация; производство людьми в процессе труда материальных благ, необходимых для их существования, что выражает человеческую индивидуальность: человек овеществляет себя в процессе производства, контролируя произведенные товары; 2) по Д. Лукачу — процесс, в ходе которого люди утрачивают контроль над произведенными предметами, отчуждение приобретает тотальный характер, сами человеческие отношения утрачивают свою уникальную гуманистическую ценность и превращаются в товары; люди отрицают себя в товарах, которые начинают их контролировать.

Экономический детерминизм — economic determinism — методологический подход, согласно которому экономический фактор является решающим (по существу, единственным) в объяснении изменений социальных реалий.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Какова роль объективных условий и субъективного фактора в преобразовании общественных отношений? Сравните взгляды Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и А. Грамши.

2. М. М. Ковалевский обосновал идею о «социальной замиренности», П. А. Кропоткина — «Закон взаимной помощи». К. Маркс и В. И. Ленин, напротив, рассматривали классовую борьбу как фактор общественного прогресса. Как эти тенденции проявляют себя в реальной жизни? Какая из них является доминирующей? Что вы думаете по поводу возможной перспективы утверждения толерантности в российском обществе?

3. Что Д. Лукач понимал под процессом овеществления человеческих отношений? Как данный процесс повлиял на возникновение новых проявлений отчуждения? Какие факторы препятствуют становлению классового сознания?

4. Как известно, А. Грамши считал, что отсутствие в гегемонии духовного начала, свободы деятельности и общественных инициатив неизбежно ведет к тому или иному типу диктатуры. Не явилось ли данное обстоятельство одной из существенных причин образования фашистской и сталинистской диктатур? Каковы оказались ненамеренные последствия практики «пролетарской гегемонии»?

5. Как вы полагаете, продвинулось ли человечество в преодолении андроцентричной культуры, уничтожении социальной стратификации по половому признаку, за что ратует Ш. П. Гилман? Каковы ненамеренные последствия женской эмансипации? Насколько современное общество готово к демократизации интимности? Можно

(нужно) ли в принципе преодолеть патриархальность в контексте своеобразия культуры российского общества?

6. Сегодня многие россиянки обрели экономическую независимость от мужчин. Можно сказать, что, по крайней мере, отчасти идеи Ш. П. Гилман воплотились в жизнь. Привело ли это к гуманизации отношений между мужчинами и женщинами? Плюрализация сексуальности — это добро или зло для мужчин и женщин?

Семинар «Постмарксистская социология (конец XIX — начало XX века)»

1. Теория империализма.
2. Д. Лукач: Овеществление как фактор отчуждения.
3. А. Грамши: Историческая смена моделей социального управления.
4. Ш. П. Гилман: социологический анализ андроцентричной культуры.

Литература

1. Арутюнов, А. А. Ленин: личностная и политическая биография / А. А. Арутюнов. — М., 2002.
2. Голенкова, З. Т. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы : учеб. пособие / З. Т. Голенкова, Н. П. Нарбут. — М. : Изд-во РУДН, 2003.
3. Голосенко, И. А. Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX века : библиографический указатель / И. А. Голосенко. — М. : Онега 1995.
4. Грамши, А. Избранные произведения : в 3-х тт. / А. Грамши. — М. : Издательство иностранной литературы, 1959.
5. Грамши, А. Тюремные тетради в трех частях. Ч. 1 / А. Грамши. — М., 1991.
6. История социологии в Западной Европе и США // отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа: НОРМА-ИНФРА · М, 1999.
7. История теоретической социологии. Т. 2. — М. : Канон, 1998.
8. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
9. Кукушкина, Е. И. История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.
10. Култыгин, В. П. Классическая социология / В. П. Култыгин. — М. : Наука, 2000.
11. Култыгин, В. П. Феминизм в современной мировой социологической теории / В. П. Култыгин. — М. : ИСПИ РАН, 2005.

12. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27 / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1969.

13. Ленин, В. И. Статистика и социология // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 30 / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1970.

14. Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 1 / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1965.

15. Ленин и социология. — М., 1970.

16. Лукач, Г. К онтологии общественного бытия / Г. Лукач. — М., 1991.

17. Лукач, Г. Ленин: исследовательские очерки о взаимосвязи его идей / Г. Лукач. — М., 1990.

18. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5-и тт. Т. 2 / Г. В. Плеханов. — М. : Госполитиздат, 1956.

19. Попов, Г. Х. Теория и практика социализма в XX веке: к 150-летию со дня рождения Г. В. Плеханова / Г. Х. Попов. — М., 2006.

20. Сидоров, М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. / М. И. Сидоров. — М., 1957;

21. Стыкалин, А. Дьердь Лукач — мыслитель и политик / А. Стыкалин. — М. : Издатель Степаненко, 2001.

22. Фишер, Л. Жизнь Ленина. В 2-х тт. / Л. Фишер. — М., 1997.

23. Davidson, A. Antonio Gramsci / A. Davidson. — L.: Merlin, 1978.

24. Gilman, Ch. P. His Religion and Hers: A Study of the Faith of Our Fathers and the Work of Our Mothers / Ch. P. Gilman. — N.Y. : Century, 1923.

25. Gilman, Ch. P. Human Work / Ch. P. Gilman. — N.Y. : McClure and Phillips, 1904.

26. Gilman, Ch. P. The Home: Its Work and Influence / Ch. P. Gilman. — Urbana: University of Illinois Press, 1972.

27. Gilman, Ch. P. The Man-made World or, Our Androcentric Culture / Ch. P. Gilman. — N.Y. : Johnson Reprint Corporation, 1971.

28. Gilman, Ch. P. Women and Economics: A Study of the Economic Relation between Men and Women as a Factor in Social Evolution / Ch. P. Gilman. — N.Y. : Harper and Row, 1966.

29. Lemert, C. Charlotte Perkins Gilman / C. Lemert // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

30. Lengermann, P. M. Classical Feminist Social Theory / P. M. Lengermann, J. Niebrugge-Brantley // Handbook of Social Theory / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

31. Lukács, G. History and Class Consciousness / G. Lukács. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1968.

32. Ritzer, G. Modern Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.

Глава 8

«ПОНИМАЮЩАЯ» СОЦИОЛОГИЯ М. ВЕБЕРА: ЗАРОЖДЕНИЕ ИНТЕРПРЕТИВНОЙ МЕТАПАРАДИГМЫ

Как динамика общества сказывается на валидности самого социологического знания?

Великой российско-американский социолог П. А. Сорокин, анализируя научную значимость теорий, их «достоверность или недостоверность», отмечал: «Особенно недолговечны социологические науки. За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается»¹.

Оставим в стороне радикализм формы этого суждения. Но трудно не согласиться с тем, что социологические теории и, соответственно, социологическое мышление и воображение подвержены достаточно быстрым изменениям по историческим меркам.

По существу, позитивистские теории находились в фокусе мировой социологической мысли порядка ста лет.

Им на смену пришло второе поколение социологических теорий — разного рода *интерпретивные теории*. Своими корнями они уходят в *герменевтику* (от греч. *hermeneutikos* — истолковывающий) — искусство и теорию толкования древних текстов и памятников. Социологи полагают, что герменевтические методы могут быть использованы и для *интерпретации* социальной реальности, прежде всего поведения людей и выявления их мотивации.

¹ Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : ЗХГИ, 2000. С. 471.

Интерпретивная метапарадигма предполагает переход к *принципиально новому теоретизированию и мышлению*.

Американский социолог У. Томас в концентрированной форме через призму своего социологического воображения выразил ее суть в постулате, который получил название «*теоремы Томаса*». Она гласит: «*Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях*».

Иными словами, в результате социальных действий индивидов, руководствующихся определенными *социальными смыслами*, некоторые ситуации начинают определяться «как реальные», — в итоге конструируется сама социальная реальность *определенного характера*, обусловленная этими смыслами.

Естественно, что жизненные смыслы людей, социализировавшихся в разных культурах, *различны*. Из этого следует, что знание не «универсально», как казалось первым социологам, а зависит от *пространственно-временных координат*, что конкретные люди *динамично* производят знания, внося коррективы в свои представления о «реальности» некоторых ситуаций, и потому знание *исторично, релятивно*.

Для успешной интерпретации человеческих действий необходимо начинать с *эмпирических исследований*, нацеленных на выявление социально-культурного, экономического, политического, языкового и иного контекста, в которых реализуются действия. Эти действия могут быть адекватно интерпретированы не только с помощью *прямого наблюдения* или *логического мышления* (что акцентировалось первыми социологами), но и путем *проникновения в сознание* действующих (исследуемых) для выяснения их *смысловой мотивации*.

Главное — получить знание о *субъективном значении* действий в конкретном социальном и культурном контексте.

Исторически второй тип социологического теоретизирования сформировался на основе *антипозитивистского мышления*, для которого характерна возрастающая динамика мыслительных операций: признание не только объективности, но и субъективности социальных реалий. По существу, *антипозитивистское, релятивное мышление* легло в основу *социологического воображения представителей интерпретивной метапарадигмы*.

Рассмотрение интерпретивных парадигм мы начинаем с «понимающей» социологии М. Вебера.

Макс Вебер (*Weber*) — немецкий социолог, являющийся основоположником «понимающей» социологии, в центре которой изучение социальных действий как движущих факторов всего человеческого существования в его универсальности. Под углом изучения социальных действий социолог создал свои концепции экономики, политики, бюрократии, религии, права.

М. Вебер родился 21 апреля 1864 г. в семье чиновника, который занимал весьма высокое положение в бюрократической иерархии и политическом истеблишменте Германии того времени, используя которое пользовался почти всеми земными благами. Его мать, напротив, была женщиной строгих аскетических правил, всецело поглощенной религиозными догмами кальвинизма, постоянно озабоченной о возможности божественного избрания и спасении души после смерти. Эти глубокие различия родителей, постоянно вызывавшие напряжения в семье, вместе с тем оказали существенное влияние на мировосприятие, образ жизни М. Вебера, характер его творчества, в котором парадоксально сочетались интересы к бюрократизму и религиозному аскетизму.

В начале жизни М. Вебер отдает предпочтение ценностным ориентациям своего отца. Он получил образование в лучших университетах Германии, став в итоге обладателем докторской степени по праву. В течение года находился на военной службе сначала в качестве простого солдата, а затем офицера имперской армии. Но интересы к экономике, истории и социологии взяли верх над карьерой чиновника-бюрократа.

М. Вебер окончательно выбирает для себя аскетический образ жизни, подобно тому, какой вела его мать, хотя так и не став верующим, и погружается в науку. М. Вебер преподавал социологию в Германии и США, принимал участие в работе ряда международных конгрессов социальных наук, издавал журнал «Архив социальной науки и социальной политики». В 1910 г. он основал Немецкое социологическое общество.

Преподавательскую и научную деятельность совмещал с практической политикой — выполнял различные официальные миссии в годы Первой мировой войны, был экспертом германской делегации в Версале, участвовал в разработке проекта Веймарской конституции. Однако политика была для него не самоцелью, а вопросом фактического знания проблемы. На первом месте для него было познание

человеческого бытия. Любопытно, что социолог изучил русский язык, когда в России началась первая революция, чтобы по газетам и литературе следить за развитием событий.

Среди основных работ Вебера отметим: «*Протестантская этика и дух капитализма*», «*О некоторых категориях понимающей социологии*», «*Политика как призвание и профессия*», «*Наука как профессия*», «*Хозяйственная этика мировых религий*», «*Аграрная история древнего мира*», «*Хозяйство и общество*», «*О буржуазной демократии в России*», «*К истории торговых обществ в средние века*».

Умер М. Вебер 14 июня 1920 года.

Чтобы представить *революционность инновационного мышления, мощь социологического воображения* М. Вебера, отметим, что, по существу, он выступил оппозиционером по отношению ко *всем значимым* научным теориям его времени.

Ученый подверг критике, казалось бы, «незыблемые, универсальные, объективные» законы общественного развития. Он замахнулся на высшие достижения европейской социальной мысли, сформировавшиеся в XVII–XIX вв.! Мышление в терминах общественных закономерностей отстаивали общепризнанные, с мировым именем мыслители — О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм. «Законы научного социализма», обоснованные К. Марксом, получили всеобщее признание и легли в основу программ массовых движений по всему миру. Утвердилась вера в то, что социальная наука может выработать ценности, на основе которых и будет построено социально справедливое, счастливое общество.

И на этом фоне прозвучало веберовское решительное «Нет!» данному типу и теоретизирования, и мышления в целом.

Ученый подверг критике сами основы позитивизма, видя его слабость в том, что структуры всецело детерминировали поведение индивидов, из чего следовало, что исторические события рассматривались *независимо от намерений людей* (?), а сами индивиды — как соучастники *заранее предопределенных событий* (?).

Не принял М. Вебер и использование естественнонаучных подходов для анализа общества, отмечая, что в отличие от жестких связей между явлениями неживой природы, в обществе действуют *качественно иные причинные связи* и для их познания нужен принципиально другой теоретико-методологический инструментарий.

Необходима другая — собственно *социальная наука*, со своим *особым* предметом. «Объективная» социальная наука просто не может существовать. Нет и «универсальных» ценностей: проведенные эмпирические исследования самим М. Вебером свидетельствовали, что *каждая* историческая эпоха имеет культурно значимые ценности, которые изменяются от поколения к поколению, из чего вытекает *ценностный релятивизм*.

Соответственно, нужно и *принципиально иное* мышление, ориентированное не на обоснование «абсолютного знания», а на вполне реальное *конкретное знание* о субъективных смыслах действий людей. За этим последовал отказ от *евроцентризма*, деления ценностей на «высшие» и «низшие», от видения прогресса всего человечества по европейским меркам.

8.1. Идейно-теоретические предпосылки становления веберовской интерпретивной парадигмы

Веберовская интерпретивная парадигма в виде «понимающей» социологии, естественно, формировалась в контексте других социологических систем.

В то время ведущие позиции занимал *структурный функционализм* позитивистского толка, представленный, прежде всего, Э. Дюркгеймом (см. главу 5), который отстаивал необходимость распространения рационализма на познание социальных явлений, на исследование их самих с помощью методов, характерных для естественных наук.

М. Вебер видел слабость представителей этой позиции в том, что структуры всецело детерминировали поведение индивидов, из чего следовало, что исторические события рассматривались независимо от намерений людей, а сами индивиды — как соучастники заранее предопределенных событий.

Не принял М. Вебер и использование естественнонаучных подходов для анализа общества, подчеркивая то, что в отличие от неизбежных связей между явлениями неживой природы, в обществе действуют *качественно иные* причинные связи и для их познания нужна другая методология. При этом М. Веберу импонировала *идея рационализма*, которая, как будет показано ниже, обрела иное содержание

и стала центральной в его взгляде на историю и будущее человеческих обществ.

Определенное влияние на социологические воззрения М. Вебера оказала *марксистская социология* (см. главу 6), в частности, ряд соображений К. Маркса об обществе как арене противоборствующих классов как социальных групп, где каждая имеет свои экономические интересы и жизненные шансы, соответствующие социально-экономическому положению и определенным взглядам на окружающий мир.

«Мы хотим говорить о “классе” там, — писал М. Вебер, — где (1) большому количеству людей присущ одинаковый специфический компонент их жизненных шансов, насколько (2) этот компонент связан исключительно с экономическими интересами собственности и экономической деятельности и причем, 3) реализуется в условиях существования рынка благ или труда (“классовое положение”)»¹. При этом им была дана позитивная критика материалистического понимания истории, в которой социолог показал значимость *идеальных факторов* — религиозных, идейно-нравственных ориентиров для поведения людей и высказался за то, чтобы социология раскрывала всю сложную систему каузальных связей социальной реальности, существующей не только *объективно*, но и создающейся *субъективно* благодаря мыслям и действиям индивидов.

Наконец, отметим влияние философской школы *неокантианства* — течение, характерное для конца XIX — начала XX в., исторический причиной возникновения которого стал растущий *разрыв между философией и естественными науками*. Представители неокантианства противопоставляли себя как стихийному материализму естествоиспытателей, так и всем видам метафизического идеализма. Выделяется три его основных направления: критический феноменализм, Баденская школа (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Кассирер и др.) и Марбургская школа (П. Наторп и др.).

М. Вебера особенно импонировало то, что неокантианцы проводили радикальное различие, с одной стороны, между внешним миром, который мы познаем, и познающим сознанием, а с другой — между ценностью и её оценкой, что им было взято в свой теоретико-методологический инструментарий.

¹ Вебер, М. Класс, сословие, партии (фрагменты) // Личность. Культура. Общество, 2003. Вып. 1–2 (15–16). М. 2003. С. 140.

8.2. Предмет и методы «понимающей» социологии

Новый взгляд на роль естественных и социальных наук

Главное в социологическом воображении М. Вебер — разработка *оригинальной методологии*. Она позволяет понять свободу действий индивида, как *культурного* существа, через интерпретацию *смыслов*, потенциально содержащихся в разных типах рациональностей.

Подчеркнем, методологии естественных наук вообще не ориентированы по поиск смыслов. Отсюда вытекает требование принципиально *иной методологии* для социальных наук, такой, которая бы позволила дать *понимание смыслов* социальных действий людей конкретного общества *в определенном культурном и историческом контексте*, учитывая, что общие поведенческие ориентиры, обусловленные конкретными ценностями, всегда историчны и *релятивны*.

Раз так, то может показаться, что причинность исчезает вообще, и общество не поддается научному познанию. Однако, по мысли М. Вебера, причинность становится *качественно иной* в социальной жизни, и, соответственно, отличие естественных наук от наук социальных, прежде всего состоит в том, что они *по-разному* трактуют причинность: «мы имеем дело только с *непонятной* (или не вполне понятной) *статистической* вероятностью»¹, — отмечал М. Вебер.

Чтобы разграничить причинность в естественных науках от причинности в науках социальных, он вводит понятие «*адекватной причинности*» применительно к социальным наукам, цель которой — установить *степень* того, что при событии *x* имеется *определенная степень вероятности* наступления события *y*. Из этого следует, что человеческое общество не есть нечто «исторически неизбежное», а результат «*множества возможностей*».

И далее — утверждается «*многопричинное*»/«*многофакторное*» (*multicausal*) развитие социума. Это также *пионерская* мысль, ибо практически все позитивисты были озабочены поиском «главного» фактора общественного прогресса — К. Маркс, например, видел его в классовой борьбе. Как видно, понятия и само знание в социальных науках имеют *иное содержание*, чем знания в естественных науках.

¹ Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 612.

Принципиальное же отличие социальных наук от естественных, по М. Веберу, заключается в способности первых дать *понимание* социальным явлениям, так или иначе имеющим отношение к *мысли, рациональности*. «Социологическое объяснение, — писал он, — ставит своей целью именно рациональное толкование»¹.

Естественные науки просто не имеют дела с пониманием поведения физических тел, ибо в их движении мысль отсутствует.

Вместе с тем, социальные науки, имея свою специфику, обладают *общими качествами*, характерными для наук вообще. Так, социология является научной дисциплиной благодаря тому факту, что люди действуют *рационально* по крайней мере значительную часть времени и это позволяет осуществлять *типизацию* их поведения, *систематизацию* собственно социальных фактов.

Социальные факты и ценности

Социологическое воображение М. Вебера работало в том направлении, как, признав ценностный релятивизм, событийную вероятность, отказавшись от выявления «объективно правильного» смысла (все это прямо шло вразрез позитивистской методологии), все же сделать социологию *научной дисциплиной* с выработкой соответствующих критериев научности.

Социолог считал, что залог тому — принцип *свободы от оценочных суждений* исследователя, который обосновывается в работе «*Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке*». Этот принцип, разумеется, не предполагает отказа ученого от собственных пристрастий, идеологических предпочтений, но последние *не должны* вторгаться в научные разработки.

Социальная наука должна быть ценностно-нейтральной: она вообще не должна определять, какие ценности являются «высшими» или какие из них должны быть положены в основу нашей жизни.

Вместе с тем социолог различает *ценности практические* (социокультурные основания конкретного общества в определенный период его развития) и *ценности научные* (истина).

¹ Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 496.

М. Вебер верил, что при проведении анализа социальных реалий и, естественно, изучении их ценностных составляющих *можно в принципе отделить социальные факты от ценностей*. При этом ценности социальных фактов необходимо обязательно относить к *конкретному историческому периоду*.

По его мнению, социология как научная дисциплина обретает характер «понижающей» социальной науки, поскольку ориентирована на интерпретацию социальных действий людей, которые *надсубъективны, общезначимы*, но не вообще, а в *рамках определенной исторической эпохи*.

Социология имеет отношения к ценностям и в том смысле, что исследователь выбирает для изучения конкретные социальные факты (включая те, которые имеют отношение к прошлому), исходя из *современной системы ценностей*.

Своим декларированным принципам о разграничении социальных фактов и ценностей самому М. Веберу не всегда удавалось следовать. Так, Ю. Хабермас прямо критиковал М. Вебера за то, что его методология содержит-де два исключаящих друг друга принципа: позитивистско-сциентистский и антипозитивистско-герменевтический.

Не случайно М. Вебера называют «буржуазным Марксом». Действительно, он, как и К. Маркс, изучал те же социальные реалии — современные капиталистические отношения, но в отличие от К. Маркса занимал сторону капиталистов и бюрократов, видя только в них (даже не в среднем классе!) социальную силу, способную инициировать и возглавить исторический прогресс.

Некоторые современные зарубежные исследователи творчества М. Вебера упрекают его в нарциссизме в отношении к немецкому государству и протестантизму, что сказалось на конкретных выводах его теории.

М. Вебер, как и К. Маркс, был нетерпим к своим оппонентам, особенно к самому К. Марксу, критикуя его теорию за экономический детерминизм. Так, в Венском университете М. Вебером был прочитан курс лекций с характерным названием «*Позитивная критика материалистической концепции истории*».

Кроме того, «понижающая» социология М. Вебера подвергалась критике за абсолютизацию западной рациональность, прежде всего индивидуалистической системы ценностей.

И все же мировая социологическая мысль ценит М. Вебера за то, что он явился создателем принципиально новой социо-

логической парадигмы, предложив оригинальный теоретико-методологический инструментарий исследования поведения людей и социальных реалий в целом, а также новаторские принципы основания социологического знания.

Понимание (*Verstehen*) социальных действий

Инновационность мышления М. Вебера проявилась также в том, что он создал новаторскую концепцию *понимания социальных действий*.

В термин *Verstehen* М. Вебер вкладывает свой особый смысл. Это — *рациональная процедура изучения действий социальных субъектов* (микроуровень), а через них — изучение *культуры* конкретного общества (макроуровень).

Как видно, М. Вебер был сторонником *социального номинализма*. Напомним, что это теоретическая и методологическая ориентация, предполагающая, что характер индивидов, их действий, в конечном счете, определяет суть общества.

Как считает М. Вебер, анализ и типизация *социальных действий* людей являются *предметом* социологии. «Социология... — писал он, — есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»¹.

Однако не каждый поведенческий акт индивида можно считать социальным действием. Действие человека обретает характер социального действия, если в нем присутствуют два принципиальных момента:

- субъективная мотивация индивида, который вкладывает в свой акт определенный смысл;
- ориентация на поведение других людей.

М. Вебер отмечает: «“Действием” мы называем действие человека (независимо от того, носит оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него»².

¹ Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602.

² Там же. С. 602—603.

Из определения следует, что действие, о котором человек *не задумывается*, не является социальным действием. Так, к социальному действию нельзя отнести непреднамеренное падение человека или же произвольный крик от боли, ибо в них просто отсутствует мыслительный процесс.

Действие, в котором человек просто *не видит реальной цели*, не является социальным действием. Так, к социальному действию нельзя отнести непреднамеренное или неосознанное участие человека в той или иной сходке, кампании, политической акции, ибо в этом случае отсутствует мыслительный процесс и осознанно целенаправленная активность.

Социолог не считал действия социальными, если они являлись чисто подражательными, когда индивиды ориентируются на какое-либо природное явление (раскрытие зонтов множеством людей во время дождя) или когда они действуют как атомы толпы, что характерно для *реактивного поведения* (поведения как реакции на определенный стимул, например, «опасность»).

Эмоциональные излияния, произвольные выкрики, проявления радости от встреч с героями и вождями или выплески гнева в адрес «врагов» также нельзя отнести к социальным действиям, ибо в них просто нет активного разумного начала как способности человека отражать и постигать мир, не искажая его реальное содержание восторгами или страхами.

Действие не является социальным и в том случае, если оно никак не затрагивает интересы других людей, остается для них незамеченным. Пример тому — маниловщина, мечтательно-бездеятельное отношение к окружающему, которое, как показал Н. В. Гоголь в «Мертвых душах», весьма характерно для ряда россиян, которые даже, вероятно, не отдают себе в этом отчета.

Ещё одно важное замечание, которое делает социолог: предметом его парадигмы являются действия *индивидов*, а не коллективов.

Употребляя понятия государство, корпорация, семья, армейское подразделение и т.д., следует иметь в виду, что эти и другие социальные структуры сами по себе не являются субъектами социального действия. Поэтому, с точки зрения М. Вебера, нельзя, например, понять действие парламента или президентской администрации, фирмы или семьи, но можно и нужно стремиться к тому, чтобы интерпретировать действия составляющих их индивидов.

Типизация социальных действий

По критерию — *степени рациональности субъективного смысла* — М. Вебер осуществил типизацию социальных действий, которые можно наблюдать в повседневной жизни, выделив *четыре типа* социальных действий индивидов.

Само собой разумеется, что в действительности человек далеко не всегда знает, чего он хочет. Порой в поведении людей доминируют какие-либо ценностные установки или просто эмоции.

Ориентируясь на возможное реальное поведение людей в жизни, М. Вебер выделяет следующие типы действия:

- *целерациональное*;
- *ценностно-рациональное*;
- *аффективное*;
- *традиционное*.

Обратимся к самому М. Веберу: «Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) *целерациональным*, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной *цели*; 2) *ценностно-рациональным*, основанным на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — *самодовлеющую* ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) *аффективным*, прежде всего *эмоциональным*, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) *традиционным*, то есть основанным на длительной привычке»¹.

Из этой классификации следует, что может быть социальное действие, в котором *смысл действия и смысл действующего совпадают*, в нем присутствует рельефно выраженная *цель* и адекватные ей *осмысленные средства*.

Такое действие было обозначено социологом понятием *целерациональное действие*. В нем оба вышеназванных момента совпадают: понять смысл действия — значит понять действующего, и наоборот.

Примером целерациональных действий может быть поведение людей, сознательно делающих политическую карьеру,

¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 628.

принимающих собственные решения. В таком поведении есть смысл действий, который понятен для окружающих, побуждая последних к принятию адекватных самостоятельных актов, также имеющих смысл и цель.

К целерациональным действиям может быть отнесено поведение студента, желающего получить образование, соответственно направленное на успешное усвоение изучаемых предметов.

Если же, например, сильный и мужественный человек после того, как его ударили по одной щеке, подставил другую, то здесь речь идет о *ценностно-рациональном действии*, которое может быть понято лишь с учетом представлений этого человека о ценностях определенных религиозных догм.

Ценностно-рациональное действие основано на вере в определенные *безусловные ценности, заповеди, представления о добре и долге*. Их абсолютизация приводит к тому, что в подобных действиях неизбежно появляется определенный компонент иррациональности.

Так, если для людей ценность собственной жизни ничто в сравнении с верой в безусловную правоту вождя, курса партии, ради выполнения «безошибочных предначертаний» которых они готовы к лишениям и даже самопожертвованиям, то они как раз совершают ценностно-рациональные действия.

Аффективные действия можно довольно часто наблюдать в игровых видах спорта — те или иные произвольные, эмоциональные реакции игроков. Они, как правило, определены эмоциональным состоянием действующего — страстью, любовью, ненавистью и т.д. Естественно, что они выходят за пределы сознательной, осмысленной деятельности индивида.

К *традиционным действиям* относятся повседневные поведенческие акты, совершаемые просто по привычке. Люди ведут себя почти автоматически, потому что они так всегда это делали. Как правило, они не осознают, почему так поступают, ибо просто привержены привычным нравам и обычаям. В таких действиях почти нет целеполагания, нет и размышлений о выборе средств их осуществления.

В российской истории люди практически не задумывались, почему необходимо служить «царю-батюшке», по какому такому праву осуществляется передача государственной власти по наследству, почему у них нет личных прав и свобод. Они поступали *традиционным образом*,

потому что их предки всегда так это делали, будучи приверженными определенным нравам и обычаям.

В обновленном виде традиционные действия были сохранены в советских жизненных укладах, таких как коммуны и «социалистические коллективы». Все эти типы социума утверждали стадно-традиционное подражательство и подавляли индивидуальность. Главная латентная, неосознаваемая функция традиционных действий состояла в том, чтобы каждый человек уничтожил свое индивидуальное мышление и, соответственно, принял бездумные алгоритмы жизни.

Распад советского строя заставил людей отказываться от неосмысленно-подражательного поведения, от жизни по принципам «как все», «не хуже, чем другие».

Строго говоря, лишь целерациональные и ценностно-рациональные действия относятся к социальным действиям, ибо имеют дело с субъективно подразумеваемым *смыслом*.

Подчеркнем, социология, по М. Веберу, является «понимающей», поскольку имеет дело с *осмысленными* действиями людей. «Специфически важным для понимающей социологии, — писал он, — является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотносено с *поведением других* людей, во-вторых, *определено* также этим его осмысленным соотношением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно *объяснено*»¹.

По мнению социолога, эмпирически сравнивая количество действий с разным компонентом смысла, а также выявляя, какой тип действия является доминирующим, можно судить об обществе вообще. Социолог исходит из того, что характер общества, демократичность или авторитарность его институтов, их функциональность есть производное от *особенностей социальных действий индивидов*, их смысловой рациональности.

Именно такой теоретико-методологический подход использует М. Вебер для сравнительного анализа культур Древнего мира и современных западноевропейских обществ.

Основные методы понимания социальных действий

А как же исследовать собственно рациональность смысла в действиях людей?

¹ Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 497.

Социологическое воображение М. Вебера и здесь ему является большим подспорьем: он выделяет несколько, собственно социологических методов.

К первому он относит *понимание через прямое наблюдение*.

Примером тому может служить наблюдение на телеэкране безмерной радости, благополучия того или иного современного российского политика, его соответствующие жесты, что резко контрастирует с имиджем советского политика — всегда серьезного, озабоченного, сумрачного. Зритель может понять, скорее, прочувствовать положительное эмоциональное состояние практически любого человека от политики. Сам образ олицетворяет собой оптимизм, правоту, бескорыстность, рационализм и прагматизм.

Но так ли это на самом деле?

По М. Веберу, прямое наблюдение ещё недостаточно, чтобы понять *суть* социального действия.

Второй метод интерпретации социального действия — *объяснительное понимание*. Оно предполагает выяснение *мотивов* конкретного социального действия.

В нашем примере требуется понять, что побудило счастливого, жизнеутверждающего политического деятеля оказаться героем телепередачи — пришел ли он праздновать победу на выборах, добиться поддержки принятия желанных решений или же, как говорится, делает хорошую мину при плохой игре.

Чтобы осуществился этот тип понимания, необходимо, как считает М. Вебер, поставить себя на место индивида, чье поведение мы пытаемся объяснить, и тем самым выяснить мотивы, стоящие за его действиями.

Третий метод — *причинное объяснение*. Оно предполагает выяснение того, что инициировало сами мотивы, которые привели к соответствующим социальным действиям. Здесь социолог настаивает на необходимости обнаружить связи между *целой серией действий или событий*.

Это, разумеется, предполагает проведение серьезных социологических исследований. Подобного рода исследования провел сам М. Вебер, стремясь, в частности, выявить связи между религиозными принципами и поведением индивидов, особенно их экономической и политической деятельностью.

Идеально-типические конструкции

Однако даже все три вышеназванные методы понимания не могут гарантировать полную картину *смысла* тех или иных социальных действий.

Понимание всегда приблизительно. Оно приблизительно даже в ситуации непосредственной интеракции людей друг с другом лицом к лицу. Социологу же нередко приходится анализировать социальные действия, понимать социальную жизнь её участников, когда они отдалены, причем не только в пространстве, но и во времени. В распоряжении ученого могут быть документы, эмпирические сведения, другие материалы, интерпретируя которые он старается понять субъективные значения, существовавшие в сознании людей, их отношение к тем или иным ценностям, чтобы дать комплексное представление единого социального процесса.

Насколько возможно подобное комплексное представление? Каким образом социология как научная дисциплина способна определить степень приближенности при анализе тех или иных конкретных социальных действий людей? А если человек даже сам не отдает себе отчета в собственных действиях (по состоянию здоровья или, находясь под влиянием митинговых страстей, подвергается психологическому давлению и т.д.), сможет ли социолог понять поведение такого индивида?

И М. Вебер предлагает еще один, просто-таки *пионерский* методический прием понимания — конструирование *идеально-типической модели* социального действия индивида. По его мнению, ученый должен соотнести имеющийся в его распоряжении материал с религиозными, мировоззренческими, эстетическими, моральными ориентирами, исходя из того, что служило *реальными ценностями* для людей, являющихся объектом исследования. Поэтому идеальный тип социолог называл «интересом эпохи».

По М. Веберу, чтобы уяснить действительные причинные связи, имеющие место при создании социальной реальности, и дать возможно более полное и комплексное толкование социальным действиям, необходимо прежде всего сконструировать *недействительное* — извлекаемые из эмпирической реальности заостренные, выделенные элементы, которые представляются *типическими* для социолога в его стремлении найти *общие правила событий*. Они должны выражать

то, что наиболее характерно, типично для общественных явлений или социальных действий своего времени.

Поэтому идеальный тип социолог называл «*интересом эпохи*».

«Лишь с помощью *чистого* (“идеального”) типа возможна социологическая казуистика... Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем *дальше* они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение»¹, — заключает М. Вебер.

Так, например, можно сконструировать идеально-типическую модель студента или государственного служащего.

Но модель идеального типа не есть цель познания, а своеобразное *методическое средство*, позволяющее анализировать социальные реалии. Как же этим средством пользоваться?

Понятно, что в реальной жизни, строго говоря, не может быть идеального студента или чиновника. Различные причины приводят к тому, что общественное явление всегда будет иметь отклонение от идеального типа. Здесь-то и открываются возможности для *сравнения* реального социума с его идеальным типом.

Согласно М. Веберу, идеальный тип позволяет:

- во-первых, сконструировать явление или социальное действие, как если бы они имели место в идеальных условиях;
- во-вторых, рассмотреть это явление или социальное действие независимо от локальных условий (предполагается, что если будут выполнены идеальные условия, то действие будет совершаться именно таким образом);
- в-третьих, есть возможность сравнить, насколько явление или действие по своим количественно-качественным параметрам походит на идеальный тип.

По отклонению от идеального типа исследователь может установить характерные тенденции протекания событий.

Мыслительное образование нереального, идеально-типического события позволяет понять, как действительно протекало то или иное историческое событие. При этом М. Вебер обосновывает весьма оригинальный взгляд: по его мнению,

¹ Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 623—624.

история и социология — два направления научного интереса, а не две разные дисциплины.

Так, чтобы выявить историческую причинность необходимо перво-наперво выстроить *идеально-типическую конструкцию исторического события*, а затем следует сопоставить нереальный, мысленный ход событий с их реальным развитием. Тем самым исследователь перестает быть простым статистом исторических фактов и обретает возможность понять, насколько сильным было влияние обстоятельств, какова роль воздействия случайности или конкретной личности на данный момент истории.

Ненамеренные последствия

Своего рода изюминкой социологического воображения М. Вебера является осмысление *ненамеренных последствий* действий людей.

Связи между социальными действиями людей и их результатами, как правило, *латентны, не лежат на поверхности явлений*. От исследователя требуются усилия, он должен проявить *социологическое воображение*, чтобы «заглянуть за» видимые проявления конкретных социальных действий индивидов, к каким социальным фактам они в итоге могут привести.

Так, в работе «*Протестантская этика и дух капитализма*» М. Вебер показывает взаимосвязь протестантских религиозных ценностей и развития «духа капитализма», утверждая, что в странах, где эти ценности доминировали, быстрее и легче утверждались капиталистические отношения.

Но выявление корреляции между ценностными установками и характером социальных действий — лишь одна часть исследования. Другая часть исследования состояла в том, чтобы установить, *как и почему* протестантские ценности, которые сами по себе, *явно* не были нацелены на определенные экономические результаты, *скрыто, не зависимо от намерений* способствовали развитию капитализма.

По мнению социолога, основной причиной подобного рода *непреднамеренных, непредвиденных последствий* стало убеждение в том, что только через постоянный, аккуратный и честный труд, неутомимую деятельность во имя приумножения славы Божьей на Земле, ведя при этом аскетический образ жизни, можно попасть в рай. Определенная религиозная доктрина исподволь формировала такое поведение,

которое предопределяло высоко рациональные образцы экономического поведения.

Отсюда М. Вебер делает вывод о том, что мотивированные определенными ценностями социальные действия, выражающиеся в своеобразном типичном поведении значительного числа членов общества, неизбежно должны были привести и привели к адекватным крупномасштабным переменам в обществе, его структурах, что и нашло выражение в конкретном облике капитализма в той или иной стране. Поэтому социологи, по мысли М. Вебера, должны принимать во внимание многофакторное развитие: не только материальные интересы, власть, воздействие структур, но и культурные, этические идеалы¹.

И ещё социолог показывает, что результаты идей, конкретные социальные действия, *даже если они весьма рациональны*, отнюдь не всегда приводят к первоначально задуманному *рациональным* результатам. Часто *рационально* создаваемая людьми социальная реальность включает в себя *непредвиденные последствия иррационального толка*.

Из книги: М. Вебер. Основные социологические понятия²

Понятие социологии и «смысла» социального действия

Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

«Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него.

1. Методологические основы

1. Слово «смысл» имеет здесь два значения.

Он может быть: а) смыслом, действительно субъективно *предполагаемым* действующим лицом в данной исторической ситуации,

¹ Kalberg, S. Max Weber // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000.

² Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс. 1990.

или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным *чистым* типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» смысле. Этим эмпирические науки о действии — социология и история — отличаются от всех догматических наук — юриспруденции, логики, этики, — которые стремятся обнаружить в своих объектах «правильный», «значимый» смысл.

2. Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру (см. ниже), находится на границе того и другого. Осмысленное, то есть доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других — может быть обнаружено только специалистами. Мистические, то есть адекватно не предаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. Однако способность воспроизвести действие не есть обязательная предпосылка его понимания: «Чтобы понять Цезаря, не надо быть Цезарем». Полное сопереживание — важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла. Доступные и недоступные пониманию компоненты какого-либо процесса часто переплетаются и связываются.

3. Всякая интерпретация, как и наука вообще, стремится к «очевидности». Очевидность понимания может быть по своему характеру либо рациональной (то есть логической или математической), либо — в качестве результата сопереживания и вчувствования — эмоционально и художественно рецептивной. Рациональная очевидность присуща тому действию, которое может быть полностью доступно *интеллектуальному* пониманию в своих преднамеренных смысловых связях. Посредством вчувствования очевидность постижения действия достигается в результате полного сопереживания того, что пережито субъектом в определенных *эмоциональных* связях. Наиболее рационально понятны, то есть здесь непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемы, прежде всего смысловые связи, которые выражены в математических или логических положениях...

Любое истолкование подобного рационально ориентированного целенаправленного действия обладает — с точки зрения понимания использованных *средств* — высшей степенью очевидности. Если не с такой же полнотой, то все-таки с достаточной ясностью, соответствующей присущей нам потребности в объяснении, мы понимаем такие «заблуждения» (в том числе смешение проблем), кото-

рые не чужды нам самим или возникновение которых мы способны посредством вчувствования сопереживать. Напротив, высочайшие «цели» и «ценности», на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано поведение человека, мы часто полностью понять *не* можем, хотя в ряде случаев способны постигнуть его интеллектуально; чем больше эти ценности отличаются от наших собственных, важнейших для нас ценностей, тем труднее нам понять их в *сопереживании* посредством вчувствования, силою воображения. В зависимости от обстоятельств нам в ряде случаев приходится либо удостоверяться чисто *интеллектуальным* истолкованием названных ценностей, либо, если и это оказывается невозможным, просто принять их как данность и попытаться по возможности понять мотивированное ими поведение посредством интеллектуальной интерпретации или приближенного сопереживания (с помощью вчувствования) его общей направленности...

Для *типологического* научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве «отклонений» от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например, для объяснения «биржевой паники» целесообразно сначала установить, каким *было бы* рассматриваемое поведение *без* влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве «помех»...

4. Во всех науках о поведении должны быть приняты во внимание такие чуждые смыслу явления, как повод к определенным действиям, результат каких-либо событий, стимулирование решений или препятствие их принятию. Поведение, чуждое осмыслению, не следует идентифицировать с «неодушевленным» или «нечеловеческим» поведением. Каждый артефакт, например «машина», может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий человек (ориентированный на самые различные цели) связывает с его изготовлением и применением; без этого соотнесения назначение такого артефакта остается совершенно непонятным. Следовательно, пониманию в данном случае доступна только его соотнесенность с *действиями* человека, который видит в нем либо «средство», либо цель и ориентирует на это свое поведение. *Только* в этих категориях возможно понимание такого рода объектов. Чуждыми смыслу остаются все процессы или явления (живой или мертвой природы, связанные с человеком или происходящие вне его), лишенные *предполагаемого* смыслового содержания, выступающие *не* в качестве «средства» или «цели» поведения, а являющие собой лишь его повод, стимул или помеху...

5. Понимание может быть:

1) *непосредственным* пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно «пони-

маем», например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей), или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, иррациональных жестах (иррациональное непосредственное понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действий).

Но пониманием мы называем также:

2) *объясняющее* понимание. Мы «понимаем» *мотивационно*, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это *сделал* именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчётами или любой другой деятельностью, в рамки которой по своему понятному нам *смыслу* данное правило может быть включено, где оно обретает понятную нам смысловую *связь* (понимание рациональной мотивации). Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор или сражаясь с врагом (то есть рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, то есть иррационально). Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением на честь (действие, обусловленное аффектом, то есть иррациональное по своим мотивам). Все это — понятные нам *смысловые связи*, понимание их мы рассматриваем как *объяснение* фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постигнуть смысловую *связь*, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие...

6. «Понимание» во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий), б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений), в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом *чисто* типе («идеальном типе») некоего часто повторяющегося явления. Подобными идеально-типическими конструкциями служат, например, разработанные чисто теоретическим экономическим учением понятия и «законы». Они показывают, каким *было бы* определённое человеческое поведение, *если бы* оно носило строго целенаправленный характер, было бы

свободно от заблуждений и аффектов и *если бы* оно ориентировалось на совершенно однозначную цель (экономике). Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа.

Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную *значимость* и всегда остаётся лишь наиболее вероятной *гипотезой*...

7. «Мотивом» называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия. «Адекватным смыслу» мы назовём единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим, правильным) смысловым единством. «Каузально адекватной» мы назовём последовательность событий, если в соответствии с *опытными* правилами можно предположить, что она всегда будет таковой...

8. События и единообразия, которые, будучи в принятом здесь смысле непонятными, не могут быть определены как «социологические факты» или закономерности, конечно, не становятся от этого менее *важными*. В том числе и для социологии в принятом здесь смысле этого слова...

9. «Поведение» в качестве понятной по своему смыслу ориентации собственных действий всегда являет собой для нас действие одного или нескольких *отдельных* лиц...

Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, может быть, напротив, целесообразно и даже неизбежно рассматривать социальные образования («государство», «ассоциацию», «акционерное общество», «учреждение») совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, *совершающих* релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования — просто процессы и связи специфического поведения *отдельных* людей, так как только они являют собой понятных для нас носителей осмысленных действий. Несмотря на это, однако, социология и для своих целей не может *игнорировать* коллективные мысленные образования, полученные с других позиций...

10. «Законы», как обычно называют некоторые положения понимающей социологии... являют собой подтвержденную наблюдением типическую *вероятность* того, что при определенных условиях социальное поведение *примет* такой характер, который позволит *понять* его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий

индивид. Понятны и однозначны эти «законы» могут быть при оптимальных условиях постольку, поскольку типический наблюдаемый процесс основан на чисто целерациональных мотивах (или же последние мотивы из соображений методической целесообразности положены в основу конструированного типа), а отношение между средством и целью эмпирически определено как однозначное (при «неизбежности» средства). В этом случае можно утверждать, что при строго целерациональном характере поведения оно должно быть именно таким, а не иным (так как преследующие определенную однозначную цель индивида могут по «техническим» причинам располагать только этими средствами) ...

11. Социология конструирует — мы уже многократно указывали на данное обстоятельство как на само собой разумеющуюся предпосылку — типовые понятия и устанавливает общие правила явлений и процессов. Этим она отличается от истории, которая стремится дать каузальный анализ и каузальное сведение *индивидуальных*, обладающих *культурной* значимостью действий, институтов и деятелей. Для образования своих понятий социология берет в качестве парадигм *материал* в значительной степени (хотя и не исключительно) из тех же реальных компонентов поведения, которые релевантны также с точки зрения истории. Социология разрабатывает свои понятия и выявляет закономерности *также* и под тем углом зрения, поможет ли это историческому каузальному сведению важных культурных явлений. В социологии, как и во всякой генерализующей науке, своеобразие социологических абстракций ведет к тому, что ее понятия по сравнению с конкретной реальностью истории неизбежно (относительно) *лишены* полноты содержания. Вместо этого социология дает большую однозначность понятий. Такая однозначность достигается наивысшей — по возможности — смысловой адекватностью, что и является целью социологических понятий. Указанная цель может быть с наибольшей полнотой реализована — и на этом мы преимущественно фиксировали внимание в предыдущем изложении — в рациональных (ценностно-рациональных и целерациональных) понятиях и обобщениях. Однако социология пытается выразить в теоретических, адекватных смыслу понятиях и иррациональные (мистические, пророческие, духовные, эмоциональные) явления. Во *всех* случаях, как рациональных, так и иррациональных, она отходит от действительности и служит познанию этой действительности, показывая, что при определении степени *приближения* исторического явления к одному или ряду социологических понятий оно может быть подведено под них. Одно и то же историческое явление может быть, например, в одних своих составных частях «феодалным», в других — «партимонийным», в третьих — «бюрократическим», в некоторых — «харизматическим». Для того чтобы перечисленные слова имели *однозначный смысл*, социология должна в свою оче-

редь создавать «чистые» («идеальные») типы такого рода, чтобы в них могла быть выражена наибольшая *смысловая* адекватность; однако именно потому они столь же редко встречаются в реальности в абсолютно *чистой* форме, как физическая реакция, полученная в условиях полного вакуума. Лишь с помощью *чистого* («идеального») типа возможна социологическая казуистика. Само собой разумеется, что социология сверх того в ряде случаев пользуется и *средним* типом, эмпирико-статистическим по своему характеру; это понятие не требует особого методологического разъяснения. Однако когда в социологии говорится о «*типических*» случаях, всегда имеется ввиду *идеальный* тип, который сам по себе *может* быть рациональным или иррациональным, в большинстве случаев (в политической экономии, например, всегда) он рационален, но всегда, независимо от этого, конструируется адекватно *смыслу*.

8.3. Рациональность и иррациональность

Типы рациональности

Еще до М. Вебера, в эпоху Просвещения человек стал наделяться разумом и рациональностью. Однако рациональность в науках мыслилась главным образом как компонент *логического мышления*. Социологическое воображение ученого позволило ему увидеть *многогранное содержание* рациональности, причем в условиях *повседневной жизни* людей, что было, прямо скажем, *пионерской* мыслью.

Прежде всего, ученый пришел к обоснованию *плюрализма рациональностей* — принципиально *различных типов рациональностей*, которые по-разному проявляют себя в *повседневной социальной жизни*.

В соответствии с веберовской типологией выделяются *четыре* типа рациональности — теоретическая, практическая, субстанциальная (субстантивная) и формальная.

Теоретическая рациональность предполагает, что индивиды стремятся познать мир, используя такие познавательные приемы, как дедукция, индукция, выявление корреляций между явлениями и т.д. Данный тип рациональности свойственен интеллектуалам, особенно деятелям науки.

Практическая рациональность предполагает социальные действия индивида, направленные на удовлетворение прагматических, эгоистических интересов индивида. Люди, для которых характерен данный тип рациональности, воспринимают социальную и культурную реальность такой, какой она есть, пытаются просчитать все трудности, которые

повседневная жизнь неизбежно предполагает, что проявляется в калькуляции адекватных *средств* достижения тех или иных *целей*.

Субстанциальная рациональность основывается на *неком наборе ценностей*, предполагает *этику* успеха в повседневной жизни. Естественно, в разных культурах существуют, различные, подчас противоположные ценностные системы, что, соответственно, предполагает *плюрализм типов* субстанциальной рациональности.

Только субстанциальная рациональность, по М. Веберу, способна утвердить «методические способы жизни» в контексте конкретной культуры. Свойственная Западу, конкретная субстанциальная рациональность, акцентирующая протестантскую этику, создавала условия для формальной рациональности.

Для социолога наиболее значима *формальная рациональность*, предполагающая четкое *представление целей* и *просчитывание средств* их достижения. В отличие от практической рациональности, основанной на следовании прагматическим личным интересам, данный тип рациональности предполагает использование универсальных правил, технических средств регулирования общественной жизни.

М. Вебер полагал, что данный тип рациональности будет в конечном счете доминирующим типом рациональности во всех человеческих обществах.

Измерение формальной рациональности

Инновационность мышления М. Вебера проявилась и в том, что он предложил измерять формальную рациональность в соответствии с четырьмя *рациональными по содержанию* переменными — *эффективность, калькуляция, предсказуемость и контроль*.

Под *эффективностью* понимается оптимальный, возможно быстрый способ достижения прагматической цели. Речь идет главным образом об оптимальном выборе средств достижения цели.

Калькулируемость предполагает учет количественных и качественных затрат на реализацию конкретных прагматических стратегий. Можно, например, подсчитать материальные или временные затраты на ту или иную деятельность.

Предсказуемость означает сознательное принятие строгих правил деятельности. Возможен также учет неопределенности и рисков, альтернативности и случайности. Ибо

по совокупности случайностей вполне можно выявить *статистическую причинность и общее, результирующее следствие* проявления внешних воздействий. Во всяком случае, при следовании формальным правилам можно с определенной долей вероятности предсказать характер конечного результата.

Контроль в формальной рациональности предполагает замену человека нечеловеческими технологиями — правилами, распоряжениями, процедурами, а также машинами. Высшая степень контроля проявляется в том, что люди вообще не задействованы в осуществлении контролирующих функций.

Иррациональная рациональность

М. Вебер, отмечая несомненные преимущества рационального господства, тем не менее, признавал его латентные, скрытые опасности в виде «иррациональных элементов».

Дело в том, что любая рациональная система имеет следующие тенденции:

- заменять человека нечеловеческой по сути технологией (бюрократические правила, машины, юридические лица вместо живых конкретных людей и т.д.);
- сводить к минимуму фактор человеческого разума, что угрожает возникновению потенциальной возможности её *дегуманизации* вообще;
- воспроизводить в той или иной степени *иррациональные последствия*;
- современные нечеловеческие технологии способны вызвать озлобление у самих чиновников, которые становятся функционально ненужными.

Опасения М. Вебера о возможности *иррациональной рациональности* вскоре подтвердились на практике.

Холокост может служить тому примером. У этого явления были все основные характеристики рациональной организации: невиданная прежде *эффективная* машина по массовому уничтожению людей, которая функционировала с четкой *калькуляцией*, сколько могло быть уничтожено людей за определенный период времени, следовательно, результат был *предсказуем*, и наконец — все жертвы строго *контролировались* с помощью нечеловеческой технологии, включавшей функционирование бюрократии, лагерей, газовых камер, крематориев, транспорта и т.д.

Анализ общества по характеру действий его членов

Стержнем веберовской «понимающей» социологии является идея анализа социальных реалий вообще и социальных действий в особенности через призму *степени их рациональности*.

Отправной постулат социолога состоял в том, что структура социальной реальности конструируется, в конечном счете, социальными действиями индивидов, и для социологии объект познания — *«истолковать, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»*. Изучая социальные действия людей, живших в различных пространственных и временных координатах и принадлежавших, соответственно, к различным культурам, социолог обосновал идею определения уровня исторического развития обществ *по степени их рациональной организации*.

Если люди, как руководители, так и руководимые, в своем большинстве совершают действия целенаправленные, осмысленные, понятные и предсказуемые, то общественные и политические структуры будут отличаться высокой степенью своей организации и рациональности.

И наоборот: если в поведении людей преобладают эмоционально окрашенные действия со значительным компонентом иррациональности, основанные на ценностно-религиозных мотивах, традициях или базирующиеся на партикуляристских отношениях — симпатиях и антипатиях, чувствах личной преданности к вождям, старейшинам, политическим лидерам, лояльности к «своим» при негативном отношении к «чужакам-иноверцам», то такое общество, как его не обозвать, просто не может иметь современные рационально функционирующие институты.

В некоторых странах и культурах ценностно-рациональные действия могут быть доминирующими и их иррациональный компонент, соответственно, распространяется на все сферы жизни, включая политическую. Пример тому — политика «пролетарского интернационализма», направленная на то, чтобы сделать революционные ценности отдельной социально-политической группы ценностями и нормами государств, этносов и других культур.

Исследуя исторически ранние общества, социолог отмечает, что в них преобладали традиционные и аффективные действия. Их сущностный признак — отсутствие господства формально-рационального начала. В политике аффективные

действия проявляются в фаворитизме, даровании статусных и властных привилегий, в неправовом и немотивированном снятии чиновника с должности подчас под влиянием страхов или зависти, в неадекватном выполнении служебных обязанностей из-за нахлынувших страстей и эмоций.

В соответствии со своим социологическим воображением, М. Вебер предложил *тонкий инструментарий* анализа капитализма.

Речь идет не о рассмотрении капитализма вообще, а его *исторически различных форм*, различающихся *степенью рациональности*.

Он отстаивал идею *двух* основных типологических форм капитализма — *современного и архаичного*.

Анализируя современное ему капиталистическое общество, определяя при этом и судьбу капитализма в принципе, М. Вебер отмечает, что это общество характеризуется не *столько* свободой спекуляций, завоеваниями и другими авантюрами, *сколько* тенденцией увеличения целерациональных действий, рационализацией жизни в целом, достижениями максимального успеха и прибыли прежде всего через *рациональную организацию труда и производства*. «Стремление к предпринимательству», «стремление к наживе», к денежной выгоде... само по себе ничего общего не имеет с капитализмом, — писал он. — Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников... Капитализм может быть идентичен обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию»¹.

Если использовать веберовскую методологию при анализе современного российского общества, то его *историко-культурный* уровень следует определять не по экономическим и политическим структурам как таковым (независимым от государства предприятий, наличию множества политических партий и т.д.) и даже не по стремлениям людей к предпринимательству или политическому успеху, а по *тенденциям формально-рационального регламентирования* экономической и политической жизни, по тому, насколько *целерациональные действия стали типичными* в поведении и управляющих, и управляемых.

¹ Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 47–48.

Очевидно, они *не стали доминирующими*, что способствовало образованию и становлению *социальных типов капиталистов непроеизводительной ориентации*. По М. Веберу, это прежде всего ростовщики и «откупщики должностей и налогов». Они просто не ориентированы на рациональную организацию труда и производства — отсюда распространение в огромных масштабах игорного и наркотического бизнеса, торговли «живым товаром». Сказанное свидетельствует о том, что в *рациональном и историко-культурном* отношении «новый русский» капитализм весьма напоминает архаический капитализм, и эта та большая проблема, от решение которой зависит направление общественного развития страны.

Бюрократия

Управленческие структуры общества можно представить как институты, которые формируют, во всяком случае, контролируют социальные действия людей. И М. Вебер был прекрасно осведомлен, что они могут ограничивать свободу социальных действий людей, выступал в свое время с призывами к реформированию парламента, к демократизации.

Его интересуют не столько функции управленческих структур сами по себе, сколько *степень их рациональности*. Он анализирует власть и бюрократию через призму совокупности индивидов, выполняющих определенные социальные действия. Повторяющиеся типичные целерациональные действия способствуют формированию таких институтов общества, которые побуждают индивидов к свободному принятию собственных решений на основе рациональной организации жизни общества.

Техническим механизмом, позволяющим осуществлять управление, основанное на целерациональных действиях, М. Вебер считал *бюрократию*, полагая, что *все* другие управленческие альтернативы (например, идея, отстаиваемая К. Марксом, о «самоуправлении народом посредством самого народа») неизбежно предполагают *некомпетентность и иррациональность*.

Создавая идеальную модель бюрократии, социолог представлял её в виде совокупности индивидов, выполняющих рациональные действия, нацеленные на достижения успешных результатов, имеющих общественную значимость и полезность.

М. Вебер был убежден, что в рационально-организованном обществе «ходить во власть» и управлять должны люди профессионально подготовленные, имеющие *специальное образование*, поскольку от них требуется *компетентность*. Только в этом случае от них можно ожидать целерациональных действий и, соответственно, эффективного управления страной.

Вообще М. Вебер считал рациональную бюрократию воплощением рациональной формы всякой организации общества. По мнению социолога, её основными чертами являются:

- разделение труда среди членов бюрократической структуры;
- строгая иерархичность, соподчиненность различных бюрократических органов;
- определенная служебная компетенция;
- наличие свода строгих правил и инструкций;
- безличный характер деятельности, т.е. отсутствие «человеческого» подхода к проблеме;
- наличие аппарата, чиновников, рассматривающих свою службу как единственную или главную профессию, сориентированных на полную преданность организации;
- ориентация на личную карьеру — «повышение» — в соответствии со старшинством по службе, или в соответствии со способностями независимо от суждения начальника;
- подчинение строгой единой служебной дисциплине и контролю.

Разумеется, М. Вебер описывает идеальный тип рационального управления, а не существующую реальность. В его основе лежит идеализация реального положения вещей, что представляет лишь вектор движения, исходя из того, что все управляющие будут совершать только целерациональные действия. Аффективные личные пристрастия, личная преданность и т.д. — полностью исключены.

Сам М. Вебер прекрасно осознавал, что в поведении чиновников есть много непоследовательного и бездумного, что они далеко не всегда отчетливо формулируют и проводят в жизнь свои принципы с твердой последовательностью.

Господство: границы рационального

Социолог рассматривал господство как вероятность исполнения приказов управляющих управляемыми, как спо-

способность и возможность одного субъекта отдавать приказания, ориентируемые на других людей, которые, весьма вероятно, будут *добровольно* повиноваться (в отличие от *власти*, которая предполагает повиновение, определенное поведение, несмотря на сопротивление оппозиции).

М. Вебер обратил внимание на то, что властвующие, отдавая приказы и директивы, всегда ориентируются на «обобщенного другого», — т.е. на возможную реакцию окружающих, подчиненных, стремясь к тому, чтобы последние доверительно относились к власти. Иными словами, властвующие стараются добиться осуществления власти через *легитимное господство*, под которым понимается добровольное принятие власти, одобрение, её «внутреннее оправдание»¹.

Подчиняющиеся, однако, отнюдь не пассивно следуют директивам властвующих. Подчинение может быть основано на самых разных мотивах: страхе за жизнь и свое имущество, личной зависимости, вере в авторитет правителя. Иными словами, мотивы и действия людей, включенных в процесс господства, в разных странах и культурах различаются по *степени их рациональности*.

По этому критерию социолог выделял три *идеальных типа господства*.

1. *Легальное господство*, которое опирается на осознанные убеждения в целесообразность, разумность существующей политической власти, правомочность органов, призванных властвовать, на общие для всех обязательные правовые нормы, регулирующие отношения господства и подчинения. Это «господство в силу “легальности”, в силу веры в обязательность легального *установления* (*Satzung*) и деловой “компетентности”, обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил, — господство в том виде, в каком его осуществляют современный “государственный служащий” и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении»².

Так, например, американцы верят в целесообразность президентской системы правления, предусматривающую разделение властей, легитимность всеобщих выборов. В этих условиях авторитет президента США, сенаторов, конгресс-

менов, судей основывается на исторически сложившейся системе легальных правил и законов, а также обосновывается рациональной целесообразностью.

Техническим механизмом, позволяющим осуществлять легальное господство, основанное на целерациональных действиях, М. Вебер считал *бюрократию рационального типа*.

В западных странах в процессе организационно-рациональной эволюции сложились структуры, которые требуют рационального управленческого труда: дифференциация функций, исключение личных симпатий и антипатий из исполнения служебных обязанностей, строгая исполнительская дисциплина. Но главное — там правит закон, и люди подчиняются ему, а не праву сильного, не революционной или «демократической» целесообразности и не «телефонному» праву.

И бюрократы — это тот слой профессиональных управляющих, которые практически гарантируют безукоризненное исполнение законов. Малейшая процедурная ошибка ведет к отмене наказания человека, совершившего реальное правонарушение. Поэтому на Западе бюрократы в почете и в цене в прямом смысле слова. Им люди вверяют свои судьбы, полагаясь на их компетенцию. За их труд налогоплательщики платят достойное жалованье.

2. *Харизматическое господство* характеризуется эмоционально ориентированной преданностью политическому лидеру, которая поддерживается верой в историческое предназначение правителя. Подчинение в условиях харизматического господства основывается на приписывании и культивировании необыкновенных, сверхъестественных способностей властвующих личностей. Это господство основано на преданности харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте¹.

При харизматическом господстве действует репрессивное право. Власть закона сведена к минимуму, который дифференцированно применяется к лицам с различными социальными статусами.

Харизматическому господству свойственна совершенно иная *бюрократия, ценностно и политически ориентированная*. Её черты следующие: нравственный конформизм,

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 646.

² Там же. С. 646—647.

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 647.

верность существующему политическому порядку, личная преданность вышестоящим руководителям, продвижение по службе обусловлено не столько профессиональными качествами, сколько покровительством и протекционизмом. Статус бюрократа дает ему дополнительные формально не санкционированные привилегии, особенно привилегии материального толка, связанные с распределением того или иного дефицита «по своему хотению и велению».

С позиций веберовских представлений о формально-рациональной бюрократии совершенно ненормальной представляется ситуация в нашей стране и в прошлом, и сегодня, когда миллионы людей, вместо того чтобы *компетентно* заниматься своим *профессиональным делом*, создавая материальные и духовные блага, устремляются в управленческие структуры.

Остается в стороне даже сам вопрос о способности к специфически-рациональному управлению людьми. Возделение чиновничьих постов у нас приобрело рельефно выраженный иррациональный характер. Не удивительно, что у ряда новых управляющих самых разных рангов, пришедших к власти на «демократической волне», есть харизма, но нет элементарной управленческой культуры, отсутствует служебная компетенция, что сказывается и на характере их социальных действий, и на содержании принимаемых управленческих решений.

3. При *традиционном господстве* административный аппарат, по существу, полностью зависит от властителя и, стало быть, верность ему, а не компетентность, не следование законам служит основанием для занятия той или иной должности. Традиционное господство — «это авторитет “вечно вчерашнего”: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение»¹.

Как считает М. Вебер, *общая тенденция* развития управления идет по пути увеличения рациональных социальных действий и у тех, кто управляет, и у тех, кем управляют. В конечном счете, может утвердиться господство, при котором повиновение обусловлено соображениями интереса, преимуществами или невыгодами, т.е. в его основе лежат целерациональные действия.

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия. // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 646.

Так формируются в принципе условия для рационализации межличностных отношений во всех сферах общественной жизни. Однако рационализация не означает для *всех и всегда* благо.

Из работы: М. Вебер. Политика как призвание и профессия¹

Можно заниматься «политикой» — то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них — как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые — по общему правилу — занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них *первоочередным* «делом жизни» ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои наших парламентариев, которые «работают» на нее лишь во время сессий. В прошлом мы находим такие слои именно в сословиях. «Сословиями» мы будем называть полномочных владельцев военных средств, а также владельцев важных для управления вещественных средств предприятия или личных господских сил. Значительная их часть была весьма далека от того, чтобы полностью, или преимущественно, или даже больше чем только по случаю посвятить свою жизнь политике. Напротив, свою господскую власть они использовали в интересах получения ренты или прибыли и проявляли политическую активность на службе политического союза, только если этого специально требовали их господин или другие члены сословия...

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой». Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет «для» политики, в каком-то внутреннем смысле творит «свою жизнь из этого» — либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осу-

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

ществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит «делу», и тем самым *придает* смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубококом внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны — экономической. «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный *источник дохода*; «для» политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить «для» политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего нестоящих принудительных средств платежа — что, в сущности, одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет «для» политики, должен быть к тому же хозяйственно «обходим», то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов. Безусловно «обходим» в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно незаработанный доход, будь то земельная рента у помещика в прошлом, крупных землевладельцев и владетельных князей настоящего времени — а в античности и в средние века и рента, взимаемая с рабов и крепостных, — будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, *ни* — на что следует обратить особое внимание — предприниматель, в том числе и именно современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле «обходимыми». Ибо и предприниматель, и *именно* предприниматель, — промышленный в значительно большей мере, чем сельскохозяйственный, из-за сезонного характера сельского хозяйства — привязан к своему предприятию и необходим...

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие

такого плутократического руководства предполагало бы *отсутствие* у политически господствующего слоя стремления также жить и «за счет» политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи. Не было такого слоя, который не делал бы нечто подобное каким-то образом. Мы сказали только одно: профессиональные политики непосредственно не вынуждены искать вознаграждение за свою политическую деятельность, на что просто должен претендовать всякий неимущий политик. А с другой стороны, это не означает, что, допустим, не имеющие состояния политики исключительно или даже только преимущественно предполагают частнохозяйственным образом обеспечить себя посредством политики и не думают или же не думают преимущественно «о деле». Ничто бы не могло быть более неправильным. Для состоятельного человека забота об экономической «безопасности» своего существования эмпирически является — осознанно или неосознанно — кардинальным пунктом всей его жизненной ориентации. Совершенно безоглядный и необоснованный политический идеализм обнаруживается если и не исключительно, то по меньшей мере именно у тех слоев, которые находятся совершенно вне круга, заинтересованного в сохранении экономического порядка определенного общества; это в особенности относится к внеобыденным, то есть революционным, эпохам. Но сказанное означает только, что не плутократическое рекрутирование политических соискателей, вождей и свиты связано с само собой разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от предприятия политики, руководить политикой можно либо в порядке «почетной деятельности», и тогда ею занимаются, как обычно говорят, «независимые», то есть состоятельные, прежде всего имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым «пребендарием» или *чиновником* на жалованье. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия — чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, — или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. В прошлом лены, дарения земли, а с развитием денежного хозяй-

ства в особенности места, связанные со взиманием сборов, были типичным вознаграждением для свиты со стороны князей, одержавших победы завоевателей или удачливых глав партий; ныне партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. Все партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями...

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высококоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь...

Одновременно с подъемом вышколенного *чиновничества* возникали также — хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов — «руководящие *политики*»...

Возникли коллегиальные высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными — «кабинетом» — и через их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета — или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, — благодаря всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду...

Превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты, с другой — «политические» чиновники.

8.4. Перспективы рационализации власти в России: кейс-стади

Опираясь на веберовскую методологию, можно отметить, что пока в нашей стране не получили достаточного развития целерациональные действия индивидов. Соответственно не сформировались институты гражданского общества, которые предполагают развитие индивидуализма, личной ответственности. Стало быть, пока лишь в стадии образования находятся культурные и социальные реалии, которые бы оказывали достаточно серьезное противодействие иррациональным влечениям властителей.

Характером социальных действий россиян объясняется относительно легкое установление структур, основанных на авторитарном руководстве, которые, с одной стороны, декларировавшие гарантии коллективной безопасности перед лицом внешних и внутренних врагов, а с другой — патернализм на уровне всесильного государства. Нравится нам сегодня это или нет, но исторические факты свидетельствуют, что все революционные и реформистские замыслы недемократического, авторитарного толка были в России осуществлены довольно быстро и успешно — они коррелировали с характером традиционных, аффективных и ценностно-рациональных действий миллионов. Те же попытки направить граждан страны по пути развития самостоятельного принятия политических решений наталкивались и наталкиваются на контрастирующие социокультурные ценности и образцы поведения.

По М. Веберу, приверженность разных социальных групп и отдельных индивидов к различным типам социальных действий (с разной степенью в них рационального компонента) объективно ведет к *естественности политического неравенства*. Не в смысле прав и свобод людей, а в смысле их *компетентности* и *способности* быть активным социальным агентом, свободно принимающим решения и отвечающим за их последствия.

У социолога реализация идеи политической рациональности связана с разной степенью участия людей в политической жизни вообще и политической власти в особенности.

М. Вебер говорит о том, что можно быть:

— «политиками “по случаю”», когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление

ние, например, рукоплещем или протестуем на “политическом” собрании»;

— политиками «по совместительству» — быть доверенным лицом, членом правления партийно-политического союза, государственных советов и т.д. В этом случае политика «не становится для них *первоочередным* “делом жизни” ни в материальном, ни в идеальном отношении»;

— «*преимущественно*-профессиональными» политиками¹.

Из тенденции рационализации политической жизни логически вытекает идея превращения политики в своего рода «предприятие», которому требуются профессионально подготовленные люди с разными знаниями и умениями — чиновники-специалисты и «политические» чиновники.

Если эти принципы провести в нашу жизнь, то постепенно пойдет процесс её рационализации.

Утвердится порядок, согласно которому «ходить во власть» должны *профессионально подготовленные, компетентные в управлении* люди, которые прошли подготовительную учебу и службу, выдержали специальные экзамены, доказывающие их способности и возможности работать на политическом «предприятии», что нельзя путать просто с интеллектуальными способностями.

Остальные же должны почувствовать рациональность состояния быть *свободным от* профессиональной политики, чтобы обрести *свободу* для занятия иным делом профессионально. Это, заметим, не исключает для *всех* людей право оказывать влияние на власть, на характер принимаемых политических решений.

Ценными для россиян могут быть рекомендации М. Вебера относительно *минимизации коррупции в структурах государственной власти*. «“За счет” политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из неё постоянный *источник дохода*; “для” политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог жить “для” политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен

быть независим от доходов, которые может принести ему политика»¹.

По существу, из этого следует, что при нашем волеизъявлении, вопреки прежним стереотипным установкам выбирать из «низов своих парней» (они-де лучше знают нужды народа и будут заботиться о нем), отдать предпочтение при прочих равных условиях рекомендуется соискателю должности, уже обладающему интеллектуальной или материальной собственностью, имеющему постоянный доход (речь не идет о размерах его богатства), что, как правило, свидетельствует о его предрасположенности к целерациональным действиям и его потенциальной готовности для правовой, этической, в конечном счете — рациональной политики.

Примечательно, что проблему коррупции М. Вебер не сводит к её экономическому аспекту. Страна, в которой политическая элита дифференцирована, сталкивается с объективными сложностями, вызванными «коррупцией “партийно-политического” характера», когда «партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. *Все* партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также за патронаж над должностями»².

Как видно, проблема коррупции не является специфически российской, и, стало быть, можно использовать веберовские соображения о политическом рационализме для её нейтрализации.

Прежде всего, надо признать, что рациональная бюрократия, как функциональный элемент управления, есть атрибут рационально-легального господства. Если мы хотим российское политическое поле развивать именно в этом направлении, то лидеры *всех* партий и политических движений должны осознать, что в общих интересах минимизировать политическую коррупцию.

Говоря о рационализации политического господства, М. Вебер отмечал необходимость формирования и поддержания нового социального слоя — современного чиновничества, как «высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных много-

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 652–653.

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 654.

² Там же. С. 656.

летней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации постоянно усиливается и будет усиливаться впредь»¹.

Ориентация на этот тип рационального политического господства избавило бы российское общество от массовых иррациональных перемен в государственных институтах после очередных выборов, от чего в конечном счете все население несет материальные и духовные потери. «Подлинной профессией настоящего чиновника..., — замечает М. Вебер, — не должна быть политика. Он должен “управлять” прежде всего *беспристрастно* — данное требование применимо даже к так называемым “политическим” управленческим чиновникам... Политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — *бороться*»².

И ещё один принципиальный момент. Рациональное политическое господство отнюдь не тождественно безвластию, слабости, тем более её бессилию. В этой связи М. Вебер замечает, что государство является институтом, обладающим «монополией легитимного физического насилия»: «единственным источником “права” на насилие считается государство», «насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства — об этом нет и речи, — но оно, пожалуй, специфическое для него средство»³.

Трудно не согласиться с этим утверждением. Без решительных действий по укреплению Российского государства в этом плане у нас не исчезнут очевидные диспропорции в полномочиях ряда регионов. Кроме того, вне государства не должны существовать какие-либо вооруженные формирования или даже «общественные» структуры, претендующие на поддержание «социального порядка».

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 657.

² Там же. С. 666.

³ Там же. С. 645.

Основные термины и выражения

«Понимающая» социология — *verstehen sociology / comprehensive sociology* — по М. Веберу — социология есть «наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие». Ее представители анализируют смысловую значимость социальной жизни, субъективный смысл действий индивидов.

Аффективное действие — *affective action* — по М. Веберу — субъективно иррациональное действие, определяющей характеристикой которого является эмоциональное состояние субъекта — страсть, ненависть, гнев, ужас.

Бюрократическое господство — *bureaucratic domination* — по М. Веберу — господство, осуществляемое профессиональным административным аппаратом.

Бюрократия — *bureaucracy* — по М. Веберу — система, при которой функционирование государства и общественных институтов обеспечивается особым слоем управленцев-профессионалов.

Герменевтика — *hermeneutics* — 1) искусство толкования древних текстов и памятников; 2) метод интерпретации чужой индивидуальности, «другого», а также социокультурных реалий, широко используемый в интерпретивных парадигмах.

Господство — *domination / dominance* — по М. Веберу — вероятность исполнения приказов управляющих управляемыми, что позволяет осуществлять власть посредством институциональных форм.

Евроцентризм — *Eurocentrism* — принцип позитивистского мышления и теоретизирования, рассматривающий исторический опыт Европы, ее культуру, как «универсальные» реалии, что, соответственно, предполагало обоснование «объективно-исторических законов», по которым должны развиваться другие народы мира.

Идеальный тип — *ideal type* — по М. Веберу — методологический прием — «по своему значению — это чисто идеальное пограничное понятие», — позволяющий анализировать реальные действия индивидов или черты реальности, сравнивая их с моделью, своего рода стандартом, характерным для конкретного исторического периода, в котором доминируют определенные ценности.

Иррациональная рациональность — *irrational rationality* — по М. Веберу — иррациональные последствия от функционирования рациональных систем, что, в частности, проявляется в умалении магического, чувственного, тем самым социальная реальность становится менее значимой для людей.

Легальное господство — *legal domination* — по М. Веберу — господство, основанное на формальном и рациональном праве.

Легитимное господство — *legitimate domination* — по М. Веберу — господство, опирающееся на убеждение в законности власти.

Неокантианство — *Neo-Kantianism* — философское течение, характерное для конца XIX — начала XX в., исторический причиной

возникновения которого стал растущий разрыв между философией, социальными науками и науками естественными.

Понимание — нем. *Verstehen* / *comprehension* / *understanding interpretively* — пронизательность, способность проникновения в суть, смысл чего-либо; данный термин был взят на вооружение М. Вебером, чтобы подчеркнуть важность в поведении индивида таких факторов как его мысли, верования, отношения.

Практическая рациональность — *practical rationality* — по М. Веберу — рациональность, предполагающая детальный учет трудностей социальной реальности и отношение к ним с чисто прагматический позиций преследования эгоистических интересов.

Рациональность — *rationality* — по М. Веберу — «логическая или телеологическая последовательность какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции».

Субстанциональная рациональность — *substantial rationality* — по М. Веберу — рациональность, основанная на ценностных критериях.

Традиционное действие — *traditional action* — по М. Веберу — действие, протекающее по привычке, принятому образцу, формируемое на основе подражания тем или иным образцам поведения, закрепленным в культурной традиции.

Теорема Томаса — *Thomas theorem* — термин введен Р. Мертоном в честь американского социолога У. Томаса, обосновавшего следующий постулат: «Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях».

Теоретическая рациональность — *theoretical rationality* — по М. Веберу — когнитивный процесс познания реальности, предполагающий использование методов дедукции, индукции, выявления причинности и т.д.

Традиционное господство — *traditional domination* — по М. Веберу — господство, основанное на традициях, привычном убеждении в законности власти, передаваемой по наследству.

Формальная рациональность — *rationality, formal* — по М. Веберу — рациональность как самоцель, предполагающая, что индивид, осуществляя тот или иной выбор целей и средств их достижения, руководствуется универсально применяемыми правилами, законами, что особенно проявляется в функционировании бюрократии и экономики современного капиталистического общества.

Харизматическое господство — *charismatic domination* — по М. Веберу — господство, предполагающее подчинение авторитету харизматического лидера.

Целерациональное действие — *purposeful-rational action* — по М. Веберу — действие, характеризующееся осознанием индивидом своей цели, соотнесенной с рационально осмысленными средствами,

обеспечивающими ее достижение, а также ориентацией на ожидание определенной реакции со стороны других людей.

Ценностно-рациональное действие — *value-oriented-rational action* — по М. Веберу — действие, основанное на вере в его самодостаточную ценность, независимо от его успеха.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Представьте себе, что вас направили в зарубежную командировку для изучения опыта работы конкретной фирмы с целью возможного экономического сотрудничества с ней. На чтобы вы особо обратили внимание, используя положения веберовской интерпретивной парадигмы?

2. Каковы латентные последствия утверждения формальной бюрократии? Не сталкиваемся ли мы с невиданной ранее тенденцией, когда люди начинают предпочитать зарационализированность человеческих отношений с высокой социальной защищенностью, но с подавлением индивидуальности, с добровольным отказом от своих прав и свобод?

3. Как влияет Интернет на социокультурные реалии российского общества? Проанализируйте ситуацию через призму теоретико-методологического инструментария структурного функционализма, диалектико-материалистической и «понимающей» социологии.

4. Напомним, осмысливая суть амбивалентности «загадочной русской души», Н. А. Бердяев отмечает, что русский характер отличается антиномичностью при слабости «срединных» начал: «тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы». Насколько адекватны принципы формальной рациональности нашему национальному характеру? Почему тесты так хорошо «прижились» на Западе, а в России ЕГЭ вызывает широкое возмущение?

Семинар «М. Вебер — основоположник “понимающей” социологии»

1. Новый взгляд на роль естественных и социальных наук.
2. Классификация социальных действий. Преднамеренные и не-намеренные последствия социальных действий.
3. Категория «идеального типа», её применение в интерпретации социально-исторических событий.
4. Типы рациональностей и их измерение.
5. Исследование хозяйственной и социальной роли мировых религий.

Литература

1. *Алексеева, Т. А.* Современные политические теории / Т. А. Алексеева. — М. : РОССПЭН, 2000.
2. *Ашин, Г. К.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Г. К. Ашин, С. А. Кравченко, Э. Д. Лозанский. — М. : Экзамен, 2001.
3. *Батыгин, Г. С.* История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.
4. *Вебер, М.* Аграрная история Древнего мира / М. Вебер. — М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
5. *Вебер, М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. — М. : Юрист, 1994.
6. *Вебер, М.* Класс, сословие, партии (фрагменты) / М. Вебер // Личность. Культура. Общество. 2003. Вып. 1—2 (15—16). — М., 2003.
7. *Вебер, М.* О буржуазной демократии в России / М. Вебер // Социс. — 1992. — № 3.
8. *Вебер, М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : «Прогресс», 1990.
9. *Вебер, М.* Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : «Прогресс», 1990.
10. *Вебер, М.* Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : «Прогресс», 1990.
11. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : «Прогресс», 1990.
12. *Воронцов, А. В.* История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глотов. — М. : Юрайт, 2013.
13. *Гайденоко, П. П.* История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденоко, Ю. Н. Давыдов. — М., 1991.
14. *Давыдов, Ю. Н.* «Веберовский ренессанс» и обновленный интерес к классике / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии. Т. 4. — СПб., 2000.
15. *Давыдов, Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальный проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. — М. : МФТИС, 1998.
16. *Зарубина, Н. Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства / Н. Н. Зарубина. — М. : ИЧП «Издательство Магистр», 1998.
17. *Зарубина, Н. Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации / Н. Н. Зарубина. — СПб. : РХГИ, 1998.
18. История социологии в Западной Европе и США // отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа: НОРМА—ИНФРА · М, 1999.
19. *Итвел, Р.* Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий / Р. Итвел // Социс. — 2003. — № 3.
20. *Кравченко, Е. И.* Макс Вебер / Е. И. Кравченко. — М. : Весь мир, 2002.
21. *Кравченко, С. А.* Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
22. *Кукушкина, Е. И.* История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.
23. *Кюэн, Ш.* — А. Социологи и одержимость пониманием. Неопозитивистское прочтение Макса Вебера / Ш. — А. Кюэн // Социс. — 2001. — № 12.
24. Макс Вебер, прочитанный сегодня / под ред. Р. П. Шпаковой. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997.
25. *Смирнова, Н. М.* Исторические типы рациональности в социальном познании / Н. М. Смирнова // Исторические типы рациональности. Т. 1 / под ред. В. А. Лекторского. — М., 1995.
26. *Шпакова, Р. П.* Макс Вебер о становлении демократии в России / Р. П. Шпакова // Социс. — 2003. — № 3.
27. *Bendix, R.* Max Weber: An Intellectual Portrait / R. Bendix. — Garden City, N.Y. : Doubleday, 1960.
28. *Kalberg, S.* Max Weber / S. Kalberg // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
29. *Ritzer, G.* Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.
30. *Swedberg, R.* The Max Weber Dictionary: Key Words and Concepts / R. Swedberg. — Stanford: Stanford University Press, 2005.
31. *Weber, M.* The Theory of Social and Economic Organization / M. Weber. — N.Y. : Free Press, 1947.
32. *Whimster, S.* Max Weber and Interpretation / S. Whimster // Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.

Глава 9

ФОРМАЛЬНО-РЕЛЯТИВИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ Г. ЗИММЕЛЯ

Г. Зиммель — немецкий социолог, основоположник *формальной социологии*. Известный венгерский социолог Д. Лукач (см. главу 7) охарактеризовал его творчество как *«импрессионистское»*. Г. Зиммель обосновал новые теоретико-методологические принципы исследования форм взаимодействия людей, их социальных типов, внесший существенный вклад в институализацию социологии как науки и учебной дисциплины.

Г. Зиммель родился 1 марта 1858 г. в Берлине в еврейской семье, главой которой был успешный бизнесмен, основатель шоколадной компании. Получил великолепное разностороннее образование, включая музыкальное. Пробовал себя в литературном творчестве, писал стихи.

По окончании философского факультета Берлинского университета, занялся наукой, написав докторскую диссертацию на оригинальную тему *«Психологические и этнографические изучения первопричин музыки»*. Попытка её защиты оказалась неудачной: «Мы сделаем великое благо, если остановим его усилия в этом направлении», — заявил один из профессоров.

К счастью для социологии, Г. Зиммель продолжил заниматься наукой. Ему все же удалось защитить диссертацию, правда, на иную тему — посвященную этике и логике И. Канта. Однако более 30 лет он занимал не столь значительные должности в академической сфере: лишь через 4 года после получения ученой степени он стал приват-доцентом, ещё через 15 лет — экстраординарным (внештатным) профессором Берлинского университета. Несмотря на всемерную поддержку, которую ему оказывал М. Вебер, Г. Зиммель занял должность полного профессора в Страсбургском университете лишь за 5 лет до своей кончины. Современ-

ные исследователи творчества социолога объясняют данные обстоятельства антисемитизмом немецких чиновников того времени.

Г. Зиммель вместе с М. Вебером и Ф. Тённисом основал Немецкую социологическую ассоциацию (1910 г.).

Среди работ Г. Зиммеля: *«Дарвинизм и теория познания»*, *«Проблемы философии истории»*, *«Введение в моральные науки: критика основных этических концепций»*, *«Социальная дифференциация»*, *«Конфликт современной культуры»*, *«Философия денег»*, *«Социология исследования форм социаций»*, *«Проблема социологии»* и др.

Труды Г. Зиммеля были известны российским социологам. Первые четыре из названных выше работ были переведены на русский и другие европейские языки ещё в конце XIX — начале XX в. Методология его трудов использовалась и американскими социологами, особенно представителями Чикагской социологической школы, которые стремились отойти от абстрактного теоретизирования при изучении конкретных проблем социальной окружающей среды.

Умер Г. Зиммель от рака 26 сентября 1918 года.

Ныне интерес к творчеству Зиммеля возрастает — многие его пласты наследия поражают оригинальностью. С 1989 г. в Германии стало выходить Полное собрание сочинений Зиммеля.

9.1. Теоретико-методологические основания

Предметная область, её развитие

На характер творчества Г. Зиммеля оказал влияние широкий круг социальных теоретиков.

В ранний период для него были характерны эволюционно-позитивистские позиции, навеянные работами Ч. Дарвина и Г. Спенсера. В интерпретации влияния взаимоотношений индивидов на функциональность культуры и общества прослеживаются дюркгеймовские мотивы («все определенным образом взаимодействует с чем-нибудь ещё», — писал Г. Зиммель). Следующий период в идейном развитии, обычно называемый «неокантианским», связан с обращением к трудам философа И. Канта, его подходам к различению формы и содержания, интерпретации ценностей. Г. Зиммель также использовал диалектику К. Маркса, его концепцию отчуждения, подход к анализу общественных

явлений через призму их внутренних противоречий. Вместе с тем он не принял революционный оптимизм К. Маркса. Также Г. Зиммель испытал глубокое влияние идей своего друга М. Вебера относительно рационализации общественной жизни. Последний этап его идейного развития связан с анализом нарастания иррациональных тенденций в культуре современного общества.

Представления Г. Зиммеля о предмете социологии как особой дисциплины менялись и уточнялись на протяжении всего творчества. В итоге можно выделить три предметные сферы, соответствующие трем выше обозначенным периодам его идейного развития.

Изначально ученый, как и многие его современники, стремился создать «чистую» теорию, которая бы строилась на аналитическом основании, позволяющем объективно интерпретировать общественную жизнь. Таким основанием для него были эволюционный позитивизм Ч. Дарвина и Г. Спенсера в сочетании с этнопсихологией, о чем свидетельствуют работы этого периода: «Дарвинизм и теория познания». Как заметил сам Г. Зиммель, ему потребовалось десять лет, чтобы перейти «от этнопсихологии к социологии», что сопровождалось развитием «формального» подхода.

На втором этапе творчества предметом его изучения становятся формы социального взаимодействия, взятые вне конкретного содержания, находящегося, например, в таких формах, которые он исследовал, как господство, подчинение, соперничество, флирт, свободное общение и т.д.

Заметим, что особенно важно для тех, кто решит обратиться к рекомендуемой литературе, что используемое здесь понятие «социальное взаимодействие» довольно трудно перевести как на русский язык (используются, в частности, эквиваленты «общение», «социация» и «обобществление»), так и на английский (в работах американских социологов встречаются в качестве эквивалентов «association» и «sociation», что, очевидно, и привело к появлению русской кальки — «социация»).

В свой термин Г. Зиммель вкладывал тот смысл, что в процессе общения индивиды непрерывно порождают общество. Со своей стороны, общество, побуждая индивидов к конкретным формам взаимодействия, делает их «обобществленными».

Этот процесс мы и будем иметь в виду, прибегая к более простому и современному термину «социальное взаимодействие» как эквиваленту «социации» и «обобществления», использованные при переводах, на которые даются отсылки.

В статье «Проблема социологии» Г. Зиммель, подчеркивал, что его интересуют формы социального взаимодействия: «Особые причины и цели, без которых, конечно, никогда не происходит обобществление, образуют некоторым образом тело, материал социального процесса; но что действие этих, споспешествование целям вызывает среди их носителей именно взаимодействие, обобществление, — это форма, в которую облекаются эти содержания»¹.

Кроме форм социального взаимодействия Г. Зиммель считал необходимым исследовать типы людей, вовлеченных в это взаимодействие: бедняк, циник, кокетка, проститутка, аристократ и другие. Предметом его анализа были также социальные и культурные продукты человеческой истории в контексте того, как происходит образование общественной формы².

Заметим, что социолог различал индивидуальную (субъективную) и объективную культуру, являющиеся также предметом социологического исследования.

Наконец, на завершающем этапе своего творчества социолога интересуют проблемы философско-социологического толка, такие как: является ли общество целью человеческого существования или средством, каковы ненамеренные последствия развития интеллекта, денежного хозяйствования (социология, считал Г. Зиммель, может их предвидеть), воздействие все увеличивающегося и усложняющегося культурного производства на индивида, появление новых форм отчуждения, их влияние на перспективы развития культуры и человечества.

Методология

Центральным принципом для Г. Зиммеля является методологический релятивизм, воззрение, согласно которому все знания об индивидах и общественных структурах являются относительно правильными. Они зависят от множества факторов и в частности: от ценностных ориентаций людей, их

¹ История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон, 1998. С. 288—289.

² Там же. С. 292.

внутреннего жизненного опыта, от положения, которое они занимают в социальном пространстве, от количественных и качественных параметров социальной группы и многого другого.

Вместе с тем ценности и нормы также существуют в интернализированной форме в сознании индивида, т.е. усвоены им и выступают как внутренние импульсы, определяющие поведение и характер взаимодействия данного индивида с другими людьми. Благодаря этому действия индивида обретают *релятивный характер*: у него практически всегда есть возможность выбора деятельности.

Постулат о релятивности ценностей и норм логически приводит Г. Зиммеля к взгляду на социологию как на *рефлексивную науку*. Добытое её знание в конечном счете зависит от характера знания самих социологов, их видения мира.

Г. Зиммель, так же как и К. Маркс, использовал *диалектический подход* при интерпретации общественных реалий, предполагающий их анализ в контексте *противоречий* и *конфликтов*, суть которых раскрывается через показ *дуализма* взаимодействующих сторон.

Однако если марксистская диалектика нацелена прежде всего на выявление внутренних закономерностей в *материальном, экономическом* развитии (ибо от них в конечном счете зависит развитие всего остального), то зиммельская диалектика сфокусирована на различных аспектах *социального и культурного мира*.

Если К. Маркс предполагал, что противоречия могут быть сняты, «разрешены» при переходе от капитализма к социализму, соответственно, становится возможным гармоническое, *разумное* развитие индивидов без социальных конфликтов, то для Г. Зиммеля противоречия есть *атрибут развития человеческой цивилизации* — пока существует *дуализм сторон*, их *амбивалентность* возможно социальное взаимодействие и, соответственно, общественная жизнь. При этом Г. Зиммель, опираясь на свои *культурологические* истолкования новых форм отчуждения (опять-таки в противоположность экономических подходов К. Маркса), прогнозирует неизбежное нарастание *иррационалистических* тенденций, которые негативно скажутся на судьбах человечества.

Еще одной характеристикой методологии Г. Зиммеля является *антиредукционизм*, выражающийся в том, как считает современный английский социолог С. Лэш, что ученый

не сводит суть важных социальных явлений к совокупности комбинаций низшего порядка, а имеет дело с эмерджентными социальными формами¹.

Методы социальной геометрии

Согласно социологическому воображению Г. Зиммеля, *социальные смыслы* реалий *релятивны*, они зависят от множества факторов и, в частности, от переменных, которые взятые в совокупности, по меткому выражению Дж. Ритцера, стали именоваться *социальной геометрией*².

К этим переменным относятся — социальное пространство, дистанция, число и время.

По мысли Г. Зиммеля, *пространственная форма* может иметь важное значение при интерпретации социальных явлений, которые, будучи сходными, могут существенно различаться благодаря их пространственным различиям.

Так, у всех государств есть общие качества (политическая форма организации общественной жизни, возможность применения насилия при осуществлении управления и т.д.), но *исключительность пространства* каждого из них делает их принципиально различными. При всех экономических и социальных проблемам современной России, её огромная территория предполагает отнесение нашего государства к разряду великих, оказывающих решающее влияние на развитие человеческой цивилизации.

Каждое общественное образование — группа, община, город, этнос — имеет свое социальное пространство, которые в некоторых случаях могут налагаться друг на друга, а в некоторых — нет, что может оказывать влияние на их характеристики.

В связи с этим Г. Зиммель отмечал важность *проведения границ* в пространстве: «Граница — это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется», — писал он³.

Именно границы общественного образования в социальном пространстве позволяют воспринимать его в единстве и целостности, что дает возможность изучать *относитель-*

¹ Lash, S. 'Lebenssoziologie': Georg Simmel in the Information Age // Theory, Culture and Society, 2005. № 22.

² Ritzer, G. Classical Sociological Theory. McGraw Higher Education, 2000. P. 268.

³ История теоретической социологии. Т. 2. М. : Канон, 1998.

ность, своеобразие функций общественных образований, относящихся к одному и тому же типу. Скажем, от пространственных параметров населенных пунктов зависят их экологически функции; социальные риски в больших городах разнообразнее, чем в маленьких и т.д.

Дистанция предполагает *относительность ценности* предметов или явлений в зависимости от их положения в социальном пространстве.

Например, функциональность ценности по отношению к конкретным индивидам зависит от расстояния. Ценность перестает быть ценностью, если она близка, ежедневно доступна. Для жителей какой-либо африканской страны не являются ценностью произрастающие там экзотические растения. Ведь не зря говорят: что имеем, не ценим. Но те же растения могут иметь весьма большую ценность, скажем, для европейцев.

И, напротив, ценность, которая практически не доступна, перестает быть ценностью. Скажем, для жителей, постоянно проживающих в сельской местности, отдых на Средиземном море не является ценностью: они считают, что это просто не для них.

Наибольшую ценность имеет лишь то, что дистанционно доступно, но достигается с приложением больших усилий.

Характер *функционирования* индивидов или социальных групп также *относителен* и зависит от дистанции.

Так, функции как обучающих, так и обучаемых могут весьма существенно различаться, что определяется местом их положения. Содержание образования имеет один характер, если учитель непосредственно контактирует с учащимися. И совсем другое образование имеет место при дистанционном обучении, где важную роль играют компьютер и интернет — учащиеся будут, по крайней мере, лишены духовной составляющей предлагаемого им знания.

Или другой пример: функции членов семьи прямо зависят от того, проживают ли супруги, их дети, родители вместе или раздельно. Характер их взаимодействия в каждом возможном случае будет иным.

Число людей, *размер* группы также делает относительным качество их взаимодействия. И один человек в принципе может осуществлять взаимодействие. Но взаимодействие приобретает качественно иной характер, если в него включаются два, три или более индивидов.

Г. Зиммель замечает: «Численно самые простые образования, которые еще вообще могут быть названы социальными взаимодействиями, возникают, как кажется, всякий раз между двумя элементами. И, тем не менее, глядя с внешней стороны, есть еще более простое образование, относящееся к социологическим категориям; а именно, как бы парадоксально и, собственно, противоречиво это ни казалось, изолированный индивид. Меж тем фактически процессы, которые образуют двойку элементов, часто проще, чем те, что необходимы для социологической характеристики единицы»¹.

Г. Зиммель провел особое изучение *диады* (группа, состоящая из двух взаимодействующих индивидов) и *триады* (группа, состоящая из трех взаимодействующих индивидов), показав существенные функциональные и ролевые различия в этих группах.

Каждый член диады сохраняет высокий уровень индивидуальности. Взаимодействие двух людей весьма сильно зависит от их индивидуальных качеств. При этом его участники испытывают ощущение ограниченности функционирования группы во времени, понимая, что группа вообще прекратит существование, если кто-либо выйдет из неё по тем или иным причинам.

У триады появляется возможность образования относительно независимой групповой структуры, которая неизбежно будет оказывать давление на индивидуальность взаимодействующих. Появляются новые социальные роли, которые в принципе исключены в диаде.

Новый член в группе по крайней мере может трояко влиять на динамику взаимодействия в ней. Так, третий может играть *объединяющую* роль в триаде. Он может выполнять роль *посредника*, организовывая компромиссные решения проблем. Наконец, третий может играть роль авторитета, осуществляющего стратегию *«разделения»* двух и *«владения»* над ними.

Г. Зиммель изучал и *численно большие* социальные группы, состоящие из более трех индивидов. В связи с этим им было показано, что расширение социального пространства, увеличение числа взаимодействующих ведет к изменению характера самого взаимодействия.

¹ Simmel, G. Lebensanschauung: Vier metaphysische Kapitel. München; Leipzig, 1918; История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон, 1998. С. 309.

Время для Г. Зиммеля — важная характеристика социального бытия. Для социолога важно, как соотносятся формы социального взаимодействия — *синхронно* или *диахронно*, какова их *скорость*, есть ли у них конкретные *ритмы* существования и развития.

В целом эти четыре понятия позволяют обосновать *пространственно-временную многомерность* — уникальный подход, используемый Г. Зиммелем для интерпретации форм социального взаимодействия, который прямо контрастировал с одномерными представлениями социальных реалий в других социологических теориях его времени.

Конкретным средством раскрытия социальной многомерности у социолога служит *дуализм*. Дуалистический принцип предполагает изучение *пространственно-временной корреляции* социальных явлений.

Г. Зиммель исходил из того, что «социальные формы остаются идентичными самим себе, в то время как их члены меняются»¹. Социолог отмечает, что «непрерывность социальных форм» детерминирована «постоянством территории, на которой живут члены данного социального коллектива». Однако фактор территории *не абсолютен* для сохранения и поддержания конкретной социальной формы, он изменяется во времени: «Когда народ изгнан или покорен народом-победителем, мы говорим: государство изменилось, хотя территория осталась той же»².

Дуализм позволяет выявить, что социальное действие может *одновременно* и в *равной степени* соответствовать двум критериям социального действия — быть рациональным и аффективным, — что в принципе характерно для *разных* социальных пространств. И, тем не менее, данное действие имеет место в таком социальном взаимодействии, как *кокетство, флирт*, что будет рассмотрено ниже.

Дуализм также позволяет выявлять *амбивалентность* социальных сил, характер их воздействия в *разные* временные периоды. Например, такая форма социального взаимодействия, как принятие решений, предполагает социальные действия, как в настоящем, так и в будущем.

Наконец, что, пожалуй, самое важное — принцип дуализма позволяет Г. Зиммелю рассматривать социальное вза-

имодействие в разных плоскостях, как на *горизонтальном*, так и на *вертикальном* уровнях.

Например, игровые формы социального взаимодействия — кокетство, флирт, свободное общение — *вертикально дистанцируются* над «реальной» жизнью. Указанные формы предполагают *иное социальное пространство*, в котором взаимодействующие переворачивают пространство вверх дном: социально неравные могут на время становиться социально равными, подчиненные — властителями. Ниже игровые формы социального взаимодействия будут рассмотрены специально.

Концепция понимания как метод социального познания

Так же, как и М. Вебер, Г. Зиммель стремился создать свою концепцию понимания, пригодную для интерпретации явлений социальной жизни, включая и историческое толкование данных и фактов. Свое видение понимания социолог изложил во втором немецком издании «Проблем философии истории», где он дает понять, что для него неприемлема методология познания, характерная для позитивистской социологии, противопоставляя ей *методологическую релятивизацию* социологических объяснений.

Г. Зиммель исходит из общего *релятивистского характера* своей методологии: исследователь познает *не* объективные характеристики общества, а *отраженные представления* образа социального мира, выраженные через интеллектуальные идеи, чувства, мотивы деятельности. «Всякое общение людей, — писал он в выше названной работе, — в каждый момент базируется на той предпосылке, что в основе определенных физических движений каждого индивидуума — жестов, мин, звуков — лежат душевные процессы интеллектуального, чувственного и волевого рода»¹.

Опираясь на эту общую посылку, Г. Зиммель обосновывает несколько ступеней процесса познания.

Прежде всего, возможно *познание по аналогии*: «Опыт собственного Я демонстрирует нам связь внутренних процессов с их выражением, вследствие чего мы, исходя из тождественного процесса, наблюдаемого в другом, делаем заключение о душевном событии, аналогичном нашему»².

¹ Сорокин, П. А. Система социологии. Т. 1. М. : Наука, 1993. С. 405.

² Там же. С. 363.

¹ История теоретической социологии. Т. 2. М. : Канон, 1998. С. 296.

² Там же. С. 296.

Далее, следующая ступень научного понимания предполагает, что наблюдатель вычленил *нечто общее*, что есть у него и у предмета познания. «Причем, — замечает Г. Зиммель, — эта общность, конечно, не является ни причиной, ни порукой истинного познания, но только одним из его условий»¹. Следовательно, нужно подниматься ещё выше.

И следующая ступень познания связана с выявлением, насколько действие индивида *осознанно* или же оно есть результат *бессознательной духовности*. Иными словами, необходимо выяснить, «где же вообще сознание фундирует видимые события, а где их источником являются не осознанные силы»².

Но и этого мало, чтобы говорить об истинном познании. Необходимо понять *мотивы* действующего индивида, для чего необходимо «воссоздание субъективности, которое возможно опять-таки только в субъективности»³.

Здесь уже открываются реальные перспективы осуществления *типизации*, т.е. показа взаимосвязи душевной жизни конкретного субъекта, его представлений с общепринятыми ценностями. Г. Зиммель замечает: «... определенным связям представлений сопутствует ощущение, что они возникают не только в силу случайности и моментальной и моментальной преходящести душевной жизни субъекта, но что они имеют типическую значимость»⁴.

Как видно, все эти методы понимания не выходят за рамки *субъективной объективности*.

Однако, строго говоря, зиммелевская трактовка понимания *не* ставит вообще вопрос об объективности познания, который заменяется кантинианской идеей о *социальном априори* — представления о том, что люди воспринимают друг друга с учетом *общих психологических связей, общего разделения взаимных представлений об окружающем мире*, сформированных в результате взаимодействия.

«... Априорно положение, — замечает Г. Зиммель, — что душа каждого другого человека есть для нас единство, т.е. представляет собой понятную взаимосвязь процессов, через которую или как таковую мы познаем»⁵.

И наконец, для социолога особенно важно такое средство познания, как *практика жизни*, которая позволяет из реальных фрагментов индивида, изменяющихся в пространстве и времени, в итоге создавать как представления о его *уникальной индивидуальности*, так и причислять данного индивида к *конкретному социальному типу*.

«Практика жизни, — писал он, — заставляет создавать образ человека из реальных частей, составляющих эмпирическое знание о нем; но именно она-то и основывается на этих изменениях и дополнениях, на преобразовании этих данных фрагментов во всеобщность типа и полноту идеальной личности»¹.

Отнюдь не случайно, Г. Зиммель подчеркивал, что исследователь исторической личности, чтобы понять мотивы её поведения в контексте динамики изменений и дополнений, должен иметь дело не с реальностью объекта, а погружаться в его идею, воплощенную в форме духа. Поэтому он должен быть «непрерывно художником»².

Говоря современным языком, зиммелевское понимание созвучно *социологическому воображению*, разумеется, трактуемому с позиций *своих* методологических принципов.

Подчеркнем, Г. Зиммель весьма строго относился к *границам предмета* социологии, её защите как *самостоятельного академического поля* исследования.

Он резко выступал против *теоретической бездомности* — того, что в начале XX в. появилась тенденция объявлять «социологическими» всевозможные незрелые социальные теории с расплывчатыми предметными контурами. Так как социология является сравнительно «новой наукой», — писал он, — то к ней устремились всевозможные нигде не находящие себе должного помещения проблемы, — вновь открытая страна всегда Эльдorado для бездомных и беспочвенных элементов: неизбежная на первых порах неопределенность и незащищенность границ дает каждому право искать там убежища»³.

Но особенно нетерпим был Г. Зиммель к попыткам нарушения методологических основ социологии, в частности, отказа от принципа свободы от ценностных суждений, который подменялся «морализацией» социологии. В знак протеста

¹ История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон, 1998. С. 297.

² Там же. С. 297.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же. С. 298—299.

⁵ Там же. С. 304.

¹ История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон, 1998. С. 304.

² Там же. С. 300.

³ Сорокин, П. А. Система социологии. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 49.

ста против этих тенденций Г. Зиммель вместе с М. Вебером и В. Зомбартом вышел из Немецкой социологической ассоциации в 1912 году.

Объективности ради, заметим, что сам Г. Зиммель нарушил принцип свободы от ценностных суждений, когда в 1914 г. с началом Первой мировой войны стал читать лекции, в которых прославлял «германский дух», пропагандировал милитаризм как средство решения культурных проблем современности.

Но в 1917 г. Г. Зиммель пишет работу посвященную проблеме «*поля социологии*», свидетельствующую о его возвращении к фундаментальным принципам социологии. И великим социологам в жизни трудно было сохранить идеологическую нейтральность.

9.2. Социальное взаимодействие

Как уже было отмечено выше, главный интерес Г. Зиммеля заключается в исследовании *социального взаимодействия*.

Здесь социолог поднимает три группы проблем:

- исследование характера *взаимовлияния индивидов и общества*;
- анализ *форм взаимодействия* между индивидами, которые, с точки зрения Г. Зиммеля, образуют само общество;
- исследование *типов взаимодействующих* индивидов.

Индивиды и общество

В анализе взаимодействия индивидов и общества у Г. Зиммеля всегда присутствуют два момента.

Первый — изучение группы индивидов, взаимодействующих на основе различных мотивов и интересов, что и составляет историю развития человеческого общества: «Это, — отмечал Г. Зиммель, — комплекс обобществленных индивидов, общественно оформленный человеческий материал, составляющий всю историческую действительность»¹. Вместе с тем социолог считал, что взаимодействие людей в конечном счете создает социальные структуры, общество.

¹ История теоретической социологии. Т. 2. М. : Канон, 1998. С. 287.

Поэтому *второй* составляющей анализа является общество как «сумма тех форм связи, благодаря которым из индивидов и получается общество в первом смысле»¹.

Следует отметить, что в исследовании данной проблематики Г. Зиммель остается верным своему релятивизму, который проявляется в том, что социолог не принял методологию *социального реализма*, характерную для Э. Дюркгейма. Напомним, что её суть выражается в том, что общество рассматривается как полностью самостоятельная реальность.

Г. Зиммель также отверг и методологию *социологического номинализма*, предполагающую, что общество состоит из совокупности разрозненных индивидов. Социолог выработал *свой*, как бы промежуточный подход, согласно которому общество есть непрерывно порождаемый процесс, поддерживаемый благодаря взаимодействию сознательных индивидов, обладающих волей и, следовательно, возможностью выбора путей деятельности.

Сила зиммельского социологического воображения проявилась при интерпретации *латентных смыслов социальных конфликтов, противоречий*, возникающих в процессе взаимодействия индивидов и общества, что ученый выражает через понятия «*жизнь*», «*более-жизнь*» и «*более-чем-жизнь*».

Противоречия проявляются прежде всего в *специфике культурного отчуждения* людей от созданных ими же самими социальных реалий.

«Более-жизнь» означает, что люди в процессе социального взаимодействия и более конкретно — в процессе творчества и труда *непрерывно создают* нечто культурное и социальное, что выходит за границы их собственной жизни, остается после них. Тем самым возникают *объективно существующие реалии*, названные социологом «более-чем-жизнь», которые вступают в противоречие с «более-жизнь», т.е. начинают обратно влиять на характер взаимодействия людей, на их созидательные возможности.

А «*жизнь*» же конкретных индивидов неизбежно оказывается в этом единстве, в борьбе противоположностей между «более-жизнь» и «более-чем-жизнь».

Люди попадают в центр конфликта:

- с одной стороны, на них давит необходимость взаимодействовать и тем самым создавать все новые и новые социальные структуры и культурные ценности;

¹ История теоретической социологии. Т. 2. М. : Канон, 1998. С. 287.

— с другой стороны — их жизнь находится под прессом того, что ими и всеми предыдущими поколениями было создано и что может иметь весьма деструктивные последствия для ныне живущих, а также будущих поколений людей.

Однако выйти из этого конфликта, оставаясь при этом в обществе, не дано никому.

Весьма инновационно Г. Зиммель мыслит *социальную дифференциацию*, исходя из того, что данный фактор — одна из существенных причин, заставляющих индивидов взаимодействовать, вступать в социальные группы.

При её анализе социолог широко использует принципы социальной геометрии.

С увеличением размера группы и углублением социальной дифференциации, увеличивается индивидуальность её членов, они становятся более свободными, считал он. И вместе с тем социальные взаимодействия становятся все более обезличенными.

Чем же меньше социальная группа, тем она больше контролирует своих членов чему способствует фактор относительной ограниченности, замкнутости социального пространства.

В большом обществе, если следовать этому принципу, индивиды обладают бóльшей свободой. Однако замечает социолог, такое происходит далеко не всегда, ибо большое общество через относительно небольшие группы может осуществлять тотальный контроль над поведением своих членов. Кроме того, в больших обществах могут образовываться численно большие *массы*, которые оказываются под воздействием ранее созданных примитивных идей «более-чем-жизни».

Массы, считает Г. Зиммель, предрасположены к упрощенным формам взаимодействия, основанных на эмоциональных действиях, в которых нет рациональности. Увеличение размера массы приводит к тому, что границы между индивидами стираются, утверждаются обезличенные отношения.

Формы взаимодействия

Составным компонентом социологического воображения Г. Зиммеля является *дуализм*, выражающийся в *особом диалектическом мышлении* ученого, позволяющего выявлять *многогранность смысла* социальных явлений, наличие внутреннего конфликта между сторонами одного и того же явления, что особенно проявляется в *формах взаимодей-*

ствия людей (им, в частности, исследовались мода, секретность, флирт и другие формы).

Для Г. Зиммеля *форма* социального взаимодействия важнее, чем *содержание*. С его точки зрения, социология сродни грамматике, которая отделяет чистые формы языка «от содержаний, в которых живут эти формы»¹.

Его выбор исследования основывается на том фундаментальном эмпирическом факте, что индивиды взаимодействуют в *одинаковых формах*. «В общественных группах, самых несходных по целям и по всему их значению, мы находим все же одинаковые формы отношения личностей друг к другу. Главенство и подчинение, конкуренция, подражание, разделение труда, образование партии, представительство... встречаются в государственном общегитии и в религиозной общине, в шайке заговорщиков и в экономическом товариществе, в художественной школе и в семье. *Как бы ни были многообразны интересы*, которые вообще приводят к этим обобществлениям, — *формы, в которых они совершаются, могут быть одинаковы*»².

Соответственно, социолог вычленяет явления социальных взаимодействий как формы «живой» реальности, исследует также *дуалистические компоненты* формы, обеспечивающие её функциональность. Примерами социальных форм являются: мода, секретность, религиозность, общение, кокетство, разговор, дружба, любовь, господство, подчинение и т.д.

Г. Зиммель не пытался как-то систематизировать формы взаимодействия. Рассмотрим некоторые из них.

Мода — форма социального взаимодействия, предполагающая *дуализм* подражания и индивидуализации. Она позволяет тем, кто хочет того, соответствовать определенным требованиям социальной группы. Вместе с тем, мода предполагает наличие ценностей и норм (вещи, одежда, манеры, идеи, жизненный стиль и т.д.), следуя которым индивиды проявляют свою индивидуальность, выделяются среди других в конкретном социальном пространстве. Отличие некоторых людей, в плане обладания ими конкретными ценностями, позволяет считать их *модными*. При этом модным является лишь то, что *дистанционно* доступно, но достигается с приложением относительно больших усилий. Мода зависит и от *числа*: по мере увеличения числа людей, стано-

¹ История теоретической социологии. Т. 2. М. : Канон, 1998. С. 294.

² *Сорокин, П. А.* Система социологии. Т. 1. М. : Наука, 1993. С. 81.

влящихся обладателями той или иной ценностью, последняя утрачивает свою привлекательность, т.е. выходит из моды.

В процессе данного взаимодействия, как, впрочем, и всяком другом, возникают противоречия. В нашем случае, это противоречие между теми, кто стремится больше других следовать моде, и «немодными» людьми. По Г. Зиммелю, нельзя убежать из этого взаимодействия вовсе: те, кто не следуют моде, фактически участвуют в инверсионной форме подражания. Однако, считает социолог, мода возникает лишь на определенной стадии развития общества, когда социальная дифференциация начинает себя рельефно проявлять. Если же общество характеризуется максимальной социальной однородностью, если у её членов нет стремления проявить свою индивидуальность (по культурным, религиозным или идеологическим мотивам), то в таком обществе практически отсутствует мода как форма социального взаимодействия.

Так, в советском обществе представители правящей элиты носили одинаковую строго-серую одежду или военную униформу, чтобы показать свою *одинаковость* и, соответственно, близость общей массе. Любое отклонение от этого рассматривалось как *девиация*. Отсюда — борьба со «стилягами», а всевозможные проявления индивидуальности в искусстве или литературе объявлялись «буржуазностью».

Вместе с тем, моды нет, если отсутствует социальное взаимодействие, воспроизводящее и поддерживающее саму социальную группу. Такое состояние может возникнуть при распаде групповых норм, когда у индивидов пропадает стремление к вхождению в коллектив. В этом случае каждый использует те вещи и манеры, какие считает более удобными и функциональными.

Г. Зиммель подчеркивал, что по мере развития современного общества значение моды возрастает, ибо все более популярными становятся *временные формы* взаимодействия людей. Модными становятся не только вещи и одежда, но и идеи в науке, стили в литературе и искусстве.

Секретность представляет собой форму социального взаимодействия, предполагающую *дуализм* намерений одних людей что-то скрыть, сделать тайным, в то время как другие пытаются обнаружить содержание скрываемой информации.

Г. Зиммель отмечает, что любое взаимодействие предполагает определенное знание о партнерах этого процесса. При этом мы можем знать о них достаточно многое,

но никогда *все*. Мы никогда не можем знать все мысли и мотивы взаимодействующих. Кроме того, в процессе взаимодействия люди намеренно раскрывают правду о себе или, напротив, сознательно лгут и дают о себе дезинформацию.

И опять-таки эти процессы социолог пытается анализировать с помощью принципов социальной геометрии. В частности, он утверждает, что ложь надо рассматривать с позиции *социальной дистанции*: люди спокойнее воспринимают ложь от тех, кто удален от них, и весьма болезненно от близких людей.

И действительно, россияне практически привыкли к тому, что политики лгут, что раздаваемые ими обещания — как правило, манипуляции, призванные засекретить их истинные намерения. Но ложь мужа или жены, любовника или любовницы воспринимается как нечто *весьма девиантное*, что делает жизнь взаимодействующих невыносимой. Подчас, если секрет раскрывается, то взаимодействие может прекратиться.

Секретность также зависит от *числа* членов взаимодействующей группы.

Если группа небольшая, то в ней практически отсутствуют секреты — функционально нет надобности что-то скрывать, ибо все взаимодействующие с известной долей допущения одинаковы. И все же секретность никогда не исчезает вовсе.

Г. Зиммель, в частности, рассматривает исключительной случай, когда любящая супружеская пара стремится не иметь секретов друг от друга вообще. В таком случае, по его мнению, может наступить момент, когда партнерам будет нечего (в том числе и секретного) предложить друг другу, функциональность *дуализма* будет нарушена — взаимодействие станет рутинным и потому может вовсе прекратиться.

По мере увеличения числа взаимодействующих, соответственно, увеличивается их дифференциация, и секретность становится неизбежной составляющей, функционально способствующей этому взаимодействию. Однако секрет всегда относителен, он не может вечно сохранять свои параметры.

В современных обществах выделяются особые группы людей, чья профессиональная деятельность нацелена исключительно на раскрытие всевозможных секретов.

Религиозность — форма социального взаимодействия между индивидами по отношению к Богу, а также между людьми верующими и неверующими, которая предполагает целый ряд *дуализмов*: подчинение индивида высшей власти

и реализация им определенной степени свободы; пассивное восприятие, которое тем не менее оставляет место для ответной реакции; самоподавление, не исключающее протеста; награждение и наказание и т.д.¹

Исследованию данной формы социального взаимодействия Г. Зиммель посвятил несколько работ: «Вклад в социологию религии», «Эссе о религии», «Конфликт современной культуры» и другие. В них он сделал акцент на исследовании *жизненного опыта религиозного человека*, для которого характерны прежде всего аффективные отношения.

Социолог отмечает, что в современном обществе обращение к различным формам мистицизма связано с попыткой найти выход из многочисленных дилемм, с которыми сталкиваются индивиды в процессе социального взаимодействия. Причем это взаимодействие может не обязательно быть религиозным — религиозный компонент присутствует во многих человеческих отношениях.

Г. Зиммель приводит несколько примеров подобной формы взаимодействия: преданность ребенка родителю, энтузиазм патриота по отношению к стране, пламенного космополита к человечеству, рабочего к своему мятежному классу, гордого феодального лорда к представителям знати, подданного к правителю, настоящего солдата к армии. Социолог делает следующее обобщение: «Эта форма имеет общий тон, который может быть интерпретирован только как религиозный»².

Иными словами, религиозность, будучи *социальной формой* взаимодействия, включается достаточно широко во многие сферы общественной жизни. С точки зрения Г. Зиммеля, особенно сильно взаимодействие религиозной и артистической жизни: «религия всегда предвосхищает искусство, а искусство всегда стимулирует религиозное чувство»³.

Религию и искусство также связывают общие *дуализмы* бытия и духа, существования людей в жизненном мире и конструирования ими иного мира, выходящего за пределы эмпирического здесь-и-сейчас.

Для рассмотрения таких *игровых* форм социального взаимодействия как *общение, кокетство, разговор-общение*, обратимся к самому Г. Зиммелю.

Из работы: Г. Зиммель. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии¹.

Если употребить социологические категории, можно обозначить общение как *игровую форму обобществления* и как — *mutatis mutandis* — нечто относящееся к собственной содержательно определенной конкретности, подобно тому как произведение искусства относится к реальности. В рамках общения получает свое, только в этих рамках возможное, решение важная, если хотите, даже важнейшая проблема общества: какова мера значимости и роль индивида в отношении с социальным окружением? Поскольку общение в чистом виде не предполагает какой-либо вещественной цели, содержания или результата, лежащих вне момента общения как такового, его характер определяют такие качества личности, как любезность, воспитанность, сердечность, обаяние и т.п. Однако именно потому, что все здесь поставлено на личность, она не может проявлять свою индивидуальность слишком резко, подчеркнуто. Когда реальные интересы, соединяясь или сталкиваясь, организуют социальную форму, тем самым уже гарантируется, что индивид будет демонстрировать свою особенность и исключительность в известных пределах. Природа общения требует ограничить самовозвеличение и самолюбование личности; без этого совместное существование невозможно. Именно поэтому столь важно чувство такта, которое помогает индивиду регулировать свое поведение. Можно сказать, что специфическая функция такта заключается в ограничении индивидуальных порывов, выпячивания собственного «я», внутренней и внешней претенциозности, в ограничении там, где этого требуют права других.

Здесь обнаруживается любопытное социологическое явление. В общении не присутствуют те черты личности, которыми она обладает в силу объективных структур. Богатство и общественное положение, ученость и известность, исключительные способности и заслуги индивида не должны играть в общении никакой роли, в крайнем случае они могут проявляться как легчайшие оттенки той имматериальности, которую приобретает реальность вообще, сталкиваясь с социально-художественным образом общения. Неуместно, бестактно (поскольку это противоречит правилу *взаимодействия*) привносить в общение глубоко личностное — сугубо личные проблемы и разочарования, приподнятость и подавленность,

¹ Simmel, G. Essays on Religion. New Haven: Yale University Press, 1997. P. 157.

² Там же. P. 104.

³ Там же. P. 67.

¹ Зиммель, Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии / пер. с нем. Л. Г. Ионина // Теоретическая социология : антология : в 2-х ч. Ч. 1 / сост. и общ. ред. С. П. Бальковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002.

свет и мрак глубин жизни. Это исключение личностного доходит до крайности: дама, например, не могла бы появиться на интимно-дружеской встрече в присутствии одного или нескольких мужчин в таком декольте, которое вполне нормально и уместно в «обществе». Там она менее ангажирована именно как индивидуальность и может позволить себе безличную свободу маски, ибо, хотя она здесь — только она, но она не *целиком*, а лишь в качестве элемента в формально существующей совместности.

Человек как таковой — это еще не оформленный комплекс содержаний, сил, возможностей; в условиях изменчивого быта *он* преобразуется в дифференцируемый, со строго определенными границами объект. С экономической точки зрения, как политик, член семьи или представитель профессии, он, можно сказать, *ad hoc* сконструированный продукт; его жизненный материал одушевляется каждый раз какой-то особенной идеей, отливаясь в особенную форму, чье относительно самостоятельное существование, конечно, поддерживается энергией общего, однако непосредственно не проявляющегося источника — «я». В этом смысле человек в общении выступает своеобразным, не встречающимся в других контекстах феноменом. С одной стороны, он устранил все содержательные характеристики собственной личности и вступает в общение со способностями, побуждениями и интересами, свойственными ему как человеку вообще. Вместе с тем сама эта структура накладывает запрет на глубоко личностное и субъективное. Скромность, которую можно назвать первым требованием, необходимым для общения с другими, так же необходима и в отношении к собственному «я»; нарушение этого правила грозит вырождением общения как художественной формы общества в социологический натурализм. Следовательно, можно говорить о существующем для индивидов верхнем и нижнем «порогах общения». В обоих случаях — идет ли речь о взаимодействии, основанном на объективном содержании и цели, или же о таком, где неограниченно выражается абсолютно личностное и субъективное каждого из участников, — общение перестает быть центральным формообразующим принципом и начинает играть формальную, посредническую роль.

К этим негативным определениям сущности общения можно подобрать и позитивный формообразующий мотив. Кант выдвинул в качестве принципа права следующий постулат: каждый должен иметь столько свободы, сколько допустимо с точки зрения свободы любого другого. Если признать, что тяга к общению есть его, общения, источник или субстанция, то вот вам и конституирующий общение принцип: каждый должен настолько удовлетворять свое влечение к общению, насколько это совместимо с точно такой же степенью удовлетворения этого влечения всеми другими. Если же выразить это иначе, говоря не о влечении, а о его результатах, то принцип общения будет выглядеть так: каждый должен

дать другим тот же максимум ценностей общения (радость, легкость, оживленность), который совместим с максимумом этих ценностей, полученных им самим. Как право, основанное на кантовском постулате, символизирует демократизм, так и этот принцип указывает на демократическую структуру любого общения, которую, разумеется, каждый общественный слой может реализовать лишь внутри себя и которая зачастую делает противоречивым и болезненным взаимодействие представителей разных социальных классов. Равенство здесь возникает в силу отпадания всего личностного, с одной стороны, и всего содержательного, т.е. того, что служит до обобществления его материалом и от чего впоследствии оно освобождается, формируя общение, — с другой.

Демократия общения между равными есть игровая демократия. Общение создает, если угодно, идеальный социологический мир, в котором радость каждого непосредственно связана с радостью других, и никто принципиально не в состоянии удовлетворить свое стремление за счет неудовлетворенности другого, что во многих иных жизненных формах хотя и обеспечивается благодаря поставленному над ними этическому императиву, однако не гарантируется непосредственно их собственным внутренним принципом.

Мир общения — единственный, где возможна демократия равноправных, — искусственный мир, создаваемый теми, кто хочет реализовать абсолютно чистый, лишенный всякого дебалансирующего материального акцента идеал взаимодействия. Если мы полагаем, что в общении мы стали бы «людьми», тем, что мы есть в действительности, освободились бы от того, что отягощает нашу жизнь, от пылких восторгов и разочарований, от «слишком много» и «слишком мало», т.е. от всего того, чем в реальной жизни искажается наше представление о самих себе, то это означает, что современная жизнь перегружена субъективным содержанием и объективной необходимостью. Освобождаясь от них в круге общения, мы полагаем, что возвращаемся к своему естественноличностному бытию, но забываем при этом, что человек в общении есть не столько личность в ее особенности и естественной полноте, сколько личность, созданная стилизацией и оговорками. В прежние времена, когда человеку не приходилось отрешаться от такого множества объективных, содержательных моментов, закон формы был более отчетливо ориентирован по отношению к *личностному бытию*: индивидуальное поведение раньше было гораздо более церемониальным, подлежало более жесткой и строгой индивидуальной регуляции. Редукция личностной периферии до той степени, которую дает индивиду равноправное взаимодействие с другими, привела к противоположной крайности: специфическим родом поведения в обществе стала куртуазность. Сильный и выдающийся здесь не только ставил слабейших на один уровень с собой, но даже предполагал, что каждый из них более ценен, чем он сам.

Если обобществление вообще представляет собой взаимодействие, то здесь мы имеем дело с его чистейшим и, так сказать, наиболее стилизованным вариантом — взаимодействием между равными... точно так же как симметрия и равновесие суть самые яркие формы художественной стилизации наглядных элементов...

Это — игра, в которой «считается», что все равны, и в которой одновременно *каждый пользуется особым уважением...*

В этой связи становится ясным, что понятие «общение» включает все, что обычно обозначается как социологическая игровая форма, и прежде всего игра само по себе, которая занимает важное место в общении всех эпох. Выражение «общественная игра» в высшей степени многозначно. Все существующие формы взаимодействия и обобществления: стремление к власти, обмен, образование партий, размежевание, случайные встречи и расставания, чередование соперничества и партнерства, ловушка, реванш — все это, будучи в серьезной жизни наполнено содержанием, в игре живет собственной, основанной лишь на переживании этих функций самих по себе и самодостаточной жизнью. Ибо даже там, где игра идет на деньги, не деньги — их ведь можно добыть и иначе — определяют её специфику; для настоящего игрока привлекательность игры в динамике и азарте самой этой социологически важной формы деятельности. Общественная игра глубоко двойственна: она не только «играется» в обществе, которое внешне по отношению к ней несет ее, так сказать, в себе, но в ней фактически «играется» «общество».

Это рассуждение можно применить к социологии полов: эротика вырабатывает свою игровую форму — *кокетство*, находящее в общении легчайшее, прозрачайшее, однако и полнейшее выражение. Если все эротические проблемы у представителей противоположных полов вращаются вокруг общения и отказа (предметы их, естественно, бесконечно разнообразны и многообразны и по природе своей не только не радикально физиологичны, но могут вообще не относиться к физиологии), то сущность женского кокетства состоит в напряженном отношении между намеком на общение и намеком на отказ, в том, чтобы привлечь мужчину, не общая ничего окончательно, и оттолкнуть его, не отнимая надежду. Кокетка очаровывает более всего, давая понять мужчине, что обещанное совсем близко, но вместе с тем не воспринимая это всерьез; она живет как бы между «да» и «нет», не принимая окончательного решения.

Эта свобода от тягостно однозначного содержания и жестких требований реальности придает кокетству характер парения, облегченности, идеальности, в связи с чем мы в общем-то вправе говорить об «искусстве», а не только о «приемах» кокетства. Но, как показывает опыт, для того чтобы кокетство могло произрастать на почве общения как комнатный цветок, оно должно получить

вполне определенный отклик в поведении мужчины. Если мужчина не отвечает на кокетство или же, наоборот, падает его жертвой, безвольно влачась вслед за каждым полу-да и полу-нет, кокетство не может обрести собственно приличествующую общению форму. В нем отсутствуют те свободные взаимодействия и эквивалентность элементов, которых требует основной закон общения. Они же проявляются лишь тогда, когда мужчина стремится именно к этой свободнопарящей игре, в которой любая эротическая определенность — лишь отзвук, некий отдаленный символ и в которой очарование намеков и прелиминарии существуют сами по себе и не вытекают из влечений или страхов. Кокетство в том виде, в каком оно во всей своей прелести царит на вершинах культуры общения, изжило реальность эротических желаний, обещаний и отказов, оно довольствуется изменчивой игрой теней, отражением реальностей. Там же, где эти последние обнаруживаются или же действуют, оставаясь сокрытыми, само событие становится личным делом двоих, совершающимся на уровне реальности; под социологическую же рубрику общения, куда не помещается организуемая свою жизнь вокруг себя как центр собственно личность, кокетство подпадает как забавная или даже ироническая игра, в которой эротика — лишь чистая схема взаимодействий, порвавшая с собственными материальными или строго индивидуальными содержаниями. Если в общении проигрываются формы общества, то в кокетстве — формы эротики — сущностное родство, которое предопределяет второе в качестве элемента первого.

В какой мере общение осуществляет абстракцию социологических форм (значимых, впрочем, лишь в своем содержании) взаимодействия и наделяет их, словно бы кружащихся теперь вокруг себя самих, неким призрачным телом, обнаруживается, наконец, в универсальном носителе всех человеческих общностей — в разговоре. Главное здесь можно выразить весьма банальным суждением: в жизни всерьез люди разговаривают ради некоего содержания, которое они хотят сообщить, объяснить, истолковать; в общении же разговор — самоцель, однако не в натуралистическом смысле — как говорение, но в смысле искусства саморазвлечения с его собственными художественными законами; в разговоре-общении предмет его — лишь неизбежный носитель очарования, которое излучает живой обмен репликами как таковой. Все формы, воплощаемые в этом обмене: спор или апелляция к признанным обеими сторонами нормам, достижение мира путем компромисса или открытие общих убеждений, благодарное восприятие нового или уклонение от тем, относительно которых взаимопонимание невозможно, — все эти формы разговорных взаимодействий, в реальности обслуживающие бесчисленные содержания и цели человеческой деятельности, здесь оказываются значимыми в себе, т. е. в игре отношений, которой они способствуют, связывая и отпуская, побеждая и под-

даваясь, наделяя и получая; двусмысленность «саморазвлечения» здесь очевидна.

Социальные типы

Г. Зиммель исследовал такие социальные типы как бедняк, чужак, циник, кокетка, аристократ и др. Рассмотрим один из них, например, социальный тип бедняка.

Бедняк — индивид, включенный в конкретную форму социального взаимодействия, обладающего дуализмом: с одной стороны, нужды и получения помощи, а с другой, — предоставление той или иной материальной и социальной поддержки.

В эссе «*Бедняк*» Г. Зиммель вновь подчеркивает свой исходный постулат, выражающий методологический релятивизм, который состоит в том, что бедность *всегда относительна*. Он также показывает широкий спектр противоречий и конфликтов, возникающих между нуждающимися и дающими, демонстрируя при этом незаурядное социологическое воображение.

По Г. Зиммелю, само наличие социального типа бедняка предполагает наличие такого социального взаимодействия, при котором нуждающийся имеет право просить и получать помощь, а дающий обязан эту помощь предоставлять. И одна и другая сторона функционально поддерживают данную форму взаимодействия и, соответственно, вносят вклад в поддержание стабильности общества.

Общество заинтересовано в оказании помощи бедным, чтобы «бедные не превратились в активные и опасные элементы общества и таким образом придать их редуцированной энергии бо́льшую продуктивность»¹. Отсюда следует, что в этой помощи больше заинтересовано само общество, что рельефно проявляется при переходе общества из традиционного состояния в современное.

Если раньше помощь, как правило, связывалась с конкретной личностью дающего, то ныне возникает бюрократический, обезличенный механизм предоставления социальной поддержки нуждающимся.

Также все более рельефно проявляется *относительность* бедности: бедняк не тот, кто находится внизу общества вообще, а тот, кто *нуждается в помощи* — не важно при этом,

к какой социальной группе принадлежит индивид и какой у него социальный статус. Даже конкретные представители аристократии могут в чем-то нуждаться, испытывать *субъективное состояние бедности* в сравнении с другими обладателями этого же социального статуса.

Отсюда следует, что любая социальная стратификация ведет к бедности, что бедность есть атрибут общества. Так, Г. Зиммелем был обоснован подход к исследованию *относительной депривации*.

9.3. Социология культуры

Субъективная и объективная культуры

Пожалуй, наиболее ярко проявилось социологическое воображение Г. Зиммеля при анализе культуры для чего социологом была предложена *уникальная методология*.

Социолог видит принципиальное различие между субъективной (индивидуальной) культурой и культурной объективной.

Под *субъективной культурой* он понимает способность индивидов производить материальные и духовные ценности, а под *объективной культурой* — предметы, инструменты, научные, религиозные и художественные идеи, язык, здравый смысл, правовые и моральные системы. Все эти и другие культурные элементы, созданные людьми, обретают свойство *независимого существования*, имеют свою логику развития.

Более того, по зиммелевской диалектике, объективная культура вступает в противоречие со своими создателями, она воспроизводит опасности и все новые формы отчуждения для людей, что прямо влияет на сознание людей, их чувства и желания, а через это воздействие — на характер субъективной культуры.

Объективная культура, как это представляется Г. Зиммелю, осуществляет свою *экспансию* по ряду направлений.

Её абсолютные размеры увеличиваются, особенно с началом модернизации. Яркий пример тому — беспрецедентный рост научного знания.

Вместе с этим имеет место дифференциация культурных объектов.

И самое главное, что особенно подчеркивает социолог, — объективная культура выходит из-под контроля своего соз-

¹ *Simmel, G. The Poor // Georg Simmel. Ed. by D. Levine. Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 154.*

дателя, обретает собственную власть, воздействует на индивидов во всевозрастающих масштабах.

Это создает прямые угрозы субъективной культуре, что социолог назвал *«трагедией культуры»*. Её суть состоит в том, что «в то время как тотальная ценность чего-либо увеличивается на эту же степень ценность её индивидуальных частей уменьшается»¹.

Особенно рельефно это видно на примере современных метрополий: рост объективной культуры идет параллельно, как считает Г. Зиммель, закату индивидуальной культуры. В метрополиях, являющихся центром разделения труда, специализация способствует невиданной экспансии объективной культуры, что, соответственно, приводит к тому, что все труднее сохранять индивидуальность.

Влияние денежной экономики на культуру

Весьма оригинальное мышление с выявление парадоксальных смыслов социолог проявляет при исследовании влияния денежной экономики на культуру в работе *«Философия денег»*.

Его отправным методологическим постулатом является тезис о том, что деньги — это форма обмена, которая по-разному проявляется себя в бартерной экономике и в экономике, собственно основанной на деньгах. Последняя имеет тенденцию порождать бесчисленное множество обменов, что в конечном счете сказывается на характере культуры, порождающей новые формы отчуждения.

Строго говоря, социологический анализ Г. Зиммеля направлен не на деньги, а на то, как они, будучи специфической ценностью, воздействуют на субъективную и объективную культуры. В этом плане социолог пытается проследить взаимосвязь денег с такими компонентами жизни, как экстравагантность, цинизм, индивидуальная свобода, жадность, обмен, стиль жизни и т.д.

Как считает Г. Зиммель, современная денежная экономика является катализатором «трагедии культуры», ибо она порождает беспомощность индивида перед тотальностью объективной культуры, при этом не оставляя *человечеству* надежд на изменение ситуации в будущем.

¹ Simmel, G. The Philosophy of Money. London: Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 199.

«Трагедия культуры» — это не порождение капитализма или социализма (данный общественный строй ещё более отягощает положение индивида, полагал Г. Зиммель). Это — совокупность фундаментальных проблем, содержащихся в современной человеческой жизни.

А природа их заключается в следующем.

Денежная экономика порождает *дуализм*: она создает *дистанцию* по отношению к объектам, представляющим ценность для людей, и вместе с тем обеспечивает средство — деньги, — с помощью которого можно преодолеть данную дистанцию. Разнообразие товаров и услуг, которые можно приобрести за деньги, постоянно увеличивается. В связи с этим деньги способствуют развитию прагматизма, рационализма и вместе с тем *«абсолютной свободы от всего личного»*¹.

Действительно, деньги увеличивают рационализацию и интеллектуализацию социального мира, и в этом взгляды Г. Зиммеля и М. Вебера совпадают. Но для Г. Зиммеля в отличие от М. Вебера этот процесс касается *только* объективной культуры, а для субъективной культуры он имеет *прямо противоположный* эффект: «Насколько целое становится более совершенным и гармоничным, настолько менее гармоничным становится индивидуальное»².

Какие же аргументы приводит Г. Зиммель для такого парадоксального вывода?

Пожалуй, Г. Зиммель был первым, кто благодаря своему социологическому воображению отметил *достоинства нерациональности*.

Как ему представляется, *нерациональность* является фундаментальной основой жизни, фактором, способствующим поддержанию всего эмоционально-человеческого в индивиде. Именно *нерациональность* есть стержень любви, преданности, патриотизма.

С распространением же рациональности на уровень субъективной культуры *нерациональность* просто вытесняется, а вместе с ней люди теряют исконно человеческое. Соответственно, получает распространение такая форма социального взаимодействия, как *цинизм*, предполагающая выстав-

¹ Simmel, G. The Philosophy of Money. London: Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 128.

² Там же. P. 199.

ление на продажу всего и вся: красоту, правду, удовольствия можно купить за деньги также легко, как бакалейные товары.

Циник, как социальный тип, утрачивает способность делать различия между высоким и низким в социальной жизни. Он становится врагом эстетики, морали, всего духовного, сводя любое качество к количественным параметрам.

Проститутка, как социальный тип, также получает распространение как прямое следствие развития денежной экономики.

Идет процесс *релятивизации всего образа жизни*. Денежная экономика увеличивает обезличенность в социальном взаимодействии.

Люди все более, замечает Г. Зиммель, имеют дело не с персоналиями, а с социальными позициями, независимо от того, кто их занимает. Отнюдь не случайно в практику отношений входит принцип: «Незаменимых людей нет». Занятие вакансий происходит обезличено. Да и сами взаимодействующие все меньше знают друг о друге.

Несомненно, денежная экономика способствует развитию *общественных* свобод, однако при этом, как считает Г. Зиммель, увеличивается *индивидуальное закабаление*, ибо индивид в современном обществе изолируется и атомизируется. Он также поработается объективной культурой, которая оказывает на него тотальное влияние, атрофируя субъективную культуру. С развитием машинного производства и технологий, лишенных духовности, утрачивается индивидуальное мастерство, творческое начало.

Все это и ещё многое другое из современных форм социального взаимодействия, по мнению Г. Зиммеля, представляет для человечества гораздо большее зло, чем абсолютизм. Социолог не призывает вернуться в «добрые, старые времена», но он обращает внимание ученых на культурные проблемы, порождаемые денежной экономикой. По его мнению, это — «трагедия культуры», обусловленная *внутренней логикой* ныне существующих тенденций развития человеческой цивилизации, которая, по существу, генерирует деструктивный потенциал.

Г. Зиммель не видит возможных путей противостояния этим тенденциям, и в этом то же проявляется трагизм культурного развития.

Женская культура

Г. Зиммель был одним из первых социологов, специально изучавших женскую культуру. Этой проблеме посвящена его работа «Женская культура».

Социолог пытался соединить, казалось бы несовместимые две позиции: равенство женщины с мужчиной и их различие.

В результате его позиция заключалась в том, что женщина социально отлична от мужчины в плане того, что она обладает другим «переживанием» компонентов культуры, а это для Г. Зиммеля означает иную «материю» социального. В частности, он утверждает, что «женское “чувство справедливости” отличается от мужского во многих отношениях»¹.

Женщина также, по его мнению, иначе сочувствует, чем мужчина.

Исходя из этих факторов, Г. Зиммель прогнозирует появление в современном обществе новых, собственно женских культурных форм, ибо, как он считает, нынешняя культура *фаллоцентристская*, по существу, содержит «мужскую монополизацию объективной культуры», основывается на *мужском* праве и *мужской* морали, хотя они воспринимаются как *общие*.

К возможным новым культурным формам социолог прежде всего относит формы знания связанные с существованием и пониманием. В итоге, как ему видится, объективная культура будет основываться «скорее на равноценности»² мужской и женской форм культуры.

Основные термины и выражения

Социальное взаимодействие — *social interaction* — система взаимообусловленных социальных действий, при которой действия индивида являются одновременно причиной и следствием ответных действий других социальных субъектов; существует между индивидами или социальными группами.

Общение / «социация» — *association* — по Г. Зиммелю — социальное взаимодействие, выраженное в формах, вне их конкретного содержания.

Методологический релятивизм — *methodological relativism* — по Г. Зиммелю — подход, согласно которому все знания об индивидах

¹ *Simmel, G.* On Women, Sexuality, and Love. New Haven: Yale University Press, 1984. P. 68.

² Там же. P. 100–101.

и общественных структурах являются относительно правильными. Они зависят от множества факторов и в частности: от ценностных ориентаций людей, их внутреннего жизненного опыта, от положения, которое они занимают в социальном пространстве, от количественных и качественных параметров социальной группы и многого другого.

Социальная геометрия — *social geometry* — подход, используемый Г. Зиммелем в формальной социологии, для которого характерно исследование социальных отношений и реалий через призму социального пространства, дистанции, числа и времени.

Социальное пространство — *social space* — по Г. Зиммелю — область, в которой осуществляется взаимодействие конкретных социальных субъектов, характеризующаяся диалектикой их отдаленности и близости.

Время социальное — *social time* — по Г. Зиммелю, характеристика социального бытия, выражающаяся в том, как соотносятся формы социального взаимодействия — синхронно или диахронно, какова их скорость, есть ли у них конкретные ритмы существования и развития.

Социальная дистанция — *social distance* — по Г. Зиммелю — относительность ценности предметов или явлений в зависимости от их положения в социальном пространстве.

Социальная жизнь — *social life* — упорядоченная система взаимодействий людей, функционирование социальных институтов и организаций.

«Более-жизнь» — *more-life* — по Г. Зиммелю — создание людьми в процессе взаимодействия культурных и социальных реалий, которые выходят за границы их собственной жизни.

«Более-чем-жизнь» — *more-than-life* — по Г. Зиммелю — объективно существующие реалии, созданные предыдущими поколениями людей, которые влияют на характер взаимодействия ныне живущих индивидов.

Социальная дифференциация — *social differentiation* — разделение социального целого в процессе общественного развития; различия между классами и социальными группами, а также индивидами.

Мода — *fashion* — по Г. Зиммелю — форма социального взаимодействия, предполагающая дуализм подражания и индивидуализации: она позволяет индивидам соответствовать определенным требованиям социальной группы и вместе с тем, предполагает наличие ценностей и норм (вещи, одежда, манеры, идеи, жизненный стиль и т.д.), следуя которым люди проявляют свою индивидуальность.

Секретность — *secrecy* — по Г. Зиммелю — форма социального взаимодействия, предполагающая дуализм намерений одних людей что-то скрыть, сделать тайным, в то время как другие пытаются обнаружить содержание скрываемой информации.

Религиозность — *religiosity* — по Г. Зиммелю — форма социального взаимодействия между индивидами по отношению к Богу, а также между людьми верующими и неверующими.

Относительная депривация — *relative deprivation* — по Г. Зиммелю — в современном обществе все более рельефно проявляется относительность бедности: бедняк не тот, кто находится внизу общества вообще, а тот, кто нуждается в помощи — не важно при этом, к какой социальной группе принадлежит индивид и какой у него социальный статус.

Субъективная культура — *subjective culture* — по Г. Зиммелю — способность индивидов производить материальные и духовные ценности инновационного толка, чему может препятствовать увеличивающееся доминирование объективной культуры.

Объективная культура — *objective culture* — по Г. Зиммелю — предметы, инструменты, научные, религиозные и художественные идеи, язык, здравый смысл, правовые и моральные системы, созданные людьми, которые обретают свойство независимого существования, имеют свою логику развития, что воспроизводит опасности и все новые формы отчуждения для людей.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Как известно, Г. Зиммель одним из первых стал заниматься проблемами ненамеренных последствий развития человеческого интеллекта. Он прогнозировал неизбежное нарастание иррационалистических тенденций. Насколько сегодня, на ваш взгляд, эти тенденции проявляются в современном обществе?

2. Попробуйте дать интерпретацию такой формы социального взаимодействия, как учебный семинар, используя зиммелевскую методологию, его методы социальной геометрии. Покажите относительность поощрительных ценностей преподавателя и сокурсников в зависимости от положения последних в социальном пространстве. Проинтервьюируйте ваших родителей, знакомых из других вузов относительно их учебного опыта и выясните, насколько учебный семинар как форма социального взаимодействия подвержен пространственно-временной корреляции.

3. Какие новые социальные типы появились в России в связи с развитием денежной экономики? Как денежная экономика изменила тип современного студента в отличие от его аналога советского времени?

4. По Г. Зиммелю — приключение — событие или действие, «выходящее за обычный континуум жизни». Каково место, роль и социальная функция приключений в современной жизни?

Дискуссия «Российское общество через призму инновационной социологии Г. Зиммеля»

1. Исследование инвариантных форм общения. Формы и типы взаимодействия. Какие новые социальные типы появились в российском обществе в ходе его реформирования?
2. Методы социальной геометрии, их возможность для анализа российских реалий.
3. Российская повседневность в условиях кризиса: проблема взаимоотношения объективной и субъективной культур.
4. Влияние денежной экономики на российскую культуру. Работа Н. Н. Зарубиной Деньги как социокультурный феномен. М. : Анкил, 2011.

Литература

1. Батыгин, Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.
2. Воронцов, А. В. История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глотов. — М. : Юрайт, 2013.
3. Зарубина, Н. Н. Деньги как социокультурный феномен / Н. Н. Зарубина. М. : Анкил, 2011.
4. Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. — М. : Юрист, 1996.
5. Зиммель, Г. Социальная дифференциация / Г. Зиммель // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В. И. Добренкова. — М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996.
6. Зиммель, Г. Проблема социологии / Г. Зиммель // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В. И. Добренкова. — М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996.
7. Зиммель Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В. И. Добренкова. — М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996.
8. Зиммель, Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель // Теоретическая социология : антология : в 2-х ч. Ч. 1 / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.
9. Зиммель, Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии / Г. Зиммель // Теоретическая социология : антология : в 2-х ч. Ч. 1 / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.
10. Зиммель, Г. Приключение / Г. Зиммель // <http://www.gorod.org.ru/biblio.shtml>
11. Зиммель, Г. Философия труда / Г. Зиммель // <http://www.gorod.org.ru/biblio.shtml>

12. Ионин, Л. Г. Георг Зиммель — социолог / Л. Г. Ионин. — М., 1981.
13. История социологии в Западной Европе и США // отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа: НОРМА-ИНФРА · М, 1999.
14. Российская повседневность в условиях кризиса. — М. : Альфа-М, 2009.
15. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
16. Кукушкина, Е. И. История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.
17. Филиппов, А. Ф. Релятивистская социология Георга Зиммеля / А. Ф. Филиппов // История теоретической социологии. Т. 2. — М. : КАНОН, 1998.
18. Филиппов, А. Ф. Теоретические основания социологии пространства / А. Ф. Филиппов. — М. : Канон-Пресс-Ц, 2003.
19. Хабермас, Ю. Зиммель как диагност времени / Ю. Хабермас // <http://www.gorod.org.ru/biblio.shtml>
20. Nedelmann, B. The Continuing Relevance of Georg Simmel: Staking Out Anew the Field of Sociology / B. Nedelmann // Handbook of Social Theory. Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publication, 2001.
21. Ritzer, G. Classical sociological theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.
22. Scaff, L. A. Georg Simmel / L. A. Scaff // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
23. Simmel, G. Conflict and the Web of Group Affiliations / G. Simmel. — N.Y. : Free Press, 1955.
24. Simmel, G. Essays on Religion / G. Simmel. — New Haven, CT. : Yale University Press, 1997.
25. Simmel, G. Group Expansion and the Development of Individuality / G. Simmel // Levine (ed), D. Georg Simmel / D. Levine (ed). — Chicago : University Press of Chicago, 1971.
26. Simmel, G. Simmel on Culture // G. Simmel // Ed. by D. Frisby and M. Featherstone. — London : Sage, 1997.
27. Simmel, G. On Women, Sexuality, and Love / G. Simmel. — New Haven : Yale University Press, 1984.
28. Simmel, G. The Philosophy of Money / G. Simmel. — London : Routledge and Kegan Paul, 1978.
29. Simmel, G. The Problem of Sociology / G. Simmel // Wolff. (ed), K. Essays in Sociology, Philosophy of Aesthetics / K. Wolff. (ed). — N.Y. : Harper Torchbooks, 1959.
30. Smelser, N. J. Problematics of Sociology: The George Simmel Lectures, 1995 / N. J. Smelser. — Berkley : University of California Press, 1997.

Глава 10

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ З. ФРЕЙДА

З. Фрейд — австрийский психолог и социолог, создатель *социального психоанализа* — принципиально нового направления науки о поведении человека.

Зигмунд Фрейд (*Freud*) родился 6 мая 1856 года. Окончил медицинскую школу Венского университета, получил степень в медицине и начал частную практику, специализируясь в области лечения неврозов с помощью гипноза.

Свою профессиональную карьеру З. Фрейд начал как практикующий врач в психиатрической клинике. Лечение нервных болезней натолкнуло его на более углубленное исследование латентных проявлений душевной жизни людей. На эту тему он пишет ряд книг: *«Толкование сновидений»* (1900 г.), *«Психопатология обыденной жизни»* (1904 г.), *«Остроумие и его отношение к бессознательному»* (1905 г.), *«Три очерка по теории сексуальности»* (1905 г.) и др. Начиная с 1910 г. З. Фрейд все более переключается на социологическую проблематику: *«Леонардо да Винчи»* (1910 г.), *«Психология масс и анализ человеческого Я»* (1921 г.), *«Я и Оно»* (1923 г.). Основная работа ученого — *«Лекции по введению в психоанализ»* (две части написаны в 1915–1917 гг., третья — в 1933 г.), — в которой в концентрированной форме изложена его теория. Обращает на себе внимание её почти воинствующий атеизм.

Инновационность мышления ученого состояла в том, что он впервые стал интерпретировать действия людей с учетом как *сознательного*, так и *бессознательного факторов* — до него поведение людей в научных исследованиях объяснялось либо физиологическими основами, либо детерминировалось разумом.

Ключевым в социологическом воображении З. Фрейда является представление о том, что не только *внешние* социальные факты правят поведением людей, но и *внутренние* силы, которые олицетворяют собой *сознательное* и *бессоз-*

нательное, разум и страсти. На этом основаны два принципиальных постулата психоанализа.

«Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, — писал З. Фрейд, — психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни»¹. Второй постулат касается того, что страсти и вожделения человека способны к *сублимации*, т.е. ученый был первым, кто доказал латентную связь сексуальных влечений с жизненной энергией, направленной на цели социальные: «Это второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, утверждает, что ... сексуальные влечения участвуют в создании высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, и их вклад нельзя недооценивать»².

Им также был предложен метод исследования деятельности людей, получивший название (*двойной*) *глубокой герменевтики*.

Труды, созданные в последний период жизни ученого, знаменуют собой использование психоанализа применительно к собственно социологической проблематике — посвящены рассмотрению культуры, религии, национальных отношений, общества в целом. Последнее обстоятельство позволяет, на наш взгляд, рассматривать психоанализ, примененный к социальной сфере, как особую социологическую парадигму, многие элементы которой можно обнаружить в современных социологических теориях Т. Парсонса, Э. Гидденса, П. Бурдьё и особенно в постмодернистских парадигмах.

З. Фрейд долгое время страдал от рака и умер 23 сентября 1939 года.

10.1. Структура личности, её социальные действия

Детерминированность социальных действий сознательными и бессознательными факторами

По З. Фрейду, социальные действия индивидов могут быть детерминированны как *сознательными*, так и *бессознательными* психическими процессами, отношения между которыми весьма динамичны.

¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1995. С. 11.

² Там же. С. 12.

Говоря о роли сознательного, З. Фрейд отмечал, что большинство сознательных процессов сознательны лишь короткое время. Очень скоро они становятся *латентными*, но легко могут вновь стать сознательными.

Что же касается бессознательного, то оно может быть двух видов: одно, которое при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и может и никогда не произойти. То бессознательное, которое является только латентным и легко становится сознательным, З. Фрейд называет *предсознательным*, другое же называет собственно *бессознательным*. Предсознательное — своего рода компьютер человеческой памяти, хранящий мысли и желания человека, которые периодически вновь приходят в сознание, детерминируя определенные социальные действия.

Важно подчеркнуть, что фрейдовская концепция бессознательного не просто констатирует само существование бессознательных процессов, а указывает на реальное влияние бессознательного фактора на социальные действия людей, что выражается в двух принципиальных моментах.

Во-первых, люди, принимая весьма важные решения, *могут не знать об истинных мотивах*. Аналогично, наши симпатии или антипатии, «благородные жесты» или деструктивные действия могут определяться силами, которые нами *не осознаются*.

Во-вторых, бессознательные мотивы социальных действий остаются бессознательными потому, что *люди не хотят их осознавать*, хотя в принципе их можно исследовать особым *новым методом*, предложенным ученым, о котором пойдет речь ниже.

«Оно», «Я» и «Сверх-Я»

Социологическое воображение ученого позволило ему обосновать *сложно-иерархическую структуру* личности индивида, состоящую из трех компонентов: «Оно», «Я», «Сверх-Я».

«Оно» — это наиболее архаичная часть личности, которая включает в себя все генетически первичное, подчиненное *принципу удовольствия*. «Оно» изначально иррационально: для процессов в «Оно» не существует логических законов мышления, «Оно» ничего не знает ни об обществе, ни о морали: «Оно не знакомо никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если

хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами»¹.

Вместе с тем «Оно», которое содержит инстинкты, служит источником энергии для всей личности.

По З. Фрейду, все инстинкты сводятся к двум группам.

Первая — сексуальные инстинкты, поддерживающиеся специфической энергией жизни — *либидо* (ученый создает концепцию *либидо*, называя так «энергию тех первичных позывов, которые имеют дело со всем тем, что можно обобщить понятием любви» в широком смысле слова).

Вторая — деструктивные инстинкты смерти, питающиеся агрессивной энергией *танатоса*, которые проявляют себя в бессознательном стремлении к разрушению, насилию, агрессии, потребности наказания как других, так и себя.

Свою концепцию *танатоса* — влечения к смерти — ученый строит, опираясь на факты распространения очевидной жестокости в войнах и революциях, проявлениях тоталитаризма. Кроме того, З. Фрейд указывает на латентное проявление враждебности в процессе эксплуатации, унижения и угнетения слабых сильными.

Из постулата о наличии инстинкта смерти следует положение о врожденном влечении к агрессии, жестокости, об *относительном постоянстве количества деструктивности в действиях людей*. Ученый тем самым выступает как против религиозных, так и социальных теорий, согласно которым человек должен быть по своей природе добрым и проявляет себя грубым, жестоким насильником лишь вследствие нецелесообразного общественного устройства, доказывая, что «вера в “доброту” человеческой природы является одной из самых худших иллюзий»².

В реальной жизни деструктивные инстинкты проявляются, как правило, в латентной форме из-за того, что в большинстве социальных действий индивидов одновременно задействовано несколько инстинктов. «К счастью, — замечает З. Фрейд, — агрессивные влечения никогда не существуют сами по себе, но всегда сопряжены с эротическими.

¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1995. С. 345—346.

² Там же.

Эти последние в условиях созданной человеком культуры могут многое смягчить и предотвратить»¹.

Заметим, что неопрейдисты, как правило, не оспаривая утверждение о деструктивности человека, ставят под вопрос её инстинктивную природу, отмечая разную степень распространённости деструктивности в мире. Кроме того, что в одной культуре считается деструктивным, в другой может относиться к конструктивному (деятельность диссидентов в советское время).

Другой компонент личности — «Я» — следует *принципу реальности*, осознаёт окружающий мир. Посредством своей деятельности Я способно учитывать социокультурные ценности общества, использовать их в своих интересах.

Более того, «Я» в процессе развития обретает способность контролировать требования «Оно», определяя *возможности* реализации потребностей во избежание ущерба для личности в целом. Говоря о взаимодействии «Я» и «Оно», З. Фрейд метафорически сравнивает их с отношением наездника и лошади: животное даёт энергию для движения, и наездник обладает преимуществом в определении цели и направления движения; но часто возникает ситуация, когда складываются далеко не идеальные взаимоотношения и тогда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается. Но по мере того как всадник овладевает *культурой управления* скакуном, тот («Оно») не может бежать непонятно куда. Сам З. Фрейд подчёркивал: «Там, где было Оно, должно стать Я».

Третий компонент личности — «Сверх-Я» — развивается в раннем детстве из системы запретов и приказаний. Основой формирования «Сверх-Я» является *идентификация*, т.е. уподобление собственного «Я» чужому «Я» (З. Фрейд полагал, что ребенок прежде всего идентифицирует себя с отцом, тем самым в его совести содержатся наставления и запреты, воплощенные в *отцовском* «Сверх-Я»).

На «Сверх-Я» ребенка влияют также заместители родителей — воспитатели, учителя, идеальные примеры. Однако как подчеркивает З. Фрейд, «Сверх-Я» ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому Сверх-Я. Оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени

¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. М. : Наука, 1995. С. 364, 369.

ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения».

Ученый отмечает, что постепенно выкристаллизуются три функции «Сверх-Я»: *самонаблюдение, совесть и формирование идеала*.

Из данного представления о формировании и сути «Сверх-Я», его влиянии на социальные действия индивида вытекает принципиально новое видение и социального поведения людей. «Видимо, — пишет Фрейд, — так называемые материалистические воззрения на историю грешат недооценкой этого фактора. Они отделяются от него замечанием, что «идеологии» людей суть не что иное, как результат и надстройка действующих экономических отношений. Это правда, но очень вероятно — не вся правда. Человечество никогда не живет полностью в настоящем, в идеологиях «Сверх-Я» продолжает жить прошлое, традиции расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям, и, пока оно действует через «Сверх-Я», оно играет значительную, независимую от экономических отношений роль в человеческой жизни»¹.

Анализ свободных ассоциаций

З. Фрейд, как отмечалось выше, предложил и *новый метод*, позволивший ему изучать сознательное и бессознательное в целостности личности и тем самым более адекватно *понять* поведение человека. Метод этот — *анализ свободных ассоциаций*, слов, ошибок, оговорок — позволяет открыть доступ к информации, которая иначе не доступна наблюдению, ибо она была вытеснена из сознания.

Данный, по существу, пионерский метод позволяет интерпретировать поведение индивида с учетом, как его сознательных мотивов, так и подавленных желаний, включая бессознательные влечения.

В социологической литературе этот метод стали называть глубокой герменевтикой: исследователю приходится интерпретировать интерпретации символы, которые либо искажены, либо вообще скрыты для прямого наблюдения. Ведь исследователю необходимо проникать за границы поверхностных значений ассоциаций, ошибок, оговорок, а также сновидений индивида, выявляя при этом скрывающиеся за ними бессознательные желания и мотивы.

¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. М. : Наука, 1995. С. 341.

С помощью данного метода выявляются соотношения между символами индивида и релевантными бессознательными факторами, определяются их причинные связи (например, связь между искажениями языка и поведенческой патологией, между частным жизненным опытом и развитием определенных мотиваций).

Применяя ряд технических приемов глубокой герменевтики (о них заинтересованный читатель может узнать самостоятельно, обратившись к фрейдовской работе «Введении в психоанализ»), ученый приходит к ряду выводов, имеющих непосредственное отношение к собственно социологической интерпретации социальных действий индивида:

- «Да, значительные части Я и Сверх-Я могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными»;

- «Я», согласно З. Фрейду, находится в тройной зависимости — от внешнего мира, «Сверх-Я» и «Оно». Поэтому «Я» должно заботиться о том, чтобы инстинктивные влечения не переросли в конфликт со «Сверх-Я» или с социальными реалиями;

- «Я» живет за счет заимствованных источников энергии. Поэтому «Я» свои предпочтения должно согласовывать с «Оно» и «Сверх-Я».

Таким образом, в социальных действиях индивида присутствуют три типа конфликтов:

- конфликты между индивидом и социальной средой;
- конфликты между «Я» и «Оно», приводящие к противоборству разума и страстей;
- конфликты между «Я» и «Сверх-Я»: у людей с чересчур моралистическим «Сверх-Я» часто возникают моральные переживания, страхи, чувства вины, что отражается на их характере их социальных действий.

Основные защитные механизмы «Я»

В социальных действиях неизбежно присутствует сознательное и бессознательное и, стало быть, в принципе утопично стремление к преодолению иррационального, формированию «гармоничной, всесторонне развитой личности» или ликвидации девиантного поведения вообще. Но социальный психоанализ позволяет рациональными методами исследовать иррациональное, свести его к минимуму и на этой основе стремиться к принятию оптимальных решений, которые должны учитывать, с одной стороны, биологическую природу человека, его инстинкты, а с другой — осо-

бенности нашего национального «Сверх-Я», которые имеют, по З. Фрейду, глубинные корни и не поддаются быстрым изменениям.

Постоянное же давление внешней среды на «Я» приводит к тому, что оно вынуждено оберегать себя с помощью ряда защитных механизмов, которые даже у вполне здоровых людей *примитивизируют уровень социальных действий*.

К этим механизмам З. Фрейд, в частности, относил *вытеснение* — удаление из сознания мотивов к действиям, которые потенциально вызывают аффект, большую напряженность.

Однако даже будучи вытесненными в бессознательное, эти «комплексы» постоянно ищут своего выхода и тем самым продолжают влиять на поведение индивидов, от которых требуется расходование все большей энергии, что удерживать их в бессознательном. Зачастую люди как бы «притворяются», что у них нет аффектов, но они на деле существуют в реактивных образованиях: вытесненная враждебность может быть скрыта за безразличием, любовь — за беззаботностью.

«Я» может защитить себя и с помощью *отрицания* — неприятие реальных событий, замена их вымыслами.

Пожалуй, более всего в России получил распространение такой механизм защиты как *регрессия* — переход к более низкому, упрощенно-примитивному социальному действию.

Регрессия может проявляться в самых различных формах — увеличение потребления алкоголя, табачных изделий, наркотиков. Люди испытывают тягу к социальным действиям, связанным с мистикой, полагая, что маги и экстрасенсы враз вылечат их от всех болезней, решат личные проблемы, а предсказатели точно укажут источники возможных опасностей. Регрессия проявляется и в том, что индивиды совершают действия с неоправданными для себя и окружающих рисками — вождение автотранспорта на недозволенной скорости, использование устаревшей летной техники, пренебрежение правилами безопасности на производстве и ещё делают массу действий с явно иррациональным компонентом.

З. Фрейд полагал, что и либидо как энергия, присущая инстинктам жизни, и агрессивная энергия, в принципе поддаются *сублимации*, которая является также одним из распространенным механизмом защиты «Я». Это могут быть социальные действия, относящиеся к науке, художественному творчеству, труду.

По мнению ученого, именно сублимированная энергия творит прогресс, создает цивилизацию. «Наблюдение ежедневной жизни людей показывает нам, — пишет он в книге «Леонардо да Винчи», — что многим удастся перевести значительную часть их полового влечения на их профессиональную деятельность. Половое влечение особенно приспособлено для того, чтобы делать такие вклады, потому что оно одарено способностью сублимирования, т.е. оно в состоянии заменить свою ближайшую цель другими, смотря по обстоятельствам, более высокими и не сексуальными целями»¹.

Разумеется, чтобы процесс сублимации мог пойти, для этого необходимы условия, нужны соответствующие институциональные структуры. Пока же нет благоприятных условий со стороны внешнего мира, возможности для сублимирования энергии остаются весьма ограниченными.

Страхи и неврозы

В процессе ослабления «Я» под влиянием постоянного давления неблагоприятных социальных фактов, возникают страхи, естественно, влияющие на характер и содержание социальных действий. По З. Фрейду, «Я» — единственное место сосредоточения страха, только «Я» может производить и чувствовать страх, что прямо сказывается на характере социальных действий.

Используя фрейдовскую методологию, можно утверждать, что в российском «Сверх-Я» содержится большой компонент долготерпения невзгод от всякого рода войн, революций, контрреволюций, реформ и контрреформ, которых хватало во все времена. Однако это долготерпение невзгод никогда не являлось и ныне не может явиться панацеей от постоянных эмоциональных стрессов — страхи пришли в нашу жизнь².

Если либидинозная и агрессивная энергии не могут сублимироваться в социальные действия приемлемые как для индивида, так и для общества, то, по З. Фрейду, неизбежно будут воспроизводиться условия возникновения трех разновидностей страха — *страха перед чуждым внешним*

¹ Фрейд, З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. Психоналитические этюды // Фрейд, З. Психоналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 380.

² Матвеева, С. Я., Шляпентох, В. Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000; Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М. : Альфа-М, 2009.

миром, страха совести перед «Сверх-Я», наконец, *невротического страха* перед силой страстей в «Оно».

Следствием неудавшегося защитного процесса «Я» становятся неврозы и реактивные состояния. Не удивительно, что депрессия и фрустрация стали массовыми в стране.

По З. Фрейду, вернуться к социальным действиям, приемлемым для индивида и общества, можно путем усиления «Я», избавив его от постоянного эмоционального давления извне, а также сделав его более независимым от «Сверх-Я». При обострении неврозов «Сверх-Я» становится сверхстрогим, унижает «Я», навязывает ему комплексы неполноценности и ущербности (объективно нищенская заработная плата просто не может не воспроизводить эти комплексы у индивидов с ослабленным «Я»). Через определенное время, когда «критика Сверх-Я умолкает, Я реабилитируется и вновь пользуется всеми человеческими правами вплоть до следующего приступа»¹.

Вернуть многих и многих россиян к социальной деятельности с доминированием рациональной сублимированной энергией можно через преодоление эмоционально-негативных социальных изменений для «Сверх-Я» и целенаправленное вытеснение комплексов ущербности, неполноценности, страха.

Критика К. Маркса

З. Фрейд подверг критике положения К. Маркса о том, что развитие человека и общественных форм является естественноисторическим процессом. Он также резко выступил против того, чтобы абсолютизировать экономические факторы, что, по существу, приводит к игнорированию психологических мотивов в поведении людей.

«Уже тот несомненный факт, что различные лица, расы, народы в одинаковых экономических условиях ведут себя по-разному, исключает единовластие экономических мотивов. Вообще непонятно, как можно обойти психологические факторы, когда речь идет о реакциях живых человеческих существ, ведь дело не только в том, что они уже участвовали в установлении этих экономических отношений, и при их господстве люди не могут не вводить в игру свои первоначальные влечения, свой инстинкт самосохранения, свое

¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. М. : Наука, 1995.

стремление к агрессии, свою потребность любви, свое желание получать удовольствие и избегать неудовольствия»¹.

Из работы: З. Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции²

Свое сомнение, могут ли Я или даже Сверх-Я быть бессознательными или они только способны осуществлять бессознательные действия, мы с полным основанием решаем в пользу первой возможности. Да, значительные части Я и Сверх-Я могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными. Это значит, что личность ничего не знает об их содержании и ей требуется усилие, чтобы сделать их для себя сознательными. Бывает, что Я и сознательное, вытесненное и бессознательное не совпадают. Мы испытываем потребность основательно пересмотреть свой подход к проблеме сознательное — бессознательное. Сначала мы были склонны значительно снизить значимость критерия сознательности, поскольку он оказался столь ненадежным. Но мы поступили бы несправедливо. Здесь дело обстоит так же, как с нашей жизнью: она не многого стоит, но это все, что у нас есть. Без света этого качества сознания мы бы затерялись в потемках глубинной психологии; но мы имеем право попытаться сориентировать себя по-новому.

То, что должно называться сознательным, не нуждается в обсуждении, здесь нет никаких сомнений. Самое старое и самое лучшее значение слова «бессознательный» — описательное: бессознательным мы называем психический процесс, существование которого мы должны предположить, поскольку мы выводим его из его воздействий, ничего не зная о нем. Далее, мы имеем к нему такое же отношение, как и к психическому процессу другого человека, только он-то является нашим собственным. Если выразиться еще конкретнее, то следует изменить предложение следующим образом: мы называем процесс бессознательным, когда мы предполагаем, что он активизировался сейчас, хотя сейчас мы ничего о нем не знаем. Это ограничение заставляет задуматься о том, что большинство сознательных процессов сознательны только короткое время; очень скоро они становятся латентными, но легко могут вновь стать сознательными... То бессознательное, которое является только латентным и легко становится сознательным, мы назовем предсознательным, другому же оставим название «бессознательный», Итак, у нас три термина: сознательный, предсознательный и бессознательный, которых достаточно для описания психических феноменов. Еще раз: чисто описательно и предсознательное бессознательно, но мы так его не называем, разве что в свободном изло-

жении, если нам нужно защитить существование бессознательных процессов вообще в душевной жизни...

Психоаналитическая работа настойчиво требует употребления слова «бессознательный» еще и в другом, третьем смысле, и это, возможно, и вносит путаницу. Под новым и сильным влиянием того, что обширная и важная область душевной жизни обычно скрыта от знания Я, так что протекающие в ней процессы следует признать бессознательными в правильном динамическом смысле. Мы понимаем термин «бессознательный» также и в топическом или систематическом смысле, говоря о системе предсознательного и бессознательного, о конфликте Я с системой бессознательного (*ubw*), все больше придавая слову скорее смысл области души, чем качества психики. Явно неудобное открытие, согласно которому даже части Я и Сверх-Я в динамическом отношении бессознательны, мы воспринимаем здесь как облегчение, ибо оно позволяет нам устранить осложнение. Мы видим, что не имеем права называть чуждую Я область души системой *ubw*, так как неосознанность не является исключительно ее характеристикой. Хорошо, не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, дав прежнему обозначению лучшее, не допускающее неправильного толкования название. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека (1923) мы будем называть его в дальнейшем Оно (*Es*). Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости Я. Сверх-Я, Я и Оно — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности...

Не ждите, что об Оно, кроме нового названия, я сообщу вам много нового. Это темная, недоступная часть нашей личности; то немногое, что вам о ней известно, мы узнали, изучая работу сновидения и образование невротических симптомов, и большинство этих сведений носят негативный характер, допуская описание только в качестве противоположности Я. Мы приближаемся к [пониманию] Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела оно открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате. Благодаря влечениям оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В Оно нет ничего, что можно

¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1995. С. 413.

² Там же.

было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших психических актов. В Оно нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишиться заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения...

Само собой разумеется, Оно не знакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами. Все эти инстинкты, требующие выхода, полагаем мы, находятся в Оно... К характеристике собственно Я, насколько допускает обособление от Оно, и Сверх-Я мы, скорее всего, приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему W-Bw (восприятие — сознание (прим. ред.)). Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, во время ее функционирования в ней возникает феномен орган чувств всего аппарата, восприимчивый, между прочим, к возбуждениям, идущим не только извне, но и из недр душевной жизни. Вряд ли нуждается в пояснении точка зрения, согласно которой Я является той частью Оно, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, живой субстанции. Отношение к внешнему миру для Я стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его перед Оно для блага Оно, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, Я должно наблюдать за внешним миром, откладывая в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалять из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения... Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процессов в Оно, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха...

Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно — неукротимые страсти.

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей Я, теперь настало время вспомнить и об оборотной стороне. Я является лишь частью Оно, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении оно слабо, свою энергию оно заимствовало у Оно, и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у Оно. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний Оно. Я сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя Оно вместо объекта, желая направить либидо Оно на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни Я принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, Я должно проводить в жизнь намерения Оно, оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение Я к Оно можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между Я и Оно слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается...

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному Я еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что Я часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, Сверх-Я и Оно. Если понаблюдать за усилиями Я, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это Я в персонифицированном виде как некое существо. Оно чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, оно призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой Оно, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между Оно и реальностью оно часто вынуждено одевать бессознательные (ubw) требования Оно в свои предсознательные (vbw) рационализации, затушевывать кон-

фликты Оно с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если Оно упорствует и не сдается. С другой стороны, за ним на каждом шагу наблюдает строгое Сверх-Я, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны Оно и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так Я, движимое Оно, стесненное Сверх-Я, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь не легка! Если Я вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед Сверх-Я, невротический страх перед силой страстей в Оно...

10.2. Масса: коллективное бессознательное

Факторы, способствующие образованию и распаду массы

Социологическое воображение З. Фрейда также позволило обосновать инновационные подходы к интерпретации латентных социальных смыслов в поведении *масс людей*. На эту тему им написан ряд работ, в числе которых книга «Психология масс и анализ человеческого Я».

В этом направлении работы он опирается на достижения французского социолога Лебона (1841—1931), который одним из первых показал, что при включении в массу отдельно взятый индивид «приобретает коллективную душу», в силу чего он чувствует, думает и поступает совершенно иначе, чем каждый в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Лебон также пришел к убеждению, что в массе происходит исчезновение сознательной личности, преобладают бессознательные личности, ориентирующиеся на безотлагательное осуществление внушенных идей. Масса не сомневается в истинности или ложности чего-либо, уважает силу, требует от своего героя даже насилия, хочет, чтобы ею владели и её подавляли, хочет бояться своего вождя¹.

Однако З. Фрейд не удовлетворило то, что данное и другие исследования не дают аргументированные ответы на многие возникающие вопросы. Прежде всего, ученый

попытался ответить на вопросы, какая же сила объединяет людей, почему аффективность в действиях отдельных индивидов чрезвычайно повышается, а их интеллектуальные потенции заметно понижаются.

По его мнению, все дело именно в либидинозной энергии, присущей сексуальным инстинктам, что можно выразить в двух постулатах: «Во-первых, что масса, очевидно, объединяется некою силой. Но какой же силе можно скорее всего, приписать это действие, как не эросу, все в мире объединяющему? Во-вторых, когда отдельный индивид теряет своё своеобразие и позволяет другим на себя влиять, в массе создается впечатление, что он делает это, потому что в нем существует потребность быть скорее в согласии с другими, а не в противоборстве, т.е. может быть, все-таки “из любви” к ним»¹.

Отметим, что установки и стремления индивидов, а также черты их характера З. Фрейд *всецело* выводит из *сублимированно выраженных либидинозных влечений*. Его последователи, не отрицая сексуального происхождения многих мотивов социальных действий, тем не менее, указывают на совокупность факторов, включая социокультурные условия, в которых живут люди.

Далее З. Фрейд отмечает, что массы могут быть разные: *примитивные* и *высоко организованные*, возглавляемые вождями, с четкими подразделениями.

Предметом его исследования являются, прежде всего, высокоорганизованные, постоянные, искусственные массы — церковь и армия. При всех различиях в их основе лежат либидинозные структуры, культивируется иллюзия о том, что верховный властитель (в католической церкви Христос; в войске — полководец-отец: «каждый капитан в то же время и полководец и отец своей роты») любят каждого отдельного члена массы равной любовью.

Если либидинозные связи нарушаются, например, во время паники, то и церковь, и армия распадаются тотчас же — прекращается всякий учет чужих интересов. Типичным поводом для распада массы является разрыв связи с вождем, что, «как правило, порывает и взаимные связи между массовыми индивидами».

¹ Лебон, Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

¹ Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 440.

Агрессивность массы

З. Фрейд также задался вопросом: что же происходит с агрессивной энергией массовых индивидов?

Она никуда не исчезает и находит свой выход в жестоких и враждебных импульсах к другим людям, которые не относятся к конкретной массе.

Даже религия, замечает З. Фрейд, хотя она и называет себя религией любви, является жесткой и черствой к тем, кто к ней не принадлежит: «В сущности, ведь каждая религия является такой религией любви по отношению ко всем, к ней принадлежащим, и каждая религия склонна быть жестокой и нетерпимой к тем, кто к ней не принадлежит»¹. Если религиозная связь замещается какой-либо иной, объединяющей массу (ученый приводит пример социализма), то положение дел не изменяется: «в результате возникает та же нетерпимость к вносящим, как и во времена религиозных войн».

По З. Фрейду, либидинозные связи, составляющие суть коллективного бессознательного, характерны для любой массы, любого объединения людей. Возникающие неизбежно при этом враждебные чувства к вносящим в массу *могут не доходить до сознания, но лишь вследствие вытеснения*.

Нетерпимость, вражда — часть человеческой природы, но они являются либо вытесненными, сохраняясь при этом в коллективном бессознательном, либо находятся в коллективном сознательном при больших различиях и соперничестве с другими: «Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга — южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирает португальца. То, что при больших различиях возникает труднопреодолимая антипатия — галла к германцу, арийца к семиту, белого к цветному, — нас перестало удивлять»².

Правда, как считает ученый, нетерпимость может исчезнуть на определенный срок. Это происходит как при самом процессе образования массы, так и в массе, которая позволяет удовлетворять основные жизненные потребности индивидов. В этот период индивиды ведут себя как однородные, терпят своеобразие других, равняются с ними и не испытывают чувств отталкивания.

¹ Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 445.

² Там же. С. 447.

З. Фрейд объясняет данную ситуацию тем, что в этот момент себялюбие уступает место либидинозной связи с другими людьми. Влюбленность в себя находит преграду в чужелюбии, в любви к объектам. Опыт показал, замечает З. Фрейд, что в случае сотрудничества между товарищами обычно устанавливаются либидинозные связи, которые определяют и продолжают отношения товарищей далеко за пределами выгоды. Либидо опирается на удовлетворение основных жизненных потребностей и избирает их участниками своими первыми объектами. Как у отдельного человека, так и в развитии всего человечества, только любовь как культурный фактор, действовала в смысле поворота от эгоизма к альтруизму.

Идентификация

В массах, как считает З. Фрейд, действует самая ранняя и самая первоначальная форма эмоциональных связей, названная им *идентификация*, под которой понимается сознательное или неосознанное отождествление индивида с другим лицом.

Изначально идентификация амбивалентна: «она может стать выражением нежности так же легко, как и желанием устранения». Как правило, идентификация возникает при обнаружении общности с индивидом, не являющимся объектом собственно сексуального влечения, но принимаемым за идеал. Обычно вождь олицетворяет собой идеал. Масса — собрание людей, идентифицировавших себя с ним.

Идентификация как ранняя и самая первоначальная форма эмоциональных связей, лежащая в основе массы, объясняет то, что у индивида массы отсутствует самостоятельность и инициатива, его социальные действия однородны с другими, регрессированы до уровня массового индивида. Масса, как и стадо, отвергает все новое, непривычное. Современный человек ведет себя в массе подобно дикарю в первобытной орде или детям. Исчезновение сознательной личности, преобладание аффективных действий, коллективного бессознательного в душевной сфере — все это соответствует состоянию регресса.

Однако замечает З. Фрейд, такой регресс характерен для сущности обыкновенных масс, в то время как у масс высокоорганизованных такая регрессия может быть значительно задержана.

Корпоративный дух массы

По сути пионерскими явились мысли ученого о *корпоративном духе массы* — его корни в *аффективной зависти*: «Никто не должен посягать на выдвижение, каждый должен быть равен другому и равно обладать имуществом. Социальная справедливость означает, что самому себе во многом отказываешь, чтобы и другим надо было себе в этом отказывать»¹.

Амбивалентность идентификации легко приводит к изменению чувств и действий положительного направления на враждебные. В случае заражения массового индивида опасной болезнью у него возникает «бессознательное желание распространить своё заражение на других». То же происходит, когда беды и лишения сваливаются на несчастных, — их пытаются «по справедливости» переложить и на остальных членов массы.

Вождь массы

Однако подчеркивает З. Фрейд, «требование равенства массы относится только к участникам массы, но не к вождю. Всем участникам массы нужно быть равными между собой, но все они хотят власти над собой одного. Множество равных, которые могут друг с другом идентифицироваться, и один-единственный, их всех превосходящий, — вот ситуация, осуществленная в жизнеспособной массе»².

По З. Фрейду, вождь в малой степени связан либидинозно, он не любит никого, кроме себя, а других любит лишь постольку, поскольку они служат его потребностям. Идеал, воплощенный в вожде, становится идеалом людей из массы, у которых, как отмечалось выше, преобладают аффективные действия и коллективное бессознательное в душевной жизни. «Это обстоятельство облегчает выбор вождя. Нередко ему всего лишь нужно обладать типичными качествами этих индивидов в особенно остром и чистом чекане и производить впечатление большей силы и либидинозной свободы, и сразу на это откликается потребность в сильном власте-

¹ Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 462.

² Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 463.

лине и наделяет его сверхсилой, на которую он и не стал бы претендовать»¹.

Таким образом, З. Фрейд показал, что коллективное бессознательное всегда искало вождя, героя, которые обещают быстрые и относительно легкие пути решения сложных проблем.

Если ретроспективно взглянуть на историю России, то не трудно заметить, что в массах всегда особым авторитетом пользовались цари и вожди харизматического типа, которых наделяли сверхсилой, боялись и любили, а *не просветители-преобразователи*, обладавшие для своего времени передовыми знаниями и ясными убеждениями по переустройству страны. Их призывы к кропотливой, сознательной, эволюционной работе не были услышаны, а сами они не были востребованы.

Фрейдовская методология позволяет объяснить то, почему в России с господством в нашем национальном «Сверх-Я» обостренной социальной справедливости были весьма распространены гражданские войны за «справедливого» царя, бунты, скоропалительные революции, реформы «революционного типа», призывавшие «догнать и перегнать» остальной мир, а также следовавшие за ними антиреволюции и антиреформы.

Господствующая в массах амбивалентность идентификации логично приводила к тому, что «неземная» любовь к «спасителю Отечества», по мере накопления в бессознательном вытесняемого социального негатива и увеличивавшегося давления беспредела на «Я», легко переходила подчас без серьезной сознательной мотивации в такую же ненависть, в бичевание низвергнутых вождей и требование нового, «настоящего» героя, готового в очередной раз «осчастливить народ».

Движение от коллективного бессознательного к *коллективному сознательному*, по мнению З. Фрейда, осуществляется через развитие культуры, которая помимо создания земных благ знаменует собой исторический прогресс в упорядочении человеческих отношений, ибо «каждая культура создается принуждением и подавлением первичных позывов».

¹ Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997.

Из работы: З. Фрейд. Психология масс и анализ человеческого Я¹

Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное. Импульсы, которым повинуются масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения. Ничто у нее не бывает преднамеренным. Если она и страстно и желает чего-нибудь, то всегда ненадолго, она не способна к постоянству воли. Она не выносит отсрочки между желанием и осуществлением желаемого. Она чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного.

Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она не критична, неправдоподобного для нее не существует. Она думает образами, порождающими друг друга ассоциативно, — как это бывает у отдельного человека, когда он свободно фантазирует, — не выверяющимися разумом на соответствие с действительностью. Чувства массы всегда весьма просты и весьма гиперболичны. Она, таким образом, не знает ни сомнений, ни неуверенности.

Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии — в дикую ненависть.

Склонную ко всем крайностям массу и возбуждают тоже лишь чрезмерные раздражения. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое.

Так как масс в истинности или ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету. Она уважает силу, добротой же, которая представляется ей всего лишь разновидностью слабости, руководствуется лишь в незначительной мере. От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина. Будучи в основе своей вполне консервативной, у нее глубокое отвращение ко всем новшествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией.

Для правильного суждения о нравственности масс следует принять во внимание, что при совместном пребывании индивидов массы у них отпадают все индивидуальные тормозящие моменты и просыпаются для свободного удовлетворения первичных позывов все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в отдельной особи, как пережитки первобытных времен. Но под

влиянием внушения массы способны и на большое самоотречение, бескорыстие и преданность идеалу. В то время как у изолированного индивида едва ли не единственным побуждающим стимулом является личная польза, в массе этот стимул преобладает очень редко. Можно говорить о повышении нравственного уровня отдельного человека под воздействием массы. Хотя и интеллектуальные достижения массы всегда много ниже достижений отдельного человека, ее поведение может как намного превышать уровень индивида, так и намного ему уступать...

Далее масса попадает под поистине магическую власть слов, которые способны вызывать в массовой душе страшнейшие бури или же эти бури укрощать...

И наконец, массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить. Ирреальное для них всегда имеет приоритет перед реальным, нереальное влияет на них почти так же сильно, как реальное. Массы имеют явную тенденцию не видеть между ними разницы.

Это преобладание жизни фантазии, а также иллюзии создаваемой неисполненным желанием, определяет, как мы утверждаем, психологию неврозов. Мы нашли, что для невротиков существенна не обычная объективная, а психическая реальность. Истерический симптом основывается на фантазии, а не на повторении действительного переживания, невротическая навязчивая идея создания вины — на злом намерении, никогда не дошедшем до осуществления. Да, как во сне и под гипнозом, проверка на реальность в душевной деятельности массы отступает перед интенсивностью аффективных, порожденных желанием импульсов...

Стадный инстинкт

Мы вправе сказать себе, что обширные аффективные связи, замеченные нами в массе, вполне достаточны, чтобы объяснить одно из ее свойств, а именно отсутствие у индивида самостоятельности и инициативы, однородность его реакций с реакцией всех других, снижение его, так сказать, до уровня массового индивида. Но при рассмотрении массы как целого она показывает нам больше; черты ослабления интеллектуальной деятельности, безудержность аффектов, неспособность к умеренности и отсрочке, склонность к переходу всех пределов в выражении чувств и к полному отводу эмоциональной энергии через действия — это и многое другое, что так ярко излагает Ле Бон, дает несомненную картину регресса психической деятельности к более ранней ступени, которую мы привыкли находить у дикарей или у детей. Такой регресс характерен особенно для сущности обыкновенных масс, в то время как у масс высокоорганизованных, искусственных, такая регрессия может быть значительно задержана...

Вспомним только толпы восторженно влюбленных женщин и девушек, теснящихся после его выступления вокруг певца или

¹ Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997.

пианиста. Каждая из них не прочь бы, конечно, приревновать каждую другую, ввиду же их многочисленности и связанной с этим невозможностью овладеть предметом своей влюбленности, они от этого отказываются, и вместо того, чтобы вцепиться друг другу в волосы, они действуют как единая масса, поклоняются герою сообща и были бы рады поделить его локоном. Исконные соперницы, они смогли отождествить себя друг с другом из одинаковой любви к одному и тому же объекту. Если ситуация инстинкта способна, как это обычно бывает, найти различные виды исхода, то не будет удивительным, если осуществится тот вид исхода, что связан известной возможностью удовлетворения, в то время как другой, даже и более очевидный, не состоится, так как реальные условия достижения этой цели не допускают.

Что позднее проявляется в обществе, как корпоративный дух и т.д., никак тем самым не отрицает происхождения его из первоначальной зависти. Никто не должен посягать на выдвижение, каждый должен быть равен другому и равно обладать имуществом. Социальная справедливость означает, что самому себе во многом отказываешь, чтобы и другим надо было себе в этом отказывать или, что то же самое, они бы не могли предъявлять на это прав. Это требование равенства есть корень социальной совести и чувства долга. Неожиданным образом требование это обнаруживается у сифилитиков в их боязни инфекции, которую нам удалось понять с помощью психоанализа. Боязнь этих несчастных соответствует их бурному сопротивлению бессознательному желанию распространить свое заражение на других, так как почему же им одним надлежало заразиться и лишиться столь многого, а другим — нет? То же лежит и в основе прекрасной притчи о суде Соломоновом. Если у одной женщины умер ребенок, то пусть и у другой не будет живого ребенка. По этому желанию познают потерпевшую.

Социальное чувство, таким образом, основано на изменении первоначально враждебных чувств в связь положительного направления, носящую характер идентификации. Поскольку нам было возможно проследить этот процесс, изменение это осуществляется, по-видимому, под влиянием общей для всех нежной связи с лицом, стоящим вне массы. Наш анализ идентификации и нам самим не представляется исчерпывающим, но для нашего настоящего намерения нам достаточно вернуться к одной черте, а именно — к настойчивому требованию уравнивания. При обсуждении обеих искусственных масс — церкви и войска — мы уже слышали об их предпосылке, чтобы все были одинаково любимы одним лицом — вождем. Но не забудем одного: требование равенства массы относится только к участникам массы, но не к вождю. Всем участникам массы нужно быть равными между собой, он не все они хотят власти над собою одного. Множество равных, которые могут друг с другом идентифицироваться, и один — единственный, их всех пре-

восходящий, — вот ситуация, осуществленная в жизнеспособной массе...

10.3. Роль культуры в человеческих отношениях

Культура и человеческие страсти

З. Фрейд понимает под культурой «все то, чем человеческая жизнь возвышается над своими животными условиями и чем она отличается от жизни животных». При этом он выделяет две её стороны: одна «охватывает все приобретенные людьми знания и умения, дающие им возможность овладеть силами природы»; другая включает «все те установления, которые необходимы для упорядочения отношений людей между собой»¹.

Как считает ученый, человечество сделало немало в деле «господства над природой и в этой области можно ожидать ещё больших успехов». Однако «нельзя с уверенностью констатировать подобный прогресс в деле упорядочения человеческих отношений». Здесь не все так просто, как ранее представлялось даже в научном сообществе, которое оценивало культуру главным образом с позиций *позитивного, рационального* смысла.

Ученый же раскрыл *амбивалентную* роль культуры в человеческих отношениях.

С одной стороны, любая культура подавляет первичные инстинкты человека и требует от него социальных действий, которые ограничивают влечения, что, в свою очередь, может стать причиной антиобщественных тенденций. «Надо, как мне думается, — пишет он, — считаться с тем фактом, что у всех людей имеются разрушительные, следовательно, противообщественные и антикультурные тенденции и что у большого количества людей они достаточно сильны, чтобы определить их поведение в человеческом обществе»².

Люди не способны существовать изолированно. Тем не менее, они остро воспринимают жертвы по обузданию страстей, которые требуются от них в процессе социализации. Институты, ценности и нормы принуждают людей к труду, устанавливают определенное распределение мате-

¹ Фрейд, З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: ООО «Попурри», 1997. С. 481—482.

² Там же. С. 483.

риальных благ: «каждая культура основывается на принуждении к работе и на отречении от первичных позывов и поэтому неизбежно вызывает оппозицию тех, кто от этого страдает»¹.

Отдельно взятые индивиды могут становиться врагами культуры.

Конечно, культура способна интегрировать значительное число членов общества. Однако З. Фрейд не верит в то, что ликвидация ущербных социальных институтов, замена их другими способна вообще нейтрализовать силу инстинктов: «известный процент человечества всегда останется асоциальным».

Современная культура накладывает запреты на первичные позывы кровосмешения, каннибализма, страсти к убийству, которые происходят из древнейших инстинктов. Тем не менее полностью преодолён лишь каннибализм. Практикуется инцест. Что же касается убийства, то «наша культура при известных условиях ещё совершает, даже предлагает»².

И все же З. Фрейд констатирует определённый исторический прогресс в человеческих отношениях, что связывает с развитием «Сверх-Я» человека, с процессом *интериоризации* — переводом внешних запретов во внутренний мир человека и освоением им сложившихся в обществе моральных ценностей и норм.

«Это укрепление *сверх-Я*, — пишет он, — является в высшей степени драгоценным психологическим достоянием культуры. Все лица, в которых совершился этот процесс, из противников культуры становятся её носителями. Чем больше их число в культурном кругу, тем прочнее эта культура, тем скорее она может отказаться от внешних средств принуждения. Однако мера этого внутреннего освоения очень различна... Бесконечное множество культурных людей, которые отшатнулись бы от убийства или кровосмешения, не отказывают себе в удовлетворении жадности, жажды агрессии, половой похоти, не перестают вредить другим ложью, обманом и клеветой, если это можно делать безнаказанно»³.

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997.

² Там же. С. 486.

³ Там же. С. 487.

Дифференциация запретов по социально-культурному признаку

Однако не только запреты и моральные ограничения сами по себе влияют на характер взаимоотношения людей.

Важным фактором является *дифференциация запретов по социально-культурному признаку*: привилегированные классы испытывают меньше лишений, пользуются разнообразными средствами для удовлетворения желаний. Угнетённые же классы «испытывают зависть к преимуществам привилегированных», стремятся употребить все, чтобы освободиться от большинства лишений. «Там, где это невозможно, утвердится длительное недовольство, которое может привести к опасным восстаниям»¹.

При этом З. Фрейд выдвигает и обосновывает своё видение природы социальных конфликтов и революционных взрывов, которая, по его мнению, лежит в неспособности конкретной культуры учитывать и смягчать дифференциацию запретов по социальному признаку, доставлять блага одной части общества за счёт подавления другой, большей части общества.

«Вполне понятно, — замечает он, — что у этих угнетённых развивается интенсивная враждебность против культуры, которую они укрепляют своей работой, но от плодов которой имеют лишь ничтожную долю. В таком случае нельзя ожидать от угнетённых внутреннего освоения налагаемых культурой запретов. Они, напротив, не склонны признавать эти запреты, стремятся разрушить самую культуру, при возможности уничтожить даже самые её предпосылки. У этих классов враждебность к культуре так очевидна, что из-за неё осталась незамеченной, скорее всего, латентная враждебность более зажиточных слоев общества. Не приходится говорить, что культура, оставляющая неудовлетворёнными столь большое количество участников и ведущая их к восстанию, не имеет перспектив на длительное существование, да его и не заслуживает»².

Как видно, З. Фрейд полагает, что культура посредством ограничений либидинозных и деструктивных влечений способствует производству вытеснений, внутриличностной враждебности. Словом, за культурные блага людям прихо-

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997.

² Там же. С. 488.

дится платить внутренними переживаниями и стрессами, ограничить которые можно лишь путем сублимации либидинозной и деструктивной энергии.

Нарциссизм культурных идеалов

Другой принципиальный фактор, влияющий на характер взаимоотношений людей, — *культурные идеалы*.

Как считает З. Фрейд, идеалы любой культуры имеют *нарциссическую* природу, т.е. культивируют самовлюбленность, гордость, превосходство своих достижений по отношению к тому, что исповедуют, чего добились представители иной культуры. «Культурные идеалы, — пишет он, — становятся поводом для расколов и враждебности между различными культурными кругами, и это особенно отчетливо проявляется в отношениях между собой отдельных наций»¹.

Нарциссическая природа культурных идеалов приводит к тому, что угнетенные классы получают возможность презирать чужаков, что «вознаграждает их за угнетение в их собственном кругу». Более того, «угнетенные идентифицируют себя с повелевающим и эксплуатирующим их классом». Данное обстоятельство вызывает удовлетворение у всех слоев населения, разделяющих определенные культурные идеалы, что способствует смягчению восприятия запретов и ограничений по социальному признаку. «Если бы не имелись такие, по существу, удовлетворяющие отношения, то было бы непонятно, почему многие культуры продержались столь продолжительное время, несмотря на оправданную враждебность широких масс»².

З. Фрейд особо подчеркивает роль произведений искусства, которые, с одной стороны, побуждают совместные переживания, действия представителей каждого культурного круга, а с другой, — порождают любования своим превосходством по отношению к другим культурам.

Нарциссические тенденции, весьма характерные для западной культуры, стали распространяться и в современном российском обществе, что проявляется в эгоцентризме, культивировании жажды престижа и восхищения, в тщеславии, завышенных самооценках, в озабоченности своей безопасностью. В результате мы имеем такие социальные дей-

ствия, которые не способствуют дружбе и сотрудничеству людей. «Чужие» культурные факторы стали вызывать враждебность, страхи, а то и деструктивные действия.

Сам З. Фрейд объяснял распространение нарциссических наклонностей гипотезой об их биологическом происхождении, умаляя тем самым собственно культурные факторы. Стремление к престижу, несомненно, обусловлено новыми социальными и экономическими реалиями.

В целом же нельзя не отметить и тот факт, что З. Фрейд рассматривал культурные явления как производное от сублимированной сексуальной энергии. Сегодня мало кто согласится с этим биологическим детерминизмом.

10.4. Инфантильное и интеллектуализированное поведение

З. Фрейд исходит из того, что как человечеству в целом, так и отдельному человеку *трудно сносить жизнь* в двойном смысле.

Во-первых, на индивидов оказывают давление культурные предписания, а также неблагоприятные действия других индивидов, спровоцированные несовершенством культуры.

Во-вторых, люди сталкиваются с ущербами, причиняемые им необузданной природой, которые принято называть судьбой. Человечество всегда искало пути, как облегчить себе жизнь, как защитить себя от превратностей судьбы.

Влияние религии на характер поведения

Неблагодарно и вообще близоруко стремиться к упразднению культуры. Тогда останется только природное состояние и выносить его гораздо труднее. Безличные силы природы и судьбы всегда остаются чуждыми.

В этих условиях, как считает З. Фрейд, у человека возникает предрасположенность к инфантильному мышлению и поведению по аналогии с реакцией ребенка на жизненную ситуацию: у него есть авторитетный отец, внушающий не только страх, но и являющийся его защитником против опасностей. Сходным образом, полагает ученый, наши предки не только наделили силы природы человекообразными существами, с которыми можно было обращаться как с равными, но и *придавали им характер отца, превращали их в богов*.

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997.

² Там же. С. 488.

Так возникает религия, которая, как считает З. Фрейд, содержит отцовское ядро за каждым божественным образом и тем самым создает основу для *инфантильного мышления и поведения*. Отношения к богу приобретают искренность и интенсивность отношения ребенка к отцу: «если ты уже столько сделал для отца, то, конечно, хочешь и награды, хочешь, по крайней мере, быть единственно любимым ребенком», «бог есть возвышенный отец, тоска по отцу — корень религиозной потребности»¹.

Бог заменяет функции отношений ребенка к отцу, для которых характерна своеобразная амбивалентность — его бояться, но о нем тоскуют и им восхищаются.

Сохранение этих функций в более зрелом возрасте, по мнению З. Фрейда, способствует воспроизводству инфантильного мышления и соответствующих социальных действий: «Когда подрастающий человек замечает, что ему навсегда суждено остаться ребенком, что он всегда будет нуждаться в защите от чуждых сверхсил, он придает этим силам образ отца, он создает себе богов, которых он боится, которых он старается расположить к себе и которым он все же поручает защиту самого себя. Таким образом, мотив тоски об отце идентичен с потребностью в защите от следствий человеческого бессилия; оборона против детской беспомощности придает реакции на беспомощность, которую человек должен признать, а именно — созданию религии — свои характерные черты»².

З. Фрейд рассматривает и роль религии в становлении культуры, в сдерживании асоциальных эгоистических первичных позывов. По его мнению, религия, несомненно, оказала человеческой культуре немалую пользу, но её значимость переоценивается.

«Религия, — пишет он, — совершенно очевидно оказала культуре большие услуги: она очень содействовала укрощению асоциальных первичных позывов, но все же недостаточно. Она в течение многих тысячелетий господствовала над человеческим обществом; достаточно было времени, чтобы показать, чего она может достигнуть. Если бы ей удалось осчастливить большинство людей, утешить их, примирить их с жизнью, сделать их носителями культуры,

¹ Фрейд, З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 494.

² Там же. С. 498.

то никому не пришло бы в голову стремиться к изменению существующего положения вещей»¹.

Что же касается влияния религии на нравственность, то, как полагает З. Фрейд, нет очевидных свидетельств, что люди верующие были нравственнее.

«Они всегда умели делать религиозные предписания чисто внешними и тем самым срывать их цель. Священники, в обязанности которых было следить за послушанием религии, шли им в этом навстречу. Милость бога должна была идти рука об руку с его справедливостью: человек грешил и затем приносил жертву или покаяние и тогда освобождался, чтобы грешить заново. Русская психика вознеслась до заключения, что грех явно необходим, чтобы испытать все блаженство милосердия божьего, и потому в основе своей грех — дело богоугодное. Совершенно ясно, что священники могли сохранить покорность масс религии только тем, что разрешали большие уступки человеческой природе первичных позывов. Было установлено: бог один силен и благ, человек же слаб и грешен. Во все времена безнравственность находила в религии не меньшую поддержку, чем нравственность»².

Дух науки и интеллектуализированное поведение

Становление интеллектуализированного поведения З. Фрейд связывает с утверждением *духа науки* в обществе. По его мнению, замена религиозных мотивов на мотивы светские не приведет к умалению культурного поведения, ибо люди науки, работники умственного труда сами большей частью являются носителями культуры.

Не восторжествует ли в таком случае поведение, основанное на эмоциональных мотивах?

Действительно, даже у современного взрослого человека мотивы чисто рассудочные трудно справляются с побуждениями страстей. Ребенок же вообще не может рациональной умственной работой подавить первичные позывы: он должен обуздать их актами вытеснения, за которыми, как правило, стоит мотив страха. Большинство этих детских неврозов стихийно преодолевается по мере развития ребенка.

Считая религию «общечеловеческим неврозом», который отпадет в процессе роста человеческой цивилизации, ученый

¹ Фрейд, З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 509.

² Там же. С. 510.

полагает, что рациональное обоснование запретов, заповедей и законов лучше религиозного в плане и укрепления культурного фактора в человеческих отношениях, и в совершенствовании окостенелых законов.

«Люди поняли бы, — замечает З. Фрейд, — что эти законы не столько для того, чтобы господствовать над ними, сколько для того, чтобы служить их интересам; у них создалось бы к ним более дружественное отношение, и они ставили бы себе целью не уничтожение их, а только улучшение. На пути, ведущем к примирению с давлением культуры, это было бы важным шагом вперед»¹.

Без религиозного влияния, конечно, человек окажется в затруднительном положении. Он перестает быть объектом нежного попечительства, благого предвидения и должен рассчитывать лишь на собственные силы. «Он попадает в положение ребенка, покинувшего отчий дом, где ему было так тепло и уютно. Но инфантилизм обречен на преодоление, не так ли? Не может человек вечно оставаться ребенком, он должен, наконец, выйти наружу, во “враждебную жизнь”. Это можно назвать “воспитанием к реальности”»².

З. Фрейд верит в интеллектуализацию мышления и поведения людей, хотя при этом отмечает объективные трудности данного процесса: «Мы можем сколько угодно подчеркивать бессилие интеллекта по сравнению с властью человеческих первичных позывов и быть при этом правыми. Однако слабости этой присуща некая особенность: голос интеллекта тих, но он не успокаивается до тех пор, пока его не услышат»³.

З. Фрейд подчеркивает, что наука весьма молода, но человеческий интеллект уже достаточно окреп, чтобы пользоваться научным инструментарием для адекватного восприятия проблем мироздания.

10.5. Социальный психоанализ о роли бессознательного и деструктивных факторов в политике: кейс-стади

Причина краха коммунистической политики некоторыми социологами видится в тех или иных внешних факторах. Их воздействие бесспорно.

¹ Фрейд, З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : ООО «Попурри», 1997. С. 513.

² Там же. С. 519—520.

³ Там же. С. 523.

Но как объяснить *спонтанность* большинства антикоммунистических революций в целом ряде стран? Что вызвало столь *массовые* порывы? Откуда взялись буквально *вулканические всплески ненависти*? Чем обусловлены желания доселе покорных людей *крушить все и вся* в такие периоды?

Проще всего причину *социального взрыва* видеть в старческой или интеллектуальной немогущности вождя, в его непродуманных политических действиях, цепи его ошибок или даже преступлениях. Если плох один вождь, то можно надеяться, что другой будет лучше и добрее. Но все это *видимые, явные* заключения, которые не охватывают всю картину политической жизни.

Несомненно, авторитарная, тем более тоталитарная политика не проходит бесследно как для властителей, так и для подвластных им людей. Латентно развиваются страхи, покорность, подозрительность, зависть, ненависть. До определенного времени они могут быть «вытесненными» в сферу подсознательного и явно не проявляются.

Однако люди, лишенные душевного покоя, утрачивают способность к эффективности принятия и исполнения решений. Они совершают необъяснимые поступки, подчас предательства даже близких людей, что *не всегда ими осознается*.

Фрейдовская теория не просто констатирует само существование бессознательных процессов, а указывает на их реальную связь с характером социальных действий. Люди, принимая даже весьма важные решения политического толка, *могут не знать об их истинных мотивах*. Так, серьезные политические акции и даже войны могут на уровне сознания иметь одни причины, а на деле их реальными мотивами подчас являются всплески ранее подавлявшихся эмоций политических агентов.

Иррационально-бессознательный фактор присутствует и у рациональных политиков. Достаточно вспомнить предвыборные кампании в странах, считающихся демократическими: симпатии или антипатии, «благородные жесты» или деструктивные заявления и даже силовые акции во имя «жизненных интересов США» могут определяться силами, которые полностью *не осознаются*.

Можно привести множество данных о том, что политика реформ в России никогда не учитывала ни потенциал иррационально-бессознательного, ни человеческую деструктивность. Как следствие, все власти запоздало реагировали на экономические и социальные проблемы, предлагая ско-

ропалительные реформы, которые в очень короткое время должны были «осчастливить» народ. Популизм и мессианизм — конкретные проявления властями иррациональных страстей: реформы никак не сочетались с всесторонне просчитанным замыслом, их законодательным подкреплением. Нет надобности говорить о том, что власть никогда не задумывалась о соответствии реформаторских преобразований нашему национальному характеру.

Не лучше обстояло дело с политикой реформ в 1980—1990-е годы. С внедрением принципиально новых для страны экономических и политических структур нельзя сразу же поменять российский тип национального характера, сформировавшийся под влиянием тысячелетней авторитарной политики.

Жизненный уклад демократического свободного общества также нельзя постигнуть только *сознательно*. Необходимо ещё, чтобы и *бессознательное*, являющееся компонентом нашего национального характера, пришло в соответствие с новыми реалиями. Трудно отречься от практики авторитарно-коммунистической политики. Ещё труднее декларативно покаяться, признать собственную вину за её проведение, что связано с ломкой личности, раздвоением сознания.

Но неизмеримо труднее на бессознательном уровне воспринять принципы демократического свободного общества, научиться их соблюдать, *не задумываясь* об этом. *Российские граждане понимают демократию иначе, чем жители западных стран*¹.

Несомненно, для части россиян возникла проблема *силой сознания* воспринять новые рыночные и демократические институты или создать *видимость* их восприятия. Возникла ситуация постоянного давления (как правило, не осознанного!) внешней среды на душевную жизнь индивидов. Это приводит к тому, что психика вынуждена оберегать себя с помощью ряда защитных механизмов, которые вместе с тем *примитивизируют* поведение людей.

Используя фрейдовскую методологию, можно утверждать, что в российском Сверх-Я содержится большой компонент долготерпения невзгод от всякого рода иррационализма в политике — революций и контрреволюций, реформ

и контрреформ, которых хватало во все времена. Однако это долготерпение никогда не являлось и ныне не может явиться панацеей от постоянных эмоциональных стрессов, следствием чего становятся неврозы и реактивные состояния. Не удивительно, что депрессия и фрустрация стали массовыми в России. Возник феномен «привыкания к нищете», хотя сокращается число тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами».

Как было отмечено выше, З. Фрейд не верит в то, что ликвидация тоталитарных социальных институтов, замена их институтами демократического свободного общества способна вообще нейтрализовать силу инстинктов. И все же социолог констатирует определенный исторический прогресс в человеческих отношениях, что связывает с процессом *интериоризации* — переводом внешних запретов во внутренний мир человека и освоением им сложившихся в обществе моральных ценностей и норм.

Это момент принципиальной важности.

Социальный контроль становится тем эффективнее, чем меньше в нем *сознательного решения* следовать законам и нормам, а есть *неосознанное внутреннее желание* соответствовать требованиям социального порядка. Контроль изнутри, разумеется, не умаляет формальную роль закона как внешнего фактора принуждения, который определяет круг обязанностей людей и перечень их прав.

С учетом особенностей российского коллективного бессознательно можно прогнозировать, что нам предстоит ещё длительный процесс демократизации, прежде чем у большинства россиян произойдет *правовая интериоризация* и появится *неосознанная внутренняя* потребность уважать законы, нами же принятые. Только на этом пути может произойти *реальная* минимизация деструктивного фактора в политике, имея в виду, как *характер решений* руководителей, так и их исполнения со стороны руководимых.

Важным компонентом любой политики является *дифференциация запретов по социальному признаку*. Глубокая дифференциация запретов по социальному признаку сделала явной необходимостью политику реформирования советского общества. Советская партийно-государственная элита практически не знала запретов, в то время как простые граждане имели в прямом фрейдовском смысле «ничтожную долю», что не могло не развивать «интенсивную враждебность» против культуры «социалистического выбора».

¹ Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998—2004). Аналитический доклад. М.: АИРО—XX, 2005. С. 117.

К сожалению, и сегодня сохраняется глубокая дифференциация запретов по социальному признаку. Не случайно более половины россиян связывают демократию с *равенством всех граждан перед законом*.

Основные термины и выражения

Бессознательное — *the unconscious / unconsciousness* — по З. Фрейду — подавленные процессы, вытесненные за границу сознания, которое может быть двух видов: одно, при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и может и никогда не произойти.

Вытеснение — *displacement* — в социальном психоанализе — защитный механизм, связанный с активным забыванием того, что неприемлемо для «Я» (тревога, чувство вины, если бы они стали осознанными).

Двойная герменевтика — *double hermeneutics* — по З. Фрейду — суть метода анализа свободных ассоциаций, снов, ошибок, оговорок, позволяющего открыть доступ к информации, которая иначе не доступна наблюдению, ибо она была вытеснена из сознания, т.е. речь идет об интерпретации психологом интерпретаций пациента (например, его снов).

Идентификация — *identification* — по З. Фрейду — процесс, посредством которого индивид развивает привязанность, влюбленность в другого человека (отца, духовного наставника, вождя), восторгаясь его качествами и чертами, которыми он сам хотел бы обладать, в результате чего личность индивида полностью или частично формируется по образу и подобию другого, т.е. индивид идентифицирует себя в другом.

Либи́до — *libido* — по З. Фрейду — «энергия жизни», включающая не только «все то, что можно обобщить понятием любви», но и конструктивную деятельность вообще.

Масса — *mass* — по З. Фрейду — совокупность людей, реагирующих на сходные импульсы, которые «столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения».

Нарциссизм — *narcissism / narcissism* — по З. Фрейду — любование представителей каждой культуры своей культурой, чувство превосходства по отношению к другим культурам.

Отрицание — *denial / negation* — в психоанализе — защитный механизм, отвергающий желания, чувства, потребности, вызывающие беспокойство.

Регрессия — *regression* — в психоанализе — защитный механизм, проявляющийся в переходе индивида к более примитивному, менее адекватному поведению.

Сознательное — *the conscious* — по З. Фрейду — «психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни»; большинство сознательных процессов сознательны лишь короткое время. Очень скоро они становятся латентными, но легко могут вновь стать сознательными.

Социальный психоанализ — *social psychoanalysis* — парадигма, созданная З. Фрейдом, согласно которой поведение людей детерминируют не только внешние социокультурные факторы, но и внутренние силы, которые могут олицетворять собой как сознательное, так и бессознательное.

Сублимация — *sublimation* — по З. Фрейду — процесс переключения сексуальной энергии на другие виды деятельности (художественную, интеллектуальную).

Танатос — *Thanatos* — по З. Фрейду — противоположность инстинкту жизни — Эросу.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Есть ли латентные причины «неожиданных» социальных взрывов агрессивности, которых было так много в истории России, особенно за последние десять лет? Ведь для людей, живущих в демократическом свободном обществе, такое поведение не характерно. Так, может быть, причины бунтарства, революционности, массовой деструктивности обусловлены «вытесненными» в сферу подсознательного страхами, покорностью, подозрительностью, завистью, ненавистью?

2. По З. Фрейду, природа агрессивности имеет сложный характер: она не только направлена вовне по отношению к «Они» (ненависть, национализм, ревность), но проявляется в самоагрессивности (мазохизм). Сравните этот постулат с видением К. Маркса природы социальных катаклизмов.

3. За последние годы в России возросло число катастроф. Как правило, их связывают с техногенным фактором. Правда, в последнее время все чаще упоминается и человеческий фактор. В чем, по вашему мнению, причины высокого уровня дорожно-транспортных происшествий в России?

4. Какие народные игры вы знаете? Соотносятся ли их характер с ментальностью народа? С позиций социального психоанализа прокомментируйте такие игры как кулачные бои и русская рулетка (смертельно опасная игра: в револьвер вставляется единственный патрон, затем крутится барабан, после чего дуло револьвера подносится к голове играющего, который сам нажимает на спусковой курок). Меняется ли характер народных игр в современной России?

5. Как З. Фрейд объясняет тот факт, что «бесконечное множество культурных людей, которые отшатнулись бы от убийства или кровосмешения, не отказывают себе в удовлетворении жадности,

жажды агрессии, половой похоти, не перестают вредить другим ложью, обманом и клеветой»? Что вы думаете по поводу глубинных причин этих явлений?*

Семинар «3. Фрейд: единство разума и страсти в деятельности людей»

1. З. Фрейд о внешних и внутренних силах, детерминирующих поведение людей.
2. Структура личности.
3. Масса: соотношение коллективного бессознательного и коллективного сознательного.
4. Роль культуры в человеческих отношениях.

Литература

1. Батыгин, Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.
2. Воронцов, А. В. История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глотов. — М. : Юрайт, 2013.
3. Додельцев, Р. Ф. Фрейдизм: культурология, психология, философия / Р. Ф. Додельцев. — М. : МГИМО, 1997.
4. Кола, Д. Политическая социология / Д. Кола. — М. : Весь мир, ИНФРА-М, 2001.
5. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
6. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд. — М. : Наука, 1995.
7. Фрейд, З. Основной инстинкт / З. Фрейд. — М., 1997;
8. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. — СПб. : Издательство «Азбука-классика», 2005.
9. Фрейд, З. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд. — М. : Система, 1989.
10. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд. — Минск : ООО «Попурри», 1997.
11. Фрейд, З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. — СПб. : Алетейя, 1997.
12. O'Neill, J. *Psychoanalysis and Sociology: From Freudo-Marxism to Freudo-Feminism* / J. O'Neill // *Handbook of Social Theory* / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

* Вопрос повышенной сложности. Для ответа на него полностью прочитайте работу З. Фрейда. «Будущее одной иллюзии».

13. *Psychoanalysis and Culture at the Millennium* // Ed. by N. Ginsburg and R. Ginsburg — New Haven and London, Yale University Press, 1999.

14. *Ritzer, G. Modern Sociological Theory* / G. Ritzer. — McGraw Higher Education. 2000.

Глава 11

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ

ДЖ. МИДА, Ч. КУЛИ И Г. БЛУМЕРА

Символический интеракционизм — социологическая парадигма, основывающаяся на том, что все формы взаимодействия людей в обществе подразумевают *общение, базирующееся на определенных социальных символах*, — языке, телодвижениях, жестах, культурных символах и т.д. Люди не реагируют на внешний мир и других людей непосредственно, а осмысливают реальность в неких символах и, соответственно, продуцируют эти символы в ходе общения.

Символический интеракционизм целиком основывается на интерпретациях человеческого поведения, в котором «прочитываются» значимые символы, несущие социальную информацию.

11.1. Дж. Мид — основоположник парадигмы символического интеракционизма

Социологическое воображение Дж. Мида интересно тем, что ученый по-своему инновационно попытался *соединить взаимодействие субъекта и объекта, разума и страстей, свободы и ответственности*, ради чего ему пришлось не только существенно обновить существующий теоретико-методологический социологический инструментарий, но преодолеть междисциплинарные границы.

Джордж Герберт Мид (*Mead*) родился 27 февраля 1863 г. в семье священника. Образование получил в ряде учебных заведений Америки и Европы. После окончания колледжа поступил в Гарвардский университет, затем продолжил обучение в университетах Лейпцига и Берлина, однако ни в каком из них так и не получил ученой степени.

В 1894 г. Дж. Мид связывает свою преподавательскую карьеру с Чикагском университетом, в котором работает до последних своих дней. Идеи, высказанные ученым, объединили вокруг него большой круг учеников и последователей. Не случайно Чикагская социологическая школа после его смерти стала ассоциироваться с именем Дж. Мида и называться символическим интеракционизмом.

При жизни социолог не публиковал работы, которые бы в концентрированной форме излагали его идеи. То, что сегодня доступно читателю, — это отредактированные версии его научных заметок, а также лекции, записанные учениками. Среди них: «*Сознание, самость и общество*», «*Философия поступка*», «*Философия настоящего*».

В своих работах Дж. Мид особый акцент делал на важность символов, особенно символов языковых при объяснении поведения как отдельных индивидуумов, так и социальных групп. Поэтому часто его взгляды характеризуются как *социальный бихевиоризм*.

Ученый считал, что результаты социологии должны иметь практическое воплощение в решении социальных проблем. Свои воззрения Дж. Мид стремился претворить в жизнь, играя ключевую роль, как в социальных исследованиях, так и в проводимом на их основе социальном реформировании.

Социолог обосновал *оригинальную методологию*, позволяющую интерпретировать характер действия индивида в контексте его реакции на конкретный *символ*, *социальный смысл* которого определяется *активным принятием роли* взаимодействующих индивидов: не могло бы быть ни рабов, ни хозяев без соответствующей активности со стороны самих людей¹. Из этого вытекает его *методологический релятивизм*: социальный смысл одной и той же реальности будет разным для индивидов принимающих, соответственно, различные роли.

Дж. Мид, будучи современником З. Фрейда, знал о его подходе к пониманию амбивалентной сути человеческой природы, однако *критически* его воспринял и инновационно переосмыслил. По его мнению, З. Фрейд недооценил то, насколько культура, социальные силы трансформируют роль инстинктов — согласно полученным им лично эмпирическим данным, *социетальное распространяется гораздо глубже*,

¹ *Shalin, D. N. George Herbert Mead // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000.*

изменяя влияние роли аффектов, наделяя при этом человека символическими инструментами, которые помогают мобилизовать жизненную энергию тела на общественно значимую деятельность. В то время как З. Фрейд фокусировался на исследовании факторов, объединяющих людей в социальное целое, инновационная мысль Дж. Мида акцентировалась на изучении *самосознания* как, по его мнению, *главного фактора и социального контроля, и социального изменения*.

Дж. Мид в жизни был весьма конфликтным человеком. Особенно это проявлялось в отношении руководства университета, в котором он работал. Некоторые полагают, что именно затяжные конфликты привели ученого на больничную койку. Из больницы он направляет разгневанное прошение о своей отставке. На следующий день после выписки из больницы Дж. Мид умер от сердечного приступа. Это случилось 26 апреля 1931 года.

Идейно-теоретические истоки

Творчество Дж. Мида основывалось на широком круге теоретических источников. Но наиболее значимым среди них был *бихевиоризм*.

Но если классический бихевиоризм пытался интерпретировать поведение людей, как простую реакцию на символ, без учета социального опыта индивида, особенностей его ментальности, то Дж. Мид интересуется прежде всего ролью *сознания* в поведенческом действии, причем *не только* самого индивида, но и окружающих его людей. Дж. Мид также акцентирует роль *жизненного опыта*, считает, что он оказывает существенное значение на характер действия индивида в реакции на конкретный символ.

Другим источником был *прагматизм*.

В прагматизме выражалось убеждение в безграничных возможностях науки, а также в превосходстве эмпирического знания над философией, которое могло бы быть использовано для совершенствования американского общества. В этой связи социология виделась не только наукой способной к сбору и анализу социальных фактов, но и к решению собственно социальных проблем. Сторонники прагматизма вообще не стремились к поиску и обоснованию окончательных истин. Скорее, их интересовали практические научные положения, которые могли бы активно изменять к лучшему *сегодняшний* мир и которые предполагалось заменить

на новые научные приемы, «лучшие» в контексте их благотворного воздействия на мир *завтрашний*.

Сам Дж. Мид подчеркивал, что его особо интересует практическая сторона того, как общество воздействует и контролирует умственные процессы индивидов и, соответственно, их поведение, а также то, как люди принимают, отвергают или изменяют нормы социального взаимодействия.

Наконец, ещё одним источником следует назвать *гегелевскую диалектику*, инструментарием которой ученый прекрасно овладел, обучаясь в Германии.

Для Дж. Мида на характер взаимодействия людей оказывают влияние как общество, прежде всего, социальная группа, так и сознание взаимодействующих. При этом действия социальной группы социолог считал *новым качеством*, не сводимым к *простому количеству* действий отдельных членов данной группы.

Социальное действие: символ — ответная осмысленная реакция

С точки зрения Дж. Мида, человеческая мысль и само поведение являются *сугубо социальными*. Будучи сторонником бихевиоризма, он рассматривает взаимодействие людей через призму стимулов, порожденных символами, и соответствующих на них реакций. Но для Дж. Мида стимул — лишь *возможность* действия, а не *автоматический бездумный ответ*.

В этой связи ученый принципиально различает *действие* (предполагает акт *одного* индивида) и *социальное действие* (включает двух и более людей с учетом их сознания). Во втором случае, в силу возникающего *социального* взаимодействия индивид может действовать по-разному: он может немедленно отреагировать на стимул, отложить реакцию на определенное время или вовсе не реагировать на него. Откладывание реакции предполагает *интеллектуализацию* действия, его обусловленность социальным опытом действующего.

Дж. Мид, подчеркнем ещё раз, исследует именно *социальные действия*.

В качестве символов способны выступать *жесты*, которые по своему характеру могут быть *незначимыми* и *значимыми*.

К *незначимым жестам* Дж. Мид относил жесты, способные вызывать реакции, в которых практически отсутствует мысль. Это могут быть жесты, сопутствующие процессу

ухаживания. Инстинктивный акт одного партнера способен стимулировать адекватный инстинктивный акт у другого. Или жесты, характерные для быстротечных видов спорта, — бокса, борьбы, хоккея и т.д. Жесты одного соперника способны вызвать бессознательные действия у другого.

Значимые жесты предполагают определенную *мысль* у действующего субъекта. К значимым жестам, прежде всего, относятся звуковые жесты, особенно в виде конкретных слов языка. Значимые жесты, ведущие к осмысленному взаимодействию, способствуют развитию человеческого общества, для которого характерны *значимые символы*.

По Дж. Миду, *значимый символ* представляет собой жест, свойственный *только человеку*. Значимые символы, способны вызывать *вполне определенную, предсказуемую реакцию*, у тех, кому они адресованы, благодаря чему возникает собственно *человеческая коммуникация*: «индивид откликается на свой собственный стимул точно так же, как откликаются другие люди. Когда это имеет место, тогда символ становится значимым, тогда начинают высказывать нечто»¹.

С прагматической точки зрения, значимый символ создает *качественно* новые возможности для взаимодействия людей, по сравнению с теми, которыми пользуются животные.

Люди обретают свою человеческую природу благодаря *осмысленной* коммуникации — они взаимодействуют с помощью значимых символов, важнейшие из которых содержатся в языке. Для них характерно, что:

- значимый символ обозначает *предмет или событие*;
- он также определяет их особым образом, предполагая *определенную реакцию на него, выражающуюся в соответствующих социальных действиях*. Так, символ «ручка» не только представляет класс предметов ему подобных, но и предполагает *линию поведения* — возможность писать. Символ «студент» означает не только представительство человека в определенной социальной группе, но и то, что данный индивид может действовать определенным образом, сообразно накопленному опыту, становясь тем самым стимулом для осознанного, адекватного поведения окружающих его других людей;

¹ Мид, Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль : тексты. М. : МГУ, 1994. С. 216.

— кроме того, значимые символы *делают возможной символическую интеракцию* — они обеспечивают средства, с помощью которых люди могут *значимо общаться в своей естественной и социальной среде*. Без символов не будет ни собственно человеческого общения, ни человеческого общества. Символическая интеракция необходима, так как у людей нет инстинктов поведения в социальной среде. Чтобы существовать люди должны жить в мире *осознанных* значений;

— наконец, в отличие от животных, реагирующих на первый или наиболее сильный стимул, люди обладают способностью *выбирать* символы из *целого набора* символов и тем самым *осмысленно* совершать конкретные действия.

Принятие роли — средство интерпретации значимых символов

Социальная жизнь может продолжаться, если значения символов в значительной степени *воспринимаются и разделяются* другими членами общества. Символы обеспечивают лишь средства интеракции. Чтобы она продолжалась, каждый вовлеченный в нее, должен еще *интерпретировать* значения и намерения других.

Это осуществляется с помощью процесса, который Дж. Мид определил, как *принятие роли*.

Процесс *принятие роли* предполагает, что индивид путем воображения ставит себя на место человека, с которым осуществляется общение. Например, если индивид видит, что его компаньон по общению улыбается, плачет или размахивает рукой, он должен поставить себя на его место, чтобы понять его намерения. На основе этой интерпретации последует соответствующий ответ — жест, реплика, шутка и т.п., которые в свою очередь будут интерпретированы путем воображаемой постановки одного из общающихся на место человека, давшего тот или иной ответ.

В этом ракурсе человеческое общение может рассматриваться как постоянный процесс интерпретации путем принятия каждым общающимся роли другого. Чем исторически более развито общество, тем более универсальным становится процесс принятия индивидами роли другого. Собственность, например, является абстрактным понятием, обозначающее нечто, чем владеет и распоряжается индивид. Как определенный значимый символ, она детерминирует и линию поведения собственника, и поведение других чле-

нов социальной группы. Этот символ вызывает набор откликов в виде социальных действий, которые должны быть одинаковыми в обществе, признающем право собственности.

Так, благодаря принятию ролей других и их интерпретации становится возможным постоянный процесс общения индивидов друг с другом.

Гипотеза Сепира-Уорфа

Значимые символы содержатся прежде всего в языке. Но язык не просто описывает реалии окружающего мира, а передает их специфику, оттенки, что детерминировано *конкретной культурой*: чем более значимо явление в конкретной культуре, тем больше оно имеет оттенков выражения в соответствующем языке.

Так, например, у эскимосов существует огромное множество вербальных значений снега и льда.

В связи с этой тенденцией американский антрополог Э. Сепир и его студент Б. Уорф высказали положение, получившее название *гипотезы Сепира-Уорфа*, согласно которому значимые символы языка определяют *характер ментальности людей*, говорящих на нем.

Используя эту гипотезу, социологи в частности отмечают в современном английском языке корреляцию между множеством агрессивных вербальных значений, равно как и мужских терминов, обозначающих социально престижные профессии (хотя ныне многие женщины овладели ими), и его *сексистским характером*. Это, по мнению некоторых исследователей, сказывается на характере ментальности говорящих и, соответственно, на отношениях между мужчинами и женщинами вообще.

Исследования в этом направлении продолжаются¹.

Самость

Социологическое воображение Дж. Мида позволило ему дать оригинальное определение человека как «животного, создающего инструменты», важнейшим из которых является «символический язык», дающий не только контроль

¹ Whorf, B. L. Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. John B. Carroll. New York: Wiley, 1956; Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960; Брутян, Г. А. Гипотеза Сепира — Уорфа. Ереван, 1968.

над всеми другими существами, но и позволяющий влиять на направление самой эволюции¹.

По его мнению, люди не единственно мыслящие существа в этом мире. Однако социальный разум, разумное поведение характерны только животным, создающим инструменты. Путь к социальной разумности требует введение *символических инструментов* в поведенческие практики. Социолог показал важнейшую роль символов в становлении собственно *личности* человека.

В мировую социологическую мысль Дж. Мид вошел именно как *создатель теории самости*.

Дословно слово «самость» (*self*) можно перевести как «я сам». В парадигме символического интеракционизма данный термин имеет несколько иной смысл. Как утверждает Дж. Мид, через процесс принятия роли индивиды развивают *самость* — *способность людей представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли*.

По Дж. Миду, именно самость отличает человеческое общество от остального живого мира, делая само человеческое общество возможным.

Самость формируется только на основе *социального опыта* и поддерживается благодаря *социальным контактам*, прежде всего, языковой коммуникации. Говоря о сути формирования самости, социолог отмечает: «Мы постоянно, особенно благодаря использованию голосовых жестов, пробуждаем в себе те отклики, которые мы вызываем в других, так что мы перенимаем установки других, включая их в свое собственное поведение. Решающее значение языка для развития человеческого сознания заключается в том, что этот стимул обладает способностью воздействовать на говорящего индивида так, как он воздействует на другого»².

Происхождение и развитие самости своими корнями уходит в принятие роли другого. При этом социолог различает два аспекта формирования самости.

Первый — Я (соответствует английскому «I») — спонтанное, внутреннее, субъективное представление индивидом себя. Второй аспект — Я (соответствует английскому «Me») — обобщенные представления других, которые усва-

¹ Shalin, D. N. George Herbert Mead // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000. P. 324.

² Мид, Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль : тексты. М. : МГУ, 1994. С. 217.

иваются индивидом. Я в смысле «*Ме*» — это то, как люди видят себя, но глазами других. «*Ме*» — результат влияния социальных групп в виде норм и стандартов на личность.

Характер самовосприятия индивида, а также то, как он интерпретирует реакции окружающих на себя оказывает существенное влияние на сознание и все поведение человека. Так, если он на основе сложившегося самопредставления считает себя лидером социальной группы, то такой человек во всех ситуациях будет претендовать на управленческие роли. Даже если человек по тем или иным причинам лишается институциональных постов, его поведение определенное время будет детерминировано прежней самостью — в нем так или иначе сохранится властная направленность. И напротив, если человек считает себя трусливым (в этом представлении неизбежно присутствуют и представления других), то он вряд ли будет вести себя смело в опасных ситуациях.

По Дж. Миду, *личность индивида имеет двойственную природу: самость = «I» + «Me»*.

Иными словами, имеется в виду следующее:

- внутренний стержень личности, с позиций которого в конечном счете формируются социальные требования;
- совокупность установок других, которые, будучи усвоенными, образуют личностные ценностные ориентации.

Механизм развития самости

Общим механизмом формирования и развития самости является *рефлексивность* — *способность индивида бессознательно ставить себя на место и других и действовать так, как ведут себя окружающие*. В результате люди обретают способность оценивать себя, как если бы это делали другие.

Дж. Мид выделяет две главные стадии в развитии самости.

Первая известна как *стадия игры (play stage)*: ребенок играет роли, которые не являются собственно его. Социолог отмечает: «Ребенок играет в то, что он — мать, учитель, полицейский, т.е., как мы говорим, здесь имеет место принятие различных ролей»¹. Это процесс игрового взаимодействия ребенка с воображаемым партнером, который позволяет ему осознать различие между ним самим и другими людьми.

¹ Мид, Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль : тексты. М. : МГУ, 1994. С. 225.

Достигается это благодаря тому, что ребенок играет *обе роли*: свою и роль партнера. При этом ребенок, принимая какую-то роль, имеет в себе самом стимулы, вызывающие адекватные отклики, которые соответствуют, например, «доктору» или «продавцу»: назначает себе лечение и его выполняет, предлагает себе вещь и покупает её и т.д. Ребенок говорит нечто в каком-то одном лице (как доктор), отвечает в другом, затем этот отклик в другом лице становится стимулом для него, и таким образом, благодаря *рефлексивности* продолжается общение, которое и формирует самость ребенка.

Вторая стадия в развитии самости — *соревновательная стадия (game stage)*: принимая участие в соревновании, дети видят себя со стороны других участников (например, играя в футбол, волейбол или бейсбол ребенок становится осведомлен о своих отношениях с другими участниками), что требует от них представлять себя в роли других и тем самым оценить свою роль. В отличие от игры, в соревновании ребенок должен быть готов реагировать как на жесты, так и на значимые символы любого другого участника, принимать роли всех, чтобы адекватно исполнять свою собственную роль.

И ещё весьма важный момент: если в игре ребенок может переходить от одной роли к другой так, как ему заблагорассудится, подчас *неосознанно*, то в соревновании его действия неизбежно основываются на *выборе конкретных символов из множества*, что предполагает *мысль*, а главное развивает *социальную способность оценивать себя глазами других*. «В соревнование, в которое вовлечено определенное число индивидов, ребенок, принимающий какую-нибудь роль, должен быть готов принять роль любого другого игрока. В бейсболе он встречает 9 (ролей), и в его собственной позиции должны заключаться все остальные. Он должен знать, что собирается делать каждый другой игрок, чтобы исполнить свою собственную роль. Он должен принять все эти роли... Соревнование представляет собой переход в жизни ребенка от стадии принятия роли других в игре к стадии организованной роли, которая существенна для самосознания в полном смысле слова»¹.

¹ Мид, Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль : тексты. М. : МГУ, 1994. С. 226, 227.

Таким образом, через соревнование формируется *полноценная самость* ребенка, позволяющая ему эффективно участвовать в процессе коммуникации с другими людьми.

Обобщенный другой и значимый другой

Любое организованное сообщество (спортивная команда, семья, иная социальная группа), которое через выражение *отношения всего сообщества* к действиям индивида обеспечивает тем самым формирование его самости, Дж. Мид называет *обобщенным другим*. «Установка обобщенного другого есть установка всего сообщества»¹.

Люди видят себя с точки зрения обобщенного другого. Это создает основу для мышления, которое становится постоянно идущим внутренним диалогом между обобщенным другим и индивидом. Человек постоянно спрашивает, что подумают люди, и постоянно ожидает отношения к себе со стороны социальных групп, к которым принадлежит.

Дж. Мид считает, что в форме обобщенного другого социальный процесс оказывает влияние на поведение индивидов, а сообщество осуществляет контроль над их действиями. Точнее, через адаптацию обобщенного другого осуществляется непосредственное воздействие на компонент «*Ме*» самости. Все это создает основу для коммуникаций и социального контроля: по существу, «*Ме*» осуществляет контроль над самовыражением «*Я*».

Однако в обществе существует *несколько* обобщенных других.

Естественно, не все обобщенные другие оказывают одинаковое воздействие на индивида. Среди множества людей, с которыми индивид осуществляет коммуникацию, он выделяет тех, чьи оценки являются для него гораздо более важными. Эти люди становятся для индивида *значимым другим*.

Часто можно столкнуться с тем фактом, что целенаправленный воспитательный процесс, осуществляемый рядом обобщенных других, не совпадает с характером воздействия значимого другого. В таком случае ребенку приходится выбирать ценностные ориентиры и в конечном счете самому отвечать за свой выбор, за свои действия.

Благодаря двойственной природе самости индивиды обладают способностью не только усваивать, но и отвергать

определенные ценностные установки. В принципе «*Я*» у здорового человека способно подвергать сомнению и выдерживать социальное давление со стороны «*Ме*», разумеется, в пределах того, что у общества всегда сохраняется возможность устанавливать ценности и нормы, регламентирующие приемлемое поведение.

Так в итоге возникает *множество различных* самостей.

Благодаря внутреннему взаимодействию «*Я*» и «*Ме*», люди становятся личностями, которые осведомлены, что ожидается от них в конкретных социальных и культурных условиях и действуют соответственно — ставят цели для себя, планируют будущее и просчитывают последствия от возможных альтернативных вариантов своего поведения.

Благодаря «*Ме*» люди чувствуют себя «комфортно» в любом обществе. Однако самовыражение со стороны «*Я*» ведет к постоянным изменениям структур и функций самого общества.

По мнению Дж. Миды, в традиционных обществах доминируют «*Ме*», в то время как в современных — «*Я*». Это позволяет социологу, работающему с теоретико-методологическим инструментарием символического интеракционизма, исследовать *взаимовлияние* социального взаимодействия на микроуровне с изменениями структур и функций общества на макроуровне.

По Дж. Миду, демократическое общество за счет символического многообразия дает индивиду шанс проявить творчество, экспериментировать с новыми ролями вплоть до смены своей самости. Однако следует иметь в виду, что символические ресурсы для самореализации распределены не равномерно в контексте социальной дифференциации.

Недемократические же общества, напротив, существенно ограничивают своих членов в доступе к символическим ресурсам. Социальное изменение, включающее движение к демократии, происходит в контексте взаимодействия разума и страстей, составляющими диалектическую сущность самости, поэтому даже самое тщательно спланированное будущее имеет, считает социолог, неизбежные *ненамеренные последствия*.

Как считают выдающиеся современные социологи П. Бергер и Т. Лукман, Дж. Мид предложил оригинальную диалектическую теорию соразвития индивидов и общества. Благодаря конфликтам между «*Ме*» и «*Я*», а также между

¹ Мид, Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль : тексты. М. : МГУ, 1994. С. 228.

самостями и обществом осуществляется развитие мира к свободной, открытой и совершенной коммуникации.

Применение принципов символического интеракционизма к исследованию гендерных ролей: кейс-стади

Представители символического интеракционизма исходят из того, что гендерные роли являются продуктом значимых символов и формируются в сложном процессе интеракций индивидов с обобщенными другими. Поэтому подавляющее большинство из нас *хочет* выполнять те сексуальные статусы и роли, которые обобщенные другие и, прежде всего, значимые другие предназначают нам.

Основную характеристику ролей, по существу, задает общество, которое через распространение определенных значимых символов ставит индивидов женского и мужского пола перед лицом выбора специфических символов и, соответственно, способствует формированию адекватных реакций.

С момента рождения специфические символы по-разному распространяются среди мальчиков и девочек, что выражается в форме одежды, прическах, покупаемых игрушках: куклы, посудные наборы, мягкие игрушки — для девочек, а пистолеты, ружья, машины — для мальчиков. На стадии игры мальчики изображают себя полицейскими и суперменами, а девочки — матерью или учительницей. И вот они подрастают и переходят к соревновательной стадии. Здесь мальчики обычно играют в «войну», им рекомендуют силовые виды спорта, непригодные для «маменькиных сыночков»; девочки же играют в «дочки-матери», увлекаются спортом, который развивает грацию и женственность их фигуры.

По существу, постепенно формируемые роли — результат постоянно идущего внутреннего диалога индивида с обобщенными другими, которые выражают мнение окружающих социальных групп, оно-то и мотивирует сексуальные стратегии мужчин и женщин.

Если, скажем, иные девушки глазами *весьма разных* обобщенных других видят себя матерью и женой, хранительницей домашнего очага, то весьма велика вероятность, что их типичные действия, брачное поведение будет мотивировано этими сложившимися символами. А если, как было у нас в недавнем прошлом, в глазах *большинства* обобщенных других девушки выступали как общественницы, передовики производства, то от них следовало ожидать «I», стре-

мящегося к комсомольской и партийной карьере. Данные символы были более значимы, чем символы материнства и семейного благополучия. Они были более распространены среди самых разных обобщенных других, что в итоге сказывалось на характере их самости вообще и «I» в особенности.

А как обстоит дело с характером самости зарубежных юношей и девушек? Каковы для них значимые символы? Подвержены ли они изменениям?

Интересное исследование провела М. Горнер из Мичиганского университета со своими студентами. Она обнаружила, что 65% студентов-девушек, которые по своим знаниям опережали своих коллег мужчин, не только не стремились сделать карьеру, но боялись её, пытались вообще избежать конкуренции с мужчинами. Эти эмпирически выявленные данные социолог объясняет так: девушки полагали, что их успех может помешать иметь нормальную семью (наиболее значимый символ) и не по-женски будет побеждать мужчин.

Интерес представляет прослеживание конфликтов между «Me» и «I». Любопытные результаты выявили американские социологи при исследовании 500 студентов, как мужчин, так и женщин. Оказалось, что отношение мужских «I» о своих «Me» было гораздо выше, чем их оценивали посторонние наблюдатели. И напротив, женщины давали себе более заниженные оценки. Особенно их беспокоили такие символы, как вес, излишняя полнота, в то время как, с точки зрения мужчин, девушки были вполне привлекательны и соответствовали их ожидаемым требованиям. Исследователи объясняют эти данные тем, что в американской культуре сложились символы доминирования мужчин по отношению к женщинам, которые, принимая эти символы, переносят их на свой образ, содержащий компоненты превосходства, высокого самомнения.

С переходом от традиционного к современному обществу появляются и новые символы, формируются новые взаимоотношения между «Me» и «I», что в итоге детерминирует сексуальные статусы и роли, их новые особенности.

Любопытное исследование провели западные социологи, проанализировав множество телепередач, книг со сказками, адресованных детям.

Оказалось, что мужские сказочные герои и персонажи телепередач изображались в виде королей, полицейских, суперменов и т.д., которые, обладая незаурядным умом

и физическими данными, всегда побеждают злые силы, где-то «за морями и океанами».

Типичные женские персонажи — волшебницы и золушки, дочки и матери — никогда не покидают дом, они всегда отзывчивы и милосердны, все время готовят, шьют, наводят порядок и, конечно же, ждут и ждут, когда «однажды придет принц».

Вместе с тем социологи заметили, что в последнее время на экранах и в сказках, рекламных роликах стали появляться персонажи сильных и независимых девочек. Очевидно, в обществе стали утверждаться новые значимые символы феминистского толка, которые вносят корректировки в традиционный процесс сексуальной социализации.

Из работы: Дж. Мид. Сознание, самость и общество¹

От жеста к символу. Мышление

Более или менее бессознательно мы видим себя так, как видят нас другие. Мы бессознательно обращаемся к себе так, как обращаются к нам другие: таким же образом, как воробей подхватывает напев канарейки, мы производим отбор окружающих нас диалектов. Разумеется, эти особые отклики должны иметься в нашем собственном (психическом) аппарате. Мы вызываем в другом нечто такое, что мы вызываем в себе самих, так что бессознательно мы переносим эти установки. Мы бессознательно ставим себя на место других и действуем так, как действуют другие. Я хочу просто выделить здесь некий всеобщий механизм, потому что он обладает фундаментальным значением для развития того, что мы называем самосознанием и возникновением самости. Мы постоянно, особенно благодаря использованию голосовых жестов, пробуждаем в себе те отклики, которые мы вызываем в других, так что мы перенимаем установки других, включая их в свое собственное поведение. Решающее значение языка для развития человеческого сознания заключается в том, что этот стимул обладает способностью воздействовать на говорящего индивида так, как он воздействует на другого...

Мы говорим, что животное не думает. Оно не ставит себя на позицию, за которую оно было бы ответственным; оно не ставит себя на позицию другого индивида и не говорит в результате: «Он будет действовать так-то, а я буду действовать так-то». Если индивид может действовать подобным образом и установка, которую он вызывает в самом себе, становится стимулом для него к совершению другого действия, мы имеем дело с осмысленным поведением. Где отклик другого человека вызывается индивидом (в себе самом)

и становится стимулом для контроля над его действием, там смысл действия другого присутствует в его собственном сознании. Это всеобщий механизм того, что мы называем мышлением, ибо для того, чтобы мышление существовало, необходимы символы, голосовые жесты вообще, пробуждающие в самом индивиде отклик, который он вызывает в другом, причем такой, что с точки зрения этого отклика он может направлять свое последующее поведение. Это предполагает не только коммуникацию в том смысле, в каком птицы общаются друг с другом, но также и пробуждение в самом индивиде отклика, который он вызывает в другом индивиде, принятие роли другого, стремление действовать так, как действует другой. Индивид участвует в том же процессе, который осуществляет другой, и контролирует свое действие с учетом этого участия. Как раз это и составляет смысл объекта: общий для данного индивида и для другого индивида отклик, который в свою очередь становится стимулом для первого индивида...

Смысл

Мы особенно интересуемся пониманием на человеческом уровне, т.е. приспособлением друг к другу действий различных человеческих индивидов в рамках человеческого социального процесса. Это приспособление происходит посредством коммуникации: посредством жестов на более низких уровнях человеческой эволюции и посредством значимых символов (жестов, обладающих смыслом и являющихся, следовательно, чем-то большим, нежели простые заместительные стимулы) на более высоких уровнях человеческой эволюции.

Основным фактором этого приспособления является смысл. Смысл возникает и располагается в пространстве отношения между жестом данного человеческого организма и последующим поведением этого организма, возведенным другому человеческому организму посредством этого жеста. А если этот жест возвещает, таким образом, другому организму наследующее (или результирующее) поведение данного организма, то он обладает смыслом...

Символизация конституирует объекты, которые не были конституированы прежде и не существовали бы, если бы не контекст социальных отношений, в котором происходит символизация. Язык не просто символизирует какую-то ситуацию или какой-то объект, которые бы заранее уже имелись налично; он делает возможным существование или появление этой ситуации или этого объекта. Ибо он есть часть того механизма, в котором эта ситуация или этот объект только и создаются. Социальный процесс соотносит отклики одного индивида с жестами другого в качестве смыслов последнего и, таким образом, является условием возникновения и существования новых объектов в данной социальной ситуации — объектов, зависящих от этих смыслов или ими конституируемых...

¹ Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994.

Интернализированные другие и самость. Предпосылки генезиса самости

Теперь мы рассмотрим детально, каким образом возникает самость. Мы должны отметить некоторые предпосылки ее генезиса...

У первобытных народов, как я сказал, признание необходимости различать самость и организм явствует из представлений о так называемом двойнике: индивид обладает некоторой самостью, подобной вещи, которая испытывает воздействие со стороны индивида, когда он оказывает воздействие на других людей, и которая отличается от организма как такового тем, что может покидать тело и возвращаться в него. Это основа представления о душе как некоторой обособленной сущности.

В детях мы встречаем нечто такое, что соответствует этому двойнику, а именно незримых, воображаемых товарищей, которых множество детей производит в своем собственном сознании. Они организуют, таким образом, те отклики, которые они вызывают в других людях и также вызывают в самих себе. Разумеется, это игра с каким-нибудь воображаемым товарищем есть лишь особенно любопытная фаза обычной игры. Игра в этом смысле, особенно та стадия, которая предшествует организованным соревнованиям, есть игра во что-то. Ребенок играет в то, что он мать, учитель, полицейский, т.е., как мы говорим, здесь имеет место принятие различных ролей...

Эта тенденция, присущая детям, есть то, с чем мы работаем в детском саду, где принимаемые ребенком роли становятся основой обучения. Когда ребенок принимает какую-то роль, он имеет в себе самом те стимулы, которые вызывают этот особый отклик или группу откликов. Он может, разумеется, убежать, когда его гонят, как поступает собака, или же повернуться и дать сдачи, точно так же, как поступает в своей игре собака. Но это не то же самое, что игра во что-нибудь. Дети собираются, чтобы «поиграть в индейцев». Это значит, что ребенок обладает определенным набором стимулов, которые вызывают в нем те отклики, которые они должны вызывать в других и которые соответствуют «индейцу». В игровой период ребенок пользуется своими собственными откликами на эти стимулы, которые он использует для построения самости. Отклик, который он склонен производить в ответ на эти стимулы, организует их. Он играет в то, например, что предлагает себе какую-нибудь вещь и покупает ее; он дает себе письмо и забирает его обратно; он обращается к себе как родитель, как учитель; он задерживает себя как полицейский. Он обладает некоторым набором стимулов, которые вызывают в нем самом отклики того же свойства, что и отклики других. Он принимает эту игру откликов и организует их в некое целое.

Такова простейшая форма инобытия самости. Она предполагает некую временную конфигурацию. Ребенок говорит нечто в каком-то одном лице, отвечает в другом, затем его отклик в другом лице становится стимулом для него же в первом лице, и, таким образом, общение продолжается. В нем и в его alter ego, которое отвечает ему, возникает некая организованная структура, и они продолжают начатое между ними общение жестами.

Если мы сопоставим игру с ситуацией, имеющей место в организованном соревновании, мы заметим, что существенным различием между ними является тот факт, что ребенок, который участвует в каком-либо соревновании, должен быть готов принять установку любого другого участника этого соревнования и что эти различные роли должны находиться в определенной взаимосвязи друг с другом. В случае простейшего соревнования, вроде прятков, все, за исключением одного прячущегося, выступают в роли ищущего. Если ребенок играет в первом смысле, он просто продолжает играть и в этом случае не приходит ни к какой элементарной организации. На этой ранней стадии он переходит от одной роли к другой так, как ему заблагорассудится. Но в соревновании, в которое вовлечено определенное число индивидов, ребенок, принимающий какую-нибудь роль, должен быть готов принять роль любого другого игрока. В бейсболе он встречает 9 (ролей), и в его собственной позиции должны заключаться все остальные. Он должен знать, что собирается делать каждый другой игрок, чтобы исполнять свою собственную роль. Он должен принять все эти роли. Все они не должны присутствовать в сознании в одно и то же время, но в определенные моменты в его собственной установке должны быть налицо установки 3 или 4 других индивидов, таких, как тот, кто собирается бросать мяч, кто собирается ловить его, и т.д. Эти установки должны в некоторой степени присутствовать в его собственной организации. Итак, в соревновании налицо некий набор откликов, подобных другим, организованным так, чтобы установки одного (индивида) вызывали соответствующие установки другого...

Соревнование представляет собой переход в жизни ребенка от стадии принятия роли других в игре к стадии организованной роли, которая существенна для самосознания в полном смысле слова.

11.2. Чарльз Кули: создание теории «зеркального Я»

Чарльз Хортон Кули (*Cooley*) родился 17 августа 1864 г. в семье профессора права Мичиганского университета, который также являлся практикующим судьей.

Ч. Кули — представитель первого поколения американских социологов, выпускник Мичиганского университета,

в котором в 1894 г. защитил докторскую диссертацию и стал профессором этого же университета.

Квинтэссенция социологического воображения Ч. Кули — в методологии его теории «зеркального Я», благодаря которой ученый стремился преодолеть противопоставления индивида и общества. В ней социолог исходит из постулата о том, что общество формирует индивидов, а индивиды, в свою очередь, конструируют общество.

Ч. Кули также ввел понятие малых, первичных групп (семья, ровней, соседство, местные общины) и вторичных общественных институтов. Его основные работы: «Человеческая природа и социальный порядок», «Социальная организация», «Социальный процесс».

Умер Ч. Кули 8 мая 1929 года.

Основные постулаты и метод теории «зеркального Я»

Прежде всего, заметим, что, на наш взгляд, название теории Ч. Кули переведено на русский язык не совсем корректно. Правильнее её обозначить как *теорию «зеркальной (отраженной) самости» (looking-glass self)*. В этой версии сохраняется изначальное представление родоначальников символического интеракционизма о сложной структуре личности индивида, состоящей, как известно, из «Я» и «Ме».

Попутно заметим, что концепция самости получила дальнейшее развитие в трудах последователей символического интеракционизма, предложивших своё видение самости (Э. Гоффман и др.), что тем более свидетельствует о спорности устоявшегося названия теории. Чтобы не вносить путаницу в терминологию, в учебнике сохранено традиционное название. Однако в уме мы будем держать отмеченное обстоятельство и помнить, что в данном случае «Я», по существу, выступает синонимом самости.

Теория Ч. Кули «зеркального Я» основывается на следующих трех постулатах:

- в процессе взаимодействия друг с другом люди способны представлять, как они воспринимаются обобщенным другим;

- люди способны осознавать характер ответных реакций обобщенных других;

- люди развивают самопредставления, чувства гордости или подавленности в зависимости от того, каким им видятся представления обобщенных других.

Социологическое воображение Ч. Кули исходит из того, что самосознание и ценностные ориентации индивида как бы *зеркально отражают реакции на них окружающих людей*, главным образом из той же социальной группы.

Социолог отмечает: «Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной самостью... Мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т.д., и это самым различным образом на нас воздействует»¹.

В процессе формирования самости особо важную роль играют *первичные группы* (семья, сверстники, соседи). Если представители первичных групп уважительно относятся к ребенку, то это *зеркально отражается* на нем: ребенок сам начинает уважать себя, что проявляется в адекватных социальных действиях. И напротив, если в силу разных причин ребенок лишается материнской любви, уважения окружающих, то это обязательно сказывается на становлении самости — роли, которые он способен играть, перестают соотноситься с ожиданиями близких ему людей, а позднее и более широкого общества.

Ребенок, который считается «сорванцом», так и будет себя идентифицировать и, весьма вероятно, станет правонарушителем.

Если с мальчиком обращаются так, что восхищаются его мужеством и успехами, то его самоидентификация будет происходить под влиянием направленных извне ожиданий тщеславия, честолюбия. В его сознании сформируется устойчивый образ самого себя, с которым он будет жить. Преданность этому образу становится источником силы, что так или иначе проявится в соответствующем поведении.

«Процесс, в ходе которого у детей развивается самоощущение зеркального типа, можно проследить без особых затруднений, — пишет Ч. Кули. — Изучая движения других столь пристально, как они это делают, они вскоре замечают связь между своими собственными действиями и изменениями этих движений, т.е. они замечают своё влияние

¹ Кули, Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 320—321.

на других людей или власть над ними. Ребенок присваивает видимые действия своего родителя или няни, свое влияние на которых он обнаруживает, совершенно таким же образом, каким он присваивает одну из частей своего тела или какую-нибудь игрушку, и он пытается сделать что-нибудь с этой своей новой собственностью»¹.

На развитие самости с самого начала оказывают влияние половое различие и сексуальная социализация.

Девочки, как правило, более откровенно заботятся о своем социальном образе. Они более склонны перейти на точку зрения окружающих, радуются или печалются в зависимости от их расположения к себе.

«Можно не сомневаться, — замечает Ч. Кули, — что женщины, как правило, зависят от непосредственной личной поддержки и поощрения больше, чем мужчины. Мышление женщины нуждается в фиксации на каком-либо человеке, в сознании которого она может найти устойчивый и неотразимый образ самой себя, которым она может жить... Мужчины, более предрасположенные к агрессии, обладают большей по сравнению с женщинами самостоятельностью. Но в действительности никто не может выстоять в одиночку»².

Отмеченные Ч. Кули гендерные особенности в формировании самости лишь подчеркивают то общее положение, что *индивиды получают самоидентификацию от общества*. Причем и женщины, и мужчины нуждаются в постоянной поддержке со стороны общества. В зрелом возрасте — прежде всего со стороны *вторичных общественных институтов*.

В обыденной жизни «зеркальное Я» проявляется повсеместно. Студенты учатся лучше, когда ощущают одобрение профессора. Воины становятся смелее и самоотверженнее, когда офицер одобряет их действия. Жена — более внимательной и заботливой, когда муж одобряет её наряд, с похвалой отзывается о ней как хорошей хозяйке.

Ч. Кули подчеркивает, что индивиды выбирают круг общения с теми людьми, которые поддерживают их самоидентификацию. Героиня чеховской повести «Душечка» — классический тому пример: она была желанным и любимым человеком именно потому, что разделяла чаяния своих мужей. Если кто-то показывает, что хорошо информирован

в вопросах охоты или рыбалки, то в присутствии заинтересованных слушателей он напускает на себя вид «спеца» этого дела. Женщина, считающая себя красавицей, стремится общаться с теми, кто разделяет её самоидентификацию. У молодого человека открываются необыкновенные сексуальные потенции, когда женщины, «значимые другие», находящиеся рядом с ним, верят, думают о нем как о Казанове.

И напротив, люди избегают иметь дело с теми, кто не разделяет их самоидентификацию. Вряд ли кто захочет продемонстрировать свой ум и юмор в компании богословов.

Социолог делает вывод, что *каждая общественная структура имеет свой механизм производства самоидентификаций, и индивиды находят себе место в рамках системы социального контроля, соответствующей их самоидентификациям*.

Инновационность мышления и оригинальность социологического воображения Ч. Кули состоит и в том, он предложил метод исследования сознания индивидов, названный им *симпатическим самонаблюдением* (*sympathetic introspection*). Его суть состоит в том, что социолог представляет себя в виде социального субъекта в различных ситуациях, предполагая соответствующее им своё поведение. Социолог полагал, что тем самым можно понять значения и мотивы социального поведения вообще.

Современные изменения в самоидентификациях россиян

Теория «зеркального Я» позволяет заинтересованному наблюдателю «заглянуть за» обратную сторону процесса формирования самоидентификаций россиян в условиях современных реформ. Наши самопредставления складываются в значительной степени под влиянием *ожиданий извне*.

Партийный босс может иметь таковую самоидентификацию лишь в том сообществе, которое готово считать его лидером. «Мисс русская красавица» тоже считается «единственной и неповторимой» лишь среди тех, кто соглашается разделять данное мнение.

Когда же индивиды лишаются признания со стороны общественных структур, то их самоидентификация обычно быстро разрушается.

Так, многие партийные функционеры советского периода отчаянно пытались сохранить свою самоидентификацию как «отцов нации, спасителей отечества, выдающихся руководителей» и т.д., но если в окружении значимых других выкри-

¹ Кули, Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 324.

² Там же. С. 327.

сталлизовывались иные представления о них, то поддерживать прежнее видение себя как ответственного, достойного политического лидера оказалось невозможным, и многие ушли из общественной жизни.

Но извне возникли новые типичные ожидания — в условиях становления рыночных отношений были востребованы прежние связи партийных функционеров. И что же? Всматриваясь в зеркало новых социальных реалий, прежние партийные боссы стали думать о себе и действовать так, как полагается это делать «новым русским», занятым предпринимательством.

В обоих случаях самоидентификацию индивиды получали от общества, их социальные действия были адекватны специфическим социальным ситуациям, зеркальным отражением ожиданий значимых других.

Предвзятое отношение со стороны окружающих способно так повлиять на сознание индивида, что его «I» будет стремиться соответствовать сложившимся в «Me» этим негативным суждениям.

Ныне многие русские, оказавшиеся в силу исторических обстоятельств за границей, на территории стран СНГ, под влиянием националистических, антирусских стереотипов извне они в своих самоидентификациях превращаются в людей второго сорта. Некоторые настолько уступают давлению пренебрежительного отношения к ним со стороны окружающих, что даже вернувшись в Россию, не готовы в полной мере отстаивать свои права.

Индивид, оказавшийся в такой или подобной ситуации, может использовать постулаты концепции «зеркального Я» в практических попытках изменить свою судьбу. Ему следует отказаться от того «зеркала», откуда на него смотрит «гадкий утенок», «лицо кавказкой национальности» или просто замученный жизненными невзгодами человек. При этом, конечно, необходимо, чтобы «I» перебороло социальное давление со стороны «Me», что позволило бы начать поиск иного социального окружения с другими «зеркалами», в которых индивид мог бы видеть вполне респектабельный образ.

Однако, как считает Ч. Кули, обладать достоинствами можно лишь в том случае, если общество готово *позволить* это. В какой мере общество ценит человека, в той мере человек ценит себя.

В течение жизни индивиду, как правило, приходится неоднократно менять свою идентичность — при переходе во взрослую жизнь (потребность и появление другого «Я» связано с сильным влиянием нового социального контекста на собственное «Я», что существенно изменяет самоидентичность), при вступлении в брак, перемене работы или специальности.

В современном демократическом обществе, котором «I» преобладает над «Me», смена «зеркал» обычно проходит без катаклизмов для индивида. Тому также способствует разветвленная сеть общественных институтов с многообразными функциями, так что у индивида есть реальная возможность выбрать *неоднократно* социальное «зеркало», адекватное его *весьма часто* меняющимся самоидентификации.

Из работы: Ч. Кули. Социальная самость¹

В весьма обширном и интересном разряде случаев социальное отношение принимает форму довольно определенного мысленного образа того, как самость человека, т.е. любая присваиваемая им идея, проявляется в каком-то отдельном сознании, и самооощение человека определяется отношением к ощущению его самости, приписываемому этому другому сознанию. Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной самостью:

Наша общая судьба —
Другим быть словно зеркала.

Мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т.д., и это самым различным образом на нас воздействует.

Самопредставление такого рода, очевидно, имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самооощение, например гордость или унижение. Сравнение с зеркалом едва ли предполагает второй элемент — воображаемое суждение, — который является весьма существенным. К гордости или стыду нас толкает не просто наше механическое отражение, но некое вымышленное мнение, воображаемое воздействие этого отражения на сознание другого человека. Это явствует из того факта, что характер и влияние этого другого, в чьем сознании мы видим себя, существен-

¹ Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994.

ным образом определяют различия нашего самоощущения. Мы стыдимся показаться уклончивыми в присутствии прямодушного человека, трусливыми — в присутствии храброго, грубыми — в глазах человека с утонченными манерами и т.д. Мы всегда воображаем и, воображая, разделяем суждения другого сознания. Перед одним человек станет хвалиться таким своим поступком — скажем, ловкой торговой сделкой, — о котором ему будет стыдно рассказать другому.

Как мы предположили ранее, самоощущение можно рассматривать как в известном смысле антитезу, или, скорее, как дополнение той бескорыстной и созерцательной любви, которая имеет тенденцию стирать ощущение какой-то отличающейся индивидуальности. Любовь такого рода не предполагает никаких границ, она есть то, что мы ощущаем, когда наше сознание расширяется и усваивает новый неопределенный опыт, тогда как самоощущение сопровождает присвоение, ограничение и отстаивание какой-то определенной части опыта; первая побуждает нас принимать жизнь, а второе — индивидуализировать ее. Самость с этой точки зрения можно рассматривать как своего рода цитадель сознания, укрепленную снаружи и хранящую отборные сокровища внутри, в то время как любовь является безраздельным участием в жизни остальной вселенной. В здоровом сознании одно способствует росту другого: то, что мы любим сильно и в течение долгого времени, мы скорее всего вносим внутрь цитадели и утверждаем в качестве части нас самих. С другой стороны, только базируясь на прочной самости, личность способна проявлять постепенно возрастающие сочувствие и любовь...

Я полагаю, что, как правило, первоначально ребенок связывает «я» (I, me) только с теми идеями, по отношению к которым пробуждается и определяется чувство присвоения. Он присваивает свой нос, глаз или ноги почти точно так же, как и игрушку — в противоположность другим носам, глазам и ногам, которыми он не может распоряжаться. Маленьких детей нередко дразнят, грозя отнять один из этих органов, и они ведут себя именно так, как если бы это находящееся под угрозой «мое» действительно было каким-то отделимым объектом, подобно всем известным им объектам. И как я предположил, даже во взрослой жизни «я» (I, me) и «мое» применяются в строгом смысле только к тем вещам, которые выделены среди прочих как свойственные лишь нам одним, через определенное противопоставление. Они всегда подразумевают социальную жизнь и отношение к другим людям. То, что наиболее отчетливо представляется моим, является очень личным, это верно, но эта часть личного, которую я храню в противовес остальному миру, не отдельная, но особая часть. Агрессивная самость есть, по сути, некая воинственная сторона сознания, очевидной функцией которой является стимулирование специфических деятельностей,

и хотя эта воинственность может и не проявляться в явной, внешней форме, она всегда присутствует в качестве некой психической установки.

Процесс, в ходе которого у детей развивается самоощущение зеркального типа, можно проследить без особых затруднений. Изучая движения других столь пристально, как они это делают, они вскоре замечают связь между своими собственными действиями и изменениями этих движений, т.е. они замечают свое влияние на других людей или власть над ними. Ребенок присваивает видимые действия своего родителя или няни, свое влияние на которых он обнаруживает, совершенно таким же образом, каким он присваивает одну из частей своего тела или какую-нибудь игрушку, и он пытается сделать что-нибудь с этой своей новой собственностью...

Половое различие в развитии социальной самости очевидно с самого начала. Девочки обладают, как правило, более впечатлительной социальной восприимчивостью; они более откровенно заботятся о социальном образе, изучают его, больше размышляют о нем и, таким образом, даже на первом году жизни выказывают больше утонченности аффектации, которых мальчикам по сравнению с ними часто недостает. Мальчики больше заняты мышечной активностью ради нее самой и созиданием, их воображение несколько меньше занято личностями, больше вещами. В девочке вечно таинственное, трудноописуемое, но совершенно безошибочное, проявляется, как только она начинает замечать людей, и одной из сторон его, конечно, является менее простое и устойчивое эго, более сильное побуждение перейти на точку зрения другого и поставить радость и печаль в зависимость от образа в его сознании. Можно не сомневаться, что женщины, как правило, зависят от непосредственной личной поддержки и поощрения больше, чем мужчины. Мышление женщины нуждается в фиксации на каком-либо человеке, в сознании которого она может найти устойчивый и неотразимый образ самой себя, которым она может жить. Если такой образ — в реальном или идеальном лице — найден, преданность этому образу становится источником силы. Но подобная сила зависит от этого личностного дополнения, без которого женский характер способен некоторым образом превратиться в брошенный командой и плывущий по течению корабль. Мужчины, более предрасположенные к агрессии, обладают большей по сравнению с женщиной самостоятельностью. Но в действительности никто не может выстоять в одиночку, и видимость самостоятельности обязана просто большей инерции и континуальности характера, который накапливает в себе (свое) прошлое и сопротивляется непосредственным воздействиям. Воображение того, какими мы представляемся другим, является прямо или косвенно той силой, которая контролирует любое нормальное сознание.

11.3. Г. Блумер: символы и коллективное поведение

Герберт Блумер (*Blumer*) (1900—1986) — представитель символического интеракционизма, ввел в научный оборот сам термин «символический интеракционизм» и инициировал с позиций методологических принципов данной парадигмы системное изучение коллективного поведения неструктурированных и слабо структурированных социальных групп (толпы, массы, общественности, социальных движений).

Г. Блумер возглавлял кафедру социологии в Калифорнийском университете, был одновременно президентом Американской социологической ассоциации и Общества изучения социальных проблем. Им подготовлена целая плеяда социологов, которая занималась и ныне продолжает заниматься изучением поведения различных социальных групп, исследуя при этом влияние средств массовой информации, пропаганды, новых технологий, расовых отношений, моды и других факторов.

Основные работы Блумера: «Символический интеракционизм», «Символическая интеракция: парадигма и метод», «Индустриализация как агент социального изменения».

Базовые теоретические посылки

С точки зрения Г. Блумера, символический интеракционизм покоится на трех базовых посылках.

1. Люди скорее действуют на основе значений, которые они придают предметам и событиям, чем просто реагируют, или на внешние стимулы, такие как социальные силы, или внутренние стимулы — потребности организма.

Символический интеракционизм, отрицая как общественный, так и биологический детерминизм, по существу, *предлагает детерминизм значений*. В чем это может выражаться конкретно?

Вспомним известный фильм «Прохиндиада». То значение, которое в «застойные годы» придавалось научным работникам, ассоциировалось с благополучием, респектабельностью. Верхом престижа считалось заполучить в качестве «свадебного генерала» академика или профессора. Через несколько лет появляется новый фильм с теми же действующими героями — «Прохиндиада II». И зритель видит, что в связи с переоценкой многих ценностей вообще

и науки в особенности, изменилось соответственно и поведение людей.

Словом, характер поведения людей, прежде всего, обусловлен конкретными значениями, которые они придают друг другу в процессе коммуникации.

2. Значения являются не столько фиксированными, сформулированными заранее, сколько в определенной степени *создаются, модифицируются, развиваются и изменяются* в интеракционных ситуациях.

Участники интеракции не следуют автоматически установленным нормам, равно как и сложившимся ролям. Осознанно или нет, этим постулатом руководствуются имиджмейкеры, стремясь сделать из политических деятелей своеобразных символов сильных личностей, борцов за демократию, справедливость, патриотов, тем самым изменяя их прежнее значение.

3. Значения являются результатом *интерпретаций*, которые были осуществлены в интеракционных контекстах. Принимая роль другого, участники процесса интерпретируют значения и намерения других.

Так, значения, которые определяют действие, вытекают из контекста интеракции: в большинстве ситуаций, в которых люди общаются друг с другом, они уже заранее имеют представления, как себя вести и как будут действовать другие.

Сфера коллективного поведения

Особый интерес для Г. Блумера представляет исследование *коллективного поведения*. По его мнению, общество основывается на постоянной активности социальных субъектов и их совместных действиях, проявляющихся в разных формах коллективного поведения, таких как толпы, собрания, панические настроения, мании, танцевальные помешательства, панические настроения, мании, стихийные массовые движения, массовое поведение, общественное мнение, пропаганда, увлечения, социальные движения, революции, реформы¹.

Коллективное поведение *не сводится к простой сумме индивидуальных действий*. Оно обретает *качественно новое содержание* благодаря количественной совокупности отдель-

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 168.

ных действий индивидов. Их изучение, по Г. Блумеру, должно являться предметом социологии.

На первый взгляд, коллективное поведение обладает значительным потенциалом спонтанности, непредсказуемости. И до определенной степени это действительно так. Однако *в своей основе* коллективное поведение детерминировано значимыми символами, характерными для конкретной культуры и особенно символами, *возникающими в конкретной социальной ситуации*. Оно имеет *внутреннюю динамику*, обусловленную усвоением определенных социальных значений, их производством и воспроизводством.

Разрушение значимых символов как фактор спонтанного коллективного поведения

По Г. Блумеру, основу коллективного поведения составляют общие значения, ожидания, формируемые значимыми символами, которые разделяются группой индивидов: «подавляющее большинство случаев коллективного поведения людей объясняется их общими ожиданиями и пониманием»¹, — замечает социолог. Когда же происходит *разрушение значимых символов*, возникают спонтанные интеракции — митинговые страсти, паника по поводу обмена денежных знаков, страсти толпы болельщиков и т.д.

Спонтанное коллективное поведение, как правило, возникает в условиях *нарушения устоявшихся значений*, привычных значимых символов, регулирующих устоявшиеся постоянно текущие социальные активности. Тогда возникает определенная форма социального взаимодействия, которая получила название *круговая реакция*.

Возбуждение одного индивида передается к другому, приобретая круговую форму, при этом они имеют тенденцию интенсифицироваться и таким образом возникает социальное беспокойство. Оно встречается в трудовых конфликтах, политических протестах; может быть ограничено небольшой группой людей, но может и охватывать огромные регионы (революции в России в 1917 г., волнения в исламском мире сегодня).

Основные черты социального беспокойства:

— люди чувствуют сильный позыв к действию, но не имеют ясных целей, что ведет к беспорядочному поведению;

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 169.

— возникают страхи, повышенная агрессивность, распространяются слухи и преувеличения;

— наблюдается раздражительность и повышенная внушаемость людей, их поведение лишается обычной последовательности и устойчивости, что способствует откликам на различные новые символы и значения, стимулы и идеи¹.

Таким образом, социальное беспокойство, с одной стороны, свидетельствует о распаде устоявшихся значений, крушении привычного жизненного устройства, а с другой — *о потенции к восприятию новых символов и значений*.

Если посмотреть на историю России, которая изобилует социальными беспокойствами, то можно заметить, что каждое крупное социальное беспокойство приводило к новым значимым символам — культам, идейному обновлению, новым образцам поведения людей.

Формы спонтанного коллективного поведения

Г. Блумер выделяет несколько форм спонтанного коллективного поведения.

1. *Толчея*. Люди в толчее взаимодействуют беспорядочно, побуждая через круговую реакцию восприимчивость и отзывчивость друг к другу. При этом, как правило, понижается значение объектов, которые обычно привлекают внимание.

2. *Коллективное возбуждение*. Данный тип поведения способен втягивать в свою орбиту сторонних наблюдателей, которые вначале проявляют интерес к данной форме коллективного поведения, а затем и сами могут стать его непосредственным участником.

«При коллективном возбуждении личный характер индивидов ломается с большой легкостью и, таким образом, создаются условия для реорганизации и образования новых форм поведения. При коллективном возбуждении индивиды могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли и, еще менее вероятно, что осмелились бы придерживаться»².

3. *Социальная инфекция*. Крайняя форма — *социальная эпидемия*. Это быстрое и широкое распространение каких-

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 172–173.

² Там же. С. 175.

либо форм поведения, которые резко диссонируют с устоявшимися значимыми символами.

«Социальная инфекция относится к сравнительно быстрому, бессознательному и нерациональному распространению каких-либо настроений, порывов или форм поведения»¹. Примерами тому могут быть разгул спекулятивных акций с денежными знаками во время плохо организованной кампании по их обмену, погромы на националистической почве, борьба с иноверцами или инакомыслящими.

Формы институционального коллективного поведения

Как считает Г. Блумер, указанные формы поведения способны вылиться в *новые формы группового и институционального поведения*. Они следующие: *действующая толпа, экспрессивная толпа, масса и общественность*.

Действующая толпа, захваченная какой-либо общей целью, спонтанно образованная группа, у которой однако отсутствуют общие значения, традиции или экспектации, у неё нет установленных ролей, признанного лидерства, осознания собственной идентичности, разделения труда, нет у неё и общих социокультурных ценностей.

Поэтому поведение действующей толпы не соотнобразуется с институциональными нормами и ценностями. Действующая толпа способна к насилиям и жестокости.

Индивид в действующей толпе «теряет обычное критическое восприятие и самоконтроль, как только он вступает в контакт с другими членами толпы и проникается тем коллективным возбуждением, которое господствует над ними. Он прямо и непосредственно откликается на замечания и действия других, вместо того чтобы истолковать их, как он сделал бы в обычных условиях»².

Г. Блумер полагает, что в определенных условиях целая нация может уподобиться действующей толпе, если её представители оказываются поглощенными одним волнующим объектом. Взаимное возбуждение, благодаря круговой реакции, достигает столь высокой степени, что все внутренние разногласия отступают. Возникают мощные иррациональные порывы в отношении волнующего объекта. Так, поведе-

ние представителей нации может стать подобным действующей толпе.

Чтобы остановить действующую толпу, необходимо переключить внимание её членов на разные объекты. Возникновение интереса к другим объектам способствует расчленению толпы как таковой, открывает возможность диалога с отдельными членами.

Экспрессивная толпа в отличие от толпы действующей не имеет какую-либо общую внешнюю цель. «Экспрессивная толпа не вырабатывает образа какой-то цели... она не обладает ничем, в направлении чего она *может* действовать, и поэтому она попросту предается возбужденным движениям»¹. Её главным признаком является обращение эмоциональных порывов на самое себя.

Экспрессивная толпа обычно проявляется в коллективных танцах (карнавалы, ритуальные танцы), которые позволяют участникам через переживаемый экстаз получить физическую и эмоциональную разрядку от тревожащих их значений повседневной жизни, влияние которых на время резко падает. При этом резко возрастает значение собственного Я, от чего индивиды испытывают удовлетворение и наслаждение, радость жизни.

Масса, по Г. Блумеру, представляет собой совокупность спонтанного коллективного группирования людей, которые возбуждены значением какого-либо события зачастую национального масштаба (шумный судебный процесс, бум за или против передислокации войск и т.д.), проявляя в нем заинтересованность и свое участие.

Члены массы анонимны, зачастую отделены друг от друга в пространстве, лишены возможности обмена мнениями по поводу значения волнующего их события, могут происходить из самых различных социокультурных слоев общества, и потому данная коллективная группа весьма слабо структурирована.

В силу указанных отличительных черт массы, её члены, как правило, действуют обособленно, как отдельные, но *сознательные* индивиды.

«Индивиды отделены друг от друга и неизвестны друг другу. Этот факт означает, что индивид в массе, вместо того чтобы лишиться своего самосознания, наоборот, способен

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 175.

² Там же. С. 179.

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 181.

довольно сильно обострить его. Вместо того чтобы действовать, откликаясь на внушения и взволнованное возбуждение со стороны тех, с кем он состоит в контакте, он действует, откликаясь на тот объект, который привлек его внимание»¹.

Хотя деятельность массы, по существу, проявляется в индивидуальных действиях, тем не менее, эта деятельность может оказывать весьма значимое влияние на общество, приводя к краху одни политические партии и вознося другие, трансформируя старые государственные и общественные структуры и создавая новые.

Особую роль при рассмотрении поведения масс Г. Блумер отводит *массовой рекламе*.

В рекламе обращение делается к анонимному индивиду, возбуждая его и концентрируя внимание на новые значимые символы. И хотя индивиды совершают самостоятельный выбор без конкретного участия какой-либо структуры, совпадение их выборов вокруг значимых объектов составляет основу формирования массы.

«Покупатели представляют собой некую разнородную группу, происходящую из многих общин и слоев общества; в качестве членов массы, однако, по причине своей анонимности они являются однородными или, по существу, одинаковыми»².

Общественность рассматривается Г. Блумером как спонтанная коллективная группа потому, что она возникает как отклик на определенно значимый объект или ситуацию и, как правило, не образуется по заранее разработанному плану. Однако в отличие от толпы в общественности индивиды взаимодействуют друг с другом, вступают в споры и конфликты и тем самым демонстрируют рациональные, критические действия.

«Общественность приобретает свой особый тип единства и возможность действовать, благодаря достижению какого-то коллективного решения или выработке какого-то коллективного мнения»³.

Наряду со спонтанными коллективными группами Г. Блумером были исследованы и *фиксированные формы социального поведения*, которые детерминированы *совокупностью*

значимых символов. К ним относятся *общие и специфические социальные движения, экспрессивные движения, а также возрожденческие и националистические движения*.

В развитом виде социальные движения имеют структурную организацию, разделение на управляющих и управляемых, свои традиции, нормы и ценности, т.е. это рельефно выраженная социокультурная группа.

К *общим социальным движениям* Г. Блумер относит такие движения как демократическое, молодежное, женское, движение за мир. Они возникли под воздействием нового набора значимых ценностей, влияющих на судьбы людей, которые не удовлетворены их реальным положением в жизни. Общие социальные движения, как правило, слабо организованы, не имеют постоянного членства, их конкретные отклики на значимые ценности не выливаются в ясные цели.

«Лидеры общего социального движения играют важную роль не в смысле осуществления руководящего контроля над движением, а в смысле задающих темп. Эти лидеры являются «вопиющими в пустыне», пионерами без какой-либо прочной группы последователей, часто не очень часто отдающими себе отчет в собственных целях»⁴.

По Г. Блумеру, *специфическими социальными движениями* являются реформистские и революционные движения. Они хорошо структурированы, имеют некий набор значимых символов и ценностных ориентаций. Члены этих движений занимают определенные статусные позиции и стремятся к четким целям по внесению изменений в социальный строй и существующие институты.

В специфических социальных движениях особая роль отводится агитации, которая, создавая круговую реакцию возбуждения, направлена на изменение представлений людей о самих себе, о своей роли и месте в обществе и особенно в движении — культивируются настроения сопричастности и солидарности, благоговения перед «вождями народов» и «отцами наций», для чего опять-таки используются значимые символы — ритуальная атрибутика и церемониальное поведение.

Для этих движений характерным является возникновение самого разного рода мифов как откликов на желания людей, которые зачастую приобретают форму эмоциональ-

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 185.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 189.

⁴ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 197.

ных символов: «политика — дело каждого», «материальные и духовные блага пользуются полным потоком», «каждой семье — отдельную квартиру».

Для этих движений характерно возникновение какого-либо культа. «Обычно имеется некий главный святой и ряд менее важных святых, выбранных среди народных вожakov движения. А. Гитлер, В. И. Ленин, К. Маркс, Мэри Бэйкер Эдди и Сунь Ятсен могут послужить подходящими примерами главных святых. Такие лидеры, по существу, обожествляются и наделяются чудесной силой. Они считаются высшими, умнейшими и непогрешимыми. Люди вырабатывают по отношению к ним установку благоговения и трепета, возмущаясь попытками описать их как обыкновенных людей»¹.

Экспрессивные движения — движения религиозные и мода. Их отличительная черта состоит в том, что они не нацелены на изменение социального строя.

Религиозные движения стремятся обратить внимание людей на *священные символы*, побуждая верующих к тому или иному эмоционально окрашенному типу поведения.

Модные движения (не только в одежде, но и в искусствах и литературе, манерах) побуждают индивидов принять какие-то новые, доставляющие эмоциональное удовлетворение, отличительные значения, новые формы существования, заменяющие те, которые уже стали объектом подражания. Именно эта черта — постоянное обновление значений — позволяет, по мнению Г. Блумера, трактовать моду как особое движение.

Возрожденческие и национальные движения связаны с воссозданием прежних значимых символов — прошлой славы, былого самоуважения и удовлетворения.

Как считает Г. Блумер, большинство националистических движений своими корнями уходят в значения, прославляющие прошлое народа. Вместе с тем они нацелены на преодоление нынешних значений, связанных с комплексом неполноценности.

«Их уязвленное самоощущение и желание восстановить самоуважение ведут их к попыткам улучшить статус группы, с которой они себя отождествляют. В таком движении наблюдается постановка не только какой-то цели, например, заво-

евание национальной автономии, но обычно также и идеализация какой-то минувшей эпохи в жизни этого народа»¹.

Критика символического интеракционизма

Символических интеракционистов часто критикуют за то, что они исследуют поведение человека в структурном вакууме. Они обычно фокусируют свое внимание на межличностных интеракциях микро уровня, оставляя в стороне, во всяком случае, недооценивая их исторический или социокультурный контекст.

Интеракционисты всячески подчеркивают свободу в человеческом действии и мало исследуют факторы, которые оказывают сдерживающее влияние. Иными словами, они не дают комплексного аргументированного объяснения, из чего же происходит нормативное поведение и почему члены общества обычно ведут себя в рамках определенных норм и ценностей.

Интеракционисты не объясняют и источник значимых символов, которым они придают такую важность. Их критики указывают на то, что значения символов не создаются спонтанно в интеракционистских ситуациях. Вместо этого они постоянно воспроизводятся социальной структурой, являющейся прежде всего продуктом социальных отношений.

Современный немецкий социолог Н. Луман так отметил ограниченность данной парадигмы: «это теоретическое направление встраивает контингентно действующее *alter Ego* в *Ego* и совершенно справедливо усматривает проблему лишь со стороны интеракции, полагая, что с другой стороны имеет место то же самое. Это направление разбирает, так сказать, лишь половину двойной контингентности и поэтому остается лишь теорией действия»².

Особенности форм спонтанного поведения в современном российском обществе: кейс-стади

Представители символического интеракционизма объясняют социальные действия людей через значения, которые они придают тем или значимым символам. Это дает воз-

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994. С. 204.

¹ Блумер, Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994. С. 214.

² Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007.

возможность изучать типичные образцы поведения даже тех социальных групп, которые не структурированы ни институционально, ни в социокультурном плане — толпы, массы, общности.

Изучение форм спонтанного коллективного поведения является весьма актуальным, ибо в современном российском обществе, в котором идет очень быстрый процесс *изменения значений* символов, неизбежно растет масштабность и значимость массового поведения.

Когда управленческие нити институциональных структур ослаблены и нет *устоявшихся* значимых социокультурных символов, многие государственные и политические деятели пытаются напрямую апеллировать к массам, по существу, предлагая *новые значимые символы*. Этому способствуют и средства массовой информации, побуждающие индивидов приобщаться к миру новых и более широких значений.

Теоретико-методологический инструментарий символического интеракционизма, в частности, можно использовать для сравнительного анализа значений, которые россияне придают социальным реалиям с аналогичными значениями в интерпретации представителей других стран и культур.

Обратимся, в частности, к двум формам спонтанного коллективного поведения — действующей толпе и экспрессивной толпе.

В российском социуме в сравнении с западными странами *действующая толпа* занимает не только более значительное место, но и отличается по ряду параметров.

У нас, как правило, подобные спонтанно образованные группы формируются как реакция людей на *распад привычных значений* в экономической, политической и особенно культурной сферах. Кроме того, повышенный конфликтный потенциал российского общества порой может привести к тому, что большие социальные и национальные группы придают какому-либо событию (появление в стране мигрантов с Востока) такое непомерно высокое и вместе с тем иррациональное значение, что поведение данной группы уподобляется действующей толпе. Как следствие — само образование действующей толпы нередко стимулирует насилие — погромы в Москве, совершенные подростками.

Можно отметить и особые характеристики *экспрессивной толпы* в российском обществе.

Если традиционно экспрессивная толпа проявляется в положительно окрашенных эмоциональных танцах (карна-

валы), то у нас образование подобных групп зачастую обусловлено мотивацией «бегства» от опасностей военных действий, от диктата образа жизни с непривычными, чуждыми социокультурными ценностями.

Российское телевидение довольно часто показывает *грандиозные шоу*. Каковы латентные функции у этих мероприятий?

Одна из возможных гипотез — отвлечь массы людей от значений опасностей и рисков, направить эмоциональные порывы на самих себя и тем самым «избавиться» от страхов и негативных реалий повседневной жизни¹.

Можно предположить, что по мере появления устоявшихся значений и символов в нашей жизни масштабность элементарных форм коллективного поведения будет сокращаться. Их вытеснят фиксированные формы социального поведения, которые и составят основу гражданского общества в России.

Основные термины и выражения

Бихевиоризм — *behaviourism* — одно из направлений позитивистской социологии (основоположники — Э. Торндайк и Дж. Б. Уотсон), считающее своим предметом поведение людей, понимаемое как чисто физиологические, моторные реакции на воздействия внешней среды (стимулы), которое дало импульс появлению многих парадигм, изучающих поведение человека, включая символический интеракционизм.

Возрожденческое движение — *revitalization movement* — по Г. Блумеру — движение, ориентированное на восстановление социальной значимости прежних ценностей и идеалов.

Действующая толпа — *acting crowd* — по Г. Блумеру — толпа, поглощенная одним волнующим символом (объектом), действующая в отношении него без ясно осознаваемой цели.

Детерминизм значений — *determinism of meaning* — по Г. Блумеру — подход, предполагающий, что характер поведения людей, прежде всего, обусловлен конкретными значениями, которые они придают друг другу в процессе коммуникации.

Жест — *gest / gesture* — по Дж. Г. Миду — основной фактор социального действия и социального процесса в целом, проявляющийся в «движениях первого организма, что является специфическим сти-

¹ Матвеева С. Я., Шляпентох В. Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000; Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М. : Альфа-М, 2009.

мулом для последующих социально обусловленных ответов второго организма».

Значимый другой — *significant other* — по Дж. Миду — люди, играющие решающую роль в процессе социализации, чьи суждения, действия являются образцом при формировании наших собственных мнений, суждений, линии поведения.

Значимый символ — *significant symbol* — по Г. Миду — действие (жест), служащее для передачи информации, содержание которой одинаково воспринимается участниками коммуникативного процесса.

Коллективное возбуждение — *collective effervescence* — по Г. Блумеру — форма примитивного коллективного поведения, способствующая тому, что «индивиды могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли и, еще менее вероятно, что осмелились бы придерживаться».

Масса — *mass* — по Г. Блумеру — совокупность спонтанного коллективного группирования людей, которые возбуждены значением какого-либо события зачастую национального масштаба.

Обобщенный другой — *generalized other* — по Дж. Миду — любое организованное сообщество или социальная группа, которая участвует в процессе социализации и обеспечивает индивиду единство его «Я». Данная концепция дает возможность проследить формирование человеческой личности в контексте взаимодействия с другими людьми и сообществом в целом.

Общественность — *public* — по Г. Блумеру — спонтанная коллективная группа, приобретающая «свой особый тип единства и возможность действовать, благодаря достижению какого-то коллективного решения или выработке какого-то коллективного мнения».

Первичная группа — *primary group* — относительно небольшая группа с развитым чувством «Мы» и высокой степенью солидарности, имеющая важное значение для первичной социализации.

Прагматизм — *pragmatism* — 1) представление о том, что истина адекватна практической пользе; 2) в символическом интеракционизме Дж. Мид — учет взаимодействия актора и мира, которые представляют собой динамичные процессы, а также способности актора интерпретировать мир.

Принятие роли — *role taking* — процесс социального взаимодействия, предполагающий умственное допущение себя на месте другого, возможностей его действий с учетом социальной роли и мотивации, что позволяет индивиду осуществлять коммуникацию и адекватно реагировать на окружающую социальную реальность.

Самоидентификация — *self-identification* — отождествление индивидом себя с другим человеком или объектом.

Самосознание — *self-consciousness* — 1) осознание индивидом себя как автономной сущности, что включает самопознание, само-

идентификацию, самоопределение; 2) осознание индивидом оценок, взглядов на него окружающих людей; признание, что Я полагает наличие не-Я, влияющего на поведение индивида.

Самость — *self* — по Дж. Миду — осведомленность индивида о сложных отношениях с другими людьми и вещами, его способность представлять себя в качестве объекта своей собственной мысли, быть одновременно субъектом и объектом.

Символ — *symbol* — по Дж. Миду — знак, вызывающий однотипную социальную реакцию, что является основой социального взаимодействия людей.

Символический интеракционизм — *interactionism symbolic* — одна из социологических парадигм, имеющая ряд вариантов (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер, Э. Гоффман и др.), основывающаяся на том, что все формы взаимодействия людей в обществе подразумевают общение, базирующееся на определенных социальных символах (язык, жесты, культурные символы и т.д.).

Симпатическое самонаблюдение — *sympathetic introspection* — по Ч. Кули, метод исследования сознания индивидов, суть которого состоит в том, что социолог представляет себя в виде социального субъекта в различных ситуациях, предполагая соответствующее им своё поведение. Социолог полагал, что тем самым можно понять значения и мотивы социального поведения вообще.

Социальная инфекция — *social infection* — по Г. Блумеру — быстрое и широкое распространение каких-либо форм поведения, резко диссонирующих с устоявшимися нормами.

Социальное движение — *social movement* — по Г. Блумеру — движение, возникшее под воздействием нового набора значимых ценностей, влияющих на судьбы людей, которые не удовлетворены их реальным положением в жизни.

Теория «зеркального Я» — *theory of looking-glass self* — теория, созданная американским социологом Чарльзом Кули, суть её заключается в том, что самосознание и ценностные ориентации индивида как бы зеркально отражают реакции на них окружающих людей, главным образом из той же социальной группы.

Толча — *crowding* — по Г. Блумеру — форма примитивного коллективного поведения, представляющая собой реакцию на мало-значимый символ.

Экспрессивная толпа — *expressive crowd* — по Г. Блумеру — толпа, обращающая эмоциональный порыв на самое себя (карнавалы, ритуальные танцы).

Экспрессивное движение — *expressive movement* — по Г. Блумеру — движение религиозное или мода. Их отличительная черта данных движений состоит в том, что они не нацелены на изменение социального строя.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Как вам стало известно, значимые символы содержатся, прежде всего, в языке. Но язык не просто описывает реалии окружающего мира, а *придает им определенное восприятие*, что детерминировано конкретной культурой: чем более значимо явление в конкретной культуре, тем больше оно имеет оттенков выражения в соответствующем языке. Так, например, у эскимосов существует огромное множество вербальных значений снега и льда. Используя гипотезу Сепира-Уорфа, социологи, в частности, отмечают в современном английском языке корреляцию между множеством агрессивных вербальных значений, равно как и мужских терминов, обозначающих социально престижные профессии (хотя ныне многие женщины овладели ими), и его *сексистским характером*. Это, по мнению некоторых исследователей, сказывается на характере ментальности говорящих и, соответственно, на отношениях между мужчинами и женщинами вообще. Чтобы вы могли сказать о характере вербальных значений современного русского языка? Как они влияют на ментальность россиян? Насколько значим, по вашему мнению, вербальный фактор в нашем тоталитарном прошлом?

2. Что вы думаете о символах насилия и ужасов, столь распространяющихся на наших телеэкранах? Может ли в этих условиях сформироваться толерантное общественное сознание, предполагающее ровные, доброжелательные отношения к представителям иной культуры?

3. За последние годы реформ в нашу страну буквально нахлынули новые культурные символы. Для многих россиян они стали значимыми. Как этот процесс сказывается на их самоидентификациях? Покажите на конкретных примерах характерные новации в поведении студентов под влиянием новых символов.

4. Проанализируйте любое общественное или политическое движение России с позиций символического интеракционизма. Сделайте тоже через призму теоретико-методологического инструментария структурного функционализма и конфликтных парадигм. Каковы сильные и слабые стороны в каждом теоретико-методологическом подходе?

5. Какие рекомендации вы дали бы вашему коллеге, оказавшемуся в «кривом» зеркале?

6. Критически проанализируйте подходы к массе представителей марксизма, символического интеракционизма, З. Фрейда.

Семинар «Теоретико-методологический инструментарий символического интеракционизма»

1. Теория самости Дж. Мида.

2. Ч. Кули: смыслы «зеркального» Я.

3. Г. Блумер: спонтанные и организованные формы социального поведения.

4. Гипотеза Сепира-Уорфа.

Литература

1. Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.

2. Батыгин, Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.

3. Бауман, З. Мыслить социологически / З. Бауман. — М. : Аспект-Пресс, 1996.

4. Бергер, П. Приглашение в социологию / П. Бергер. — М. : Аспект Пресс, 1996.

5. Брутян, Г. А. Гипотеза Сепира — Уорфа / Г. А. Брутян. — Ереван, 1968.

6. Воронцов, А. В. История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глотов. — М. : Юрайт, 2013.

7. История социологии в Западной Европе и США // отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М, 1999.

8. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.

9. Кукушкина, Е. И. История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.

10. Кули, Ч. Социальная самость / Ч. Кули // Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.

11. Култыгин, В. П. Классическая социология / В. П. Култыгин. — М. : Наука, 2000.

12. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. — СПб. : Наука, 2007.

13. Матвеева, С. Я. Страхи в России в прошлом и настоящем / С. Я. Матвеева, В. Э. Шляпентох. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000.

14. Мид, Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.

15. Россия на новом переломе: страхи и тревоги. — М. : Альфа-М, 2009.

16. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960.

17. Фотев Г. Герберт Блумер: символический интеракционизм / Г. Фотев // Современная американская социология. — М. : Изд-во МГУ, 1994.

18. *Blumer, H.* Psychological Import of the Human Group / H. Blumer // Group Relations at the Crossroads / ed. M. Sherif, M. O. Wilson. — N.Y., 1953.

19. *Blumer, H.* Selected Works of Herbert Blumer: A Public Philosophy for Mass Society / H. Blumer. — Urbana, IL.: University of Illinois Press, 2000.

20. *Blumer, H.* Symbolic Interactionism — Perspective or Method / H. Blumer. — N.Y., 1969.

21. *Cooley, Ch. H.* Human Nature and Social Order / Ch. H. Cooley. — N.Y.: Scribner's, 1964.

22. *Joas, H.* G. H. Mead: A Contemporary Re-examination of His Thought / H. Joas. — Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

23. *Morrione, T. J.* Blumer, Herbert George / T. J. Morrione // Ritzer, G., Ryan, J. M. (eds). The Concise Encyclopedia of Sociology. — Blackwell Publishing, 2011.

24. *Ritzer, G.* Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education. 2000.

25. *Ritzer, G.* Modern Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education. 2000.

26. *Shalin, D. N.* George Herbert Mead / D. N. Shalin // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

27. *Whorf, B. L.* Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. John B. Carroll ; B. L. Whorf. — N.Y.: Wiley, 1956.

Глава 12

А. ШЮТЦ — ОСНОВОПОЛОЖНИК ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Феноменологическая парадигма направлена, прежде всего, на изучение *социальных феноменов* повседневного «жизненного мира» как объектов осознания людьми, которые конструируются в процессе их непрерывной жизнедеятельности.

Несомненно, мир объективен, но он начинает иметь значение для людей только в процессе его осознания, только тогда, когда он становится *внутренним субъективным миром*. Согласно феноменологам, социальные феномены по своей сути отнюдь не таковы, какими они кажутся с первого поверхностного взгляда.

Поэтому, чтобы преодолеть разного рода иллюзии или «ложное сознание», необходимо вскрывать латентные функции феноменов человеческой реальности.

Феноменологи исходят из того, что досовременные общества обладали весьма значительной степенью интеграции. В результате чего человек всегда жил как бы в одном мире: социальные феномены, одновременно освоенные и созданные в процессе общения людей, были *всеми разделяемыми*, ибо они представляли собой своего рода их «домашний мир». Он был, по сути, един и на работе и в семье. Каждый воспринимал этот мир как *самоочевидный*, в котором его место и роли были четко определены.

В современном же обществе люди сталкиваются с *плюрализацией жизненных миров* прежде всего в силу скачка в сфере разделения труда. Поэтому сконструированные людьми социальные феномены приобретают многозначность.

В этой связи свою задачу феноменологи видят в том, чтобы дать более полное представление о мире через *понимание* других точек зрения на социальные феномены. При этом

феноменологов интересуют не столько объективные различия социальных феноменов, сколько то, как они *субъективно воспринимаются на уровне обыденного сознания* самых обычных людей в процессе их жизнедеятельности.

Альфред Шютц (*Schütz*) (в русском переводе встречаются также написания Шуц, Шюц; в учебнике при ссылке на работы социолога сохранено то написание фамилии, которое дано в конкретных переводах) родился в Вене, Австрия, в 1899 году. Там же получил образование.

По окончании Венского университета, в котором специализировался в области экономики, выбрал карьеру банкира. Однако параллельно серьезно увлекся социологией, полагая, что эта наука поможет ему лучше понять жизнь, а также преуспеть в профессии.

Это ему удалось в полной мере. В 1932 г. появилась его знаменитая книга *«Феноменология социального мира»*, в которой, по существу, были сформулированы основные положения принципиально новой социологической парадигмы — феноменологической социологии. В ней социолог осуществил синтез философских идей Э. Гуссерля и «понимающей» социологии М. Вебера, предложив оригинальный методологический подход для анализа социальных действий индивидов в контексте мира значений повседневной жизни.

Однако приближалась Вторая мировая война и А. Шютц в 1939 г. эмигрировал сначала во Францию, а затем — в США, где преподавал философию и социологию, продолжая сочетать научную деятельность с работой банкира.

И все же социология взяла верх над банковской деятельностью, которую он окончательно оставляет в 1956 году. Вокруг А. Шютца формируется авангардная социологическая школа с множеством учеников и последователей, которые впоследствии продолжили самостоятельную работу в русле его идей.

Предложенная А. Шютцем парадигма позволяет изучать, как представители разных социальных групп через призму своего субъективного видения мира интерпретируют объективные объекты и явления, к каким потенциально социальным действиям и конфликтам ведет несовместимость множественных субъективно сконструированных образов социальной реальности.

Среди других работ социолога: *«Возвращающийся домой»*, *«Формирование понятия и теории в общественных науках»*, *«Структуры жизненного мира»* (в соавторстве с Т. Лук-

маном), *«Феноменология социального мира»*, *«Смысловая структура повседневного мира»*, на русском языке также издан сборник *«Избранное: Мир, священный смыслом»*, куда вошли такие важнейшие работы, как *«Размышления о проблеме релевантности»*, *«О множественных реальностях»* и *«Символ, реальность и общество»*.

Умер А. Шютц в 1959 году.

12.1. Идеино-теоретические истоки

А. Шютц — создатель оригинального теоретико-методологического инструментария, направленного прежде всего на понимание *социальных феноменов* повседневного «жизненного мира» как объектов осознания людей, которые конструируются в процессе их непрерывной жизнедеятельности.

Свою задачу социолог видел в том, чтобы дать более полное представление о *сложности мира* через понимание *противоположных* точек зрения на социальные феномены, выясняя то, как они *субъективно конструируются и воспринимаются на уровне обыденного сознания* самых обычных людей в процессе их взаимодействия.

Своими корнями феноменологическая социология уходит в социальную философию Э. Гуссерля, его учение о «жизненном мире» как мира нашего субъективного повседневного опыта, который предшествует научной объективности.

Для Э. Гуссерля философское осмысление жизненного мира является предпосылкой выработки общего представления о системе человеческого знания, включая и знание научное. По его мнению, индивиды видят мир *упорядоченным*. Для них социальный мир предстает хорошо организованным и структурированным. Однако люди не осведомлены о том, что *именно они* его упорядочивают определенным образом. Феноменология же как раз изучает, *какими* предстают объективные реалии — события, социальные ситуации, действия — в *сознании индивидов*. Как считал Э. Гуссерль сознание всегда представляет собой сознание конкретных жизненных реалий.

Необходимость изучения собственно жизненного мира продиктована, полагал Э. Гуссерль, тем, что реальная картина мира искажается в результате научных идеализаций. В итоге люди сталкиваются как бы с двумя мирами: миром

повседневной жизни и миром формализованным в результате его научного описания. Причем мир научный обычно воспринимается людьми как «объективный», а жизненный мир — как «субъективный». Философ пытался преодолеть это противопоставление «субъективной жизненности» и «объективной научности»¹.

А. Шютц взял у Э. Гуссерля идеи *субъективного упорядочивания* людьми объективного социального мира, а также *взаимосвязи научной теории с жизненным миром*, видя в этом основу принципиально новой социологической парадигмы, которая помогает глубже понять природу конструируемых людьми социальных феноменов, исходя из относительности как социальной реальности, так и знания о ней. Однако в отличие от Э. Гуссерля, который сосредоточился на исследовании собственно сознания, А. Шютца интересуют *жизненные миры*, точнее *систематизированные знания о них*, выраженные в *теоретических моделях*, которые можно проверить и эмпирическим путем.

А. Шютц также обращается к «понимающей» социологии М. Вебера, к его видению *социального действия* и методологическому инструментарию, выраженному в *идеальных типах*. Однако, по мнению А. Шютца, М. Веберу не удалось провести *различие* между *объективным и субъективным значением контекста*, что крайне важно для более углубленного понимания социального действия.

Предложенная А. Шютцем методология как раз позволяет понять социальное действие с учетом *«жизненного опыта» нашего сознания* и, соответственно, *субъективного восприятия социального контекста*, в котором оно происходит.

12.2. Феноменологическая парадигма: предмет и методы

Как считал А. Шютц, *предметом феноменологической социологии* является все то, что считается «знанием» в обществе, делая акцент на том, что *люди «знают» как «реальность»*. «Мы будем придерживаться той точки зрения, — пишет социолог, — что социальные науки должны изучать

¹ Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999; Его же. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск, 2000.

человеческое поведение и его повседневные интерпретации социальной реальности»¹.

Социолог полагал, что мир состоит из *множества реальностей* — реальностей науки, религии, снов, искусства и т.д. Но *главной реальностью* является наша повседневная жизнь.

В работах А. Шютца речь идет об изучении *обыденного, повседневного знания*, исследовании того, как *эти знания социально распределяются* в конкретных группах людей в особой исторической и культурной обстановке и, конечно, того, как, полагаясь на эти знания, люди *конструируют социальную реальность*.

«Под термином «социальная реальность», — пишет А. Шютц, — я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции. Это мир культурных объектов и социальных институтов, в которых все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которой мы должны наладить взаимоотношения»².

Благодаря своему социологическому воображению А. Шютц первым предложил изучать то, как представители разных социальных групп через призму своего субъективного видения мира интерпретируют объективные объекты и явления, к каким потенциальным конфликтам ведет несовместимость множественных субъективно сконструированных образов социальной реальности.

Естественно, люди из разных социальных групп конструируют *свою* социальную реальность. К примеру, одно дело знание российской молодежи военных лет о таком социальном феномене как «немцы» и совсем другое представление об этом феномене у наших молодых современников.

Феноменологов интересуют не только эти очевидные различия, но и то, как реальность («немцы») конструируется, исходя из соответствующего знания и повседневных человеческих взаимодействий. Иначе говоря, социологи этой

¹ Шютц, А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное : Мир, священный смысл. М. : РОССПЭН, 2004. С. 35.

² Шютц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М. : МГУ, 1994. С. 485.

парадигмы занимаются изучением социальных интеракций и феноменов как «жизненного опыта» нашего сознания.

«Исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является перво-степенной задачей методологии общественных наук»¹.

Типизация и конструирование идеальных типов

Как же у людей складывается запас повседневного знания? С помощью каких методов его исследовать?

Согласно феноменологической традиции, индивиды входят в контакт с окружающим миром прежде всего посредством чувств — осязания, обоняния, слуха, зрения и вкуса. С их помощью *начинается* познание мира.

Однако простое наличие чувств недостаточно для осмысления мира. Если люди будут воспринимать их чувственные ощущения такими, какими они лежат на поверхности, то они столкнутся с неупорядоченной массой впечатлений от цветов, звуков, запахов, ощущений.

Чтобы разрешить эту проблему, люди организуют окружающий мир в явления, *классифицируют их чувственный опыт* в виде вещей, обладающими типичными характеристиками. *Используя типизации*, люди могут вступать в общее с другими людьми, будучи уверенными, что они видят мир таким же образом.

Постепенно член общества создает запас того, что А. Шютц назвал *знанием здравого смысла*, которое разделяют и другие члены общества, что позволяет им жить и общаться.

Знание здравого смысла, по А. Шютцу, состоит из *конструктов первого порядка* (идеальных типов) — обыденных интерпретаций социальных реалий.

Социолог считал, что эти конструкты первого порядка крайне важны для выполнения практических задач повседневной жизни. При этом А. Шютц особо подчеркивал, что знание здравого смысла не является раз и навсегда данным, неизменным. Напротив, знание здравого смысла постоянно изменяется в процессе интеракции. Социолог признает, что каждый индивид по-своему интерпретирует мир, воспринимая его несколько своеобразным образом, но запас зна-

¹ Шютц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М. : МГУ, 1994. С. 491.

ния здравого смысла позволяет понимать, по крайней мере, частично действия других.

На основе *интерпретаций и систематизаций* этих конструктов первого порядка социологи могут сформулировать *конструкты второго порядка* (идеальные типы научных понятий), составляющие собственно *научное знание*.

«"Скачок" в области теоретического мышления предполагает решение индивида приостановить свою субъективную точку зрения»¹ Так становится возможной объективная, рациональная наука о субъективном знании. Эта наука также включает и конкретные методы, приемы сбора информации о знании вообще и повседневном знании, в особенности.

Задача феноменологической социологии в представлении А. Шютца — получить упорядоченное, научное знание о совокупности объектов и событий внутри интерсубъективного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью и связанных друг с другом интеракциями. Скажем, мы хотим изучить социальную реальность современного российского общества, для чего необходимо *документально* зафиксировать представления людей, принадлежащих к разным социальным группам об окружающих их объектах и явлениях, интерпретировать и систематизировать их.

Понимание

Инновационное мышление позволило А. Шютцу вырабатывать свою *методологию понимания*, отличную от веберовской, хотя она также нацелена на «конструирование идеальных типов акторов».

В ее основе лежат определенные принципы, сформулированные в виде следующих четырех постулатов.

1. *Постулат релевантности* — проблема, однажды выбранная ученым, определяет систему координат и конструирует границы замысла, внутри которых могут строиться релевантные идеальные типы.

2. *Постулат адекватности* — каждое использованное понятие, относящееся к человеческому действию, должно быть построено так, чтобы человеческое действие, выполняемое в жизненном мире индивидуальным актором, было

¹ Шютц, А. О множественных реальностях // Шютц, А. Избранное: Мир, священный смысл / А. Шютц. — М. : РОССПЭН, 2004. С. 442.

обоснованным и понятным как для актора, так и для его спутника.

3. *Постулат логической консистентности* — система идеальных типов должна быть полностью совместима с принципами формальной логики.

4. *Постулат совместимости* — система идеальных типов должна содержать только научно проверяемые допущения, полностью совместимые со всем нашим научным знанием¹.

Интерсубъективный мир

Особенно ярко грани социологического воображения ученого проявились при исследовании понимания природы конфликтов социальных смыслов, возникающих при явном или латентном столкновении различных жизненных миров.

По мнению социолога, взаимодействие людей становится возможным, поскольку каждый индивид предполагает, что окружающие его видят социальные реалии, исходя из точно той же типизации объектов, что сами интерпретируемые объекты являются общими. Адекватная коммуникация, адекватное понимание возникают благодаря появлению общего для взаимодействующих *интерсубъективного мира*.

Интерсубъективный мир — это не частный мир, а общий, привычный социальный мир, который в конечном счете обусловлен *интеракциями между людьми*, принадлежащими к одной весьма узкой социальной группе, которую социолог называет «домашней» группой.

Но в сознании индивидов этот социокультурный мир выступает как мир объективный, независимый от них самих. При этом сами индивиды создают лишь определенное знание об интерсубъективном мире. В основном это знание (конструкты первого порядка) приобретает в ходе социализации благодаря взаимодействию с другими близкими членами «домашней» группы.

«Мир (и природный, и социальный), — пишет А. Шютц, — с самого начала является интерсубъективным... наше знание о нем так или иначе социализировано. Более того, социальный мир с самого начала является миром значений. Другой человек воспринимается не как организм, а как такой же

человек, а его явное поведение воспринимается не как событие в пространстве и времени внешнего мира, а как действия такого же человека, как и мы. Мы, как правило, “знаем”, что делает Другой, ради чего он это делает, почему он делает это именно в данное время и в данных конкретных обстоятельствах»¹.

Знание в «домашней» группе может иметь *частные компоненты*, которые своеобразны у каждого индивида.

Так, по А. Шютцу, запас повседневного знания, *детерминирован биографией индивида*. Социолог исходит из того, что в повседневной жизни каждый индивид вынужден осуществлять типизацию предметов и явлений вокруг себя, чем и определяется индивидуальный кругозор индивида, который социолог назвал *биографической ситуацией индивида*. В течение жизни человека его биографическая ситуация постоянно изменяется: число конструктов первого порядка постоянно увеличивается под влиянием как непосредственного восприятия мира, так и главным образом благодаря типизациям, накапливаемым с помощью языка. Биографическая ситуация, представляющая собой, по существу, осмысленный опыт человека, способствует накоплению знаний о мире, которые и позволяют индивиду понимать и интерпретировать социальные действия окружающий его людей.

И так как личный опыт и знания каждого человека уникальны, то, соответственно, неповторимы и его интерпретации жизненных реалий, которые биографически детерминированы. Как же в таком случае возможны взаимное понимание людей, сама их коммуникация?

«Мы» — группа и «Они» — группа

Однако в современном усложняющемся мире люди взаимодействуют не только с членами «домашней» группы. Все чаще имеет место взаимодействия представителей «Мы»-группы с многочисленными «Они»-группами.

Вот здесь-то, как правило, и *возникают конфликты социальных смыслов*. А. Шютц особо подчеркивает, что для типизации объектов и оценки социальных действий каждый индивид использует ту шкалу измерений, которая характерна для его «домашней» группы.

¹ Шютц, А. Социальный мир и теория социального действия // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 113.

¹ Шютц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М. : МГУ, 1994. С. 488.

Интерсубъективный мир одной «домашней» группы может существенно отличаться от интерсубъективного мира другой «домашней» группы. Отсюда и проистекает то, что индивид из одной социальной группы («домашней» группы) видит объекты иначе, чем человек из другой социальной группы. Именно благодаря интерсубъективности повседневное знание и жизнь индивидов одной группы отличается от других.

Так возникают различия между «Мы»-группа, в которой индивид чувствует себя как дома и «Они»-группами, что проявляется в виде явных или латентных конфликтов.

Эти различия между «Мы»-группа и «Они»-группами позволяют наблюдать эффект «прерывания постепенности» в социальной реальности. Он, в частности, проявляется при переходе индивида из одной социальной группы в другую — ему неизбежно приходится сталкиваться не только с иным социокультурным порядком, но и с тем, что члены новой группы руководствуются *своими знаниями, своими социальными смыслами*, имеют свою, специфическую шкалу измерения значений и типизации социальных объектов.

В социологии различия между «Мы»-группа и «Они»-группа (часто они просто называются «Мы» и «Они») трактуются как различия между *внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями*. Изучение пары противоположных отношений позволяет наблюдать «перерывы постепенности» в социальной реальности, сравнивать *разные самости*. Как считает А. Шютц, при переходе индивида из одной социальной группы в другую ему неизбежно приходится сталкиваться не только с иным социокультурным порядком, но и с тем, что члены новой группы руководствуются *своими знаниями*, имеют свою, специфическую шкалу измерения значений и социальных объектов. Для пришельца могут возникнуть и проблемные ситуации, и даже катаклизмы.

Отметим некоторые направления исследований, характерные для феноменологической парадигмы.

Интерсубъективный мир содержит знание, включающее и убеждения, и элементы веры, которые реальны в том смысле, что так их определяют сами участники интеракции определенной социальной группы.

Скажем, для некоторых племен, живущих сегодня в Австралии, колдовство не является обманом, а элементом их социальной реальности. Вследствие чего их обыденное

знание может представлять интерес для изучения, чтобы получить общее представление об их жизни.

Или — составить суждение о реалиях жизни в Советской России можно по документально зафиксированным знаниям людей того времени, принадлежавших к разным социальным группам, об окружающих их объектах и явлениях (дневники, кинофильмы, литературные произведения), а не по нашим современным знаниям — тому, как нам, «внешним» наблюдателям она кажется сегодня.

Проблема превалирующего мнения в демократическом обществе

А. Шютц считает, что весьма важным аспектом социального распределения знания является проблема *превалирующего мнения в демократическом обществе*.

Всякое знание, отмечает социологи, «приобретает дополнительный вес, если оно принимается не только нами, но и другими членами нашей мы-группы. Я считаю свои собственные впечатления несомненно правильными, если другие, кого я считаю компетентными, подтверждают то, что я обнаружил... Власть социально одобренного знания столь велика, что одобряемые всей группой способы мышления и действия, такие, как обычаи, нравы и привычки, просто считаются само собой разумеющимися»¹.

Проблема *содержания* социально одобренного знания, считает социолог, возникает из-за того, что, следуя формальным требованиям демократии, *превалирующим мнением* может оказаться мнение человека с улицы, а не мнение компетентного специалиста.

«Опросы, интервью, анкеты, — пишет он, — пытаются выявить мнение человека с улицы, которого не интересует ничто, выходящее за пределы его привычной системы внутренних релевантностей. Его мнение, являющееся общественным мнением в нынешнем понимании, получает все большее социальное одобрение в ущерб информированному мнению и поэтому навязывается как релевантное более информированным членам общества»².

¹ Шютц, А. Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания // Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 236.

² Там же. С. 237.

Естественно, это положение дел, считает А. Шютц, является свидетельством неверной интерпретации демократии как политического института. Полагаем, и в современном российском обществе имеет место абсолютизация результатов опросов людей с улицы.

Сказанное, отнюдь не означает, что можно вообще игнорировать мнение человека с улицы. Это мнение надо изучать, но в контексте того, как справедливо замечает А. Шютц, что «долг и привилегия хорошо информированного гражданина в демократическом обществе состоят в том, чтобы сделать свое мнение превалирующим над общественным мнением человека с улицы»¹.

12.3. Концепция дома

Что А. Шютц понимает под «домом»?

«Мы будем понимать под домом нулевую точку системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем... Символическая характеристика понятия “дом” эмоционально окрашена и трудна для описания. Дом означает различные вещи для разных людей. Он означает, конечно, отцовский дом и родной язык, семью, друзей, любимый пейзаж и песни, что пела нам мать, определенным образом приготовленную пищу, привычные повседневные вещи, фольклор и личные привычки, — короче, особый способ жизни, составленный из маленьких и привычных элементов, дорогих нам»². При этом социолог подчеркивает, что «дом означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое — для того, кто обитает вдали от него, и третье — для тех, кто в него возвращается»³.

Особый интерес для А. Шютца представляет проблема реадаптации индивидов к своей «домашней» группе после того, как они её покинули, какое-то время жили в иных социальных группах, неизбежно усваивая новые знания и новые измерительные линейки ценностей, типичные для этих групп.

¹ Шютц, А. Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания // Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 237.

² Шютц, А. Возвращающийся домой // Социс, 1995. № 2. С. 139.

³ Там же. С. 139.

Как складываются интеракции возвращающихся индивидов в свою родную «домашнюю» группу с самыми близкими им прежде людьми?

Проблема отнюдь не надуманная. Достаточно вспомнить нашумевший американский сериал «Рембо». Молодой, здравомыслящий американец, отмеченный всевозможными знаками отличия во время боевых действий во Вьетнаме, в *социокультурном плане* не может вернуться в свой прежний родной «дом»: по совершенно новым меркам знания (с позиций иных конструкторов первого порядка) он оценивает прежние социальные реалии и потому вступает в бесконечные конфликты с властями.

Сам А. Шютц столкнулся с этой проблемой ещё в молодые годы. Он принимал участие в боевых действиях в годы первой мировой войны и на себе испытал тяготы взаимонепонимания, трудности налаживания диалога с близкими людьми по возвращении домой. Возможно, именно этот личный опыт побудил его к серьезным научным исследованиям данной темы.

Прежде всего, А. Шютц отмечает, что положение возвращающегося отлично от положения чужестранца — последний готов к тому, что этот мир организован иначе, по сравнению с тем, из которого он прибыл. Возвращающийся же ожидает встретить то, что ему хорошо знакомо — людей, которые жили с ним в одном пространстве и времени. Их интересы и цели были понятны.

«Жить дома — это значит воспринимать другого как уникальную личность в живом настоящем, разделять с нею антиципации будущего в качестве планов, надежд и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны. Для каждого из партнеров чужая жизнь становится частью его автобиографии, элементом личной истории»¹.

Интерпретация объектов является общей для всех членов «домашней» группы: каждый индивид уверен, что он поймет других, а они — его. Даже какие-то инновации (болезнь, смерть) в условиях дома разрешаются рутинными способами.

Однако ситуация полностью меняется для покинувшего дом индивида. Солдат, ушедших на службу, нередко удивляют письма из дома — сказывается разрыв пространства

¹ Шютц, А. Возвращающийся домой // Социс, 1995. № 2. С. 140.

и времени со своей группой, что отражается на интерпретациях объектов и явлений, которые уже рассматриваются через призму *новой* «домашней» группы, *её иных* конструктов первого порядка, а также уникальной биографической ситуации солдата. С другой стороны, когда возвращающийся домой будет говорить о своей жизни на фронте, может оказаться, что его поступки покажутся близким людям величайшим героизмом, в то время как сам он их представляет борьбой за выживание или выполнением долга. И напротив: героизм может вовсе игнорироваться людьми дома.

Биографическая ситуация военной службы детерминирует *особое* восприятие социального мира солдатом.

А. Шютц замечает, что в гражданском обществе солдат вынужден выбирать свои цели и средства, но не может, как в армии, следовать авторитету или руководству. Поэтому он зачастую чувствует себя «как ребенок без матери». Для всех возвращающихся справедливо, что вернувшийся человек уже не тот, что был, ни для себя, ни для тех, кто ждал его возвращения.

«Здесь, — пишет А. Шютц, — оказывается под вопросом ни много, ни мало, как обратимость внутреннего времени. Эта та самая проблема, которую Гераклит выразил афоризмом о невозможности войти в одну и ту же реку дважды... Даже если мы возвращаемся домой после короткого перерыва, мы обнаруживаем, что старое, привычное окружение приобретает дополнительное значение, возникающее из нашего опыта в период отсутствия: вещи и люди, по крайней мере в начале, имеют другие облики. И требуется определенное усилие, чтобы трансформировать нашу деятельность в рутинное русло и реактивировать наши прежние отношения с людьми и вещами»¹.

В этом суть эффекта «прерывания постепенности» в социальной реальности, в основе которого лежат возникшие различия социальных смыслов, латентно порождающие социальную маргинальность.

Из сказанного социолог приходит к практическому выводу о том, что следует всех готовить к возвращению ветеранов в домашнюю группу.

«Через прессу и радио следует разъяснять домочадцам, что человек, которого они ждут, уже не тот, другой, и даже не такой, каким его воображают. Повернуть пропагандист-

скую машину в противоположном направлении, разрушить псевдотипы батальной жизни и жизни солдата вообще и заменить его на правду — не простая задача. Но необходимо уничтожить прославление сомнительного голливудского героизма и нарисовать реалистическую картину того, как эти люди думают и чувствуют, — картину не менее достойную и вызывающую к памяти. Поначалу не только родина покажет возвращающемуся домой незнакомое лицо, но и он покажется странным тем, кто его ждет»¹.

Из работы: А. Шютц. Возвращающийся домой²

Возвращающемуся домой дом показывает — по крайней мере вначале — непривычное лицо. Человек думает, что попадает в незнакомую страну, пока не рассеиваются облака. Но положение возвращающегося отлично от ситуации чужестранца. Последний должен присоединиться к группе, которая не является и никогда не была его собственной. Этот мир организован иначе, чем тот, из которого он прибыл. Возвращающийся, однако, ожидает вернуться в окружение, где он уже был, о котором он имеет знание, которое, как он думает, сумеет использовать, чтобы войти с ним в контакт. У чужестранца нет этого знания, — возвращающийся домой надеется найти его в памяти. Так он чувствует и испытывает типичный шок возвращающегося Одиссея, описанный Гомером.

... Возвращающиеся с войны ветераны — крайний случай, и он хорошо описан в литературе. Мы можем сослаться и на опыт путешественников, возвращающихся из зарубежных стран, и на эмигрантов, возвращающихся в родные края. Все они — примеры возвращающихся домой, и не на время, как солдат на побывку или студент на каникулы.

Что мы, однако, понимаем под домом? Дом — это то, с чего мы начинаем, сказал бы поэт. Дом — это место, куда каждый намерен вернуться, когда он не там, — сказал бы юрист. Мы будем понимать под домом нулевую точку системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем. Географически это определенное место на поверхности земли. Но дом — это не только пристанище: мой дом, моя комната, мой сад, моя крепость. Символическая характеристика понятия «дом» эмоционально окрашена и трудна для описания. Дом означает различные вещи для разных людей. Он означает, конечно, отцовский дом и родной язык, семью, друзей, любимый пейзаж и песни, что пела нам мать, определенным образом приготовленную пищу, привычные повседневные вещи, фольклор и личные привычки, — короче, особый способ жизни, составленный из маленьких и привычных элементов, дорогих нам...

¹ Шютц, А. Возвращающийся домой // Социс, 1995. № 2. С. 141.

¹ Шютц, А. Возвращающийся домой // Социс, 1995. № 2. С. 142.

² Там же.

Таков аспект социальной структуры домашнего мира для тех, кто в нем живет. Она полностью изменяется для того, кто покинул дом.

Он вступил в иное социальное измерение, не покрываемое системой координат, используемых как схема референции у себя дома. Он не испытывает в опыте живого настоящего многих социальных отношений, составляющих текстуру его домашней группы, в качестве их участника. В результате разрыва единства пространства и времени со своей группой, поле интерпретации, в котором другой проявляет себя, для него резко сужается. Персональность другого не воспринимается им как целостность: она дробится на части. Нет целостного переживания в опыте близкого человека: его жестов, походки, манеры речи. Остались лишь воспоминания и фотографии. Но есть такое средство коммуникации, как письма. Однако пишущий письмо обращается к тому типу адресата, который он оставил, уходя из дому, и адресат читает письма того человека, с которым он простился. Предполагается, что то, что было типичным в прошлом, будет типичным и в настоящее время, т.е. сохранится прежняя система релевантностей. Но в жизни обоих партнеров могут возникнуть инновации. Солдат нередко удивлялся письма из дома. Эта смена систем релевантностей коррелирует с изменением степени близости: домашняя группа продолжает существовать в повседневной жизни по привычному образцу. Конечно, сам образец тоже может изменяться. Но эти изменения медленные, к которым люди адаптируют свою систему интерпретаций, приспособлявая себя к изменениям. Иными словами, система меняется как целое, без разрывов и разломов. Даже в модификациях всегда есть заветование того, как совладать с жизнью, за исключением случаев насильственного разрушения в катастрофах или враждебных действиях. У отсутствующего всегда есть преимущества в познании этого всеобщего образца. Он может представить себе действия матери или сестры в той или иной ситуации, исходя из прошлого опыта, но они не могут иметь того же опыта в отношении жизни солдата на фронте. Правда, средства массовой информации, рассказы возвращающихся и пропаганда дают некоторую картину жизни на фронте, но эти стереотипы формируются не спонтанно, а направляются в военных и политических целях. Но ситуация солдата уникальна. Когда по возвращении он будет говорить о ней — если вообще заговорит, — то увидит, что даже симпатизирующие ему люди не понимают уникальности его индивидуального опыта, который сделал его другим человеком. Они будут стараться найти знакомые черты уже сформировавшихся типажей солдатской жизни на фронте. С их точки зрения, его жизнь на фронте лишь в незначительных деталях отличалась от того, что они читали в журналах. Так, может оказаться, что многие поступки, которые кажутся людям проявлением величай-

шего мужества, на самом деле для солдата в бою — лишь борьба за выживание или исполнение долга, в то время как другие многочисленные примеры самопожертвования и героизма остаются недооцененными людьми дома.

Несоответствие между уникальностью и важностью, которые отсутствующий приписывает своему опыту, и псевдотипизацией его людьми, оставшимися дома и приписывающими этому опыту псевдорелевантность, является одним из величайших препятствий для возобновления мы-отношений. Успех или неудача возвращающегося домой зависят от шанса трансформировать эти социальные отношения в возобновляющиеся. Но даже если подобное отношение и не превалирует, исчерпывающее решение этой проблемы остается недостижимым идеалом.

Но здесь оказывается под вопросом ни много, ни мало, как обратимость внутреннего времени. Это та самая проблема, которую Гераклит выразил афоризмом о невозможности войти в одну и ту же реку дважды и которую Бергсон анализировал как длительность: суть ее состоит в том, что прошлый опыт приобретает иное значение. Да и вернувшийся человек уже не тот: ни для себя, ни для тех, кто ждал его возвращения...

Во время войны служащие в вооруженных силах имеют привилегированный статус в обществе. «Все лучшее — нашим солдатам» — таков лозунг военного времени. И как гражданские смотрят на человека в военной униформе, так и он сам смотрит на себя, даже если выполняет незначительную работу в вооруженных силах. Но возвращающийся домой лишен униформы, а с нею — и привилегированного положения в обществе. Это не означает, конечно, что он лишается престижа защитника родины, однако история показывает, что преувеличенное долголетие не сопутствует памяти о славе.

Сказанное ведет к практическим выводам. Много сделано, но еще больше предстоит сделать, чтобы подготовить возвращающегося домой ветерана к необходимости прилагивания к дому... Поначалу не только родина покажет возвращающемуся домой незнакомое лицо, но и он покажется странным тем, кто его ждет. И те, и другие должны быть мудры.

12.4. «Мы» и «Они» в российском обществе: кейс-стади

Разумеется, феноменологическая социология А. Шютца не ограничивается возможностями исследования поведения военнослужащих, эмигрантов, путешественников или чужестранцев. Её теоретико-методологический инструментарий может быть использован и для более масштабных исследований.

Так, ныне в России идет бурный процесс образования все новых социальных групп, каждая из которых имеет *свои* знания социальной реальности, которые подчас несовместимы друг с другом. И эта несовместимость множественных «Мы» и «Они» представляет нынешнюю социальную реальность.

Особенно это касается коллективных представлений различных социальных групп.

Так, если в советское время патриотизм считался само собой разумеющейся, самоочевидной реальностью для *всех*, то ныне ту или иную форму патриотизма довольно трудно поддерживать в качестве *общего* знания. Многочисленность представлений патриотизма создает основу для относительности его содержания, и данный феномен утрачивает положение само собой разумеющейся реальности.

Феноменологическая парадигма позволяет также изучать, как представители разных социальных групп через призму своих знаний интерпретируют объекты и явления, к каким потенциально социальным действиям ведет несовместимость множественных образов социальной реальности, как сами люди, исходя из своей социализации, существующих социокультурных ценностей, определяют своё имущественное положение, отношение к социально престижным статусам и в целом социальное положение.

Скажем, в советские времена многие граждане, особенно партийно-государственные работники, относили себя к считавшейся в то время престижной социально-этнической группе — «рабочие». Значит, субъективные представления о своей социальной принадлежности могут принимать вполне *реальные очертания* в повседневной жизни.

Феноменологи исходят из того, что, начиная с детства, по мере усвоения социокультурных ценностей у индивидов складывается определенное видение себя в «домашней» социальной группе и определенное представление об этой группе. Эта группа видится как некое «Мы» в противоположность тому, что где-то есть другие люди — «Они», — у которых свой мир, своя жизнь.

В сопоставлении своего «Мы» с другими «Они» вырабатывается *социальная самоидентификация индивидов*. Социальная самоидентификация формируется стихийно в процессе социализации у каждого человека и впоследствии так или иначе влияет на выбор жизненных стратегий, на степень готовности людей к взаимодействию с представителями

других социальных групп, включая «чужаков», приехавших к нам в силу тех или иных жизненных обстоятельств.

Явные и латентные конфликты социальных смыслов проявляются в случае, когда «чужак» предпринимает попытку истолковать социальные смыслы культурных образцов социальной группы, с которой он сближается.

По А. Шюц, главным критерием чужака служит отсутствие *прошлого опыта социализации* с членами принимающей группы.

Чужак — человек, «которому приходится ставить под сомнение едва ли все, что членам той группы, с которой он сближается, кажется несомненным... В лучшем случае, он может быть готов и способен разделить с новой группой в живом и непосредственном опыте общее настоящее и будущее; однако при любых обстоятельствах он остается исключен из аналогичного общего переживания прошлого. С точки зрения принимающей его группы, он — человек, у которого нет истории»¹.

У такого человека неизбежно возникают конфликты социальных смыслов с представителями принимающей группы, и социолог раскрывает их причину: «чужак естественным образом начинает интерпретировать новую социальную среду в категориях своего привычного мышления... Чужака упрекают в неблагодарности, поскольку он отказывается признать, что культурный образец дарит ему кров и защиту. Однако эти люди не понимают, что чужак, пребывающий в состоянии перехода, вообще не воспринимает этот образец как кров, да еще дающий защиту; для него это лабиринт, в котором он потерял всякое чувство ориентации»².

Разве мы ежедневно не сталкиваемся с тем, что кое-кто говорит и действует, исходя из своей принадлежности к определенному «Мы». В зависимости от характера доминирующих социокультурных ценностей в сознании индивидов это отношение может быть самых разных оттенков — уважительное, боязливое, высокомерное, враждебное.

Так, ещё недавно виноватыми во всех наших проблемах были «Они — буржуи». Дух отношения к «Они» прекрасно выражен у В. Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй».

¹ Шюц, А. Чужак. Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. С. 539.

² Там же. С. 539, 547.

Социологические исследования свидетельствуют, что до сих пор в определенных социальных группах страны остается нетолерантное отношение к богатым людям — бизнесменам, предпринимателям, отчасти фермерам.

Однако характер взаимоотношений «Мы» и «Они», конечно, постепенно меняется при изменении социокультурных ценностей: массовое сознание постепенно свыкается с тем, что в российском обществе становится все больше богатых людей.

Социологические исследования свидетельствуют, что показатели толерантности к богатым колеблются прежде всего в зависимости от самооценки изменения своей жизненной ситуации в ходе реформ. Так, среди выигравших 35% хорошо относятся к увеличению числа богатых, тогда как среди проигравших — лишь 4,5%. Самый высокий уровень толерантности к богатым демонстрируют предприниматели (26%), учащиеся (19%), военнослужащие и студенты (15–16%), гуманитарная интеллигенция (12%). Самый низкий — городские пенсионеры, рабочие, ИТР, работники торговли, служащие (на уровне 7%)¹.

По мнению феноменологов, объективные факторы хотя и влияют на формирование классов и социальных групп, но *субъективная* социальная самоидентификация индивидов играет значительно большую роль при формировании социальных действий и интересов, социальных жизненных стратегий. Поэтому весьма значимым для общества является то, как политическая элита, представляющая государство, интерпретирует интересы конкретных социальных групп, оказывая тем самым огромное влияние на коллективную субъективную социальную самоидентификацию людей.

Если в недавнем прошлом всячески возвеличивались «особые интересы» рабочего класса, как «интересы социального прогресса» (отнюдь не случайно многие относили себя к рабочим), то теперь взят иной крен — насыщение рынка товарами, политическая демократия ассоциируется с борьбой класса предпринимателей за власть. Не способствует формированию толерантного сознания и отсутствие должной поддержки обедневшим согражданам. Не менее важно и то, что люди, оказывающиеся в «низших» социальных

¹ Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004). Аналитический доклад. М. : АИРО-XX, 2005. С. 63.

группах, как правило, менее способны к выбору активных жизненных стратегий, полагая, что такое социальное поведение «не для них».

Во многих учебниках и учебных пособиях вы встретитесь с суждениями о том, что феноменологическая социология А. Шютца является парадигмой, исследующей социальные реалии на *микроуровне*. Безусловно, это так.

Но не только. Другие исследователи творчества этого социолога не без основания отмечают, что данная парадигма позволяет *диалектически* исследовать процессы, как на *микро*, так и на *макро* уровнях.

Представляется, вторая позиция более правильная. В самом деле, характер интерсубъективных миров, отношений «Мы» и «Они», несомненно, влияет на макро социальные структуры общества, на их функционирование. По результатам исследования интерсубъективных миров конкретных социальных групп можно сделать представления об общественном сознании в целом.

Богатство социологического воображения А. Шютца было по достоинству оценено социологами, его последователями. Теоретико-методологический инструментарий феноменологической социологии задействован весьма широко: в этнометодологии Г. Гарфинкеля, драматургической социологии Э. Гоффмана, социологии знания Т. Лукмана и П. Бергера, структуралистского конструктивизма П. Бурдьё и других теориях.

Основные термины и выражения

Дом — home — по А. Шютцу — нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем. «Дом означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое — для того, кто обитает вдали от него, и третье — для тех, кто в него возвращается».

Жизненный мир — life-world / нем. Lebenswelt — 1) по Э. Гусерлю — сознание включает два компонента: намеренность действия и внутреннюю субъективность разделяемых жизненных реалий, которые, взятые вместе, определяют характер восприятия людьми мира; 2) по А. Шютцу — мир интерсубъективный, в котором люди как создают социальную реальность, так и сами формируются под влиянием социокультурных реалий, созданных предыдущими поколениями.

Интерсубъективный мир (интерсубъективность) — intersubjectivity — по А. Шютцу — общий, привычный социальный мир,

который обусловлен интеракциями между людьми, принадлежащими к одной весьма узкой социальной группе.

Конструкты второго порядка — second order constructs — по А. Шютцу — идеальные типы научных понятий, составляющие собственно научное знание.

Конструкты первого порядка — first order constructs — по А. Шютцу — обыденные интерпретации социальных реалий, их идеальные типы.

«Мы»-группа — «We»-group — группа, для которой характерны сильные внутригрупповые связи и, следовательно, общий «домашний мир».

«Они»-группа — «They»-group — группа, представители которой имеют иной субъективный мир и потому выступающие как «иные» по отношению к собственной группе.

Повседневное знание — everyday knowledge — в феноменологии — первооснова интерсубъективного мира и теоретических абстракций.

Феноменологическая социология — phenomenological sociology — социология, занимающаяся проблемами осмысления социальной реальности, изучает то, как индивиды в процессе взаимодействия конструируют социальную реальность.

Чужак — stranger — по А. Шютцу — взрослый индивид, «пытающийся добиться постоянного признания или, по крайней мере, терпимого к себе отношения со стороны группы, с которой он сближается».

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Не приходилось ли вам сталкиваться со следующей ситуацией? В школе у вас был очень близкий друг (подруга). Вы понимали друг друга без слов, могли часами быть вместе. Но по окончании школы ваши пути разошлись. И вот через 2–3 года вы неожиданно встречаетесь вновь. Однако после радости встречи вы вдруг неожиданно для себя замечаете, что говорить — то вам не о чем. Как вы это объясните?

2. 11 сентября 2001 года Америка подверглась беспрецедентным террористическим атакам. Однако восприняты они были далеко не однозначно: в одних регионах мира люди выражали боль и скорбь, а в других — откровенно радовались случившемуся.

3. Как вы это объясните с позиций феноменологической социологии? Можно ли терроризм победить только силовыми и экономическими акциями? Что, по-вашему мнению, нужно предпринять, чтобы в мире постепенно формировались более толерантные отношения между многочисленными «Мы» и «Они»?

4. Сегодня и в мире, и в России обострились национальные конфликты. В чем вы видите основные причины тому? Аргументируйте ваш ответ с позиций марксистской, структурно-функционалистской и феноменологической парадигм.

5. Как вы полагаете, какое должно отводиться место мнению человека с улицы в социально одобряемом знании в современном российском обществе?

6. Изменились ли место и роль «чужака» в современном глобализирующемся мире?

Семинар «Феноменологическая социология А. Шютца»

1. Феноменология и социология. Основы феноменологического анализа Э. Гуссерля.

2. Предмет феноменологической социологии.

3. «Концепция дома».

4. Мы-группа и «Они»-группа. «Чужак».

Литература

1. Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.

2. Батыгин, Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.

3. Бауман, З. Мыслить социологически / З. Бауман. — М. : Аспект-Пресс, 1996.

4. Бергер, П. Приглашение в социологию / П. Бергер. — М. : Аспект Пресс, 1996.

5. Воронцов, А. В. История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Глов. — М. : Юрайт, 2013.

6. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004). Аналитический доклад. — М. : АИРО-XX, 2005

7. Григорьев, Л. Г. Социология повседневности А. Шютца / Л. Г. Григорьев // Социс. — 1988. — № 2.

8. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Э. Гуссерль. — М., 1999.

9. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Минск, 2000.

10. Давыдов, Ю. Н. Социологический радикализм и феноменологическая социология. Т. 4 / Ю. Н. Давыдов. — СПб. : РХГИ, 2000.

11. Ионин, Л. Г. Возникновение и развитие феноменологической социологии. А. Шюц и этнометодология / Л. Г. Ионин // История теоретической социологии. Т. 3. — М. : Канон, 1998.

12. Ионин, Л. Г. Понимающая социология / Л. Г. Ионин. — М. : Наука, 1978.

13. *Климова, С. Г.* Критерии определения групп «мы» и «они» / С. Г. Климова // Социс. — 2002. — № 6.

14. *Климова, С. Г.* Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» / С. Г. Климова // Социс. — 2000. — № 12.

15. *Козлова, Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н. Н. Козлова. — М. : ИФ РАН, 1996.

16. *Кравченко, С. А.* Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.

17. *Кукушкина, Е. И.* История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.

18. *Смирнова, Н. М.* От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» / Н. М. Смирнова. — М. : ИФ РАН, 1997.

19. *Смирнова, Н. М.* От трансцендентальной феноменологии к феноменологии социальной реальности: мировоззренческие основания «великого синтеза» / Н. М. Смирнова // Феноменологические исследования. Российско-американский ежегодник. № 2. — Владимир — Belmont, 1998.

20. Современная американская социология. — М. : МГУ, 1994.

21. *Шютц, А.* Возвращающийся домой / А. Шютц // Социс. — 1995. — № 2.

22. *Шютц, А.* Смысловая структура повседневного мира / А. Шютц. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

23. *Шютц, А.* Социальный мир и теория социального действия // А. Шютц. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

24. *Шютц, А.* Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания // А. Шютц. Смысловая структура повседневного мира / А. Шютц. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

25. *Шюц, А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

26. *Шюц, А.* О множественных реальностях // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

27. *Шюц, А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

28. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // А. Шюц // Американская социологическая мысль: Тексты. — М. : МГУ, 1994.

29. *Шюц А.* Чужак. Социально-психологический очерк // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

30. *Ferguson, H.* Phenomenology and Social Theory / H. Ferguson // Handbook of Social Theory / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.

31. *Ritzer, G.* Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.

32. *Rogers, M.* Alfred Schutz / M. Rogers // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

33. *Schutz, A.* On Phenomenology and Social Relations / A. Schutz. — The University of Chicago Press, 1970.

Идейно-теоретические источники и новые подходы

Понятие «социология знания» было введено в научный оборот немецким социологом Максом Шелером в 1924 г., который с феноменологических позиций рассматривал идею ментального мира, как имеющего *свою имманентную логику развития*. Примерно с этих же позиций определенный вклад в социологию знания внес другой немецкий социолог Карл Шмитт¹, изучавший политическую теологию. Феноменологическая социология А. Шютца изучала жизненные миры людей, то, что люди с позиций своего знания определяли как «реальность»².

Еще до возникновения самого понятия «социология знания» проблематикой идей, в частности, идеологией и утопией занимался К. Маркс, который подходил к их анализу с *историко-материалистических позиций*. В его представлении идеология — ложное сознание, дающее извращенное, искаженное представление об обществе, что обусловлено прежде всего спецификой исторического типа материального производства.

Однако именно К. Маннгейм способствовал становлению социологии знания как *самостоятельной* парадигмы. Он сыграл ключевую роль в институционализации этого социологического поля. При этом социолог попытался своеобразно *интегрировать* феноменологический и марксистский подходы, соединить идеальное и реальное, утверждая, что знание не может быть самим по себе, представляя «универсальные истины», *оно зависит от общественного бытия* (здесь социолог использует тезис К. Маркса), *всегда обусловлено историко-временным контекстом, на него влияют социальные и культурные факторы*.

«Социология знания, — пишет он, — стремится понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, в рамках которой лишь постепенно воз-

Глава 13

К. МАННГЕЙМ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

Карл Маннгейм (Мангейм, Манхейм) (*Mannheim*) — немецкий социолог венгерского происхождения, один из создателей социологии знания, родился в Будапеште в 1893 году. На его профессиональную карьеру наложил статус беженца. Образование получил в Будапештском и Берлинском университетах. Его непосредственными научными наставниками были Г. Зиммель, А. Вебер (младший брат М. Вебера), Д. Лукач.

Под влиянием последнего вступил в коммунистическую партию, участвовал в становлении Венгерской Советской Республики в 1919 году. После ее падения началась первая эмиграция социолога — он переехал в Германию и больше никогда не занимался политикой, всецело посвятил себя науке.

До 1933 г. Маннгейм преподавал во Франкфуртском университете. Приход фашистов к власти вынудил социолога переехать в Англию, где он стал преподавать в Лондонской школе экономике, а затем в Лондонском университете.

Основные работы социолога: «Проблемы социологии знания», «Проблема поколений», «Идеология и утопия», «Проблемы социологии в Германии», «Социология знания», «Проблема поколений: эссе о социологии знания», «Консервативная мысль», «Свобода, власть и демократическое планирование», «Человек и общество в эпоху преобразования» и др.

Маннгейм родился с пороком сердца, от чего всю жизнь серьезно болел. Умер социолог от сердечного приступа в 1947 году.

¹ Шмитт, К. Политическая теология. М. : «КАНОН-пресс-Ц», 2000; Его же. Диктатура. СПб.: Наука, 2005.

² Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

никает индивидуально-дифференцированное мышление»¹ (здесь и далее сохранено написание фамилии социолога по конкретному изданию).

Разумеется, К. Маннгейм критически подошел к наработкам своих предшественников. Он не принял однозначное суждение К. Маркса об идеологии как *искаженном* представлении о социальной реальности, считая, что идеи, будучи обусловленными *конкретными* секторами социальной жизни, всегда являются *ограниченными* историческим и социальным контекстом. Ясно, что искажение имеет общественно *негативный* смысл, в то время как ограниченность *нейтральна*, она неизбежно вытекает из конкретного контекста.

Кроме того, если, по К. Марксу, идеологии являются продуктом классов, особенно господствующих классов, то, по К. Маннгейму, они имеют более широкие источники — ими могут быть поколения, профессиональные и статусные группы, в частности, женщины. Все эти и возможные другие социальные группы имеют специфическое социальное и культурное существование, они по-своему взаимодействуют друг с другом и, соответственно, у них складывается своеобразное знание и мышление.

В свою очередь, у этих социальных групп существуют внутригрупповые различия в сфере знания, мышления и поведения.

Так, в рамках одного поколения могут существовать достаточно различные группы. Различия в знании и мышлении особо проявляются в профессиональных группах. Поэтому социологу, считает К. Маннгейм, необходимо представление не только об усредненном знании в обществе, но и о его *дифференциации* и *специфике*.

Он отмечает, что социальные группы не однородны, поэтому их деятельность и мышление своеобразно: «В соответствии со специфической коллективной деятельностью, в которой участвуют люди, они склонны различным образом видеть окружающий их мир»².

Даже религиозное знание имеет свою специфику у разных социальных слоев. «Заслуга Макса Вебера состоит в том, — отмечает К. Маннгейм, — что в своей социологии религии он

отчетливо показал, как одна и та же религия зачастую различно воспринимается крестьянами, ремесленниками, торговцами, знатю и интеллигенцией»¹. Знание разных социальных слоев в контексте их социальной мобильности также является предметом социологического изучения.

Среди других источников социологии знания сам К. Маннгейм называет Ф. Ницше, З. Фрейда, В. Парето, которые рассматривали фактор бессознательного в человеческом мышлении, его роль в производстве знания.

По К. Маннгейму, предметом социологии знания являются *все системы идей, воспроизводящиеся жизненными условиями конкретных социальных групп*. Эта парадигма изучает *взаимоотношения между знанием людей и условиями их существования*, стремится разработать учение об «экзистенциальной обусловленности знания».

При этом, подчеркнем, социолог далек от механистического детерминизма, будто характер знания всецело определяется средой существования, заявляя, что только эмпирические исследования может выявить *степень* этого взаимоотношения и *характер* самого знания. Они имеют тенденцию постоянно изменяться под влиянием социальной мобильности, что в итоге увеличивает *многообразие знания*.

Поэтому предмет социологии знания является *исследование изменение знания и мышления в контексте социальной динамики*.

«Господствующую в статичном обществе иллюзию, согласно которой все может измениться, но мышление остается вечно неизменным, разрушает ускорение социальной мобильности, — отмечает К. Маннгейм. — Более того, два вида социальной мобильности, горизонтальная и вертикальная действуют различным образом, способствуя обнаружению многообразия стилей мышления»².

Специфика социологического воображения ученого в том, что он создал инструментарий, позволяющий исследовать *дифференциацию* и *динамику* знания, его *амбивалентные последствия*.

Как считал социолог, *горизонтальная мобильность* (перемещение индивида или группы в рамках однородной социальной структуры без изменения социального статуса) ведет

¹ Маннгейм, К. Идеология и утопия // Карл Маннгейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 8—9.

² Там же. С. 9.

¹ Маннгейм, К. Идеология и утопия // Карл Маннгейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 12.

² Там же.

людей к осознанию того, что другие люди мыслят и действуют *иначе*, что есть *другое* знание. Это другое знание воспринимается как странность, заблуждение или ересь. Пока традиции национальных и локальных групп не нарушены, связь с привычным типом мышления остается весьма прочной и поэтому *их* знание не подвергается сомнению.

Иная ситуация складывается в условиях *вертикальной мобильности* (перемещение в социальной структуре с повышением или понижением социального статуса). Здесь, как правило, возникает *кризис* существующего знания, и индивид (группа) изменяет свое знание вплоть до усвоения иного представления о мире.

Инновационность мышления ученого в том, что он речь ведет не просто о *кризисе* знания, а о *кризисах* знания, имеющих *разную* природу, но обусловлены *усложняющейся* социальной и культурной динамикой. Подобного рода *кризисы знания*, которые неизбежно возникают в обществе также являются предметом изучения социологов, работающих в данной парадигме.

Кризисы знания имеют и другую причину: изменяются исторические условия, возникают новые социальные и культурные реалии — изменяется и само знание. Как это не парадоксально, но демократизация общества может повлечь за собой кризис знания вплоть до переосмысления мира.

«Процесс демократизации, — пишет социолог, — создает возможность того, что образ мышления низших слоев, не имевший ранее общественной значимости, теперь впервые обретает значимость и престиж... Методы мышления и идеи низших слоев впервые могут быть противопоставлены идеям господствующего слоя на равном уровне значимости, и только теперь эти идеи и формы мышления могут заставить человека, мыслящего в их рамках, подвергнуть фундаментальному переосмыслению объекты своего мира»¹.

В связи с этим К. Маннгейм обосновывает принцип *релятивизма знания*, согласно которому не может быть абсолютных истин, позволяющих давать определенные ценностные суждения о конкретных социальных и культурных явлениях, представляя их «правильными» или «неправильными».

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 13.

«Социология знания, подчеркивает социолог, является *систематизацией* того сомнения, которое в общественной жизни находит свое выражение в ощущении смутной неуверенности и неустойчивости»¹.

Исходя из этого принципа, К. Маннгейм призывал социологов к *динамичному мышлению*, отмечая, что оно не сводится к *нигилизму*, отрицанию знания вообще.

Из маннгеймовской трактовки данного принципа следует, что в одно и то же время могут сосуществовать *разные формы знания*, обусловленные исторически сложившимся соотношением социальных позиций. При этом одни формы знания более или менее адекватно отражают существующие реалии, другие же — не изменились под влиянием трансформации среды и не способны адекватно интерпретировать социум.

Релятивизм знания имеет *социальную и экзистенциальную обусловленность*. Социолог подчеркивает: «Подход к проблеме, плоскость, в которой ставится проблема, уровень абстракции, а также конкретизации, к которому в каждом данном случае стремится исследователь, — все это обусловлено *социально и экзистенциально*»².

Здесь возникает весьма трудная проблема амбивалентности многообразия знания: с одной стороны, сама динамика социума обуславливает сосуществование разных, подчас конкурирующих форм знания, а с другой — как сохранить собственно научность в «систематизации сомнений», где же критерии достоверности знания, каковы методы его анализа?

Социолог применяет неординарное мышление, чтобы выйти из этой непростой ситуации.

Критерии достоверности знания и методы его анализа

Ко *всем* формам знания, включая *ложное сознание*, К. Маннгейм подходит исторически и с позиций *экзистенциального существования его носителей*, а также с позиций *динамики системы ценностей*, применительно к которой определяется истина или ложь.

Социолог считает, что «причиной «односторонности» и «ложности» является не намерение скрыть подлинную ситуацию, а различие в структуре сознания различных

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 49.

² Там же. С. 232.

по своему положению в социально-исторической сфере субъектов»¹. Именно под влиянием этих факторов на протяжении человеческой истории *критерии истинности знания* *менялись неоднократно*.

Изначально в поисках истины люди обращались к Богу. Затем к идеям, основанным на чистом созерцании. Далее, критерием истины все более становятся «законы» бытия. В марксизме этот критерий дополнялся методом разоблачения идей противника как «идеологических», т.е. ложных.

Подвергая критике все эти подходы, К. Маннгейм отмечает, что знание становится ложным, извращенным, когда оно, не зависимо от искренних намерений интерпретаторов или их социальной позиции, не может достоверно отображать социальные явления.

«С того момента, когда в принципе все партии обретают возможность анализировать мысль противника в аспекте ее идеологичности... проблема ложного сознания, проблема действительного и пр. обретают совершенно новый смысл» — необходимо обладать, продолжает социолог, — «достаточным мужеством для того, чтобы подвести под понятие идеология не только позицию противника, но и все возможные позиции, в том числе и свою собственную»².

Это воистину неординарная мысль включает *самокритику* собственной позиции: необходимо в принципе «отказаться в своем исследовании идеологии от стремления к “разоблачению” (это тем более необходимо, что для разоблачения чужой позиции необходимо абсолютизировать собственную)»³. И далее: «вообще не ставится вопрос о “правильности” рассматриваемых “идей”, а в каждом данном случае все дело сводится к установлению связей, существующих между структурой сознания и социальной ситуацией»⁴.

Еще один методологический принцип социологии знания состоит в том, что необходимо «оставить в стороне проблему истины в ее абсолютном смысле и исходить из той ситуации, которая сложилась в современной науке, т.е. из того факта, что в настоящее время и в историческом прошлом выяви-

лись те связи, которые никогда раньше не прослеживались с такой полнотой»¹.

В этом контексте социология знания представляет собой инструментарий *познания динамичной жизни*, и социолог, соответственно, с позиций своего инновационного мышления обосновывает *критерии* валидности *динамичного* знания. Их несколько и они работают лишь в системе.

Среди них:

— наличие *эмпирического материала*, позволяющего, в частности, выявлять меру соответствия социологического инструментария тому, что исследуется, измеряется. Социолог отмечает: «развитие теоретических наук непосредственно зависит от развития наук эмпирических»²;

— необходимо использовать *академическую интерпретацию* эмпирического материала. «В каждом обществе есть социальные группы, главная задача заключается в том, чтобы создать для данного общества интерпретацию мира». Что *особенно важно* при этом — характерной чертой их мышления является «относительная отдаленность от открытых конфликтов повседневной жизни», т.е. оно «академично»³. Социолог верит в особые способности интеллигенции, которая потенциально может освободиться от привязанности мышления к своему экзистенциальному существованию и тем самым адекватно интерпретировать реалии, по крайней мере, в определенный исторический отрезок времени;

— ликвидация монополии церковной интерпретации мира и конкуренция интеллектуалов в отстаивании различных идей: «Каждая оппозиционная группа получила возможность открыто заявить о своих, противоположных существующим смысловых значениях, соответствующих ее собственному пониманию мира. Тот, кто для одних был королем, был для других тираном»⁴;

— необходимо выявлять базовые ценности, а также латентные мотивации, стоящие за ними, которые представляют *коллективное бессознательное*: «Исследование объекта не есть изолированный акт; оно происходит в определенном

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 220.

² Там же. С. 70–71.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 73.

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 76.

² Там же. С. 241.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 25.

контексте, на характер которого влияют ценности и коллективно-бессознательные волевые импульсы»¹;

— учет фактора коллективности знания, включающего компонент бессознательного: «Знание является по своей сущности знанием коллективным (мышление одинокого индивида — лишь частный случай, возникающий на поздней стадии развития), оно предполагает наличие некоего совместного знания, вырастающего прежде всего из совместного переживания, подготовленного в сфере бессознательного»²;

— важным методом разоблачения односторонности знания является *политическая дискуссия*: «Политическая дискуссия с самого начала есть нечто большее, чем теоретическая аргументация; она срывает маски, открывает неосознанные мотивы, связывающие существование группы с ее культурными чаяниями и теоретической аргументацией»³.

— учет значимости *теологического знания*. Хотя оно не способно схватывать социальные инновации, тем не менее, теологические истины содержат интуитивные прозрения и глубокие метафизические догматы, указывают *гуманные направления*, по которым следует оценивать добываемые знания;

— необходимо принять во внимание знание группы, являющейся своеобразной социальной матрицей современной жизни. Знание группы, разумеется лишь *часть* социального знания. Но оно представляет своего рода *документ*, по которому можно сделать представление о духе эпохи в целом;

— следует рассмотреть знание как *функцию* социального мира. Это предполагает использование своеобразного метода, согласно которому анализ идей и мнений осуществляется «не посредством прямого понимания», а «обходным путем»: основан «не на их имманентной сущности, а на социальном положении субъекта, что мы интерпретируем их как функции его социального бытия»⁴.

— необходимо принять во внимание, что «значение социального знания увеличивается пропорционально необходимости вмешательства в социальный процесс и его регулирования»⁵. Из этого следует, что по функции знания

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 15.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 7–8.

можно судить о характере социальных структур и о мире в целом;

— наконец, социологическим компонентом критерия истины социолог называет «демократическое требование общезначимости»¹. Представляется, сегодня социолог бы особо отстаивал бы значимость данного критерия в контексте предпринимаемых попыток нигилистического пересмотра истории Второй мировой войны.

Амбивалентность последствий многообразия систем знания

Есть и другая весьма трудная проблема амбивалентности многообразия знания: это *конкретные последствия* для социума данного процесса. И в этом случае социолог проявляет неординарность своего социологического мышления и воображения.

С одной стороны, демократическое общество предполагает наличие разных *конкурирующих* систем знания. Конкуренция знания, считает социолог, выступает «в качестве движущего импульса» в различных интерпретациях мира.

Однако, с другой стороны, *слишком большое их количество* может стать фактором социального напряжения и конфликтов. У людей возникает проблема *выбора* конкретного знания, его неопределенность может привести к аномии. «Чрезмерное количество противоречивых источников, из которых в одном и том же обществе возникают различные смысловые значения применительно к данному объекту, ведет в конечном итоге к распаду любой системы смысловых значений вообще»². Тому способствует и плюрализация ценностей, происходящая без необходимой новой системы регулирования этих ценностей.

«Рано или поздно все станут неврастениками, поскольку затруднен разумный выбор в хаосе противоречивых и непримиримых ценностей... — отмечает К. Маннгейм. — Невозможно представить себе человека, живущего в полной неуверенности и с неограниченным выбором»³.

Более того, борьба социальных групп, связанная с разоблачениями ложного сознания латентно ведет не к истине,

¹ ТМанхейм К. Диагноз нашего времени // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 143.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 436.

а к иррационализации общественной жизни вообще. «Процесс выявления проблематичных элементов мышления, который латентно шел с начала Нового времени, завершился крахом доверия к мысли вообще. То обстоятельство, что все большее количество людей ищет спасения в скептицизме и иррационализме, отнюдь не является случайным, более того, оно неизбежно»¹.

Все эти проблемы входят в предмет социологии знания.

13.2. Идеология и утопия

Оценка идей и мнений через призму специфики мышления и знания

В самом общем виде *идеология*, по К. Маннгейму, — отражение современной действительности правящими социальными группами, которое своими корнями уходит в систему идей, относящуюся к прошлому. При этом социолог выделяет два типа идеологии — *частичная идеология* и *тотальная идеология*.

Понятие частичной идеологии означает то, что «мы не верим *определенным* «идеям» и «представлениям» противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизводство которых не соответствует его интересам. Здесь речь может идти о целой шкале определений — от сознательной лжи до полусознательного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана»².

Это понятие рассматривает *часть* высказываний противника в аспекте содержания, т.е. ложь может быть выявлена и источники обмана в принципе устранены, ибо ложь не касается всей структуры мышления.

Тотальная же идеология представляет собой «идеологию конкретной исторической или социальной группы (например, класса) имея в виду своеобразие и характер всей структуры сознания этой эпохи или этих групп»³. Это означает, что определенная группа людей мыслит в одних категориях, а мы в других, т.е. «определенному социальному положению

соответствуют *определенные* точки зрения, методы наблюдения, аспекты»¹. Поэтому анализ тотальной идеологии не предполагает подозрение во лжи.

Утопии интерпретируют настоящее через призму будущего. «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием»»². Утопии, как правило, порождены сознанием угнетенных классов и маргинальных групп: «Определенные угнетенные группы, — отмечает социолог, — духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание»³.

Поэтому всегда есть конфликт интересов между теми, кто придерживается идеологии и теми, кто отстаивает утопические идеи.

Идеологии служат защите и поддержанию существующего социального порядка. Утопии, напротив, стремятся к подрыву его основ. Утопию может создать даже отдельно взятый индивид, обладающий харизмой. Но чтобы сохранить свое существование утопическое знание должно касаться реальных общественных проблем и потому быть связанным с конкретной социальной группой.

Идеологии и утопии представляют собой искажение социальной реальности, ибо их представители отстаивают одностороннюю правоту знания своей группы, выдавая абсолютизируемую часть за социальное знание в целом. В связи с этим задача социологов, считает К. Маннгейм, снять маску с идеологии и утопии. Отсутствие принципиальных различий между идеологией и утопией позволяет последней превращаться в идеологию с приходом угнетенных групп к власти.

Важно заметить и то, что к анализу утопий социолог подходит с позиций принципа релятивизма знания. Из него, в частности, вытекает, что «конкретное определение утопического всегда связано с определенной стадией в развитии бытия, *утопии сегодняшнего дня могут стать действитель-*

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 41—42.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 57.

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 58.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 40.

ностью завтрашнего дня»¹. Так, в свое время утопией была идея «свободы». Либерально-гуманистические идеи также были утопией. Консервативная идея как утопия, замечает социолог, «полностью приблизилась к конкретному бытию».

Амбивалентность истины

Как видно, утопичное сознание весьма сложно, многомерно, динамично. Ему противоположно мышление, которое, не скрывая свои противоречия и недостаточную концептуальность, стремится диалектически раздвигать рамки достигнутого знания, и в этом состоит *путь* к истине.

Истина, по К. Маннгейму, многомерна и динамична. «Идея истины, — замечает он, — возникает из конкретных возможностей познания данной эпохи... следовательно, представление об истине, формирующееся в каждый данный период, не является случайным, к конструкции этого понятия ведет определенный путь: в соответствии с парадигматической формой знания и ее структурой в каждый данный период создается представление о том, какой должна быть истина вообще»².

В этом контексте социология знания представляет собой инструментарий проникновения в динамическую жизнь.

На пути к истине, считает К. Маннгейм, происходит расколдование мира, что ведет к прогрессирующему исчезновению как идеологий, так и утопий. Вместе с тем, этот процесс *амбивалентен* — его негативное влияние проявляется в том, что люди становятся циниками и скептиками, ставят под вопрос значимость идеалов вообще.

13.3. Новые подходы к рациональности

Сила социологического воображения К. Маннгейма проявилась и в раскрытии *амбивалентности процессов рационализации* общественной жизни.

С одной стороны, рационализация позволяет людям лучше и легче адаптироваться к динамике социальной жизни, однако, с другой, — одновременно возникают иррациональные проявления.

¹ Манхейм, К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 173.

² Там же. С. 243.

Это, в частности, касается *эффекта «одновременности неодновременного»*.

В результате усложнения социальной динамики возникает несбалансированность развития отдельных людей и целых групп, возникает также *диспропорциональность в отношениях разума и гуманизма*.

«Она выражается в том, — отмечает социолог, — что в обществе техническое и естественно научное знание опережает моральные силы и осмысление общественного прогресса... Речь идет о том, что ни в одном более или менее сложном обществе разумность и моральность, необходимые для решения поставленных хозяйством и обществом задач, не достигают во всех группах и слоях равномерности»¹.

В связи с этим перед современным обществом возникает принципиально новая проблема: оно длительно не может выносить «ни общий недостаток рациональности и моральности в духовном господстве над общим процессом, ни их неравномерное социальное распределение»².

Типы рациональности и иррациональности

Прежде всего К. Маннгейм выделяет *субстанциональную рациональность*. Это рациональность, предполагающая мыслительный акт, который стремится постигнуть ситуативные события и в большей или меньшей степени достигает этой цели.

Субстанциональная иррациональность основывается на влечениях, импульсах, желаниях, чувствах, как на уровне бессознательного, так и на уровне сознательно прослеживаемого функционирования.

Функциональная рациональность предполагает действия, организованные таким образом, что они ведут к достижению заранее определенной цели, «вследствие чего каждый член таких действий обретает по занимаемому им *месту функциональную ценность*»³.

Противоположное социолог обозначает как *функциональную иррациональность*.

Кроме того, социолог вводит понятия *самораціонализации* и *рефлексивности*.

¹ Манхейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 287.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 294.

«Под *саморационализацией* я понимаю систематический контроль над влечениями, который индивид должен заранее произвести, если он хочет осуществить объективную функционально рациональную систему действий или включиться в неё»¹.

А *рефлексивность* предполагает обращение наблюдения или действия на самого себя с целью самопреобразования. Социолог поясняет: «Человек направляет свою рефлексию на себя и свое действие большей частью для того, чтобы изменить и преобразовать себя»².

Все типы рациональности определенным образом связаны друг с другом.

Так, «действие функциональной рациональности парализует суждение». Более того, чем больше современное массовое общество рационализируется функционально, считает социолог, «тем больше в нем действует тенденция к нейтрализации субстанциальной моральности». В итоге может возникнуть парадокс утверждения толерантности, основанной на исключении идеалов или веры: «Идея толерантности, — пишет он, — не что иное, как мировоззренческая формулировка тенденции исключить из публичной дискуссии всякое субъективное или связанное с определенными группами содержание веры, т.е. субстанциональную иррациональность и утвердить оптимальное в функциональном отношении поведение»³.

К. Маннгейм замечает, что далеко не всегда иррациональность *вредна* для человека. В виде сублимаций она может действовать как мощный импульс для создания культурных ценностей или усиливать радость жизни. В этом качестве проявляются функции спорта или празднеств. Некоторые религиозные чувства и нормы могут быть по своему качеству иррациональными, но при этом они вносят свой вклад в функционирование общества в целом.

Однако если иррациональность социально *не структурирована*, то она дисфункциональна для общества. Такое, в частности, может происходить с проникновением иррациональности в политику, когда имеет место умаление управления. «Тогда средствами демократии достигается

противоположное тому, что было первоначально смыслом демократизации». Возникает тем самым процесс «негативной демократизации»¹.

Вместе с тем, рационализация в определенных случаях может иметь дисфункциональное влияние на общество, если, например, она подавляет духовные и моральные силы.

«Демократизация, — отмечает К. Маннгейм, — подобно другим достижениям современной техники, радио и прессы в том, что она может служить в своем развитии средством усиления как позитивных, так и деструктивных сил... современные успехи демократизации могут содействовать и росту аморальных сил»².

Как видно, подходы К. Маннгейма к рационализации несколько иные, чем у М. Вебера (см. главу 8).

13.4. Социальная технология

Под «социальной технологией» К. Маннгейм понимает «совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках правительства сильным средством социального контроля... Новая наука о человеческом поведении дает в руки правительства знание о человеческом разуме, которое можно использовать для увеличения эффективности управления»³.

Как и любая технология, она ни хороша и ни плоха сама по себе, может служить добрым целям, а может господствовать над человеком — ее характер зависит от самого человека. Важно, чтобы она способствовала утверждению свободы и гуманизма. Необходимо «планирование ради свободы».

По мнению ученого, в современном обществе возникли ряд *объективных факторов, которые сделали востребованным социальное планирование*.

Среди них социолог отмечает следующие.

1. Разделение труда, как еще показал Э. Дюркгейм (см. главу 5), с неизбежностью увеличивает социальную диффе-

¹ Манхейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 296.

² Там же. С. 297.

³ Там же. С. 304.

¹ Манхейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 301.

² Там же. С. 307.

³ Манхейм, К. Диагноз нашего времени // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 414, 415.

ренциацию. Соответственно, требуются рациональные усилия для оптимизации многообразного функционирования.

2. Знание увеличивается количественно и качественно. Возникают принципиально разные системы знания, а с ними и проблема терпимости к иным ценностям и целям жизни. Здесь не годится ни тоталитарное навязывание мнений, ни нейтралитет. «Терпимость предполагает лишь то, замечает социолог, — что каждый должен иметь законную возможность изложить свои доводы, и вовсе не означает, что никто не должен им верить... нужно мирное урегулирование»¹.

3. Противоположные идеалы и ценности способствуют дезинтеграции человеческой личности. Причем, если в традиционном обществе они принимались слепо, то «в нашем обществе создание новых ценностей и их принятие основаны на сознательной и разумной оценке»².

4. В современном обществе люди имеют дело с множеством религиозных вероисповеданий и с плюрализмом мнений по политическим вопросам.

5. Увеличение ценностей идет без развития технологии, необходимой новой системы образования, которые бы регулировали эти ценности. «Рано или поздно все станут неврастениками, поскольку затруднен разумный выбор в хаосе противоречивых и непримиримых ценностей... — отмечает К. Маннгейм. — Невозможно представить себе человека, живущего в полной неуверенности и с неограниченным выбором»³.

6. Усложняются проблемы социальной справедливости, что относится и к труду, и к досугу.

7. Актуальными становятся проблемы саморационализации и рефлексивности, что связано с востребованностью социального механизма по формированию самодисциплины, самоограничения, согласия в условиях реальной конкуренции идей. «Только когда привычка к дискуссии ежедневно ведет к примирению антагонистических оценок, а привычка к сотрудничеству — их взаимному усвоению, можно надеяться на то, что парламент с его большими организованными партиями, каждая из которых преследует свои стратегические цели, сможет выработать общую политику... Согласованность — это нечто большее, чем достижение тео-

¹ Манхейм, К. Диагноз нашего времени // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 419.

² Там же. С. 433.

³ Там же. С. 436.

ретической договоренности по определенным вопросам. Это общность жизненных установок»¹.

8. Необходимо найти новый баланс между рациональностью и иррациональностью. «В этом случае, — отмечает социолог, — нам придется признавать и культивировать в некоторых сферах и те ценности, которые апеллируют непосредственно к чувствам и иррациональным силам в человеке, в то же время сосредоточивая наши усилия там, где это возможно на раскрытии собственно рационального проникновения»².

9. Уменьшилась сила или исчезли архетипы (исконные образы в коллективном сознании), воздействовавшие на подсознание, которые на протяжении многих столетий регулировали человеческие отношения. К. Маннгейм называет следующие архетипы: герой, мудрец, дева, святой, кающийся; в области христианского воображения: крещение, отпущение грехов, любовь к ближнему, причастие, добрый пастырь, распятие, искупление, замечая, что «их исчезновение без замены чем-то другим ведет к дезинтеграции современного жизненного опыта и человеческого поведения»³.

10. Бесконечное стремление к повышению своего благосостояния, непомерное выпячивание комплекса силы, расточительство, бездуховность чувств и эмоций ведет к тому, что «люди ищут удовлетворение в аномальной реакции».

Решение этих проблем социолог видит в реализации нового идеала: «*Планирование ради свободы*», который осуществим с помощью социальной технологии, основанной на социологии знания. Он считает, что гуманистическое содержание как рациональности, так и иррациональности может быть сохранено, если общество научится *планировать* свое развитие.

По его мнению, суть всех конфликтов выражается между принципом «laissez-fair» (невмешательство; неограниченная свобода предпринимательства) и принципом регулирования: «Все плодотворные битвы современности ведутся за какую-либо форму планируемого общества»⁴.

¹ Манхейм, К. Диагноз нашего времени // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 438.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 535.

⁴ Манхейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 278.

Социолог отмечает, что существующие формы планирования противоречат природе человека и общества. Он не приемлет диктаторское планирование, вырастающее из «негативных действующих сил массовой демократии», ибо оно осуществляется в односторонних интересах определенной социальной группы. В таком планировании нет места критике, оно навязывает населению «мнения и поведение, не свойственные истинной природе гражданина». С другой стороны, либеральный механизм вне планирования может порождать иррациональные тенденции, представляющие опасности для общества и культуры, в частности, депрессии, рост инфляции, безработицу.

К. Мангейм ратует за некое альтернативное планирование, адекватное характеру общества: «После того как сегодня мы совершенно ясно увидели, куда ведет в формировании мнения, с одной стороны, полное подавление, с другой — *laissez-fair*, все дело в том, чтобы найти рациональным и экспериментальным путем такое соединение того и другого, которое представляло бы собой оптимальное выражение характера общества и культуры»¹.

Социолог выделяет ряд критериев такого планирования. Это прежде всего «способность и тенденцию к продумыванию до конца действия каузальных связей»². Оно, конечно, должно быть демократичным. Оно предполагает стратегию, основанное на реальном учете людских и материальных ресурсов. Оно осуществляется на основании социальной справедливости, включая договоренности и компромиссы социальных групп.

И главное — планирование предполагает задействовать инструментарий социологии знания, что позволит изучить и применить на практике *планирующее мышление взаимозависимости*. Оно имеет характер рациональности и рефлексивности, «всегда осознает свою живую функцию и постоянно контролирует себя; ведь планирование объединяет в себе жизненный процесс (стратегию) и мышление»³.

Социолог особо подчеркивает, что подлинной опасностью для планирующего мышления является превращение в застывшую систему, окостенелость администрирования.

¹ Мангейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования // Карл Мангейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 329.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 394.

Способное к рефлексивности планирующее мышление, по мнению социолога, является реальным противовесом поднимающейся и усиливающейся иррациональности и дегуманизации.

Таким образом, на пути к истине и в процессе рационализации происходит расколдование мира, что ведет к прогрессирующему исчезновению ложного сознания, идеологий, утопий.

Вместе с тем, *ненамеренные последствия* этого процесса, подчеркивает ученый, амбивалентны — его негативное влияние проявляется в том, что люди становятся циниками и скептиками, ставят под вопрос значимость идеалов вообще. Отсюда вытекает важнейший компонент социологического воображения ученого — необходима *гуманизация* человеческих отношений, чему, собственно, должны способствовать социология знания и *планирование* развития социума на основе *мышления взаимозависимости*.

Достижение единства рефлексивности и планирования, по мнению социолога, является реальным противовесом поднимающейся и усиливающейся иррациональности и дегуманизации.

Из работы: К. Маннгейм. Диагноз нашего времени¹

Значение новой социальной технологии

Давайте посмотрим на мир с точки зрения врача, пытающегося поставить научный диагноз нашей общей болезни. В том, что наше общество серьезно больно, сомнений нет. Коротко ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: мы живем в век перехода от *laissez-faire* к планируемому обществу. Планируемое общество будущего примет одну из двух возможных форм: либо это будет диктатура с правлением меньшинства, либо новая форма правления, которая, несмотря на сильную власть, будет демократической.

Если этот диагноз окажется верным, то все мы будем в одной лодке — Германия, Россия, Италия, Великобритания, Франция и США. Несмотря на все еще существующие значительные различия, мы движемся в одном и том же направлении к своего рода планируемому обществу, и вопрос заключается в том, будет ли планирование хорошим или плохим: возникнет оно на базе диктатуры или на основе демократического контроля. Однако мой диагноз — это вовсе не пророчество. Ценность диагноза состоит главным образом не в предсказании как таковом, а в выяснении оснований

¹ Мангейм, К. Диагноз нашего времени // Карл Мангейм. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994.

данных утверждений, а также в актуальности анализа факторов, определяющих ход событий. Основные изменения, свидетелями которых мы сегодня являемся, в конечном итоге объясняются тем фактом, что мы живем в массовом обществе. Управление массами не может осуществляться без ряда изобретений и усовершенствований экономической, политической и социальной технологии. Под «социальной технологией» я понимаю совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках правительства сильным средством социального контроля.

Что касается этих усовершенствованных социальных методов, то их характерная черта не только в том, что они в высшей степени эффективны, но и в том, что эта эффективность благоприятствует правлению меньшинства. Так, новая военная техника делает возможной большую концентрацию силы в руках меньшинства по сравнению с любым предшествующим периодом. В то время как в XVIII и XIX веках армии были вооружены винтовками, в наше время они оснащены бомбами, самолетами, газом и механизированной техникой. Человек, вооруженный винтовкой, представляет опасность лишь для нескольких человек, человек, вооруженный бомбой, угрожает жизни тысяч людей. Таким образом, модернизация военной технологии в наш век увеличивает шансы правления меньшинства.

Аналогичная концентрация произошла и в области управления. Телефон, телеграф, радио, железные дороги, автомобили и, наконец, научное управление с помощью крупных организаций ускорили централизацию управления и контроля. Подобная же концентрация имеет место и в области формирования общественного мнения. В этом направлении действует механизированное массовое производство идей с помощью прессы и радио. Если добавить к этому возможность контролировать школу и всю сеть образования из единого центра, то станет ясно, что происшедший в недалеком прошлом переход от демократической формы правления к тоталитарной объясняется не столько изменением идей в умах человечества, сколько изменением самих принципов и методов управления обществом.

Новая наука о человеческом поведении дает в руки правительства знание о человеческом разуме, которое можно либо использовать для увеличения эффективности управления, либо превратить его в инструмент, играющий на эмоциях масс. Развитие социальных служб позволяет оказывать давление на нашу частную жизнь. Таким образом, появляется возможность сделать объектом общественного контроля психологические процессы, которые ранее считались сугубо личными,

Я уделяю так много внимания этой социальной технологии, ибо считаю, что она ограничивает возможности развития современного общества. Характер социальной технологии для общества даже

более важен, нежели его экономическая структура или социальная стратификация. С ее помощью можно затормозить или изменить функционирование экономической системы, разрушить одни социальные классы и поставить на их место другие.

Я называю эти методы технологией, поскольку они сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими. Все зависит от того, как захочет использовать их человек. Главная особенность современной технологии состоит в том, что в ней содержится тенденция к усилению централизации и, следовательно, к укреплению власти меньшинства и диктатуре. Имея в своем распоряжении бомбы, аэропланы и механизированную армию, а также такие средства связи, как телеграф и радио, крупные промышленные предприятия и иерархическую бюрократическую машину в целях производства и распределения товаров и управления людьми, можно с этих ключевых позиций принимать важнейшие решения. Постепенное установление этих ключевых позиций в современном обществе сделало планирование не только возможным, но и неизбежным. Все происходящее в обществе процессы и события — это не что иное, как результат естественного взаимодействия между малыми самостоятельными единицами. Отдельные индивиды и небольшие предприятия сейчас уже больше не стремятся достичь равновесия с помощью конкуренции и взаимного приспособления. В различных областях социальной и экономической жизни существуют огромные комбинаты, сложные социальные единицы, которые недостаточно гибки, чтобы самим провести свою реорганизацию, и потому должны управляться из центра.

Значительная эффективность тоталитарного государства объясняется не столько его более эффективной и крикливой пропагандой, как обычно считают, сколько пониманием того, что массовое общество не может управляться грубыми доморощенными методами, которые годились в эпоху ремесленников. Террористическая эффективность тоталитарного государства заключается в том, что, координируя методы управления, оно поработывает большую часть населения и навязывает ему убеждения, мнения и поведение, не свойственные истинной природе гражданина...

После такого описания социальной технологии вы можете по праву сказать: «Что за мрачная перспектива? Есть ли у нас какой-то выход? Или же мы просто жертвы слепого процесса, который сильнее всех нас?» Ни один диагноз не является совершенным, если он не предлагает какого-то лечения. Нужно изучать общество таким, как оно есть, для того, чтобы наметить меры, которые могли бы сделать его таким, каким оно должно быть. Дальнейшие исследования позволяют нам, к счастью, освободиться от чувства отчаяния и призывают нас к действию.

Основные термины и выражения

Валидность — *validity / accuracy* — 1) достоверность, надежность (собранных данных); мера соответствия социологического инструментария тому, что измеряется. Будучи социальным конструктом, достоверность изменяется во времени и пространстве, в силу чего в принципе не может быть одного, «универсального», подхода к валидности.

Идеология — *ideology* — 1) по мнению идеологов Французской революции, которые ввели данный термин в политический дискурс, — наука об идеях, способных совершенствовать человеческую природу, которую необходимо ввести в национальную систему образования; сила социальной трансформации; 2) по К. Марксу — ложное сознание, дающее извращенное представление об обществе в силу классового пристрастия; 4) по К. Маннгейму — субъективное отражение современной действительности конкретными социальными группами, которое своими корнями уходит в систему идей, относящуюся к прошлому (в отличие от утопии, интерпретирующей настоящее через призму будущего). Выделяются частная и тотальная идеологии.

Кризис знания — *knowledge crisis* — по К. Маннгейму — резкое изменение знания, влекущее перемены в характере мышления, что может быть вызвано вертикальной мобильностью или радикальными трансформациями социокультурных реалий.

Ложное сознание — *false consciousness* — 1) по Г. Гегелю — сознание, находящееся в диалектическом движении от наивного созерцания к разуму; 2) по К. Марксу — форма классового сознания, которое не адекватно «объективному» положению социальной группы, что проявляется в неспособности социальной группы или индивида представлять свои объективные интересы в системе общественных отношений; 3) по Д. Лукачу — извращенное восприятие действительности проявляется в том, что отношения между людьми приобретают фантастическую форму отношения между вещами; 4) по К. Маннгейму — «причиной “односторонности” и “ложности” является не намерение скрыть подлинную ситуацию, а различие в структуре сознания различных по своему положению в социально-исторической сфере субъектов».

Релятивизм — *relativism* — 1) по О. Конту — «в абсолютном смысле нет ничего хорошего и нет ничего плохого; единственный абсолют состоит в том, что все относительно»; 2) методологический принцип, используемый в феноменологии, признающий качественную относительность социокультурных реалий, представляющих собой социальный конструкт; 3) по К. Маннгейму — отсутствие абсолютных стандартов, универсальных идей и знаний, того, что можно считать правильным или нет.

Рефлексивность — *reflexivity* — 1) по Дж. Миду — способность акторов бессознательно ставить себя на место других и действовать

так, как они; 2) по К. Маннгейму — обращение наблюдения или действия на самого себя с целью самопреобразования.

Саморационализация — *self-rationalization* — по К. Маннгейму — «систематический контроль над влечениями, который индивид должен заранее произвести, если он хочет осуществить объективную функционально рациональную систему действий или включиться в неё».

Социальная утопия — *social utopia* — по К. Маннгейму — интерпретация настоящего через призму будущего: «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии в соответствии с окружающим его “бытием”». Утопии, как правило, порождены сознанием угнетенных классов и маргинальных групп.

Социология знания — *sociology of knowledge* — 1) отраслевая социология, основателем которой считается М. Шелер, опубликовавший в 1924 г. книгу «Социология знания». В ней под «знанием» понималось знание конкретного времени и обстоятельств; 2) по К. Маннгейму — систематическое изучение знаний, идей, интеллектуальных явлений в контексте широкого разнообразия социальных позиций в обществе, влияющих на характер мышления и поведения людей.

Субстанциональная иррациональность — *substantial irrationality* — по К. Маннгейму — иррациональность, основывающаяся на влечениях, импульсах, желаниях, чувствах, как на уровне бессознательного, так и на уровне сознательно прослеживаемого функционирования.

Субстанциональная рациональность — *substantial rationality* — 1) по М. Веберу — рациональность, основанная на ценностных критериях; 2) по К. Маннгейму — рациональность, предполагающая мыслительный акт, который стремится постигнуть ситуативные события и в большей или меньшей степени достигает этой цели.

Толерантность — *tolerance* — 1) по П. А. Кропоткину — взаимная помощь представителей разных классов и социальных групп; 2) по К. Маннгейму — «Идея толерантности не что иное, как мировоззренческая формулировка тенденции исключить из публичной дискуссии всякое субъективное или связанное с определенными группами содержание веры, т.е. субстанциональную иррациональность и утвердить оптимальное в функциональном отношении поведение».

Тотальная идеология — *total ideology* — по К. Маннгейму — идеология конкретной исторической или социальной группы в контексте своеобразования и характера всей структуры сознания этой эпохи или этих групп, что не предполагает подозрение во лжи.

Функциональная иррациональность — *functional irrationality* — по К. Маннгейму — все действия, нарушающие функциональный порядок.

Функциональная рациональность — *functional rationality* — по К. Маннгейму — рациональность, предполагающая серию действий, организованных таким образом, что они ведут к достижению

заранее определенной цели, при этом каждый элемент в этой серии действий является функционально рациональным, хотя цель сама по себе может быть как рациональной, так и иррациональной.

Частичная идеология — *particular ideology* — по К. Маннгейму — данное понятие означает то, что «мы не верим *определенным* “идеям” и “представлениям” противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов».

Вопросы на развитие социологического воображения

1. В чем суть социологии знания как самостоятельной парадигмы? Что социолог заимствует у своих предшественников и каков его собственный вклад в обоснование новой парадигмы?

2. В чем проявляется релятивизм знания? Не ведет ли данная позиция к научному скептицизму вообще? Каковы ненамеренные последствия периодического обновления социального знания?

3. Как горизонтальная и вертикальная социальная мобильность влияла на характер знания людей в годы жизни К. Маннгейма? Что изменилось с тех пор?

4. Сравните подходы к типизации рациональности, предложенные М. Вебером и К. Маннгеймом. Какова их практическая значимость в интерпретации социальных реалий современного российского общества?

5. Насколько, по вашему мнению, актуальны идеи К. Маннгейма о внедрении социальных технологий для гуманизации современных обществ?

6. Как, по мнению К. Маннгейма, социология знания может быть практически использована в качестве «средства лечения социальных пороков»?*

Семинар «К. Маннгейм: социология знания»

1. Предмет социологии знания.
2. Критерии валидности знания.
3. Амбивалентность последствий многообразия знания.
4. Новые подходы к рациональности.
5. Проблема использования социальных технологий.

* Вопрос повышенной сложности для ответа на него необходимо обратиться к первоисточнику: *Маннгейм Карл. Диагноз нашего времени*. М. : Юрист, 1994.

Литература

1. Дубицкий, В. В. Маннгейм о социальном воспитании / В. В. Дубицкий // Социологические исследования. — 2004. — № 8.
2. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА · М, 1999.
3. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
4. Маннгейм, К. Идеология и утопия / К. Маннгейм // Карл Маннгейм. Диагноз нашего времени. — М. : Юрист, 1994.
5. Маннгейм, К. Диагноз нашего времени / К. Маннгейм // Карл Маннгейм. Диагноз нашего времени. — М. : Юрист, 1994.
6. Маннгейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования / К. Маннгейм // Карл Маннгейм. Диагноз нашего времени. — М. : Юрист, 1994.
7. Романовский, Н. В. Социология знания — новые вызовы / Н. В. Романовский // Социологические исследования. — 2001. — № 3.
8. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. — М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000.
9. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира / А. Шютц. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
10. Kettler, D. Karl Mannheim and the Sociology of Knowledge / D. Kettler, V. Meje // In: Handbook of Social Theory / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.
11. Merton, R. K. Karl Mannheim and the Sociology of Knowledge / R. K. Merton // Social Theory and Social Structure. — Glencoe: the Free Press, 1957.
12. Ritzer, G. Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw-Hill Higher Education, 2000.

Глава 14

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Теории социального обмена основываются на тех фактах, что в процессе взаимодействия люди обмениваются друг с другом теми или иными экономическими и социальными ценностями — товарами, услугами, всевозможными ресурсами и просто вознаграждают друг друга вниманием, похвалой, любезностями и т.д. Эти обмены между конкретным индивидом и обобщенным другим могут происходить на микроуровне, в малой группе. Возникающие при этом характерные поведенческие модели стали предметом изучения первых представителей теории социального обмена (Б. Скиннер и Дж. Хоманс). Однако в современном обществе социальные обмены, как правило, осуществляются в контексте взаимодействия в социальных организациях, что стало предметом исследования П. Блау.

14.1. Б. Скиннер: формирование теоретико-эмпирических оснований теории социального обмена

Беррес Фредерик Скиннер (*Skinner*) (1904—1990) — американский социолог, представитель *необихевиоризма* в социологии, один из тех, кто заложил теоретико-эмпирические основания теории социального обмена.

Он преподавал в университетах Миннесоты, Индианы и в Гарварде. Социолог на основе анализа характерных связей, возникающих в процессе взаимодействия людей, пытался прагматически решить проблему разработки технологий управления поведением людей. Он считается создателем программированного обучения, разработчиком принципов индивидуального научения, тестирования и создания обучающих машин. Значительный вклад социолог внес в изучение социального контроля.

Б. Скиннер автор работ: «*Поведение организмов: экспериментальный анализ*», «*Наука и человеческое поведение*», «*Размышление о бихевиоризме и обществе*», «*За пределами свободы и достоинства*», «*Нужны ли теории научения?*», романа «*Уолден-Два*».

Основные теоретико-методологические принципы необихевиоризма

Как уже отмечалось, ряд социологических парадигм основывается на теоретико-методологических принципах *социального бихевиоризма* (см. главу 11). *Теория социального обмена* также своими корнями уходит в социальный бихевиоризм, который трактует поведение человека через призму наблюдаемых стимулов и реакций на них.

Заметим, что бихевиористы не приемлют *инстинктивизм* (Г. Лебон, У. Мак-Дугалл), — подход, интерпретирующий поведение людей исключительно с позиций врожденных инстинктов¹.

Вместе с тем, представителей бихевиоризма не столько интересуют проблемы сознания и психической деятельности человека (это не значит, что данные явления ими отрицаются вовсе!), сколько факторы среды, задающие тот или иной *характер поведения*. Отсюда стремление бихевиористов освободить социальные науки как от *оценочных суждений*, так и от *субъективизма* — прежде всего от чувств и «души» индивида.

Предлагают же бихевиористы, как им видится, *объективные методы* изучения поведения *любых* живых организмов, как животных, так и собственно человека. В числе этих методов — наблюдения, эксперименты, верификации, попытки использовать строгую фактологию, касающуюся фиксации факторов, способствующих тому или иному типу поведенческой реакции по методологической схеме: «стимул» — «реакция» (S — R).

Необихевиоризм к этому добавляет три принципиальных момента.

Первый — в схему классического бихевиоризма (S — R) вводится *опосредствующее звено* в виде промежуточных переменных, таких как язык и создаваемые им образы, знания, мотивы, способность к научению и т.д. В итоге отправная методологическая схема необихевиористов выгля-

¹ Лебон, Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

дит следующим образом: «стимул» — «опосредствующее звено» — «реакция» (S — O — R).

Второй момент заключается в признании *активности* живого организма в смысле способности *обратного воздействия* на стимулы, исходящие от среды.

Третий — *прагматизм*, предполагающий разработку *технологий поведения*, позволяющих осуществлять научение и проводить *рациональную социальную политику*.

Отправной постулат Б. Скиннера, как одного из основоположников необихевизиоризма, состоит в том, что *поведение индивида взаимодействует с поведением других индивидов*, а также *окружающей средой* в целом, включающей ряд социальных и не социальных сущностей. В принципе, считает социолог, экспериментальным путем можно определить влияние *всех* независимых переменных на *результатирующее поведение*.

Им были разработаны специальные методики эмпирического изучения поведения животных и человека.

Одна из методик, получившая широкую известность как «ящик Скиннера», позволяет изучать поведенческие реакции животных, вызванные *подкреплением*. Под подкреплением Б. Скиннер имел в виду способность *самого* живого организма к поиску и воспроизведению целесообразных форм действия.

В «ящике Скиннера», в котором помещалось животное (голубь, крыса), было установлено два рычажка, нажатие на один из которых сопровождалось выдачей пищи. Случайный нажим животного на нужный рычаг, позволявший получить пищевое подкрепление, приводил к тому, что в дальнейшем животное обретало черты *агента, активно взаимодействующего с окружающей средой* — по мере необходимости нажим осуществлялся именно на рычаг с подкрепляющими последствиями.

Б. Скиннер считал *универсальной* (значимой как для животных, так и для человека) данную элементарную форму поведения, являющуюся результатом взаимодействия организма и среды, и представлял последнюю в виде трех последовательных звеньев:

- события, вызывающего ответ;
- самого ответа;
- подкрепляющих последствий.

Б. Скиннер, таким образом, исходил из идентичности механизмов животного и человеческого поведения и пола-

гал, что эмпирическим путем можно выявлять и изучать *классы поведенческих реакций* индивидов, названные им *оперантами*.

По его мнению, личность человека формируется и поддерживается благодаря системе *позитивных и негативных подкреплений*, возникающих в процессе социального взаимодействия. При этом особую роль ученый отводил языку — слова, обозначаемые ими образы, являются важными подкреплениями, регулирующими социальное поведение людей.

Речь, вербальные стимулы напрямую способствуют *оперантному обусловливанию* окружающей среды и поведения конкретных индивидов. В случае оперантного поведения прошлые результаты конкретного поведения определяют его современный характер, ибо проявляются «последствия, которые некоторое действие уже имело в прошлом. Когда за действием следует определенный результат, происходят изменения в вероятности реакции. Таким результатом в конкретном случае может быть позитивное или негативное подкрепление, но «данное», которое вы наблюдаете и отслеживаете, — это вероятность того, что реакция данного типа действительно произойдет. Оперант, таким образом, это класс реакций, а реакция — единичный пример этого класса»¹.

Таким образом, оперантное обусловливание предполагает взаимозависимость окружающей среды, внешних стимулов — в первую очередь поведения обобщенного другого — и поведения конкретных индивидов, на чем собственно основан социальный обмен, являющийся, по мнению Б. Скиннера, «универсальным принципом общественной жизни». Эту взаимозависимость социолог представлял в виде *закона выгоды*: «награды» (стимулы) обуславливают «выплаты» (реакции), соответственно «выгодный» обмен подкрепляется и в дальнейшем воспроизводится, а «затратный» обмен с очевидными издержками отвергается как неудачный опыт.

Как видно, скиннеровская методология не предусматривает анализа знаний, убеждений, мнений, установок или чувств людей.

Подчеркнем, социолог не отрицает их значимость вообще, но полагает, что этими факторами, как «*побочными продук-*

¹ Evans, R., Skinner, B. F. The Man and his Ideas / Dialogues with Notable Contributors to Personality Series. Vol. IV. N.Y., 1968; История теоретической социологии. М.: КАНОН, 1998. Т. 3. С. 46.

тами», можно пренебречь при изучении общих поведенческих реакций индивида на окружающую среду, которая выступает как *причина* конкретного поведения.

«Разумный человек не чувствует своей *разумности*, интроверт своей *интровертностью*... — пишет Б. Скиннер в работе «За пределами свободы и достоинства». — Говорящий не чувствует *грамматических правил*, которые он, как утверждается, применяет при составлении предложений, и люди говорили грамматически за тысячи лет до того, как что-либо узнали о существовании каких-то правил. Респондент вопросника не чувствует *установок* или *мнений*, которые приводят его к особому выбору пунктов. Мы действительно чувствуем определенные состояния своих тел, связанные с поведением, но, как отметил Фрейд, мы ведем себя точно также и тогда, когда мы не чувствуем их: они — побочные продукты и их не следует путать с причинами»¹.

Современные социологи полагают, что бихевиористская методология может эффективно применяться для изучения таких сфер, как рекламный бизнес или корпоративная деятельность. Однако, разумеется, она неприемлема для анализа поведения индивидов в условиях аномии, когда, по существу, размываются различия между позитивными и негативными подкреплениями.

Программированное обучение

Опираясь на теоретико-методологические принципы необиохевиоризма, прежде всего на положение о том, что живой организм способен к научению, обретению новых форм поведения через подкрепления, Б. Скиннер обосновывает идею, согласно которой в принципе можно решать многие социальные проблемы с помощью технологий *поведенческой инженерии*.

Зная, например, что вызвало определенное поведение в прошлом, можно прогнозировать, будет ли индивид следовать этому образцу поведения в настоящем и будущем.

Так, принцип оперантного обусловливания и закон выгоды положены в основу *программированного обучения*, позволяющего переходить ко все более сложным задачам, опираясь на ранее подкрепленный «выгодный» обмен. Ныне

¹ Скиннер, Б. Ф. Технология поведения. За пределами свободы и достоинства // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994. С. 39.

эти методические принципы применяются в обучающих компьютерных программах, при всевозможных тестированиях, включая тесты, используемые для подбора кадрового персонала.

Б. Скиннер считал возможным использовать технологии поведенческой инженерии для проведения рациональной социальной политики, суть которой — *максимизация полезности и выгоды*.

В своем романе «Уолден-Два» он описывает коммуны, члены которой благодаря определенным стимулам-наградам вырабатывают желательные поведенческие реакции, которые подкрепляются. Причем подкрепление может быть как позитивным (материальные и моральные выгоды), так и негативным (наказание, осуждение со стороны других). Результирующая составляющая поведения коммунаров проявляется во взаимной социальной поддержке, рациональном разделении труда, разумном потреблении природных ресурсов, уменьшении доли тяжелого труда и т.д.

Социальный контроль

Б. Скиннер рассматривал *социальный контроль* через призму позитивных и негативных подкреплений, исходящих от культурной среды и осуществляемых социальными средствами — через правовые и религиозные институты, школу, а также через ценности, нормы, обычаи.

Социолог видел, что акцент на негативные подкрепления, характерный для авторитарных и тоталитарных режимов, приводит к тому, что люди предпринимают попытки избавиться от социального контроля вообще, отвергая общественные ценности и нормы. Бюрократический контроль в развитых современных обществах также не приемлем для Б. Скиннера, ибо он исключает возможность активного обратного воздействия индивида на контролируемую среду. Критически относился Б. Скиннер и к контролю в форме манипулирования сознанием людей, рассматривая его как репрессивную психотехнику, насилие над личностью.

Этим формам контроля, в которых доминируют негативные подкрепления, социолог противопоставляет непосредственный контроль над поведением людей, осуществляемый «самими людьми, через людей и для людей»¹.

¹ Skinner, B. F. Reflections on Behaviorism and Society. Englewood Cliffs, 1978; История теоретической социологии. М. : КАНОН, 1998. Т. 3. С. 47.

Заметим, что скиннерские технологии поведенческой инженерии и оптимизации человеческих отношений отнюдь не связаны с утопическими проектами переделки природы человека или борьбой против контроля как такового: они акцент делают лишь на том, что желательное поведение людей в процессе социального обмена — это рационально-выгодное поведение, получающее весомое социальное подкрепление благодаря прежде всего позитивным наградам-стимулам.

Социальный контроль в скиннеровской интерпретации, есть, по существу, направленный контроль на разработку технологий поведения, на формирование общественно одобряемого поведения с помощью определенных подкреплений главным образом позитивного толка. По его мнению, социальный контроль должен быть направлен не на усиление и не на минимизацию наказания, а на то, чтобы индивид сам стремился к тому, чтобы избежать ситуации, в которой к нему могут быть применены негативные санкции.

Б. Скиннер полагал, что в сравнении с разработкой физических и биологических технологий, человечество весьма отстало в создании технологий, контролирующих поведение людей. «Мы нуждаемся в крупномасштабных изменениях человеческого поведения и осуществить их при помощи одних только физики или биологии мы не в состоянии, как бы усердно мы ни работали»¹, — заявляет он.

В связи с этим, социолог полагает, что перспективы рационализации социального контроля связаны с рядом актуальных направлений социологического исследования. Вот лишь некоторые из них:

- «посредством моделирования окружений» нужно выявлять «объяснительные функции» того или иного поведения;

- необходимо развивать «технологии оперирующего поведения»;

- следует пересмотреть традиционную точку зрения о свободе и автономности человека «в том смысле, что его поведение не вызывается никакой причиной», ибо «научный анализ вскрывает такие контролирующие отношения между

¹ Скиннер, Б. Ф. Технология поведения За пределами свободы и достоинства // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994. С. 31.

поведением и окружением, о которых прежде никто не подозревал»;

- необходимо двигать научный анализ «в направлении всех видов контролирующих отношений»;

- следует иметь в виду такую опасность, как «кто будет конструировать контролирующее поведение и с какой целью», «что сочтет добрым предположительный контролер и будет ли это добрым для тех, кого он контролирует?»¹.

Уже одно перечисление этих требований говорит о сложностях рационализации социального контроля с гуманистическим основанием.

Из работы: Б. Ф. Скиннер. За пределами свободы и достоинства²

Технология поведения

Пытаясь разрешить те устрашающие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в сегодняшнем мире, мы, естественно, обращаемся к приемам, которые нами лучше всего освоены. Мы отправляемся от силы, а наша сила — наука и технология. Чтобы сдержать демографический взрыв, мы ищем лучшие способы контроля над рождаемостью. Перед лицом угрозы ядерного уничтожения мы создаем все более крупные сдерживающие силы и противоракетные системы. Мы пытаемся предотвратить голод в мировых масштабах новыми видами пищи и лучшими способами ее выращивания. Усовершенствование санитарии и медицины, как мы надеемся, обеспечит контроль над заболеваемостью, улучшение жилищных условий и совершенствование транспортной системы решит проблемы трущоб, а новые способы сокращения и размещения отходов остановят загрязнение окружающей среды. Мы можем указать на значительные достижения во всех этих областях, и неудивительно, что нам хотелось бы умножить их число. Но наши дела идут все хуже, а то обстоятельство, что и сама технология все чаще оказывается беспомощной, отнюдь не придает уверенности. Санитария и медицина заострили демографические проблемы, война приобрела чудовищный облик с изобретением ядерного оружия, а массовая погоня за благополучием в значительной степени ответственна за загрязнение среды...

Мог человек предвидеть этот ущерб или нет, исправить его он должен, иначе все будет кончено. И он может сделать это, если

¹ Скиннер, Б. Ф. Технология поведения. За пределами свободы и достоинства // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994. С. 41—43.

² Скиннер, Б. Ф. За пределами свободы и достоинства // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994.

осознает природу вставшего перед ним затруднения. Практическое приложение одних только физических и биологических наук не решит этих проблем, потому что решения лежат в совсем иной сфере. Лучшие контрацептивы лишь в том случае будут контролировать рождаемость, если люди будут их использовать. Новые виды оружия способны скомпенсировать новые виды обороны и наоборот, но ядерного уничтожения можно избежать лишь в том случае, если могут быть изменены те условия, в которых народы начинают войны. Новые методы в области сельского хозяйства и медицины не помогут, если они не будут применяться на практике, а жилье — это не только здания и города, но и то, как люди живут. С перенаселенностью можно справиться, лишь склонив людей не собираться в толпы, а окружающая среда будет разрушаться до тех пор, пока не будет остановлено ее загрязнение.

Короче говоря, мы нуждаемся в крупномасштабных изменениях человеческого поведения и осуществить их при помощи одних только физики и биологии мы не в состоянии, как бы усердно мы ни работали. (А ведь имеются и другие проблемы, такие как развал нашей образовательной системы или недовольство и бунт молодежи, для разрешения которых физическая и биологическая технологии столь очевидно не годятся, что никогда и не использовались). Недостаточно «использовать технологию с более глубоким пониманием человеческих забот», или «подчинить технологию духовным нуждам человека», или «заставить технологов обратиться к людским проблемам». Такие выражения предполагают, что там, где начинается человеческое поведение, кончается технология; мы же должны продолжать действовать так, как действовали в прошлом, но добавить то, чему научили нас личный опыт или те сгустки личного опыта, которые зовутся историей, или выжимки опыта, заключенные в народной мудрости и немудреных практических правилах поведения. Уж эти последние были доступны на протяжении веков, и все, чем мы располагаем для доказательства их верности, — это лишь состояние современного мира.

Что нам необходимо, так это технология поведения. Мы бы достаточно быстро решили свои проблемы, если бы могли так же точно спланировать и рассчитать рост мирового народонаселения, как мы рассчитываем курс космического корабля, или усовершенствовать сельское хозяйство и промышленность с той же степенью надежности, с какой мы ускоряем высокоэнергетичные частицы, или приблизиться к миру во всем мире с той же неуклонностью, с какой физики приблизились к абсолютному нулю (пусть даже и тот и другой остаются за пределами досягаемости). Однако поведенческой технологии, сопоставимой по мощи и точности с физической и биологической, не существует, а те, кто не находит саму

ее возможность смехотворной, будут ею скорее напуганы, чем утешены. Вот как мы далеки и от «понимания человеческих забот» в том же смысле, в каком физика или биология понимают проблемы своих областей, и от овладения средствами предотвращения катастрофы, к которой мир, кажется, неотвратно приближается...

Почти все важнейшие проблемы связаны с человеческим поведением, и они не могут быть разрешены при помощи лишь физической и биологической технологий. Что нам нужно — так это технология поведения, но мы задержались с развитием науки, которая могла бы дать подобную технологию. Одна из трудностей состоит в том, что почти все из того, что зовется поведенческой наукой, продолжает возводить поведение к неким состояниям сознания, чувствам, чертам характера, человеческой природе и тому подобному. Физика и биология когда-то следовали подобной же практике и смогли прогрессировать лишь после отказа от нее. Поведенческие науки задержались со своим изменением отчасти потому, что объяснительные сущности часто казались непосредственно наблюдаемыми, и отчасти потому, что трудно было найти какие-то иные виды объяснений. Важность окружения была очевидной, но его роль оставалась неясной. Оно не выталкивает и не вытягивает, оно отбирает, и эту функцию трудно раскрыть и проанализировать. Роль естественного отбора в эволюции была сформулирована лишь немногим более ста лет тому назад, а избирательная роль окружения в оформлении и поддержании поведения индивида только лишь начинает признаваться и изучаться. Когда же взаимодействие между окружением и индивидом становится понятным, то эффекты, которые прежде приписывались состояниям сознания, чувствам и чертам характера, начинают возводиться к таким условиям, которые можно смоделировать, и технология поведения может поэтому стать доступной.

Но она не решит наши проблемы, пока не заменит собой традиционные донаучные воззрения, а эти последние имеют глубокие корни. Свобода и достоинство иллюстрируют эту трудность. Они являются собственностью автономного человека традиционной теории, и они существенны для практики, в рамках которой личность считается ответственной за свое поведение и получает поощрение за свои достижения. Научный анализ переносит как ответственность, так и достижения на окружение. Он поднимает также вопросы о «ценностях». Кто воспользуется этой технологией и с какими целями? Пока эти вопросы не разрешаются, технологию поведения будут продолжать отвергать, а вместе с ней и, возможно, единственный путь к решению наших проблем.

14.2. Дж. Хоманс: психологические подходы к социальному обмену

Джордж Хоманс (*Homans*) — американский социолог, родился в 1910 г. в Бостоне в академической семье, некоторые представители которой были профессорами в Гарварде, известными политиками и литераторами.

Жизненный опыт и культурные интересы Дж. Хоманса весьма разнообразны. Он писал и публиковал стихи, занимался астрономией, физикой, философией, антропологией, а в годы Второй мировой войны служил в американском военном флоте.

По окончании военных действий Дж. Хоманс связал свою научную карьеру с Гарвардским университетом. Он приобрел известность как поборник строго научного социологического знания, основанного на принципах бихевиоризма и теории социального обмена. Дж. Хоманс преподавал в Гарвардском университете и Кембридже, избирался президентом Американской социологической ассоциации.

Среди его работ: «Человеческая группа», «Социальное поведение: его элементарные формы», «Социальное поведение как обмен», «Современная теория в социологии», «Природа социальной науки», «Поведенческая социология», «Определенности и сомнения».

Умер Хоманс в 1989 году.

Развитие предмета социологии

Как считал Дж. Хоманс, основой социальной жизни людей является социальный обмен, и потому именно связанная с ним проблематика должна стать предметом социологии. Сам же социальный обмен социолог изучал через призму *элементарного человеческого поведения*, своего рода атома межличностного взаимодействия, который является *причиной* определенного характера поведения индивидов.

В связи с этим социолог подверг критике Э. Дюркгейма и вообще представителей структурного функционализма, которые, с его точки зрения, занимались изучением функций, т.е. *последствий* институтов для социальной системы. «Теперь, мне кажется, возможности функционализма исчерпаны, и он стоит преградой на пути к пониманию социальных явлений»¹, — заявлял он.

¹ Хоманс, Дж. К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994. С. 46.

Дж. Хоманс исходит из того, что теория и эмпирическое начало социологии должны быть слиты воедино. Этого можно достичь лишь в том случае, если теоретические утверждения будут эмпирически проверяться.

Практически этого можно добиться путем систематического исследования межличностных взаимодействий лицом к лицу в небольших социальных группах. Благодаря систематическому наблюдению можно сформировать *абстракции первого порядка* — утверждения, относящиеся к *непосредственно* фиксируемому человеческому поведению.

Более сложные структурно социальные явления (статусы, роли) предполагают синтез абстракций первого порядка. Они интерпретируются с помощью *абстракций второго порядка*, которые представляют собой комбинации нескольких классов наблюдений. В итоге абстракции первого и второго порядка в своей совокупности должны были дать общее *психологическое объяснение* социальных взаимодействий.

«Мое утверждение, — писал Дж. Хоманс, — заключается в следующем: что бы мы ни говорили по поводу наших теорий, когда мы серьезно пытаемся объяснить социальные явления при помощи конструирования не самых четких дедуктивных систем, фактически мы обнаруживаем, признаем мы это или нет, факт использования того, что я назвал психологическими объяснениями. Едва ли нужно говорить о том, что наши действительные объяснения и являются нашими действительными теориями»¹.

Так, используя психологические объяснения, сам социолог исследовал социальный обмен в разнообразных социальных группах — семье, уличной «шайке», в группах конторских и производственных служащих.

Элементы социального поведения рассматривались им в контексте таких переменных, как: взаимодействие-чувство, чувство-деятельность, деятельность-взаимодействие. При этом между взаимодействием и чувством им была выявлена следующая эмпирическая зависимость: если частота взаимодействия между двумя и более лиц повышается, то возрастает и степень симпатии между ними и наоборот. А взаимозависимость между чувством и деятельностью предстала в следующей форме: если увеличивается симпатия между членами данной группы, то эти люди выражают свои

¹ Хоманс, Дж. К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994. С. 59.

чувства путем активизации деятельности, которую они осуществляют, и наоборот¹.

Из таких и подобных аксиоматических положений, добытых на основе *микроанализа*, считал Дж. Хоманс, должна выстраиваться *вся* социологическая наука, ибо, как он полагал, процессы обмена «идентичны» на индивидуальном и социальном уровнях².

Широкую известность приобрели так называемые *постулаты Хоманса*, которые, по существу, составили основные методологические принципы *его* теории социального обмена.

Постулаты Хоманса

Дж. Хоманс подчеркивал, что обоснованные им постулаты имеют силу по крайней мере в отношении двух взаимодействующих индивидов и по своей сути являются *психологическими* по двум причинам.

Во-первых, «они обычно формулируются и эмпирические верифицируются людьми, считающими себя психологами», и во-вторых, «они суть постулаты о поведении отдельных людей, а не постулаты о группах или обществах как таковых; поведение же людей как представителей человеческого рода обычно относится к сфере психологии»³.

Акцентируя психологическую суть своих принципов, Дж. Хоманс пытался дать *свою* интерпретацию форм *социальной жизни*, особенно форм *социального взаимодействия*, отличную прежде всего от той, которую предложил Э. Дюркгейм.

Напомним, Э. Дюркгейм настаивал на том, что все социальное должно быть объяснено исключительно посредством *социальных фактов* (см. главу 5). Дж. Хоманс же считал, что более адекватная интерпретация социального поведения имеет *психологическое* основание. И именно психологическое основание положено в основу пяти постулатов Хоманса. Они были изложены ученым в монографии «*Социальное поведение: его элементарные формы*».

Вот эти постулаты.

¹ Хоманс, Дж. К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 124.

² Homans, G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms. Rev. ed. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1974. P. 358.

³ Там же. P. 39–40.

1. *Постулат успеха*: «Из всех возможных действий людей, чем более вознаграждается конкретное действие индивида, тем более вероятно, что индивид воспроизведет его снова»¹.

Из этого постулата следует, что если, например, в коллективе служащий просил у своего коллеги совета и, следуя ему, вознаграждался за это, то весьма вероятно, что последует новое обращение за советом. Соответственно, дающий советы будет вновь их давать, если получал за это то или иное вознаграждение.

При этом Дж. Хоманс сделал ряд конкретизаций, связанных с постулатом успеха.

Увеличение частоты поощрений в принципе ведет к увеличению частоты соответствующих действий. Но это лишь верно в определенных пределах — начиная с определенного момента люди не могут вести себя аналогичным образом. Чем короче интервал между определенным действием и его вознаграждением, тем с большей вероятностью индивид поступит аналогичным образом. И наоборот. Наконец, повторение поступка больше стимулирует нерегулярное вознаграждение, чем регулярное, которое вызывает пресыщение.

2. *Постулат стимула*: «Если в прошлом под влиянием конкретного стимула или совокупности стимулов индивид совершал действие, отмеченное вознаграждением, то чем больше похожи ныне задействованные стимулы на прошлые, тем вероятнее, что человек совершит аналогичное или подобное действие»².

По Дж. Хомансу, люди откликаются на стимулы, которые способствовали успешным действиям. Однако и здесь не все так однозначно.

С одной стороны, если условия успешных действий были достаточно затратными и сложными, то это может и не стимулировать аналогичное поведение.

С другой стороны, не исключены реакции на ложный стимул, которые могут повторяться до тех пор, пока ряд неудач не приведет индивида к более четкой дифференциации стимулов.

¹ Homans, G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms. Rev. ed. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1974. P. 16.

² Там же. P. 23.

3. *Постулат ценности*: «Чем более ценным для человека является результат его действия, тем более вероятно его воспроизведение»¹.

Дж. Хоманс замечает, вознаграждение предполагает действие, обладающее позитивной ценностью, в то время как наказание — действие с отрицательной ценностью. При этом социолог пришел к убеждению, что наказание не является эффективным средством изменения поведения индивида. Лучше просто не подкреплять нежелательное поведение. Вместе с тем поощрение как средство формирования желательного поведения имеет пределы применения, ибо со временем оно может утратить свою ценность.

4. *Постулат депривации — пресыщения*: «Чем чаще в недалеком прошлом индивид получал конкретное вознаграждение, тем менее ценным для него становится последующее награждение подобного рода»².

Из этого постулата следует, что эффективность одного и того же поощрения будет неизбежно ослабевать, и тогда вероятность воспроизведения конкретного действия или желательного поведения будет уменьшаться.

5. *Постулат агрессии — одобрения*. Он может проявляться в двух модусах. Первый относится к негативным эмоциям: «Когда действие человека не вызывает ожидаемого вознаграждения или, напротив, влечет неожиданное наказание, то он становится рассерженным; весьма вероятно, что его поведение станет агрессивным, и результаты такого поведения станут для него более ценными»³.

Второй модус связан с позитивными эмоциями: «Когда действие человека влечет ожидаемое вознаграждение, особенно большее вознаграждение, чем им ожидалось, или не приводит к ожидаемому наказанию, то он будет счастлив; весьма вероятно, что его поведение станет одобряемым, и результаты такого поведения станут для него более ценными»⁴.

Как видно, все постулаты Дж. Хоманса так или иначе связаны с *психологическим объяснением* выгоды от социального взаимодействия.

¹ Homans, G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms. Rev. ed. N.Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1974. P. 25.

² Там же. P. 29.

³ Там же. P. 37.

⁴ Там же. P. 39.

Главной причиной того, что люди помогают друг другу, с точки зрения социолога, является мотивация социального вознаграждения, ожидание, что их деятельность будет отмечена взаимностью — адекватными реакциями со стороны окружающих.

Естественно, что в разных культурных контекстах социальный обмен происходит в своеобразных формах. Исторически формировались специальные механизмы оказания услуг, преподнесения подарков, которые закрепляли узы долга, преданности и доверия. Так, в современном обществе характер подарка может быть не только символом внимания, дружелюбия, установленного доверия, но и символом (в случае преподнесения особо дорогого подарка) социального превосходства, наложения тех или иных обязательств и т.д.

Однако в отличие от экономического обмена социальный обмен носит *диффузный характер*. Это означает, что взаимные выгоды социального обмена имеют, скорее, *психологическую ценность*, экономически и юридические конкретно не фиксируются (в противном случае речь идет об иных явлениях — экономических сделках и правовых соглашениях).

Наконец, заметим, что постулаты Дж. Хоманса как аксиоматические утверждение трудно оспорить. Вместе с тем у ряда социологов возникло правомерное возражение относительно возможности их использования в более широком социальном контексте — на уровне институциональных структур.

Эту проблему в значительной степени сумел разрешить П. Блау.

14.3. П. Блау: применение теории социального обмена к формальным организациям

Питер Михаэль Блау (*Blau*) — американский социолог, один из крупнейших представителей социологии формальных организаций, родился в 1918 г. в Вене (Австрия). Он эмигрировал в США в 1939 г., получил американское гражданство. В годы Второй мировой войны служил в американской армии. По окончании войны продолжил образование, защитив докторскую диссертацию в Колумбийском университете. П. Блау преподавал в Корнуэльском, Чикаг-

ском, Колумбийском университетах, а также в Университете Северной Каролины.

В 1973—1974 гг. П. Блау избирался президентом Американской социологической ассоциации.

П. Блау автор следующих работ: «Динамика бюрократии», «Обмен и власть в социальной жизни», «Американская структура занятости», «Бюрократия в современном обществе», «Пересекающиеся социальные круги» (в соавторстве с Дж. Шварцем).

Умер П. Блау в 2002 году.

Особенности механизма социального обмена на макроуровне

В отличие от Дж. Хоманса П. Блау полагает, что социальный обмен осуществляется на разных уровнях *своеобразно*.

Принципы социального обмена, характерные для межличностного взаимодействия, отнюдь *не идентичны* тенденциям, которые возникают между социальными группами и формальными организациями, вступающими как в отношения обмена с надеждой на получения друг от друга вознаграждения, так и в отношения борьбы и конкуренции.

В первом случае имеет место *прямой обмен*, в который вступают два актора, находящиеся в непосредственном контакте, и главное — поведение одного актора *прямо зависит* от поведения другого. Прямой обмен может быть *продуктивным обменом*, если оба актора вносят вклад, чтобы получить из него выгоду.

Во втором же случае, в котором задействованы три и более акторов, причем это могут быть и крупные формальные организации, взаимодействия осуществляются в формах непрямого обмена или *обобщенного обмена*.

Связующими механизмами в не прямых (обобщенных) обменах, по мнению П. Блау, выступают *нормы и ценности*.

Нормы регулируют социальный обмен по типу коллектив — индивид.

Так, в современном обществе представители бизнес элиты создают фонды спонсорства науки, культуры, спорта, *опосредованно* занимающиеся благотворительностью, чтобы *соответствовать нормам* своей социальной группы, заслужить престиж и одобрение среди равных. Бизнес элиту, как правило, не интересует, какому конкретно ученому или спортсмену будет оказана помощь, испытают ли последние уважение к дарителю средств.

Ценности же регулируют социальный обмен на социальном уровне, между коллективами. Они опосредуют связи между формальными организациями. Причем в зависимости от своего типа ценности выполняют различные функции.

П. Блау выделяет четыре типа ценностей.

Партикуляристские ценности способствуют интеграции и солидарности членов коллектива, особенно вокруг таких символов, как доброе имя компании, профессионализм фирмы. Они упрочивают интегративные связи за пределами межличностных симпатий.

Универсалистские ценности, являющиеся представлениями об общественной значимости тех или иных деяний, позволяют вознаграждать вклад индивида или группы во благо общества.

Легитимный авторитет как определенный тип ценности предоставляет больше власти и полномочий одним членам организации по сравнению с другими, что позволяет первым осуществлять функцию организованного социального контроля.

Наконец, *оппозиционные* или *революционные* ценности способствуют социальным изменениям, включая перемены в институциональных структурах общества.

Эмерджентные свойства макросоциальных структур

По П. Блау, макросоциальные структуры по своему содержанию принципиально отличаются от содержания составляющих их элементов, т.е. приобретают *эмерджентные свойства*.

Социолог утверждает, что «социальная структура тождественна эмерджентным свойствам комплекса составляющих её элементов, т.е. свойствам, не характеризующим отдельные элементы этого комплекса. В любой структуре можно выделить элементы, составляющие собственно структуру, и комплекс элементов, из которых структура строится. С аналитической точки зрения это не одно и то же, поскольку комплекс элементов структуры представляет собой лишь механическую совокупность элементов, в то время как собственно структура, в самом широком смысле, определяется взаимосвязями этих элементов... Вода отличается от водорода и кислорода не элементами, составляющим и их, а связями между этими элементами... Структура группы также отличается от совокупности составляющих её членов теми свойствами, которые не могут быть использованы для опи-

сания отдельных членов группы... Для ясности повторим, что эмерджентные свойства характерны для всего целого, а не для его составляющих элементов»¹.

Вот несколько примеров эмерджентных свойств, приводимых П. Блау: «Организации также обладают эмерджентными свойствами, т.е. свойствами, которые отличаются от каких-либо характеристик трудовых коллективов или других подразделений данной организации. Конфигурация иерархии власти, степень централизации процесса принятия решений и разделение труда иллюстрируют эмерджентные структурные свойства организаций. У наций также есть эмерджентные свойства, отличающиеся от характеристик различных групп населения, организаций и регионов»².

П. Блау выделяет четыре основных вида эмерджентных свойств.

Первый вид — «это численность элементов социальной совокупности»³. Размер группы является общим эмерджентным свойством всех социальных групп.

Второй вид эмерджентных свойств «относится к социальным отношениям между людьми, представляющим собой прямые связи между элементами структуры социальной группы»⁴. В самом деле, особенности связей между индивидами влияют на частоту взаимодействий, возможности использования властных и природных ресурсов и т.д.

Третий вид — «состав социальной совокупности, находящий свое выражение в различиях между её элементами»⁵. Имеются в виду такие различия как социальная дифференциация, этническая неоднородность, религиозный состав группы, формы разделения труда. Все эти и другие возможные различия способны проявиться в эмерджентных свойствах конкретной социальной общности.

Наконец, четвертый вид — «два типа структурных свойств более высокого порядка»⁶.

¹ Блау, П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 22–22.

⁶ Там же. С. 22.

Первый заключается в «глобальных характеристиках инфраструктуры общества». В зависимости от видения фундаментальной природы базиса общества возможны разные типы его анализа: К. Маркс, как известно, акцент делал на материальные экономические условия, подчеркивая диалектическую взаимосвязь производительных сил и производственных отношений (см. главу 6); Э. Дюркгейм — социальные факты, главным образом культурного толка (см. главу 5) и т.д.

Второй тип структурных свойств составляют «абстракции, выведенные из свойств более низкого порядка, из моделей либо социальных отношений между элементами, либо комбинаций элементов»¹. Примером тому могут являться различие членов общности, их распределение по различным положениям.

Теоремы П. Блау

В работе «Пересекающиеся социальные круги» П. Блау выдвигает и обосновывает ряд теорем, касающихся тенденций социального обмена на уровне межгрупповых отношений.

Вот некоторые из них.

Теорема 1. «По мере увеличения размера группы вероятный уровень внегрупповых отношений уменьшается»². Социолог замечает, что сам «вероятный уровень» зависит от других особенностей групп.

Теорема 2. «Гетерогенность способствует внутригрупповым отношениям»³. Благодаря разнородности возникают «плодотворные контакты» между членами различных групп, поясняет свою мысль П. Блау. Из этого следует, что социальный обмен взаимовыгоден представителям различных культур.

Теорема 4. «Мобильность (социальная) содействует развитию межгрупповых отношений»⁴. П. Блау добавляет, что

¹ Блау, П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 23.

² Blau, P. M., Schweartz, J. E. Crosscutting Social Circles. Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations. London: Academic Press, Inc., 1984. P. 31.

³ Там же. P. 41.

⁴ Там же. P. 54.

в обществе с высокой социальной мобильностью интенсивность межгрупповых отношений увеличивается.

Теорема 7. «Гетерогенность позитивно влияет на социальную мобильность»¹. Например, замечает П. Блау, можно ожидать, что увеличение разделения труда приведет к тому, что люди станут чаще менять место своей работы.

Теорема 14. «Социальная мобильность увеличивает консолидацию различных черт дифференциации»². П. Блау иллюстрирует данную теорему следующими примерами. Если немецкие евреи вынуждены переезжать на новое место жительства, то они будут искать район, в котором живут немецкие евреи. Люди, которые родились и воспитывались на юге более вероятно будут искать работу на фермах, где уже работают южане. Аналогично, тенденции восходящей мобильности в корпорациях обусловлены положениям данной теоремы.

Теорема 24. «Проникновение гетерогенности в субструктуры способствует социальной мобильности»³.

Теорема 25. «Проникновение неравенства в субструктуры способствует социальной мобильности»⁴.

Теорема 26. «Проникновение консолидированных различий в субструктуры способствует социальной мобильности»⁵.

Теоремы 24–26 основываются на том, что те или иные социальные различия, их плюрализм ослабляют внутригрупповые связи и лояльности, способствуя тем самым социальной мобильности.

Теорема 27. «Большой размер сообщества увеличивает уровень явного конфликта»⁶. П. Блау дает следующие пояснения данной теореме.

Явный конфликт между людьми зависит от конфликта интересов или ценностей, а также от возможностей контакта, без чего враждебность (политический диспут или физическое насилие) просто не может проявиться. Чем больше плотность населения, тем больше шансов для контактов как дружественных, так и враждебных.

¹ Blau, P. M., Schweartz, J. E. Crosscutting Social Circles. Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations. London: Academic Press, Inc., 1984. P. 58.

² Там же. P. 100.

³ Там же. P. 169.

⁴ Там же. P. 169.

⁵ Там же. P. 169.

⁶ Там же. P. 174.

Вместе с тем, для явного конфликта ещё нужны *причины*. Среди них социолог выделяет две главные.

Первая причина корнями уходит в конкретную систему ценностей: доминирование партикуляристского (специфического) отношения к представителям Мы-группы в противоположность Они-группы; сами попытки утверждения универсалистских социальных отношений, предполагающие общность ценностей *всех* групп, могут вызывать конфликты; характерная черта внутригрупповых отношений состоит в том, что она предполагает семена отторжения внешней группы. Причем вероятность явного конфликта тем больше, если группа руководствуется конкретной идеологией, которая обосновывает её (группы) превосходство и, соответственно, её особую миссию.

Второй главной причиной конфликта является неравномерное распределение ресурсов (доходов, благосостояния, власти, образования) среди населения. Однако само неравенство не ведет к явному конфликту. Вероятность конфликта и его характер зависит от *состояния сознания, вовлеченных в него сторон*.

В связи с этим заметим, что П. Блау особо подчеркивал значимость марковского понятия *ложного сознания* для интерпретации современных конфликтов.

Так, сознание людей может препятствовать их участию в борьбе, если в нем будут доминировать сиюминутные интересы или опасения, что ситуация может стать ещё хуже. Люди также могут верить, что лучший способ решения социальных проблем это капитализация экономики, а уже затем богатые помогут решить проблемы бедности. Или кто-то может винить себя за свои «недостатки», искренне веря в то, что блага достаются «более талантливым и достойным». Кроме того, если люди изолированно, сами по себе переживают свои лишения, то это также способствует подавлению тенденций к борьбе и делает маловероятным их участие в открытом конфликте.

Основные термины и выражения

Инстинктивизм — *instinctivism* — воззрение (Г. Лебон, У. Мак-Дугалл), интерпретирующее явления социальной жизни через призму теории инстинктов.

Легитимный авторитет — *legitimate authority* — 1) по М. Веберу — основание легитимного господства, которое может опираться на тра-

диции, признанные священными и неизменяемыми; на необыденный личный дар (харизму); на вера в обязательность легального установления и деловой компетентности, обоснованный рационально созданными правилами; 2) по П. Блау — совокупность определенных ценностей, предоставляющих больше власти и полномочий одним членам организации по сравнению с другими, что позволяет первым осуществлять функцию организованного социального контроля.

Необихевиоризм — *neobehaviourism* — направление в социальной мысли, представители которого ориентированы на изучение эффектов, возникающих в результате действий, определяя тем самым, чем в действительности является поведение. В отличие от классического бихевиоризма добавляются три принципиальных момента: в традиционную схему (стимул — реакция) вводится опосредствующее звено в виде промежуточных переменных (образы, знания, мотивы); признается активность живого организма в смысле способности обратного воздействия на стимулы, исходящие от среды; прагматизм, предполагающий разработку технологий поведения.

Обобщенный обмен — *generalized exchange* — тип обмена, в котором задействованы три и более акторов, причем это могут быть и крупные формальные организации.

Оперант — *operant* — по Б. Ф. Скиннеру — класс реакции — любое поведение, предполагающее взаимодействие с окружающей средой, которое эмпирическим путем можно выявлять и изучать.

Оперантное обусловливание — *operant reinforcement* — по Б. Скиннеру — вербальные стимулы, напрямую способствующие закреплению прошлых результатов конкретного поведения, что в итоге определяет современный характер поведения.

Подкрепление — *reinforcement* — по Б. Скиннеру — личность человека формируется и поддерживается благодаря системе позитивных и негативных подкреплений, возникающих в процессе социального взаимодействия, которые выражены в словах, обозначаемых ими образцов, что, по существу, регулирует социальное поведение людей.

Постулат агрессии-одобрения — *aggression-approval proposition* — по Дж. Хомансу — проявляется в двух модусах: первый относится к негативным эмоциям: «когда действие человека не вызывает ожидаемого вознаграждения»; второй — связан с позитивными эмоциями: «когда действие человека влечет ожидаемое вознаграждение».

Постулат депривации — пресыщения — *deprivation-satiation proposition* — по Дж. Хомансу — «чем чаще в недалеком прошлом индивид получал конкретное вознаграждение, тем менее ценным для него становится последующее награждение подобного рода».

Постулат стимула — *stimulus proposition* — по Дж. Хомансу — «если в прошлом под влиянием конкретного стимула или совокупности стимулов индивид совершал действие, отмеченное вознаграждением, то чем больше похожи ныне задействованные стимулы на прошлые, тем вероятнее, что человек совершит аналогичное или подобное действие».

Постулат успеха — *success proposition* — по Дж. Хомансу — «из всех возможных действий людей, чем более вознаграждается конкретное действие индивида, тем более вероятно, что индивид воспроизведет его снова».

Постулат ценности — *value proposition* — по Дж. Хомансу — «чем более ценным для человека является результат его действия, тем более вероятно его воспроизведение».

Программированное обучение — *programmed learning* — обучение по рационально составленной программе, предусматривающей конкретные этапы научения отдельным операциям.

Продуктивный обмен — *exchange, productive* — тип обмена, происходящий между двумя акторами, предполагающий, что оба актора вносят вклад, чтобы получить из него выгоду.

Прямой обмен — *direct exchange* — тип обмена, происходящий между двумя акторами, исход которого напрямую зависит от поведения самих акторов.

Социальная инженерия — *social engineering* — использование данных прикладной социологии для решения конкретных социальных и особенно управленческих проблем.

Социальный контроль — *social control* — по Б. Скиннеру — направленный контроль на разработку технологий поведения, на формирование общественно одобряемого поведения с помощью определенных подкреплений главным образом позитивного толка.

Теория социального обмена — *social exchange theory* — теория, рассматривающая обмен различными типами деятельности как главный фактор развития общественных отношений, а социальный порядок как ненамеренный результат действий обмена между членами общества.

Эмерджентность — *emergence* — 1) по Г. Зиммелю — при переходе от низкого к более высокому уровню развития возможно возникновение принципиально новых социальных и культурных явлений или новых свойств; 2) по Дж. Миду — неожиданное возникновение новой социальной реальности, как результат взаимодействия тела, сознания и самости; 3) по П. Блау — социальная структура тождественна эмерджентным свойствам комплекса составляющих её элементов, т.е. свойствам, не характеризующим отдельные элементы этого комплекса.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Как вы относитесь к идее Б. Скинера о том, что будущее человеческой цивилизации связано с созданием особых поведенческих технологий, направленных на рационализацию и гуманизацию деятельности человека. Кто однако будет конструировать контролирующее поведение и с какой целью? Будет ли это добром или злом

для тех, кого контролируют? Каковы, на ваш взгляд, перспективы развития социального контроля в России?

2. Дайте сравнительный анализ интерпретации поведения людей Э. Дюркгейма и Дж. Хоманса.

3. Проанализируйте эмерджентные свойства студенческой группы. Постарайтесь найти характерные для неё особенности социального обмена.

4. Теорема П. Блау гласит: «Гетерогенность позитивно влияет на социальную мобильность». Дайте свои критические комментарии, опираясь на ваш жизненный опыт.

Семинар «Идеи об управлении поведением: теории социального обмена»

1. Теоретико-методологические принципы социального обмена.
2. Постулаты Дж. Хоманса.
3. П. Блау: применение теории социального обмена к формальным организациям.

Литература

1. Блау, П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель / П. М. Блау // Американская социологическая мысль: Тексты. — М.: МГУ, 1994.
2. Девятко, И. Ф. Бихевиоризм. — Общий теоретико-идеологический фон стабилизационно ориентированной американской социологии: бихевиоризм — инвайронментализм — менеджериализм / И. Ф. Девятко // История теоретической социологии. Т. 3. — М.: КАНОН, 1998.
3. Девятко, И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования / И. Ф. Девятко. — М., 1996.
4. История социологии в Западной Европе и США // отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М, 1999.
5. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М.: Анкил, 2010.
6. Кукушкина, Е. И. История социологии: учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М.: ИНФРА-М, 2013.
7. Култыгин, В. П. Концепция социального обмена в современной социологии / В. П. Култыгин // Социс. — 1997. — № 5.
8. Култыгин, В. П. Современные зарубежные социологические концепции: учебник / В. П. Култыгин. — М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000.
9. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — СПб., 1995.

10. Скиннер, Б. Ф. Технология поведения. За пределами свободы и достоинства / Б. Ф. Скиннер // Американская социологическая мысль: Тексты. — М.: МГУ, 1994.

11. Хоманс, Дж. К. Возвращение к человеку / Дж. К. Хоманс // Американская социологическая мысль: Тексты. — М.: МГУ, 1994.

12. Хоманс, Дж. Статус конторских служащих / Дж. Хоманс // Кравченко, А. И. Социология: хрестоматия для вузов / А. И. Кравченко. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.

13. Blau, P. M. The American Occupational Structure / P. M. Blau. — N.Y., 1967 (with coauthors).

14. Blau, P. M. Formal Organizations: A Comparative Approach / P. M. Blau. — San Francisco, 1963 (with coauthors).

15. Blau, P. M. Exchange and Power in Social Life / P. M. Blau. — N.Y.: Wiley, 1964.

16. Blau, P. M. Inequality and Heterogeneity / P. M. Blau. — N.Y., 1977.

17. Blau, P. M., Crosscutting Social Circles. Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations / P. M. Blau, J. E. Schwartz. — London: Academic Press, Inc., 1984.

18. Evans, R. The Man and his Ideas / R. Evans, B. F. Skinner // Dialogues with Notable Contributors to Personality Series. Vol. IV. — N.Y., 1968.

19. Homans, G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms. Rev. ed. / G. C. Homans. — N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.

20. Homans, G. C. The Nature of Social Science / G. C. Homans. — N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1967.

21. Molm, L. D. Theories of Social Exchange and Exchange Networks / L. D. Molm // Handbook of Social Theory / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London: SAGE Publications, 2001.

22. Ritzer, G. Modern Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw-Hill Higher Education, 2000.

23. Skinner, B. F. Reflections on Behaviorism and Society / B. F. Skinner. — Englewood Cliffs, 1978.

Глава 15

СОЦИОЛОГИЯ П. СОРОКИНА: ЗАРОЖДЕНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МЕТАПАРАДИГМЫ

Питирим Александрович Сорокин (*Sorokin*) — выдающийся российско-американский социолог XX в., создатель интегральной парадигмы, на основании которой им были созданы теории социокультурных систем, социальной стратификации и социальной мобильности, революции и реформ, кризисов и катастроф.

Интегральная социология П. А. Сорокина знаменует собой переход к третьему поколению социологической теории, для которого свойственен новый — динамично-интегральный тип — социологического мышления. В принципе, само развитие мышления в контексте перехода к каждому новому поколению социологического теоретизирования свидетельствует о том, что его характер изменяется во времени и пространстве. Разграничительная линия типов социологического мышления проходит по интерпретации таких базовых категорий, как причинность, время, пространство, число и, соответственно, по характеру понимания самой социальной реальности и ее динамики.

Именно *динамично-интегральное социологическое мышление* составило *квинтэссенцию социологического воображения, характерного для представителей интегральной метапарадигмы*. Развернутую характеристику данного типа социологического воображения дал Ч. Миллс (см. главу 1.)

П. А. Сорокин родился 21 января 1889 г. в семье ремесленника, занимавшегося церковно-реставрационными работами. Мальчик рано остался сиротой. Однако с детства проявил необыкновенную тягу к знаниям, совмещая работу и образование. После сдачи экстерном экзаменов на аттестат зрелости П. А. Сорокин поступает в Психоневрологический, а затем в Петербургский университет, где встречается с выдающимся социологом того времени М. М. Ковалевским, ста-

новится его ассистентом и секретарем. Ещё студентом он в 1913 г. создает свой первый крупный труд *«Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали»*.

Занятие наукой П. А. Сорокин совмещает с политической деятельностью, являясь членом партии социалистов-революционеров, редактором её печатных органов. После Февральской революции 1917 г. П. А. Сорокин становится сподвижником премьер-министра А. Керенского и в итоге оказывается в тюрьме.

После революционных событий П. А. Сорокин всецело отдает себя науке. В 1919 г. он создает первый в России факультет социологии в Петроградском университете. Уже в следующем году им выпускается в свет *«Общедоступный учебник социологии»* и *«Система социологии»* в двух томах.

В 1922 г. П. А. Сорокин оставляет Россию — переезжает сначала в Чехословакию, а затем в США. Вскоре он возглавил социологический факультет Гарвардского университета. Здесь П. А. Сорокин публикует свои знаменитые работы *«Социология революции»*, *«Социальная и культурная динамика»* в четырех томах, *«Кризис нашего времени»* и многие другие.

Среди других работ П. А. Сорокина, опубликованных ныне в России: *«Социологические теории современности»*, *«Человек. Цивилизация. Общество»*, *«Человек и общество в условиях бедствия»*, *«Интегрализм — моя философия»*, *«Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства»*, *«Причины войны и условия мира»*, *«Современное состояние России»*, *«Общие черты и различия между Россией и США»*, *«Таинственная энергия любви»*, *«Долгий путь. Автобиографический роман»*.

П. А. Сорокин избирался президентом Американской социологической ассоциации.

Как и многие социологи, П. А. Сорокин был весьма нетерпим к мнениям своих оппонентов и даже коллег. Особенно нелицеприятно он отзывался о Т. Парсонсе, сменившего его на посту руководителя социологического факультета и преобразовавшего его в факультет социальных отношений.

Умер П. А. Сорокин 10 февраля 1968 года.

П. А. Сорокин был первым, кто попытался ликвидировать противостояние между микро и макро теориями, структурными и интерпретивными парадигмами, создал так называемую *интегральную социологию*. Социолог предложил изучать

общество, его явления с позиций как *объективности* социокультурных систем, находящихся в сложном движении — по горизонтали, вертикали и в виде флуктуаций (колебаний от оптимальной величины), так и с учетом *субъективного фактора* — сложной, интегральной сущности самого человека, его ценностного мира.

Социологическое воображение Сорокина позволило ему быть *пионером* в создании интегральной теории.

До него теорий *интегрального* типа просто не существовало. Он разработал ее на основе *синтеза* теоретических представлений как известных российских социологов — Л. И. Петражицкого, М. М. Ковалевского, так и западных — Э. Дюркгейма, М. Вебера, принадлежащих к разным социологическим поколениям и, казалось бы, не совместимым.

Вместе с тем, это не суммирование теоретико-методологического инструментария. Сорокинская теория — принципиально новый взгляд на человека, цивилизацию, общество, суть которого сам автор характеризовал как *интегрализм*¹. *Методологическая основа его парадигмы включает в себя в качестве внутренних компонентов синтез методов, включая эмпирический, рационалистический и интуитивный методы.*

15.1. Человек как «удивительное интегральное существо»

Доминирование социокультурного начала

Инновационное мышление позволило П. А. Сорокину *интегрально* подойти к сущности человека, создав, по его словам, «*новую интегральную теорию человеческой личности*».

По его мнению, человеческая личность формируется под воздействием ряда факторов — космических, биологических, социально-психологических, но прежде всего — *социокультурных*.

Здесь дело не столько в увеличении численности факторов, сколько в их *интегральном взаимодействии*, что П. А. Сорокин определяет следующим образом: «Человек с лучшей физической конституцией может лучше проигрывать “социокультурные записи”, чем тот, кто рождается с худшими наследственными данными; но то, какие записи

он станет играть, относительно мало зависит от органических или биологических факторов. Зовут ли его Смит или Джонс, протестант ли он или буддист, говорит ли он по-английски или по-турецки, республиканец он или демократ, лифтер или король, является ли он гражданином России или Сиам, состоит в моногамном или полигамном браке, носит восточную или американскую одежду — эти и другие социокультурные характеристики не наследуются биологически, а приобретаются в процессе взаимодействия с людьми, среди которых он рождается, воспитывается, получает образование»¹.

Интегральная природа человеческой личности формируется и в процессе интеракции индивидов друг с другом, которая также проходит под влиянием ряда факторов.

На характер взаимодействия людей оказывает влияние и бессознательные рефлексy, и биосознательные регуляторы — чувство голода и жажды, сексуальные влечения, и, наконец, социосознательные нормы и ценности.

«Новая интегральная теория человеческой личности, — поясняет П. А. Сорокин, — не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным “бессознательным”, рефлексно-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверх-сознательным творцом или духом»².

Интегральное использование каналов познания

Ученый также предложил интегральное использование каналов производства знания.

По П. А. Сорокину, всю окружающую нас действительность можно представить с помощью трех наиболее важных форм познания бытия, к которым относятся: эмпирически-чувственная, рационально-умственная и сверхчувственно-сверхрациональная форма.

При этом ученый особо подчеркивает, что истина, полученная при помощи интегрального использования чувства, разума и интуиции — это «более полная и более ценная истина, нежели та, которая получена через один из этих

¹ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 159.

² Сорокин, П. Главные тенденции нашего времени. М. : Институт социологии РАН, 1993. С. 143.

¹ Сорокин, П. Моя философия — интегрализм // Социс. 1992. № 10.

каналов... При интегральном использовании этих трех каналов познания они дополняют друг друга и контролируют»¹.

В результате наше знание о действительности представляет собой совокупный вклад ученых-эмпириков, мыслителей-логиков, великих религиозных и нравственных деятелей, а также представителей искусства.

Особо отметим, что П. А. Сорокин, подчеркивая значимость эмпирических исследований, резко выступал против «манипулирования математическими символами», «культы нумерологии», безосновательного использования математических формул в социальных науках. «При таких обстоятельствах, — отмечал он, — использование математического метода превращается в пустую *квантофреническую* идею, не имеющую ничего общего с математикой и не дающую никакого нового знания о мире»². Таких «ученых» П. А. Сорокин называл «нумерологами» и «метроманьяками», а их науку *квантофренией*.

Интегральное существо человека проявляется и в том, что он является не только эмпирическим наблюдателем и экспериментатором, рациональным мыслителем, но и *активным участником создания творческого начала во вселенной*.

Помимо неорганических и органических явлений, которые существовали до появления человека, люди создали новую реальность — *суперорганический или культурный мир*, имеющий компонент *смысла*. Именно смысл, который придает человек неорганическим или органическим явлениям, радикально меняет их ценность.

Для иллюстрации своего тезиса П. А. Сорокин приводит ряд примеров: кусок дешевой материи, прикрепленный к палке, благодаря своему смыслу превращается в национальный флаг, символ чести нации, ради которого люди жертвуют своей жизнью; биологически и физически нет человеческих организмов, которые были бы королями или героями, учеными или рабочими; в социокультурном отношении абсолютный монарх обладает несравненно большей силой, чем любой из его подданных, каким бы физически сильным он ни был. Все эти и миллионы других смыслов

¹ Сорокин, П. Моя философия — интегрализм // Социс. 1992. № 10. С. 134.

² Сорокин, П. Квантофрения // Кравченко А. И. Социология: хрестоматия для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 64.

появились благодаря созданному человеком суперорганическому миру.

Культурный мир

Весь *культурный мир* П. А. Сорокин подразделяет на:

- бесконечное множество *идеологических смыслов*, выраженных в языке, науке, религии, философии, искусстве;
- *образцы материальной культуры*;
- типы *социокультурных личностей* (хозяев и рабов, католиков и протестантов, французов и американцев и т.д.) и *социокультурных групп* (политических, экономических, профессиональных, религиозных и т.д.);
- *образцы поведения*, имеющих тот или иной набор смыслов (церемонии, ритуалы, поступки).

Человек создал суперорганический мир. Однако теперь этот мир посредством вышеотмеченных культурных реалий формирует как личность каждого индивида, так и облик каждой социальной группы.

Высшая интегральная ценность

Социологическое воображение позволило П. А. Сорокину обосновать *высшую интегральную ценность* — единство Истины, Красоты и Добра. Социолог подчеркивал, что для жизнедеятельности человека важно именно их *единство*.

По его мнению, человек весьма преуспел в добыче истины и в создании шедевров красоты. Однако за последние четыре столетия творчество в области Добра резко отстало от деятельности в области Истины и Красоты. Человеку не удалось обосновать эффективные пути и средства для своего морального возвышения, для контроля своих бессознательных инстинктов и чувственных вожделений, связанных с погоней за материальным благополучием, властью и наслаждениями. Его судьба, считает ученый, зависит ни от ООН, всемирного правительства или торжества демократии, а от *него самого* — от способности творить Добро, от «увеличения производства и аккумуляции неэгоистической любви к человеку и человечеству».

Неэгоистическая творческая любовь, утверждает П. А. Сорокин, может положить конец агрессивным нападениям индивидов и групп друг на друга; преобразовать враждебные отношения в дружеские; может оказать воздействие на международную политику и умиротворить конфликты. Кроме

того, неэгоистическая любовь необходима для физического, духовного и нравственного здоровья человека.

Опираясь на свои исследования, П. А. Сорокин отмечает, что люди альтруисты живут дольше, чем эгоисты; дети, лишенные любви, склонны к моральному уродству; любовь — сильнейшее средство против политического радикализма, экстремизма, социальной аномии. Любовь способна противостоять тенденциям к преступности, самоубийству, ненависти, психоневрозу.

По мнению П. А. Сорокина, известные до сих пор формы правления, будь то в Америке или России, не принимали в расчет Доброту, энергию неэгоистической любви, и потому «демократические режимы были почти столь же воинственными, неустойчивыми, как и авторитарные режимы, и имели такой же высокий уровень преступности»¹.

Полагаем, из-за умаления фактора Доброты, сугубо прагматического подхода к политическим преобразованиям, в стране никак не может сложиться механизм согласования многообразных интересов. Изначально политика либеральных демократов в России в 1990-е гг. была ориентирована на самые различные прагматические цели — спекулятивную куплю-продажу, приватизацию, ваучеризацию, сбор налогов и т.д. — но только не на то, чтобы новое взаимодействие людей привело к собственно *совершенствованию человеческих отношений*.

Однако, как показало providение социолога и подтвердила жизнь, «без любви все Билли о правах и все конституционные гарантии свободы есть пустая фраза»². Любые благие замыслы сами по себе вовсе не ведут к процветанию, согласию, миру, если они не обеспечивают производство любви и Доброты, их проникновение в социальные институты и культуры.

Вероятно, сорокинские прозрения, акцентирующие необходимость человеческих отношений, пропитанных взаимной любовью, есть та панацея, позволяющая стране вырваться из социально напряженного поля, в котором она оказалась несколько столетий назад, отойти от постоянного политического противоборства.

Для западного общества фактор Доброты в общественной и политической жизни также имеет свою актуальность.

¹ Сорокин, П. Таинственная энергия любви // Социс, 1991. № 8. С. 121.

² Там же. С. 150.

Особенно это касается внешней политики США, представлений ряда политических лидеров об «однополярном мире», в котором должен доминировать миропорядок с «единственной сверхдержавой». Отсюда следуют убеждения об особой роли США в поддержании международной безопасности, урегулировании конфликтов, в процессах демократизации других стран и т.д.

Именно Доброта, как считает П. А. Сорокин, является тем фактором, который позволяет человеку выдвигать гуманные цели и использовать для их достижения такие средства, которые *адекватны его интегральной природе*.

Из работы: П. Сорокин. Моя философия — интегрализм¹

Из бесчисленных модусов бытия наиболее важными являются три формы дифференциации:

- 1) эмпирически-чувственная;
- 2) рационально-умственная;
- 3) сверхчувственно-сверхрациональная.

Эмпирический аспект всеобщей реальности постигается нами с помощью наших органов чувств и инструментов их дополняющих: микроскопа, телескопа и т.д. Наука занимается главным образом (хотя и не исключительно) познанием этого чувственного аспекта.

Рациональный аспект действительности постигается главным образом нашим разумом: математической и логической мыслью во всех ее рациональных формах. Математика, логика и рациональная философия концентрируют свое внимание на познании этой формы бытия конечного X; проблески же сверхрационального и сверхчувственного аспекта даны нам лишь посредством поистине творческой сверхчувственной и сверхрациональной интуиции, или «божественного вдохновения» или «вспышки озарения» всех гениальных творцов — основателей великих религий, мудрецов, провидцев и пророков, гигантов философской и этнической мысли, великих ученых, артистов, нравственных вождей во всех областях культуры.

Эти гении единодушно утверждают, что их открытия или созданные ими шедевры были рождены и вдохновлялись милостью интуиции, и что они сами были всего лишь орудием этой творческой силы. В определенной степени каждого из нас время от времени посещает эта милость «высшего озарения».

Истина, полученная с помощью интегрального использования всех трех каналов познания — чувств, разума и интуиции, — это более полная и более ценная истина, нежели та, которая получена через один из этих каналов. История человеческого знания — это

¹ Сорокин, П. Моя философия — интегрализм // Социс. 1992. № 10.

кладбище, заполненное неправильными эмпирическими наблюдениями, неправильными рассуждениями и псевдоинтуициями. При интегральном использовании этих трех каналов познания они дополняют друг друга и контролируют. Интегральное познание означает также, что мы получаем знания о действительности не только от эмпириков-ученых и мыслителей-логиков, но также и от великих религиозных и нравственных вождей, подобно Будде и Иисусу, Конфуцию и Лао-цзе, а также от великих деятелей искусства, таких как Бетховен и Бах, Гомер и Шекспир, Фидий и Микеланджело.

В этом интегральном понятии общей реальности человек также постигается как удивительное интегральное существо. Он представляет собой не только эмпирический организм вида *homo sapiens*, и не только рационального мыслителя и деятеля, кроме того он является также сверхчувственным и сверхрациональным существом, активным участником высшего творческого *X* всей вселенной. Человек стал одним из творческих центров всей действительности. В противовес преобладающему в настоящее время мнению человек — это не только несознательное и сознательное творение, но он также является сверхсознательным творцом, который в состоянии контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных сил и который фактически делает это в моменты «божественного вдохновения» в наилучшие периоды своего интенсивного творчества. Величайшие открытия человечества, изобретения и другие великие творения были сделаны главным образом человеком как сверхсознательным творцом при помощи человека — рационального мыслителя и человека — эмпирического наблюдателя и экспериментатора.

Несмотря на относительно короткий период творческой истории человечества на нашей планете, общие результаты этого творчества поистине удивительны. Человек создал новое царство реальности и известной нам вселенной. Помимо двух основных классов реальности — неорганических и органических явлений — которые существовали на нашей планете до появления человека — человек создал третий основной класс явлений — суперорганических или культурных, который сильно отличается от неорганических и органических. В противовес неорганическим явлениям, состоящим только из одного физико-химического компонента и органическим явлениям, состоящим из двух компонентов — физического и жизненного — явления культурного мира имеют «нематериальный» компонент «смысла» (как идея, ценность, моральная норма поведения), который накладывается на физический и/или жизненный компоненты. Этот компонент смысла радикально меняет природу неорганических и органических явлений, которую он пронизывает и на которую накладывается. Без своего смысла книга, скажем «Республика» Платона, — это всего лишь физический предмет

(бумага), имеющий геометрическую форму и физико-химические свойства. Смысл же превращает этот предмет в суперорганическую систему великих идей, для которой физические свойства (бумаги) уже не имеют значения, поскольку эта система идей и ценностей может быть воплощена с помощью других физических средств — записана на пластинку или на папирус, выражена словами. Кусок дешевой материи, прикрепленный к палке, благодаря своему смыслу превращается в национальный флаг, символ чести и величия нации, ради которого люди жертвуют своей жизнью и убивают других людей. Без компонента смысла не будет большой разницы убийством как преступлением, убийством на войне и казнью преступника, поскольку сам физический акт выстрела и убийства может быть во всех этих случаях случайным. Лишенная своего смысла, Венера Милосская превращается в простую глыбу мрамора. Биологически и физически нет человеческих организмов, которые были бы «королями», «папами», «генералами», «героями», «святыми». Все эти и миллионы других смыслов накладываются на человеческий организм посредством суперорганической культуры.

Эти примеры показывают специфическую культурных или суперорганических явлений и удивительную роль «смысла» в превращении биологических явлений в нечто, совершенно отличное от его биологической и физической природы...

Среди всех смысловых ценностей суперорганического мира есть одна высшая интегральная ценность — истинная *summum bonum* (лат. вершина добра). Это невидимое единство Правды, Добра и Красоты. И хотя каждый член этого высшего Троиства обладает ярко выраженной индивидуальностью, все три неотделимы друг от друга, так же как и христианская троица — Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух. Настоящая Правда всегда добра и красива; истинное добро всегда правдиво и красиво; и чистая красота неизменно истинна и добра. Эти величайшие ценности не только неотделимы одна от другой, но они также и превращаются друг в друга, подобно тому, как одна форма энергии может быть превращена в другие. Каждая вновь открытая истина — это одновременно вклад в добро и красоту. Любой акт неэгоистической любви (добра) обогащает мир истины красоты, и каждый шедевр красоты морально облагораживает и духовно просвещает членов человеческого общества. (Этого, однако, нельзя сказать в отношении фальшивой правды, показного добра и неистинной красоты.) Поэтому главная историческая миссия человечества состоит в безграничном созидании, накоплении и усовершенствовании Истины, Красоты и Добра в самой природе человека, в человеческом уме и поведении, в суперорганическом мире человека и вне его, в отношении человека ко всем людям, ко всем живым существам и всей вселенной. Осуществляя эту задачу, человек наилучшим образом выпол-

няет свой долг по отношению к Высшему творцу вселенной. Каждый шаг на пути к осуществлению этой цели приближает человека к Высшему творцу. Человек становится истинным Сыном Божиим, созданным по образцу и подобию Божьему. Каждое важное достижение на пути к осуществлению этой великой миссии — это подлинный прогресс человека и человечества. Любая неудача становится шагом назад в человеческой истории. Эта миссия является подлинным мерилom человеческого прогресса.

В настоящий исторический момент первостепенной потребностью человечества является увеличение неэгоистической творческой любви (добра) в суперорганическом мире. Человечество может выжить, если на протяжении следующих нескольких десятилетий не будут созданы новые шедевры красоты и не будет сделано новых важных открытий. Однако вопрос о том, выживет ли человечество и будет ли наблюдаться прогресс в его творческой деятельности, становится в высшей степени сомнительным, если «производство, накопление и реализация» неэгоистической любви в человеческом мире не увеличится...

Ни Организация Объединенных Наций, ни Всемирное правительство не смогут обеспечить длительный внутренний и международный мир, если их деятельность не будет подкреплена альтруизмом людей, групп, институтов и культуры в целом.

То же самое можно сказать и о современном образовании, в котором со времен X века произошел необычайный прогресс. Однако несмотря на колоссальное увеличение количества школ и грамотных людей, а также возросшее количество научных открытий, не уменьшилось количество войн, кровавых революций и жесточайших преступлений. Напротив, XX век, самый научный и самый образованный, был самым кровавым из предшествующих двадцати пяти веков греческо-римской и европейской истории...

Наши исследования показывают, что неэгоистичная творческая любовь, о которой мы знаем очень мало, представляет собой потенциально огромную силу:

а) Она может положить конец агрессивным нападениям индивидов и групп друг на друга;

б) Она может преобразовать враждебные отношения в дружеские;

в) Любовь порождает ненависть;

г) Любовь может оказать реальное воздействие на международную политику и умиротворить международные конфликты.

Кроме того, неэгоистическая и мудрая любовь проявляется как:

д) Животворная сила, необходимая для физического, духовного и нравственного здоровья;

е) Люди альтруисты живут дольше, чем эгоисты;

ж) Дети, лишённые любви, имеют тенденцию к моральному и социальному уродству;

з) Любовь — это сильное противоядие против тенденций преступности, патологии и самоубийств, против ненависти, страха и психоневроза;

и) Любовь выполняет важные познавательные и эстетические функции;

к) Любовь это самое возвышенное и эффективное средство для просвещения и морального облагораживания человечества;

л) Любовь — это сердце и душа свободы и всех основных моральных религиозных ценностей;

м) Минимум любви совершенно необходим для длительного существования любого общества и особенно для гармоничного социального порядка и творческого прогресса;

н) И наконец, в настоящий катастрофический момент человеческой истории увеличение «производства, накопления и циркуляции энергии любви» и заметная альтруизация личностей и групп, институтов и культуры есть необходимое условие для предотвращения новых войн и смягчения конфликтов между индивидами и группами.

Все вышеизложенное доказывает, что в настоящий момент увеличение неэгоистической творческой любви это первостепенная задача человечества. Если эта задача будет успешно решена — а она может быть решена, если человечество возьмется за нее серьезно, — тогда чрезвычайно опасный кризис нашего века может быть преодолен, и блестяще продолжится творческая миссия человечества. И тогда «новое небо и новая земля» — гармония, счастье, творчество — будут приветствовать грядущие поколения.

15.2. Социокультурные суперсистемы и флуктуация обществ

Социокультурные суперсистемы в истории человеческой цивилизации

Оригинальность социологического воображения П. А. Сорокина проявилась при анализе *тенденций изменения* социума, которые до него мыслились как «прогрессивное» восхождение от «низшего» к «высшему».

Ученый предложил *принципиально иной* подход.

В работе «*Социальная и культурная динамика*» социолог исследовал перемены в системах истины, науки, политики, общественных отношений, сознания и мышления в разных цивилизациях и в разные исторические периоды, придя к выводу, что эти изменения, в конечном счете, обусловлены *характером флуктуаций* чувственной, идеациональной/идейной и интегральной культур: «ни идеациональный,

ни чувственный типы культур никогда не существовали в чистом виде, но все интегрированные культуры в действительности оказываются состоящими из различных соединений этих двух чистых логико-смысловых форм. В некоторых преобладает первый тип, в некоторых — второй; в каких-то они оба смешаны...»¹.

Переход от одного типа культуры к другому носит весьма *сложный характер*, ибо временные параметры флукционного цикла определить невозможно, но общая направленность изменений предполагает прохождение ряда последовательных этапов: *дезинтеграция социокультурного порядка — кризис — или гибель общества, или мобилизация сил — новый социокультурный порядок*.

В культуре человечества П. А. Сорокин выделяет множество различных по величине культурных систем.

К *основным культурным системам* социолог относит язык, науку, философию, религию, искусство, этику, право. Когда эти системы утверждаются, они реализуются в поведении и образе жизни их носителей. При этом они *изменяются*, будучи подверженными флукционному циклам.

Кроме этих обширных систем, есть еще более обширное культурное единство, обозначенное П. А. Сорокиным как *социокультурные суперсистемы*, которые различаются в зависимости от характера своих *основных ценностей*.

По мнению ученого, все экономические, политические, социальные реалии, типы личностей и групп необходимо анализировать именно в контексте процесса периодической смены друг друга трех известных до сих пор социокультурных суперсистем — *религиозной или идейной, чувственной и интегральной* при доминировании одной из них.

Так, например, в Европе с VI по XII вв. главенствующей была религиозная суперсистема, согласно ценностям которой экономика, политика, право, мораль, философия, искусство были *подчинены теологии*. Высшей истиной считалась религиозная истина. Начиная с XVI и вплоть до XX в. в Европе утверждается и доминирует *чувственная культура*, которая акцентирует такие чувственные ценности, как благосостояние, комфорт, наслаждение, популярность, жажда

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : ЗХГИ, 2000. С. 45.

власти и славы — все это детерминирует преобладающий тип личности, образ социальных групп, характер институтов.

В истории человеческой цивилизации были периоды, хотя непродолжительные, когда преобладала *интегральная суперсистема культуры* — греко-римская культура IV–VI вв. до н.э., а также европейская культура XIII в.

П. А. Сорокин считает, что, начиная с XX в., на смену чувственной культуре идет *культура интегральная*, утверждающая в качестве доминирующей ценности «бесконечное разнообразие, состоящее из чувственного, рационального и надрационально-сверхчувственного аспектов»¹.

Основной закон истории

Опираясь на *циклическое* видение исторического процесса, П. А. Сорокин обосновал, как ему представлялось, «*основной закон истории*», согласно которому происходит перманентная флуктуация (колебание от средних параметров) как социокультурных суперсистем, так и обществ, равно, как их конкретных сфер: типы политики, экономики, идеологии не являются постоянными и не развиваются по восходящей линии, а непрерывно «качаются между полюсами тоталитаризма и строго свободных режимов».

Ученый исходит из признания отсутствия устойчивой линейной тенденции и механистической периодичности; разнообразия ритмов и «тактов»: множество разнообразных фаз, ритмов и тактов в каждой волне «подтверждает тезис о “творчески беспорядочном” характере исторического процесса. Формула Гегеля описывает лишь один из многих ритмов и тактов, характерных для самых разнообразных волн»².

Кроме того, П. А. Сорокин обосновывает *интегральную причинность* развития общества, подчеркивая значимость как *детерминистской*, так и *неодетерминистской причинности*.

Ученый формулирует ряд следующих принципов.

1. *Принцип имманентного порождения последствий*. «Любая социокультурная система, — пишет он, — пока она существует и функционирует, непрерывно порождает

¹ Сорокин, П. Социологические теории современности. М. : ИНИОН, 1992. С. 37.

² Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : ЗХГИ, 2000. С. 340.

последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы... Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности»¹.

2. *Принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы*: «Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и «привычный» способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью ее свойств»².

3. *Имманентная самодетерминация как синтез детерминизма и индетерминизма*: «Детерминизм системы превращается в ее самодетерминацию. Самодетерминация — это синоним свободы»³.

Как видно, социологическое воображение ученого настолько оригинально, что на его основе были сделаны выводы, *переосмысливающие прежние представления об общественном прогрессе в виде поэтапного развития*.

«История, — писал П. А. Сорокин, — *показывает только бесцельные флуктуации*... вопреки моему желанию увидеть в истории этапы поступательного, прогрессивного развития, я неизбежно терплю неудачу, пытаюсь как-то подкрепить такую теорию фактами. В силу этих обстоятельств я вынужден удовлетвориться менее чарующей, хотя, возможно, более корректной концепцией бесцельных исторических флуктуаций»⁴.

Основной закон истории П. А. Сорокин применяет при анализе современных ему обществ. Чувственная форма социокультурной суперсистемы является, по П. А. Сорокину, главной детерминантой современного общества, его образа жизни. Под воздействием флуктуации в XX в. начался процесс дезинтеграции чувственных обществ, который так или иначе охватил все страны мира.

¹ Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : ЗХГИ, 2000. С. 741.

² Там же. С. 741.

³ Там же. С. 743.

⁴ Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 310.

К счастью, замечает П. А. Сорокин, процесс дезинтеграции, как правило, вызывает *мобилизацию сил*, которая не только борется с дезорганизацией, но также начинают строить *новый интегральный социокультурный порядок*, который характеризуется следующим образом.

Новый социополитический строй ставит целью построение современного научного знания и аккумулированной мудрости человечества; он вдохновляется не «борьбой за существование и взаимным соперничеством», но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью, вытекающих из этих отношений»¹.

Естественно, что новый социополитический строй предполагает и новые тенденции в деятельности властных организаций самого разного толка — правительств, деловых корпораций, профсоюзов и иных организаций. Развивая свою мысль, П. А. Сорокин отмечает, что «хорошее правительство близкого будущего будет нуждаться в том, чтобы каждый научный администратор успешно выполнял задачу интеграции узкого знания во взаимодействие с учеными и мудрецами, и одновременно будет нуждаться также в моральных руководителях, чтобы вести правительство в их служении только целях добра, а не зла»².

Можно сколь угодно критически оценивать деятельность нынешней власти в России, однако, объективности ради, отметим, что отдельные черты тенденций интегрального социокультурного порядка (приход во властные структуры ученых-специалистов) просматриваются и у нас.

15.3. Социальная стратификация и мобильность, теоремы флуктуации

Абсолютность социальной стратификации

По П. А. Сорокину, социальная стратификация — это *дифференциация определенной совокупности людей на классы и слои в иерархическом ранге, что выражается в неравномерном распределении прав и привилегий, ценностей, власти и влияния*. Конкретное проявление социальной стратификации весьма многочисленны.

¹ Сорокин, П. Главные тенденции нашего времени. М. : Институт социологии РАН, 1993. С. 56.

² Там же. С. 59.

Однако, как считает П. А. Сорокин, их можно свести к трем основным формам — *экономической, политической и профессиональной*.

Все они находятся во взаимосвязи друг с другом: представители высших политических кругов, как правило, относятся и к высшим экономическим и профессиональным слоям. И наоборот: неимущие, как правило, не занимают престижные места в политической сфере.

Любая социальная группа стратифицирована. Ни одна из попыток уничтожить экономическую, политическую или профессиональную стратификацию не увенчалась успехом. Однако это не означает, что социальная стратификация по своим качественным и количественным параметрам остается неизменной. Напротив, социальная стратификация любой группы зависит от социокультурного характера общества, соответственно, она постоянно флуктуирует.

Социальная мобильность и ее флуктуация

Под социальной мобильностью П. А. Сорокин понимает *переход индивида из одной социальной позиции в другую*.

При этом он выделяет два типа социальной мобильности — *горизонтальную* и *вертикальную*.

Под горизонтальной мобильностью подразумевается *переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же социальном уровне* (повторный брак, перемена места работы и т.д.) при сохранении прежнего социального статуса.

Под вертикальной социальной мобильностью подразумевается *перемещение индивида из одного социального уровня в другой*, при этом может быть как *восходящая* мобильность так и *нисходящая*.

По степени и характеру перемещения индивидов различаются *открытые* и *закрытые* типы обществ.

В реальной жизни нет как абсолютно открытых, так и абсолютно закрытых обществ — между полюсами существует множество средних, промежуточных типов. По интенсивности вертикальной мобильности можно судить о демократичности общества — *интенсивность вертикальной мобильности меньше в закрытых, недемократических странах и наоборот*.

Социальная мобильность также имеет тенденцию к флуктуации. Ее интенсивность изменяется от общества к обще-

ству, а в рамках одного и того же общества отмечается сравнительно подвижные и неподвижные периоды.

Так, в истории России периодами рельефно выраженных перемещений были — правление Ивана Грозного, царствование Петра I, Октябрьская революция. В то время по всей стране старая правительственная верхушка была практически уничтожена, а люди из низших социальных слоев заняли высшие управленческие должности.

Для иллюстрации разной степени интенсивности вертикальной мобильности в политической сфере П. А. Сорокин приводит таблицу, в которой показан процент «пришельцев» среди монархов и руководителей высших уровней различных стран, поднявшихся до самого высокого социального положения из низших слоев (см. табл. 1).

Таблица 1

Интенсивность вертикальной политической мобильности¹

Страна	Процент «выскачек» среди монархов и администраторов высших уровней
Западная Римская империя	45,6
Восточная Римская империя	27,7
Россия	5,5
Франция	3,9
Англия	5,0
Соединенные Штаты Америки	48,3
Президенты Франции и Германии	23,1

Вместе с тем, как считает П. А. Сорокин, в вертикальной мобильности в ее трех основных формах — политической, экономической, профессиональной — нет постоянного направления ни в сторону усиления, ни в сторону ослабления ее интенсивности. Это положение действительно для истории любой страны, истории больших социальных организмов и, наконец, для всей истории человечества.

Вертикальная мобильность присутствует в той или иной степени в любом обществе, постольку в каждом обществе

¹ Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 380.

есть своеобразие «лестницы», каналы социальной циркуляции, по которым люди могут перемещаться из одного слоя в другой. К наиболее важным таким каналам социолог относит институты армии, религии, образования, политических партий, коммерции и семьи.

Рассмотрим две конкретные формы флуктуации социальной стратификации — политическую и экономическую.

Политическая флуктуация

На основе цикличного видения социокультурных изменений П. А. Сорокин обосновал свою знаменитую *теорему флуктуации*, согласно которой колебания суперсистем по не выявленной ритмической регулярности (хотя в принципе социолог не исключал возможность установления тенденций ритмичности циклов) детерминируют флуктуацию обществ между прогрессом и регрессом, развитием демократических свобод и авторитаризмом, мирным периодом и военным, революционным и эволюционным и т.д.

Изменения происходят в определенном количественном и качественном направлении, пока не будет достигнута «точка насыщения». Далее изменения идут по инерции, а то и просто по принуждению. Исчерпав потенциал политического движения в одном направлении, начинается обратное движение, хотя и на новой основе.

Так происходит замещение одной властной системы другой, альтернативной системой, которая, в свою очередь, под влиянием доминирования новых ценностных ориентаций начнет движение уже в другом направлении до «точки насыщения». Затем весь процесс повторится вновь.

В своих работах социолог подверг критике концепции, по которым власть развивается по восходящей линии согласно линейным «историческим тенденциям» — от монархии к республике, от самодержавия к демократии, от правления меньшинства к правлению большинства и т.д. По его мнению, эти тенденции не подкреплены фактами.

Кроме того, для оценки степени свободы граждан от власти более важным критерием является *характер государственного контроля и вмешательства*, а не альтернативная пара монархия — республика. При этом П. А. Сорокин выдвигает и аргументирует тезис о том, что кривая государственного контроля не постоянна, она варьируется от страны к стране, а в рамках одного и того же общества зависит от времени, меняющихся социокультурных ценностей.

Так, говоря об абсолютизме российской государственной власти, П. А. Сорокин отмечает, что это явление «не есть нечто случайное или исключение» и зависит от ряда факторов:

— от военного или мирного состояния страны (если военное состояние будет длиться, область государственного вмешательства будет расти);

— от селекции населения в годы войны и революции — процент гибели лиц выдающихся, одаренных, умственно квалифицированных, с глубоким сознанием долга (с красной и белой стороны) был гораздо выше, чем процент гибели «рядовой серой массы». «Остаются и выживают люди второго и третьего сорта: менее здоровые, менее волевые, менее независимые, которые менее способны бороться за личную свободу против государственной опеки, и потому более легко подчиняются произволу властителей».

Далее, по П. А. Сорокину, не подтверждается линейная «тенденция» смены правления меньшинства на правление большинства.

Процент людей, участвующих в политической власти, изменяется во времени и пространстве. Это справедливо не только в отношении демократических правительств, но и коммунистических, социалистических, синдикалистских и иных политических ориентаций.

Тоже касается и другой альтернативной пары политического *равенства — неравенства*. В любом обществе постоянно идет борьба между силами политического *выравнивания* и силами *стратификации*. Когда колебания профиля политической стратификации в одном из направлений становятся слишком резкими, то противоположные силы разными способами увеличивают свое давление и приводят профиль стратификации к точке равновесия.

Кроме того, флуктуирует высота и профиль политической стратификации. По П. А. Сорокину, здесь проявляется следующие тенденции.

При нормальных условиях, свободных от социальных потрясений в обществе, в котором есть институт частной собственности, изменения высоты и профиля политической стратификации *ограничены*.

При чрезвычайных обстоятельствах происходят *радикальные изменения высоты и профиля политической стратификации*. Профиль может стать или очень плоским или

очень вытянутым и высоким, но такое положение всегда кратковременно.

Если «политически плоское» общество не погибает, то «плоскость» быстро вытесняется усилением политической стратификации. И, наоборот, если политическое неравенство становится слишком сильным и достигает точки перенапряжения, то правящей верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой.

Экономическая флуктуация

П. А. Сорокин исходит из того, что теории бесконечного экономического прогресса ошибочны. Исторические факты свидетельствуют, что периоды накопления богатств сопровождались периодами их уменьшения или растраты. Под этим углом зрения социолог различает большие и малые циклы в экономическом развитии и анализирует разные типы флуктуации, их конкретные выражения.

Отметим некоторые из них, которые социолог сформулировал в виде следующих теорем.

1. *Средний уровень благосостояния и доходы различных обществ существенно меняются от одной страны к другой и от одной группы к другой.*

2. *Средний уровень благосостояния дохода в одном и том же обществе меняется во времени: материальные «подъемы» и «падения» — нормальные явления будь то для семьи, корпорации, территориальной группы.*

В истории семьи, нации или любой другой группы не существует устойчивой тенденции ни к обогащению, ни к обнищанию. Все направления — вниз или вверх — фиксированы только для ограниченного периода времени.

Кроме того, флуктуирует высота и профиль экономической стратификации.

По П. А. Сорокину, здесь проявляется следующие тенденции.

При нормальных условиях, свободных от социальных потрясений в обществе, в котором есть институт частной собственности изменения высоты и профиля экономической стратификации ограничены. При чрезвычайных обстоятельствах происходят радикальные изменения высоты и профиля экономической стратификации. Профиль может стать или очень плоским или очень вытянутым и высоким, но такое положение всегда кратковременно.

Если «экономически плоское» общество не погибает, то «плоскость» быстро вытесняется усилением экономической стратификации. И наоборот — если экономическое неравенство становится слишком сильным и достигает точки перенапряжения, то экономической верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой.

Из работы: П. А. Сорокин. Социокультурная динамика и эволюционизм¹

Критиковавшие логику линейных теорий показали, что, во-первых, линейный тип изменения лишь один из многих возможных; во-вторых, для того чтобы линейное движение или изменение было возможно, изменяющийся объект должен либо находиться в абсолютном вакууме и не испытывать воздействия внешних сил, либо действие этих сил на протяжении всего процесса изменения должно быть скомпенсировано, т.е. эти силы должны находиться в таком «замечательном равновесии», чтобы они могли нейтрализовать друг друга в каждый момент времени и, таким образом, позволить изменяющемуся объекту двигаться в одном направлении, будь это движение прямолинейным, спиралеобразным или колебательным...

В-третьих, многие другие предположения, лежащие в основе линейных теорий, такие, как спенсеровский принцип «нестабильности однородного», оказались необоснованными — логически и фактологически.

В-четвертых, было показано, что логическая структура линейных теорий внутренне противоречива. Например, теория Спенсера утверждает, что высшим проявлением единообразия всех видов изменения, начиная с движения материальных тел и кончая социокультурными процессами, является ритм, в котором чередуются фазы эволюции и разложения, интеграции и дезинтеграции, дифференциации и дедифференциации. Если последовательно применить эту теорию к изменению социокультурного явления, то она будет противоречить любой неограниченной линейной теории эволюции. Она предполагает, что «эволюция» и ее направление должны смениться «разложением» с направлением, противоположным или хотя бы отличающимся от направления «эволюции». Находясь, во власти линейной концепции, Спенсер пренебрегает этим требованием своей собственной теории и, выделяя лишь направление эволюции, не только противоречит своим собственным принципам, но и сталкивается с целым рядом других трудностей. То же самое с небольшими поправками можно сказать практически обо всех линейных теориях изменения.

¹ Сорокин, П. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1994

В-пятых, в линейных теориях уязвимо для критики оперирование «человечеством» как единицей изменения. Большинство этих теорий прослеживают соответствующую линейную тенденцию в истории человечества в целом. Линейные теории, не касающиеся важнейшего вопроса о том, может ли «человечество», — ни в коей мере не объединенное в какую-либо реальную систему в прошлом, — рассматриваться как единица изменения, происходящего с «начала человеческой истории по настоящее время», вряд ли имеют какое-либо реальное значение. Очевидно, что такая тенденция не может реализоваться и в жизни-истории каждого человека, потому что миллионы людей в прошлом жили и умирали, не достигая позднейших ступеней заданного пути и не проходя всех его якобы необходимых этапов. Таким же образом подавляющее большинство человеческих сообществ существовали и исчезали, находясь на начальных стадиях того или иного направления развития, а тысячи современных обществ до сих пор находятся на самых ранних ступенях развития. В то же время многие сообщества никогда не проходили начальных стадий развития, а возникали уже с характеристиками более поздних этапов.

Далее, огромное число обществ и групп прошли в своем развитии не те этапы, которые описываются соответствующими «законами эволюции-прогресса», и в отличной от предписанной этими «законами» временной последовательности. Иные группы показали регресс от более поздних стадий к более ранним. И наконец, в жизни каждого индивида, группы и человечества в целом в каждый данный момент времени можно обнаружить сосуществование множества стадий развития — от самых ранних до наиболее поздних. Если теперь из «человечества», к которому предположительно относится этот закон, исключить всех индивидов и все группы людей, развитие которых отклоняется от направления «закона эволюции» с его стадиями, то останется (если вообще что-нибудь останется) совсем небольшая группа, «историческое изменение» которой подчиняется так называемым универсальным тенденциям и законами линейного развития. Одного этого довода достаточно, чтобы считать эти тенденции и законы лишь к очень небольшой части человечества, а никак не универсальными законами социокультурной эволюции.

15.4. Социология революции

Негативные демографические изменения

Революции и, как правило, сопутствующие им войны усиливают и ускоряют дезинтеграцию чувственного общества. Это проявляется буквально во всех сферах общества.

Негативные изменения происходят в численности и составе населения: в годы революций еще больше, чем в годы войны повышается смертность и падает рождаемость, что видно из данных приведенных П. А. Сорокиным (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

Движение кривой смертности. На 1000 чел. умерло¹

Годы	В Петрограде	В Москве
1913	21,4	24,1
1915	22,8	22,1
1916	23,2	20,1
1917	25,2	21,2
1918	43,7	28,0
1919	72,6	45,1
1920	50,6	46,2
1921	27,8	—

В условиях революционного времени браки становятся бесплодными и превращаются в «легальную форму случайных половых связей» без «санкций и обязательств, без потомства».

Для исторических судеб любого общества весьма важно, какие качественно элементы населения в нем увеличились или уменьшились в определенный период флуктуации. Изучение расцвета и гибели целых народов свидетельствует, что одной из основных причин тому было *резкое качественное изменение состава населения* в ту или иную сторону.

Таблица 3

Движение брачности и рождаемость. На 1000 чел. приходилось браков и родилось²

Годы	Петроград браки	Москва браки	Петроград рождения	Москва рождения
1913	6,3	—	26,4	—

¹ Сорокин, П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 186.

² Сорокин, П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 187.

Окончание табл. 3

Годы	Петроград браки	Москва браки	Петроград рождения	Москва рождения
1914	6,0	5,5	25,0	31,0
1915	5,0	4,1	22,5	27,0
1916	4,7	3,9	19,1	22,9
1917	8,5	5,3	17,8	19,6
1918	9,2	7,5	15,5	14,8
1919	20,7	17,4	13,8	17,5
1920	27,7	19,6	21,8	21,9
1921	26,7	—	36,0	—

П. А. Сорокин утверждает, что изменения населения России в годы войн и революций — погибли преимущественно физически здоровые, трудоспособные и энергичные, морально и умственно развитые люди — были типичны для всех крупных войн и революций. Если в целом за эти годы население всех возрастов уменьшилось на 13,6%, то в возрасте от 15 до 60 лет — на 20%, а мужская часть — на 28%.

С начала войны почти все мужчины из высших учебных заведений были мобилизованы и скоро очутились на поле битвы. Их погибло в 6—7 раз больше, чем рядовой, умственно не квалифицированной массы. Общая смертность ученых, писателей, художников прямо и косвенно погибших от войны и революций, увеличилось в 6—7 раз по сравнению с довоенным временем¹.

Закон социального иллюзионизма

П. А. Сорокин обратил внимание и на то, что в особые периоды флуктуации общества, его ценности и *идеалы тоже флуктуируют*. Причем колеблется не только их качество, но изменяется и их сущность, и сам характер. *Ценности и идеалы, воспроизведенные в революционный период, как правило, иллюзорны*.

Их анализ позволил социологу сформулировать «особый закон», названной им «законом социального иллюзионизма».

¹ Сорокин, П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 188—189.

П. А. Сорокин приводит ряд лозунгов, выдвинутых Февральской и Октябрьской революциями, сравнивает их с действительностью по истечению 2—3 лет. Так, ставилась задача разрушить социальную пирамиду неравенства, уничтожить эксплуататоров и эксплуатируемых. Действительно, «кто был ничем, тот стал всем», но сама пирамида имущественного и правового неравенства не исчезла — теперь у массы не стало даже формальных прав, включая право на жизнь.

Добивались восьмичасового рабочего дня — теперь же под видом «субботников» и «сверхурочных» рабочих заставляли работать по 12—14 часов, а крестьяне 3—4 дня в неделю должны были отдать коммунистической «барщине», выполняя «дровяную, сплавную, гужевою, подворную, строительную, хлебную, молочную» и т.п. повинности.

Революциями была провозглашена свобода — совести, слова, печати, союзов, собраний — получили то, что власть стала «учитывать и контролировать» все стороны поведения и взаимоотношения людей: гражданам предписывалось, какой профессией заниматься, где жить, что читать и писать, во что верить, что хвалить, что порицать и т.д.

Провозглашался мир — на деле установился милитаризованный режим, пронизывающий все стороны общества.

Декларировался принцип автономии народов — установилось невиданное при царизме централизованное и бюрократизированное управление регионами.

Хотели уничтожить капитализм — разрушили средства производства и обращения, а в конечном счете — хозяйство страны в целом. Вместо «хлеба» — голод и вымирание, вместо «диктатуры пролетариата» — неограниченная тирания, попирающая интересы рабочих и крестьян.

Заметим, «закон социального иллюзионизма» П. А. Сорокин обосновал в 1920—1930-е годы.

Будучи оторванными от достижения мировой социологической мысли, россиянам потребовалось несколько десятилетий, чтобы начать понимать иллюзорность идей, *выдвинутых во все периоды радикальных перемен*. Достаточно вспомнить заявления В. И. Ленина о том, что сам приход большевиков к власти сделал страну «самой демократической» в мире или Н. С. Хрущева о том, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме, или М. С. Горбачева — о предоставлении каждой семье отдельной квартиры к 2000 году и т.д.

Факторы, определяющие характер власти

Вопрос о власти, о характере политического устройства общества всегда был центральным вопросом всякой революции. Его анализирует и П. А. Сорокин.

Тоталитарно-коммунистическая власть, по его мнению, не является случайностью. Её глубинные корни опять-таки следует искать в процессе флуктуации обществ. В истории человеческой цивилизации такой строй возникал в Египте и Вавилонии, в Спарте и Риме, во Франции времен революций и Наполеона, в Австрии — Иосифа II, Пруссии — Фридриха II, в России — Петра I.

Конкретными же «родителями» этого строя всегда были, по П. А. Сорокину, *война и голод*, соответственно, сопутствующие определенным фазам колебания социокультурных суперсистем. Чем рельефнее проявлялись «независимые переменные» войны и голода, тем выше уровень коммунизма и этатизма, тем больше власть регулирует поведение и взаимоотношения граждан.

В России силы войны и голода поворачивали «маховое колесо» истории в сторону данного направления. «Начало коммунизации — этатизации и в политической, и в правовой, и экономической области, — отмечал П. А. Сорокин, — было положено руками царского правительства (военные положения, ограничения прав личности, права собственности, частной торговли, контроль промышленно-торговых дел, права реквизиции и национализации с 25 октября 1915 г. и т.д.) ... Временное правительство в лице своего высшего экономического совета и министерства продовольствия продолжило линию этатизации-коммунизации. При нем, особенно в области экономической, были установлены все начала принудительного коммунизма... Большевикам ничего нового не пришлось вносить, кроме введения классового пайка да дальнейшей уравнилельно предельной централизации и коммунизации. Все главное было сделано до них и без них»¹.

Можно спорить с П. А. Сорокиным по поводу оценок политических действий представителей той или иной конкретной власти, но, очевидно, социолог прав по большому счету: у народа, участвующего в войне, народа, испытываю-

щего дефицит средств к существованию может быть лишь *сознание и поведение, адекватные авторитарной власти*. Вся последующая история подтверждает, что авторитарный режим держался на культивировании «образа врага» и поддержании дефицита.

Социолог верно спрогнозировал падение коммунистической власти с прекращением войны и ростом сытости населения, хотя и ошибся в сроках, полагая, что это произойдет значительно раньше.

«Биологизирующая» роль революции

П. А. Сорокин отмечает, что революции, несмотря на побуждения самих революционеров, изменяют поведение людей далеко не в лучшую сторону, культивируя вражду, злобу, ненависть, разрушение, обман.

Освободиться от этих явлений никому не дано, они неизбежны, ибо революции «биологизируют» поведение людей.

Правда, замечает социолог, в революции есть и жертвенность, и подвижничество, и героизм. Но «эти явления — достояние единиц, а не масс», их роль ничтожна сравнительно с «биологизирующей» и «криминализирующей» ролью революции.

Для аргументации своего тезиса П. А. Сорокин ссылается на статистические данные (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика преступности в Москве¹

Группы преступлений	1914 г. (коэффициент принят за 100)	1918—1919 гг.
Кражи	100	315
Вооруженный грабеж	100	28500
Простой грабеж	100	800
Покушение на убийство	100	1060
Мошенничество	100	370

¹ Сорокин, П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 161—162.

¹ Сорокин, П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 170.

На этом основании П. А. Сорокин делает далеко идущий вывод: невозможно искусственно, революционным путем внедрить справедливое, демократическое общество. «Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, — писал он, — и все же этим не создадите из нее прекрасного общества. И наоборот, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития»¹.

«Закон позитивной и негативной поляризации»

Означает ли, что общество, оказавшееся в кризисе, будет и далее продолжать воспроизводить силы, способствующие социальной аномии, обрекая себя на самоуничтожение?

Нет, не означает, хотя гибель общества, по П. А. Сорокину, в принципе не исключена.

Возможность выхода общества из кризиса социолог связывал, прежде всего, с *интегральной сущностью человека*, его *социальной активностью* и особенно *характером* этой активности.

Согласно «закону позитивной и негативной поляризации», во время кризисов люди ведут себя *неоднозначно*: одна часть общества становится более склонной к *социальной девиации* (негативный полюс), а другая — к *моральному совершенствованию и религиозности* (позитивный полюс). В зависимости от типа личности, превалирования биологического или социального фактора, индивиды тяготеют либо к одному полюсу, либо к другому.

Примерами «негативной поляризации» может быть рост эгоизма и самоубийств, ожесточения, тупая покорность судьбе, криминальные деяния и т.д. «Позитивная поляризация», по П. А. Сорокину, проявляется в росте творческих усилий и альтруизма, в жизни по моральным заповедям, увеличении неинституализированной религиозности, возникновении и развитии пацифистских и насильственных ассоциаций, во взаимном проникновении и интеграции разных мировоззренческих ориентаций.

Результат «эпохальной борьбы» между силами «позитивной» и «негативной поляризации», считает П. А. Сорокин, никто «не в состоянии предсказать с уверенностью». Однако тенденция, по мнению ученого, оптимистическая:

¹ Сорокин, П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 188.

«Хотя силы негативной поляризации кажутся еще преобладающими, тем не менее силы позитивной поляризации обнаруживают уже заметную способность для сдерживания и уменьшения губительных действий сил нерелигиозности и деморализации»¹.

Человек не может пассивно созерцать эти процессы, как считает П. А. Сорокин. Сообразно своему историческому предназначению — творить Истину, Красоту и Добро — он должен предпринять попытки трансформировать общество в гуманистическом направлении.

15.5. Природа кризисов человеческой цивилизации

Интеллектуальная мощь социологического воображения П. А. Сорокина раскрывается при анализе *природы кризисов* человеческой цивилизации.

В отличие от многих обществоведов, считавших кризисы аномальным периодом в развитии общества, П. А. Сорокин полагал, что кризисы являются *естественным состоянием* развития общества, обусловленным процессом *перехода от одних культурных ценностей к другим*. Кризисы представляют собой *неизбежную фазу* в социокультурной динамике цивилизаций. Особое внимание ученый уделял исследованию того, при каких условиях кризисы ведут к *катастрофе* общества, а при каких — *переходу* в иную социокультурную систему.

П. А. Сорокин выделяет два широко распространенных в научных кругах подхода к кризису и анализирует их.

Представители первого «рассматривают его просто как обострение очередного экономического или политического кризиса. Суть его они видят в противопоставлении либо демократии и тоталитаризма, либо капитализма и коммунизма, либо национализма и интернационализма, деспотизма и свободы, или же Великобритании и Германии. Среди этих диагностов встречаются даже такие «эксперты», которые сводят суть кризиса всего лишь к конфликту «плохих людей», вроде Гитлера, Сталина и Муссолини, с одной стороны, и «людей хороших», типа Черчилля и Рузвельта, — с другой.

¹ Сорокин, П. Главные тенденции нашего времени М. : Институт социологии РАН, 1993. С. 143.

Исходя из такой оценки, эти диагносты назначают и соответствующее лечение — легкое или более радикальное изменение экономических условий, начиная с денежной реформы, реформы банковской системы и системы социального страхования, кончая уничтожением частной собственности»¹. Кое-кто в качестве средства от кризиса предлагает «устранение Гитлера и других “нехороших людей”»².

Второй подход предполагает весьма пессимистический диагноз. «Он рассматривает данный кризис как предсмертную агонию западного общества и культуры... Западные общества и культура уже пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка... Не существует средства, которое могло бы отбросить предначертанное»³.

Сорокин *против* и первого, и второго подходов к оценке природы кризиса и, соответственно, средств выхода из него.

Во-первых, он не согласен по поводу *социального пространства*, охваченного кризисом. По его мнению, это не экономический или политический кризис. Данный «кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это — кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это — кризис форм социальной, политической и экономической организации, включая формы брака и семьи»⁴.

Во-вторых, сорокинское «*почти!*», относящееся к западной культуре и обществу, имеет принципиальное значение. Это кризис *не всего* западного социума. «Правда, — замечает П. А. Сорокин, — эти явления безусловно составляют основной массив всей культуры Запада, однако тем не менее они охватывают не все социально-культурные феномены, составляющие эту культуру как единое целое. Не интегрированные в чувственную форму компоненты могут продолжать свое существование и даже успешно функционировать. Так как они не являются частью тонущего чувственного корабля, то и нет необходимости в их полной гибели»⁵.

¹ Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М. : ИСПИ РАН, 2009. С. 99—100.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 100—101.

⁵ Там же. С. 108.

В-третьих, суть кризиса формулируется совсем иначе: «кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий». Подчеркнем, сорокинская позиция предполагает кризис «*основополагающих*», но *не всех* форм западной культуры и общества.

Из нее, в-четвертых, следует, что «полное разрушение нашей культуры и общества, провозглашенное пессимистами, невозможно также и по той причине, что общая сумма социальных и культурных феноменов западного общества и культуры никогда не были интегрированы в одну унифицированную систему. Очевидно, что никогда не было соединено, не может быть и разъединено»¹.

Наконец, в-пятых, П. А. Сорокин не связывает преодоление кризиса с «агонией» или «смертью» западной цивилизации вообще, а с переходом к *иному* социокультурному порядку. «Настоящий кризис, — пишет он, — представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, какой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета. Точно также как замена, одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества, и его культуры, которые подвергаются трансформации»².

Сорокин также анализирует *причины кризиса*. Среди них — *увеличение неравенств (!)* среди людей. «Жажда чувственных ценностей, — пишет он, — не только не смогла ликвидировать, но еще более увеличила экономическое и другие проявления неравенства людей»³.

Подчеркнем, по П. А. Сорокину, проблема не в социальном неравенстве как таковом, а в его *увеличении*. Если это увеличение проходит *определенный порог*, то такие выражения как «равенство возможностей», «свобода» и «права человека» превращаются лишь в «громко звучащую фразеологию»⁴. Если неравенство достигает точки перенапряжения и происходят радикальные изменения высоты и профиля стра-

¹ Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М. : ИСПИ РАН, 2009. С. 107.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 237.

⁴ Там же. С. 237.

тификации, то грядут социально-политические катаклизмы и силы выравнивания снесут верхушку общества, которое станет более плоским в социальном отношении.

Причиной кризиса является также утверждение особого типа свободы, обозначенной П. А. Сорокиным как «чувственная свобода», которая в условиях «ничем не ограничиваемом взаимодействии чувственных вожделений и желаний» серьезно дискредитировала сами идеалы свободы. «Свобода слова, печати, мысли являются величайшим благом, когда они неотделимы от нравственных и социальных обязательств. Однако когда они перерождаются в безответственную и разнузданную пропаганду, в сенсационность желтой прессы, бесконтрольный выпуск непристойных пьес и романов, или же превращаются в средства дискредитации и подрыва истинных ценностей, они становятся социальной и культурной отравой, значительно более опасной, нежели простое отрицание свободомыслия»¹.

К сожалению, эти практики «чувственной свободы» ныне пришли в Россию.

Особо социолог указывает на то, что частью общего кризиса западной культуры стал «кризис договорного общества», возникший опять-таки под влиянием чувственной культуры: в условиях неодолимой жажды денег, богатства, выгоды, удовольствий и чувственного благоденствия «невыполнение оговоренных контрактом обязательств является неизбежным, а с развитием нравственного нигилизма оно непременно будет расти»².

Сказанное касается не только социально-экономических, но и политических отношений: «для кандидата стало почти обычным правилом давать огромное количество предвыборных обещаний и забывать о них после избрания безо всяких угрызений совести».

Еще одну причину кризиса П. А. Сорокин видит в *трагическом дуализме* чувственной культуры: «Мы восхваляем любовь и культивируем ненависть. Мы объявляем человека священным и безжалостно его убиваем. Мы провозглашаем мир и ведем войну. Мы верим в сотрудничество и солидарность, но преумножаем конкуренцию, соперничество, антагонизм и конфликты. Мы стоим за порядок и замысливаем

революции. Мы гордимся правами человека, священной конституцией и мирными соглашениями; но мы же лишаем человека всех прав и разрываем все соглашения и пакты. И так продолжается бесконечно. Трагический дуализм нашей культуры очевиден, он углубляется день ото дня»¹.

Как видно, П. А. Сорокин показал *многогранную* природу кризиса, его огромные *пространственные* и *временные* масштабы. Его *главная причина в дезинтеграции чувственной культуры*.

Лейтмотив грядущих катастроф, с которыми столкнется все человечество, стал центральным в последующих работах П. А. Сорокина, посвященных изучению кризиса: «Человек и общество в опасности» (1942 г.), «Переустройство человечества» (1948 г.), «Социальные философии эпохи кризиса» (1950 г.), «СОС. Смысл нашего кризиса» (1951 г.), «Власть и нравственность» (1959 г.). К сожалению, до сих пор не все эти работы переведены на русский язык или переведены лишь их отдельные фрагменты.

В 1964 г., появилась его книга «*Главные тенденции нашего времени*».

В ней П. А. Сорокин выдвигает идеи о том, что для преодоления кризиса осуществится переход к *многополярному миру*, что было обосновано в виде следующих трех долговременных тенденциях: «во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих возникновение и постепенный рост первых компонентов нового — интегрального — социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности»².

Эти три тенденции взаимосвязаны между собой. Последние пять-шесть веков евро-американские народы осуществляли творческое лидерство человечества. «В течение этого короткого периода, — пишет П. А. Сорокин, — они блестяще выполняли свою творческую миссию, особенно в области

¹ Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М. : ИСПИ РАН, 2009. С. 239.

² Там же. С. 240.

¹ Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М. : ИСПИ РАН, 2009. С. 271.

² Сорокин, П. Главные тенденции нашего времени. М. : Институт социологии РАН, 1993. С. 11.

науки, технологии, чувственных изящных искусств, политики и экономики. В настоящее время, однако, европейское монополистическое лидерство можно считать почти завершившимся. Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать — помимо Европы, Америк и России — возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира»¹.

Воистину социологическое воображение П. А. Сорокина *обладает огромной прогностической силой*. По существу, сбылся почти в деталях его прогноз о возникновении многополярного мира с доминированием конкретных государств. Подчеркнем, эти мысли были высказаны в годы существования *биполярного* мира, Карибского кризиса, «холодной войны», накалившей до предела взаимоотношения двух систем.

Не удивительно, социологические воззрения П. А. Сорокина, по большому счету, тогда казались утопиями и не были востребованы ни в Советском Союзе, ни в США, — каждая сторона претендовала на *монополизм* и *универсализм* своих ценностей.

15.6. Реформирование общества в условиях кризиса

П. А. Сорокин написал ряд работ, в которых исследуются проблемы реформирования кризисного общества. Одна из основных — «Человек и общество в условиях бедствия»².

Главный смысл реформ, по П. А. Сорокину, — они должны исходить из интегральной сущности человека и ни в коем случае не препятствовать его базовым инстинктам.

Для этого, как минимум, необходимо:

- чтобы сущности человека соответствовала форма производства и распределение благ;
- чтобы функции государства в конечном счете стимулировали творческую активность населения;

¹ Сорокин, П. Главные тенденции нашего времени. М. : Институт социологии РАН, 1993. С. 11.

² Сорокин, П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии, 1993. № 3.

— чтобы утвердился морально-правовой порядок, единый как для власти, так и населения.

Соответственно, в форму производства должна быть заложена постоянно действующая пружина, именуемая «личным интересом», «хозяйственной автономностью и ответственностью». Занесение на красную доску ордена, похвалы в газетах и т.д., по мнению П. А. Сорокина, — «искусственные стимулы», их роль ничтожна, «она не способна дать сотую часть того положительного эффекта, который дает «личный интерес»».

П. А. Сорокин предложил ряд конкретных мер:

— «ясное и категорическое признание права собственности»;

— налоги должны быть таковы, чтобы сохранялась «уверенность лица в прочности своих прав на результаты своей хозяйственной деятельности» (налог по принципу «чем больше — тем лучше» ущемляет стимул «личного интереса» и его положительных эффектов);

— исключить хозяйствование в «формах частного хищничества» (аренда предприятий, позволяющая выжимать из них сиюминутную прибыль «ценой окончательного их разрушения»);

— имущественная дифференциация не должна быть безмерной, что «толкает нищие массы на разгром существующего порядка», порождает преступления, бунты, ведущие к разгрому производительных сил страны (обе крайности — уравнильность и безмерное имущественное неравенство — ведут к печальным результатам)»¹.

Функции государства, особенно экономические не должны подавлять ни субъективность индивида, ни функцию собственно общества. Огосударствление общества, по мнению социолога, неизбежно ведет к безынициативным, примитивным способам ведения хозяйства.

В подтверждение своего тезиса П. А. Сорокин приводит ряд примеров.

Национализировали промышленность — деятельность многих предприятий прекратилась. Национализировали жилище — дома, став по сути бесхозными, начали разваливаться. Национализировали торговлю — прилавки опустели. Такие следствия огосударствления объясняются не неопыт-

¹ Сорокин, П. Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства // Социс, 1994. № 2. С. 4–6.

ностью и неумелостью организаторов, а тем, что огосударствление не предусматривает селекционный механизм, позволяющий в процессе конкуренции и хозяйственного риска отсеивать людей бездарных и выдвигать действительно талантливых.

Разгрузка государства от несвойственных ему функций позволила бы государству уделять больше внимания охране внутреннего порядка, суду, осуществлению культурных функций.

Наконец, реформы должны обеспечить введение надлежащего правового порядка, который должен содействовать производительной и творческой деятельности населения.

Продуктивная экономическая деятельность, считает П. А. Сорокин, возможна только при правовом поведении, как самого населения, так и органов власти.

Для этого необходимо, чтобы все граждане России стали «субъектами прав, участниками, членами единого общего коллектива, а не бесправными париями, не объектами прав, не материалом в руках народных пастырей»¹. Для этого от власти, в частности, требуется организация независимого суда, оздоровление исполнительно-административного аппарата, а от граждан — усилие к действительному уважению чужих прав, исполнению своих личных прав и обязанностей, соблюдение общественного мира.

Основные термины и выражения

Вертикальная мобильность — *vertical mobility* — по П. А. Сорокину — перемещение в социальной структуре с повышением или понижением социального статуса.

Горизонтальная мобильность — *horizontal mobility* — по П. А. Сорокину — перемещение индивида или группы в рамках социальной структуры без изменения социального статуса.

Закон позитивной и негативной поляризации — *law of positive and negative polarization* — по П. А. Сорокину — во время революций и кризисов люди ведут себя не однозначно: одна часть общества становится более склонной к социальной аномии (негативный полюс), а другая — к моральному совершенствованию и религиозности (позитивный полюс).

¹ Сорокин, П. Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства // Социс, 1994. № 2. С.14.

Закон социального иллюзионизма — *law of social illusionism* — по П. А. Сорокину — ценности и идеалы, воспроизведенные в революционный период, как правило, иллюзорны.

Интегральная социология — *integral sociology* — парадигма, предложенная П. А. Сорокиным, который на основе синтеза научных, культурных и религиозных представлений обосновал целостный взгляд на исторический процесс как на последовательность трех социокультурных суперсистем — религиозной, чувственной и интегральной.

Катастрофа — *catastrophe* — по П. А. Сорокину — бедствие с трагическими последствиями, которые, вместе с тем, имеют «обучающее значение».

Кризис — *crisis* — поворотный момент, влияющий на ход развития общества и культуры.

Культура — *culture* — по П. А. Сорокину — материальные и духовные ценности, выражающие определенный уровень исторического развития, типы социокультурных личностей, образцы поведения.

Основной закон истории — *basic law of history* — по П. А. Сорокину — происходит перманентная флуктуация идейной, чувственной и интегральной социокультурных суперсистем.

Социальная мобильность — *social mobility* — перемещение индивида или социальной группы в социальном пространстве.

Социальная стратификация — *social stratification* — 1) Э. Дюркгейму — распределение людей в социальной структуре сообразно общественному разделению труда; 2) по К. Марксу — различия людей сообразно их принадлежности к конкретному классу, как результат определенных экономических отношений, что является главным фактором классовой борьбы; 3) по М. Веберу — структура, ранжирующая людей по социальным статусам и власти; 4) по П. А. Сорокину — дифференциация некой совокупности людей на классы в иерархическом ранге в виде трех основных форм — экономической, политической и профессиональной, сущность которой в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния.

Суперорганический мир — *super-organic world* — по П. А. Сорокину — мир, созданный человеком, включающий в себя: бесконечное множество идеологических смыслов, выраженных в языке, науке, религии, философии, искусстве; образцы материальной культуры; типы социокультурных личностей и социокультурных групп; образцы поведения, имеющих тот или иной набор смыслов — церемонии, ритуалы, поступки.

Флуктуационный цикл — *fluctuation cycle* — по П. А. Сорокину — цикл, предполагающий прохождение ряда последовательных этапов: дезинтеграция социокультурного порядка — кризис — или гибель общества, или мобилизация сил — новый социокультурный порядок.

Флуктуация — *fluctuation* — по П. А. Сорокину — отклонение какой-либо социокультурной реальности от своих обычных, средних параметров.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Политика Доброты не имеет ничего общего с американо-центристским порядком и вообще с блоковой политикой. Отнюдь не случайно ряд политиков и обществоведов в самих США выступает за равноправное сотрудничество между всеми народами, включая взаимоотношения между американскими и российскими народами. Как замечает С. Хантингтон, дальнейшая эскалация идеологии и политики однополярного мира чревата превращением США в «одинокую сверхдержаву» и отчуждением от неё многих стран мира. Есть ли, по вашему мнению, основания полагать, что ситуация в XXI веке изменится, и народы мира предпримут существенные усилия для производства Доброты? А может быть Доброта и Любовь — то средство, с помощью которого можно преодолеть политический радикализм, экстремизм, терроризм? Что же будет доминировать в будущих человеческих отношениях: борьба за существование или Доброта?

2. Сравните и проанализируйте подходы Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, П. А. Сорокина к социальной стратификации. Покажите возможности их использования для интерпретации социальных реалий современного российского общества.

3. По «закону позитивной и негативной поляризации», обоснованному П. А. Сорокиным, люди во время кризисов не ведут себя неоднозначно. Если свидетельства тому, что особенности современного российского общества отвечают духу этому «закону»?

4. Ценности и идеалы, воспроизведенные в революционный период, как правило, иллюзорны. Это вытекает из «закона социального иллюзионизма». Сорокин распространял действие этого «закона» на глобальный уровень. А что вы можете сказать по поводу «революционных» преобразованиях на локальном уровне — предприятии или фирмы?

5. П. А. Сорокин, как известно, отстаивал тезис о «взаимной конвергенции США и Советской России». Как вы полагаете, о каких сферах общественной жизни, подверженных конвергенции, писал ученый? Как проявляет себя эта тенденция сегодня?*

* Вопрос повышенной сложности. Для ответа на него прочитайте полностью следующие работы П. А. Сорокина: Главные тенденции нашего времени. М. : Институт социологии РАН 1993; Общие черты и различия между Россией и США // Социс, 1993. № 8

Круглый стол «Интегральная социология П. А. Сорокина и российская современность»

1. Фактор доброты в российской культуре.
2. Социодинамика российской культуры.
3. Теоремы экономической, политической и профессиональной флуктуации в контексте социальной мобильности. Особенности социальной мобильности в современном российском обществе.
4. Социология революции. Революции в России: их ненамеренные последствия.
5. Возможности использования сорокинской методологии для определения судьбы реформирования современной России.

Литература

1. *Голосенко, И. А.* Питирим Сорокин о внутренних нарушениях социального порядка / И. А. Голосенко // Социс. — 2000. — № 4.
2. *Джонстон, Б. В.* Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени / Б. В. Джонстон // Социс. — 1999. — № 6.
3. История социологии в Западной Европе и США. — М. : НОРМА — ИНФРА, 1999.
4. *Кравченко, С. А.* Кризис нашего времени — неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П. А. Сорокина) / С. А. Кравченко // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 3—4.
5. *Кравченко, С. А.* Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.
6. *Сорокин, П.* Моя философия — интегрализм / П. Сорокин // Социс. — 1992. — № 10.
7. *Сорокин, П.* Квантофрения / П. Сорокин // Кравченко, А. И. Социология : хрестоматия для вузов // А. И. Кравченко. — М. : Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
8. *Сорокин, П.* Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства / П. Сорокин // Социс. — 1994. — № 2.
9. *Сорокин, П.* Общие черты и различия между Россией и США / П. Сорокин // Социс. — 1993. — № 8.
10. *Сорокин, П.* Причины войны и условия мира / П. Сорокин // Социс. — 1993. — № 12.
11. *Сорокин, П.* Современное состояние России / П. Сорокин // Новый мир. — 1992. — № 4, 5.
12. *Сорокин, П.* Социализм и социальное равенство / П. Сорокин // Социс. — 2001. — № 5.
13. *Сорокин, П.* Тайнственная энергия любви / П. Сорокин // Социс. — 1991. — № 8, 9.

14. *Сорокин, П.* Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) / П. Сорокин // Вопросы социологии. — 1993. — № 3.
15. *Сорокин, П.* Главные тенденции нашего времени / П. Сорокин. — М. : Институт социологии РАН 1993.
16. *Сорокин, П. А.* Заметки социолога. Социологическая публицистика / П. А. Сорокин. — СПб. : Алетейя, 2000.
17. *Сорокин, П. А.* Общедоступный учебник социологии / П. А. Сорокин. — М. : Наука, 1994.
18. *Сорокин, П. А.* Самоубийство как общественное явление / П. А. Сорокин // Социс. — 2003. — № 2.
19. *Сорокин, П. А.* Система социологии. Т. 1 и 2 / П. А. Сорокин. — М. : Наука, 1993.
20. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. — СПб. : ЗХГИ, 2000
21. *Сорокин, П. А.* Социологические теории современности / П. А. Сорокин. — М. : ИНИОН, 1992.
22. *Сорокин, П. А.* Условия и перспективы мира без войны / П. А. Сорокин // Социс. — 1999. — № 5.
23. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. — М. : Политиздат, 1992.
24. *Return of Pitirim Sorokin* / Ed. by S. A. Kravchenko and N. E. Pokrovsky. — М. : International Kondratieff Foundation, 2001.

Глава 16

Т. ПАРСОНС: СОЗДАНИЕ СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОДХОДА

Толкотт Парсонс (*Parsons*) родился 13 декабря 1902 г. в профессорской семье. Его отец был президентом колледжа.

Получил всестороннее образование как в американских, так и европейских учебных заведениях. По окончании в 1924 г. Амхерст колледжа он переезжает в Англию, поступает в Лондонскую школу экономики, где специализировался в области экономики, антропологии и социологии. Его наставником был Б. Малиновский — один из крупнейших социальных антропологов XX в. В следующем году он направляется в Германию для продолжения учебы в Гейдельбергском университете. Здесь он защищает докторскую диссертацию, посвященную анализу капитализма, в которой в значительной степени присутствуют идеи М. Вебера и других европейских социологов.

В 1927 г. Т. Парсонс возвращается в Америку и начинает преподавательскую и научную деятельность в Гарвардском университете. Ученый переводит и издает с обширными комментариями ряд работ М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето.

В 1937 г. выходит в свет его книга «Структура социального действия», в которой критически анализируются взгляды М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, А. Маршалла и на основе их интеграции предложена собственная теория социального действия. В 1951 г. он издает вторую фундаментальную работу «Социальная система», в которой свою теорию распространяет на анализ собственно человеческого общества. Её центральная тема — социальный порядок, природа интеграции и стабильности социальных реалий.

С середины 1940-х гг. Т. Парсонс становится наиболее авторитетным социологом США. В 1946 г. он сменяет своего

наставника и учителя П. Сорокина на посту декана социологического факультета, а затем преобразует его в факультет социальных отношений (что вызвало крайнее раздражение у П. Сорокина). В 1949 г. Т. Парсонс избирался президентом Американской социологической ассоциации.

Среди других работ Т. Парсонса: «Рабочие тетради по теории действия», «Система современных обществ», «К общей теории действия», «Общетеоретические проблемы социологии», «Социологическая теория и современное общество», «Социальная структура и личность», «Социальная система и эволюция теории действия» и др.

Умер Т. Парсонс в 1979 году.

Т. Парсонс в автобиографическом очерке «О построении теории социальных систем: личная история» отметил, что его целью жизни было создание *общей, универсальной* теории, пригодной для анализа *любых* живых систем, начиная от одноклеточного организма и кончая сложнейшими человеческими цивилизациями.

Что же общего могло быть у этих *микро* и *макро* реалий — простейшего организма и человеческого общества?

Наличие *структурированной системы*, которая в своих *действиях* стремится к *порядку* и *определенной рациональности*. Естественно, что Т. Парсонс, прежде всего, пытался сделать свою теорию применимой для исследования человеческого общества. Последовательно идя к этой цели, ученый создает сначала *теорию социального действия*, а затем на её основе *теорию социальной системы*, в которых раскрываются *принципы функционирования* систем разных уровней *во взаимосвязи*. Как видно, амбиции ученого — объять необъятное. Понятно, чтобы к этому приблизиться потребовалась *весьма сложная* аналитическая конструкция, которая, по мысли ученого должна помогать интерпретировать конкретные явления действительности.

Сразу скажем, по мнению многих современных социологов, Т. Парсонсу не все удалось, есть очевидные противоречия в преемственности базовых понятий, использовавшихся в разные периоды творчества (хотя сам Т. Парсонс в упоминавшемся выше труде особо подчеркивает *постоянство* своего теоретико-методологического инструментария).

И все же мировая социологическая мысль необычайно высоко ценит инновационность мышления Т. Парсонса за то, что ему *удалось реально сделать* — создать принципиально новую теорию, позволяющую исследовать общество на *раз-*

ных системных уровнях — микро и макро. Такой подход оказался очень востребованным. По существу, Т. Парсонсом была создана школа современного структурного функционализма с многочисленными учениками и последователями, в числе которых Р. Мертон, Н. Смелсер и др.

16.1. Теория социального действия

Идейно-теоретические истоки

Социолог начал свою преподавательскую и научную карьеру, когда американское общество переживало депрессию. Ни одна социальная теория того времени не давала достаточно всеохватывающего объяснения тем процессам, которые разворачивались тогда в Америке, переживавшей глубокую экономическую депрессию. Эти теории упрощали, огрубляли и примитивизировали представления о социальной системе, её функциях, способностях к самосохранению и совершенствованию.

Т. Парсонс, в частности, подверг критике интерпретивные теории, рассматривавшие поведение индивида на *микро* уровне и, с его точки зрения, абсолютизовавшие индивидуальную и общественную рациональность (М. Вебер). Не принял он и популярные в то время *макро* теории, в которых главным фактором общественного развития рассматривалась политическая борьба, а поддержания порядка — власть или навязанные ею санкции (К. Маркс).

Что же предложил Т. Парсонс вместо этого?

Во-первых, *интеграцию* достижений *ряда* социальных наук. Преобразование в Гарвардском университете факультета социологии в факультет общественных отношений было отнюдь не случайно. Эта новация была подчинена *интегративной цели* — для задуманного ученым анализа *любых* живых систем потребовались усилия таких социальных наук как клиническая и поведенческая психология, антропология и, конечно, социология.

Во-вторых, Т. Парсонс предпринял попытки интеграции собственно *социологических принципов*, которые разрозненно содержались в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, З. Фрейда и английского экономиста А. Маршалла. Сюда же, очевидно, следует добавить П. А. Сорокина, который явился основоположником интегральной парадигмы.

Т. Парсонса, в частности, привлекла веберовская трактовка социального действия как действия, имеющего субъективную мотивацию индивида и ориентированного на окружающих людей. Ему были также симпатичны «идеальные типы», которые позволяли создавать обобщенные представления конкретных явлений действительности. Вместе с тем, он считал, что М. Вебер остановился на полпути к созданию теории социального действия, ибо не учитывал *сочетание, систему*, предложенных им переменных. В этой связи, по мнению Т. Парсонса, возникает опасность произвольного выбора переменных, что могло привести к искажению или мозаичному толкованию социальной реальности.

В теории Э. Дюркгейма его особенно заинтересовали структурно-функциональный метод и идея порядка как результата коллективных представлений. Так же как и Э. Дюркгейм, Т. Парсонс исходит из того, что для социальной жизни более характерны «взаимная выгода и мирная кооперация, чем взаимная враждебность и уничтожение». При этом утверждалось, что только приверженность общим ценностям обеспечивает основу порядка в обществе.

Свои взгляды социолог иллюстрирует примерами коммерческих сделок. При осуществлении сделки заинтересованные стороны составляют контракт, в основе которого лежат нормативные правила. С точки зрения Т. Парсонса, страх санкций за нарушения правил недостаточен, чтобы заставить людей безусловно следовать им, главное — моральные обязательства. Поэтому правила, регулирующие коммерческие сделки, должны вытекать из общепризнанных ценностей, которые констатируют, что является правильным, должным. Порядок в экономической системе, следовательно, основывается на общем согласии относительно коммерческой морали.

Однако, по мнению Т. Парсонса слабость дюркгеймовской теории состояла в том, что в ней не высвечивалась роль *самого действующего лица*, его отношение к ценностям и нормам, возможность конкретного выбора из *иерархии* ценностей и целей. В этой связи Т. Парсонс критически относился к позитивистской социологии вообще, предполагающей видение мира, как закрытой системы, сводящей на нет роль сознания конкретных индивидов¹.

¹ Parsons, T. Essays in Sociological Theory. Glencoe, IL. : Free Press, 1953.

У А. Маршалла плодотворной была идея трактовки действия как «*рационального преследования собственного интереса*»¹.

У В. Парето и З. Фрейда Т. Парсонс посчитал важным постановку вопроса о роли рациональных и иррациональных сил в детерминации характера действия. Соответственно, во взглядах на общество социолога, прежде всего, интересовали вопросы, как социальной системе удастся справиться с человеческой иррациональностью, избегать «войн всех против всех» и не доводить социальные конфликты до катаклизмов².

В-третьих, Т. Парсонс, очевидно, на основе интегральных идей П. А. Сорокина предложил *интегрально* рассматривать социальную систему и личность индивида. В этой связи он уже самостоятельно выдвинул оригинальную идею *четырёхуровневого анализа*, который основан на *принципе системного* рассмотрения поведенческого организма, личности, социальной и культурной систем.

«Волонтаристская теория социального действия»

Именно так сам Т. Парсонс определяет суть своей теории социального действия.

В самом названии содержатся два принципиальных момента.

Во-первых, определение «волонтаристская» подчеркивает дистанцирование ученого от постулата Э. Дюркгейма о том, что коллективные представления, как социальные факты, оказывают на индивида принудительное воздействие, побуждая к определенным, нормативно заданным способам поведения. По Т. Парсонсу, усвоенные индивидами ценности и нормы, входящие в традиции общества, несомненно, определяют границы дозволенного в индивидуальных действиях.

Однако, замечает он в работе «Структура социального действия», это «ни в малейшей степени не отрицает роли ситуативных и других ненормативных элементов». Добавляя при этом, что его теория «рассматривает их во взаимосвязи с нормативными».

¹ Parsons, T. The Marshall Lectures. Uppsala : Uppsala University Press, 1986.

² Parsons, T. Essays in Sociological Theory: Pure and Applied. Glencoe, IL. : Free Press, 1949.

Иными словами, в зависимости от *ситуации* индивид, обладая *свободной волей*, может осуществить конкретный *выбор*, как ему действовать, т.е. его теория социального действия предполагает учет как рационального, так и иррационального компонентов в действиях людей.

Но подчеркнем, волюнтаризм не равняется *абсолютно* свободной воли — индивиды *не свободны вообще* в своем выборе.

Во-вторых, в то время весьма популярной была бихевиористская теории поведения, трактовавшая *поведение*, как *механическую реакцию* на тот или иной стимул. От неё Парсонс также дистанцируется, выбирая термин *действие*, предполагающий *осмысленный процесс*, *активность* самого действующего индивида.

Система элементарного действия

По Т. Парсонсу, самой общей системой является система действия. «Действие, — замечает он, — образуется структурами и процессами, посредством которых люди формируют осмысленные намерения и цели и более или менее успешно их реализуют в конкретных ситуациях»¹.

По мнению ученого, мельчайшей единицей действия, выступающей как *система*, является *единичный акт* (*unit act*), который впоследствии стал называть *элементарным действием*. Дальнейшее дробления элементарного действия ведет к *утрате его системной характеристики*.

Таким образом, элементарное действие это, прежде всего, *система*².

Также *системно* Т. Парсонс рассматривает все общественные институты и само общество, все явления, принадлежащие к области действия, ибо все они представляют реальность, для которой характерно общее качество — *системность*.

Поэтому с точки зрения ученого нет принципиальной разницы между теорией действия и теорией системы. *Один и тот же* теоретико-методологический подход используется для анализа системы *любой сложности*.

¹ Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 104.

² Парсонс, Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Итак, рассматривая элементарное действие, Т. Парсонс выделяет следующие четыре его компонента, образующие в целом систему:

- наличие *действователя* или *актора* — действующего организма;

- существование *цели*, на достижение которой направлено действие актора — «предполагаемое будущее положение вещей»;

- наличие *ситуации*, в которой происходит действие (это — «внешняя среда» действия), которую в свою очередь можно представить в виде двух составляющих — а) *условия действия*, определяемые объективными обстоятельствами и б) выбираемые *средства* для достижения цели;

- существование *нормативной ориентации*, т.е. усвоенных стандартов поведения.

Подчеркнем еще раз, для Т. Парсонса элементарное действие любой живой субстанции и действие социального актора — индивида, коллектива или любой другой общественной структуры *едины по своей внутренней природе* — они выступают как *системы*, представляют лишь её *разные уровни*.

Разумеется, при рассмотрении собственно социального действия Т. Парсонс отмечает его *специфику*.

Система социального действия и её подсистемы

Четырехуровневая структура социального действия точно такая же, как и элементарного действия. Но каждый элемент здесь имеет свою, *значительно более сложную* специфику.

Так, действователь обладает *социальной* природой, что проявляется в его *статусах* и, соответственно, адекватных им *ролях*.

Статусы обозначают позицию индивида по отношению к другим, в то время как роли выражают «процессуальный аспект». *Роли* — это своего рода относительно постоянные каналы ориентации между социальным действователем и другими социальными объектами, т.е. стандартизированный, стабильный способ поведения, ассоциируемый с конкретным социальным положением¹.

Нормативная ориентация приобретает социально-культурную характеристику. Она детерминирована усвоением индивидом ценностей и норм своей культурной среды,

¹ Парсонс, Т. Социальное взаимодействие. М., 1998.

которые позволяют связывать воедино цели и средства, определять, *что* приемлемо в качестве цели и средств. «Нормативная ориентация» действия, — отмечает Т. Парсонс, — направляет внимание на решающую роль тех «стандартов», которые определяют желаемое направление действия в форме целей и стандартов поведения. Эту систему нормативных стандартов, по-видимому, лучше всего рассматривать в качестве одного из наиболее важных элементов «культуры» группы»¹.

Человеческое действие всегда детерминировано границами генетического вида и упорядоченно культурными образцами.

Вот как его схематически изображает сам Т. Парсонс (см. табл. 5)

Таблица 5

Действие

Подсистемы	Преимущественные функции
Социальная	Интеграция
Культурная	Воспроизводство образца
Личностная	Целедостижение
Поведенческий организм	Адаптация

Как видно, в итоге получилась система, состоящая из четырех подсистем и адекватных им преимущественных функций. Причем для социальной подсистемы все другие подсистемы — культурная, личностная, поведенческий организм — представляют собой окружающую среду.

И ещё важно подчеркнуть то обстоятельство, что отмеченное иерархическое расположение подсистем показывает их *двустороннюю* взаимосвязь.

С одной стороны, каждый нижний уровень создает условия, производит энергию для более высоких уровней, а с другой — высшие уровни контролируют те, которые расположены ниже.

Социальная подсистема прежде всего через статусы и роли обеспечивает взаимодействие индивидов и тем самым осуществляет функцию *интеграции*.

¹ Парсонс, Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 39.

Культурная подсистема выполняет в основном «функцию сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования»¹.

Личностная подсистема, главным образом, выполняет функцию *целедостижения*. Это главный исполнитель процессов действия, который способен учесть усвоенные в процессе социализации культурные принципы и предписания. В смысле мотивации «главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности»².

Поведенческий организм выступает как *адаптивная подсистема*. Он определяет генетически заданные возможности человека, на которые опираются остальные подсистемы. «В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и обработки информации в центральной нервной системе и механизм двигательной реакции на требования физической среды»³.

Т. Парсонс особо подчеркивает, что при анализе взаимоотношений между четырьмя подсистемами действия важно учесть процесс их *взаимопроникновения*.

Так, в процессе социализации личность индивида способна усвоить как социальные объекты, так и культурные нормы.

По отношению к системе действия есть две системы реальности, являющиеся её средой.

Первая — *физическая среда*. Это, по существу, окружающий мир живых организмов.

Вторая — «*высшая реальность*». Это все то, что М. Вебер назвал «проблемой смысла» человеческих действий.

Социальный актор — ситуация

Естественно, возникла необходимость конкретного исследования отношений «социальный актор — ситуация (среда)». Эти отношения всегда динамичны, что обусловлено двумя

¹ Парсонс, Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 39.

² Там же. С. 39.

³ Парсонс, Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997. С. 16.

факторами — наличием мотивационной и ценностной ориентаций у действующего лица.

Рассмотрим ориентации социального действующего лица.

1. *Мотивация*. «В каком-то смысле «мотивация» — это ориентация относительно улучшения баланса удовлетворенности — неудовлетворенности действующего лица»¹.

Мотивация в совокупности включает в себя три модуля ориентации:

- *когнитивная (познавательная)* ориентация, которая предполагает учет расположения физических и социальных объектов, определение их специфики, в особенности их функций в контексте цели, поставленной индивидом и т.д.;

- *катектическая (эмоциональная)* ориентация проявляется в положительной или отрицательной установке по отношению к тому или иному объекту, в эмоциональной тяге к удовлетворению конкретных потребностей;

- *оценочная ориентация* предполагает *выбор из множества альтернатив*, чтобы оптимизировать свои усилия по удовлетворению потребностей. Иными словами, действующий не может *сразу* направлять энергию на удовлетворение широкого круга потребностей. Ему приходится делать выбор.

2. *Ценностная ориентация*. Она также включает в себя три модуля ориентации:

- *когнитивная (познавательная)* ориентация опирается на нормы, усвоенные индивидом в процессе социализации;

- *эмоциональная ориентация* предполагает эмоциональную оценку значимости того или иного объекта для удовлетворения потребности на основе оценочных стандартов;

- *моральная ориентация* осуществляет синтез ранее вынесенных суждений о способе действия. Она, по Т. Парсонсу, является своего рода «высшим апелляционным судом», выносящим вердикт о направленности действия в контексте сложившихся моральных стандартов.

Типы социальных действий

В зависимости от соотношения модулей мотивационной и ценностной ориентации Т. Парсонс выделяет четыре типа социальных действий.

¹ Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 65.

- первый тип — *интеллектуальное действие*, которое включает в себя когнитивную мотивационную ориентацию и когнитивные ценностные стандарты;

- второй тип — *экспрессивное действие*, предполагающее единство катектической эмоциональной ориентации и оценочных стандартов;

- третий тип — *моральное действие*, включающее мотивационную оценочную ориентацию и моральные стандарты;

- четвертый тип — *инструментальное действие*, наиболее сложное, которое включает в себя будущие *цели*, детерминированные катектической мотивационной ориентацией и оценочными стандартами, и *средства* достижения этих целей, детерминированные когнитивными стандартами.

Как заметил Дж. Ритцер, инструментальное действие в трактовке Т. Парсонса, по существу, представляет собой веберовское ценностно-рациональное действие¹.

Типовые переменные

Продолжая обосновывать синтез субъективного и объективного в детерминации социального действия, Т. Парсонс разработал методический инструментарий, позволяющий исследовать *явные* и *латентные* выборы, которые осуществляет актор по отношению к объектам ситуации, прежде чем действовать.

В этой связи ученый предложил набор из пяти типовых переменных, содержащих дилеммы, решая которые индивид выбирает возможные ориентации действия.

Они следующие.

1. «*Аффективность — аффективная нейтральность*». Она выражает наше эмоциональное отношение к социальному явлению — какова эмоциональная интенсивность, проявляемая актором по отношению к социальным объектам в данной ситуации.

Например, следует ли профессору иметь приятельские, панибратские отношения со своими студентами или ему все же следует быть аффективно нейтральным, как говорится, соблюдать дистанцию, держаться на расстоянии?

2. «*Диффузность — специфичность*». Дилемма предполагает выбор отношения к социальному объекту с позиции

¹ Ritzer, G. Classical Sociological Theory. McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 440.

целостной совокупности его свойств или конкретной специфики.

Она может принять следующую форму: следует ли профессору учить своих воспитанников по самому широкому кругу вопросов жизни или ему лучше ограничиться специфической сферой своего лекционного курса?

3. «*Партикуляризм — универсализм*». В этом случае речь идет о выборе в процессе взаимодействия общих или партикулярных стандартов. Партикуляризм, в частности, предполагает выбор в пользу лояльности по отношению к членам *своей* группы, но не к «чужим».

В нашем случае суть этой дилеммы может быть представлена так: следует ли профессору применять особые, партикулярные стандарты к конкретным категориям студентов (российским, зарубежным, девушкам, юношам, верующим, неверующим и т.д.) или, напротив, в оценке *всех* студентов в данной ситуации взаимодействия (учебные занятия) ему лучше руководствоваться общими, универсальными критериями?

4. «*Аскрипция — достижение*». Проблема здесь в том, какой сделать выбор в плане оценки исполняемых индивидами социальных ролей — на основе заданных от природы и общества качеств или на основе их достижений.

В нашем примере это могут быть оценки профессором способностей своих воспитанников адекватно выполнять роли студентов: являются ли они изначально заданными или же это есть результат научения.

5. «*Ориентация на коллектив — ориентация на себя*». Эта дилемма вводится социологом для выяснения того, что для индивида важнее: цели социальной группы или личные цели. В рассматриваемом примере можно выяснить, ориентированы ли действия профессора на интересы студенческой группы или, прежде всего, на свои собственные?

Своей теории социального действия, по сути *интерпретивной*, нацеленной на понимание мотивации действия актора, Т. Парсонс в конечном счете пытается придать *структурно-функциональное обличье*. В этом также проявляется его интегрализм при создании теории социальной системы.

Функциональная сетка AGIL

По Т. Парсонсу, функция позволяет, с одной стороны, выявить важность элементов, частей *внутри любой системы*,

а с другой — понять то, как сама система взаимодействует с её *окружением*.

«Понятие функции, — пишет он, — имеет решающее значение для понимания любых живых систем, обозначая определенные черты, во-первых, взаимодействия системы с окружением, во-вторых, внутренней дифференциации самой системы»¹.

Т. Парсонс считал, что *любая* система, чтобы быть жизненной и эффективной должна отвечать четырем основным функциональным требованиям.

1. *Адаптация (adaptation)* предполагает приспособление системы к её внешней среде.

2. *Целедостижение (goal attainment)* означает, что система должна вырабатывать цели и достигать их.

3. *Интеграция (integration)* предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия.

4. *Латентность (latency)* в живых организмах, по существу, выполняет функцию *генетического кода*, обеспечивая *скрытое* поддержание и воспроизводство *общезначимого действия*. Если имеется в виду *социальная система*, то латентность предполагает наличие *общезначимого символа*, который осуществляет «*поддержание культурного образа*» (связанного главным образом с языком), а также мотивацию акторов к его сохранению.

Функциональную сетку AGIL Парсонс использует на *всех* уровнях — будь то система действия или социальная система.

16.2. Теория социальной системы

Социальная система: общая схема

Социальная подсистема системы действия Т. Парсонсом рассматривается как *самостоятельная система*. Её структура анализируется социологом также через призму четырех независимых переменных.

Ценности занимают ведущее место в социальной системе и выполняют функцию сохранения и воспроизводства образа.

Нормы выполняют интеграционную функцию.

¹ Парсонс, Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 80.

Коллективы выполняют целедостиженческую функцию.

Роли индивидов играют прежде всего адаптивную функцию¹.

Общество как тип социальной системы

Т. Парсонс определяет общество как тип социальной системы, обладающий наивысшей степенью *самодостаточности* — свойство социальной системы, проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами².

Самодостаточность общества выражается прежде всего во взаимообмене с окружающей средой, в регулировании доступа к материальным ресурсам. Общество самодостаточно и в том смысле, что его члены, как правило, вносят вклад в его функционирование через многочисленные экономические и политические институты, а также коллективы.

«Но если, — замечает Т. Парсонс, — подавляющее большинство членов какого-то общества испытывает крайнее “отчуждение”, то говорить об этом обществе как о самодостаточном нельзя»³.

В соответствии со своей четырехфункциональной схемой, выработанной для анализа систем действия, Т. Парсонс подразделяет общество на четыре основные подсистемы (см. табл. 6).

Таблица 6

Общество

Подсистемы	Структурные компоненты	Основная функция
Социетальное сообщество Фидуциарная подсистема Политика Экономика	Нормы Ценности Коллективы Роли	Интеграция Воспроизводство образца Целедостижение Адаптация

Социетальное сообщество — это, по Т. Парсонсу, коллективы с определенными нормами (государственные органы,

¹ Парсонс, Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 18–19.

² Парсонс, Т. О социальных системах. М., 2002.

³ Парсонс, Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 21.

правовые институты, другие общественные инстанции), регулирующие поведение индивидов, обеспечивающие их *лояльность* по отношению к обществу в целом. В системе норм, которые управляют лояльностями, права и обязанности различных коллективов должны быть согласованы не только между собой, но и с легитимными основаниями порядка в целом¹.

Функция интеграции способствует координации частей социальной системы. Главным институтом, посредством которого реализуется эта функция, является право. Через правовые нормы упорядочиваются отношения между индивидами и институтами, что уменьшает потенциал конфликта. Когда же конфликт все же возникает, его, как правило, удается уладить через правовую систему, избегая дезинтеграции других подсистем и общества в целом.

Под *фидуциарной подсистемой* имеются в виду институты, занимающиеся генерализацией ценностей (семья, учебные заведения). Их главная функция — воспроизводство и поддержание существующих в обществе культурных образцов.

Политическая подсистема мобилизует коллективы и ресурсы для достижения определенных общественных целей. Функция целедостижения выражает потребность всех обществ устанавливать цели, на которые направляется социальная активность.

Экономическая подсистема создает условия для регулирования трудовых ресурсов, их включение в производство. Прежде всего, через роли, выполняемые индивидами в экономической жизни, осуществляется функция адаптации. Для эффективного функционирования общества в целом особое значение имеет решение проблемы по обеспечению людей необходимым уровнем материальных благ.

Подвижное равновесие общества

Консенсус в отношении нормативного порядка является фундаментальным интегративным принципом в обществе.

Из общепризнанных норм и ценностей вытекают общие цели, которые определяют направление движений в конкретных ситуациях. Так, например, в западном обществе члены конкретного предприятия разделяют цель эффективного

¹ Парсонс, Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 26.

производства на своей фирме, которая вытекает из общего взгляда на экономическую продуктивность. Общая цель становится побудительным мотивом для сотрудничества.

Средствами воплощения целей в конкретные действия являются роли. Любой современный социальный институт предполагает наличие целой комбинации ролей.

Между нормами и ролями имеет место процесс *взаимопроникновения*: нормы стандартизируют и упорядочивают ролевое поведение, делая его предсказуемым, что в итоге создает основу для консенсуса и социального порядка.

Исходя из того, что консенсус является важнейшей общественной ценностью, Т. Парсонс усматривает главную задачу социологии в анализе институализации образцов ценностных ориентаций в социальной системе. Когда ценности институализированы и поведение индивидов структурировано сообразно им, возникает состояние стабильного «социального равновесия».

Консенсус и стабильность системы не означает, что она не способна к изменениям.

Напротив, Т. Парсонс считал, что на практике ни одна социальная система не находится в состоянии *идеального* равновесия, хотя *определенная* степень равновесия необходима для жизнеспособности системы.

Поэтому процесс социального изменения Т. Парсонс представляет как «подвижное равновесие». Так, если изменится взаимоотношение общества со своей средой, то это приведет к переменам в социальной системе в целом. Процесс «подвижного равновесия» может затрагивать не только части, но и все общество.

Отнюдь не случайно эволюцию общества и его подсистем Т. Парсонс анализирует в контексте упоминавшихся выше типовых переменных, что позволяет *интегрально* рассмотреть изменения, происходящие в *макро* подсистемах общества и изменения в характере ориентаций действий, осуществляемых индивидами на *микро* уровне.

Напомним эти переменные:

- «*Аффективность — аффективная нейтральность*»;
- «*Диффузность — специфичность*»;
- «*Партикуляризм — универсализм*»;
- «*Аскрипция — достижение*»;
- «*Ориентация на коллектив — ориентация на себя*».

Нетрудно видеть, что, по существу, эти типовые переменные построены вокруг способов, с помощью которых люди

решают самые жизненно важные вопросы: «*Как индивиды получают вознаграждение?*» и «*Следует ли членам общества самим искать пути реализации своих интересов или же это сделают *социальные группы*, к которым они принадлежат?*».

Согласно Т. Парсонсу, выборы в пользу первых составляющих дилемм — аффективности, диффузности, партикуляризма, аскрипции, ориентации на коллектив — характерны для традиционных обществ, в то время как выборы в пользу противоположных составляющих — аффективная нейтральность, специфичность, универсализм, достижение, ориентация на себя — свойственны исторически более высоким *современным* обществам.

По его мнению, социальная эволюция обществ предполагает движение к все большему увеличению в действиях индивидов выборов второго типа. Если же общество окажется не в состоянии двигаться в этом направлении, то в нем начинается стагнация. Так, общество, в котором статусы в основном предписаны, а также слишком сильны ориентации на коллектив препятствует наиболее способным индивидам проявлять творческую инициативу и выполнять важные социальные роли.

Вместе с тем Т. Парсонс допускал, что выборы в пользу первых составляющих дилемм не исчезнут полностью даже в наиболее развитых обществах (так, есть значительная возможность их сохранения в семье)¹.

Из работы: Т. Парсонс. Система современных обществ²

Понятие общества

Мы определяем общество как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы. Полная самодостаточность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы системы действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимобмена с окружающими системами. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимобмена и способность контролировать взаимобмен в интересах своего функционирования. Этот контроль может варьироваться от способности предотвратить или «пресечь»

¹ Parsons, T., Bales, R. Family, Socialization, and Interaction Process. Glencoe, IL.: Free Press, 1953.

² Парсонс, Т. Система современных обществ. М.: Аспект-пресс, 1997.

какие-то нарушения до способности благоприятным для себя образом формировать отношения со средой.

Физическая среда имеет для общества адаптивное значение в том смысле, что она является непосредственным источником материальных ресурсов, которые используются обществом посредством своих производственных, технологических и экономических механизмов. Распределение доступа к материальным ресурсам, будучи связано с системой разделения труда через экологический аспект жизни общества, требует решения вопросов территориального размещения различных подгрупп населения, а также закрепления за ними различных экономических интересов. У физической среды есть и второй значимый для общества аспект (ввиду важности физической силы для сдерживания нежелательных действий), в соответствии с которым эффективное социальное целедостижение нуждается в контроле за действиями в пределах определенной территории. Поэтому мы имеем дело с двумя проявлениями самодостаточности общества, которые относятся, соответственно, к экономическому и политическому функционированию в отношениях с физическим окружением — через технологию и организованное использование силы при исполнении военных и полицейских функций.

Третье проявление социальной самодостаточности относится к личностным системам индивидуальных членов общества, находящихся в особого рода взаимопроникновении с его организмами. Организм непосредственно связан с территориальным комплексом по той простой причине, что действия всегда свершаются в каком-то месте. Но его основная связь с социальной системой осуществляется через личность; главная зона взаимопроникновения — это статус *членства*. Общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может «полагаться» на то, что деяния его членов будут служить адекватным «вкладом» в его социальное функционирование. В случае взаимоотношений личности и общества их абсолютная интеграция необходима не более, чем в других случаях взаимообмена, предполагающих самодостаточность. Но если подавляющее большинство членов какого-то общества испытывает крайнее «отчуждение», то говорить об этом обществе как самодостаточном нельзя.

Интеграция в общество его членов подразумевает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. Однако отношение здесь в основном трехстороннее, поскольку части культурной системы, так же как и части социальной структуры, интернализированы в личностях, но в то же время части культурной системы институционализированы в обществе.

На социальном уровне институционализированные *ценностные* образцы выступают в виде «коллективных представлений», которые определяют желаемый тип социальной системы. Эти пред-

ставления соотносятся с концепциями типов социальных систем, с помощью которых индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Следовательно, именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации их собственного общества означает институционализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени...

На уровне культуры социальные ценности составляют лишь часть более обширной системы ценностей, поскольку оценке подлежат и все иные классы объектов, входящие в систему действия. Ценности также находятся в определенных отношениях с другими компонентами культурной системы — эмпирическим знанием, системами экспрессивных символов и конститутивными символическими структурами, образующими ядро религиозных систем.

В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах. В контексте культурной легитимизации, таким образом, общество является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые в свою очередь легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму.

Важно помнить, что культурные системы не полностью совпадают с социальными системами, включая и общества. Наиболее значительные культурные системы обычно бывают, в различных вариантах, институционализированы во множестве обществ, в которых наличествуют и субкультуры. Например, культурная система, сложившаяся на базе западного христианства, является общей, со множеством оговорок и вариантов, для всей европейской системы модернизированных обществ. Далее в книге обсуждаются два способа отношений одного общества к другим. Во-первых, все общества, о которых можно говорить как о «политически организованных», находятся с другими обществами в различного типа «международных отношениях», дружественных или враждебных. Мы расширим это представление, полагая, что такие отношения сами образуют некую социальную систему, которую можно анализировать с помощью тех же общих понятий, что и другие типы социальных систем. Во-вторых, какая-то социальная система может быть образована из социальных структур, членов и культур, принадлежащих двум или более обществам. Такие социальные системы многочисленны и многообразны. Американские иммигрантские семьи часто сохраняют действенные связи с родственниками на «старой родине», так что их системы родства имеют американское и иностранное «ответвления». Нечто подобное можно сказать и относительно многих деловых компаний, профессиональных ассоциаций и религиозных объединений. Хотя, например, римско-католическая церковь

и представляет собой социальную систему, совершенно очевидно, что она не является обществом, поскольку по нашим критериям ее самодостаточность очень низка. Минимален ее контроль над экономическими ресурсами через организацию производства; у нее нет автономного политического контроля над территориями; во многих обществах ее члены представляют собой меньшинство. Таким образом, мы принимаем в расчет социальные системы, имеющие «наднациональный» характер, так как в их составе наличествует множество обществ, и имеющие «межнациональный» характер, члены которых принадлежат многим обществам.

16.3. Общественный порядок и факторы, его обеспечивающие: кейс стади

О реальном демократизме и свободе общества можно судить по *характеру общественного порядка, по тому, какие общественные силы его обеспечивают, как граждане включаются в общественную и политическую жизнь.*

Естественно, что в разных обществах в зависимости от культурных ценностей и норм, а также от мотивационной и ценностной ориентаций членов общества отношение к участию в политической жизни различно, иногда весьма существенно.

Так, в советское время россияне жили по принципу: «Политика — дело каждого». Коллективное участие миллионов людей в политических акциях, демонстрациях, разного рода организациях, включая органы власти, безусловная поддержка политического курса КПСС были проявлениями *коллективистских лояльностей*, сформированных социетальным сообществом традиционного типа.

Они были также адекватны характеру действий россиян на микроуровне — их выборов в пользу *аффективности* (быстрого решения сложных проблем), *партикуляризма* (веры в исключительное превосходство советского образа жизни), *ориентации на коллектив* (надежды на патернализм государства, партии, общественных организаций).

В странах с развитой демократией подавляющее большинство людей не стремится «ходить во власть». Они больше делают выборов в пользу ориентаций *на себя* и потому предпочитают индивидуальные формы жизни, хотят просто свободы, права быть самими собой, не будучи принудительно вовлеченными в членство каких-либо структур.

Те же, кто проявляет интерес к политике, имеют возможность выбирать политические коллективы (партии и движения), предполагающие, как *разные роли, так и разные линии политического поведения* вплоть до принятия или вообще отвержения официальных политических целей.

Начиная с 1990-х гг. в России стали происходить радикальные изменения.

Социетальное сообщество перестало производить лояльности адекватные вождизму и «коллективистской» политике.

Фидуциарная подсистема дала сбой в генерации и поддержании традиционных ценностей. Более того, она стала производить принципиально новые идеалы — представления об индивидуальных правах и свободах, о гражданском обществе и правовом государстве.

Разумеется, это не могло не сказаться на политике как подсистемы общества. Характер политического поля стал существенно меняться, вплоть до переосмысления ценностной парадигмы с коммуно-патерналистской на демократическую, хотя сами представления о гражданских и демократических свободах пока не устоялись.

Тем не менее, несмотря на неустойчивость демократических ценностей в массовом сознании, стали изменяться *представления о социальном порядке, роли в нем человека, об основных политических целях и средствах их достижения.* Отныне россияне могут индивидуально осознанно играть активную политическую роль, переходя от одной альтернативы к другой: участвовать или нет в политических партиях и движениях; голосовать ли и как на выборах в Государственную думу; кому отдать предпочтение на президентских выборах, по каким ценностным критериям оценивать кандидатов.

В этой связи структурно-функциональная парадигма интегрального толка Т. Парсонса может быть полезной в исследовании того, как в обществе складывается порядок, какие факторы являются решающими в его поддержании, как возникают социальные и политические новации и, соответственно, как ориентации действий людей, их явные и латентные выборы адаптируются к новым социокультурным реалиям.

По мнению Т. Парсонса, власть не является главной силой, способной предотвратить социальное противоборство и её негативные последствия.

Применение силы может быть эффективным средством, но лишь в течение исторически непродолжительного периода. В долговременной же перспективе ставка на силу может лишь усугубить проблемы взаимодействия подсистем общества. Насилие способно вызвать разлад в мотивационных и ценностных ориентациях людей, что также способствует общественной дезинтеграции. Оно не эффективно и по трудовым и временным затратам, которые неизбежно требуются для поддержания порядка.

В качестве альтернативы силовой власти как средства для поддержания порядка в обществе Т. Парсонс видит иные факторы.

По его мнению, более эффективным средством является утверждение такого социетального сообщества и фидуциарной подсистемы, которые через *нормы и ценности* способны обеспечить взаимное сотрудничество людей, их коллективов на основе учета и согласованности общих целей и базовых потребностей.

В современном обществе решающим фактором поддержания порядка являются *самоограничения* людей, *добровольное* принятие ими норм и ценностей общества, а также все большая ориентация их выборов в процессе действий на аффективную нейтральность, универсализм, достижение, ориентацию на себя. В *идеальном случае* вообще исчезает надобность во внешнем источнике власти как фактора, обеспечивающего порядок в обществе.

Структурно-функционалистская парадигма Т. Парсонса, будучи примененной к российским реалиям, позволяет пролить свет на некоторые стороны, как нынешней дезинтеграции страны, так и функциональных патологий, имевших место в разные периоды её развития.

Произвольные манипуляции советских, а затем и российских властей с институциональными структурами и их функциями, согласно данной парадигме, неминуемо должны были вызвать рассогласование всех подсистем общества, привести в движение дезинтеграционные силы, что в действительности неоднократно случалось.

Достаточно вспомнить, какие институциональные перемены и последовавшие социальные взрывы вызвала политика В. И. Ленина по «коммунизации» экономики. Или попытки Н. С. Хрущева ради доказательства идеи «отмирания» государства в условиях «развернутого коммунистического строительства», передать собственно государственные

функции профсоюзам и трудовым коллективам. Им, в частности, в принудительном порядке предписывалось брать «на поруки» лиц, совершивших определенные правонарушения. В итоге вместо ожидаемой социальной гармонии общество столкнулось с дисфункциональностью государственных правоохранительных органов и трудовых коллективов и, соответственно, невиданной волной социальной деструктивности.

В приведенных примерах нарушались сразу все четыре функциональные требования — адаптации, целедостижения, интеграции и воспроизводства культурного образца.

Так, были резко ослаблены адаптационные возможности экономической подсистемы за счет навязывания ей «воспитательных» функций. Переосмысливались прежние цели государства и профсоюзов, при этом ставились новые, подчас искусственные, навеянные идеологическими догмами; нарушалась интеграция внутренних компонентов государственных и общественных структур. Наконец, переосмысливались мотивации и ценностные ориентации индивидов, что нарушало воспроизводство устоявшихся образцов поведения людей на работе и в быту. Все это в конечном счете привело к дезинтеграции, резкому ухудшению социального и экономического благосостояния людей.

Отнюдь не случайно некоторые политические силы, прежде всего прокоммунистической ориентации, ратуют за стабильность и порядок. Однако при этом осознанно или нет, в стороне остается принципиальный вопрос о *характере* социального порядка.

Какой порядок мы собственно хотим?

Прежний, основанный «на сильной руке» вождя с тотальным государственным контролем и предписанными сверху статусами, ограниченным числом возможных ролей, или новый, демократический, предполагающий индивидуальную инициативу со всеми возникающими новыми ролевыми конфликтами?

В утверждении социального порядка Т. Парсонс особую роль отводит культуре.

Культура обладает особой способностью проникать во все другие подсистемы общества, будучи их органической частью. Так, культурные нормы входят в личности индивидов, включая их в социальную систему, определяют *суть*, *качество* интеракций между социальными акторами вообще.

Культура может иметь самостоятельную форму существования, выступая в виде знания, идей, ценностей и норм. Поэтому культура обладает, по словам Т. Парсонса, «сверхординарной интеграционной техникой системы действия». Однако культура традиционного общества закрепляет старые неравенства *предписанного* толка, предполагает использование силы для поддержания порядка, даже если общество является формально эгалитарным в основе своей, каким, например, было советское общество.

Культура, связанная с либерально-демократическими ценностями, напротив, по мнению Т. Парсонса, создает «новый тип социетального сообщества», обеспечивая стабильное взаимодействие, социальный порядок и общественное равновесие не силой принуждения, а прежде всего авторитетом самих «ценностных приверженностей».

«Новое социетальное сообщество, понимаемое как интегративный институт, — заявляет Т. Парсонс, — должно функционировать на уровне, отличном от тех, что привычны нашей интеллектуальной традиции; оно должно выйти за те пределы, где правят политическая власть, богатство и факторы, их порождающие, и подняться на уровень ценностных приверженностей и механизмов влияния»¹.

Т. Парсонс также отмечает, что противодействия людей друг другу вообще избежать нельзя, но от этого общество не входит фатально в кризис и социальную вакханалию. Главное — чтобы работал механизм социального контроля, обеспечивающий неременное преимущество силам взаимодействия людей, что не исключает использование материальных, духовных, воспитательных, а также репрессивных средств. Стабильное развитие в конечном счете детерминруется *общей системой ценностей*, которая формирует единую мотивацию поведения, гармонизирует социальные роли через большинством разделяемые моральные ориентации.

Применительно к современному российскому обществу можно утверждать, что преодолеть нынешнюю дезинтеграцию вполне возможно, если подавляющее большинство россиян примет общую систему культурных ценностей, которая *адекватна модели демократического свободного общества в её российской форме*. Бесперспективность ценностей патерналистского толка очевидна — их добровольно не примут

¹ Парсонс, Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997. С. 162.

социально активные слои и группы, в своей совокупности они диссонируют с тенденциями общемирового развития.

Разумеется, переход от властно-силового порядка к порядку, основанному на культурной легитимизации, не может осуществиться быстро, ибо для этого требуются принципиально новые для России структурно-функциональные связи. В стране должно произойти развитие ролевого плюрализма.

Таким образом, опираясь на положения парсоновской структурно-функциональной парадигмы, можно сделать следующее заключение: для перехода к социальному порядку с культурной легитимизацией, предполагающего свободных индивидов, правовое регулирование отношений между ними, нужны не только демократические и рыночные институты, значительный уровень индустриализации, информатизации и образовательного потенциала народа, но и в качестве необходимых и достаточных условий — культурные основания в виде либерально-демократических ценностей, достижимых социальных статусов.

Основные термины и выражения

Адаптация — *adaptation* — по Т. Парсонсу — одно из четырех функциональных условий, которым должны отвечать жизнеспособные социальные системы, что выражается в уменьшении неопределенности в отношении превратностей природы, а также возможных будущих событий.

Актор — *actor* — по Т. Парсонсу — действующее лицо, субъект социального действия, в процессе которого проявляются мотивации, ожидания, ценности и нормы.

Аскрипция — *достижение* — *ascription* — *achievement* — по Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая исследовать явные и латентные выборы актора, которая предполагает выбор в плане оценки исполняемых индивидами социальных ролей — на основе заданных от природы и общества качеств или на основе их достижений.

Аффективность — *аффективная нейтральность* — *affectivity neutrality* — по Т. Парсонсу — если в традиционном обществе характерной особенностью взаимодействия людей является аффективность, то в современном обществе — эмоциональная нейтральность.

Воспроизводство образа — *latency* — по Т. Парсонсу — одно из четырех функциональных требований, необходимых для поддержания равновесия социальной системы, по существу, выполняющее

функцию генетического кода, осуществляющее ее «невидимое» самовоспроизводство.

Диффузность — специфичность — diffuseness—specificity — по Т. Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая исследовать явные и латентные выборы актора, которая предполагает выбор отношения к социальному объекту с позиции целостной совокупности его свойств или конкретной специфики.

Единичный акт (элементарное действие) — unit act — по Т. Парсонсу — система, состоящая из четырех компонентов: наличие действующего или актора — действующего организма; существование цели, на достижение которой направлено действие актора — «предполагаемое будущее положение вещей»; наличие ситуации, в которой происходит действие; существование нормативной ориентации, т.е. усвоенных стандартов поведения.

Инструментальное действие — action, instrumental — по Т. Парсонсу — социальное действие, наиболее сложное, которое включает в себя будущие цели, детерминированные катектической мотивационной ориентацией и оценочными стандартами, и средства достижения этих целей, детерминированные когнитивными стандартами.

Интеграция — integration — по Т. Парсонсу — одно из четырех функциональных условий поддержания социальной системы в равновесии, ее жизненности и эффективности, что предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию своих элементов.

Интеллектуальное действие — action intellectual — по Т. Парсонсу — социальное действие, включающее в себя когнитивную мотивационную ориентацию и когнитивные ценностные стандарты.

Культурная подсистема — cultural subsystem — по Т. Парсонсу — подсистема, выполняющая в основном «функцию сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования».

Личностная подсистема — personality subsystem — по Т. Парсонсу — подсистема, выполняющая функцию целедостижения. Это главный исполнитель процессов действия, который способен учесть усвоенные в процессе социализации культурные принципы и предписания.

Моральное действие — action moral — по Т. Парсонсу — социальное действие, включающее в себя мотивационную оценочную ориентацию и моральные стандарты.

Мотивация — motivation — по Т. Парсонсу — «это ориентация относительно улучшения баланса удовлетворение — неудовлетворение действующего лица».

Ориентация на коллектив — ориентация на себя — collectivity orientation — self orientation — по Т. Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая исследовать явные и латентные выборы актора, которая вводится для выяснения того, что для индивида важнее: цели социальной группы или личные цели.

Партикуляризм — универсализм — particularism — universalism — по Т. Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая

исследовать явные и латентные выборы актора, которая предполагает выбор в процессе взаимодействия общих или партикулярных стандартов (партикуляризм, в частности, предполагает выбор в пользу лояльности по отношению к членам своей группы, но не к «чужим»).

Поведенческий организм — behavioral organism — по Т. Парсонсу — выступает как адаптивная подсистема. Он определяет генетически заданные возможности человека, на которые опираются остальные подсистемы. В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой.

Самодостаточность — self-sufficiency / self-maintenance — по Т. Парсонсу — свойство сложной социальной системы (общества), проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами.

Социальная подсистема — social subsystem — по Т. Парсонсу — подсистема, обеспечивающая через статусы и роли взаимодействие индивидов и тем самым осуществляющая функцию интеграции.

Социетальное сообщество — societal community — по Т. Парсонсу — коллективы с определенными нормами (государственные органы, правовые институты, другие общественные инстанции), регулирующие поведение индивидов, обеспечивающие их лояльность по отношению к обществу в целом.

Фидуциарная подсистема — fiduciary subsystem — по Т. Парсонсу — институты, занимающиеся генерализацией ценностей (семья, учебные заведения). Их главная функция — воспроизводство и поддержание существующих в обществе культурных образцов.

Целедостижение — goal attainment — по Т. Парсонсу — одно из четырех основных функциональных требований жизненности и эффективности любой системы: означает, что система должна выработать цели и достигать их.

Ценностная ориентация — value orientation — по Т. Парсонсу — культурные стандарты, включающие в себя три модуса ориентации: а) когнитивная (познавательная) ориентация, опирающаяся на нормы, усвоенные индивидом в процессе социализации; б) эмоциональная ориентация, предполагающая эмоциональную оценку значимости того или иного объекта; в) моральная ориентация, осуществляющая синтез ранее вынесенных суждений о способе действия.

Экспрессивное действие — action expressive — по Т. Парсонсу — социальное действие, предполагающее единство катектической эмоциональной ориентации и оценочных стандартов.

Вопросы на развитие социологического воображения

1. Предложенная Т. Парсонсом типизация социальных действий, разумеется, не подменяет веберовских представлений о типах социальных действий. У Парсонса несколько иное основание для типиза-

ции. Это — сочетание ориентаций действующего (мотивационной и ценностной) на ситуацию. Кроме того, предложенные им типовые переменные, выражающие дихотомический характер решений действующего, позволяют проанализировать особенности явных и латентных выборов актора, их соотношение с традиционностью и современностью. Используя веберовский и парсоновский подходы проделайте анализ социальных действий россиян. Насколько мы готовы к тому, чтобы перейти к более или менее цивилизованным рыночным отношениям, утверждению правового социального государства?

2. Каковы лояльности россиян по отношению к государственным структурам? Как они изменились за последнее время?

3. Почти все россияне ныне обеспокоены «решением» поставленной ещё Т. Гоббсом проблемы — как уберечь человеческие отношения от вырождения в «войну всех против всех». При этом различные политические силы вкладывают в понятие «общественный порядок» свое специфическое содержание. Из теории Парсонса следует, что дело не только в *желательности* конкретного порядка, но и в *возможности* его установления. Как Вы полагаете, какой общественный порядок Россия реально будет иметь в обозримом будущем?

4. Чем отличаются пути к жизненному успеху в традиционных и современных обществах?

5. Т. Парсонс отмечал, что «в самой диктатуре Коммунистической партии (Советского Союза) заключены источники нестабильности». Жизнь показала, что социолог оказался прав. Опираясь на его парадигму, попробуйте сами определить аргументы, которые ученый приводит в обоснование данного тезиса*.

Семинар «Структурно-функциональная теория Т. Парсонса»

1. Теоретико-методологические источники.
2. «Волонтаристская теория социального действия». Система Функциональная сетка AGIL.
3. Теория социальной системы.
4. Критерии современного общества.

Литература

1. Американская социологическая мысль. — М. : МГУ, 1994.
2. Батыгин, Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. — М. : Высшее образование и наука, 2007.

* Задание повышенной сложности. Оно предполагает полное прочтение следующей работы: Парсонс, Т. Система современных обществ. М. : Аспект пресс, 1997.

3. Воронцов, А. В. История социологии : учебник для бакалавров / А. В. Воронцов, И. А. Громов, М. Б. Готов. — М. : Юрайт, 2013.

4. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА · М, 1999.

5. Классики теоретической социологии XX века : рабочая тетрадь по истории социологии. — М. : ГУ ВШЭ, 2001.

6. Ковалев, А. Д. Обновленная версия теории действия и социальной системы / А. Д. Ковалев. // История теоретической социологии. Т. 3. — М. : Канон, 1998.

7. Ковалев, А. Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса / А. Д. Ковалев // История теоретической социологии. Т. 3. — М. : Канон, 1998.

8. Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко. — М. : Анкил, 2010.

9. Кукушкина, Е. И. История социологии : учебник для вузов / Е. И. Кукушкина. — М. : ИНФРА-М, 2013.

10. Кулыгин, В. П. Классическая социология / В. П. Кулыгин. — М. : Наука, 2000.

11. Парсонс, Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. — М. : ИНИОН РАН, 1994.

12. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — 2-е изд. — М. : Академический проект, 2002.

13. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. — М. : ИНИОН РАН, 1994.

14. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. — М. : Аспект пресс, 1997.

15. Парсонс, Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. — М. : ИНИОН РАН, 1994.

16. Парсонс, Т. Социальное взаимодействие / Т. Парсонс. — М., 1998.

17. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. — М. : МГУ, 1994.

18. Holton, R. J. Talcott Parsons: Conservative Apologist or Irreplaceable Icon? / R. J. Holton, // Handbook of Social Theory / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

19. Lidz, V. Talcott Parsons / V. Lidz // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

20. Parsons, T. Essays in Sociological Theory / T. Parsons. — Glencoe, IL : Free Press, 1953.

21. *Parsons, T.* Essays in Sociological Theory: Pure and Applied / T. Parsons. — Glencoe, IL. : Free Press, 1949.

22. *Parsons, T.* The Marshall Lectures / T. Parsons. — Uppsala : Uppsala University Press, 1986.

23. *Parsons, T., Bales, R.* Family, Socialization, and Interaction Process / T. Parsons, R. Bales. — Glencoe, IL. : Free Press, 1953.

24. *Ritzer, G.* Classical Sociological Theory / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.

Учебно-тематический план курса «Классические социологические теории через призму социологического воображения»

№ п/п	Тема	Аудиторные занятия (часов), в том числе		Дискуссии, круглые столы
		Лек-ции	Семи-нары	
1	Возникновение социологии как науки	2	2	
2	Социологическая теория и социологическое воображение	2		Дискуссия — 2
3	Зарождение позитивистской метапарадигмы	2	2	
4	Первые российские социологи: поиски факторов общественного прогресса	2		Круглый стол — 2
5	Структурный функционализм Э. Дюркгейма	2	2	
6	Диалектико-материалистическая социология К. Маркса и Д. Энгельса	2	2	
7	Марксистская социология после К. Маркса (конец XIX — начало XX в.)	2	2	
8	«Понимающая» социология М. Вебера: зарождение интерпретивной метапарадигмы	2	2	
9	Формально-релятивистская социология Г. Зиммеля	2		Дискуссия — 2

Окончание таблицы

№ п/п	Тема	Аудиторные занятия (часов), в том числе		Дискуссии, круглые столы
		Лекции	Семинары	
10	Социальный психоанализ З. Фрейда	2	2	
11	Символический интеракционизм Дж. Мида, Ч. Кули и Г. Блумера	2	2	
12	А. Шютц — основоположник феноменологической социологии	2	2	
13	К. Маннгейм: институционализация социологии знания	2	2	
14	Теории социального обмена	2	2	
15	Социология П. Сорокина: зарождение интегральной метапарадигмы	2		Круглый стол — 2
16	Т. Парсонс: создание структурно-функциональной теории на основе интегрального подхода	2	2	
17	Курсовая работа			
	Итого:	32	24	8

Примерная тематика письменных работ

1. Теоретические предпосылки возникновения социологии. Организованный скептицизм.
2. Объективные (социально-политические, культурные, естественно научные и т.п.) предпосылки возникновения социологии.
3. Теория социологического воображения Ч. Р. Миллса.
4. Взаимосвязь социологического теоретизирования и социологического воображения.
5. Амбивалентная функциональность науки.
6. Ч. Р. Миллс: разум и свобода.
7. Факторы обновления социологического знания.
8. Позитивистская социология О. Конта: валидное знание во имя социальной гармонии.
9. Основные принципы позитивизма О. Конта и их применение в учении об обществе.
10. Сравнительный анализ учений А. Сен-Симона и О. Конта: взаимовлияние и различия.
11. Концепции социальной статики и социальной динамики О. Конта.
12. Понимание прогресса у О. Конта и первых российских социологов: сравнительный анализ.
13. О. Конт: метод социологии.
14. Учение об обществе Г. Спенсера.
15. Концепция социального развития в теории Г. Спенсера.
16. «Синтетическая философия» Г. Спенсера в ее связи с утилитаристскими этическими воззрениями.
17. «Организмизм» и «психологизм» Г. Спенсера как основа его социологической концепции.
18. Х. Мартинау: феминистская социальная критика культуры.
19. Географическое направление в социологии XIX века.
20. Основные теоретические направления в социологической теории XIX в.: географическое, демографическое,

антропологическое, социальный дарвинизм, органическое и т.п.

21. Принципы генетической социологии, сформулированные М. М. Ковалевским.

22. Теория личности в трудах русских социологов неокантианского направления.

23. История институционализации в России (развитие научной прессы, создание научных обществ, социологическое образование).

24. Герои и толпа: новое в исследовании общественных явлений (на материале одноименного произведения Н. К. Михайловского).

25. Научные контакты М. М. Ковалевского с социологами стран Западной Европы, их значение для развития социологии.

26. Интеллигенция как социальный феномен (по материалам научных трудов социологов России).

27. Взгляд на историю российских социологов неокантианского направления.

28. Неопозитивизм в русской социологии: важнейшие предпосылки, главные отличительные черты.

29. Вклад М. М. Ковалевского в методологию социологии.

30. Теория исторического процесса П. Л. Лаврова.

31. Психологические основания социологических исследований (на материале трудов Н. К. Михайловского).

32. Становление эмпирической социологии в России.

33. Н. И. Кареев — ученый-историк и социолог, философ, педагог и теоретик гуманитарного образования.

34. Теория эмоций в социологических исследованиях Л. И. Петражицкого.

35. Понятие социального прогресса в трудах русских социологов разных направлений.

36. П. А. Кропоткин о взаимной помощи как принципе организации общественной жизни.

37. Социологическое воображение Э. Дюркгейма, его методологическое новаторство.

38. Теория «социологизма» Э. Дюркгейма.

39. Концепция общества Э. Дюркгейма.

40. Основные социологические принципы работы Э. Дюркгейма «Самоубийство».

41. Учение Э. Дюркгейма о социальной солидарности и новые социальные солидарности в современной России.

42. Место и значение социологии Э. Дюркгейма в истории социологии.

43. Своеобразие «индустриального общества» по Э. Дюркгейму.

44. Социологическое воображение К. Маркса: единство свободы, разума и гуманизма.

45. Концепция отчуждения К. Маркса.

46. Теория общества К. Маркса.

47. Марксизм как теория социального конфликта.

48. Социальный конфликт как механизм социального изменения в концепции К. Маркса.

49. Марксизм о сложной природе общественного сознания.

50. Работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» как прикладное социологическое исследование.

51. Теория империализма В. И. Ленина.

52. Д. Лукач: новые подходы к эмансипации.

53. А. Грамши об исторической роли интеллектуалов.

54. Социологическое воображение М. Вебера: латентные смыслы социальных рациональностей.

55. Учение об обществе М. Вебера.

56. Концепция «понимающей» социологии М. Вебера.

57. Теория бюрократии в работах М. Вебера и современность.

58. Функции и дисфункции бюрократии.

59. Работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Ее значение для понимания процессов, ныне происходящих в России.

60. Характеристика и понятие «города» в концепции М. Вебера.

61. Социологическое воображение Г. Зиммеля: суть социальной геометрии.

62. Концепция общества Г. Зиммеля.

63. Формы социального взаимодействия по Г. Зиммелю.

64. Работа Г. Зиммеля «Социальная дифференциация», ее актуальность.

65. Биографический метод в работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке».

66. Г. Лебон как один из основоположников социологии массовых явлений.

67. Социологическое воображение З. Фрейда: инновационная трактовка природы человека.

68. Исследования З. Фрейда массы: роль коллективного бессознательного.
69. З. Фрейд о роли культуры в минимизации негативных проявлений человеческих страстей.
70. Характерология З. Фрейда.
71. Дж. Г. Мид: человек — «животное, создающее инструменты».
72. Место и роль игры в социализации.
73. Дж. Г. Мид и американский прагматизм.
74. Социологическое воображение Ч. Х. Кули: смыслы «зеркального» Я.
75. Человеческое Я в трактовке Ч. Х. Кули и Дж. Г. Мида
76. Общество, человеческое Я и язык (по Дж. Г. Миду).
77. Понятие «жизненного мира» и анализ повседневности в работах А. Шютца.
78. «Возвращающийся домой» А. Шютца: феноменологический анализ.
79. «Чужак»: феноменологический анализ.
80. Этноцентризм как установка «мы-группа»: его разновидности.
81. М. Вебер и феноменологическая социология.
82. Поведение продавцов и покупателей на московском рынке:
83. Феноменологический анализ (можно выбрать любой другой объект для исследования).
84. «Мы» и «Они» в современном российском обществе.
85. К. Маннгейм: амбивалентность последствий увеличивающегося многообразия знания.
86. Новые подходы к идеологии К. Маннгейма.
87. Типы рациональностей по К. Маннгейму.
88. К. Маннгейм о возможностях социальной технологии.
89. Теоретико-эмпирические основания теории социального обмена.
90. Постулаты Дж. Хоманса, возможности и ограничения их практического применения.
91. Подходы к исследованию организаций П. Блау.
92. Социологическое воображение П. А. Сорокина.
93. Интегральная социология П. А. Сорокина, ее значение для развития отечественной и мировой социологии.
94. Проблема войны в социологии П. А. Сорокина.
95. Интеграция и ее виды по П. А. Сорокину.
96. Тема любви и альтруизма в социологии П. А. Сорокина.

97. Голод и общество (по работам П. А. Сорокина).
98. Типовые переменные социального действия по Т. Парсонсу.
99. Парадигма эволюционного изменения Т. Парсонса.
100. Теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса: сравнительный анализ.
101. «Система современных обществ» Т. Парсонса.

Литература

1. *Алексеева, Т. А.* Современные политические теории / Т. А. Алексеева. — М. : РОССПЭН, 2000.
2. Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.
3. *Арутюнов, А. А.* Ленин: личностная и политическая биография / А. А. Арутюнов. — М., 2002.
4. *Ашин, Г. К.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Г. К. Ашин, С. А. Кравченко, Э. Д. Лозанский. — М. : Экзамен, 2001.
5. *Бауман, З.* Мыслить социологически / З. Бауман. — М. : Аспект Пресс, 1996.
6. *Бергер, П. Л.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива / П. Л. Бергер. — М. : Аспект Пресс, 1996.
7. *Блау, П. М.* Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель / П. М. Блау // Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.
8. *Брутян, Г. А.* Гипотеза Сепира — Уорфа / Г. А. Брутян. — Ереван, 1968.
9. *Вебер, М.* Аграрная история Древнего мира / М. Вебер. — М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
10. *Вебер, М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. — М. : Юрист, 1994.
11. *Вебер М.* Класс, сословие, партии (фрагменты) / М. Вебер // Личность. Культура. Общество. Вып. 1—2 (15—16). 2003. — М., 2003.
12. *Вебер, М.* О буржуазной демократии в России / М. Вебер // Социс. — 1992. — № 3.
13. *Вебер, М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : Прогресс, 1990.
14. *Вебер, М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : Прогресс, 1990.
15. *Вебер, М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : Прогресс, 1990.
16. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : Прогресс, 1990.
17. *Гайденок, П. П.* История и рациональность: социология макса Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденок, Ю. Н. Давыдов. — М., 1991.
18. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999.
19. *Гоббс, Т.* Левиафан // Гоббс Т. Сочинения : в 2-х т. / Т. Гоббс. — М., 1990—1991.
20. *Голенкова, З. Т.* История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы : учебное пособие / З. Т. Голенкова, Н. П. Нарбут. — М. : Изд-во РУДН, 2003. Гл. III.
21. *Голосенко, А. И.* История русской социологии XIX—XX веков / А. И. Голосенко, В. В. Козловский. М. : Онега, 1995.
22. *Голосенко, И. А.* Оглядываясь на Огюста Конта / А. И. Голосенко // Социс. — 1999. — № 1.
23. *Голосенко, И. А.* Питирим Сорокин о внутренних нарушениях социального порядка / А. И. Голосенко // Социс. — 2000. — № 4.
24. *Голосенко, И. А.* Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX века : библиогр. указатель / А. И. Голосенко. — М. : Онега 1995.
25. *Горшков, М. К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. — М. : Новый хронограф, 2011.
26. *Гофман, А. Б.* Семь лекций по истории социологии / А. Б. Гофман. — М. : Книжный Дом «Университет», 2008.
27. *Гофман, А. Б.* Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли / А. Б. Гофман. — М. : ГУ ВШЭ, 2001.
28. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998—2004). Аналитический доклад. — М. : АИРО-XX, 2005
29. *Грамши, А.* Избранные произведения : в 3-х т. / А. Грамши. — М. : изд-во иностранной литературы, 1959.
30. *Грамши, А.* Тюремные тетради в трех частях. Ч. 1 / А. Грамши. — М., 1991.

31. Григорьев, Л. Г. Социология повседневности А. Шютца / Л. Г. Григорьев // Социс. — 1988. — № 2.
32. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Э. Гуссерль. — М., 1999.
33. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Минск, 2000.
34. Давыдов, Ю. Н. «Веберовский ренессанс» и обновленный интерес к классике / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии. Т. 4. — СПб., 2000.
35. Давыдов, Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология : актуальный проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. — М. : МФТИС, 1998.
36. Давыдов, Ю. Н. Социологический радикализм и феноменологическая социология / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии. Т. 4. — СПб., 2000.
37. Девятко, И. Ф. Бихевиоризм. — Общий теоретико-идеологический фон стабилизационно ориентированной американской социологии: бихевиоризм — инвайронментализм — менеджериализм / И. Ф. Девятко // История теоретической социологии. Т. 3. — М. : КАНОН, 1998.
38. Девятко, И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования / И. Ф. Девятко. — М., 1996.
39. Джонстон, Б. В. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени / Б. В. Джонстон // Социс. — 1999. — № 6.
40. Додельцев, Р. Ф. Фрейдизм: культурология, психология, философия / Р. Ф. Додельцев. — М. : МГИМО, 1997.
41. Дубицкий, В. В. Маннхейм о социальном воспитании / В. В. Дубицкий // Социс. — 2004. — № 8.
42. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1996.
43. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1995.
44. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1995.
45. Зарубина, Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства / Н. Н. Зарубина. — М. : ИЧП «Издательство Магистр», 1998.

46. Зарубина, Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации / Н. Н. Зарубина. — СПб. : РХГИ, 1998.
47. Здравомыслов, А. Г. О судьбах социологии в России / А. Г. Здравомыслов // Социс. — 2000. — № 3.
48. Здравомыслов, А. Г. Социология в России: прошлое и настоящее / А. Г. Здравомыслов // Российская социология: историко-социологические очерки / отв. ред. А. О. Бороноев, В. В. Козловский. — М. : Российский гуманитарный ун-т, 1997.
49. Здравомыслов, А. Г. Социология конфликта / А. Г. Здравомыслов. — М. : Аспект Пресс, 1995.
50. Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. — М. : Юрист, 1996.
51. Зиммель, Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель // Теоретическая социология : антология : в 2-х ч. Ч. 1 / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.
52. Зиммель Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В. И. Добренкова. — М. : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
53. Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии / Г. Зиммель // Теоретическая социология : антология : в 2-х ч. Ч. 1 / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.
54. Зиммель, Г. Приключение / Г. Зиммель // <http://www.gorod.org.ru/biblio.shtml>
55. Зиммель, Г. Проблема социологии / Г. Зиммель // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В. И. Добренкова. — М. : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
56. Зиммель, Г. Социальная дифференциация / Г. Зиммель // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В. И. Добренкова. — М. : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
57. Зиммель, Г. Философия труда / Г. Зиммель // <http://www.gorod.org.ru/biblio.shtml>
58. Ионин, Л. Г. Возникновение и развитие феноменологической социологии. А. Шюц и этнометодология / Л. Г. Ионин // История теоретической социологии. — М. : Канон, 1998.

59. *Ионин, Л. Г.* Георг Зиммель — социолог / Л. Г. Ионин. — М., 1981.

60. *Ионин, Л. Г.* Понимающая социология / Л. Г. Ионин. — М. : Наука, 1978.

61. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М, 1999.

62. История теоретической социологии. Т. 2. — М. : Канон, 1998.

63. История теоретической социологии. Т. 1. От Платона до Канта (предистория социологии и первые программы науки об обществе). — М. : Наука, 1995.

64. История теоретической социологии. Т. 4. — СПб., 2000.

65. *Итвел, Р.* Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий / Р. Итвел // Социс. — 2003. — № 3.

66. *Кареев, Н. И.* Основы русской социологии / Н. И. Кареев // Социс. — 1995. — № 8.

67. Классики теоретической социологии XX века : рабочая тетрадь по истории социологии. — М. : ГУ ВШЭ, 2001.

68. *Климова, С. Г.* Критерии определения групп «мы» и «они» / С. Г. Климова // Социс. — 2002. — № 6.

69. *Климова, С. Г.* Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» / С. Г. Климова // Социс. — 2000. — № 12.

70. *Ковалев, А. Д.* Обновленная версия теории действия и социальной системы / А. Д. Ковалев // История теоретической социологии. Т. 3. — М. : Канон, 1998.

71. *Ковалев, А. Д.* Формирование теории действия Толкотта Парсонса / А. Д. Ковалев // История теоретической социологии. Т. 3. — М. : Канон, 1998.

72. *Ковалевский, М. М.* Понятие генетической социологии и её метод / М. М. Ковалевский // Социология в России. XIX — начала XX веков. Вып. 2. — М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997.

73. *Ковалевский, М. М.* Социология : в 2-х т. / М. М. Ковалевский. — СПб., 1997.

74. *Козлова, Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н. Н. Козлова. — М. : ИФ РАН, 1996.

75. *Кола, Д.* Политическая социология / Д. Кола. — М. : Весь мир, ИНФРА-М, 2001.

76. *Кон И. С.* Позитивизм в социологии / И. С. Кон. — Л., 1964.

77. *Кравченко, Е. И.* Макс Вебер / Е. И. Кравченко. — М. : Весь мир, 2002.

78. *Кравченко, С. А.* Кризис нашего времени — неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П. А. Сорокина) / С. А. Кравченко // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 3—4.

79. *Кравченко, С. А.* Социологический толковый англо-русский словарь / С. А. Кравченко. — М. : МГИМО-Университет, 2012.

80. *Кропоткин, П. А.* Взаимная помощь как фактор эволюции / П. А. Кропоткин // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни : тексты. — М. : Международный университет бизнеса и управления, 2001.

81. *Кропоткин, П. А.* Этика. Т. 1. Происхождение и развитие нравственности / П. А. Кропоткин // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни : тексты. — М. : Международный университет бизнеса и управления, 2001.

82. *Кропоткин, П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. — М., 1990.

83. *Кули, Ч.* Социальная самость / Ч. Кули // Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.

84. *Култыгин, В. П.* Классическая социология / В. П. Култыгин. — М. : Наука, 2000.

85. *Култыгин, В. П.* Концепция социального обмена в современной социологии / В. П. Култыгин // Социс. — 1997. — № 5.

86. *Култыгин, В. П.* Современные зарубежные социологические концепции : учебник / В. П. Култыгин. — М. : Изд-во МГСУ «Союз», 2000.

87. *Култыгин, В. П.* Феминизм в современной мировой социологической теории / В. П. Култыгин. — М. : ИСПИ РАН, 2005.

88. *Кун, Т.* Структура научных революций / Кун Т. — М., 1975.

89. *Кюэн, Ш.* — А. Социологи и одержимость пониманием. Неопозитивистское прочтение Макса Вебера / Ш. — А. Кюэн // Социс. — 2001. — № 12.

90. *Лапин, Н. И.* Когда и как Огюст Конт ввел термин «sociologie» / Н. И. Лапин // Социс. — 2003. — № 4.

91. *Лапин, Н. И.* Предмет и методология социологии / Н. И. Лапин // Социс. — 2002. — № 8.
92. *Лебон, Г.* Психология народов и масс / Г. Лебон. — СПб., 1995.
93. *Ленин, В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27 / В. И. Ленин. — М., 1969
94. *Ленин, В. И.* Статистика и социология // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30 / В. И. Ленин. — М., 1969
95. *Ленин, В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1 / В. И. Ленин. — М., 1960
96. Ленин и социология. — М., 1970.
97. *Локк, Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3-х т. / Дж. Локк. — М., 1988.
98. *Лукач, Г.* К онтологии общественного бытия / Г. Лукач. — М., 1991.
99. *Лукач, Г.* Ленин: исследовательские очерки о взаимосвязи его идей / Г. Лукач. — М., 1990.
100. *Луман, Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. — СПб. : Наука, 2007.
101. М. М. Ковалевский: социолог, правовед, историк // Материалы научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 150-й годовщине со дня рождения М. М. Ковалевского. — М., 2002.
102. Макс Вебер, прочитанный сегодня / под ред. Р. П. Шпаковой. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997.
103. *Манхейм, К.* Идеология и утопия / К. Манхейм // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. — М. : Юрист, 1994.
104. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени / К. Манхейм // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. — М. : Юрист, 1994.
105. *Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования / К. Манхейм // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. — М. : Юрист, 1994.
106. *Маркс К.* Критика Готской программы / К. Маркс // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Т. 19 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М., 1961
107. *Маркс, К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Т. 8 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М., 1957

108. *Маркс, К.* К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Т. 12 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М., 1958
109. *Маркс, К.* Социология : сб. / К. Маркс. — М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
110. *Матвеева С. Я., Шляпентох В. Э.* Страхи в России в прошлом и настоящем / С. Я. Матвеева, В. Э. Шляпентох. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000.
111. *Медушевский, А. Н.* История русской социологии / А. Н. Медушевский. — М. : Высшая школа, 1993.
112. *Мертон Р.* Наука и социальный порядок / Р. Мертон // Личность. Культура. Общество. Т. II. Вып. 2. — М., 2000.
113. *Мид, Дж.* От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.
114. *Миллс, Ч. Р.* Социологическое воображение / Ч. Р. Миллс. — М. : Издательский Дом NOTA BENE, 2001.
115. *Михайловский, Н. К.* Герои и толпа // Михайловский Н. К. Избранные труды по социологии в двух томах. Т. 2 / Н. К. Михайловский; отв. ред. В. В. Козловский. — СПб. : Алетейя, 1998.
116. *Михайловский, Н. К.* Что такое прогресс? / Н. К. Михайловский // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни : тексты. — М. : Международный университет бизнеса и управления, 2001.
117. *Монсон, Пер.* Лодка на аллеях парка. Введение в социологию / Пер. Монсон. — М., 1995.
118. *Монтескьё, Ш.* О духе законов / Ш. Монтескьё. — М., 1999.
119. *Новикова, С. С.* История развития социологии в России : уч. пособие / С. С. Новикова. — М. — Воронеж, 1996.
120. *Новикова, С. С.* Особенности развития социологической мысли в России / С. С. Новикова. — М., 1996.
121. *Новикова, С. С.* Социология: история, основы институционализации в России / С. С. Новикова. — Москва — Воронеж, 2000.
122. Огюст Конт. К 200-летию со дня рождения / под ред. А. О. Бороноева и И. А. Голосенко. — СПб., 1998.
123. *Осипова, Е. В.* Огюст Конт и возникновение позитивистской социологии / Е. В. Осипова. — М., 1995.
124. *Осипова, Е. В.* Социология Герберта Спенсера / Е. В. Осипова. — М. : РИЦ ИСПИ, 1995.

125. *Осипова, Е. В.* Социология Эмиля Дюркгейма / Е. В. Осипова. — 2-е изд. — СПб. : Алетейя, 2001.
126. *Парсонс, Т.* Некоторые проблемы общей теории в социологии / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. — М. : ИНИОН РАН, 1994.
127. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. — изд. 2-е. — М. : Академический проект, 2002.
128. *Парсонс, Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. — М. : ИНИОН РАН, 1994.
129. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. — М. : Аспект пресс, 1997.
130. *Парсонс, Т.* Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. — М. : ИНИОН РАН, 1994.
131. *Парсонс, Т.* Социальное взаимодействие / Т. Парсонс. — М., 1998.
132. *Парсонс, Т.* Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. — М. : МГУ, 1994.
133. *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни : тексты. — М. : Международный университет бизнеса и управления, 2001.
134. *Плеханов, Г. В.* К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5-ти т. Т. 2 / Г. В. Плеханов. — М. : Госполитиздат, 1956.
135. *Попов, Г. Х.* Теория и практика социализма в XX веке: к 150-летию со дня рождения Г. В. Плеханова / Г. Х. Попов. — М., 2006.
136. *Романовский, Н. В.* Социология знания — новые вызовы / Н. В. Романовский // Социс. — 2001. — № 3.
137. *Россия на новом переломе: страхи и тревоги.* — М. : Альфа-М, 2009.
138. *Руссо, Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. — М., 1969.

139. *Сидоров, М. И.* Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. / М. И. Сидоров. — М., 1957.
140. *Скиннер, Б. Ф.* Технология поведения. За пределами свободы и достоинства / Б. Ф. Скиннер // Американская социологическая мысль : тексты. — М. : МГУ, 1994.
141. *Смирнова, Н. М.* Исторические типы рациональности в социальном познании / Н. М. Смирнова // Исторические типы рациональности. Т. 1. / под ред. В. А. Лекторского. — М., 1995.
142. *Смирнова, Н. М.* От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» / Н. М. Смирнова. — М. : ИФ РАН, 1997.
143. *Смирнова, Н. М.* От трансцендентальной феноменологии к феноменологии социальной реальности: мировоззренческие основания «великого синтеза» / Н. М. Смирнова // Феноменологические исследования. Российско-американский ежегодник. № 2. — Владимир — Belmont, 1998.
144. *Современная американская социология.* — М. : МГУ, 1994.
145. *Сорокин, П.* Главные тенденции нашего времени / П. Сорокин. — М. : Институт социологии РАН 1993.
146. *Сорокин, П.* Квантофрения / П. Сорокин // Кравченко А. И. Социология : хрестоматия для вузов / А. И. Кравченко. — М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002.
147. *Сорокин, П.* Заметки социолога. Социологическая публицистика / П. Сорокин. — СПб. : Алетейя, 2000.
148. *Сорокин, П.* Моя философия — интегрализм / П. Сорокин // Социс. — 1992. — № 10.
149. *Сорокин, П.* Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства / П. Сорокин // Социс. — 1994. — № 2.
150. *Сорокин, П.* Общедоступный учебник социологии / П. Сорокин. — М. : Наука, 1994.
151. *Сорокин, П.* Общие черты и различия между Россией и США / П. Сорокин // Социс. — 1993. — № 8.
152. *Сорокин, П.* Причины войны и условия мира / П. Сорокин // Социс. — 1993. — № 12.
153. *Сорокин, П.* Самоубийство как общественное явление / П. Сорокин // Социс. — 2003. — № 2.
154. *Сорокин, П.* Система социологии. Т. 1—2. / П. Сорокин. — М. : Наука, 1993.

155. *Сорокин, П.* Современное состояние России / П. Сорокин // Новый мир. — 1992. — № 4—5.
156. *Сорокин, П.* Социализм и социальное равенство / П. Сорокин // Социс. — 2001. — № 5.
157. *Сорокин, П.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин. — СПб.: ЗХГИ, 2000.
158. *Сорокин, П.* Социологические теории современности / П. Сорокин. — М.: ИНИОН, 1992.
159. *Сорокин, П.* Таинственная энергия любви / П. Сорокин // Социс. — 1991. — № 8, 9.
160. *Сорокин, П.* Условия и перспективы мира без войны / П. Сорокин // Социс. — 1999. — № 5.
161. *Сорокин, П.* Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. — М.: Политиздат, 1992.
162. *Сорокин, П.* Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) / П. Сорокин // Вопросы социологии. — 1993. — № 3.
163. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. — М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.
164. Социология в России XIX — начала XX веков: тексты. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 2001.
165. Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / под ред. Г. В. Осипова. — М.: Издательство НОРМА, 2003.
166. *Спенсер, Г.* Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социс. — 1992. — № 2.
167. *Спенсер, Г.* Синтетическая философия / Г. Спенсер. — Киев: Ника-Центр, 1997.
168. Тезаурус социологии / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
169. *Тощенко, Ж. Т.* Социология: учебник / Ж. Т. Тощенко. — М.: Юнити-Дана, 2012.
170. *Уорф, Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960.
171. *Филиппов, А. Ф.* Релятивистская социология Георга Зиммеля / А. Ф. Филиппов // История теоретической социологии. Т. 2. — М.: КАНОН, 1998.
172. *Фишер, Л.* Жизнь Ленина. В 2-х т. / Л. Фишер. — М., 1997.
173. *Фотев, Г.* Герберт Блумер: символический интеракционизм / Г. Фотев // Современная американская социология. — М.: Изд-во МГУ, 1994.
174. *Фрейд, З.* Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд. — М.: Наука, 1995.
175. *Фрейд, З.* Основной инстинкт / З. Фрейд. — М., 1997.
176. *Фрейд, З.* Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. — СПб.: Издательство «Азбука-классика», 2005.
177. *Фрейд, З.* Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд. — М.: Система, 1989.
178. *Фрейд, З.* Психоаналитические этюды / З. Фрейд. — Минск: ООО «Попурри», 1997.
179. *Фрейд, З.* Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. — СПб.: Алетейя, 1997.
180. *Хабермас, Ю.* Зиммель как диагност времени / Ю. Хабермас // <http://www.gorod.org.ru/biblio.shtml>
181. *Хоманс, Дж. К.* Возвращение к человеку / Дж. К. Хоманс // Американская социологическая мысль: тексты. — М.: МГУ, 1994.
182. *Хоманс, Дж. К.* Статус конторских служащих / Дж. К. Хоманс // Кравченко А. И. Социология: хрестоматия для вузов / А. И. Кравченко. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
183. *Шмитт, К.* Политическая теология / К. Шмитт. — М.: «КАНОН-процесс-Ц», 2000.
184. *Шпакова, Р. П.* Вместе с Огюстом Контом и вопреки ему / Р. П. Шпакова // Социс. — 1999. — № 3.
185. *Шпакова, Р. П.* Макс Вебер о становлении демократии в России / Р. П. Шпакова // Социс. — 2003. — № 3.
186. *Штомпка, П.* Теоретическая социология и социологическое воображение / П. Штомпка // Социологический журнал. — 2001. — № 1.
187. *Штомпка, П.* Формирование социологического воображения. Значение теории / П. Штомпка // Социс. — 2005. — № 10.
188. *Шютц, А.* Возвращающийся домой / А. Шютц // Социс. — 1995. — № 2.
189. *Шютц, А.* Смысловая структура повседневного мира / А. Шютц. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
190. *Шютц, А.* Социальный мир и теория социального действия // Шютц А. Смысловая структура повседнев-

ного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

191. *Шютц, А.* Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира / А. Шютц. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

192. *Шюц, А.* Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

193. *Шюц, А.* О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

194. *Шюц, А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

195. *Шюц, А.* Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : МГУ, 1994.

196. *Шюц, А.* Чужак. Социально-психологический очерк / А. Шюц // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М. : РОССПЭН, 2004.

197. *Энгельс, Ф.* Анти-Дюринг / Ф. Энгельс. — М., 1988.

198. *Энгельс, Ф.* О военном искусстве. О теории насилия / Ф. Энгельс. — М. : Эксмо, 2003.

199. *Энгельс, Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1986.

200. *Ядов, В. А.* И все же умом Россию понять можно. Россия: трансформирующееся общество / В. А. Ядов. — М. : Канон-Пресс-Ц, 2001.

201. *Antonio, R. J.* Karl Marx / R. J. Antonio // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

202. *Bendix, R.* Max Weber: An Intellectual Portrait / R. Bendix. — Garden City, N.Y. : Doubleday, 1960.

203. *Blau, P. M.* The American Occupational Structure / P. M. Blau. — N.Y., 1967.

204. *Blau, P. M.* Formal Organizations: A Comparative Approach / P. M. Blau. — San Francisco, 1963.

205. *Blau, P. M.* Exchange and Power in Social Life / P. M. Blau. — N.Y. : Wiley, 1964.

206. *Blau, P. M.* Inequality and Heterogeneity / P. M. Blau. — N.Y., 1977.

207. *Blau, P. M.* Crosscutting Social Circles. Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations / P. M. Blau, J. E. Schwartz. — London : Academic Press, Inc., 1984.

208. *Blumer, H.* Psychological Import of the Human Group / H. Blumer // Group Relations at the Crossroads / ed. M. Sherif, M. O. Wilson. — N.Y., 1953.

209. *Blumer, H.* Selected Works of Herbert Blumer: A Public Philosophy for Mass Society / H. Blumer. — Urbana, IL : University of Illinois Press, 2000.

210. *Blumer, H.* Symbolic Interactionism — Perspective or Method / H. Blumer. — N.Y., 1969.

211. *Cooley, Ch. H.* Human Nature and Social Order / Ch. H. Cooley. — N.Y. : Scribner's, 1964.

212. *Davidson, A.* Antonio Gramsci / A. Davidson. — L. : Merlin, 1978.

213. *Evans, R.* The Man and his Ideas / R. Evans, B. F. Skinner // Dialogues with Notable Contributors to Personality Series. Vol. IV. — N.Y., 1968.

214. *Ferguson, H.* Phenomenology and Social Theory / H. Ferguson // Handbook of Social Theory / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.

215. *Fournier, M.* Emile Durkheim: 1858—1917 / M. Fournier. — Paris : Fayard, 2007.

216. *Gane, M.* Durkheim's Project for a Sociological Science / M. Gane // Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.

217. *Gilman, Ch. P.* His Religion and Hers: A Study of the Faith of Our Fathers and the Work of Our Mothers / Ch. P. Gilman. — N.Y. : Century, 1923.

218. *Gilman, Ch. P.* Human Work / Ch. P. Gilman. — N.Y. : McClure and Phillips, 1904.

219. *Gilman, Ch. P.* The Home: Its Work and Influence / Ch. P. Gilman. — Urbana : University of Illinois Press, 1972.

220. *Gilman, Ch. P.* The Man-made World or, Our Androcentric Culture / Ch. P. Gilman. — N.Y. : Johnson Reprint Corporation, 1971.

221. *Gilman, Ch. P.* Women and Economics: A Study of the Economic Relation between Men and Women as a Factor in Social Evolution. — N.Y. : Harper and Row, 1966.

222. *Hill, M. R.* Harriet Martineau / M. R. Hill // Deegan, M. J. (ed). *Women in Sociology: A Bio-Bibliographical Sourcebook*. Westport, CT: Greenwood Press, 1991.

223. *Hoecker-Drysdale, S.* Harriet Martineau / S. Hoecker-Drysdale // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists* / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

224. *Holton, R. J.* Talcott Parsons: Conservative Apologist or Irreplaceable Icon? / R. J. Holton // *Handbook of Social Theory* / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

225. *Homans, G. C.* *Social Behavior: Its Elementary Forms*. Rev. ed. / G. C. Homans. — N.Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1974.

226. *Homans, G. C.* *The Nature of Social Science* / G. C. Homans. — N.Y. : Harcourt, Brace and World, 1967.

227. *Joas, H. G. H.* Mead: A Contemporary Re-examination of His Thought / H. Joas. — Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

228. *Jones, R. A.* Émile Durkheim / R. A. Jones // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists* / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

229. *Kalberg, S.* Max Weber / S. Kalberg // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

230. *Kettler D., Meje V.* Karl Mannheim and the Sociology of Knowledge / D. Kettler, V. Meje // *Handbook of Social Theory* / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

231. *Lemert, C.* Charlotte Perkins Gilman / C. Lemert // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

232. *Lengermann P. M.*, Classical Feminist Social Theory / P. M. Lengermann, J. Niebrugge-Brantley, // *Handbook of Social Theory* / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

233. *Lidz, V.* Talcott Parsons / V. Lidz // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

234. *Lukács, G.* *History and Class Consciousness* / G. Lukács. — Cambridge, Mass. : MIT Press, 1968.

235. *McLennan, G.* *Maintaining Marx* / G. McLennan // *Handbook of Social Theory* / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.

236. *Merton, R. K.* Karl Mannheim and the Sociology of Knowledge / R. K. Merton // *Social Theory and Social Structure*. — Glencoe : the Free Press, 1957.

237. *Molm, L. D.* Theories of Social Exchange and Exchange Networks / L. D. Molm // *Handbook of Social Theory* / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

238. *Morrione, T. J.* Blumer, Herbert George / T. J. Morrione // Ritzer, G., Ryan, J.M. (eds). *The Concise Encyclopedia of Sociology*. — Blackwell Publishing, 2011.

239. *O'Neill, J.* Psychoanalysis and Sociology: From Freud-Maxism to Freud-Feminism / J. O'Neill, // *Handbook of Social Theory* / Edited by G. Ritzer and B. Smart. — London : SAGE Publications, 2001.

240. *Parsons, T.* *Essays in Sociological Theory* / T. Parsons. — Glencoe, IL : Free Press, 1953.

241. *Parsons, T.* *Essays in Sociological Theory: Pure and Applied* / T. Parsons. — Glencoe, IL : Free Press, 1949.

242. *Parsons, T.* *The Marshall Lectures* / T. Parsons. — Uppsala : Uppsala University Press, 1986.

243. *Parsons, T.* *Family, Socialization, and Interaction Process* / T. Parsons, R. Bales. — Glencoe, IL : Free Press, 1953.

244. *Pickering, M.* Auguste Comte / M. Pickering // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists* / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

245. *Psychoanalysis and Culture at the Millennium* // Ed. by N. Ginsburg and R. Ginsburg — New Haven and London : Yale University Press, 1999.

246. *Return of Pitirim Sorokin* // Ed. by S. A. Kravchenko and N. E. Pokrovsky. — M. : International Kondratieff Foundation, 2001.

247. *Ritzer, G.* *Classical Sociological Theory* / G. Ritzer. — McGraw-Hill Higher Education, 2000.

248. *Ritzer, G.* *Modern Sociological Theory* / G. Ritzer. — McGraw Higher Education, 2000.

249. *Rogers, M.* Alfred Schutz / M. Rogers // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

250. *Scaff, L. A.* Georg Simmel / L. A. Scaff // *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.

251. *Schutz, A.* *On Phenomenology and Social Relations* / A. Schutz. — The University of Chicago Press, 1970.

252. *Shalin, D. N.* George Herbert Mead / D. N. Shalin // The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
253. *Simmel, G.* Conflict and the Web of Group Affiliations / G. Simmel. — N.Y. : Free Press, 1955.
254. *Simmel, G.* Essays on Religion / G. Simmel. — New Haven, CT. : Yale University Press, 1997.
255. *Simmel, G.* Group Expansion and the Development of Individuality / G. Simmel // D. Levine (ed). Georg Simmel. — Chicago: University Press of Chicago, 1971.
256. *Simmel, G.* On Women, Sexuality, and Love / G. Simmel. — New Haven : Yale University Press, 1984.
257. *Simmel, G.* Simmel on Culture / G. Simmel ; Ed. by D. Frisby and M. Featherstone. — London : Sage, 1997.
258. *Simmel, G.* The Philosophy of Money / G. Simmel. — London : Routledge and Kegan Paul, 1978.
259. *Simmel, G.* The Problem of Sociology / G. Simmel // Wolff K. (ed) Essays in Sociology, Philosophy of Aesthetics. — N.Y. : Harper Torchbooks, 1959.
260. *Skinner, B. F.* Reflections on Behaviorism and Society / B. F. Skinner. — Englewood Cliffs, 1978.
261. *Smelser, N. J.* Problematics of Sociology: The George Simmel Lectures, 1995 / N. J. Smelser. — Berkley : University of California Press, 1997.
262. *Swedberg, R.* The Max Weber Dictionary: Key Words and Concepts / R. Swedberg. — Stanford: Stanford University Press, 2005.
263. *Turner, J. H.* Herbert Spenser / J. H. Turner // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000.
264. *Turner, J. H.* The Origins of Positivism: The Contributions of Auguste Comte and Herbert Spenser / J. H. Turner // Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.
265. *Weber, M.* The Theory of Social and Economic Organization / M. Weber. — N.Y. : Free Press, 1947.
266. *Whimster, S.* Max Weber and Interpretation / S. Whimster // Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — London, 2001.
267. *Whorf, B. L.* Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf ; ed. John B. Carroll. — N.Y. : Wiley, 1956.

Энциклопедии, словари, информационно-справочная социологическая литература

1. Анतिकоррупционная политика : справочник / под ред. А. В. Малько. — М., 2006.
2. Бабосов, Е. М. Социология : энциклопедический словарь / Е. М. Бабосов. — М. : Либроком, 2009.
3. Вехи российской социологии (1950—2000 гг.). — М., 2010.
4. *Гидденс, Э.* Глоссарий: основные понятия и важнейшие термины теории структуризации // Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — М. : Академический проект, 2003.
5. *Голосенко, И. А.* Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX века : библиографический указатель / И. А. Голосенко. — М. : Онега 1995.
6. *Голубева, В. И.* История зарубежных государств : словарь-справочник терминов и понятий / В. И. Голубева. — М., 2004.
7. Государственная служба: энциклопедический словарь / под ред. В. К. Егорова. — М., 2009.
8. Государственное и муниципальное управление : словарь-справочник. — М. : Магистр, 1997.
9. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х тт. / В. И. Даль. — М., 2003.
10. *Джери, Д.* Большой толковый социологический словарь : в 2-х тт. / Д. Джери, Дж. Джери. — М. : ВЕЧЕ-АСТ, 1999.
11. *Дмитриев, А. В.* Конфликтология : краткий терминологический словарь / А. В. Дмитриев. — СПб. : СПб ГУП, 2012.
12. *Жуков, В. И.* Большой этнологический словарь / В. И. Жуков, Г. Т. Тавадов. — М. : РГСУ, Омега-Л, 2010.
13. *Здравомыслов, А. Г.* Поле социологии в современном мире / А. Г. Здравомыслов. — М. : Логос, 2010.

14. Иллюстрированный библейский словарь / сост. Э. Нюстрем ; пер. со швед. И. С. Свенсона. — Торонто, 1985.
15. История теоретической социологии : в 4-х тт. — М. : Наука, Канон ; СПб. : РХГИ, 1995—2000.
16. *Капто, А. С.* Энциклопедия мира / А. С. Капто. — М., 2005.
17. Категории политической науки / рук. авт. колл. А. Ю. Мельвиль. — М. : РОССПЭН, 2002.
18. *Кравченко, С. А.* Словарь новейшей социологической лексики (с английскими эквивалентами) / С. А. Кравченко. — М. : МГИМО-Университет, 2011.
19. *Кравченко, С. А.* Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов / С. А. Кравченко. — М. : МГИМО-Университет, 2010.
20. *Кравченко, С. А.* Социологический толковый англо-русский словарь / С. А. Кравченко. — М. : МГИМО-Университет, 2012.
21. *Кравченко, С. А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С. А. Кравченко. — М. : Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004.
22. *Кравченко, С. А.* Социологический энциклопедический англо-русский словарь / С. А. Кравченко. — М. : РУССО, 2002.
23. Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2-х тт. — СПб., 1998.
24. Лоусон, Т. Социология. А — Я. Словарь-справочник / Т. Лоусон, Д. Гэррод. — М. : Фаир-Пресс, 2000.
25. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. — М., 2012.
26. Муниципальное управление : энциклопедический словарь / под ред. В. К. Егорова, И. Н. Барцица. — М., 2008.
27. Народонаселение : энциклопедический словарь. — М., 1994.
28. *Никитина, Т. Г.* Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым / Т. Г. Никитина. — М., 2003.
29. Новая философская энциклопедия : в 4-х тт. / рук. пр. В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. — М., 2009—2010.
30. *Овчинников, В. И.* Глоссарий по биосоциологии / В. И. Овчинников. — М., 2008.
31. *Осипов, Г. В.* Введение в социологическую науку / Г. В. Осипов. — М. : Наука, Вече, 2010.
32. *Осипов, Г. В.* Введение в теоретическую социологию / Г. В. Осипов. — М., 2011.
33. Политика : толковый словарь. Русско-английский. — М. : ИНФРА-М, Весь мир, 2001.
34. Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. — М. : РОССПЭН, 2011.
35. Политическая теория и политическая практика : словарь-справочник / под ред. А. А. Мигولاتьева. — М., 1994.
36. Политическая энциклопедия : в 2-х тт. — М., 1999.
37. Политология. Энциклопедический словарь / под ред. Ю. Н. Аверьяновой. — М. : Publishers, 1993.
38. Постмодернизм. Энциклопедия. — Мн., 2001.
39. Профессия. Социология труда : теоретико-прикладной словарь / под ред. В. А. Ядова. — СПб., 2006.
40. *Реймерс, Н. Ф.* Природопользование: словарь-справочник / Н. Ф. Реймерс. — М., 1990.
41. *Ритцер, Дж.* Современные социологические теории / Дж. Ритцер. — СПб. : Питер, 2002.
42. Российская социологическая энциклопедия / под ред. академика РАН Г. В. Осипова. — М. : НОРМА-ИНФРА, 1998.
43. *Синклер, А.* Большой толковый словарь компьютерных терминов / А. Синклер. — М., 1998.
44. Словарь виталистской социологии / ред. — сост. С. И. Григорьев. — М. : Гардарики, 2005.
45. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. — М. : Информация XXI век, 2002.
46. Словарь делового человека для вузов / под ред. В. Ф. Халипова. — М., 1994.
47. Словарь-справочник менеджера / под ред. М. Г. Лапуты. — М., 1996.
48. Современная западная социология. Словарь / под ред. Ю. Н. Давыдова. — М. : Политиздат, 1990.
49. Социальная информатиология: словарь / под ред. В. Д. Попова. — М., 2006.
50. Социальное управление. Словарь-справочный. — М., 1994.
51. Социальное государство: краткий словарь-справочник / под ред. Н. Н. Гриценко. — М., 2002.
52. Социологическая энциклопедия : в 2-х тт. / руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин. — М. : Мысль, 2003.

53. Социологическая энциклопедия / под ред. А. Н. Данилова. — Мн., 2003.
54. Социологический словарь / сост. А. Н. Елсуков, К. В. Шульга. — 2-е изд., перераб. и доп. — Мн. : Университетское, 1991.
55. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. — коор. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
56. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. — М. : Издательство Института социологии РАН, 1998.
57. Социология в СССР : в 2-х тт. — М. : Мысль, 1966.
58. Социология межнациональных отношений : словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Иванова, Г. Ю. Семигина. — М., 1997.
59. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008.
60. Социология федеративных отношений : словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Иванова, Г. Ю. Семигина. — М., 2003.
61. Социология : энциклопедия. — Мн. : Книжный дом, 2003.
62. *Татарова, Г. Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях / Г. Г. Татарова. — М. : Высшее образование и наука, 2007.
63. Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований. Тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
64. Тезаурус социологии : тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
65. Теологический энциклопедический словарь / под ред. У. Эльвера. — М. : Ассоциация «Духовное возрождение», 2003.
66. Теоретическая социология. Антология : в 2-х чч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.
67. Теория управления. Энциклопедический словарь. — М., 2004.
68. Управление организацией: энциклопедический словарь. — М., 2001.

69. Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами / под ред. С. А. Кравченко. — М. : Экзамен, 2001.
70. *Хайдарова, В. Ф.* Краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / В. Ф. Хайдарова ; под ред. С. Г. Шулековой. — М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012.
71. Христианство. Энциклопедический словарь : в 3-х тт. — М., 1995.
72. *Шарков, Ф. И.* Энциклопедический учебный словарь-справочник «Современные маркетинговые коммуникации» / Ф. И. Шарков. — М. : Альфа-пресс, 2005.
73. *Щербина, В. В.* Социология организаций: словарь-справочник / В. В. Щербина. — М., 1996.
74. Энциклопедический социологический словарь / под ред. академика РАН Г. В. Осипова. — М., 1995.
75. A Dictionary of Cultural and Critical Theory. — Blackwell Publishers Ltd., 1998.
76. A Dictionary of Sociology / ed. by Gordon Marshall. — N.Y. : Oxford University Press, 1998.
77. *Abercrombie, N.* The Penguin Dictionary of Sociology / N. Abercrombie, S. Hill, B. S. Turner. — London, N.Y. : Penguin Books, 1994.
78. Aggression and Conflict : a Cross-Cultural Encyclopedia / ed. by David Levinson. — Santa Barbara, California : ABC-CLIO, 1994.
79. *Bardis, P. D.* Dictionary of Quotations in Sociology / P. D. Bardis. — Greenwood Press, 1985.
80. *Bealey, F.* The Blackwell Dictionary of Political Science / F. Bealey. — Malden, MA. : Blackwell Publishers, 1999.
81. Blackwell Companion to Globalization / ed by G. Ritzer. — Malden, MA. : Blackwell, 2007.
82. Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. — Malden, MA. : Blackwell, 2009.
83. *Boundon, R.* A Critical Dictionary of Sociology / R. Boundon, F. Bourricand. — The University of Chicago Press, 1989.
84. *Burgess, H.* Encyclopedia of Conflict Resolution / H. Burgess, G. M. Burgess. — Santa-Barbara, California, 1997.
85. *Button, J.* A Dictionary of Green Ideas / J. Button. — L., 1988.
86. *Cashmere, E. E.* Dictionary of Race and Ethnic Relations / E. E. Cashmere. — L. : Routhledge, 1984.

87. *Cockerham, W. C.* Dictionary of Medical Sociology / W. C. Cockerham, F. J. Ritchey. — Westport, Conn. : Greenwood Press, 1997.

88. *Comfort, N. A.* Brewer's Politics: A Phrase and Fable Dictionary / N. A. Comfort. — Cassell PLS, 1993.

89. *Derbyshire, J. D.* Encyclopedia of World Political Systems / J. D. Derbyshire. — Armonk, N.Y. : Sharpe Reference, 2000.

90. Dictionary of Development: Third World Economy, Environment, Society / ed. by Brian W. W. Welsh & Pavel Butorin. — N.Y.: Garland Pub., 1990.

91. Dictionary of Law, Political and Social Science. Kinderhook. — N.Y. : IBD, 1995.

92. *Dooley, D.* Social Research Methods / D. Dooley. — New Jersey : Prentice Hall, 2001.

93. Encyclopedia of AIDS: a Social, Political, Cultural and Scientific Record of the HIV Epidemic / Ed. by Raymond A. Smith. — Chicago : Fitzroy Dearborn, 1998.

94. Encyclopedia of Family Life / ed. by Carl L. Bankston. — Salem, 1999.

95. Encyclopedia of Marriage and the Family / editor-in-chief D. Levinson. — N.Y., 1995.

96. Encyclopedia of Mental Health / Chief Editor Howard S. Friedman. — San Diego : Academic Press, 1998.

97. Encyclopedia of Phenomenology / ed. by Kluwer. — Boston, London : Academic Publishers, 1997.

98. Encyclopedia of Religion and Society / W. H. Swatos, Jr., editor; P. Kivisto, associate editor; B. J. Denison, J. McClenon, assistant editors. — Walnut Creek, California : AltaMira Press, 1998.

99. Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / ed. by A. Barnard, J. Spencer. — L., N.Y. : Routledge, 1998.

100. Encyclopedia of Social History / ed. by P. N. Stearns. — N.Y., L., 1994.

101. Encyclopedia of Social Issues / ed. by J. K. Roth. — N.Y., L., Toronto, 1997.

102. Encyclopedia of Sociology / E. F. Borgatta, editor-in-chief; R. Montgomery, managing editor. — Detroit : Macmillan Reference.

103. Encyclopedia of Sociology. Selections. — N.Y. : Macmillan Library References, 1998.

104. Encyclopedia of Violence, Peace, Conflict / Editor-in-chief L. Kurtz. — Academic Press, 1999.

105. Gay Histories and Cultures: An Encyclopedia / ed. by G. E. Haggerty, J. Beynon, D. Eiserner, assistant editors. — авторам — выходные данные

106. Handbook of Family Diversity / ed by M. A. Fine. — N.Y. : Oxford University Press, 1999.

107. Handbook of Social Comparison: Theory and Research / ed by J. Suls, L. Wheeler. — N.Y. : Kluwer, 2000.

108. Handbook of Social Theory / ed by J. H. Turner. — N.Y. : Plenum Publishers, 2001.

109. Handbook of Social Theory / edited by G. Ritzer and B. Smart. — L. : SAGE Publications, 2001.

110. Handbook of the Sociology of Religion / ed by D. Michele. — N. Y. : Cambridge University Press, 2003.

111. Handbook on the Economics of Giving, Reciprocity, and Altruism / ed by S. Kolm, J. Mercier. — Amsterdam : Elsevier, 2006.

112. *Hawkes, G.* A Sociology of Sex and Sexuality / G. Hawkes. — Buckingham : Open University Press, 1996.

113. *Hester, J. P.* Encyclopedia of Values and Ethics / J. P. Hester. — Santa Barbara, 1996.

114. International Dictionary of Anthropologists / Compiled by Library-Anthropology Resource Group (LARG); C. Winters, general editor; editorial board: M. Calhoun. — N.Y. : Garland Pub., 1991.

115. International Encyclopedia of Sociology / ed. by F. N. Magill; consulting editor H. L. Delgado; general bibliography A. Sica. — L., Chicago : Fitzroy Dearborn, 1995.

116. International Encyclopedia of Behavioral and Social Sciences. — Amsterdam : Elsevier, 2000.

117. International Encyclopedia of the Sociology of Education / ed. by L. J. Saha. — Oxford, N.Y., Pergamon, 1997.

118. International Handbook on Social Gerontology / ed by D. Dannefer and C. Philipson. — Thousand Oaks, CA. : Sage, 2009.

119. *Johnson, A. G.* The Blackwell Dictionary of Sociology: A User's Guide to Sociological Language / A. G. Johnson. — Malden, MA. : Blackwell Publishers, 2000.

120. *Jones, A.* Dictionary of Globalization / A. Jones. — L. : Polity Press, 2006.

121. *Kravchenko, S. A.* The Encyclopedic English-Russian Sociological Dictionary / S. A. Kravchenko. — Lewiston, N.Y. : The Edwin Mellen Press, 2000.

122. *Levinson, D.* Aggression and Conflict: A Cross-Cultural Encyclopedia / D. Levinson. — Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 1994.
123. New Keywords. A Revised Vocabulary of Culture and Society / ed. by T. Bennett, L. Grossberg, M. Morris. — Blackwell, 2005.
124. *Neuendorf, K.* The Content Analysis Handbook / K. Neuendorf. — Newbury Park, CA. : Sage, 2001.
125. *Pathak, L. P.* Sociological Concepts and Terminology / L. P. Pathak. — New Delhi : Anmol Publishing PVT. Ltd., 1998.
126. Peoples of the World: Customs and Cultures. — Danbury, Conn.: Grolier Educational Corporation, 1998.
127. *Rohmann, C. A.* World of Ideas: A Dictionary of Important Ideas and Thinkers / C. A. Rohmann. — N.Y. : Ballantine Pub. Group, 1999.
128. Routledge Handbook of Climate Change and Society / ed by C. Lever-Tracy. — L. : Routledge, 2010.
129. *Scott, J. P.* Social Network Analysis: A Handbook / J. P. Scott. — L. : Sage, 1991.
130. *Scruton, R.* A Dictionary of Political Thought / R. Scruton. — Macmillan Publishers Limited, 1996.
131. Social Issues in Science and Technology: an Encyclopedia / ed. by D. E. Newton. — Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 1999.
132. Survey of Social Science. Government and Politics Series / ed. by F. N. Magill. — Salem Press. — 1995.
133. Survey of Social Science. Sociology Series / ed. by F. N. Magill. — Pasadena, California, in 5 volumes.
134. *Swedberg, R.* The Max Weber Dictionary: Key Words and Concepts / R. Swedberg. — Stanford : Stanford University Press, 2005.
135. The Blackwell Companion to Globalization / edited by G. Ritzer. — BlackwellPublishing, 2007.
136. The Blackwell Companion to Law and Society / edited by A. Sarat. — BlackwellPublishing, 2004.
137. The Blackwell Companion to Major Classical Social Theorists / edited by G. Ritzer. — BlackwellPublishing, 2003.
138. The Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer. — The Blackwell Publishers Ltd 2000.
139. The Blackwell Companion to Medical Sociology / edited by W. C. Cockerham. — BlackwellPublishing, 2004.
140. The Blackwell Companion to Political Sociology / edited by K. Nash and A. Scott. — Oxford, Blackwell, 2001
141. The Blackwell Companion to Social Inequalities / edited by M. Romero and E. Margolis. — BlackwellPublishing, 2005
142. The Blackwell Companion to Social Movements / ed by D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi. — Malden, MA. : Blackwell Publishing, 2004.
143. The Blackwell Companion to Sociology of Religion / ed by R. Fenn. — Oxford : Blackwell, 2001.
144. The Blackwell Companion to the Sociology of Culture / edited by M. Jacobs and N. Hanrahan. — BlackwellPublishing, 2004.
145. The Blackwell Companion to the Sociology of Families / edited by J. Scott, J. Treas and M. Richards. — BlackwellPublishing, 2003.
146. The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology / ed. by Manstead A. S.R. and M. Hewstone. — Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 1996.
147. The Cambridge Companion to Saussure / ed by C. Sanders. — Cambridge University Press, 2004.
148. The Cambridge Dictionary of Sociology / ed. by B. S. Turner. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
149. The Complete Dictionary of Sexology / editor-in-chief R. T. Fraucœur. — N.Y., 1995.
150. The Concise Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer and J. M. Ryan. — Oxford : Blackwell Publishing Ltd., 2011.
151. The Concise Oxford Dictionary of Politics. — Oxford, N.Y., 1996.
152. The Concise Oxford Dictionary of Sociology / ed. by G. Marshall. — Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 1994.
153. The Encyclopedia of Propaganda: in 3 volumes / ed. by R. Cole. — N.Y., 1998.
154. The Handbook of Economic Sociology / ed by N. Smelser, R. Swedberg. — N.Y. and Princeton: Russell Sage Foundation and Princeton University Press, 2004.
155. The Handbook of Historical Sociology / ed by G. Delanty, E. F. Isin. — L. : Sage, 2003.
156. The New Blackwell Companion to Medical Sociology / ed by W. C. Cockerham. — Oxford : Wiley-Blackwell, 2009.
157. The New Blackwell Companion to Medical Sociology / edited by W. C. Cockerham. — BlackwellPublishing, 2010.
158. The New Blackwell Companion to Social Theory / edited by B. S. Turner. — Blackwell Publishing Ltd., 2009.
159. The New Blackwell Companion to the City / edited by G. Bridge and S. Watson. — Wiley-Blackwell, 2011.

160. The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion / edited by B. S. Turner. — Blackwell Publishing, 2010.
161. The Oxford Handbook of Sociology and Organization Studies: Classical Foundations / ed by P. S. Adler. — Oxford : Oxford University Press, 2009.
162. The Penguin Dictionary of Sociology. — L., N.Y. : Penguin Books, 1994.
163. The SAGE Dictionary of Social Research Methods / compiled and edited by V. Jupp. — L. : Sage Publications, 2006.
164. The Sage Handbook of Organizational Institutionalism / ed by R. Greenwood, C. Oliver, K. Sahlin, R. Suddaby. — L. : Sage, 2008.
165. The Wiley-Blackwell Companion to Major Social Theorists / edited by G. Ritzer and J. Stepnisky. — Oxford : Blackwell, 2003.
166. The Wiley-Blackwell Companion to Sociology / ed by G. Ritzer. — Blackwell Publishing Ltd., 2012.
167. Turner, J. S. Encyclopedia of Relationships Across the Life Span / J. S. Turner. — Greenwood Press, 1996.
168. White, K. The SAGE Dictionary of Health and Society / K. White. — L. : Sage, 2006.
169. Young M. L. Dictionary of Polling. The Language of Contemporary Opinion Research / M. L. Young. — N.Y., L., 1992.

Основные термины и выражения по курсу

Авторам — возникло подозрение что итоговый список является простой суммой поглавных, все повторы необходимо убрать, если остатка недостаточно для формирования итогового списка, то оставшиеся элементы необходимо распределить по поглавным спискам, а этот список убрать полностью

Адаптация — *adaptation* — по Т. Парсонсу — одно из четырех функциональных условий, которым должны отвечать жизнеспособные социальные системы, что выражается в уменьшении неопределенности в отношении превратностей природы, а также возможных будущих событий.

Актор — *actor* — по Т. Парсонсу — действующее лицо, субъект социального действия, в процессе которого проявляются мотивации, ожидания, ценности и нормы.

Альтруизм — *altruism* — по О. Конту — этическая позиция, выражающаяся в большей значимости блага других по сравнению с собственными интересами. По его мнению, выразителями альтруизма являются интеллектуалы, широта взглядов которых, дает им основание выражать интересы общества в целом.

Андроцентричная культура — *androcentric culture* — культура, основанная на мужском господстве.

Аномия — *anomie* — 1) по Э. Дюркгейму — болезненное состояние общества, характеризующееся ценностно-нормативным вакуумом, разрывом в преемственности социальных и культурных норм; 2) по Р. Мертону — дисфункциональность социальных структур, выражающаяся в рассогласовании культурных требований, предполагающих нацеленность на успех, и дифференцированных возможностей, что не позволяет индивиду достичь общественных целей институциональными средствами.

Аскрипция — *достижение* — *ascription* — *achievement* — по Т. Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая исследовать явные и латентные выборы актора,

которая предполагает выбор в плане оценки исполняемых индивидами социальных ролей — на основе заданных от природы и общества качеств или на основе их достижений.

Аффективное действие — *affective action* — по М. Веберу — субъективно иррациональное действие, определяющей характеристикой которого является эмоциональное состояние субъекта — страсть, ненависть, гнев, ужас.

Аффективность — *аффективная нейтральность* — *affectivity neutrality* — по Т. Парсонсу — если в традиционном обществе характерной особенностью взаимодействия людей является аффективность, то в современном обществе — эмоциональная нейтральность.

Бессознательное — *the unconscious / unconsciousness* — по З. Фрейду — подавленные процессы, вытесненные за границу сознания, которое может быть двух видов: одно, при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и может и никогда не произойти.

Бихевиоризм — *behaviourism* — одно из направлений позитивистской социологии (основоположники — Э. Торндайк и Дж. Б. Уотсон), считающее своим предметом поведение людей, понимаемое как чисто физиологические, моторные реакции на воздействия внешней среды (стимулы), которое дало импульс появлению многих парадигм, изучающих поведение человека, включая символический интеракционизм.

Бюрократическое господство — *bureaucratic domination* — по М. Веберу — господство, осуществляемое профессиональным административным аппаратом.

Бюрократия — *bureaucracy* — по М. Веберу — система, при которой функционирование государства и общественных институтов обеспечивается особым слоем управленцев-профессионалов.

«Более-жизнь» — *more-life* — по Г. Зиммелю — создание людьми в процессе взаимодействия культурных и социальных реалий, которые выходят за границы их собственной жизни.

«Более-чем-жизнь» — *more-than-life* — по Г. Зиммелю — объективно существующие реалии, созданные предыдущими поколениями людей, которые влияют на характер взаимодействия ныне живущих индивидов.

Валидность — *validity / accuracy* — 1) достоверность, надежность (собранных данных); мера соответствия социологического инструментария тому, что измеряется. Будучи

социальным конструктом, достоверность изменяется во времени и пространстве, в силу чего в принципе не может быть одного, «универсального», подхода к валидности.

Вертикальная мобильность — *vertical mobility* — по П. А. Сорокину — перемещение в социальной структуре с повышением или понижением социального статуса.

Вождь — *leader* — по Н. К. Михайловскому, — личность, умеющая не только учесть и выразить настроения масс, но и сознательно управляющая ими по заранее намеченному плану, что может привести к изменению направления развития общества.

Возрожденческое движение — *revitalization movement* — по Г. Блумеру — движение, ориентированное на восстановление социальной значимости прежних ценностей и идеалов.

Воспроизводство образа — *latency* — по Т. Парсонсу — одно из четырех функциональных требований, необходимых для поддержания равновесия социальной системы, по существу, выполняющее функцию генетического кода, осуществляющее ее «невидимое» самовоспроизводство.

Время социальное — *social time* — по Г. Зиммелю, характеристика социального бытия, выражающаяся в том, как соотносятся формы социального взаимодействия — синхронно или диахронно, какова их скорость, есть ли у них конкретные ритмы существования и развития.

Вытеснение — *displacement* — в социальном психоанализе — защитный механизм, связанный с активным забыванием того, что неприемлемо для «Я» (тревога, чувство вины, если бы они стали осознанными).

Гендер — *gender* — 1) совокупность социально приобретенных особенностей поведения мужчин и женщин; поведенческие тенденции мужчин и женщин, обусловленные их родовыми, биологическими, телесными различиями, которые развиваются, приобретают конкретные формы под влиянием определенного социокультурного контекста, особенно образования; 2) по О. Конту — его характер определяется «депрессивным режимом» мужчин, при этом женщины же могут предотвратить увеличивающуюся фрагментарность общества; 3) по Х. Мартинеу — специфическое видение мира мужчинами и женщинами в контексте доминировавшей в то время патриархальной культуры, легитимизировавшей подчиненное место женщин в обществе.

Герменевтика — *hermeneutics* — 1) искусство толкования древних текстов и памятников; 2) метод интерпретации

чужой индивидуальности, «другого», а также социокультурных реалий, широко используемый в интерпретивных парадигмах.

Герой — hero — по Н. К. Михайловскому — личность, способная вызывать автоматическое подражание и поклонение у толпы, вести её за собой на «хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело».

Горизонтальная мобильность — horizontal mobility — по П. А. Сорокину — перемещение индивида или группы в рамках социальной структуры без изменения социального статуса.

Господство — domination / dominance — по М. Веберу — вероятность исполнения приказов управляющих управляемыми, что позволяет осуществлять власть посредством институциональных форм.

Гражданское общество — civil society — по А. Грамши — сфера культурной борьбы против буржуазного доминирования.

Двойная герменевтика — double hermeneutics — по З. Фрейду — суть метода анализа свободных ассоциаций, снов, ошибок, оговорок, позволяющего открыть доступ к информации, которая иначе не доступна наблюдению, ибо она была вытеснена из сознания, т.е. речь идет об интерпретации психологом интерпретаций пациента (например, его снов).

Девияция — deviance — 1) в позитивизме — социальное поведение в виде «объективно данного» отклонения от «нормального», приводящее к разрушению устоявшихся норм и встречающее осуждение со стороны большинства представителей общества или социальной группы; 2) по Э. Дюркгейму — аномальное разделение труда вызывает аномию, проявляющуюся в отклонениях от «нормального» поведения, что особенно выражается в утрате воли к жизни.

Действующая толпа — acting crowd — по Г. Блумеру — толпа, поглощенная одним волнующим символом (объектом), действующая в отношении него без ясно осознаваемой цели.

Детерминизм значений — determinism of meaning — по Г. Блумеру — подход, предполагающий, что характер поведения людей, прежде всего, обусловлен конкретными значениями, которые они придают друг другу в процессе коммуникации.

Диффузность—специфичность — diffuseness—specificity — по Т. Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая исследовать явные и латентные выборы актора, которая предполагает выбор отношения к социальному объекту с позиции целостной совокупности его свойств или конкретной специфики.

Дом — home — по А. Шютцу — нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем. «Дом означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое — для того, кто обитает вдали от него, и третье — для тех, кто в него возвращается».

Духовно—политическая гегемония — cultural and political hegemony — по А. Грамши — сложный общественный феномен, предполагающий взаимодействие как политической борьбы и насилия, так и согласия, основанного на следовании общим культурным, духовным, идейным и этическим установкам, что в итоге не препятствует саморазвитию людей, их активному участию в гражданском обществе.

Евразийство — Euraziystvo — общественно—политическое течение, возникшее в 1920-х гг. в среде русской эмиграции, которое акцентировало своеобразие российской культуры, вытекающее из её расположения на европейском и азиатском континентах, а также синтеза западных и восточных культурных традиций.

Евроцентризм — Eurocentrism — принцип позитивистского мышления и теоретизирования, рассматривающий исторический опыт Европы, ее культуру, как «универсальные» реалии, что, соответственно, предполагало обоснование «объективно—исторических законов», по которым должны развиваться другие народы мира.

Единичный акт (элементарное действие) — unit act — по Т. Парсонсу — система, состоящая из четырех компонентов: наличие действующего или актора — действующего организма; существование цели, на достижение которой направлено действие актора — «предполагаемое будущее положение вещей»; наличие ситуации, в которой происходит действие; существование нормативной ориентации, т.е. усвоенных стандартов поведения.

Жест — gest / gesture — по Дж. Г. Миду — основной фактор социального действия и социального процесса в целом, проявляющийся в «движениях первого организма, что является специфическим стимулом для последующих социально обусловленных ответов второго организма».

Жизненный мир — *life-world* / нем. *Lebenswelt* — 1) по Э. Гусерлю — сознание включает два компонента: намеренность действия и внутреннюю субъективность разделяемых жизненных реалий, которые, взятые вместе, определяют характер восприятия людьми мира; 2) по А. Шютцу — мир интерсубъективный, в котором люди как создают социальную реальность, так и сами формируются под влиянием социокультурных реалий, созданных предыдущими поколениями.

Закон позитивной и негативной поляризации — *law of positive and negative polarization* — по П. А. Сорокину — во время революций и кризисов люди ведут себя не однозначно: одна часть общества становится более склонной к социальной аномии (негативный полюс), а другая — к моральному совершенствованию и религиозности (позитивный полюс).

Закон социального иллюзионизма — *law of social illusionism* — по П. А. Сорокину — ценности и идеалы, воспроизведенные в революционный период, как правило, иллюзорны.

Закон социальный — *social law* — 1) в позитивистских парадигмах — сущностная связь между социальными явлениями, которая носит «объективный» характер; 2) по М. Веберу — социум представляется как совокупность событий, которые «не могут быть определены как «социологические факты» или закономерности».

Западничество — *Occidentophilism* — 1) ориентация на западные ценности; 2) течение в русской общественно-политической мысли XIX в., представители которого ратовали за преодоление исторической отсталости России в контексте развития западной цивилизации.

Здравый смысл — *common sense* — 1) по Аристотелю — способность постигать свойство объектов с помощью чувств; 2) в феноменологической социологии — смысл повседневного мира, который относителен во времени и пространстве, историчен, культурно обусловлен.

Значимый другой — *significant other* — по Дж. Миду — люди, играющие решающую роль в процессе социализации, чьи суждения, действия являются образцом при формировании наших собственных мнений, суждений, линии поведения.

Значимый символ — *significant symbol* — по Г. Миду — действие (жест), служащее для передачи информации, содержа-

ние которой одинаково воспринимается участниками коммуникативного процесса.

Идеальный тип — *ideal type* — по М. Веберу — методологический прием — «по своему значению — это чисто идеальное пограничное понятие», — позволяющий анализировать реальные действия индивидов или черты реальности, сравнивая их с моделью, своего рода стандартом, характерным для конкретного исторического периода, в котором доминируют определенные ценности.

Идентификация — *identification* — по З. Фрейду — процесс, посредством которого индивид развивает привязанность, влюбленность в другого человека (отца, духовного наставника, вождя), восторгаясь его качествами и чертами, которыми он сам хотел бы обладать, в результате чего личность индивида полностью или частично формируется по образу и подобию другого, т.е. индивид идентифицирует себя в другом.

Идеология — *ideology* — 1) по мнению идеологов Французской революции, которые ввели данный термин в политический дискурс, — наука об идеях, способных совершенствовать человеческую природу, которую необходимо ввести в национальную систему образования; сила социальной трансформации; 2) по К. Марксу — ложное сознание, дающее извращенное представление об обществе в силу классового пристрастия; 4) по К. Маннгейму — субъективное отражение современной действительности конкретными социальными группами, которое своими корнями уходит в систему идей, относящуюся к прошлому (в отличие от утопии, интерпретирующей настоящее через призму будущего). Выделяются частная и тотальная идеологии.

Империализм — *imperialism* — по В. И. Ленину — высшая и последняя стадия капитализма, характеризующаяся следующим: возникновение монополий; слияние банковского капитала с промышленным; образование международных союзов, стремящихся к переделу мира; закончен территориальный раздел мира между крупнейшими державами.

Индивидуальное сознание — *individual consciousness* — совокупность особых мотивов, целей и интересов, которыми обладает индивид, что определяет характер его взаимодействия с другими людьми.

Инстинктивизм — *instinctivism* — воззрение (Г. Лебон, У. Мак-Дугалл), интерпретирующее явления социальной жизни через призму теории инстинктов.

Институционализация — *institutionalization* — 1) образование социального института; 2) закрепление, как правило, правовое, сложившихся образцов поведения; 3) процесс закрепления сложившихся образцов поведения в качестве социальных институтов; 4) возникновение организационных структур, воспроизводящие социальные нормы и регулирующие поведение людей.

Инструментальное действие — *action instrumental* — по Т. Парсонсу — социальное действие, наиболее сложное, которое включает в себя будущие цели, детерминированные катектической мотивационной ориентацией и оценочными стандартами, и средства достижения этих целей, детерминированные когнитивными стандартами.

Интегральная социология — *integral sociology* — парадигма, предложенная П. А. Сорокиным, который на основе синтеза научных, культурных и религиозных представлений обосновал целостный взгляд на исторический процесс как на последовательность трех социокультурных суперсистем — религиозной, чувственной и интегральной.

Интеграция — *integration* — по Т. Парсонсу — одно из четырех функциональных условий поддержания социальной системы в равновесии, ее жизнестойкости и эффективности, что предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию своих элементов.

Интеллектуальное действие — *action intellectual* — по Т. Парсонсу — социальное действие, включающее в себя когнитивную мотивационную ориентацию и когнитивные ценностные стандарты.

Интерсубъективный мир (интерсубъективность) — *intersubjectivity* — по А. Шютцу — общий, привычный социальный мир, который обусловлен взаимодействиями между людьми, принадлежащими к одной весьма узкой социальной группе.

Иррациональная рациональность — *irrational rationality* — по М. Веберу — иррациональные последствия от функционирования рациональных систем, что, в частности, проявляется в умалении магического, чувственного, тем самым социальная реальность становится менее значимой для людей.

Катастрофа — *catastrophe* — по П. А. Сорокину — бедствие с трагическими последствиями, которые, вместе с тем, имеют «обучающее значение».

Классовое сознание — *class consciousness* — по К. Марксу — осознание людьми общих классовых интересов, готовности

к солидарным действиям, что происходит в процессе перехода «класса в себе» в «класс для себя».

«Класс в себе» — «*Class in-itself*» — по К. Марксу — класс как группа людей, имеющих одинаковое положение по отношению к средствам производства, но не осознающих своих особых интересов.

«Класс для себя» — «*Class for-itself*» — по К. Марксу — класс, осознающий свои особые интересы за счет формирования классового сознания и солидарности.

Коллективное возбуждение — *collective effervescence* — по Г. Блумеру — форма примитивного коллективного поведения, способствующая тому, что «индивиды могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли и, еще менее вероятно, что осмелились бы придерживаться».

Коллективное сознание — *collective consciousness* — по Э. Дюркгейму — совокупность верований и представлений, разделяемых членами конкретного общества, оказывающих решающее воздействие на сознание индивидуальное.

Конструкты второго порядка — *second order constructs* — по А. Шютцу — идеальные типы научных понятий, составляющие собственно научное знание.

Конструкты первого порядка — *first order constructs* — по А. Шютцу — обыденные интерпретации социальных реалий, их идеальные типы.

Кризис — *crisis* — поворотный момент, влияющий на ход развития общества и культуры.

Кризис знания — *knowledge crisis* — по К. Маннгейму — резкое изменение знания, влекущее перемены в характере мышления, что может быть вызвано вертикальной мобильностью или радикальными трансформациями социокультурных реалий.

Культура — *culture* — по П. А. Сорокину — материальные и духовные ценности, выражающие определенный уровень исторического развития, типы социокультурных личностей, образцы поведения.

Культурная подсистема — *cultural subsystem* — по Т. Парсонсу — подсистема, выполняющая в основном «функцию сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования».

Легальное господство — *legal domination* — по М. Веберу — господство, основанное на формальном и рациональном праве.

Легитимное господство — legitimate domination — по М. Веберу — господство, опирающееся на убеждение в законности власти.

Легитимный авторитет — legitimate authority — 1) по М. Веберу — основание легитимного господства, которое может опираться на традиции, признанные священными и неизменяемыми; на необыденный личный дар (харизму); на вера в обязательность легального установления и деловой компетентности, обоснованный рационально созданными правилами; 2) по П. Блау — совокупность определенных ценностей, предоставляющих больше власти и полномочий одним членам организации по сравнению с другими, что позволяет первым осуществлять функцию организованного социального контроля.

Либи́до — libido — по З. Фрейду — «энергия жизни», включающая не только «все то, что можно обобщить понятием любви», но и конструктивную деятельность вообще.

Личностная подсистема — personality subsystem — по Т. Парсонсу — подсистема, выполняющая функцию целедостижения. Это главный исполнитель процессов действия, который способен учесть усвоенные в процессе социализации культурные принципы и предписания.

Ложное сознание — false consciousness — 1) по Г. Гегелю — сознание, находящееся в диалектическом движении от наивного созерцания к разуму; 2) по К. Марксу — форма классового сознания, которое не адекватно «объективному» положению социальной группы, что проявляется в неспособности социальной группы или индивида представлять свои объективные интересы в системе общественных отношений; 3) по Д. Лукачу — извращенное восприятие действительности проявляется в том, что отношения между людьми приобретают фантастическую форму отношения между вещами; 4) по К. Маннгейму — «причиной “односторонности” и “ложности” является не намерение скрыть подлинную ситуацию, а различие в структуре сознания различных по своему положению в социально-исторической сфере субъектов».

Макросоциология — macrosociology — социологические теории К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др., нацеленные на интерпретацию социума в целом, на исследование всего общества, широких социальных групп, общностей и их взаимодействий.

Масса — mass — по З. Фрейду — совокупность людей, реагирующих на сходные импульсы, которые «столь пове-

лительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения».

Метасоциология — metasociology — 1) по П. Х. Фурфею — теория, «отличная от социологии», однако имеющая предметом исследования саму социологию, выполняющая при этом три задачи: разрабатывает критерии различения научного от ненаучного социологического знания; определяет явления, относящиеся или нет к полю социологии; определяет практические процедуры для проведения собственно социологических исследований; 2) по Дж. Ритцеру — часть социологии как ее подполей, находящихся внутри социологии, которая может выступать в виде трех типов: средство более углубленного понимания теории; прелюдия к созданию новой социологической теории; источник образования «арочной теоретической парадигмы», которая «стоит над социологической теорией».

Методологический релятивизм — methodological relativism — по Г. Зиммелю — подход, согласно которому все знания об индивидах и общественных структурах являются относительно правильными. Они зависят от множества факторов и в частности: от ценностных ориентаций людей, их внутреннего жизненного опыта, от положения, которое они занимают в социальном пространстве, от количественных и качественных параметров социальной группы и многого другого.

Методология — methodology — 1) система общих принципов науки; наука о методе; 2) теория конструирования методов науки.

Механическая солидарность — mechanical solidarity — по Э. Дюркгейму — тип социальной солидарности, основанный на однородности убеждений, ценностных ориентаций; тип солидарности доминировал в традиционном обществе, для которого характерно простейшее разделение труда и отсутствие индивидуализма.

Микросоциология — microsociology — социологическое исследование на уровне личностей и малых социальных групп и их взаимодействий.

Мода — fashion — по Г. Зиммелю — форма социального взаимодействия, предполагающая дуализм подражания и индивидуализации: она позволяет индивидам соответствовать определенным требованиям социальной группы и вместе с тем, предполагает наличие ценностей и норм (вещи,

одежда, манеры, идеи, жизненный стиль и т.д.), следуя которым люди проявляют свою индивидуальность.

Моральное действие — *action moral* — по Т. Парсонсу — социальное действие, включающее в себя мотивационную оценочную ориентацию и моральные стандарты.

Мотивация — *motivation* — по Т. Парсонсу — «это ориентация относительно улучшения баланса удовлетворение — неудовлетворение действующего лица».

«Мы»-группа — *«We»-group* — группа, для которой характерны сильные внутригрупповые связи и, следовательно, общий «домашний мир».

Нарциссизм — *narcissism / narciss* — по З. Фрейду — любование представителей каждой культуры своей культурой, чувство превосходства по отношению к другим культурам.

Нелинейность — *nonlinearity* — методологический подход, у истоков которого стоял Н. А. Бердяев, предполагающий отказ от идей эволюционного прогресса, заменяя их прерывистым видением социального развития.

Необихевиоризм — *neobehaviourism* — направление в социальной мысли, представители которого ориентированы на изучение эффектов, возникающих в результате действий, определяя тем самым, чем в действительности является поведение. В отличие от классического бихевиоризма добавляются три принципиальных момента: в традиционную схему (стимул — реакция) вводится опосредствующее звено в виде промежуточных переменных (образы, знания, мотивы); признается активность живого организма в смысле способности обратного воздействия на стимулы, исходящие от среды; прагматизм, предполагающий разработку технологий поведения.

Неоканттианство — *Neo-Kantianism* — философское течение, характерное для конца XIX — начала XX в., исторический причиной возникновения которого стал растущий разрыв между философией, социальными науками и науками естественными.

Неопозитивизм — *neopositivism* — направление социальной мысли, ориентированное на решение методологических проблем, выявление отношения теоретического аппарата с эмпирическим базисом науки, на анализ роли знаково-символических средств научного мышления, математизации и формализации знания.

Непредвиденные последствия — *unanticipated consequences* — по Р. Мертону — последствия от латентных

функций, от дисфункциональности институтов для определенной системы, а также нефункциональные последствия.

Обобщенный другой — *generalized other* — по Дж. Миду — любое организованное сообщество или социальная группа, которая участвует в процессе социализации и обеспечивает индивиду единство его «Я». Данная концепция дает возможность проследить формирование человеческой личности в контексте взаимодействия с другими людьми и сообществом в целом.

Обобщенный обмен — *generalized exchange* — тип обмена, в котором задействованы три и более акторов, причем это могут быть и крупные формальные организации.

Общение / «социация» — *association* — по Г. Зиммелю — социальное взаимодействие, выраженное в формах, вне их конкретного содержания.

Общественное сознание — *social consciousness* — реальное, практически функционирующее сознание, в котором в самых различных комбинациях, в самых причудливых сочетаниях органически переплетаются теоретическое (научное) и обыденное сознание; может быть активной, нейтральной или пассивной общественной силой.

Общественность — *public* — по Г. Блумеру — спонтанная коллективная группа, приобретающая «свой особый тип единства и возможность действовать, благодаря достижению какого-то коллективного решения или выработке какого-то коллективного мнения».

Объективная культура — *objective culture* — по Г. Зиммелю — предметы, инструменты, научные, религиозные и художественные идеи, язык, здравый смысл, правовые и моральные системы, созданные людьми, которые обретают свойство независимого существования, имеют свою логику развития, что воспроизводит опасности и все новые формы отчуждения для людей.

Овеществление — *objectification* — 1) по К. Марксу — объективация; производство людьми в процессе труда материальных благ, необходимых для их существования, что выражает человеческую индивидуальность: человек овеществляет себя в процессе производства, контролируя произведенные товары; 2) по Д. Лукачу — процесс, в ходе которого люди утрачивают контроль над произведенными предметами, отчуждение приобретает тотальный характер, сами человеческие отношения утрачивают свою уникальную гуманисти-

ческую ценность и превращаются в товары; люди отрицают себя в товарах, которые начинают их контролировать.

Оперант — *operant* — по Б. Скиннеру — класс реакции — любое поведение, предполагающее взаимодействие с окружающей средой, которое эмпирическим путем можно выявлять и изучать.

Оперантное обусловливание — *operant reinforcement* — по Б. Скиннеру — вербальные стимулы, напрямую способствующие закреплению прошлых результатов конкретного поведения, что в итоге определяет современный характер поведения.

Организованный скептицизм — *organized scepticism* — по Р. Мертону — форма функционирования науки, предполагающая критическую проверку любой теории; один из важнейших факторов становления социологии как науки.

Органическая солидарность — *organic solidarity* — по Э. Дюркгейму — высокая степень разделения труда, для которой характерно различие людей, имеющих индивидуальное сознание и потому являющихся личностями, а также реститутивное право, суть которого сводится к восстановлению порядка вещей, защите интересов индивида и, прежде всего, прав собственника.

Ориентация на коллектив — *ориентация на себя* — *collectivity orientation* — *self orientation* — по Т. Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая исследовать явные и латентные выборы актора, которая вводится для выяснения того, что для индивида важнее: цели социальной группы или личные цели.

Основной закон истории — *basic law of history* — по П. А. Сорокину — происходит перманентная флуктуация идейной, чувственной и интегральной социокультурных суперсистем.

«Они»-группа — *«They»-group* — группа, представители которой имеют иной субъективный мир и потому выступающие как «иные» по отношению к собственной группе.

Относительная депривация — *relative deprivation* — по Г. Зиммелю — в современном обществе все более рельефно проявляется относительность бедности: бедняк не тот, кто находится внизу общества вообще, а тот, кто нуждается в помощи — не важно при этом, к какой социальной группе принадлежит индивид и какой у него социальный статус.

Отрицание — *denial / negation* — в психоанализе — защитный механизм, отвергающий желания, чувства, потребности, вызывающие беспокойство.

Отчуждение — *alienation* — по К. Марксу — отделение людей от их праксиса: произведенных ими товаров, контроля за производственным процессом, производственной активности, природы, институциональных структур, друг от друга, что проявляется в дегуманизации, разрыве естественных связей между людьми, в превращении результатов деятельности людей в нечто враждебное по отношению к ним самим.

Парадигма — *paradigm / perspective* — по Т. Куну — совокупность основных положений и принципов, лежащих в основе той или иной теории, обладающая специфическим категориальным аппаратом и признающаяся группой ученых в течение определенного исторического периода.

Партикуляризм — *универсализм* — *particularism* — *universalism* — по Т. Парсонсу — одна из пяти типовых переменных, позволяющая исследовать явные и латентные выборы актора, которая предполагает выбор в процессе взаимодействия общих или партикулярных стандартов (партикуляризм, в частности, предполагает выбор в пользу лояльности по отношению к членам своей группы, но не к «чужим»).

Первичная группа — *primary group* — относительно небольшая группа с развитым чувством «Мы» и высокой степенью солидарности, имеющая важное значение для первичной социализации.

Поведенческий организм — *behavioral organism* — по Т. Парсонсу — выступает как адаптивная подсистема. Он определяет генетически заданные возможности человека, на которые опираются остальные подсистемы. В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой.

Повседневное знание — *everyday knowledge* — в феноменологии — первооснова интерсубъективного мира и теоретических абстракций.

Подкрепление — *reinforcement* — по Б. Скиннеру — личность человека формируется и поддерживается благодаря системе позитивных и негативных подкреплений, возникающих в процессе социального взаимодействия, которые выражены в словах, обозначаемых ими образов, что, по существу, регулирует социальное поведение людей.

Позитивизм — *positivism* — теории обществ (создатель: О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и др.), основанные на методологии естественных наук и представлении о существовании объективных социальных законов. Позитивизм рассматривает науку как панацею решения всех экономических, социальных и политических проблем. «Девиз позитивизма — Любовь, Порядок, Прогресс».

Позитивное право — *positive law* — 1) право, установленное государственной властью; противоположно естественному праву; 2) по Л. И. Петражицкому — признаваемые государством господствующие в обществе нормы, связанные с представлениями об обязанностях, закрепленные в сознании индивида в виде непреложных императивов.

Позитивный анархизм — *positive anarchism* — концепция П. А. Кропоткина, предполагавшая утверждение общественного устройства в виде анархо-коммунистической федерации, основанной на функционировании свободных производственных коммун и различных автономных ассоциаций неполитического типа, как антипод государству.

Понимание — нем. *Verstehen / comprehension / understanding interpretively* — проникательность, способность проникновения в суть, смысл чего-либо; данный термин был взят на вооружение М. Вебером, чтобы подчеркнуть важность в поведении индивида таких факторов как его мысли, верования, отношения.

«*Понимающая*» социология — *verstehen sociology / comprehensive sociology* — по М. Веберу — социология есть «наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие». Ее представители анализируют смысловую значимость социальной жизни, субъективный смысл действий индивидов.

Постулат агрессии-одобрения — *aggression-approval proposition* — по Дж. Хомансу — проявляется в двух модулях: первый относится к негативным эмоциям: «когда действие человека не вызывает ожидаемого вознаграждения»; второй — связан с позитивными эмоциями: «когда действие человека влечет ожидаемое вознаграждение».

Постулат депривации — пресыщения — *deprivation-satiatioin proposition* — по Дж. Хомансу — «чем чаще в недалеком прошлом индивид получал конкретное вознаграждение, тем менее ценным для него становится последующее награждение подобного рода».

Постулат стимула — *stimulus proposition* — по Дж. Хомансу — «если в прошлом под влиянием конкретного стимула или совокупности стимулов индивид совершал действие, отмеченное вознаграждением, то чем больше похожи ныне задействованные стимулы на прошлые, тем вероятнее, что человек совершит аналогичное или подобное действие».

Постулат успеха — *success proposition* — по Дж. Хомансу — «из всех возможных действий людей, чем более вознаграждается конкретное действие индивида, тем более вероятно, что индивид воспроизведет его снова».

Постулат ценности — *value proposition* — по Дж. Хомансу — «чем более ценным для человека является результат его действия, тем более вероятно его воспроизведение».

Правовое государство — *law-based state* — государство, в котором наделенные властными полномочиями, могут использовать власть лишь для осуществления законных решений, но не для сохранения или воспроизводства самой власти или решения собственных каких-либо проблем.

Прагматизм — *pragmatism* — 1) представление о том, что истина адекватна практической пользе; 2) в символическом интеракционизме Дж. Мида — учет взаимодействия актора и мира, которые представляют собой динамичные процессы, а также способности актора интерпретировать мир.

Практическая рациональность — *practical rationality* — по М. Веберу — рациональность, предполагающая детальный учет трудностей социальной реальности и отношение к ним с чисто прагматический позиций преследования эгоистических интересов.

Праксис — *praxis* — по К. Марксу — своеобразный инструмент отрицания существующего положения социальной жизни, как выражение классовой борьбы, ведущейся за справедливый социальный порядок, в котором нет места эксплуатации человека человеком.

Принятие роли — *role taking* — процесс социального взаимодействия, предполагающий умственное допущение себя на месте другого, возможностей его действий с учетом социальной роли и мотивации, что позволяет индивиду осуществлять коммуникацию и адекватно реагировать на окружающую социальную реальность.

Программированное обучение — *programmed learning* — обучение по рационально составленной программе, предус-

матривающей конкретные этапы научения отдельным операциям.

Продуктивный обмен — *exchange, productive* — тип обмена, происходящий между двумя акторами, предполагающий, что оба актора вносят вклад, чтобы получить из него выгоду.

Прямой обмен — *direct exchange* — тип обмена, происходящий между двумя акторами, исход которого напрямую зависит от поведения самих акторов.

Разделение труда — *division of labour* — 1) по А. Смит — процесс, увеличивающий производительность «геометрически»; 2) по Э. Дюркгейму — закон, который управляет обществами «почти без их ведома», тот основополагающий фактор, который в конечном счете определяет характер причинно-следственных связей и закономерностей, существующих между социальными фактами общества и прежде всего — создает связи людей, которые при нормальном функционировании воспроизводят порядок, гармонию и социальную солидарность; 3) по К. Марксу — фактор увеличения социальной иерархии, эксплуатации, конкретно выражающийся в доминировании класса собственников.

Рационализм — *rationalism* — 1) философско-мировоззренческая установка, согласно которой истинными основаниями поведения и познавательной деятельности людей является разум. С позиций классического рационализма, истина абсолютна и общезначима. Традиция идет от философии Сократа, Платона, Аристотеля; 2) направление в теории познания, представители которого (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо) считали, что разум является источником познания, предопределяет характер поведения людей.

Рациональность — *rationality* — по М. Веберу — «логическая или телеологическая последовательность какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции».

Регрессия — *regression* — в психоанализе — защитный механизм, проявляющийся в переходе индивида к более примитивному, менее адекватному поведению.

Религиозность — *religiosity* — по Г. Зиммелю — форма социального взаимодействия между индивидами по отношению к Богу, а также между людьми верующими и неверующими.

Релятивизм — *relativism* — 1) по О. Конту — «в абсолютном смысле нет ничего хорошего и нет ничего плохого; единственный абсолют состоит в том, что все относительно»; 2)

методологический принцип, используемый в феноменологии, признающий качественную относительность социокультурных реалий, представляющих собой социальный конструкт; 3) по К. Маннгейму — отсутствие абсолютных стандартов, универсальных идей и знаний, того, что можно считать правильным или нет.

Репрессивное право — *repressive law* — по Э. Дюркгейму — правовая система традиционного общества, для которой характерно: карательная направленность права, наличие огромного количества идейных табу, почти полное отсутствие законов, защищающих личность, диффузность правовых норм сообразно социальным статусам граждан, дополнение наказания общественной местью и ритуалами позора.

Реституционное право — *restitutive law* — по Э. Дюркгейму — правовая система современного общества, для которой характерны восстановительная направленность права, защита интересов индивида, его прав и свобод, особенно права собственности, единое применение правовых норм независимо от социальных статусов индивидов.

Рефлексивность — *reflexivity* — 1) по Дж. Миду — способность акторов бессознательно ставить себя на место других и действовать так, как они; 2) по К. Маннгейму — обращение наблюдения или действия на самого себя с целью самопреобразования.

Самодостаточность — *self-sufficiency / self-maintenance* — по Т. Парсонсу — свойство сложной социальной системы (общества), проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами.

Самоидентификация — *self-identification* — отождествление индивидом себя с другим человеком или объектом.

Саморационализация — *self-rationalization* — по К. Маннгейму — «систематический контроль над влечениями, который индивид должен заранее произвести, если он хочет осуществить объективную функционально рациональную систему действий или включиться в неё».

Самосознание — *self-consciousness* — 1) осознание индивидом себя как автономной сущности, что включает самопознание, самоидентификацию, самоопределение; 2) осознание индивидом оценок, взглядов на него окружающих людей; признание, что Я полагает наличие не-Я, влияющего на поведение индивида.

Самость — self — по Дж. Миду — осведомленность индивида о сложных отношениях с другими людьми и вещами, его способность представлять себя в качестве объекта своей собственной мысли, быть одновременно субъектом и объектом.

Свобода от оценки (ценностных суждений) — value free — идеологическая нейтральность, принцип проведения социологических исследований, исключающий личные пристрастия и оценки.

Секретность — secrecy — по Г. Зиммелю — форма социального взаимодействия, предполагающая дуализм намерений одних людей что-то скрыть, сделать тайным, в то время как другие пытаются обнаружить содержание скрываемой информации.

Символ — symbol — по Дж. Миду — знак, вызывающий однотипную социальную реакцию, что является основой социального взаимодействия людей.

Символический интеракционизм — interactionism, symbolic — одна из социологических парадигм, имеющая ряд вариантов (Дж. Г. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер, Э. Гоффман и др.), основывающаяся на том, что все формы взаимодействия людей в обществе подразумевают общение, базирующееся на определенных социальных символах (язык, жесты, культурные символы и т.д.).

Симпатическое самонаблюдение — sympathetic introspection — по Ч. Кули, метод исследования сознания индивидов, суть которого состоит в том, что социолог представляет себя в виде социального субъекта в различных ситуациях, предполагая соответствующее им своё поведение. Социолог полагал, что тем самым можно понять значения и мотивы социального поведения вообще.

Славянофильство — Slavophilia — течение в общественной и философской мысли России середины XIX в., обосновывающее самобытность пути исторического развития России в противоположность западноевропейскому развитию.

Сознательное — the conscious — по З. Фрейду — «психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни»; большинство сознательных процессов сознательны лишь короткое время. Очень скоро они становятся латентными, но легко могут вновь стать сознательными.

Социальная геометрия — social geometry — подход, используемый Г. Зиммелем в формальной социологии, для

которого характерно исследование социальных отношений и реалий через призму социального пространства, дистанции, числа и времени.

Социальная динамика — social dynamics — по О. Конту — теория общественного прогресса, представленная как один из разделов социологии, изучающий развитие общества в контексте увеличения социальной дифференциации, изменения факторов интеграции, таких как мораль, дух, взаимозависимость, централизация власти, координация функций.

Социальная дистанция — social distance — по Г. Зиммелю — относительность ценности предметов или явлений в зависимости от их положения в социальном пространстве.

Социальная дифференциация — social differentiation — разделение социального целого в процессе общественного развития; различия между классами и социальными группами, а также индивидами.

Социальная жизнь — social life — упорядоченная система взаимодействий людей, функционирование социальных институтов и организаций.

Социальная инженерия — social engineering — использование данных прикладной социологии для решения конкретных социальных и особенно управленческих проблем.

Социальная инфекция — social infection — по Г. Блумеру — быстрое и широкое распространение каких-либо форм поведения, резко диссонирующих с устоявшимися нормами.

Социальная мобильность — social mobility — перемещение индивида или социальной группы в социальном пространстве.

Социальная патология — 1) асоциальное поведение, считающееся вредным для общества (хулиганство, алкоголизм, наркомания и т.д.); 2) заболевание социальной системы, проявляющееся в нарушениях её функций и даже дисфункциональности.

Социальная подсистема — social subsystem — по Т. Парсонсу — подсистема, обеспечивающая через статусы и роли взаимодействие индивидов и тем самым осуществляющая функцию интеграции.

Социальная революция — social revolution — по К. Марксу — продукт классовой борьбы, ведущий к установлению нового способа производства в жизни общества, соответственно, качественно меняющий социальную структуру, экономические и политические институты, их функции;

Социальная солидарность — social solidarity — социальная сплоченность представителей социальной группы на основе определенного уровня разделения труда, а также общих ценностей.

Социальная статика — social statics — по О. Конту — изучение взаимоотношений социальных институтов общества через призму их функций и фактора социальной интеграции;

Социальная стратификация — social stratification — 1) Э. Дюркгейму — распределение людей в социальной структуре сообразно общественному разделению труда; 2) по К. Марксу — различия людей сообразно их принадлежности к конкретному классу, как результат определенных экономических отношений, что является главным фактором классовой борьбы; 3) по М. Веберу — структура, ранжирующая людей по социальным статусам и власти; 4) по П. Сорокину — дифференциация некой совокупности людей на классы в иерархическом ранге в виде трех основных форм — экономической, политической и профессиональной, сущность которой в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния.

Социальная утопия — social utopia — по К. Маннгейму — интерпретация настоящего через призму будущего: «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии в соответствии с окружающим его “бытием”». Утопии, как правило, порождены сознанием угнетенных классов и маргинальных групп.

Социальное взаимодействие — social interaction — система взаимообусловленных социальных действий, при которой действия индивида являются одновременно причиной и следствием ответных действий других социальных субъектов; существует между индивидами или социальными группами.

Социальное движение — social movement — по Г. Блумеру — движение, возникшее под воздействием нового набора значимых ценностей, влияющих на судьбы людей, которые не удовлетворены их реальным положением в жизни.

Социальное пространство — social space — по Г. Зиммелю — область, в которой осуществляется взаимодействие конкретных социальных субъектов, характеризующаяся диалектикой их отдаленности и близости.

Социальное противоречие — social contradiction — по К. Марксу — взаимодействие между противоположными

сторонами явлений, находящихся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, между социальными группами (классами) с противоположными интересами, что служит источником диалектического развития мира и общества.

Социальный класс — social class — по К. Марксу — существующая независимо от индивидов совокупность людей, имеющих возможности и ограничения, исходя из их общего положения в системе собственности, что также предполагает соответствующее место во властных отношениях.

Социальный контроль — social control — по Б. Скиннеру — направленный контроль на разработку технологий поведения, на формирование общественно одобряемого поведения с помощью определенных подкреплений главным образом позитивного толка.

Социальный номинализм — social nominalism — социологическая концепция (Г. Спенсер и др.), заключающаяся в признании человека и его социальных действий исходной и единственной основой социального: каковы люди — таково и общество.

Социальный психоанализ — social psychoanalysis — парадигма, созданная З. Фрейдом, согласно которой поведение людей детерминируют не только внешние социокультурные факторы, но и внутренние силы, которые могут олицетворять собой как сознательное, так и бессознательное.

Социальный реализм — social realism — по Э. Дюркгейму — методологический подход, согласно которому истинными выразителями социальной реальности являются институты общества, а не индивиды.

Социальный факт — social fact — по Э. Дюркгейму — особая реальность, существующая объективно, независимо от индивида, которая оказывает на него принудительное воздействие.

Социетальное сообщество — societal community — по Т. Парсонсу — коллективы с определенными нормами (государственные органы, правовые институты, другие общественные инстанции), регулирующие поведение индивидов, обеспечивающие их лояльность по отношению к обществу в целом.

Социологизм — sociology — методологическая позиция Э. Дюркгейма, объяснявшая «социальное социальным»: одни социальные факты порождают другие социальные факты, которые существуют независимо от сознания людей.

Социологический империализм — sociological imperialism — видение социологии О. Контом, как науки, подчиняющей себе все знание о человеке.

Социологическое воображение — sociological imagination — по Ч. Р. Миллсу — плодотворная форма самосознания интеллектуала, с помощью которого оживает способность удивляться, люди становятся разумными — начинают понимать, что теперь они сами способны к правильным обобщениям, непротиворечивым оценкам.

Социология знания — sociology of knowledge — 1) отраслевая социология, основателем которой считается М. Шелер, опубликовавший в 1924 г. книгу «Социология знания». В ней под «знанием» понималось знание конкретного времени и обстоятельств; 2) по К. Мангейму — систематическое изучение знаний, идей, интеллектуальных явлений в контексте широкого разнообразия социальных позиций в обществе, влияющих на характер мышления и поведения людей.

Социология социологии — sociology of sociology — 1) по А. Гоулднеру — «рефлексивная социология», изучающая социологию как особое социальное явление, её роль в различных обществах; 2) по Н. Луману — «социология социологии могла бы внести здесь понимание того, что при родовых отношениях следует обязательно разбираться в генеологиях»; представление о социологическом знании как о «самом себя толкующем».

Структурный функционализм — structural functionalism — социологическая парадигма, изучающая элементы социального взаимодействия в контексте ролей, значимости в функционировании системы в целом.

Сублимация — sublimation — по З. Фрейду — процесс переключения сексуальной энергии на другие виды деятельности (художественную, интеллектуальную).

Субстанциональная иррациональность — substantial irrationality — по К. Маннгейму — иррациональность, основывающаяся на влечениях, импульсах, желаниях, чувствах, как на уровне бессознательного, так и на уровне сознательно прослеживаемого функционирования.

Субстанциональная рациональность — substantial rationality — 1) по М. Веберу — рациональность, основанная на ценностных критериях; 2) по К. Маннгейму — рациональность, предполагающая мыслительный акт, который стремится постигнуть ситуативные события и в большей или меньшей степени достигает этой цели.

Субъективная культура — subjective culture — по Г. Зиммелю — способность индивидов производить материальные и духовные ценности инновационного толка, чему может препятствовать увеличивающееся доминирование объективной культуры.

Суперорганический мир — super-organic world — по П. А. Сорокину — мир, созданный человеком, включающий в себя: бесконечное множество идеологических смыслов, выраженных в языке, науке, религии, философии, искусстве; образцы материальной культуры; типы социокультурных личностей и социокультурных групп; образцы поведения, имеющих тот или иной набор смыслов — церемонии, ритуалы, поступки.

Табу — taboo — запрет на определенные деяния, налагаемый обществом (религиозные, сексуальные запреты).

Традиционное действие — traditional action — по М. Веберу — действие, протекающее по привычке, принятому образцу, формируемое на основе подражания тем или иным образцам поведения, закрепленным в культурной традиции.

Танатос — Thanatos — по З. Фрейду — противоположность инстинкту жизни — Эросу.

Теорема Томаса — Thomas theorem — термин введен Р. Мертоном в честь американского социолога У. Томаса, обосновавшего следующий постулат: «Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях».

Теоретическая рациональность — theoretical rationality — по М. Веберу — когнитивный процесс познания реальности, предполагающий использование методов дедукции, индукции, выявления причинности и т.д.

Теория «зеркального Я» — theory of looking-glass self — теория, созданная американским социологом Чарльзом Кули, суть её заключается в том, что самосознание и ценностные ориентации индивида как бы зеркально отражают реакции на них окружающих людей, главным образом из той же социальной группы.

Теория социального обмена — social exchange theory — теория, рассматривающая обмен различными типами деятельности как главный фактор развития общественных отношений, а социальный порядок как ненамеренный результат действий обмена между членами общества.

Товарный фетишизм — commodity fetishism — по К. Марксу — овеществление отношений между людьми

в капиталистическом обществе: индивиды оценивают друг друга как свойства товара, как естественные вещи.

Толерантность — *tolerance* — 1) по П. А. Кропоткину — взаимная помощь представителей разных классов и социальных групп; 2) по К. Маннгейму — «Идея толерантности не что иное, как мировоззренческая формулировка тенденции исключить из публичной дискуссии всякое субъективное или связанное с определенными группами содержание веры, т.е. субстанциональную иррациональность и утвердить оптимальное в функциональном отношении поведение».

Толчея — *crowding* — по Г. Блумеру — форма примитивного коллективного поведения, представляющая собой реакцию на малозначимый символ.

Теория среднего уровня — *middle-range theory* — теория, основанная на методологическом инструментарии, разработанном Р. Мертоном, призвана осуществить гибкую связь между эмпирическим и теоретическим уровнями исследования отдельных областей общественной жизни.

Тотальная идеология — *total ideology* — по К. Маннгейму — идеология конкретной исторической или социальной группы в контексте своеобразия и характера всей структуры сознания этой эпохи или этих групп, что не предполагает подозрение во лжи.

Традиционное господство — *traditional domination* — по М. Веберу — господство, основанное на традициях, привычном убеждении в законности власти, передаваемой по наследству.

Феноменологическая социология — *phenomenological sociology* — социология, занимающаяся проблемами осмысления социальной реальности, изучает то, как индивиды в процессе взаимодействия конструируют социальную реальность.

Фидуциарная подсистема — *fiduciary subsystem* — по Т. Парсонсу — институты, занимающиеся генерализацией ценностей (семья, учебные заведения). Их главная функция — воспроизводство и поддержание существующих в обществе культурных образцов.

Флуктуационный цикл — *fluctuation cycle* — по П. А. Сорокину — цикл, предполагающий прохождение ряда последовательных этапов: дезинтеграция социокультурного порядка — кризис — или гибель общества, или мобилизация сил — новый социокультурный порядок.

Флуктуация — *fluctuation* — по П. А. Сорокину — отклонение какой-либо социокультурной реальности от своих обычных, средних параметров.

Формальная рациональность — *rationality, formal* — по М. Веберу — рациональность как самоцель, предполагающая, что индивид, осуществляя тот или иной выбор целей и средств их достижения, руководствуется универсально применяемыми правилами, законами, что особенно проявляется в функционировании бюрократии и экономики современного капиталистического общества.

Функциональная иррациональность — *functional irrationality* — по К. Маннгейму — все действия, нарушающие функциональный порядок.

Функциональная рациональность — *functional rationality* — по К. Маннгейму — рациональность, предполагающая серию действий, организованных таким образом, что они ведут к достижению заранее определенной цели, при этом каждый элемент в этой серии действий является функционально рациональным, хотя цель сама по себе может быть как рациональной, так и иррациональной.

Харизматическое господство — *charismatic domination* — по М. Веберу — господство, предполагающее подчинение авторитету харизматического лидера.

Целедостижение — *goal attainment* — по Т. Парсонсу — одно из четырех основных функциональных требований жизненности и эффективности любой системы: означает, что система должна вырабатывать цели и достигать их.

Целерациональное действие — *purposeful-rational action* — по М. Веберу — действие, характеризующееся осознанием индивидом своей цели, соотносенной с рационально осмысленными средствами, обеспечивающими ее достижение, а также ориентацией на ожидание определенной реакции со стороны других людей.

Ценностная ориентация — *value orientation* — по Т. Парсонсу — культурные стандарты, включающие в себя три модуса ориентации: а) когнитивная (познавательная) ориентация, опирающаяся на нормы, усвоенные индивидом в процессе социализации; б) эмоциональная ориентация, предполагающая эмоциональную оценку значимости того или иного объекта; в) моральная ориентация, осуществляющая синтез ранее вынесенных суждений о способе действия.

Ценностно-рациональное действие — *value-oriented-rational action* — по М. Веберу — действие, основанное на вере в его самодостаточную ценность, независимо от его успеха.

Частичная идеология — *particular ideology* — по К. Маннгейму — данное понятие означает то, что «мы не верим определенным “идеям” и “представлениям” противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов».

Чужак — *stranger* — по А. Шютцу — взрослый индивид, «пытающийся добиться постоянного признания или, по крайней мере, терпимого к себе отношения со стороны группы, с которой он сближается».

Школа научная — *scientific school* — по Э. А. Тирикьяну — значительная группа ученых, объединенных общей идентификацией с конкретной теоретической ориентацией, большинство из которых имеют мало или даже не имеют личных контактов;

Экономический детерминизм — *economic determinism* — методологический подход, согласно которому экономический фактор является решающим (по существу, единственным) в объяснении изменений социальных реалий.

Экспрессивная толпа — *expressive crowd* — по Г. Блумеру — толпа, обращающая эмоциональный порыв на самое себя (карнавалы, ритуальные танцы).

Экспрессивное движение — *expressive movement* — по Г. Блумеру — движение религиозное или мода. Их отличительная черта данных движений состоит в том, что они не нацелены на изменение социального строя.

Экспрессивное действие — *action, expressive* — по Т. Парсонсу — социальное действие, предполагающее единство катектической эмоциональной ориентации и оценочных стандартов.

Эмерджентность — *emergence* — 1) по Г. Зиммелю — при переходе от низкого к более высокому уровню развития возможно возникновение принципиально новых социальных и культурных явлений или новых свойств; 2) по Дж. Миду — неожиданное возникновение новой социальной реальности, как результат взаимодействия тела, сознания и самости; 3) по П. Блау — социальная структура тождественна эмерджентным свойствам комплекса составляющих её элементов, т.е. свойствам, не характеризующим отдельные элементы этого комплекса.

Именной указатель

Adam, B.
Antonio, R. J.
Archer, M. C.

Bales, R.
Bauman, Z.
Beck, U.
Blumer, H.
Bourdieu, P.
Burgess, E.

Chamberlain, H. S.
Coleman, J.
Comte, A.
Cooley, Ch. H.

Davidson, A.
Dewey, J.
Durkheim, E.

Evans, R.

Fararo, T. J.
Ferguson, H.
Fournier, M.
Fuhrman, E.
Fuller, S.

Gane, M.
Gilman, Ch. P.
Ginsburg, N.
Ginsburg, R.
Gramsci, A.

Haushofer, K.
Herbert, G.
Herbert, G.
Hoecker-Drysdale, S.
Holton, R. J.

Homans, G. C.

Joas, H.

John, B.

Jones, R. A.

Kalberg, S.

Kettler, D.

Kravchenko, S. A.

Kuhn, M.

Kuhn, T. S.

Lapouge, G.

Lash, S.

Lemert, C.

Levine, D.

Lidz, V.

Lombroso, C.

Loon, J.

Lukacs, G.

McLennan, G.

Meje, V.

Merton, R. K.

Miller, M. K.

Molm, L. D.

Morrione, T. J.

Nicholas, G.

Niebrugge-Brantley, J.

O'Neill, J.

Park, R. E.

Parsons, T.

Pickering, M.

Pokrovsky, N. E.

Ritzer, G.

Rogers, M.

Ryan, J. M.

Scaff, L. A.

Schutz, A.

Schweartz, J. E.

Scinner, B. F.

Segermann, P. M.

Shalin, D. N.

Shils, E.

Simmel, G.

Small, A. W.

Smart, B.

Smelser, M. J.

Snizek, W.

Swedberg, R.

Tiryakian, E. A.

Turner, J. H.

Wacquant, L.

Weber, M.

Whorf, B. L.

Yanitsky, O. N.

Адорно Т. В.

Алексеева Т. А.

Аристотель

Арутюнов А. А.

Арчер М.

Ашин Г. К.

Баньковская С. П.

Батыгин Г. С.

Бауман Э.

Бек У.

Беккер Г. С.

Бергер П. Л.

Берджесс Э.

Бердяев Н. А.

Блау П. М.

Блумер Г.

Боас Ф.

Бодрийяр Ж.

Бокль Г.

Бонапарт Л.

Бороноев А. О.

Брутян Г. А.
Брутян Г. А.
Булгаков С. Н.
Бурдые П.

Вебер М.
Вернадский Г. В.
Виндельбанд В.
Витгенштейн Л.
Вормс Р.
Воронцов А. В.

Гайденок П. П.
Гарфинкель Г.
Гваттари Ф.
Гегель Г.
Герцен А. И.
Гидденс Э.
Гилман Ш.
Гитлер А.
Глотов М. Б.
Гоббс Т.
Гобино Ж.
Голенкова З. Т.
Голосенко А. И.
Голосенко И. А.
Гомер
Горбачев М.
Горнер М.
Горшков М. К.
Гоулднер А.
Гофман А. Б.
Гоффман И. / Гофман
Грамши А.
Григорьев Л. Г.
Гроддек Г.
Громов И.
Гумилев Л. Н.
Гуссерль Э.

Давыдов Ю. Н.
Данилевский Н. Я.
Дарвин Ч.

Де Роберти Е. В.
Девятко И. Ф.
Делез Ж.
Джонстон Б. В.
Добреньков В. И.
Додельцев Р. Ф.
Докторов Б. З.
Дубицкий В. В.
Дьюи Дж.
Дюргейм Э.

Ерасов Б. С.

Зарубина Н. Н.
Звоницкая А. С.
Звоницкая А. С.
Здравомыслов А. Г.
Зиммель Г.

Иеринг Р. Фон
Ильин И. А.
Ионин Л. Г.
Итвел Р.

Кант И.
Кареев Н. И.
Карнап Р.
Карсавин Л. П.
Киреевский И. В.
Кистьяковский Б. А.
Клакхон К. К.
Климова С. Г.
Ключевский В. О.
Ковалев А. Д.
Ковалевский М.
Козлова Н. Н.
Козловский В. В.
Кола Д.
Конт О.
Коулман Дж.
Кравченко С. А.
Кропоткин П. А.
Кукушкина Е. И.

Кули Ч.
Култыгин В. П.
Кун М.
Кун Т.
Кюэн Ш. А.

Лавров П. Л.
Лазерсфельд П. Ф.
Лاپин Н. И.
Лаппо-Данилевский А. С.
Лапуж Ж.
Лебон Г. / Ле Бон,
Ленин В. И.
Лилиенфельд П. Ф.
Лилиенфельд-Тоаль П. Ф.
Лозанский Э. Д.
Локк Дж.
Ломброзо Ч.
Лосский Н. О.
Лукач Д.
Лукман Т.
Луман Н.

Мак-Дугалл У.
Маннгейм К. / Мангейм / Маннхейм
Маркс К.
Мартинеу Х.
Маршалл А.
Масарик Т.
Матвеева С. Я.
Медушевский А. Н.
Мертон Р. К.
Мечников Л. И.
Мечников Л. Н.
Мид Дж.
Миллс Ч. Р.
Михайловский Н. К.
Монсон
Монтескьё Ш.

Нарбут Н. П.
Ницше Ф.
Новгородцев П. И.

Новикова С. С.
Ньютон

Обраменко О. А.
Оруэлл Дж.
Осипов Г. В.
Осипова Е. В.
Оуэн Р.

Панарин А. С.
Парето В.
Парк Р.
Парсонс Т.
Петражицкий Л. И.
Питтс Дж. Р.
Платон
Плеханов Г. В.
Подвойский Д. Г.
Поппер К.
Пригожин И.

Радклифф-Браун А. Р.
Ратцель Ф.
Риккерт Г.
Ритцер Дж.
Рич А.,
Романовский Н. В.
Руссо Ж. Ж.

Савицкий П. С.
Сафронов Б. Г.
Сен-Симон, А.
Сепир Э.
Скиннер Б. Ф.
Смирнова Н. М.
Смит А.
Смолл А.
Сократ
Соловьев В. С.
Соловьев С. М.
Сорокин П. А.
Сосунова И. А.
Спенсер Г.

Стенгерс И.
Степин В. С.
Стронин А. И.
Стыкалин А.

Тайлор Э. Б.
Тахтарев К. М.
Тирикьян Э. А.
Торндайк Э.
Тощенко Ж. Т.
Трубецкой Н. С.
Турней Дж.

Уорф Б. Л.
Уотсон Дж. Б.

Фараро Т.
Филиппов А. Ф.
Фотев Г.
Франк С. Л.
Фрейд З.,
Фрейзер Дж.
Фромм Э.
Фуко М.
Фукуяма Ф.
Фуллер С.
Фурфей П.
Фурье Ш.

Хабермас Ю.
Хаусхофер К.
Хвостов В. М.
Хилберт Р.
Холохост
Хоманс Дж. К.
Хомяков А. С.
Хоркхаймер М.
Христос
Хрущев Н.

Чаадаев П. Я.
Чашин А. Н.
Чемберлен Х.

Чечерин Б. Н.

Шарков Ф. И.
Шеффле А. Э.
Шилз Э.
Шлик М.
Шляпентох В. Э.
Шмитт К.
Шпакова Р. П.
Штомпка П.
Шютц А. / Шуц / Шюц / Щуц
Щапов А. П.

Эдди М. Б.
Элоян М. В.

Ядов В. А.
Ятсен С.

Покупайте наши книги:

В офисе издательства «ЮРАЙТ»:

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В логистическом центре «ЮРАЙТ»:

140053, Московская область, г. Котельники, мкр. Ковровый, д. 37,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В интернет-магазине «ЮРАЙТ»: www.urait-book.ru,
e-mail: order@urait-book.ru, тел.: (495) 742-72-12

Для закупок у Единого поставщика в соответствии
с Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ обращаться
по тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, vuz@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

Учебное издание

Кравченко Сергей Александрович

СОЦИОЛОГИЯ. КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ

Учебник для бакалавров

Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 000.

ООО «Издательство Юрайт»

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru